

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

ПАССАЖИР

ГРАНЖЕ ДЕРЖИТ ЧИТАТЕЛЕЙ В НАПРЯЖЕНИИ НА ВСЕМ ПРОТЯЖЕНИИ
ДИСТАНЦИИ, КОТОРУЮ ЕГО НЕВЕРОЯТНО ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ГЕРОИ
ПРЕОДОЛЕВАЮТ НАПЕРЕГОНКИ СО СМЕРТЬЮ.

L'Express

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Встреча с пациентом, страдающим амнезией, приводит психиатра Матиаса Фрера к ужасному открытию: у него тот же синдром «пассажира без багажа». Раз за разом он теряет память и из осколков прошлого создает себе новую личность. Чтобы обрести свое подлинное «я», ему придется пройти через все свои прежние ипостаси. Фрера преследуют загадочные убийцы в черном, за ним гонится полиция, убежденная, что именно он — серийный маньяк, совершивший жуткие убийства, имитирующие древнегреческие мифы. Да он и сам не уверен в своей невиновности... Как ему выбраться из этого лабиринта? Быть может, лейтенант полиции Анаис Шатле, для которой он главный подозреваемый, дарует ему путеводную нить?

Впервые на русском, от автора знаменитого мирового бестселлера «Багровые реки»!

- [Жан-Кристоф Гранже](#)

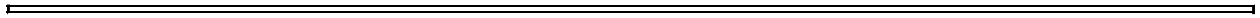
- [I](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [IV](#)
- [V](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

Жан-Кристоф Гранже

Пассажир

Мишель Рока-Фелиппо посвящается

I

Матиас Фрер

Звонок проник в сознание раскаленной иглой.

Ему снилась залитая солнцем стена. Он шел вдоль белой загородки, следуя за своей тенью. У стены не было ни начала, ни конца. Стена была целой вселенной. Гладкой, слепяще-яркой, равнодушной...

Снова звонок.

Он открыл глаза. Взглянул на светящиеся цифры стоящего рядом электронного будильника. 4.02. На ощупь поискал телефон. Рука шарила в пустоте. Тут он вспомнил, что заснул в комнате отдыха. Мобильник нашелся в кармане халата. Он посмотрел на экран. Номер незнакомый. Молча нажал нужную кнопку.

Темноту прорезал голос:

— Доктор Фрер?

Он не ответил.

— Вы доктор Матиас Фрер, дежурный психиатр?

Голос доносился откуда-то издалека. Как будто из того же сна. Стена, ослепительный свет, тень...

— Да, я слушаю, — отозвался он наконец.

— Говорит доктор Филон. Я дежурю в квартале Сен-Жан-Бельсье.

— Почему вы звоните мне на этот номер?

— Мне его дали. Я вас от чего-то оторвал?

Глаза понемногу привыкали к темноте. Негатоскоп. Металлический стол. Шкаф с лекарствами, запертый на два замка. Комната отдыха располагалась в обычном смотровом кабинете, и он сам выключил в нем свет. И спал на кушетке для пациентов.

— Что случилось? — проворчал он, поднимаясь на ноги.

— На вокзале Сен-Жан произошло что-то странное. Около полуночи дежурная охрана задержала мужчину. Бродяга. Прятался в смазочной, возле железнодорожных путей.

Врач явно нервничал. Фрер еще раз посмотрел на будильник: 4.05.

— Бродягу отвели в медпункт и оттуда позвонили в комиссариат на бульваре Капуцинов. За ним приехали из полиции. Они-то меня и вызвали. Я осмотрел его прямо там.

— Он что, ранен?

- Нет. Но он совершенно ничего не помнит. Вот это-то и странно.
- А он не притворяется? — сдержав зевок, спросил Фрер.
- Это уж вам судить, вы же специалист. Но лично мне кажется, что нет. У него такой вид... Отсутствующий. Как будто он не здесь, а где-то еще. Вернее сказать, нигде.
- Мне будут звонить из полиции?
- Нет. Патрульные с улицы Бак уже везут его к вам.
- Спасибо, — иронически поблагодарил он.
- Кроме шуток. Вы сможете ему помочь. Я в этом уверен.
- Вы написали медицинское заключение?
- Они взяли его с собой. Удачи вам.

И он повесил трубку, торопясь покончить с этим делом. Матиас Фрер стоял не двигаясь и не зажигая света. В ушах настойчиво пикал сигнал отбоя. Да уж, ночь выдалась еще та. Развлечения начались в девять вечера. В корпусе стационара новенький сделал кучу прямо в палате, после чего наелся собственного дерьма и сломал запястье медбрата. Ровно через полчаса в западном корпусе пациентка с шизофренией выломала из пола кусок линолеума и попыталась вскрыть себе вены. Фрер оказал ей первую помощь и перевел в Пелегрэн.

В полночь он прилег вздремнуть. Но не проспал и часа, потому что еще один пациент вырвался на улицу в чем мать родила и принялся носиться по территории, оглашая окрестности оглушительными звуками пластмассовой дудки. Пришлось всадить ему тройную дозу седативного, а потом успокаивать тех, кого он перебудил своим сольным концертом. В это же время у парнишки из токсикологического отделения случился приступ эпилепсии. Пока Фрер до него добирался, бедолага успел прокусить себе язык. Из рта у него хлестала кровь. Он так бился, что они держали его вчетвером. Но все-таки ухитрился стянуть у Фрера из кармана мобильник. Психиатр дождался, пока стихнут судороги, и лишь после этого разжал пальцы эпилептика и забрал у него аппарат, весь заляпанный кровью.

В половине четвертого он опять прилег. Передышка длилась ровно полчаса, и прервал ее этот дурацкий звонок. *Дерьмо.*

Он по-прежнему сидел в темноте не двигаясь. В телефоне все так же пикали гудки отбоя, буравя бесформенный мрак комнаты призрачными звуками.

Он сунул мобильник в карман и встал. Перед глазами возникла белая стена из его сна. Женский голос прошептал: «Feliz...» По-испански «Фелис» означает «счастливый». Но при чем тут испанский? И откуда взялась эта женщина? В глубине левого глаза вспыхнула привычная

колющая боль, неизбежно встречавшая его при пробуждении. Он потер пальцами веки и напился воды из-под крана.

На ощупь добрался до двери и открыл ее мастер-ключом.

Ложась спать, он заперся в комнате — здесь находился шкаф с лекарствами, святой Грааль всего отделения.

Через пять минут он уже шагал по скользкой дороге, соединявшей корпуса больницы. С вечера на Бордо лег туман — густой, белесый, невероятно плотный. Фрер поднял воротник плаща, который накинул поверх халата. К запаху сырости примешивались морские испарения, и он непроизвольно сморщил нос.

Он шел по центральной аллее. Уже в трех метрах впереди не было видно ничего, но он успел выучить окрестный пейзаж наизусть. Низкие корпуса в серой штукатурке, горбатые крыши, квадратные лужайки... Конечно, он мог отправить за новеньким медбрата, но он предпочитал лично встречать каждого из своих «клиентов».

Он пересек внутренний дворик, по сторонам которого росло несколько пальм. Обычно один вид этих деревьев, завезенных с Антильских островов, внушал ему толику оптимизма. Но только не нынче ночью. Холод и сырость оказались сильнее. Он дошел до ворот, помахал рукой охраннику и ступил за ограду. А вот и полиция. Фонарь на крыше автомобиля вращался медленно и беззвучно, словно маяк на краю вселенной.

Фрер прикрыл глаза. Боль под веком не утихала. Он не обращал на нее внимания, убежденный в ее психосоматическом характере. Дни напролет он занимался тем, что лечил душевные расстройства, и хорошо знал, что они всегда проявляются в телесных недомоганиях. Почему же его собственный организм должен вести себя иначе?

Он открыл глаза. Из машины выбирались полицейский и еще один мужчина в штатском. Фрер понял, почему у звонившего ему врача был такой испуганный голос. Потерявший память человек оказался настоящим великаном. Рост наверняка около двух метров, вес — килограммов сто тридцать. На нем была шляпа — настоящий техасский стетсон, на ногах — узконосые кожаные сапоги со скошенным каблуком. Темно-серый плащ был ему явно мал. В руках он держал пластиковый пакет с логотипом «G20» и крафтовый конверт, судя по всему набитый документами.

Полицейский сделал было шаг навстречу Фреру, но тот знаком велел ему оставаться на месте, а сам приблизился к ковбою. С каждым шагом боль делалась все острее и нестерпимее. В уголке глаза задергалась мелкая мышца.

— Добрый вечер, — обратился он к мужчине, замерев в нескольких

метрах от него.

Тот не ответил на приветствие. Он вообще не пошевелился. Его силуэт, освещаемый фонарем, едва выступал из мутной мороси. Фрер повернулся к полицейскому, который держался в отдалении, положив руку на бедро, готовый вмешаться в любую минуту.

— Спасибо. Вы можете ехать.

— А разве вам не нужен рапорт?

— Пришлете утром протокол.

Полицейский поклонился, отошел и нырнул в машину, которая через секунду бесследно растаяла в тумане.

Двое мужчин остались стоять лицом друг к другу, разделенные лишь полосой белесого пара.

— Я доктор Матиас Фрер, — наконец произнес психиатр. — Возглавляю в этой больнице отделение скорой помощи.

— Вы будете меня лечить?

Низкий голос звучал приглушенно. Фрер не мог разглядеть черты лица мужчины, скрадываемые тенью от стетсоновской шляпы. Но он точно напоминал мультяшного великана. Нос картошкой, людоедская пасть, тяжелый подбородок.

— Как вы себя чувствуете?

— Надо, чтобы меня вылечили.

— Пойдемте со мной?

Он не пошевелился.

— Пойдемте же. — Фрер протянул ему руку. — Мы вам поможем.

Чисто рефлекторно мужчина отступил на шаг и попал под луч фонаря. Фрер увидел, что его предположения подтвердились. Лицо немного детское и какое-то непропорциональное. На вид лет пятьдесят. Из-под шляпы выглядывают пряди начавших сесть волос.

— Пойдемте, пойдемте. Все будет хорошо.

Фрер говорил самым убедительным тоном, на какой был способен. У душевнобольных обостренная восприимчивость. Они сразу чувствуют, если их хотят обмануть. С ними нельзя крутить. *Карты на стол* — вот главный принцип работы психиатра.

Потерявший память мужчина решился сделать первый шаг. Фрер развернулся — руки в карманах плаща — и непринужденной походкой двинулся в сторону больницы. Он старался не оглядываться — давал больному понять, что доверяет ему.

Они дошли до подъезда. Матиас дышал через рот, глотая холодный, напитанный влагой воздух, словно сосал ледышки. Как же он устал.

Недосып, туман, но главное — это вечное чувство беспомощности перед безумием, ежедневно множившим свои лица...

Что припас для него этот новый пациент? Сумеет ли он сделать для него хоть что-нибудь? Фрер понимал, что шансов узнать о прошлом этого человека очень мало. А шансов исцелить его — и того меньше.

Это и есть психиатрия.

Попытка вычерпать воду из тонущей лодки с помощью наперстка.

* * *

Было 9 часов утра, когда он сел в свою машину — подержанную «вольво»-универсал, купленную им по приезде в Бордо полтора месяца тому назад. Он мог бы дойти до дома пешком — он жил меньше чем в километре от больницы, — но взял за правило хоть немного посидеть за рулем, пусть и старой колымаги.

Специализированный медицинский центр имени Пьера Жане располагался в юго-западной части города, неподалеку от клиники имени Пелегрена. Фрер жил в квартале Флеминг, между Пелегреном и университетским городком, точно на границе Бордо, Пессака и Таланса. Район, в котором он обитал, представлял собой безликое скопление розовых домов под черепичными крышами, неотличимых один от другого, с подстриженными живыми изгородями и крошечными палисадниками — символом «частной собственности». Счастье по мерке маленького человека, повторяющееся улица за улицей, словно вышедшие из моды игрушки на ленте фабричного конвейера.

Фрер ехал с черепашьей скоростью, пробираясь сквозь туман, никак не желавший подниматься. Видимость была почти нулевая, но он не расстраивался — этот город его нисколько не интересовал. Ему говорили: «Вот увидите, это маленький Париж». Или: «Жить в этом городе очень престижно». Или: «Это Олимп виноделия». Ему много чего наговорили. Но он так ничего и не увидел. Он смутно ощущал, что Бордо — город буржуазный, высокомерный и... смертоносный. Холодный и плоский. Город, на каждом углу которого веяло удушливой атмосферой провинциального особняка.

Ему так и не довелось столкнуться с иным ликом Бордо, воплощением которого служила его знаменитая буржуазия. Его коллеги-психиатры по большей части были убежденные леваки и сокрушители традиций. Горластые скандалисты, они сами не понимали, что являются

неотъемлемой частью того класса, который нещадно критикуют. Он ограничил общение с ними болтовней за обедом. Темы разговоров не менялись — забавные истории про психов, глотающих вилки, гневные тирады против французской системы психиатрической помощи, планы на отпуск и пенсионные отчисления.

Но даже захоти он проникнуть в бордоское общество, это ему не удалось бы. Он страдал непростительным недостатком — не пил вина. В Аквитании это равнозначно тому, как если бы он был слепым, глухим или паралитиком. Никто ни в чем его не упрекал, но всеобщее молчание было красноречивее любых слов. Нет вина — нет друзей. В Бордо это закон. Вот так просто. Ему никто не звонил, не присылал эсэмэсок и писем по электронной почте. Разве что строго по делу, на внутреннем больничном сервере.

Он доехал до своего квартала.

Каждый дом здесь носил имя какого-нибудь драгоценного камня. Топаз. Бриллиант. Бирюза... Надо же было хоть как-то отличать дома один от другого. Фрер жил в «Опале». Первое время ему казалось, что он выбрал эту развалюху, потому что она располагалась близко к больнице. Но он заблуждался. Он поселился в этом квартале потому, что он был никаким. Не имел своего лица. Как хамелеон. А ему было необходимо раствориться в пейзаже. Он приехал сюда не просто так. Он хотел перечеркнуть жирной чертой свое парижское прошлое. Вместе с человеком, которым он когда-то был: известным врачом, пользовавшимся в среде коллег уважением и даже почтением.

Он припарковал машину в нескольких метрах от дома. Из-за тумана муниципальные власти оставили гореть фонари, хотя наступало утро.

Гаражом он никогда не пользовался. Едва выбравшись из машины, испытал неприятное ощущение, словно нырнул в бассейн с молочно-мутной водой. В воздухе висели миллиарды крошечных капель, как на полотне пуантилиста.

Он ускорил шаг, на ходу роясь в карманах плаща. Еще раз поднял повыше воротник — шею покалывало ледяное прикосновение тумана. Ни дать ни взять — частный детектив из старого голливудского фильма, подумал он о себе, — одинокий герой в поисках света.

Толкнув садовую калитку, он пересек протянувшуюся на несколько метров, блестящую влагой лужайку и повернул в замочной скважине ключ.

Внутри дома обстановка также не отличалась оригинальностью. Расположение комнат такое же, как в десятке, если не в сотне похожих

домов: прихожая, гостиная, кухня, спальни. Даже материалы одни и те же. Рассохшийся паркет. Оштукатуренные белые стены. Фанерованные двери. Жители района выражали свою индивидуальность с помощью мебели.

Он скинул плащ и, не зажигая света, прошел на кухню. Оригинальность Фрера заключалась в том, что у него вообще не было — ну, почти не было — мебели. Коробки с его пожитками стояли, так и не распакованные, вдоль стен, служа помещению своего рода декором. Он жил в типовой эталонной квартире, которую показывают будущим владельцам. Вот только сам эталон оставлял желать много лучшего...

Он заварил чай при свете уличного фонаря. Взвесил свои шансы уснуть хотя бы на пару часов. Пришел к выводу, что они стремятся к нулю. В час дня ему снова заступать на дежурство. Пожалуй, лучше посвятить оставшееся время работе над историями болезни. Следующая рабочая смена закончится в десять вечера. Вот тогда он и рухнет спать, даже ужинать не станет, включит по телевизору какую-нибудь музыкальную ерунду и заснет. На следующий день — это будет воскресенье — он в точности повторит ту же программу, вздремнет днем и как следует выспится ночью. Тогда к понедельнику он будет готов включиться в работу в более или менее нормальном состоянии.

Наблюдая за листочками чая, разбухавшими в кипятке, он внушал себе, что должен переходить к активным действиям. Отказаться от внеплановых дежурств. Заставить себя вести более здоровый образ жизни. Заняться спортом. Питаться по часам... Впрочем, он знал, что подобные размышления уже успели войти неотъемлемой составной частью в его бестолковое, однообразное, бесцельное существование.

Как был, стоя, он вынул из чайника ситечко и некоторое время созерцал темно-коричневую жидкость — точное отражение его мозга, погрязшего в черных мыслях. Да, сказал он себе, снова погружая ситечко с листьями в чай, он приехал сюда в надежде спрятаться в чужом безумии. Чтобы быстрее забыть о *своем собственном*.

Двумя годами раньше сорокатрехлетний Матиас Фрер, работавший в специализированном медицинском центре в Вильжюифе, допустил нарушение врачебной этики — самое страшное из всех возможных. Он спал с пациенткой. Анна Мария Штрауб. Диагноз: шизофрения и маниакально-депрессивный психоз. Хроническая форма. Что означало: она осуждена провести всю жизнь в психиатрической больнице и здесь же умереть. Вспоминая о своем проступке, Фрер сам с трудом в него верил. Он переступил через главное табу медика.

В то же время в этой истории не было ничего болезненно-

извращенного. Если бы он познакомился с Анной Марией за стенами больницы, то мгновенно влюбился бы в нее. Он испытал бы к ней абсолютно то же самое непреодолимое и безрассудное влечение, какое почувствовал, в первый раз увидев ее у себя в кабинете. Ни смирительные рубашки, ни лекарства, ни крики других больных не смогли остановить вспыхнувшую в нем страсть. Это была любовь с первого взгляда, вот и все.

В Вильжюифе Фрер жил на территории больницы, в здании, расположенном на ее окраине. Каждую ночь он шел в корпус, где находилась Анна Мария. Коридор с полами, покрытыми линолеумом. Двери с окошками. У него были ключи, открывавшие доступ во все помещения больницы. Он крался тенью собственной тени, движимый — вернее, слепо толкаемый вперед — желанием. Каждую ночь он пробирался через зал для занятий художественным творчеством и опускал глаза, чтобы не смотреть на висевшие на стенах картины Анны Марии. Она писала раны и язвы — черные, заскорузлые, отталкивающие — на красном фоне. Иногда она, по примеру Лючио Фонтаны, резала свои полотна шпателем. Разглядывая эти работы при свете дня, Матиас твердил себе, что Анна Мария — одна из самых опасных пациенток больницы. А по ночам бежал, отворачивая взгляд от ее картин, к ней в палату.

Эти ночи выжгли его дотла. Страстные объятия в запертой на ключ комнате. Таинственные, вдохновенные, колдовские ласки. Бредовые речи, жарким шепотом произносимые на ухо. «Не смотри на них, дорогой. Они совсем не злые». Она имела в виду духов, которые, по ее мнению, окружали их в темноте. Матиас ничего не отвечал, но и глаз от тьмы не прятал. «В пропасть, — повторял он про себя. — Я качусь прямо в пропасть».

Утомленный любовью, он заснул. На какой-нибудь час, может, даже меньше. Но когда он проснулся — часов около трех ночи, — тело Анны Марии висело над кроватью. Она повесилась. На его ремне.

На долю секунды он замер, не понимая, что произошло. Ему чудилось, что он еще спит. Он даже восхитился красотой ее силуэта с тяжелыми грудями и вновь почувствовал возбуждение. Затем в кровь ударила паника. Он вдруг понял, что все кончено. Для нее. Для него. Он оделся, оставив тело висеть на ремне, закрепленном за оконный шпингалет. Бегом промчался по коридорам, не встретив ни одного санитаря, и вернулся к себе, как преступник, торопящийся забиться в нору.

Задыхаясь от бега, путаясь мыслями, он всадил себе в сгиб локтя дозу седативного препарата и рухнул в постель, натянув на голову одеяло.

Когда спустя двенадцать часов он проснулся, новость успела облететь

всю больницу. Никто не удивился — Анна Мария уже не раз пыталась свести счеты с жизнью. Было начато расследование — с целью установить, кому принадлежит ремень. Но его происхождение так и осталось для всех загадкой. Матиаса Фрера никто не заподозрил. Его даже не допрашивали. Анна Мария Штрауб уже больше года не была его пациенткой. Близких родственников у самоубийцы не нашлось. Никто не обращался в полицию. И дело было закрыто.

С того дня Фрер продолжал выполнять свою работу словно на автопилоте, чередуя антидепрессанты и транквилизаторы. В кои-то веки сапожник оказался в сапогах. Он почти ничего не помнил об этом периоде своей жизни. Принимал больных — как в тумане. Ставил диагнозы — приблизительные. Ночами ворочался без сна. И вот наконец представилась возможность перебраться в Бордо. Он ухватился за нее обеими руками. Вырвал себя из привычной обстановки. Покидал в чемоданы одежду и прыгнул в скоростной поезд. Даже не обернувшись на прощание.

Устроившись на новом месте, он избрал совершенно иной профессиональный подход к пациентам. Не позволял работе увлечь себя. Больные перестали быть для него людьми и превратились в истории болезни, которые он аккуратно, графа за графой, заполнял. Шизофрения, депрессия, истерия, токсикомания, паранойя, аутизм... Он ставил галочки в нужных клеточках, назначал соответствующее лечение и держал дистанцию. Про него говорили, что он холодный, бездушный тип, не человек, а робот. Ну и пусть. Он дал себе слово, что больше не сблизится ни с одним пациентом. Что больше никогда не уйдет в работу с головой.

Доктор Фрер медленно возвращался к действительности. Он по-прежнему стоял у кухонного окна, глядя на пустынную, утопавшую в тумане улицу. Чай получился черным, по цвету больше похожим на кофе. Светало. За теми же изгородями стояли все те же дома. За их окнами протекала все та же жизнь, еще не вполне пробудившаяся. Субботнее утро для того и существует, чтобы отоспаться.

Только одна деталь не вписывалась в привычную картину.

Возле тротуара, метрах в пятидесяти от его дома, стоял черный внедорожник с зажженными фарами.

Фрер протер запотевшее стекло. В этот самый миг из машины вышли двое мужчин в черных пальто. Фрер прищурился. Видно было плохо, но фигуры мужчин напомнили ему киношных фэбээровцев. Или карикатурную парочку из «Людей в черном». Что им тут надо?

Может, это парни из частной охранной фирмы, нанятые жителями квартала? Но нет, вряд ли. Слишком шикарная машина. Слишком дорогие

пальто. Теперь они стояли, опершись о капот внедорожника, равнодушные к моросящему дождю. И смотрели в одном направлении. У Матиаса в глубине глаза снова вспыхнула боль.

Он понял, куда смотрят промокшие мужчины из машины. Они смотрели на его дом. Точнее сказать, на него самого, застывшего в проеме кухонного окна.

* * *

Фрер вернулся в больницу к часу дня, успев перед этим прикорнуть на диване. Одежлом ему послужили папки с историями болезни. В отделении скорой помощи не было ни души. Ни измученных депрессией больных, ни мертвецки пьяных нищих, ни слетевших с катушек психопатов, схваченных во время приступа буйного помешательства прямо на улице. Вот уж повезло так повезло. Он поздоровался с медсестрами, забрал у них свою почту и отпечатанные накануне истории и пошел к себе в кабинет, служивший ему одновременно и смотровой, и комнатой отдыха.

Первым делом он вскрыл конверт с протоколом задержания в районе вокзала Сен-Жан мужчины с амнезией. Подписал документ некий Николя Пелас — капитан полицейского участка на площади Капуцинов. Вчера ночью Фрер не стал расспрашивать ковбоя и даже не пытался выяснить, что с тем произошло. Он просто осмотрел его, назначил обезболивающий укол и отправил в постель. Завтра видно будет.

Первые же строки протокола заставили Фрера забыть обо всем остальном.

Незнакомца нашли железнодорожные рабочие. Около полуночи они обнаружили, что на дверях смазочной возле первого пути сбит замок. В хибарке прятался мужчина. Когда его спросили, зачем он сюда забрался, он не смог ответить ничего вразумительного, даже имени своего не назвал. Помимо стетсоновской шляпы и узконосых техасских сапог, на нем было серое шерстяное пальто, потрепанный вельветовый пиджак, хлопчатобумажный свитер с надписью «Чемпион» и дырявые джинсы. Документов, позволяющих установить его личность, при нем не оказалось. Мужчина явно пребывал в шоковом состоянии, говорил с трудом и, судя по всему, не всегда понимал, о чем его спрашивают.

Хуже того, в руках он держал два предмета, с которыми категорически не желал расставаться. Огромный разводной ключ длиной 450 миллиметров и телефонный справочник Аквитании за 1996 год — один из

тех «кирпичей», что насчитывают тысячи страниц и печатаются на папиросной бумаге. На ключе и на справочнике были следы крови. Объяснить, откуда у него эти предметы, техасец не смог, как не смог сказать ничего определенного и про кровь на них.

Сотрудники железнодорожной охраны привели его в вокзальный медпункт, полагая, что он ранен. Однако осмотр показал, что на нем нет ни царапины. Следовательно, кровь на ключе и на справочнике принадлежала кому-то другому. Старший охранник позвонил в полицию. Через четверть часа подъехал Пелас со своими подручными. Они забрали незнакомца и вызвали районного дежурного врача, который, в свою очередь, связался с Фрером.

Допрос в полицейском участке ничего не дал. Мужчину сфотографировали и сняли у него отпечатки пальцев. Криминалисты взяли образцы слюны и волос, чтобы проверить его ДНК по базе данных Автоматизированной национальной системы генетической информации. Кроме того, на ладонях и под ногтями у незнакомца обнаружались частицы пыли, немедленно отправленные на анализ, результатов которого еще ждали. Само собой разумеется, полиция изъяла разводной ключ и телефонный справочник как *вещественные доказательства*. Вот только доказательства чего?

Звякнул сигнал вызова. Фрер бросил взгляд на часы — 15.00. Ну вот, начинается. С больными, доставленными по «скорой», и пациентами стационара безделье ему не грозило. Он быстро просмотрел сообщение на экранчике ручного монитора: проблема в одиночной палате для буйных в западном корпусе. Подхватив докторский чемоданчик, он быстрым шагом направился к выходу, а по центральной аллее, по-прежнему утопавшей в тумане, уже почти бежал. Больница насчитывала дюжину корпусов. В части из них содержались больные из разных областей Аквитании, другие специализировались на определенных заболеваниях — токсикомания, сексуальные отклонения, аутизм и так далее.

Западный корпус был третьим с левой стороны. Фрер бросился вперед по центральному коридору. Белые стены, линолеум цвета беж, выведенные наружу трубы отопления — каждое здание изнутри выглядело одинаково. Ничего удивительного, что пациенты, возвращаясь сюда на повторное лечение, подолгу плутали, разыскивая свою палату.

— Что тут у вас?

Интерна его вопрос разозлил.

— А вы чего, блин, сами не видите, что тут у нас?

Фрер не обратил на грубость молодчика никакого внимания.

Приблизился к смотровому окошку и пригляделся. В углу палаты, сжавшись в комок, сидела обнаженная женщина с очень белой кожей, перепачканная калом и мочой. Окровавленными пальцами она сдирала со стены побелку, совала в рот и энергично жевала.

— Сделайте ей инъекцию, — бесстрастным голосом произнес он. — Три единицы локсапака.

Он узнал ее, хотя имени не помнил. Она у них уже лежала. Должно быть, ее привезли утром. Кожа у нее была белая, как таблетка аспирина. Лицо искажено страхом. Тощая, ходячий скелет — кости так и выпирают. Она все сдирала со стены чешуйки побелки и горстями, как кукурузные хлопья, запихивала в рот. В крови у нее были не только пальцы, но и рот. И стена уже была в крови.

Фрер давным-давно отказался размышлять о бессилии психиатров. С хрониками выход был один: оглушить лошадиной дозой успокоительного и ждать, когда буря утихнет. Не бог весть что, но лучше, чем ничего.

На обратном пути он сделал крюк и заглянул в свое отделение имени Анри Эя. Здесь содержалось двадцать восемь пациентов, все — с востока области. Шизофрения. Депрессии. Паранойя. И несколько менее ясных случаев.

В приемном покое ему выдали утренний отчет. Истерический припадок. Кухонная свара. Наркоман, неизвестно где раздобывший веревку и сам себе перетянувший член. Рутина.

Фрер прошел через столовую, в которой стояла застарелая табачная вонь — психам пока еще позволялось курить. Открыл новую дверь. В носшибануло спиртовым запахом — процедурный кабинет. Поздоровался с несколькими старыми пациентами. Толстяк в белом костюме, убежденный, что он директор института. Африканец, внимательно изучающий пол в коридоре, по которому отмахал уже много километров. Еще один мужчина с глубоко посаженными глазами — этот раскачивался на носках, словно собирался сделать цирковой кульбит.

В ординаторской он поинтересовался, как дела у новенького с амнезией. Интерн пролистал журнал. Ночь прошла спокойно. Утро тоже нормально. В 10 утра ковбоя забрали в Пелегрэн на нейробиологическое обследование, где он категорически отказался от рентгена и любых других просвечиваний. Врачи, проводившие осмотр, не обнаружили у него никаких физических повреждений. Они склонялись к мнению, что здесь случай диссоциативной амнезии, вызванной травмой эмоционального характера. Это означало, что техасец либо сам пережил, либо стал свидетелем чего-то такого, отчего у него напрочь отшибло память.

Интересно, что именно он видел?

— Где он сейчас? В палате?

— Нет. В зале Камиллы Клодель.^[1]

Один из бзиков современной психиатрии — называть больничные корпуса, аллеи, отделения именами знаменитых душевнобольных. Даже в безумии есть свои кумиры. В зале Камиллы Клодель проводились лечебные занятия художественным творчеством. Фрер свернул в коридор, отпер одну из дверей по правой стороне и очутился в комнате, где пациенты рисовали, лепили, плели изделия из ивовых прутьев или складывали фигурки из бумаги.

Он миновал столы «скульпторов» и «художников» и подошел к тому, за которым сидели «корзинщики», с сосредоточенным видом мастерившие не только корзинки, но и кольца для салфеток, и подставки под горячие блюда. Гибкие прутья колыхались у них в руках, но лица оставались неподвижными, словно закаменевшими. Полное впечатление, что живыми здесь были не люди, а материал, с которым они работали.

Ковбой устроился с самого края стола. Даже сидящий, он на добрых двадцать сантиметров возвышался над остальными. Изрезанное морщинами лицо с резкими чертами, на котором светились большие голубые глаза, выглядывало из-под нелепой шляпы — и здесь он так и не пожелал с ней расстаться.

Фрер подошел поближе. Великан трудился над корзинкой в форме ладьи. У него были мозолистые руки. *Рабочий или крестьянин*, предположил психиатр.

— Добрый день.

Мужчина поднял глаза и уставился на Фрера, медленно моргая. Светлая радужка вокруг его зрачков напоминала жидкий перламутр.

— Привет, — ответил он на приветствие и указательным пальцем, как истинный герой родео, чуть приподнял шляпу.

— Что это вы делаете? Корабль? Или перчатку для пелоты?^[2]

— Пока сам не знаю.

— Вы бывали в Стране Басков?

— Не знаю.

Фрер ухватил стул и сел в три четверти оборота.

Сейчас же светлые глаза снова впились в него.

— Ты спихиатр?

Он отметил перестановку букв. *Дислексик?* Не прошло мимо его внимания и обращение на «ты». Но это скорее хороший знак. Матиас

решил, что тоже будет тыкать пациенту.

— Меня зовут Матиас Фрер. Я заведующий этим отделением. Это я вчера вечером подписал постановление о твоей госпитализации. Ты хорошо спал?

— Мне все время снится один и тот же сон.

Незнакомец плел косичку из ивовых прутьев. В комнате витали запахи болота и влажного тростника. Кроме впечатляющей шляпы, на великане были майка и хлопчатобумажные брюки, выданные больницей. Огромные мускулистые руки покрыты седовато-рыжими волосками.

— И что за сон?

— Сначала жара. Потом все белое...

— Что — белое?

— Солнце... Знаешь, солнце, оно может быть злым. Сжигает все вокруг.

— А где все это происходит? Ну, в твоём сне?

Ковбой пожал плечами, не выпуская из рук работы. Со стороны могло показаться, что он занят вязанием. Выглядело это довольно комично.

— Ну, я как бы иду по деревне. Стены все белые. Это испанская деревня. Или, может, греческая? Не знаю. И вдруг вижу свою тень. Она тоже идет, но впереди меня. По стене идет. И по земле тоже. Очень прямая тень, такая, понимаешь, вертикальная. Как в полдень.

Фрер почувствовал дурноту. Ему снился точно такой же сон непосредственно перед встречей с этим человеком. Что это, предвестник болезни? Нет, в это он не верил. Зато ему нравилась теория Карла Юнга о синхронности. Знаменитый пример: пациентка рассказывала ему о золотом скарабее, а в это время в окно кабинета ударился жук-бронзовка. Золотистого цвета.

— А дальше? — продолжал допытываться он. — Что было дальше?

— Какая-то вспышка, белая-белая. Вроде взрыва, только бесшумного. А потом я больше ничего не видел. Как будто ослеп.

Справа слышался смехок. Фрер вздрогнул. За ними внимательно наблюдал очень маленький человечек, почти карлик, с уродливой головой горгульи, примостившийся возле ножек стола. *Антуан* по прозвищу *Тото*. Безобидное существо.

— Постарайся вспомнить.

— Я побежал. По белым улицам.

— И все?

— Ага. Не. Когда я убежал, тень осталась. Там, на стене. Как в Хиросиме.

— В Хиросиме?

— Когда на них сбросили бомбу, на камне остались тени погибших людей. Ты что, про это не знал?

— Ах да, — кивнул Фрер, смутно помнивший, что подобный феномен действительно наблюдался.

Они помолчали. Мужчина сплел вместе несколько ивовых прутьев. Вдруг он поднял голову. В тени, отбрасываемой на лицо стетсоновской шляпой, его глаза вспыхивали, словно две искорки.

— Что скажешь, док? Что все это значит?

— Очевидно, это символическая версия случившегося с тобой происшествия, — наобум предположил Фрер. — Белая вспышка может означать потерю памяти. Ты пережил какое-то потрясение, и оно как бы накрыло все твои воспоминания белым листом бумаги.

Это, конечно, была полная хрень, псевдопсихиатрический бред, но звучало вполне убедительно. Хотя он точно знал, что затронутому повреждениями мозга плевать с высокой колокольни на красивые фразы и логические построения.

— Да, но тут нестыковочка, — тихо пробормотал больной. — Этот сон... Он ведь мне уже давно снится.

— Тебе просто так кажется, — сказал Фрер. — Было бы странно, если бы ты помнил, что тебе снилось до того, как ты потерял память. Эти воспоминания принадлежат твоей внутренней памяти. Твоей личной памяти. Той самой, которую ты потерял. Понимаешь?

— У нас что, несколько памятьей?

— Ну, скажем так. У нас есть культурная память, общая память — с ней, например, связаны твои познания о Хиросиме. Но есть и автобиографическая память — она касается только твоих личных переживаний. Как тебя зовут. Какая у тебя семья. Кем ты работаешь. Что тебе снится.

Великан медленно покачал головой:

— Не представляю, что со мной станет. У меня в башке пустота.

— Не волнуйся. Все твои воспоминания при тебе. Чаще всего они довольно быстро возвращаются. И у нас есть способы стимулировать твою память. Разные тесты и упражнения. Мы разбудим твой мозг.

Незнакомец обратил на него взгляд своих зеленоватых глаз.

— Почему сегодня утром ты отказался от рентгена?

— Не нравится мне это дело.

— Тебе уже делали рентген?

Ответа Фрер не дождался, но решил не настаивать.

— А насчет прошлой ночи, — снова заговорил он, — ничего не удалось вспомнить?

— Ты имеешь в виду, почему я оказался в той хибаре?

— Ну например.

— Не-а.

— А про разводной ключ? И про телефонный справочник?

Мужчина нахмурил брови:

— На них вроде кровь была, да?

— Да, на них была кровь. Откуда она взялась?

Фрер говорил уверенным и властным голосом. Лицо великана напряглось, затем на нем проступила досада.

— Не помню. Ни шиша не помню.

— А как тебя зовут? Как твоя фамилия? Откуда ты родом?

Фрер пожалел, что не сдержался. Зря он обрушил на беднягу такое множество вопросов — словно из пулемета стрелял. Испуг мужчины на глазах перерастал в панику. У него даже губы задрожали.

— Ты согласишься пройти сеанс гипноза? — намного мягче спросил он.

— Что, прямо сейчас?

— Лучше завтра. Когда ты немного отдохнешь.

— А это поможет?

— Трудно сказать заранее. Но внушение позволит нам...

У него на поясе зазвенел сигнал вызова. Бросив взгляд на экранчик, он быстро поднялся:

— Мне пора. Срочный вызов. А ты пока подумай над моим предложением.

Ковбой медленно встал из-за стола — точно, росту в нем было не меньше метра девяноста, — и протянул врачу раскрытую ладонь. Это был вполне дружеский жест, но сквозняк, который он поднял, перемещаясь, не мог не подействовать на Фрера устрашающе.

— А чего там думать-то? Согласен я. Я тебе верю, док. До завтра.

* * *

Мужчина заперся в туалете, примыкающем к холлу отделения скорой помощи. Он сидел там уже полчаса и наотрез отказывался выходить. Фрер стоял перед кабинкой. Рядом топтался слесарь с чемоданчиком инструментов в руках. После нескольких оставшихся без ответа призывов и

предупреждений Фрер велел слесарю ломать дверь. Мужчина сидел на полу возле унитаза, подобрал колени и обхватив руками голову. Свет в кабинке не горел. В тесном пространстве стояла удушающая вонь.

— Я психиатр, — сказал Фрер, плечом закрывая за собой дверь. — Вам нужна помощь?

— Отвали.

Фрер опустился на одно колено, стараясь не вляпаться в лужу мочи.

— Как вас зовут?

Молчание. Мужчина все так же сжимал руками голову.

— Пойдемте ко мне в кабинет, — предложил Фрер и положил руку мужчине на плечо.

— Сказал же, отвали.

У мужчины явно были проблемы с дикцией. Он сильно шепелявил, словно обильно смачивал каждый произносимый слог слюной. Вздвогнув от прикосновения, он поднял вверх голову. Даже в темноте Фрер рассмотрел, до чего тот уродлив: его лицо, одновременно изможденное и одутловатое, было перекошенным, словно состоящим из отдельных, плохо связанных между собой кусков.

— Вставайте, — приказал он.

Мужчина вытянул вперед шею, и картина прояснилась. На ней буквально не было живого места — сплошные кровоподтеки, бугры и глубокие ссадины. Ужас в чистом виде.

— Доверьтесь мне, — проговорил Фрер, с трудом сдерживая отвращение.

Нет, это не ожоги, думал он. Больше похоже на проказу. Страшная болезнь, постепенно пожирающая человека и превращающая его в монстра. Однако, прищурившись, он понял, что ошибся: шрамы и язвы имели рукотворное происхождение. Судя по всему, мужчина сам собрал кожу на шее в складки, а затем склеил их синтетическим клеем. После чего явился в больницу в надежде на госпитализацию. Синдром Мюнхгаузена, поставил диагноз психиатр и повторил:

— Идемте.

Мужчина наконец-то поднялся. Фрер открыл дверь, с облегчением возвращаясь к свету и относительно чистому воздуху. Они вместе дошли до выхода из туалета. Клоака осталась позади, но кошмар никуда не исчез. Целый час он беседовал со склеенным мужчиной и убедился в правильности первоначального диагноза. Тот был готов на все, лишь бы его положили в больницу и окружили заботой. Пока что Фрер направил его в Пелегрэн, чтобы там занялись его лицом и шеей — клей уже начал

разрушать ткани.

Половина шестого.

Фрер сдал дежурство в скорой помощи и вернулся к себе в отделение. Он устроился в своем консультационном пункте, где располагались его кабинет и секретариат. Народу не было. Он проглотил сэндвич, медленно приходя в себя после пережитого кошмара. В университете его уверяли: «Ко всему привыкнешь». Но в его случае общее правило не сработало. Он так и не привык. Мало того, чем дальше, тем все обстояло хуже. Его восприимчивость к безумию превратилась в тонкую сверхчувствительную мембрану, постоянно подвергающуюся раздражению, а может, даже инфицированию...

Шесть часов.

Он опять пошел в отделение скорой.

Здесь все было более или менее спокойно. Всего несколько пациентов — все кандидаты на добровольную госпитализацию. Он их уже знал. За полтора месяца работы успел познакомиться с этой категорией больных. В больнице они обычно приходят в себя, после чего выписываются, но дома прекращают прием нейролептиков и снова слетают с катушек. Результат — здравствуйте, доктор.

Семь часов.

Еще немножко, и все. От усталости у него уже слипались глаза. Он вспомнил ковбоя с амнезией. Впрочем, он не переставал думать о нем весь день. Этот случай его заинтересовал. Запершись у себя в кабинете, он нашел номер полицейского участка на площади Капуцинов и попросил к телефону Николя Пеласа — того самого капитана, который составил протокол задержания неизвестного мужчины. Ему сказали, что в эту субботу тот не работает. Фрер немножко надавил, и ему продиктовали номер мобильного.

Пелас ответил после второго гудка. Матиас представился.

— Так чего вам надо? — недовольно спросил тот.

Очевидно, не любил, когда его беспокоили в выходной.

— Мне хотелось бы знать, насколько вы продвинулись в расследовании.

— Я сейчас дома. С детьми сижу.

— Но вы же начали разрабатывать какие-то версии. И уже наверняка получили некоторые результаты.

— А вас-то это с какого боку касается?

Фрер усилием воли заставил себя говорить спокойно:

— Я отвечаю за этого пациента. Моя работа — вылечить его. Что, в

числе прочего, означает необходимость установить его личность и помочь ему вернуть память. Мы с вами в этом деле партнеры, неужели не понятно?

— Нет, не понятно.

Фрер решил сменить тактику:

— В области зарегистрированы случаи исчезновения людей?

— Нет.

— Вы связывались с ассоциациями, которые занимаются бомжами?

— В процессе.

— А вокзалы близ Бордо вы проверили? Может, среди пассажиров поездов есть свидетели происшествия?

— Мы послали запрос.

— А объявление дали? В Интернете? С вашим номером телефона? А обратились...

— Когда у нас иссякнут собственные идеи, мы вам позвоним.

Фрер сделал вид, что не заметил сарказма, и атаковал собеседника с другого фланга:

— Вы получили результаты анализа крови на ключе и телефонном справочнике?

— Кровь первой группы. Резус положительный. Такая кровь может принадлежать половине французского населения.

— Какие-нибудь преступления этой ночью совершались?

— Нет.

— А справочник? Вы не заметили, может, в нем есть пометки? Какая-нибудь отдельная страница? Чье-то имя?

— У меня такое впечатление, что вам нейдет поиграть в детектива.

Матиас сжал зубы.

— Я всего-навсего пытаюсь установить личность этого человека. Еще раз повторяю: мы с вами преследуем одну и ту же цель. Завтра я собираюсь провести с ним сеанс гипноза. Если у вас есть хоть какие-то зацепки, хоть какая-то информация, которая поможет мне правильно подобрать вопросы, сейчас самое время поделиться ею со мной.

— Ничего у меня нет, — проворчал полицейский. — Сколько раз вам это повторять?

— Я звонил в комиссариат. Мне показалось, что сегодня этим делом вообще никто не занимается.

— Я выхожу на работу завтра, — с явным неудовольствием процедил Пелас. — И я веду это дело.

— А что вы сделали с ключом и справочником?

— Ускорили юридическую процедуру и оформили постановление о

конфискации.

— А если в переводе на человеческий язык?

Полицейский хмыкнул. Последний вопрос его явно развеселил, заставив забыть о своем раздражении.

— Сейчас все в руках криминалистов. Результаты будут в понедельник. Устраивает вас это?

— Могу я рассчитывать, что, как только появится новая информация, вы поставите меня в известность?

— Ладно, — уже примирительно сказал Пелас. — Но это будет двусторонняя договоренность. Если вам удастся что-нибудь вытянуть из него с этим вашим гипнозом, вы обязуетесь связаться со мной. — И, чуть подумав, добавил: — Это в ваших же интересах.

Матиас улыбнулся. Рефлекс полицейского — не могут без угроз. Надо бы каждого легавого подвергнуть психоанализу, чтобы выяснить, какие такие причины подвигли его выбрать подобную профессию. Фрер дал обещание позвонить, если что-нибудь узнает, и продиктовал свои координаты. Ни тот ни другой не верили, что сотрудничество состоится. Каждый за себя, и пусть победит сильнейший.

Фрер вернулся в отделение скорой. Осталось продержаться два часа. Хорошая новость заключалась в том, что его дежурство закончится до начала великого хаоса. Это ведь вечер субботы. Он осмотрел нескольких больных, сделал назначения — кому антидепрессанты, кому транквилизаторы — и отправил их назад, по палатам.

Десять часов.

Матиас поздоровался с врачом, явившимся ему на смену, и вернулся к себе в кабинет. Туман держался по-прежнему, не уступая ни пяди завоеванного пространства. Кажется, к вечеру он даже сгустился. У Фрера мелькнула мысль, что из-за этой мутной мороси у него весь день шел наперекосяк. Как будто сама реальность расплывалась, теряя привычные очертания.

Он снял халат. Собрал свои вещи. Натянул плащ. Перед уходом решил в последний раз навестить мужчину в стетсоновской шляпе. Пошел в свое отделение и поднялся на второй этаж. В коридоре еще витали запахи столовой, смешиваясь с привычной вонью мочи, эфира и лекарств. То тут, то там слышалось мягкое фетровое шуршание тапочек по линолеуму, раздавалось бурчание телевизионных голосов, характерное звяканье металлических плевательниц, в которых шуровал очередной собиратель окурков.

Вдруг на Фрера налетела какая-то женщина. От неожиданности он

отпрянул в сторону, но тут же узнал ее. Мистенге. Все здесь звали ее так. Как ее настоящее имя, он сейчас не помнил. Шестьдесят лет. Из них сорок она провела на западе страны. Незлобивая, хотя ее внешность могла напугать кого угодно. Растрепанные седые космы. Обрюзгшее лицо землистого цвета. Глаза, подернутые мутной пленкой и горящие лихорадочным блеском. Жестокие глаза. Женщина вцепилась в рукав его плаща.

— Спокойно, Мистенге, спокойно, — проговорил он, высвобождая ткань плаща из ее цепких пальцев. — Вам пора ложиться спать.

Изо рта у нее вырвался смех, словно кровь хлынула из открытой раны. Но смех тут же перешел в негодующее шипение, в свою очередь сменившееся тоскливым вздохом.

Фрер крепко держал ее за руку — от нее пахло мазью и застарелой мочой.

— Вы не забыли принять таблетки?

Сколько раз за день он повторял эти слова? Это был уже не вопрос — просьба, мольба, заклинание. Он довел Мистенге до ее палаты и, не дожидаясь, пока она что-нибудь скажет, закрыл дверь.

И обнаружил, что автоматически прихватил с собой магнитную карточку для вызова срочной помощи. Достаточно коснуться краем карты металлической поверхности батареи или водопроводной трубы, и на сигнал сбежится толпа санитаров. Он передернул плечами и сунул карту в карман. Спрашивается, какая разница между его профессией и работой тюремного надзирателя?

Он добрался до палаты ковбоя. Тихонько постучал в дверь. Никакого ответа. Повернув ручку, он вошел в неосвещенную комнату. Великан вытянулся на койке — огромный и неподвижный. Рядом на полу стояли ковбойские сапоги и лежала стетсоновская шляпа. Как пара домашних животных.

Фрер тихо, чтобы не напугать пациента, приблизился к койке.

— Меня зовут Мишель, — прошептал великан.

От неожиданности Фрер отскочил назад.

— Меня зовут Мишель, — повторил больной. — Я поспал час или два, и вот результат. — Он повернул голову к психиатру: — Неплохо, а?

Матиас открыл портфель, достал блокнот и ручку. Его глаза понемногу привыкали к темноте.

— Мишель — это твое имя?

— Нет. Фамилия. Пишется с двумя «л». Мишель.

Фрер записал, хотя и без особого убеждения. Воспоминание пришло

слишком быстро. Скорее всего, это какой-то искаженный фрагмент памяти. А может, и вовсе чистой воды выдумка.

— Что-нибудь еще тебе во сне вспомнилось?

— Нет, больше ничего.

— Тебе что-нибудь снилось?

— По-моему, да.

— Что именно?

— Да все то же, док. Белая деревня. Взрыв. И моя тень остается на стене...

Он говорил медленным, тягучим, каким-то полусонным голосом. Матиас продолжал черкать в блокноте. *Полистать литературу по сновидениям. Поискать материалы о легендах, связанных с тенями.* Он уже знал, чем займет сегодняшний вечер. Подняв голову от своих записей, он прислушался: великан дышал глубоко и ровно. Заснул. Фрер отступил на шаг. Хороший признак. Возможно, завтрашний сеанс гипноза принесет результат.

Он вышел в коридор и двинулся к выходу. Лампы уже погасили. Отбой.

На улице окутанные густым туманом пальмы и фонари казались парусами огромного корабля-призрака. Фрер вспомнил про художника Кристо, писавшего мост Пон-Нёф и рейхстаг в дымке. Вдруг его посетила странная мысль. А может, больницу да и весь город заволокло не просто туманом, а маревом беспамятства, как и потерявший ориентиры мозг его пациента? И Бордо теперь так и будет плавать в этой вязкой мгле, уподобившись человеку, которого он про себя уже называл пассажиром тумана...

Направляясь к парковке, Фрер неожиданно остановился.

Есть ему не хотелось, возвращаться домой — тем более.

Может, стоит сразу проверить первые крохи полученной информации?

* * *

Он вернулся в больничный корпус, заперся у себя в кабинете, сел, бросив плащ на спинку стула, перед компьютером и подключился к медицинской справочно-информационной системе, в которой хранились сведения о каждом пациенте, госпитализированном на территории Франции, а также о предписанном ему лечении.

Никакого Мишелля он здесь не обнаружил.

Фрер раньше никогда не пользовался этой программой. Не исключено, что доступ к некоторым данным закрыт согласно требованиям конфиденциальности. В конце концов, неприкосновенность частной жизни еще никто во Франции не отменял.

Неудача не только не обескуражила его, но, напротив, вызвала желание копнуть глубже. При задержании у мужчины с разводным ключом не оказалось никаких документов. Сильно поношенная одежда, выдубленное солнцем и ветром лицо, загорбелые руки — все говорило о том, что он много времени проводит на открытом воздухе. Бомж?

Матиас снял трубку и позвонил в коммунальный совет социальной помощи населению, работавший круглосуточно. В числе лиц без определенного местожительства, зарегистрированных на территории Аквитании, никакой Мишелль не значился. Он поочередно связался с отделом социальной реабилитации и специализированным отделением «неотложки». Все эти службы работали в круглосуточном режиме, сотрудники каждой по его просьбе проверили свои архивы: ни следа Мишелля.

Фрер снова включил компьютер и подключился к Интернету. Среди абонентов телефонной сети регионов Аквитания и Юг-Пиренеи человека с такой фамилией тоже не оказалось. Матиаса это не удивило. Подтверждалась его догадка о том, что незнакомец бессознательно искажил свою фамилию. На данном этапе краткие просветления в его памяти могли носить только фрагментарный характер.

У Матиаса родилась еще одна идея. Если верить полицейскому протоколу, когда мужчину задержали, он держал в руках телефонный справочник за 1996 год.

Прыгая с сайта на сайт, Фрер в конце концов вышел на ресурс, позволяющий открыть старые телефонные справочники. Он выбрал 1996 год и ввел в поиск имя Мишелль. С нулевым результатом. Ни в одном из пяти департаментов административного региона Аквитания абонента с такой фамилией не значилось. Может, он все-таки не местный?

Фрер вернулся в Гугл и просто вбил в поисковик слово МИШЕЛЛЬ. Здесь кое-какие результаты нашлись, но, к сожалению, совсем не те, что были ему нужны. Некий пользователь под ником «Мишелль» выложил на сайте My Space.com видеомонтаж из кадров сериала «Секретные материалы» с Малдером и Скалли. Ему также предлагали прослушать песни в исполнении некоей Томми Мишелл. Ясновидающая по имени Патриция Мишелл из американского штата Миссури зазывала его на свой сайт. Кроме того, Гугл настоятельно рекомендовал ему возобновить поиск,

исправив орфографию на «правильную» — Митчелл.

Стрелки часов подползли к полуночи. Пожалуй, пора домой. Матиас выключил компьютер и оделся. Уже подходя к воротам больницы, он решил, что надо будет показать фотографию ковбоя во всех приютах для бездомных, как в самом Бордо, так и в его окрестностях. Если это не сработает, можно еще обратиться в центры медико-психологической помощи и медпункты по оказанию первой помощи пострадавшим. Он знал их все наперечет. И почти не сомневался, что его безымянный пациент в прошлом уже страдал от тех или иных психических расстройств.

Ехать из-за тумана пришлось на черепашьей скорости. Путь до дома занял у него добрых четверть часа. Тротуары возле садовых изгородей были плотно забиты автомобилями — вечер субботы, все принимают гостей. Не найдя, где припарковаться, он оставил машину метрах в ста от дома и шагнул в молочную муть. Улица утратила четкость очертаний. Фонари левитирующими призраками парили над землей. Все вокруг казалось бесплотным, нематериальным. Отдавшись этому ощущению, он не сразу сообразил, что заблудился. Он продвигался вперед наугад, минуя влажно блестящие заборы и обходя машины, и возле каждого дома приподнимался на цыпочки, чтобы разглядеть табличку с названием.

Наконец мелькнули знакомые буквы: «ОПАЛ».

Он на ощупь открыл калитку. Шесть шагов. Поворот ключа в замке. Закрыв за собой дверь, он почему-то почувствовал облегчение. Оставив в коридоре сумку и бросив плащ на одну из громоздившихся здесь картонных коробок, он, не зажигая света, прошел на кухню. Типовое жилье. Типичное поведение одинокого человека.

Через несколько минут он уже стоял перед окном, ожидая, пока заварится чай. В тишине дома ему все еще чудились бормочущие голоса его пациентов. Каждому психиатру знакомо подобное ощущение. Для него даже придумано особое название — «музыка сумасшедших». Их невнятная речь. Их шаркающая походка. Их бред. Голова у него слегка гудела от этих звуков — так в выброшенной на берег раковине слышен неясный гул моря. Психи никогда не покидали его насовсем. Вернее сказать, это он никогда не расставался насовсем с отделением Анри Эя.

Но тут у него из головы вылетели все мысли.

Из тумана только что выплыл вчерашний внедорожник.

Машина медленно, очень медленно катилась по улице, пока не затормозила возле его дома. Фрер почувствовал, как заколотилось сердце. Из автомобиля синхронно вышли двое мужчин в черном. Вышли и встали у него под окнами.

Фрер попытался сглотнуть ком в горле. Ком застрял плотно. Даже не подумав спрятаться, Фрер разглядывал мужчин. Ростом не меньше метра восьмидесяти каждый. Под распахнутыми пальто — темные, застегнутые на все пуговицы костюмы, чуть переливающиеся в свете фонаря. Белые рубашки, черные галстуки. В обоих было что-то от надменной строгости чиновников высокого ранга, но одновременно — и что-то от безжалостной решимости преступников.

Матиас замер, словно закаменев. Он ждал, что мужчины толкнут калитку и позвонят ему в дверь. Но нет. Они не шевелились. Просто стояли под фонарем, даже не стараясь укрыться. Их лица вполне гармонировали с общим обликом. Первый, с высоким лбом и зачесанной назад шевелюрой, в которой проскакивала седина, носил очки в металлической оправе. Второй выглядел более грозно. Длинные, но редкие русые волосы. Кустистые брови. Угрюмое лицо.

Две ничем не запоминающиеся рожи.

Пара самоуверенных сорокалетних плейбоев в итальянских костюмах.

Кто они такие? Чего им от него надо?

Снова вспыхнула острая боль в глубине левого глаза. Он прикрыл глаза и помассировал веки. Когда он открыл их, оба призрака исчезли.

* * *

Анаис Шатле боялась поверить своему счастью.

Вот уж действительно, повезло так повезло!

Она только что заступила на вечернее субботнее дежурство, и нате вам — труп. Да не просто труп, а убийство! Настоящее, совершенное по всем правилам, с соблюдением зловещего ритуала и нанесением жертве увечий. Как только ей позвонили, она прыгнула в свою личную машину и помчалась на вокзал Сен-Жан, где обнаружили тело. По дороге она без конца повторяла про себя полученную информацию. Молодой мужчина. Найден обнаженным со следами многочисленных ранений. Сцена преступления обставлена необычно. Вроде ничего особенного, но явный душок безумия. Жестокого, черного безумия. Не просто ссора с поножовщиной или банальное убийство с целью ограбления. Нет, это дело *серьезное*.

Едва заведев возле здания вокзала фургоны с вращающимися фонарями на крыше, чьи лучи с трудом пробивались сквозь густой туман, и полицейских во влажно блестящих дождевиках, призраками снующих

вокруг, она поняла, что все так и есть. Ее первое убийство в чине капитана. Она подберет себе группу. Воспользуется правом на проведение внеочередных следственных мероприятий. И раскроет преступление. Найдёт убийцу и попадет на первые полосы всех газет. В двадцать девять лет!

Она вышла из машины и вдохнула сырой воздух. На протяжении последних полутора суток Бордо прямо-таки утопал в белесом мареве. Как будто город погрузился в болото, напился его испарениями, его гнилостными запахами и лягушачьей осклизлостью. Очень хорошо. Тем колоритнее будет выглядеть дело — убийство в тумане! Ее охватила дрожь возбуждения. Тут к ней подошел полицейский из участка с площади Капуцинов.

На тело наткнулся машинист, перегонявший составы между механическими мастерскими и непосредственно вокзалом. Он заступил на дежурство в 23.00. Подъехал на своей машине и припарковался на стоянке для сотрудников железнодорожного ведомства, расположенной южнее пакгауза. Пошел по проходу вдоль путей и здесь, в заброшенной ремонтной яме, между платформой номер один и старыми ремонтными мастерскими, заметил труп. Позвонил дежурному начальнику, который незамедлительно связался с железнодорожной полицией и частным охранным агентством, следившим за безопасностью на вокзале Сен-Жан. Они, в свою очередь, вызвали полицию — ближайший комиссариат находился на площади Капуцинов.

Дальнейшее Анаис было и так известно. В час ночи разбудили прокурора республики. Он обратился в Главное полицейское управление Бордо, на улице Франсуа-де-Сурди, и велел вызвать дежурного офицера. То есть ее. Больше никого на месте не оказалось. Остальные разбежались по вызовам, которых из-за тумана было больше обычного. Так, ерунда, всякая мелочовка — дорожные аварии, грабежи, пропавшие люди... А в результате именно ей, Анаис Шатле, свежее испеченному капитану, проработавшей в Бордо два года, и досталось лучшее за все дежурство дело. И можете скрежетать зубами от зависти!

Они двинулись через здание вокзала. Сотрудник железнодорожной полиции выдал им оранжевые флуоресцентные жилеты. Застегивая на груди «липучку», Анаис на секунду остановилась бросить восхищенный взгляд на тридцатиметровые стальные конструкции, теряющиеся в тумане. Они миновали платформу и выбрались на пути. Парень из железнодорожной полиции болтал не закрывая рта. У них такого отродясь не бывало. По приказу прокурора движение поездов перекрыли на целых

два часа. Мертвяк в яме — это ужас какой-то. Они все прям обалдели.

Анаис его не слушала. Липкая сырость садилась на кожу, пробирая холодом до костей. Сквозь дымку светили красные огни вокзала, складываясь в беспорядочные кровавые созвездия. Поблескивали мокрые кабели. Запотевшие от конденсата рельсы терялись вдаль в непроглядной вязкой мгле.

Перешагивая через шпалы, Анаис подвернула лодыжку.

— А нельзя на землю посветить?

Железнодорожник опустил лампу пониже и снова пустился в объяснения. Анаис выловила из его рассказа несколько деталей технического характера. По путям под четными номерами шли поезда до Парижа, под нечетными — на юг. Электрические кабели, протянутые над путями, называются «сцепкой», а металлические штуки, торчащие на крыше локомотивов, — токоприемниками. Пока вся эта информация была ей ни к чему, но хотя бы создавала впечатление ознакомления с местом преступления.

— Пришли.

Прожектора, установленные экспертами-криминалистами, буравили ночную тьму, словно вокруг зажглось сразу несколько мелких холодных лун. От включенных фонарей белесыми полосами расходились пучки света. Чуть дальше находился Центр технического обслуживания, где виднелись скоростные поезда и региональные экспрессы, дрезины и моторные вагоны, подернутые серебристым налетом патины. Здесь же стояли товарные вагоны и тягачи — аналог портовых буксиров, с помощью которых составы выводят к вокзалу. Все эти могучие черные машины напоминали молчаливых титанов.

Они пролезли под лентой ограждения, на которой значилось: «Полиция. Вход воспрещен». Это и было место преступления. Ремонтная яма. Хромированные стойки прожекторов. Эксперты в белых комбинезонах с синей полосой. Анаис удивилась тому, как быстро они прибыли: ближайшая криминалистическая лаборатория находилась в Тулузе.

— Хотите посмотреть на тело?

Перед ней стоял офицер антикриминальной бригады, поверх дождевика накинувший флуоресцирующий жилет. Придав лицу приличествующее случаю выражение, она кивнула. Ей приходилось сдерживать собственное нетерпеливое возбуждение. А тут еще этот туман! Помнится, как-то раз, когда она еще была студенткой, профессор права шепнул ей в коридоре: «Вы — настоящая Алиса в Стране чудес. Главное для вас — найти мир себе по мерке!» С тех пор прошло восемь лет. И вот

она лезет через шпалы, чтобы посмотреть на труп. *Найти мир себе по мерке...*

На дне ямы длиной пять и шириной два метра творилась обычная для места преступления суeta, разве что усугубленная теснотой. Криминалисты толкались локтями, наступали друг другу на ноги, делали снимки, с помощью особых монохромных ламп, работающих в диапазоне от инфракрасного до ультрафиолетового света, изучали каждый миллиметр почвы и брали образцы, упаковывая каждый в отдельный пакет.

Анаис пришлось приглядеться, чтобы в этой сутолоке различить труп. Молодой парень лет двадцати. Голый. Истощенный. Тело в татуировках. Кости выпирают сквозь кожу, бледную до почти фосфорной белизны. Рельсы, проложенные поверху ямы, казались рамой для представшей взору Анаис картины. Ей вспомнились полотна мастеров Возрождения. Мученики с бескровными телами, застывшие в неестественной позе в глубине церкви...

Но главный ужас ждал ее впереди.

Мертвое тело венчала не человеческая, а бычья голова.

Огромная черная башка, отрубленная по шее и весившая, должно быть, не меньше полусотни килограммов.

До Анаис наконец-то дошел смысл происходящего. Все это было *реально*. У нее подогнулись колени. Преодолев накатившую слабость, она наклонилась вперед и заставила себя собраться с мыслями. Вариантов было всего два. Либо убийца отрубил жертве голову и приставил к ее плечам бычью голову, либо насадил свой страшный трофей прямо на череп убитого. Символика в любом случае была ясна: он убил Минотавра. Минотавра современности, затерянного в хитросплетении железнодорожных путей. То есть в *лабиринте*.

— Спуститься можно?

Ей передали бахилы и бумажную шляпу в форме чепца. По железной лесенке, приставленной к краю ямы, она начала спуск. Криминалисты посторонились, давая ей дорогу. Она присела на корточки, осмотрела интересовавшее ее место и убедилась, что чудовищная голова домашнего животного была насажена на человеческую.

Значит, правильным оказалось второе предположение. Убийца надел бычью голову на голову жертвы, очевидно приложив немалое усилие. Вряд ли от черепа убитого осталось что-либо, поддающееся идентификации.

— Наверное, он выдолбил бычью шею изнутри...

Анаис повернулась на голос. Это был судмедэксперт Мишель Лонго. Из-за накидки с капюшоном, делавшей их всех похожими на призраки, она

его не сразу узнала.

— Когда наступила смерть? — спросила она, поднимаясь на ноги.

— Пока точно не знаю. Но меньше суток назад. Холод и туман сильно осложняют мне работу.

— Его убили здесь?

Врач развел руками в перчатках. Из-под складок капюшона поблескивали его солнцезащитные очки фирмы «Persol».

— Не исключено, что убийца перетащил сюда тело сегодня вечером. Поди догадайся...

Анаис помнила, что со вчерашнего дня весь город буквально утопал в тумане. Да уж, в этом гороховом супе убийца мог передвигаться совершенно спокойно, не боясь, что его заметят.

— Привет!

Она подняла глаза, приложив ко лбу сложенную козырьком ладонь. В белом свете прожекторов на краю ямы нарисовался четкий женский силуэт. Лица она не видела, но по фигуре сразу узнала заместителя прокурора Веронику Руа. Своего почти двойника. Тридцатилетняя Вероника, происходившая из богатой бордоской семьи, двигалась по жизни схожим с Анаис путем. Они обе учились в самых престижных частных школах, обе поступили в Университет имени Монтескье. Частенько сталкивались в туалете самых модных ночных клубов города. Подругами они не стали, но и особенной вражды между ними не возникло. Теперь их пути регулярно пересекались на профессиональном поприще. Повесившийся мужчина. Труп женщины с изуродованным лицом, разбитым запущенной мужем микроволновкой. Старшеклассница с перерезанным горлом. Не самые лучшие поводы для дружеской болтовни.

— Привет, — буркнула Анаис.

Заместитель прокурора нависала над ней, так и стоящей на дне ямы. Она была в фирменной кожаной куртке от «Zadig & Voltaire» — Анаис давно положила на нее глаз, заприметив в витрине бутика на бульваре Жоржа Клемансо.

— Охренеть можно, — пробормотала Вероника. Она увидела тело.

Анаис была ей благодарна за эту кретинскую фразу, как нельзя лучше выразившую жуть ситуации. Значит, Вероника испытывает те же чувства, что и она. Ужас и возбуждение одновременно. Случилось то, о чем обе так мечтали, — мечтали, преодолевая страх. Громкое дело об убийстве. Преступник-маньяк. Все их ровесницы и коллеги по профессии выросли на «Молчании ягнят» и жаждали выступить в роли Кларисы Старлинг.

— Что-нибудь можешь сказать о причине смерти? — спросила Анаис

судмедэксперта.

Лонго неопределенно развел руками:

— Видимых травм на теле нет. Может, он задохнулся, когда на него напялили бычью голову. Может, его зарезали. Или отравили. Надо ждать результатов вскрытия и токсикологического анализа. Я и передоз не исключаю.

— Почему?

Он наклонился и приподнял левую руку жертвы. Задубевшие вены на локтевом сгибе были испещрены шрамами, припухлостями, синяками.

— Нарик до мозга костей. Доходяга. При жизни, я имею в виду. Истощение. Общая антисанитария. Обилие старых незалеченных ран. Так, навскидку, я бы сказал, что это наркоман двадцати лет. Бомж. Или обитатель пригородной трущобы. В общем, что-то в этом роде.

Анаис посмотрела на офицера из антикриминальной бригады, который стоял рядом с заместительницей прокурора:

— Его одежду нашли?

— Ни одежды, ни документов.

Итак, парня убили где-то еще и притащили сюда. Зачем? Чтобы спрятать тело? Или наоборот — чтобы выставить напоказ? Анаис не сомневалась, что верно второе. Эта яма явно играла важную роль в ритуале убийства.

Она в последний раз оглядела труп и полезла по лесенке вверх. Мертвое тело успело заиндеветь и походило на стальную скульптуру. Яма, пропахшая машинным маслом и металлом, служила ему идеальной могилой.

Выбравшись на поверхность, она скинула бахилы и колпак. Вероника Руа заговорила было, следуя раз навсегда заведенной процедуре:

— Официально поручаю тебе принять к производству...

— Пришлешь бумаги мне на работу.

Заместитель прокурора обиделась. И начала выпрашивать, по каким направлениям Анаис намерена вести расследование. Та отвечала ей машинально, перечисляя рутинные мероприятия, а про себя продолжая размышлять о профиле убийцы. Он хорошо знает эту местность. Наверняка ему знаком график маневрирования поездов. Может, железнодорожник? Как бы там ни было, к преступлению он готовился заранее, и готовился тщательно.

Внезапно у нее перед глазами сама собой нарисовалась картина. Вот убийца тащит на спине коричневый пластиковый мешок с телом. Пробирается сквозь туман, сгибаясь под тяжестью ноши. Она прикинула:

тело плюс бычья голова вместе должны весить больше ста килограммов. Значит, убийца должен быть физически очень сильным человеком. Или он принес голову заранее? Но тогда ему пришлось проделать путь от машины до ремонтной ямы дважды. Где он припарковался? На стоянке?

— Что-что?

— Я спрашиваю, набрала ли ты уже следственную группу, — повторила Вероника Руа.

— Вот она, моя группа.

К ним неуклюжей походкой, спотыкаясь на насыпи, приближался Ле-Коз, послушно нацепивший поверх одежды обязательный флуоресцирующий жилет. Зампрокурора обратила на нее удивленный взгляд своих светлых глаз под изогнутыми дугой бровями. Вообще-то она довольно смазливая, вынуждена была признать Анаис.

— Извини, сорвалось, — улыбнулась она. — Позволь представить тебе лейтенанта Эрве Ле-Коза, моего ближайшего помощника и заместителя. Мы с ним сегодня одни на дежурстве. Состав группы утвердим через час.

* * *

Под жилетом на Ле-Козе было черное кашемировое пальто. В обильно смоченных гелем волосах, тоже черных, поблескивали дождевые капли. Из рта с чувственными губами вырывались облачка пара. От всего его облика веяло таким неотразимым обаянием, что Вероника Руа чуть заметно напряглась, словно переходя в глухую защиту. Анаис улыбнулась. Скорее всего, зампрокурора живет одна — как и она сама. Больному легко обнаружить признаки собственной болезни у другого человека.

Она изложила Ле-Козу краткую версию событий и тут же перешла на командный тон. Но на сей раз она не шутила:

— Первое. Надо установить личность жертвы. Затем изучить круг его общения.

— Ты думаешь, убийца и жертва знали друг друга? — вмешалась Вероника Руа.

— Я ничего не думаю. Сначала надо выяснить, кто убит. Затем начнем разматывать его связи, от самых близких до самых отдаленных. Закадычные дружки. И шапочные знакомые.

Анаис снова повернулась к лейтенанту:

— Позвони остальным. Просмотрите все записи с видеокамер вокзала. И не только за последние сутки.

Затем махнула рукой в сторону автомобильной стоянки:

— Маловероятно, чтобы наш клиент шел через залы вокзала. Он явно вышел на пути со служебной стоянки. Займись видеозаписями. Выпиши номерные знаки всех машин, которые стояли здесь в последние дни. Установи владельцев и допроси каждого. Начальников, охранников, технический персонал. И пусть напрягут извилины, но вспомнят, если видели хоть что-то подозрительное.

— Когда начинать?

— Уже начали.

— Три часа ночи...

— Поднимай всех с постели. Общайте старые ремонтные мастерские. Там всегда ночуют какие-нибудь бомжи. Может, они что-нибудь видели. Да, кстати, насчет машиниста...

— Какого машиниста?

— Который нашел тело. Протокол его допроса должен лежать у меня на столе завтра утром. Кроме того, мне понадобятся все без исключения здесь, на вокзале. Прямо сейчас. Прочешем территорию по периметру. Опросим местных.

— Так воскресенье же!

— А ты что, хочешь ждать понедельника? Привлеки ребят из антикриминальной бригады и служащих муниципалитета.

Ле-Коз молча записывал инструкции в отсыревший блокнот.

— Еще мне нужен кто-нибудь, кто разбирается в крупном рогатом скоте.

Помощник поднял на нее непонимающие глаза.

— Ну, эта бычья голова откуда-то взялась, да или нет? Свяжись с жандармерией Аквитании, Ланд и Страны Басков.

— Зачем так далеко-то?

— Затем, что это бойцовый бык. Того bravo.

— А ты откуда знаешь?

— Знаю. Ближайшие фермы находятся вблизи Мон-де-Марсана. Дальше надо ехать в Дакс.

Ле-Коз продолжал писать, сквозь зубы ругаясь на дождь, капавший на страницу блокнота.

— Разумеется, я не имею никакого желания прямо сейчас встречаться с журналистами.

— Как, интересно, ты сможешь от них отделаться? — подала голос зампрокурора.

Ей, как должностному лицу, вменялось в обязанность обеспечивать

связи с прессой. Наверное, она уже запланировала пресс-конференцию и даже решила, что именно наденет ради такого случая. Анаис просто выбивала у нее почву из-под ног.

— Подождем. Пока никакой огласки. Если нам хоть чуть-чуть повезет, этот парень и в самом деле окажется бомжем.

— Не въезжаю.

— Его никто не станет искать. И можно потянуть с объявлением о его гибели. Скажем, сутки. Но даже и после этого о бычьей голове — ни гу-гу. Просто бездомный бродяга, умерший от переохлаждения. Все. Тема закрыта.

— А если это не бродяга?

— Нам по-любому необходимо время. Чтобы начать расследование без лишней шумихи.

Ле-Коз кивком попрощался с женщинами и исчез в тумане. В другое время и при других обстоятельствах он непременно испытал бы свое обаяние на обеих, но сейчас уже понял, что дело действительно не терпит отлагательства. Так что в ближайшие часы придется забыть о сне, о еде, о семье и вообще обо всем, что не имеет отношения к расследованию.

Анаис повернулась к офицеру из антикриминальной бригады, который все это время держался в отдалении, но из их разговора не пропустил ни слова.

— Найдите мне координатора бригады криминалистов.

— Думаешь, это начало серии? — тихим голосом спросила зампрокурора.

В ее тоне еще прорывались двоякие чувства. Страстное желание и отвращение. Анаис улыбнулась:

— Пока рано делать выводы, моя дорогая. Подождем отчета судмедэксперта. Модус операнди кое-что подскажет о профиле преступника. А я пока проверю, не выпускали ли на днях из «Кадилака» очередного психа.

Это название хорошо знали в городе. Оно принадлежало отделению психиатрической клиники, где содержались особо опасные пациенты. Приют буйных сумасшедших с криминальными наклонностями. Почти местная достопримечательность, не хуже выдержанных бордоских вин и Пилатовой дюны.

— Кроме того, я прочешу базу данных по стране, — продолжила Анаис. — Надо выяснить, не совершалось ли уже преступлений со сходным почерком в Аквитании или в других регионах.

Анаис болтала что в голову взбретет, лишь бы произвести впечатление

на соперницу. Единственной общенациональной базой данных, содержащей сведения о преступлениях, совершенных на территории Франции, была программа, которую обновляли сами полицейские или жандармы, отвечая на специальный вопросник, но делали это спустя рукава.

Внезапно пелена тумана перед ними разошлась. В прорехе стоял сотрудник криминалистической службы, похожий в своем скафандре на космонавта.

— Абдулатиф Димун, — поднимая с лица капюшон, представился он. — Координатор криминалистической службы.

— Вы из Тулузы?

— Ну да. Тридцать первая лаборатория.

— Как это вам удалось так быстро до нас добраться?

— Повезло, если можно так выразиться.

Мужчина широко улыбнулся. У него были белоснежные зубы, особенно заметно выделявшиеся на фоне матовой кожи. Возраст — лет тридцать. Выглядел он диковато и до ужаса сексуально.

— Нас прислали в Бордо по совсем другому поводу. Загрязнение на промышленном предприятии Лормона.

Анаис кое-что слышала об этом деле. Подозревали бывшего сотрудника этой лавочки — в действительности крупного химического объединения, — который якобы из мести нарочно допустил нарушения некоторых технологических процессов. Капитан и зампрокурора представились. Криминалист сдернул перчатки и пожал обеим женщинам руки.

— Как улов? — спросила Анаис, стараясь, чтобы голос звучал бесстрастно.

— Почти нулевой. Мокро очень. Тело почти десять часов мариновалось в воде. В таких условиях надежды на папиллярные метки почти никакой.

— На что, простите?

Анаис повернулась к зампрокурору, гордая, что может продемонстрировать собственную подкованность:

— На отпечатки пальцев.

Вероника Руа надула губы.

— Фрагментов органики тоже не нашли. Равно как и биологических жидкостей, — отчитывался Димун. — Ни крови, ни спермы, ничего. Дождь, будь он проклят. Пока мы уверены только в одном: преступление совершено не здесь. Убийца просто бросил сюда тело. Убил он его в другом

месте.

— Сможете прислать мне отчет и результаты анализов побыстрее?

— Конечно. Мы прямо здесь все сделаем, в какой-нибудь частной лаборатории.

— Если у меня возникнут вопросы, я вам позвоню.

— Никаких проблем.

Мужчина записал номер своего мобильного на обороте визитки.

— А я вам свой дам, — сказала Анаис, вырывая страничку из блокнота. — Звонить можно в любое время дня и ночи. Я одна живу.

Криминалист слегка приподнял брови, удивленный таким неожиданным признанием. Анаис покраснела. Вероника Руа смотрела на нее, не скрывая насмешки. Анаис спас вернувшийся офицер из антикриминальной бригады.

— Можно вас на секунду? К нашему шефу. Там кое-что важное узнали...

— Что именно?

— Я точно не знаю. Вроде бы вчера тут отловили странного типа. С потерей памяти. Меня на месте не было.

— Где конкретно его нашли?

— На путях. Не так уж далеко от ремонтной ямы.

Она кивнула Руа и Димуну и сунула в руку последнему листок со своими координатами. И вслед за офицером полезла через рельсы. Вдали, меж заброшенных строений, мелькнули три фигуры в белых халатах, двигавшиеся со стороны автостоянки. Перевозка из морга. За ними с тихим урчанием полз автопогрузчик. Очевидно, пригнали, чтобы поднять со дна ямы тело и огромную голову.

Топая за своим провожатым, она на миг обернулась и бросила взгляд через плечо. Зампрокурора о чем-то дружелюбно болтала с криминалистом. Они отошли подальше от ленты ограждения и закурили. Вероника Руа кудахтала курицей. Анаис со злобой запахла на груди арабскую куфию, которую носила вместо шарфа. Что ж, она только что получила лишнее подтверждение своим всегдашним мыслям. С трупом или без трупа, в сотрудничестве или в противоборстве, но правило не меняется: *путь победит сильнейший*.

* * *

В центре города туман загустел и уплотнился. От асфальта, от стен, от

сточных решеток причудливыми спиралями поднимались белые клубы. В пяти метрах не было видно ничего. Впрочем, для Анаис это не представляло никакой проблемы. До полицейского участка она могла добраться с закрытыми глазами. Выслушав довольно путанные объяснения начальника охраны — он поведал, что прошлой ночью неподалеку от места обнаружения трупа подобрали странного вида мужчину, одетого как ковбой, с полной потерей памяти, — она отдала еще несколько распоряжений и села в машину.

Свернув с набережной на бульвар Виктора Гюго, она покатила в сторону собора Андрея Первозванного. Возбуждение спало, и теперь на нее навалилась усталость. Справится ли она с этим делом? Если вообще его у нее не отберут. Не пройдет и пары часов, как новость распространится в высших городских сферах. Префект, мэр, депутаты — все начнут называть старшему комиссару Жан-Пьеру Деверса. Труп с бычьей головой в столице вина — это вам не шуточки. Все придут к единому мнению: дело должно быть раскрыто как можно раньше. И первый же вопрос, который возникнет у каждого: а кому оно поручено? Сколько лет руководителю следственной группы? Какой у него опыт? Ах, у нее? И как же ее зовут? И тогда неизбежно всплывет скандал, связанный с ее отцом. Эта история прилипла к ней намертво, не хуже родимого пятна.

Станет ли Деверса ее защищать? Нет, не станет. Они едва знакомы. Он знает о ней то же, что и все: молодая сотрудница судебной полиции с блестящим образованием и ярко выраженными способностями, рассорившаяся с собственным отцом. Ну и что? Для успеха следствия все это не имеет никакого значения. Здесь нужен опыт старой полицейской ищейки. Она попробовала успокоиться, внушая себе, что имеет право попытаться раскрыть дело по горячим следам. Труп нашли именно в ее дежурство, и именно ее вызвали на место происшествия. Ее, и никого другого.

Она понимала, что у нее есть примерно неделя. Неделя до прямого вмешательства следственного судьи, выписывающего постановления. На протяжении этого времени она может допрашивать кого угодно. Рыть землю там, где ей нравится. Привлекать к сотрудничеству любых партнеров и использовать любые материальные ресурсы без ограничения. Если честно, от подобной перспективы у нее отчетливо тряслись поджилки. Способна ли она правильно распорядиться такой властью?

Она переключилась на более низкую передачу и свернула направо, к бульвару Пастера. Внезапно в мозгу всплыл облик координатора из экспертно-криминалистической службы. Того самого араба с

обольстительной улыбкой. Как же она облажалась, торопясь всучить ему номер своего телефона... Ну не дура? Сама себя выставила на посмешище. Ей как наяву послышался ехидный смех Вероники Руа у нее за спиной.

Она притормозила на красный сигнал светофора, огненным шаром светивший в переливчатой мари, затем, не дожидаясь, пока желтый переключится на зеленый, рванула с места. На крышу машины она заранее установила мигалку, но сирену включать не стала. Синий маячок в мутной сумеречной мгле...

Анаис попыталась мысленно сосредоточиться на расследовании, но у нее ничего не получилось. Ее душил гнев. Гнев на саму себя. Ну почему она, как ненормальная, кидается на каждого мужика? Вечная неудовлетворенность, вечное желание понравиться... Как можно быть такой одержимой? Наверное, одиночество перешло у нее в патологию. Отсюда сверхчувствительность ко всему, что касается любви...

При виде влюбленных парочек на улице у нее сжималось горло. Если в кино герои целовались, у нее из глаз текли слезы. Известие о том, что кто-нибудь из знакомых девиц выходит замуж, заставляло ее вскрывать упаковку лексомила. Ей было невыносимо смотреть на чужую любовь. Сердце превратилось в сплошной нарыв, реагирующий острой болью на малейшее прикосновение. Она знала, как называется эта болезнь. Невроз. Знала также, кто ей нужен, чтобы исцелиться. Психолог. Беда лишь в том, что с ранней юности она уже посетила легион психологов. С нулевым результатом.

Анаис припарковала свой «гольф» возле собора и, не снимая рук с руля, разрыдалась. На несколько долгих минут она дала выход скопившимся обильным слезам. Это принесло ей облегчение. Она вытерла глаза, высморкалась и постаралась собраться с мыслями. О том, чтобы показаться в полицейском участке в подобном состоянии, не могло идти и речи. Там ждут руководителя. А не сопливаю пигалицу.

Выключив радио, она проглотила таблетку лексомила. Достала айпод, надела наушники. Пока действует транквилизатор, немного музыки не повредит. Поились звуки «Rise»^[3] Габриэль. Грустная песенка начала двухтысячных, написанная под влиянием сэмпла Боба Дилана. В памяти одно за другим всплывали воспоминания. Чудо-препарат меж тем вел бой со страхом и одерживал победу.

Она не всегда была такой. Нервной. Неуравновешенной. Склонной к депрессии. Когда-то она являла собой образец решительной и чрезвычайно привлекательной девушки. Уверенной в своем положении, в своем обаянии, в своем будущем. Отец — крупный специалист по виноделию, за которым

гонялись производители самых знаменитых марок бордоских вин. Особняк в Медоке. Отличная учеба в лицее Тиволи. Аттестат зрелости в семнадцать лет. В восемнадцать — студентка юридического факультета. Жизненная программа: получить магистерскую степень по юриспруденции, затем, следуя примеру отца, — второе высшее по специальности научное виноделие, после чего сделать карьеру в области правовой защиты виноделов. Не программа, а конфетка.

До двадцати лет Анаис ни на йоту не отступила от задуманного плана. Даже если давала себе кое-какие послабления. *Это молодость, и каждый должен перебеситься...* Она была желанной гостьей не только на чопорных балах, устраиваемых лучшими бордоскими семействами для своих сынков и дочек, но и на менее формальных вечеринках, проходивших, впрочем, в той же компании, участники которой накачивались самыми изысканными винами, благо далеко ходить за ними не приходилось — достаточно спуститься в родительский погреб. Она нередко возвращалась домой под утро после посещения очередного ночного клуба — ВИП-зал, пожалуйста, — и водила знакомство со всеми звездами футбола из сборной департамента Жиронды.

Не сказать, чтобы ровесники вызывали в ней восхищение. Тот, кто не пил по-черному, сидел на коксе, и наоборот. Их жизненные установки были не выше плинтусов танцпола. Ни один из этих папенькиных сынков не рвался даже заработать побольше денег, потому что их и так у каждого было завались. Иногда ей приходило в голову, что она предпочла бы родиться бедной и стать какой-нибудь шлюхой, продажной тварью, чтобы без малейших угрызений совести выманивать бабки у этих богатеньких придурков. Но ничего не попишешь, она была такой же, как они. И неукоснительно следовала предначертаниям своей судьбы — или предначертаниям своего отца.

Мать Анаис, чистокровная чилийка, через несколько месяцев после родов лишилась разума. Они тогда жили в Сантьяго, где Жан-Клод Шатле трудился над селекцией виноградного сорта карменер — во Франции он почти вывелся, зато пышно произрастал в предгорьях Анд. Озабоченный здоровьем супруги, Жан-Клод решил вернуться в родную Жиронду, уверенный, что не останется здесь без работы.

Так что гармонию их безоблачного существования отныне портила слетевшая с катушек мать, которую они раз в неделю навещали в психушке в соседнем Торьяке. У Анаис от этих посещений сохранились лишь самые смутные воспоминания: она собирает лютики, а папа прогуливается под руку с молчаливой женщиной, так его и не признавшей. Она умерла, когда

девочке исполнилось восемь лет. Рассудок к ней так и не вернулся.

После этого картина идеальной семьи полностью восстановилась. Отец много работал и параллельно занимался воспитанием обожаемой дочери, которая платила ему безусловным послушанием. Они представляли собой нечто вроде супружеской пары, хотя, насколько она помнила, в их отношениях не было абсолютно ничего обидного или ущемляющего ее свободу, тем более — ничего нездорового. Папочка хотел одного — чтобы она была счастлива, а счастье он понимал как соответствие общепринятой норме. Иначе говоря, дочь должна быть отличницей и чемпионкой по верховой езде.

Скандал разразился в 2002 году.

Ей был двадцать один год, когда мир вокруг нее перевернулся. Газеты. Слухи. Взгляды. Люди пялились на нее. Засыпали ее вопросами. Она не могла ответить ни на один. Это было *физически* невозможно. Она потеряла голос. На протяжении почти трех месяцев оказалась лишена способности произнести хотя бы один звук. Психосоматика, поставили диагноз врачи.

Первым делом она съехала из отцовского особняка. Сожгла все свои наряды, распрощалась со своей лошадью, когда-то подаренной папой, — будь это в ее силах, она бы прикончила конягу одним ружейным выстрелом. Она оборвала связи с прежними друзьями. Показала всей этой золотой молодежи кукиш. Ни о каком соблюдении приличий речи уже не шло. Тем более о каких бы то ни было контактах с отцом.

Настал 2003 год.

Она закончила магистратуру по правоведению. Увлеклась боевыми искусствами, освоила крав-магу^[4] и кикбоксинг. Занялась спортивной стрельбой. Она уже твердо решила, что пойдет работать в полицию. Посвятит себя защите правды. И отмоется от долгих лет лжи, с рождения мавшей ее жизнь, душу и кровь.

2004 год.

Она поступила в Высшую государственную школу офицеров полиции в Канн-Эклизе. Полтора года учебы. Процедурные тонкости. Методы расследования. Общественные отношения. Анаис окончила школу первой в выпуске и получила право самостоятельного выбора будущего места работы. Поначалу она решила поступить в обычный полицейский участок, прощупать, так сказать, почву. Но по прошествии короткого времени обратилась к руководству с просьбой перевести ее в Бордо — тот самый город, где и разразилась скандальная история, так сильно изменившая ее жизнь. Город, в котором ее имя было облито грязью. Знакомые недоумевали — зачем ей это нужно?

А ответ был прост.

Она хотела показать им, что нисколько их не боится.

А главное, показать ему, что отныне она — на стороне правосудия и справедливости.

Анаис даже внешне мало напоминала себя прежнюю. Волосы она остригла. Носила джинсы или камуфляжные штаны и кожаные куртки. Обувалась в рейнджеры. Выше ростом она не стала, зато накачала мышцы и отточила реакцию. В манере говорить, в словах, которые она теперь употребляла, и в тоне, каким их произносила, появилась жесткость. Однако, несмотря на все свои усилия, она так и осталась хорошенькой тоненькой девушкой с очень белой кожей и огромными удивленными глазами, словно бы сошедшей со страниц книжки волшебных сказок.

Вот и прекрасно.

Кто примет всерьез офицера судебной полиции с кукольной внешностью?

Что касается отношений с мужчинами, то со дня возвращения в Бордо Анаис пребывала в постоянном и пока безрезультатном поиске. Ее подчеркнуто лихой вид мог обмануть кого угодно, только не ее саму, — а ей так хотелось опереться о надежное мужское плечо. Прижаться к большому и сильному человеку, почувствовать на себе тепло его рук. Прошло два года, но она так никого и не нашла. Холодная обольстительница времен шикарных вечеринок, недоступная «снежная королева» больше не привлекала мужчин. А если ей и удавалось завлечь в свои сети хоть одного, удержать его возле себя она все равно не могла.

Что было тому виной? Ее новая повадка? Ее невроты, прорывающиеся в рубленой речи, слишком бурной жестикуляции и взглядах исподлобья? Или ее пугающая профессия? Задавая самой себе все эти вопросы, вместо ответа она просто пожимала плечами. Какая разница? Так или иначе, но уже ничего не изменишь — слишком поздно. Она утратила женственность, как теряют девственность, — безвозвратно.

Время шло, а она так и не продвинулась дальше сайта знакомств.

Три месяца дерьмовых встреч и бесплодных разговоров с явными козлами. В результате — ноль, если не считать унижения. Из каждой очередной истории она выбиралась чуть более уставшей, чуть более подавленной мужской жестокостью. Она искала товарищей, а находила врагов. Она мечтала о «Никогда не говори никогда», а ей подсовывали «Грязную дюжину».

Она подняла глаза. Слезы высохли. Теперь она слушала «Right where it belongs»^[5] группы «Nine Inch Nails». Сквозь туман на нее пялились

горгульи с крыши собора. Эти каменные монстры напомнили ей всех мужчин, с которыми она имела дело, всех беззастенчивых врунов, которые пытались ее подцепить. Студент-медик, на деле оказавшийся разносчиком пиццы. Основатель собственного предприятия, перебивавшийся на минимальную зарплату. Холостяк в поисках родственной души, чья жена ждала третьего ребенка.

Горгульи.

Бесы.

Предатели.

Она повернула ключ зажигания. Лексомил сделал свое дело. Но главное, к ней вернулся гнев, а вместе с ним — ненависть. Эти стимуляторы сильнее любого наркотика.

Трогаясь с места, она размышляла о главном событии этой ночи. В ее городе неизвестный убил невинного человека и нацепил ему на голову бычью башку. На этом фоне тускнели все ее девические страдания. Ну не глупость — переживать из-за такой ерунды, когда по улицам Бордо шастает маньяк-убийца?

Сжав зубы, она вела машину в сторону улицы Франсуа-де-Сурди. В кои-то веки ночь не пропала зря.

У нее есть труп.

А это куда лучше, чем живой козел.

* * *

— Вчера ты говорил, что тебя зовут Мишель.

— Угу. Паскаль Мишель.

Фрер записал имя. Истинное или ложное, не важно. В любом случае это дополнительная информация. Погрузить ковбоя в гипнотический сон оказалось проще простого. Амнезия словно подталкивала его отключиться от внешнего мира. Сыграл свою роль и фактор доверия, которым он проникся к психиатру. Нет доверия — нет расслабления. Нет расслабления — нет гипноза.

— Ты знаешь, где ты живешь?

— Нет.

— Подумай.

Великан сидел на стуле, выпрямив спину, положив руки на колени. Шляпу он так и не снял. Фрер проводил сеанс у себя в кабинете, там, где обычно принимал пациентов. Идеальное для воскресного дня место, где

никто их не потревожит. Он опустил шторы и запер дверь на ключ. В комнате царили полумрак и тишина.

Было 9 часов утра.

— Мне кажется... Да, точно. Город называется Оданж.

— А где это?

— Неподалеку от Аркашона.

Фрер записал.

— Кем ты работаешь?

Мишель ответил не сразу. Лоб под полями стетсоновской шляпы наморщился, выдавая глубокое раздумье.

— Вижу кирпичи.

— Строительные?

— Да. Я их беру в руки. И укладываю.

Пациент, не открывая глаз, как слепой, принялся показывать руками, как он укладывает кирпичи. Фрер вспомнил, что на руках и под ногтями у него обнаружили мелкие частицы какого-то вещества. *Кирпичная пыль?*

— Ты строитель?

— Я каменщик.

— Где ты работаешь?

— Я... По-моему... Сейчас я работаю на стройке в Кап-Ферра.

Фрер продолжал делать заметки. Он не собирался принимать эти признания за чистую монету. Память Мишеля вполне могла исказить правду, создать вымышленные воспоминания. Полученные сведения служили психиатру скорее индикаторами, указывая направление поиска. *Все это нуждается в проверке.*

Он отложил ручку и немного посидел молча. *Не следует задавать слишком много вопросов. Пусть действует обстановка кабинета.* На него самого напала сонливость. Великан не произносил ни слова.

— Ты помнишь, как зовут начальника стройки? — снова заговорил Матиас.

— Тибодье.

— Можешь продиктовать по буквам?

Мишель с готовностью исполнил его просьбу.

— Больше ничего не помнишь?

После паузы ковбой промолвил:

— Дюна... Со стройки видна Пилатова дюна...

Каждый ответ был равнозначен новому штриху на карандашном наброске, над которым трудился врач.

— Ты женат?

Снова пауза.

— Нет, не женат. Но у меня есть подруга.

— Как ее зовут?

— Элен. Элен Офер.

Это имя Фрер тоже попросил его продиктовать по буквам, после чего начал задавать вопросы с пулеметной скоростью:

— Кем она работает?

— В мэрии.

— В деревенской мэрии? Или в мэрии Оданжа?

Мишель прикрыл лицо рукой. Рука тряслась.

— Я не... Я больше ничего не знаю.

Фрер предпочел прервать сеанс. Следующий проведет завтра. Необходимо бережно относиться к способности памяти пробивать себе дорогу сквозь мрак.

Он произнес несколько слов, выводя пациента из состояния гипнотического внушения, и отдернул шторы. Его ослепил яркий свет. Левый глаз мгновенно отозвался на это острой болью. От тумана не осталось и следа. Над Бордо сияло зимнее солнце. Белое, холодное, как снежный ком. Фрер счел это добрым предзнаменованием для работы с потерявшим память пациентом.

— Как ты себя чувствуешь?

Ковбой не шелохнулся. На нем была полотняная куртка того же цвета, что и брюки, — и то и другое ему выдали в больнице. Не то пижама, не то арестантская роба. Фрер потряс головой. Он был ярким противником больничной одежды.

— Хорошо, — ответил Мишель.

— Помнишь, о чем мы говорили?

— Смутно. Я рассказал что-нибудь важное?

Отвечая, психиатр взвешивал каждое слово. Он употреблял принятые во врачебном жаргоне выражения, но не уточнял, какие именно сведения только что получил от пациента. Вначале он должен проверить каждое из них. Фрер через стол смотрел в лицо Мишелю. Произнеся несколько обнадеживающих фраз, он поинтересовался, снилось ли ему что-нибудь.

— Опять видел тот же сон.

— С солнцем?

— Ага, с солнцем. И с тенью.

А что снилось ему? После истории с людьми в черном он камнем ухнул в беспамятство. Заснул на диване, даже не раздевшись. Как последний клошар...

Он поднялся и обошел кругом сидящего великана.

— Ты пытался вспомнить, что с тобой произошло той ночью... На вокзале?

— Конечно. Дохлый номер.

Фрер мерил шагами комнату у него за спиной. Вдруг до него дошло, что это может напугать пациента — в конце концов, он не следователь, вызвавший заключенного на допрос, — и он встал справа от ковбоя:

— Ни одной детали?

— Ничегошеньки.

— А разводной ключ? А телефонный справочник?

Мишель несколько раз мигнул. Лицо дернулось нервным тиком.

— Не-а. Вообще ничего не помню.

Психиатр снова уселся за стол. На сей раз он явно почувствовал сопротивление собеседника. Тот боялся. *Боялся вспомнить*. Фрер дружески улыбнулся ему. Это означало конец сеанса и одновременно желание подбодрить пациента. Пожалуй, Фрер повел себя с ним недостаточно осторожно. Его память походила на скомканный лист бумаги: начини разворачивать — и, чего доброго, порвешь.

— Ну, на сегодня достаточно.

— Нет. Я хочу рассказать тебе о своем отце.

Итак, механизм заработал — с гипнозом или без гипноза. Фрер снова взялся за блокнот.

— Слушаю.

— Он умер. Два года назад. Он был каменщик. Как и я. Я тебе говорил, что работаю каменщиком?

— Да, говорил.

— Я очень его любил.

— А где он жил?

— В Марсаке. Это деревня близ Аркашона.

— А твоя мать?

Он не ответил и отвернулся. Казалось, он что-то высматривает в струящемся из окна льдистом свете.

— Она держала бар с табачной лавочкой, — наконец выдавил он из себя. — На главной улице Марсака. Она тоже умерла. В прошлом году. Сразу за отцом.

— Ты помнишь, как это произошло?

— Нет.

— У тебя есть братья и сестры?

— Я... — Мишель заколебался. — Не знаю.

Фрер встал. На сей раз он твердо решил закруглиться. Вызвал медбрата и велел сделать Мишеллю инъекцию седативного препарата. *Главное — отдых.*

Оставшись в одиночестве, он бросил взгляд на часы. Почти десять. Дежурство в отделении скорой начиналось в час дня. Он вполне успевал съездить домой, только что ему там делать? Пожалуй, лучше навестить своих стационарных больных. Потом можно будет вернуться в кабинет и попытаться проверить те сведения, что сообщил ему Паскаль Мишелль.

Уже шагая по коридору, он вдруг осознал одну простую истину.

Сам того не замечая, он стремится большую часть своей жизни проводить здесь, в больнице. Надежно укрытый за ее стенами. В точности как его пациенты.

* * *

— Вот, сделал что мог. Голову, считай, по кусочкам собирал.

— Вижу.

Было 10 часов утра. Анаис Шатле спала всего два часа, прикорнув на диване у себя в кабинете. Прижав к плечу телефонную трубку, она разглядывала на экране монитора то, что осталось от лица жертвы происшествия на вокзале Сен-Жан. Нос смят в лепешку. Надбровные дуги раздроблены. Правый глаз глубоко ввалился и на несколько сантиметров сместился в сторону относительно левого. За распухшими губами видны пеньки выбитых зубов. Не лицо, а сметанная на живую нитку, страшная в своей асимметричности маска.

Судмедэксперт Лонго прислал ей фотографию для опознания — и сразу же позвонил.

— По всей видимости, лицевые травмы вызваны бычьей головой. Убийца действительно выдолбил ее от шеи до мозга, а затем нахлобучил этот жуткий колпак на череп жертвы на манер сплошной маски. Но внутри оставались позвонки животного и часть мышечной ткани. Они-то и изуродовали лицо парнишки.

Парнишки... Лонго употребил правильное слово. Убитому было не больше двадцати лет. Крашенные в черный — воронова крыла — цвет, небрежно подстриженные волосы. Должно быть, гот. Криминалисты уже прогнали отпечатки его пальцев по общенациональной базе данных — впустую. Он никогда не отбывал наказание и даже ни разу не задерживался полицией за мелкие правонарушения. Результатов из Автоматизированной

национальной системы генетической информации еще не поступало — для проведения всех необходимых анализов требовалось время.

— Это его и убило?

— Нет, он был уже мертв.

— Причина смерти?

— Чутье меня не обмануло. Передоз. Сегодня утром пришли результаты токсикологического анализа. В крови клиента обнаружено почти два грамма героина.

— Почему ты думаешь, что он умер от передоза?

— Никто не в состоянии пережить такую сильную интоксикацию. Имей в виду, что я говорю о почти чистом героине. С другой стороны, любые иные повреждения отсутствуют.

Анаис перестала строчить в блокноте.

— Что ты называешь почти чистым героином?

— Концентрацию активного вещества в пределах восьмидесяти процентов.

Анаис хорошо знала мир наркотиков. Успела познакомиться с ним в Орлеане — городе, служившем перекрестком наркоторговли в регионе Иль-де-Франс. И потому ей было известно, что дури такой степени чистоты на рынке не бывает. Нигде. Особенно в Бордо.

— Что еще ты можешь сказать по результатам токсикологического анализа?

— Тебя интересует имя и адрес дилера?

Анаис оставила этот укол без ответа.

— Ясно одно, — продолжил Лонго. — Жертва — нарк со стажем. Я ведь показывал тебе его руку. Так вот, я обнаружил следы уколов даже на кистях. Носовые перегородки исследовать не удалось ввиду плачевного состояния костей и хрящей, но мне никакие подтверждения и не требовались. Клиент сидел на герыче давно и плотно. И ни за что не рискнул бы уколоться, если бы знал, что ему подсунули.

Передозировка наркотика всегда случается по недосмотру. Наркоманы постоянно ходят по красной черте, но инстинкт самосохранения не позволяет им сознательно пересекать ее. Следовательно, жертве продали — или дали просто так — дозу героина, умолчав о составе вещества.

— Парень задохнулся, — подвел итог судмедэксперт. — Все признаки налицо. Типичный случай ООЛ.

— Случай чего?

— Острого отека легкого. Зрачки сужены под действием героина и из-за мозговой кислородной недостаточности. Кроме того, во рту скопилось

немного розовой пены. Задыхаясь, он плевался плазмой. Сердце еще работало, но на последнем пределе. Долго и оно бы не выдержало.

— Ты можешь установить точное время смерти?

— Он умер не этой ночью, а предыдущей. Но в котором часу именно, не скажу.

— А почему именно ночью?

— А у тебя есть другие соображения?

Анаис подумала о тумане, который навалился на город сутки назад и не рассеивался целый день. Убийца мог действовать в любой момент, хотя, конечно, элементарная осторожность диктовала ему необходимость передвигаться с подобным грузом под прикрытием ночной тьмы. Ночь и туман, мелькнуло у нее. «Nacht und Nebel». Документальный фильм Алена Рене. Самый страшный из виденных ею фильмов о немецких концлагерях. «Оставь надежду всяк сюда входящий». Каждый раз, когда она пересматривала ленту, а делала она это часто, ей на память приходил отец.

— Есть и еще кое-что странное, — добавил Лонго.

— Что же?

— У меня такое впечатление, что он обескровлен. Тело ненормально бледное. Я проверил и другие ткани. Слизистые век, губ, ногти... Везде одна и та же картина.

— Но ты же сказал, что на теле нет ран или других повреждений.

— Вот именно. Мне кажется, что убийца выкачал из него литр или два крови. Следов от недавних уколов так много, что невозможно определить, куда именно была сделана смертельная инъекция. Но среди них может также быть след от совсем другого укола. Сделанного с целью забора крови.

— Сделанного при жизни?

— Ну разумеется. У трупа кровь не возьмешь.

Анаис сделала пометку: «Вампир?»

— Что-нибудь еще?

— Шрамы от старых ран. По большей части незалеченные порезы. Кроме того, рентген показал множественные переломы костей, причем давние, явно детские. Как и я говорил, этот парень — бомж. Мальчишка из неблагополучной семьи. В детстве его колотили, а кончил он совсем плохо.

Анаис вспомнила изможденное тощее тело в татуировках. Да, судмедэксперт прав. Его гипотезу подтверждал и другой факт. Никаких заявлений об исчезновении человека, подходящего под описание жертвы, не поступало. Или парень приехал из других мест, или никто его не хватился...

— Какие-нибудь еще признаки в пользу этого предположения есть?

— Масса. Во-первых, он был грязен до невероятия.

— Это ты мне еще на месте говорил.

— Я имею в виду хроническую, въевшуюся грязь. Чтобы его отмыть, понадобились чистящие средства. Руки в ссадинах. Кожа на лице покрасневшая, что свидетельствует о жизни под открытым небом. Следы укусов блох. Я уже не говорю про вшей, в том числе лобковых. Труп еще и в морге шевелился.

Анаис не оценила юмор Лонго. Ей представилось, как этот пятидесятилетний, всегда невозмутимый седой человек с диктофоном в руке расхаживает вокруг распростертого на столе для вскрытий тела, озаренного беспощадным светом хирургических ламп. Лонго всегда оставался для нее загадкой.

— По поводу внутренних органов, — снова заговорил он. — Та же история. Печень на грани цирроза. Для парня его лет — катастрофа.

— Значит, он еще и пил?

— Лично я думаю, что это скорее следствие гепатита С. Точнее буду знать, когда придут результаты анализов. Но я убежден, что у него отыщется еще целый букет заболеваний. До сорока ему по-любому было не дотянуть.

Анаис уже мысленно прикидывала портрет возможного убийцы. Убийца клошаров. Психопат, возомнивший, что он вправе убирать лишних людей. Она почувствовала, как по спине побежали мурашки. Впрочем, не забегает ли она вперед? Пока нет никаких доказательств того, что перед ними серийный убийца. Но лично у нее не было никаких сомнений. Если Минотавр — первая жертва, вряд ли она будет последней.

— Следы сексуального насилия?

— Отсутствуют. Спермы не обнаружено. Анальное отверстие не травмировано.

— А есть что-нибудь о последних часах его жизни?

— Ну, мы знаем, что он ел. Крабовые палочки. Лапшу с курицей. Что-то из «Макдоналдса». В общем, всякую дрянь. Наверняка питался из помойки. Одно мы установили точно: его последний ужин сопровождался обильными возлияниями. Уровень алкоголя в крови составил две целых четыре десятых промилле. Это значит, что перед тем, как всадить себе смертельный укол, он лыка не вязал.

Анаис попыталась вообразить себе, как двое — убийца и его жертва — сидят и закусывают, запивая еду пивом. После трапезы молодого парня ждало кое-что посерьезнее — доза героина. *Нет, не так.* Ей представилась

другая картина. Убийца подобрал паренька уже *после* того, как тот попиравал. И предложил ему ширнуться «лучшим в мире герычем»...

— А про убийцу что ты можешь мне сказать?

— Немного. Тело он не увечил. Довольствовался тем, что нацепил ему на черепушку эту кошмарную бычью голову. На мой взгляд, он человек хладнокровный. Привыкший действовать методически. Во всяком случае, он осуществляет свои бредовые замыслы с прилежанием и последовательностью.

— Почему «методически»?

— Я заметил одну деталь. На крыльях носа, в уголках губ, над правой ключицей и с обеих сторон от пупка на теле имеются крошечные дырочки.

— И что же это за дырочки?

— Это следы пирсинга. Убийца извлек все побрякушки. Не знаю, почему он это сделал, но, очевидно, не желал, чтобы на теле жертвы оставались металлические предметы. Говорю же тебе: психопат. Холодный как змея.

— Как, по-твоему, произошло убийство?

— Ты что, забыла правило? «Судмедэксперт не имеет права высказывать гипотезы».

Она вздохнула. Лонго явно не терпелось высказаться.

— Слушай, не изображай примадонну, а?

Врач набрал в грудь побольше воздуха и начал:

— Я бы сказал, что преступление было совершено позавчера. Убийца подцепил паренька ближе к вечеру. Либо знал, где его искать, либо просто приклеился к первому попавшемуся. Может, в забегаловке, может, на попойке, может, в сквоте, а то и вовсе прямо на улице. Но он точно знал, что жертва — наркоман. Поманил его сказочной дозой. Отвел в уголок и наполнил шприц. Сразу перед этим — или сразу после этого — откачал у него сколько-то крови. Скорее всего, до укола, иначе гемоглобин напился бы героином. Впрочем, мы все равно понятия не имеем, для чего ему понадобилась эта кровь...

Анаис мысленно отметила еще одно обстоятельство дела. Жертва знала убийцу. Ни один нарк, даже в самой страшной ломке, не даст себя колоть незнакомцу. Минотавр доверял своему палачу. *Надо поискать среди дилеров. Или людей, с которыми в последние дни тусовался парень.*

Вторая важная деталь. Денег за дозу с него не взяли. Просто потому, что у жертвы не было возможности платить 150 евро за грамм героина.

— Спасибо, Мишель. Когда я получу отчет?

— Завтра утром.

— Что-о?

— Сегодня воскресенье. Я всю ночь провозился с этим жмуриком. Так что, если ты не против, я хотел бы купить круассанов к завтраку своим мальчишкам.

Анаис смотрела на сшитое из кусочков лицо жертвы. Она проведет воскресенье с этим типом, словно явившимся из фильма ужасов. Будет опрашивать нищих попрошаек и наркодилеров. К глазам подступили слезы. *Вешай трубку.*

— Пришли мне фотографии трупа.

— А с головой что делать?

— С какой головой?

— С бычьей. Ее куда девать?

— Составь на нее отдельный отчет. Опиши, каким именно способом убийца ее отрезал и выдолбил.

— Животные — не мой профиль, — презрительно отозвался Лонго. — Тебе нужен ветеринар. Или позвони в Париж, в училище, где готовят мясников.

— Вот ветеринара-то как раз искать придется тебе, — резко оборвала его она. — Эта голова — часть твоего трупа. Значит, это твоя работа.

— Да где ж я его найду в воскресенье? Это же не один час потратишь!

Она представила себе воскресный завтрак доктора в кругу семьи и, не сдержавшись, добавила с плохо скрываемым металлом в голосе:

— Как-нибудь выкрутишься. Мы все в одной лодке.

* * *

Анаис вызвала к себе в кабинет Ле-Коза и остальных членов группы. Пока народ подтягивался, она обвела комнату взглядом. Ее относительно просторная берлога располагалась на втором этаже комиссариата. Одно огромное окно выходило на улицу Франсуа-де-Сурди, второе, поменьше, — в коридор. В качестве защиты от любопытных взглядов на этом внутреннем окне имелись жалюзи. Анаис никогда их не опускала — ей нравилось чувствовать свою причастность к творящейся в комиссариате суматохе.

Но сейчас здесь царила непривычная тишина. Это была тишина воскресного утра. Только с первого этажа до слуха Анаис доносился неясный шум. Хлопали двери вытрезвителя, выпуская на свободу своих временных обитателей. В соответствии с распоряжением прокуратуры, утром разгоняли по домам задержанных накануне мелких

правонарушителей: шоферов без водительских прав, молодых ребят, пойманных с парой граммов гашиша или кокаина, забияк, учинивших драку на дискотеке. Жатва субботнего вечера...

Анаис проверила электронную почту. Лонго уже прислал обещанные фотографии в формате PDF. Она включила принтер и вышла в коридор за кофе. К возвращению ее уже поджидала стопка кошмарных снимков.

Она внимательно рассмотрела многочисленные татуировки жертвы. Кельтский крест, маорийский узор, змея в венке из роз... Да, похоже, вкусы у парня отличались редкостной эклектикой. Но вот и последняя фотография: голова быка, установленная на столе для вскрытий, словно на прилавке в мясной лавке. Только пучка петрушки в носу не хватает. Возможно, Лонго решил проявить своеобразное чувство юмора, а то и вовсе подразнить ее. Но она на него не обиделась. Этот снимок показался ей крайне полезным, потому что служил доказательством явного безумия убийцы. Она видела перед собой зримое воплощение его безрассудной, животной злобы.

Широкие ноздри, мощные рога, черная, словно обожженная огнем наследственности шкура. Глаза — два больших лаковых шара — еще не утратили блеска, несмотря на смерть, холод и долгие часы, проведенные на дне ремонтной ямы.

Анаис, все так же стоя, отложила снимки в сторону и отпила немного кофе. В животе немедленно заурчало. Еще бы, она же не ела со вчерашнего дня. Или с позавчерашнего? Остаток ночи она посвятила тому, что обзвонила психиатрические больницы и тюрьмы, чтобы поинтересоваться, не было ли в числе их пациентов и заключенных, недавно вышедших на свободу, кого-нибудь, повернутого на греческой мифологии или калечении животных. Но говорить ей в основном пришлось с заспанными охранниками. Ничего не поделаешь, придется повторить попытку позже.

Позвонила она и в Форт Рони, где располагался Институт криминалистических исследований при национальной жандармерии и хранились данные обо всех преступлениях, совершенных на территории Франции. И снова — облом. В воскресенье, в пять часов утра, говорить ей было *решительно не с кем*.

Затем она подключилась к Интернету и погрузилась в изучение мифа о Минотавре. Как и все, она помнила его в общих чертах, но многие детали стерлись из памяти и нуждались в уточнении.

История начиналась с отца чудовища, которого звали Минос. Сын смертной женщины Европы и верховного божества Зевса, Минос рос при дворе критского царя, а впоследствии и сам стал править островом. Тщась

доказать свою причастность к богам, Минос обратился к владыке морей Посейдону с просьбой сотворить для него прекрасного быка. Посейдон согласился, но взял с Миноса клятву, что, получив быка, он принесет его в жертву ему же, Посейдону. Минос клятвы не сдержал. Потрясенный красотой животного, он сохранил ему жизнь и присоединил к своим стадам. Посейдон разгневался и внушил жене Миноса Пасифае безумное влечение к быку. Та сочеталась с ним, в результате чего на свет появилось чудовище с головой быка и телом человека — Минотавр. Плод запретной страсти надо было куда-то спрятать, и Минос приказал своему зодчему Дедалу соорудить лабиринт, в котором и заточил монстра.

Через некоторое время, выиграв войну с Афинами, критский царь наложил на побежденных страшную дань: они обязались каждый год присылать на остров семь юношей и семь девушек, которые приносились в пищу Минотавру. Афинский царь честно выполнял условия договора, пока в один прекрасный день его сын Тесей не вызвался отправиться на Крит вместе с другими обреченными с тайной целью прикончить чудовище. Благодаря помощи одной из дочерей Миноса Ариадны он убил Минотавра и нашел выход из лабиринта.

Если интуиция не обманывала Анаис, жертва убийства символизировала одновременно и мифического монстра, и убитых им юношей. Ведь парень с изуродованным бычьей головой лицом в каком-то смысле тоже был убит Минотавром.

Она села за стол и потянулась. Мифология — это прекрасно, но это лишь теория. А у нее есть кое-что более конкретное. *Восьмидесятипроцентный героин*. Вот действительно многообещающий след. В памяти снова вспыхнули воспоминания. В Орлеане, едва поступив в региональное отделение судебной полиции, она сразу поняла, что заниматься будет главным образом незаконным оборотом наркотиков, и тогда же решила устроить себе небольшую личную стажировку. Взяла неделю отпуска, заперла в сейф полицейское удостоверение и табельное оружие и отправилась в Нидерланды.

В одном из пригородов Амстердама она свела знакомство с несколькими наркодилерами. Побывала она и в квартирах, которые они снимали, — обычно из мебели в них имелся только журнальный столик со стеклянной столешницей, на которой удобнее всего насыпать дорожку. Разумеется, она заранее побеспокоилась о соответствующем камуфляже. Явилась к ним якобы вусмерть обдолбанная и потребовала сто граммов плотно спрессованного героина в пластиковом пакете, за который тут же расплатилась. Затем заперлась в сортире и спрятала добычу в анусе, как

делали все перед тем, как двинуться домой.

Всю обратную дорогу она ощущала у себя внутри присутствие яда. Вот тогда-то ее и посетило чувство, что она не только душой, но и телом предана своему делу. Она не внедрялась в преступный мир — преступный мир внедрялся в нее. Конечно, она никого не арестовала, поскольку не обладала на чужой территории никакими полномочиями. Она просто *немного пожила их жизнью*. С тех пор она дала себе слово, что всегда будет работать только так и не иначе. Отдаваясь расследованию целиком, от макушки до пяток. И больше ей ничего не нужно.

Раздался стук в дверь.

Через минуту в кабинете уже толкались четверо ее подчиненных. Ле-Коз, в безупречно выглаженном костюме и при галстукe, выглядел так, будто собрался на воскресную мессу в церковь. Амар по прозвищу Джафар являл собой полную ему противоположность — небритый, нечесаный, в измятой одежде, не иначе позаимствованной у какого-нибудь бомжа. Конант — длинная куртка с капюшоном, прикрывающим начинающую лысеть голову, — обладал столь заурядной внешностью, что это само по себе выделяло его из толпы. Закрауи, или попросту Зак, в своей маленькой аккуратной шляпе напоминал бы грустного клоуна, если бы не шрам возле рта — знаменитая тунисская улыбка,^[6] — придававший лицу пугающее выражение. Четыре мушкетера. *Один за всех, и все за Анаис...*

Она раздала всем размноженную фотографию трупа и спокойно ждала их реакции. Ле-Коз скривился. Джафар улыбнулся. Конант недоуменно покачал головой. Зак недоверчиво потрепал узкие поля своей шляпы. Анаис объяснила стратегию расследования. Если найти убийцу невозможно, надо попытаться установить личность жертвы.

— Вот с этим? — спросил Джафар и потряс листком с фотоснимком.

Она пересказала им свой разговор с судмедэкспертом. Смертельная инъекция. Исключительно высокое качество наркотика. Предположение, что потерпевший был бомжем. Все это существенно сужало поле поиска.

— Джафар! Ты займешься бездомными. Знаешь, где они тусуются?

— Много где...

— Судя по прическе и возрасту, наш клиент, скорее всего, родом из какой-нибудь трущобы. Бомж не по призванию, а по жизненным обстоятельствам. Молодой парень, помешанный на неформальной музыке и рейве.

— Тогда бульвар Виктора Гюго, улица Сент-Катрин, площадь Генерала Саррая, площадь Гамбетты, площадь Сен-Проже.

— Про вокзал не забудь. С него и начни.

Джафар кивнул.

— Когда прочеешь эти места, пройдишь по церквям, бесплатным столовкам и сквотам. Показывай снимок всем уличным попрошайкам, панкам, бездомным, — всем без исключения. Загляни в ночлежки, больницы, в отделения социальной «неотложки». В общем, побывай везде, где оказывают помощь неимущим.

Джафар разглядывал изуродованное лицо погибшего на фото и задумчиво скреб подбородок. В свои сорок лет он и сам, хоть и был полицейским, практически не имел дома. После развода он наотрез отказался выплачивать бывшей жене алименты и теперь скрывался от судебного исполнителя. Ночевал в дешевых гостиницах. Пил. Баловался травой. Играл на скачках и в покер. Поговаривали даже, что он не брезгует брать деньги у одной проститутки с улицы Этабль. Достойная компания, ничего не скажешь. Зато городское дно Джафар знал как свои пять пальцев.

— Ты, — обратилась Анаис к Ле-Козу, — возьмишь на себя дилеров.

— А где я их найду?

— Спроси у Зака. Если на рынке появился белый героин, это не могло пройти незамеченным.

— А разве героин не всегда белый?

Ле-Козу, отлично подкованному в вопросах процедуры расследования, не хватало полевого опыта.

— Героин никогда не бывает белого цвета. Он коричневый. Нарки употребляют так называемый браун, в порошке или в виде комочков. Обычно в нем содержится от десяти до тридцати процентов чистого героина. Наш клиент скончался от дозы, содержавшей восемьдесят процентов отравы. Такая дурь на дороге не валяется.

Ле-Коз, как прилежный школьник, строчил в блокноте.

— Позвони в жандармерию межрегиональной группы Бордо-Аквитании. У них есть соответствующая база данных. С именами и адресами.

— Не думаю, что они встретят меня с распростертыми объятиями.

— С войной между полицейскими покончено. Объяснишь им, в чем дело, и они тебе помогут. Свяжись с тюрьмой в Бордо. Опроси каждого заключенного, отбывающего срок за наркоту.

— Так они же за решеткой! Что они могут знать?

— Не волнуйся, они всегда в курсе. И всем показывай фотографию.

Ле-Коз старательно записывал указания своей сверкающей ручкой «Монблан». У него была матовая кожа, длинные, как у женщины, загнутые кверху ресницы, тонкая шея и блестящие от геля волосы. Глядя на него,

напомаженного как актер немого кино, Анаис засомневалась: стоит ли посылать его на такое опасное задание?

— Обойди еще и аптеки, — добавила она. — Наркоманы — их лучшая клиентура.

— Так воскресенье же!

— Начни с дежурных. А там узнай домашние адреса остальных аптекарей.

Анаис повернулась к Конанту. Тот поднял на нее покрасневшие глаза — всю ночь просматривал видеосъемку вокзальных камер наблюдения.

— Что-нибудь нашел?

— Черта с два. К тому же ремонтная яма вообще вне поля зрения камер.

— А на парковке?

— Ничего особенного. Поднял с постели двух стажеров, велел переписать номера всех автомобилей, стоявших там в последние двое суток, разыскать владельцев и вызвать для опроса.

— Очевидцы? Сотрудники вокзала? Сквоттеры из близлежащих домов?

— С ними говорили ребята из антикриминальной бригады. Но пока, судя по всему, по нулям. Никто ничего не видел.

Анаис и не рассчитывала на чудо.

— Возвращайся на вокзал. Покажи фотографию охранникам, ребятам из железнодорожной полиции и привокзальным нищим. Может, парень тусовался где-нибудь в том районе.

Конант кивнул из-под капюшона куртки. Анаис обернулась к Заку. Бывший хулиган, наркоман и угонщик, он пришел работать в полицию, как другие вступают в Иностранный легион. Перечеркнув прежнюю жизнь и начав ее с чистого листа. Ему она поручила исследовать «бычий» след.

Продолжая подпирать стену и не вынимая рук из карманов, Зак монотонным голосом отчитался:

— Я с утра пораньше обзвонил фермы. В районе Больших Ланд, Страны Басков и Гаскони их примерно десяток. Вместе с Камаргом и Альпиями — около сорока. Пока ничего не нарыл.

— С ветеринарами разговаривал?

Закрауи подмигнул ей, но она не обратила на фамиллярность внимания.

— Перебудил всех до одного, шеф.

— Скотобойни? Крупные предприятия по переработке мяса?

— В процессе.

Он отлепился от стены:

— Шеф, можно вопрос? Чисто из любопытства.

— Давай.

— Откуда ты узнала, что эта башка от бойцового быка?

— Мой отец был помешан на корриде. Я все детство провела на аренах. У того bravo рога не такие, как у обычных быков. Есть и другие признаки. Но читать тебе лекцию я сейчас не буду.

Анаис испытала мимолетное чувство удовлетворения. Она вслух сослалась на своего отца, и это несколько ее не взволновало. Даже голос не дрогнул. Впрочем, она не собиралась поддаваться иллюзиям. В это утро сильной ее сделали возбуждение и адреналин.

— Мы вот все про жертву, — заговорил Джафар. — А убийца-то? Кого мы хоть ищем?

— Бездушного, жестокого манипулятора.

— Надеюсь, у моей бывшей твердое алиби, — потрянул он головой.

Остальные засмеялись.

— Кончайте дурака валять, — одернула их Анаис. — Учитывая мизансцену, мы исключаем непредумышленное убийство, равно как и убийство в состоянии аффекта. Он все приготовил заранее. Продумал мельчайшие детали. Шансов на то, что это убийство из мести, тоже мало. Остается одно — чистое безумие. Расчетливое, холодное безумие на фоне помешательства на греческой мифологии.

Анаис встала, давая всем понять, что инструктаж окончен. Пора за работу. Офицеры потянулись к дверям.

На пороге Ле-Коз остановился и бросил через плечо:

— Чуть не забыл. Нашли этого мужика с вокзала. Ну, того, с потерей памяти.

— Где?

— Да здесь рядом. Клиника Пьера Жане. Он у них в дурке.

* * *

В полдень, завершив обход больных и отдав нужные распоряжения в отделении скорой, Матиас Фрер снова уселся перед компьютером. Ему не терпелось проверить сведения, полученные от Паскаля Мишелля.

Вначале он, как и накануне, просмотрел телефонный справочник. В Оданже, район Аркашона, никакого Паскаля Мишелля не значилось. Он зашел на сайт медицинской справочно-информационной системы. Человека

с такими именем и фамилией никогда не лечили ни в одном из департаментов Аквитании, как, впрочем, и на остальной территории Франции. Фрер позвонил в секретариат больницы и попросил дежурного администратора проверить информацию по базе данных системы социального обеспечения. Ни следа Паскаля Мишелля.

Фрер повесил трубку. На улице шла баталия — пациенты устроили соревнование по игре в петанк. До Фрера доносился стук шаров и смешки. По звуку голосов он без труда определил, кто именно участвует в турнире.

Психиатр снова потянулся к телефону и позвонил в мэрию Оданжа. На том конце провода трубку никто не снимал. Воскресенье. Он набрал номер местной жандармерии. Объяснил — уверенным голосом, пересыпая речь медицинскими терминами, — что ему требуется, и без труда добился ответа. Оданж был маленьким городом, и всех сотрудников мэрии здесь знали наперечет. Женщина по имени Элен Офер никогда в ней не работала.

Фрер поблагодарил жандарма. Интуиция его не обманула. Подсознание ковбоя извратило его воспоминания или создало на месте провала памяти искусственные. Диагноз понемногу уточнялся.

Матиас снова подключился к Интернету и открыл кадастр Кап-Ферра. Со страницы, посвященной строящимся в городе и его окрестностях объектам, он выписал названия всех фирм, нашел в Сети имена их владельцев и начальниковстроек. Фамилия Тибодье не мелькнула ни разу.

За окном по-прежнему стучали шары, раздавались крики радости или огорчения, иногда сопровождаемые беспричинным смехом. Для проформы Фрер проверил последние признания Мишелля. Его отец родился в Марсаке, «деревне близ Аркашона», а мать держала на главной улице бар с табачной лавочкой. Тщательно изучив карту области, он не нашел деревни с таким названием.

Фрер еще раз пробежал глазами по испещренной географическими названиями карте. Аркашонский бассейн, Птичий остров, мыс Ферра, Пилатова дюна... Ковбой солгал, но ключ к его тайне следовало искать где-то здесь.

Зазвонил телефон. Медсестра из приемной отделения скорой помощи.

— Извините, что отрываю, доктор. Я пыталась дозвониться вам на мобильный, но...

Фрер покосился на наручные часы: 12.15.

— Мое дежурство начинается в час дня.

— Да, но к вам тут пришли.

— Где «тут»?

— Сюда. В отделение скорой.

— И кто же?

— Полиция, — после короткого замешательства ответила медсестра.

* * *

Женщина — офицер судебной полиции — мерила шагами холл приемной. Невысокого роста, коротко стриженная, в кожаной куртке, джинсах и мотоциклетных сапогах. Как в песне про девочку, которой следовало родиться мальчиком. При этом ее лицо, несмотря на мокрые пряди, черными водорослями прилипшие к щекам, поражало красотой. «Завлекалочка», пришло ему на ум полузабытое словечко.

Фрер представился. Женщина приветливо отозвалась:

— Здравствуйте. Я капитан Анаис Шатле.

Матиасу стоило немалого труда скрыть удивление. Девушка излучала непреодолимую, прямо-таки магнетическую притягательность. В ней чувствовался характер редкостной силы. Такие не подлаживаются под мир, они добиваются, чтобы мир подлаживался под них. Фрер несколько секунд разглядывал ее.

Лицо старинной фарфоровой куклы. Широкое и круглое, с очень белой кожей, словно вырезанное из бумаги, с чертами, нанесенными на нее решительной рукой. Маленький красный рот — словно ягодка в вазочке с мороженым. На ум пришли еще два слова, явно не связанные между собой: «крик» и «молоко».

— Пойдемте ко мне в кабинет, — тоном опытного соблазнителя предложил он. — Это в соседнем здании. Там нам никто не мешает.

Девушка молча шагнула к дверям. Скрипнула кожа ее куртки. Фрер заметил торчащую из кармана квадратную рукоять пистолета. И понял, что ошибся. Он настроился на беседу с хорошенькой женщиной, тогда как ему предстоял разговор с капитаном полиции.

Они направились в отделение Анри Эя. Женщина-полицейский покосилась на игроков в петанк. От психиатра не укрылась ее нервозность, хотя она постаралась ничем не выдать своего волнения. Вряд ли ее напугал вид психически больных людей. Скорее, эта картина пробудила в ней какие-то неприятные воспоминания...

Они вошли в здание, пересекли холл приемного покоя и направились к кабинету. Фрер запер за ними дверь и предложил:

— Может быть, чашку кофе? Или чаю?

— Нет, спасибо.

- Я могу поставить чайник.
- Спасибо, не надо, я же вам сказала.
- Присаживайтесь.
- Лучше вы присаживайтесь. А я постою.

Он улыбнулся. Засунув руки в карманы, она старательно напускала на себя грозный вид, но оставалась тем, кем была, — девчонкой. Выглядело это трогательно. Он обошел вокруг стола и сел. Она не двигалась с места. Его снова поразила ее молодость: больше двадцати он бы ей не дал. Наверняка она была старше, но всей своей повадкой напоминала студентку, в крайнем случае свежее испеченную выпускницу университета. Крик. Молоко. Эти два слова по-прежнему вертелись у него в голове.

— Чем я могу вам помочь?

— Позавчера, в ночь с двенадцатого на тринадцатое, к вам поступил мужчина с потерей памяти. Его нашли на вокзале Сен-Жан, на железнодорожных путях.

— Совершенно верно.

— Вы с ним разговаривали? К нему вернулась память?

— Не совсем.

Девушка сделала несколько шагов по кабинету.

— Вчера вы звонили лейтенанту Пеласу на мобильный. Сообщили, что намерены провести сеанс гипноза. Вы его провели?

— Да. Сегодня утром.

— Что-нибудь удалось узнать?

— Пациент вспомнил некоторые подробности своего прошлого, но я их проверил и выяснил, что они не соответствуют действительности. Мне... — Он умолк и решительным жестом положил ладони на стол. — Капитан, я вас не вполне понимаю. Почему вы задаете все эти вопросы? Лейтенант Пелас сказал, что начиная с сегодняшнего дня он продолжит расследование этого случая. Вы работаете вместе с ним? Или, может, у вас появилось что-то новое?

Она проигнорировала его вопрос:

— Как по-вашему, у него на самом деле амнезия? Он ее не симулирует?

— Стопроцентной гарантии я вам не дам. Никто не даст. Но у меня впечатление, что он говорит правду.

— А не может его амнезия быть вызвана травмой? Или каким-то заболеванием?

— Он наотрез отказался пройти рентгенологическое обследование и сканирование мозга. Но все говорит за то, что синдром потери памяти

возник в результате перенесенного эмоционального шока.

— Какого рода шока?

— Понятия не имею.

— А та информация, что он вам сообщил, о чем она?

— Я же вам уже сказал, она не соответствует действительности.

— У нас есть свои способы проверки.

— Он утверждает, что его зовут Паскаль Мишелль. С двумя «л».

Она вытащила блокнот и фломастер. Блокнот в обложке из «чертовой кожи». Точная копия знаменитых блокнотов Хемингуэя и Ван Гога. Жених подарил? Она писала, от усердия слегка высунув кончик розового, как у кошки, языка. Обручального кольца на пальце не было.

— Что еще?

— Он говорит, что он каменщик. Родом из Оданжа. Сейчас якобы работает на стройке в Кап-Ферра. Я, конечно, проверил...

— Дальше, пожалуйста.

— Еще он рассказал, что его родители жили в какой-то захолустной деревне в бассейне Аркашона, но населенного пункта с таким названием не существует.

— С каким названием?

Фрер устало вздохнул:

— Марсак.

— А что он говорит о случившемся с ним?

— Ничего. Он ничего об этом не помнит.

— Почему он ночью оказался на вокзале?

— Та же картина. Он не в состоянии ничего вспомнить.

Она по-прежнему смотрела в свой блокнот, но он чувствовал, что сквозь опущенные ресницы она украдкой разглядывает его.

— Каковы шансы, что в ближайшее время он хоть что-нибудь вспомнит об этой ночи?

— Именно эти воспоминания вернутся к нему последними. Любой шок в первую очередь поражает кратковременную память. Я абсолютно убежден в том, что сейчас он и о более давнем прошлом имеет искаженное представление. Все, что он якобы вспоминает, — сплошная выдумка. Имя, место рождения, профессия. А вы не могли бы сказать, что конкретно вас интересует?

— Извините, не могу.

Матиас Фрер скрестил руки на груди и с явным огорчением произнес:

— Полиция не слишком-то настроена на сотрудничество. Если бы вы сами сообщили мне что-нибудь новое, это очень помогло бы мне в

дальнейшей работе, дало бы направление поиска...

Он замолчал, потому что Анаис Шатле, успевшая подойти к окну, громко засмеялась. Но вот она, все еще смеясь, повернулась к нему. Оказывается, ее лицо хранило еще один секрет. У нее были мелкие, покрытые сияющей эмалью зубы дикого зверька.

— Что это вас так развеселило?

— Мужчины, которые там играют. Когда одному из них приходит очередь кидать мяч, остальные прячутся за деревьями.

— Это Стен. Шизофрения. Он путает петанк с боулингом.

Анаис Шатле покачала головой:

— Не представляю, как вам удастся.

— Что удастся?

— Самому не спятить со всеми этими... сумасшедшими.

— Как и вам, наверное. Ко всему привыкаешь.

Офицер полиции опять принялась вышагивать по кабинету, постукивая фломастером по обложке блокнота. Было видно, что она изо всех сил старается казаться бывалым парнем, но все ее усилия производили обратный эффект, лишь подчеркивая ее поразительную женственность.

— Давайте так. Или вы рассказываете мне, что произошло, или я больше не отвечаю на ваши вопросы.

Она резко остановилась и уперлась взглядом в психиатра. У нее были большие карие глаза, в глубине которых светился золотистый огонек.

— Ночью обнаружен труп, — бесстрастным голосом произнесла она. — На вокзале Сен-Жан. В двухстах метрах от смазочной, где железнодорожники нашли вашего беспамятного. Что делает его идеальным подозреваемым.

Фрер поднялся. Если война, то равными силами.

— Прошлой ночью он спокойно спал у меня в отделении. И я могу это засвидетельствовать.

— Жертва была убита предыдущей ночью. Днем стоял туман, и тела никто не видел. То есть в то время, когда ваш пациент еще пользовался полной свободой передвижения. Мало того, он был на месте преступления.

— Где именно нашли тело? На рельсах?

Она улыбнулась ему — то ли сладко, то ли кисло:

— В ремонтной яме. Возле старых ремонтных мастерских.

В комнате повисла тишина. Фрера удивило собственное спокойствие. Сообщение об убийстве несколько его не шокировало. В нем даже не проснулось обычное любопытство. Гораздо больше его занимал цвет лица офицера судебной полиции. Ему представилась перегородка из рисовой

бумаги, из-за которой едва пробивается слабый огонек: наверное, за ней мелкими шажками осторожно передвигается японка в белых носках с лампой в руке...

Он потряс головой. Анаис Шатле стояла напротив его стола, словно давая ему негласное позволение разглядывать ее сколько душе угодно. Так женщины подставляют лицо и тело ласковым солнечным лучам.

И вдруг она тоже встрепенулась, сбрасывая наваждение:

— Жертва скончалась от передозировки героина.

— Значит, это не убийство?

— Убийство при помощи героина. У вас есть героин?

— Нет, и никогда не было. Мы используем опиаты. Морфин. Многие синтетические препараты. Но героин — нет, никогда. Героин не обладает лечебным действием. Кроме того, он ведь вне закона, разве не так?

Анаис вяло махнула рукой — при сильном желании этот жест мог сойти за ответ.

— Вы установили личность жертвы? — спросил Фрер.

— Нет.

— Это женщина?

— Мужчина. Вернее сказать, молодой парень.

— А на месте преступления... Ну, я имею в виду, в этой самой яме...

Что-нибудь необычное там было?

— Убитый был обнажен. И убийца нахлобучил ему на череп бычью голову.

На сей раз Матиас не остался безучастным. Он вдруг как наяву увидел кошмарную картину. Рельсы. Туман. Голое тело на дне ямы. И черная бычья голова. *Минотавр*. Анаис искоса поглядывала на него, ловя каждое его движение.

Фрер почувствовал себя крайне неуютно. Когда он заговорил, голос его звучал громче обычного:

— Чего конкретно вы хотите от меня?

— Услышать ваше мнение об этом... пациенте.

Он представил себе утратившего память исполина. Ковбойская шляпа. Кожаные сапоги. Манеры мультяшного великана.

— Он абсолютно безобиден. За это я вам ручаюсь.

— Когда его нашли, он нес в руках окровавленные предметы.

— Насколько я понял, жертва была убита вовсе не разводным ключом, не так ли? И не телефонным справочником?

— Кровь на них совпадает с кровью жертвы.

— Первая группа, положительный резус. Это самая распространенная

группа крови...

Фрер оборвал себя на полуслове. Он догадался, в какую ловушку заманивает его женщина-полицейский.

— Ладно, — сказал он. — Не надо меня поддавливать. Вы и сами знаете, что он не убийца. Что же тогда вас интересует?

— Я ничего не знаю наверняка. Кроме того, есть еще одна возможность. Он был на месте преступления в то время, когда убийца сбрасывал тело в яму. Он мог что-то видеть. — Она ненадолго замолчала, прежде чем продолжить: — Не исключено, что шок, вызвавший амнезию, наступил в результате того, что в ту ночь он стал свидетелем чего-то страшного.

Матиас осознал — на самом деле он с первой же минуты это предчувствовал, — что перед ним блестящий сыщик. Гораздо выше среднего уровня.

— Можно мне с ним поговорить? — спросила она.

— Нет, пока нельзя. Он еще не совсем пришел в себя.

Она кинула на него взгляд через плечо. Ну и девушка! Совершенно невозможно понять, в каком тоне с ней разговаривать. То грубит тебе, а то ведет себя как шаловливая девчонка!

— А почему бы вам не сказать мне правду?

Фрер нахмурил брови:

— Что вы имеете в виду?

— Вы ведь уже поставили этому человеку точный диагноз.

— Откуда вы знаете?

— Охотничий инстинкт.

Он расхохотался:

— Ваша взяла. Идемте со мной.

* * *

Архив располагался за шесть корпусов от отделения Анри Эя. Они шагали через залитый солнцем больничный двор. На улице подморозило. Серого цвета дорожки. Здания с выпуклыми кровлями. Пальмы. День был воскресный, и, несмотря на холод, им без конца встречались прогуливающиеся группки — несколько человек, тесной стайкой окружавшие одного, по поведению которого можно было сразу догадаться, что именно его и пришли навестить родственники. Попадались и одиночки. Пожилая женщина, баюкавшая куклу, которой ей служила бутылка из-под

минеральной воды. Молодой парень, державший в когтистых пальцах сигарету и что-то громко доказывавший самому себе. Старик, молившийся под деревом, оглаживая ладонями бороду.

— На что только тут у вас не насмотришься...

Капитан не притворялась, что не обращает внимания на чудачества пациентов, и ему это понравилось. Обычно посетители считали своим долгом корчить здесь постную мину. Наверное, чтобы спрятать за ней собственный страх и неловкость. Анаис тоже боялась, но предпочитала встречать опасность лицом к лицу.

— У вас бывают побеги больных?

— Сейчас принято называть их клиентами.

— Как в такси?

— Примерно, — улыбнулся он. — Только отсюда далеко не уедешь.

— Так бывают у вас побеги или нет?

— Никогда. Специализированные клиники действуют по обратному принципу.

— Не врубаюсь.

Фрер указал ей на следующую тропинку, и они пошли дальше. Солнце уже поднялось высоко, заливая все вокруг ярким светом, гнавшим прочь черные мысли.

— На протяжении последних пятидесяти с лишним лет мировая психиатрия работает под лозунгом открытых дверей. Благодаря нейролептикам большинство пациентов получили возможность стать почти такими же, как все остальные люди. Во всяком случае, они могут вернуться в семью или жить отдельно под присмотром лечащего врача. Но многие из них предпочитают не покидать клиники, потому что здесь они чувствуют себя в безопасности. Они боятся внешнего мира.

— Те, кто остается, неизлечимы?

— Да. Хроники.

— И никакой надежды на исцеление?

— В психиатрии этот термин не в ходу. Иногда, скажем так, в состоянии человека, например шизофреника, наступает некоторое улучшение. Остальным необходимо постоянно принимать лекарства. За ними надо наблюдать, корректировать дозировку, не допуская резких отклонений...

— Короче, накачивать наркотиками.

Они дошли до архива. Кирпичное строение с трубой на крыше, в котором с тем же успехом мог располагаться паровой котел или храниться садовый инвентарь. Фрер поискал ключи. Беседа его развлекала.

— Почти все смотрят на наши методы лечения косо. Вроде как мы надеваем на пациентов химическую смирительную рубашку. Но самим-то пациентам это приносит облегчение. Если вы живете с убеждением, что крысы грызут вам мозг или что с вами днем и ночью говорят какие-то голоса, поверьте мне, некоторая вялость вовсе не так страшна.

Он отпер дверь. Сунул руку внутрь, нащупывая выключатель. Его охватил азарт — воскресенье, стоящий на отшибе домишко, обворожительная сыщица рядом... Он чувствовал себя мальчишкой, с гордостью демонстрирующим подружке свой заветный шалаш в глубине сада.

Анаис Шатле молча озидала убранство помещения. Заведующая архивом на протяжении долгих лет вела подпольную войну против ДСП, ламп дневного света и ковровых покрытий. И постепенно перетасщила сюда всю больничную мебель из настоящего дерева — книжные и картотечные шкафы, полки и так далее. Поэтому здесь царила теплая, почти домашняя атмосфера, располагающая к медитации и насыщенная ароматами строгой чистоты.

— Подождите меня здесь.

Они стояли в читальном зале, среди школьных парт и стульев в стиле Жана Пруве. Фрер прошел непосредственно в библиотеку: длинные ряды полок, плотно заставленных специальной литературой, монографиями, вручную переплетенными томами диссертаций, медицинскими журналами за последнюю сотню лет. Матиас точно знал, где искать нужные ему книги.

Вернувшись в читальню, он застал Анаис сидящей за одним из столов и восхитился открывшейся его взору картиной. Фигурка затянутой в джинсы и кожу мотоциклистки резко контрастировала с мягким уютом комнаты. Фрер подвинул себе стул и устроился напротив Анаис, выложив перед ней отобранную литературу.

— Я думаю, что у Мишелля — или у человека, выдающего себя за Мишелля, — ярко выраженная реакция бегства.

Анаис широко распахнула свои темные глаза.

— Поначалу я решил было, что мы имеем дело с синдромом ретроградной амнезии. Это классический случай потери памяти, то есть личной, персональной памяти пациента. Уже на следующий день после поступления к нему начали возвращаться воспоминания. Прошное вроде бы постепенно всплывало на поверхность. Но на самом деле происходило нечто прямо противоположное.

— Как это?

— Наш ковбой не вспоминает, а выдумывает. Создает себе новую

личность. Мы называем это явление психотическим, или диссоциативным, бегством. В психиатрическом жаргоне есть и еще один термин — синдром пассажира без багажа. Это чрезвычайно редкая патология, хотя она известна науке с девятнадцатого века.

— Объясните, пожалуйста.

Фрер взял первую из принесенных книг, перелистал ее — книга была на английском — и открыл на нужной главе. Перевернул том, чтобы Анаис могла прочесть ее название: «The personality labyrinth».^[7] Автор — некий Макфилд из Университета Шарлотт, штат Северная Каролина.

— Иногда случается, что человек, перенесший сильнейший стресс или переживший шок, сворачивает за угол улицы и вдруг теряет память. Впоследствии ему начинает казаться, что он что-то такое вспоминает, но в действительности он создает себе новую личность и сочиняет новое прошлое, лишь бы не возвращаться мыслями к тому, что с ним произошло в реальности. Это своего рода бегство, но как бы бегство внутрь себя.

— А такой человек сознает, что он занимается самообманом?

— Нет, не сознает. Мишелль, например, искренне верит, что он вспоминает подробности своей жизни. Хотя он просто-напросто меняет кожу.

Анаис задумчиво листала книгу, не читая. Она *размышляла*. Матиас наблюдал за ней. Что-то подсказывало ему: ей не понаслышке известно, что такое психологические расстройства. Вдруг она подняла на него глаза, и Фрер от неожиданности вздрогнул.

— Как давно наука изучает подобные случаи?

— Первые случаи психогенной реакции бегства были отмечены в девятнадцатом веке в США. Как правило, причиной служили невыносимые условия жизни: долги, семейные раздоры, кошмарная работа. Беглец выходит на минутку в магазин и больше не возвращается домой. По пути он все забывает. А когда вспоминает, выясняется, что он — совершенно другой человек.

Фрер взял другую книгу и снова открыл ее перед сыщицей на нужной странице:

— Самую широкую известность получил случай Анселя Борна, евангелического проповедника, который перебрался в Пенсильванию и под именем А. Дж. Браун открыл писчебумажную лавочку.

— Борна? Как Джейсон Борн?

— Роберт Ладлем взял его имя для своего персонажа, страдающего амнезией. В Америке оно стало своего рода нарицательным.

— А это не то же самое, что так называемый синдром множественной

личности?

— Нет. У тех, кто страдает этим синдромом, внутри сосуществует сразу несколько личностей. Но в случае, о котором я говорю, происходит обратное: человек как бы стирает свою предыдущую личность и превращается в другого. Никакого сосуществования не наблюдается.

Анаис рассеянно проглядывала статьи, посвященные феномену, даже не пытаясь читать текст. Ее больше устраивали живые объяснения доктора.

— И вы полагаете, что именно это и произошло с Мишеллем?

— Я в этом убежден.

— Почему?

— Во-первых, все его воспоминания ложны. Это вы и сами легко проверите. Во-вторых, в них чувствуется искусственность. Они сляпаны на скорую руку, но, разумеется, подсознательно.

— Например?

Матиас поднялся и прошел за массивную дубовую стойку, служившую заведующей штаб-квартирой. В одном из ящиков он нашел то, что искал, и выложил на парту перед Анаис коробку с игрой «Эрудит».

— Наш незнакомец утверждает, что его зовут Мишелль.

Он выложил с помощью пластмассовых фишек с буквами имя МИШЕЛЛЬ.

— Довольно часто имя, подсказанное подсознанием, представляет собой анаграмму другого имени.

Он перемешал фишки и сложил из них другое имя: ШЛЕМИЛЬ.

— И что все это значит?

— Вы никогда не слышали о Петере Шлемиле?

— Нет, — буркнула она.

— Это герой романа девятнадцатого века, написанного Адельбертом фон Шамиссо. Человек, потерявший свою тень. Очевидно, наш пациент, создавая себе новую личность, вспомнил об этой книге.

— А как это связано с ним?

— Возможно, под потерей тени подразумевается утрата своей прошлой личности. С тех пор как Мишелль поступил к нам, ему снится один и тот же сон. Он идет под палящим солнцем по безлюдной деревне. Вдруг происходит бесшумный взрыв ослепительно-белого света. Он убегает, но его тень остается на стене дома. Мишелль оставляет за собой своего двойника.

Сейчас, когда он излагал свою версию офицеру судебной полиции, она казалась ему еще более обоснованной. Наверняка сон Мишелля представлял собой символический образ его бегства.

— Вернемся к моему делу, — сказала Анаис и поднялась. Она так и не сняла своей кожаной куртки. — Кризис мог быть вызван шоком, верно? Чем-то, что он увидел?

— Убийство или труп? — улыбнулся Фрер. — Вы рассуждаете вполне логично. Да, такая вероятность существует.

Анаис подошла к парте, за которой сидел Матиас. Соотношение сил вернулось к первоначальному раскладу.

— Каковы шансы, что к нему вернется подлинная память?

— В настоящий момент минимальные. Мне необходимо установить, кто он такой на самом деле, после чего я шаг за шагом попытаюсь вернуть его самому себе. Только тогда он что-нибудь вспомнит.

Девушка отступила на шаг и замерла в решительной позе:

— Мы займемся этим вместе. Что конкретно можно извлечь из тех сведений, которые он вам сообщил?

— Немного. Он строит свою новую личность из элементов старой. Но все эти элементы искажены, затемнены, иногда вывернуты наизнанку.

— Я могу получить ваши записи?

— Об этом не может быть и речи.

Фрер тоже встал и слегка поклонился ей, стараясь смягчить категоричность отказа:

— Мне очень жаль, но это правда невозможно. Медицинская тайна.

— У нас на руках убийство, — с неожиданной властью в голосе сказала она. — Я могу вызвать вас для дачи показаний как свидетеля.

Он обошел парту и встал лицом к лицу с Анаис. Фрер был выше ее на голову, но на девушку это, похоже, не произвело ровным счетом никакого впечатления.

— Разумеется, вы можете меня вызвать. Но прежде вам необходимо получить разрешение совета профессиональной медицинской ассоциации. Которая этого разрешения не даст. И вам это известно не хуже, чем мне.

— Зря вы так, — упрекнула она его и снова принялась мерить шагами комнату. — Мы могли бы объединить наши усилия. Ведь оба дела связаны между собой, это несомненно. Разве вы не заинтересованы в том, чтобы узнать всю правду?

— До известного предела. Я хочу вылечить своего пациента, а не законопатить его в каталажку.

— Все равно у вас ничего не выйдет. Не забывайте, что он — мой главный подозреваемый.

— Это что, угроза?

Она приблизилась к нему, ни слова не говоря и не вынимая рук из

карманов. Сейчас она вела себя точно так же, как в начале их встречи. Готовая схлестнуться с целым миром. Он тоже сунул руки в карманы. Кожаная куртка против белого халата.

Молчание затягивалось. И тут ему вдруг надоела эта глупая игра.

— Мы закончили?

— Не совсем.

— Что еще?

— Я хочу посмотреть на вашего зверя.

* * *

Часом позже Анаис, вернувшись на парковку возле больницы Пьера Жана, просматривала сообщения на мобильном. Ле-Коз звонил трижды. Она быстро набрала его номер.

— Мы установили личность клиента.

— Имя?

— Дюрюи. Филипп. Двадцать два года. Безработный. Без определенного места жительства. Доходяга.

Она схватила блокнот и быстро записала услышанное.

— Сведения точные?

— Абсолютно. С дилерами у меня вышел облом, но потом я опросил четверых аптекарей и в конце концов вышел на некую Сильви Жантий, адрес: Таланс, улица Камий-Пеллетан, дом семьдесят четыре. У нее аптека на площади Победы.

— Знаю, где это. Давай дальше.

— Отправил ей фотографию на мобильник. И она сразу опознала парня, несмотря на швы и шишки. Последние три месяца он регулярно навещался к ней за месячным запасом субутекса.

— Браво.

— Это еще не все. Я позвонил Джафару. Нищие с бульвара Виктора Гюго тоже его опознали. Правда, они знали его под кличкой Фифи, но это точно тот же самый парень. Гот. То появлялся, то исчезал. Мог по нескольку недель пропадать неизвестно где. По их словам, в последнее время он жил в сквоте неподалеку от улицы Виноградников.

Она отперла дверцу автомобиля и скользнула в салон.

— Когда его видели в последний раз?

— Аптекарьша — три недели назад. Нищие — пару-тройку дней. И никто не знает, чем он занимался накануне того дня, когда его убили.

— А дружки у него были? Кто-нибудь, кто мог бы рассказать о нем побольше?

— Нет. Дюрюи был одиночкой. Если он не показывался на глаза, никто не знал, где он и что делает.

— Собаки у него не было?

— Была. Здоровенная псина. Она тоже пропала. Наверное, убийца и ее прикончил.

— Проверь все-таки в собачьих питомниках.

Анаис подумала о камерах наблюдения. Надо расширить поле обзора. Прочесать мелким гребнем весь город. На одной из пленок обязательно возникнет Филипп Дюрюи. Может, даже в компании с дилером-убийцей? Н-да, мечтать не вредно.

— А его барахло?

— Закопано где-нибудь. Вместе с собакой.

Она еще раз мысленно представила себе сцену убийства. Попыталась в деталях воспроизвести все, что произошло. Убийца не входил в число бомжей, он и знаком-то с Дюрюи не был. Вычислил будущую жертву за несколько дней до преступления. Втерся к нему в доверие. Что-то посулил. Он знал, что гот сидит на героине. Знал и то, что тот ведет одинокий образ жизни — тем легче втихаря его убрать. И про собаку знал — и разработал план, как избавиться от пса.

Детали. Пятница 12 февраля. Скажем, восемь вечера. На Бордо опускается вечер. Темень и туман. Возможно, убийца выбрал этот день из-за тумана. Или заранее назначил день для убийства, а ненастная погода явилась для него просто дополнительным бонусом. Он знал, где искать Филиппа Дюрюи. Предложил ему дозу, посулив офигенный приход, и увел в укромное местечко, где все уже было наготове. В том числе инструмент, необходимый для быстрого уничтожения следов. Собаки, рюкзака, одежды. Чрезвычайно организованный преступник. С железными нервами. *Профи в своей области.*

— Ты записал фамилию лечащего врача? — задала она следующий вопрос.

— Блин, забыл! Слишком обрадовался, что удалось...

— Ладно, брось. Вышли мне эсэмэской номер телефона аптеки. Я сама узнаю.

— А мне теперь что делать?

— Теперь, когда тебе известно, кто убитый, ты выяснишь, чем занимался Дюрюи в Бордо. И в других местах.

— Ни фиги себе заданьице! Да эти козлы...

Анаис поняла его с полуслова. Бомжи являют собой последний оплот свободы в современном обществе. У них нет ни кредитных карт, ни чековых книжек. Ни машины, ни мобильного. В мире, где можно проследить за каждым звонком, за каждой покупкой, за каждым движением человека, они — единственные, кто не оставляет следов.

— Но он же наркоман! Попробуй обратиться в НАСУЛН.

В Национальную автоматизированную систему учета лиц, уличенных в употреблении наркотических веществ, стекалась информация обо всех арестах, связанных с наркотиками, произведенных на территории Франции. Аббревиатура не поддавалась корректной расшифровке, но Анаис давно махнула рукой на логику именования полицейских подразделений.

— Отпечатки пальцев ничего не дали, — доложил Ле-Коз.

— Это доказывает только то, что технология и точные науки — разные вещи. Я уверена, что Дюрюи уже задерживали. Проверь еще раз. В том числе по картотеке ассоциаций социальной помощи. Наверняка его хоть раз, да госпитализировали. Из-за наркомании и прочего. Может, он получал социальное пособие? Короче говоря, проведи полное расследование.

— А что насчет дилеров?

Анаис не верила в этот след. Торговцы дурью ничего не скажут. Впрочем, белым героином убийцу снабдили не они. *У него был собственный источник.*

— Забудь о дилерах. Сосредоточься на административных аспектах. Кроме того, мне необходим подробный отчет о физическом состоянии Дюрюи. Позвони Джафару. Пусть потрясет социальные сети. Ночлежки. Ассоциации. Пусть еще раз пройдет по сквотам и местам тусовки бомжей. И еще. Свяжись с Конантом. Пусть продолжает отсматривать видеозаписи. Мы обязаны найти на пленках Дюрюи. И мне нужен поминутный график его передвижений в последние дни перед смертью. Это — самое главное.

Анаис нажала отбой и тронула машину с места. Ей хотелось поскорее покинуть окрестности психушки, пропитанные атмосферой заточения и безумия. За несколько минут она добралась до университетского городка, расположенного неподалеку от квартала Таланс. Опять парковка. Опять остановка. Она проверила эсэмэски. Ле-Коз прислал номер телефона аптекарши. Анаис немедленно его набрала. У Сильви Жантий не оказалось под руками журнала регистрации — в это воскресенье она не работала, — но она вспомнила имя врача, выписывавшего Филиппу Дюрюи рецепты. Давид Тио. Участковый терапевт.

Еще один звонок. Трубку сняла жена доктора. Тио, как и каждое

воскресенье, играл в гольф в Леже. Анаис знала, где это. Включив зажигание, она направилась в Кейшак. Именно там располагалось поле для гольфа.

По дороге она размышляла о потерявшем память мужчине, которого Фрер ей показал. Ни к какому определенному мнению на его счет она так и не пришла. Внешне мужчина производил впечатление силача. Но в остальном он явно напоминал юродивого. Из тех, что мухи не обидят. Впрочем, ей как раз за то и платили, чтобы она не доверяла смутным ощущениям. Одно ей было ясно: великан не имеет никакого отношения к группировкам организованной преступности и не является воротилой наркобизнеса.

Половина третьего. Анаис катила по шоссе на Медок. Теперь она вспоминала свою встречу с психиатром. *Вкусное на третье.*

Матиас Фрер представлял собой типичный образец мрачного красавца. Черты лица правильные, но мимика! Мимика выдавала в нем внутреннее беспокойство. Темные до черноты глаза, надежно хранящие все секреты своего обладателя. Еще более черная волнистая шевелюра. Прямо-таки романтический герой, дьявол его побери! Одежда... К одежде очевидно равнодушен. Халат весь мятый, как будто он в нем спал. Но, как ни странно, это только добавляло ему сексапильности...

Успокойся, Анаис! Ей уже случалось смешивать в одну кучу работу и чувства, и ни к чему хорошему это не привело. В любом случае позиция, занятая психиатром, ее совершенно не устраивала. Он будет до последнего защищать интересы своего подопечного, наплевав на ее расследование. И уж точно не бросится к телефону, стоит ему узнать что-нибудь новое...

А вот и щит с указателем поля для гольфа в Леже. Если честно, она радовалась возможности работать в воскресенье. По меньшей мере, не придется киснуть на диване, слушая «Wild horses»^[8] в исполнении «Роллинг стоунз» или «Perfect day»^[9] Лу Рида. Работа — вот последняя надежда всех потерпевших крушение в личной жизни.

* * *

Поле для гольфа начиналось сразу за рядом длинных деревянных строений пепельного цвета, архитектурой напоминавших постройки Багамских островов, — обшитых вагонкой из лиственницы, с кровлей из виргинского можжевельника. Зеленеющие ложбины обступали их серые

стены с обеих сторон неким дополнением к обязательной программе.

Анаис завела машину на парковку, втиснувшись между внедорожниками «порше-кайеннами» и «астон-мартинами». Выбираясь наружу, она больше всего хотела плюнуть на какой-нибудь сияющий капот, а то и вовсе расколотить парочку зеркал заднего вида. Она ненавидела гольф. Ненавидела буржуазию. Ненавидела Бордо. Ненавидела до такой степени, что возникал закономерный вопрос: зачем она сюда вернулась? Впрочем, ненависть тоже нуждается в подпитке. Ее надо кормить, как кормят хищника. Лично ей эта негативная энергия помогала выстоять в трудные периоды жизни.

Она пешком дошла до «Клаб-хауса». И, уже переступая порог, вдруг представила себе, что вот сейчас столкнется нос к носу с отцом. Она все время боялась, что рано или поздно это случится. Лишняя причина держаться подальше от этого города.

Она окинула быстрым взором гостиные, заглянула в бутик, торговавший спортивным инвентарем. Ни одного знакомого лица. Оказываясь в местах, подобных этому, где собирались так называемые сливки общества, она со страхом ждала, что кто-нибудь признает в ней дочь Шатле. Связанный с этим именем скандал, прогремевший в высших кругах Бордо, не забылся до сих пор.

Она прошла в бар. Странно, но пока никто не попросил ее, явившуюся в джинсах и подкованных металлом сапогах, покинуть помещение. Любители гольфа, в основном мужчины, сгрудились вокруг полированной барной стойки. Все, как один, были одеты в приличествующие месту костюмы. Брюки в клетку. Обтягивающие вязаные свитера поло. Ботинки, подбитые гвоздями. Марки напропалую соперничали между собой — «Ральф Лорен», «Гермес», «Луи Вуитон»...

Анаис окликнула бармена, незаметно показала ему удостоверение и объяснила, что ей нужно. Бармен подозвал старшего над мальчиками, подающими клюшки. Если верить прикрепленному на груди беджику, его звали Николя. Да, доктор Давид Тио сейчас на поле. И Николя повел Анаис за собой. Они уже собирались сесть в мини-кар, но тут их остановили: врач только что вошел в раздевалку. Анаис снова последовала за своим провожатым.

— Вот, это здесь, — сказал Николя, когда они добрались до деревянной виллы, выстроенной у подножия холма. — Но женщинам туда вход запрещен.

— Проводите меня.

Они проникли в мужскую цитадель. Их окружили шум воды из-под

душа, гомон голосов, запахи пота, перемешанные с ароматами духов. Некоторые мужчины одевались перед своими шкафчиками с деревянными дверцами. Другие выходили из душевой, мокрые и голые. Третьи причесывались или натирали тело увлажняющим кремом.

У Анаис возникло ощущение, что она в буквальном смысле слова вторглась в святая святых мужского всемогущества. Здесь говорили о деньгах, власти, политике и спортивных победах. Ну и, разумеется, о сексе. Каждый отчитывался в своих подвигах в постели и бахвалился любовницами — так же, как горделиво сообщал, сколько очков набрал на зеленом поле. Пока что на Анаис никто не обращал ни малейшего внимания.

— Который тут Тио? — спросила она Николя.

Парень указал на мужчину, застегивавшего ремень. Крупный, высокий, судя по седине на висках — лет пятидесяти. Анаис приблизилась, и ее снова охватило беспокойство. Мужчина отчетливо напоминал ее отца. То же загорелое широкое и величественное лицо. То же выражение на нем — собственника, предпочитающего ступать по *своей* земле.

— Доктор Тио?

Мужчина улыбнулся Анаис. Дискомфорт, который она ощущала, только усилился. На нее смотрели те же льдистые глаза, что у отца. Глаза, прикидывающиеся прозрачными, чтобы утопить тебя в своей глубине.

— Это я.

— Анаис Шатле. Капитан судебной полиции Бордо. Я хотела бы поговорить с вами о Филиппе Дюрюи.

— А, Филипп! Понимаю...

Он поставил ногу на скамейку и принялся завязывать шнурок. Творившаяся вокруг суэта его словно не касалась. Анаис выждала несколько секунд.

Доктор перешел ко второму ботинку:

— У него что, неприятности?

— Он умер.

— Передоз?

— Именно.

Тио выпрямился и медленно, с видом фаталиста, покачал головой.

— Кажется, новость вас не слишком удивила.

— Зная, что он вкалывал себе в вены, удивляться не приходится.

— Вы выписывали ему субutex. Он что, пытался соскочить?

— У него были периоды улучшения и ухудшения. Когда он был у меня в последний раз, мы дошли до четырех миллиграммов препарата. Выглядел

он совсем неплохо, но особых надежд я не питал. И вот доказательство...

Врач натянул пальто из плотной шерсти.

— Когда вы видели Филиппа в последний раз?

— Мне надо посмотреть свои записи. Примерно две недели назад.

— Что вам о нем известно?

— Не много. Раз в месяц он приходил на прием в диспансер. Собаку оставлял на улице. О себе особо не распространялся.

— Как в диспансер? Разве вы принимали его не у себя в кабинете?

Он застегнул деревянные пуговицы и задернул молнию спортивной сумки.

— Нет. По четвергам я дежурю в квартале Сен-Мишель. В МПЦ. Это медико-психологический центр.

У Анаис и так плохо укладывалось в голове, как этот лощеный буржуа соглашался впустить к себе в кабинет такого грязного побирушку, как Филипп Дюрюи. Но вообразить, что доктор Тио ведет в обшарпанном помещении диспансера прием местных отбросов общества, — нет, это было выше ее сил.

Он как будто прочитал ее мысли:

— Вас удивляет, что такой врач, как я, соглашается на дежурства в диспансере. Можете считать, что я делаю это для очистки совести.

Он произнес это с нескрываемой иронией в голосе. Анаис чувствовала, как в ней поднимается волна раздражения. Царящий в раздевалке гомон мешал ей собраться с мыслями. Звуки, издаваемые этим стадом торжествующих самцов, счастливых, что они вместе, что могут смаковать сознание своей силы и богатства, так и лезли в уши.

Тио меж тем продолжил:

— Для вас, полицейских, да и вообще для всех левых, мы являемся источником всех зол. Что бы мы ни делали, мы всегда не правы. Ибо нами движет исключительно корысть или буржуазное лицемерие.

Он направился к выходу, на прощание помахав рукой кое-кому из спортсменов. Анаис догнала его:

— Филипп Дюрюи когда-нибудь рассказывал вам о своих родных?

— Не думаю, чтобы у него была родня. Мне он, во всяком случае, ничего такого не говорил.

— А друзья?

— И друзей не было. Он же был бродяга. Одиночка. И культивировал этот свой имидж. Молчаливого, замкнутого парня. Колесил по стране. Интересовался двумя вещами — музыкой и наркотой.

Тио вышел за порог. Анаис — за ним следом. В четыре пополудни на

улице уже начало смеркаться. Шум мужских голосов остался за спиной, но тут вдруг у нее над ухом оглушительно каркнула ворона. Анаис вздрогнула и поплотнее запахла куртку.

— Но он все-таки считал своим домом Бордо?

— Дом — это слишком громко сказано. Просто раз в месяц он наносил мне визит. Значит, в это время был в городе.

Врач дошел до стоянки и достал связку ключей. Анаис все было ясно без слов: он не намерен точить с ней ласы до бесконечности.

Она сделала еще одну попытку:

— Он рассказывал вам о своем прошлом? О том, откуда он родом?

— Вы плохо представляете себе, на что похоже общение врача диспансера и наркомана наподобие Дюрюи. Здравствуйте — до свидания, и все. Я осматриваю его, выписываю рецепт, и парень исчезает. Я ведь не психоаналитик.

— Он посещал психоаналитика в МПЦ?

— Не думаю. Филипп никого не просил о помощи. Он вполне сознательно выбрал улицу. И жил так, как ему нравилось.

— Если не считать наркомании, у него были проблемы со здоровьем?

— Несколько лет назад он заразился гепатитом С. Но не принимал никаких лекарств, не соблюдал диеты. Чистое самоубийство.

— Вам известно, каким путем он подсел на героин?

— Полагаю, по классической схеме. Сначала травка. Для тех, ходит на рейвы, это обычное дело. Потом экстази. Но если в воскресенье утром вы вколете себе первую дозу героина, чтобы снять ломку после экстази, то в понедельник проснетесь законченным наркоманом. Все как у всех.

Врач остановился возле черного «мерседеса» класса S. В этот миг — в первый раз — в его облике проступила усталость. Всего на несколько секунд, но он утратил самоконтроль. Застыл перед машиной с ключами в руке. Но уже в следующее мгновение снова расправил плечи и решительно нажал на кнопку брелока.

— Я не понимаю, к чему все эти вопросы. Если Филипп умер от передозировки, почему его смертью интересуется судебная полиция?

— Дюрюи действительно умер от передоза, только это было убийство. Кто-то ввел ему в вену смертельную дозу героина. Чрезвычайно чистого героина. А потом ему раздробили лицо, нахлобучив на шею голову быка.

Тю только что открыл багажник. Анаис увидела, как он побледнел, и испытала удовлетворение. Вся докторская самоуверенность таяла на глазах.

— Что это было? Серийное убийство?

В наши дни это словосочетание у каждого на слуху. Как будто речь

идет о хорошо известном социальном феномене. Так сказать, нечто среднее между безработицей и профессиональным самоубийством.

— Если это серия, то она только что началась. Он рассказывал вам про своих дилеров?

Врач забросил сумку в багажник и резким движением захлопнул его.

— Никогда.

— Когда вы видели его в последний раз, не говорил ли он, что у него появился новый дилер? Поставляющий героин высшего качества?

— Нет. Напротив, он казался как никогда полным решимости соскочить с иглы.

— После этого вы с ним виделись? В другой обстановке?

Тео открыл дверцу машины.

— Нет, ни разу.

— Мы проверим, — пообещала она, засовывая руки в карманы.

И сейчас же пожалела о своих словах. Так мог говорить только полицейский. Дерьмовый полицейский. Врача не в чем подозревать. Своей фразой она хотела только припугнуть его. Каждому полицейскому известно это искушение властью.

Врач облокотился о дверцу машины.

— Вы делаете все, мадемуазель, чтобы вызвать во мне антипатию, но, несмотря на это, вы мне симпатичны. Вы — девочка, сердитая на весь мир. Как и все те, кого я раз в неделю принимаю в диспансере.

Анаис скрестила руки на груди. Сострадательный тон доктора понравился ей еще меньше надменного.

— Открою вам один секрет, — продолжил он, наклоняясь к ней. — Знаете, почему я дежурю в диспансере, хотя ко мне в кабинет стоит очередь из самой обеспеченной публики Бордо?

Анаис не двигалась с места, лишь притопывала одной ногой и молча кусала губы. Действительно, маленький злобный зверек.

— Мой сын умер от передоза в семнадцать лет. А я ни о чем даже не подозревал. Если бы мне сказали, что он курит травку, я рассмеялся бы тому человеку в лицо. Как по-вашему, это достаточное основание? Я не в силах ничего вернуть или исправить. Но я могу помочь нескольким соплякам, когда им очень плохо. И это лучше, чем ничего.

Хлопнула дверца. Анаис смотрела, как «мерседес» скрывается за деревьями и тает в сумерках. Ей вдруг вспомнился скетч Колюша о полицейских. Его голос, произносящий: «Да, я знаю, я немного похож на придурка». Можно подумать, он говорил это лично ей.

21.00.

Дежурство наконец-то закончилось. Матиас Фрер возвращался домой, размышляя о мужчине в стетсоновской шляпе и о Минотавре. После ухода Анаис Шатле он без конца прокручивал в голове оба этих дела, пытаясь понять, есть ли между ними связь. Весь день, принимая больных, он мысленно задавал себе этот вопрос. Какое отношение имеет Мишелль к убийству? Что именно он видел? Фрер уже сожалел, что не принял предложение женщины-полицейского о сотрудничестве. Он совершенно не представлял, что еще предпринять, чтобы пробудить память ковбоя.

Его осенило в тот самый миг, когда он поворачивал ключ в замке своего домика. А что, если сблефовать? Он зажег свет в гостиной и подключился к Интернету. И буквально через минуту — кто бы мог подумать, что это так просто? — нашел координаты ближайшей к Бордо полицейской криминалистической лаборатории № 31, расположенной в Тулузе. Если по делу беспамятного работала группа из этой лаборатории, если именно ее сотрудники брали образцы с рук Мишелля, скорее всего, они же занимались и делом Минотавра.

Оставалось им позвонить.

Трубку снял дежурный. Фрер представился психиатром, привлеченным в качестве эксперта к расследованию убийства на вокзале Сен-Жан. Мужчина на том конце провода про него уже слышал — еще утром они получили дополнительные материалы для проведения анализов.

Догадка Фрера подтвердилась. И с незнакомцем, обнаруженным на путях в ночь на 13 февраля, и с трупом, найденным сутки спустя, работали одни и те же специалисты. Помогло простое совпадение: группа уже находилась в Бордо, вызванная в город по совсем другому поводу.

— Вы не могли бы дать мне номер мобильного руководителя группы?

— В смысле, координатора?

— Да-да, именно координатора.

— Вообще-то это нарушение всех правил. Запрос должен исходить от офицера судебной полиции, возглавляющего расследование.

— Вы имеете в виду Анаис Шатле? Но как раз она-то и попросила меня вам позвонить.

Имя капитана сработало как пароль. Продиктовав номер, мужчина добавил:

— Координатора зовут Абдулатиф Димун. Он еще у вас, в Бордо.

Привлек к сотрудничеству частную лабораторию и хочет дождаться результатов.

Фрер поблагодарил дежурного, повесил трубку и тут же набрал новые восемь цифр.

— Алло?

Психиатр повторил свою байку насчет эксперта-психиатра. Но человек по имени Абдулатиф Димун на свет появился явно не вчера.

— Я сообщу результаты лично капитану, возглавляющему расследование. Копию отправлю следственному судье, как только он будет назначен.

— Мой пациент страдает амнезией, — попытался переубедить его Фрер. — Я стараюсь вернуть ему память. Любая деталь, любой намек могут оказать мне неоценимую помощь.

— Понимаю вас. Но вам следует обратиться к Анаис Шатле.

Фрер притворился глухим:

— В отчете сказано, что вы обнаружили у него на руках следы пыли...

— Старина, не будьте таким упертым. Завтра утром Шатле получит мой отчет. Свяжитесь с ней.

— Мне хотелось выиграть время. Завтра утром я провожу с пациентом сеанс гипноза. Дайте мне хотя бы намек! Иначе я потеряю целый день.

Димун молчал. Колебался. Бумажная волокита всех достала. Фрер поспешил развить успех:

— Скажите хотя бы основное. По словам моего пациента, к которому начинают возвращаться кое-какие воспоминания, частицы под ногтями могут быть кирпичной пылью.

— Ничего подобного.

— А что же это?

— Разновидность фитопланктона.

— Как вы сказали?

— Морской планктон. Микроорганизм, обитающий в прибрежных водах Атлантического океана на юге Франции. Главным образом в Стране Басков.

Фрер подумал о выдумках Мишелля по поводу Оданжа, Кап-Ферра и несуществующей деревни Марсак близ Птичьего острова. Искажения и деформации, за которыми скрывается подлинное место его рождения — *Страна Басков*.

— Вы определили, что это за планктон?

— Пришлось обратиться в Институт океанологических исследований и Отдел по защите экологии побережья. Планктон входит в семейство

Mesodinium harum, то есть диножгутиконосцев. Если верить людям, с которыми мы разговаривали, это редкий вид фитопланктона, принадлежащий подводной флоре Баскского карниза.

Матиас быстро записал услышанное в блокнот и тут же — куй железо, пока горячо! — спросил:

— А еще что-нибудь нашли?

Его собеседник еще немного поколебался, но затем все-таки сказал:

— Полицию наверняка заинтересует тот факт, что тот же самый вид планктона обнаружили в еще одном месте.

— Где?

— На месте преступления. На дне ремонтной ямы. Мы установили соответствие между образцами, взятыми с рук вашего пациента, и образцами из ямы.

Фрер молчал, пытаясь переварить новость. Анаис Шатле была права: ковбой видел труп. А может, и кое-что еще...

— Спасибо, — поблагодарил он. — Я пока воздержусь от использования этих сведений при проведении сеанса гипноза. Уголовное расследование — дело полиции.

— Разумеется, — одобрительно отозвался Димун. — Удачи вам.

Матиас повесил трубку. Чуть дрожащей рукой записал последние полученные от специалиста данные. Морской планктон указывал на Страну Басков. Возможно, на профессию, связанную с морем. Он до сих пор хранил убежденность, что Мишель занят ручным трудом и работает на открытом воздухе. Рыбак? Он несколько раз подчеркнул это слово.

Но одновременно планктон напрямую связывал Мишелля с трупом. Фрер отложил ручку. Его охватило предчувствие, что эта связь станет веревкой, затянутой на шее его пациента...

Вместе с тем весь его врачебный опыт, вся его интуиция убеждали в обратном: ковбой невиновен. Возможно, он застал убийцу на месте преступления. Возможно, даже вступил с ним в схватку, вооруженный разводным ключом и телефонным справочником. И кровь на этих предметах вполне могла оказаться кровью убийцы...

Эта мысль подтолкнула его к другой, и Фрер двинулся на кухню. Не зажигая света, он подошел к окну и взгляделся в пустынную улицу.

Людей в черном видно не было.

— Шато-лезаж — одна из шести зарегистрированных в Медоке марок вина высшего качества, производимого в Листрак-Медоке...

Анаис замерзла. В хранилище, уставленном высокими хромированными резервуарами, похожими на саркофаги, гуляли сквозняки. Хорошо, что она не сняла куртку. Еще она тихо порадовалась, что внешне ничем не выделяется на фоне остальных членов клуба — всякой собравшейся здесь мрази.

— У нашей винодельни давняя история. Сорта винограда, которые мы используем, известны с пятнадцатого века...

Группа медленно двигалась по залу, слушая речь владельца и ловя свои отражения в серебристых боках винных резервуаров. Каждое воскресенье, под вечер, Анаис отправлялась на экскурсию в новую винодельню — она состояла членом клуба дегустаторов, организовывавшего посещение различных шато, расположенных в области Бордо.

И каждый раз она задавалась одним и тем же вопросом. Зачем ей это? Что она забыла на этих унылых мероприятиях? Не лучше ли было провести вечер перед телевизором, с тарелкой на коленях, наслаждаясь очередным сериалом? Не говоря уж о том, что она могла бы посвятить это время изучению символики мифа о Минотавре. Или исследованию путей распространения наркоторговли в Европе.

Все эти вопросы остались без ответа. Ровно в восемь вечера, как и каждое воскресенье, она поехала к винограднику. В плане расследования конец дня не принес ничего нового. Джафар частым гребнем прошелся по всем городским бомжатникам — безрезультатно. Ле-Коз трудился над подробной биографией Филиппа Дюрюи, но надеяться на прорыв на этом направлении в воскресенье нечего было и мечтать. Конант закончил просмотр видеозаписей с камер наблюдения на вокзале — потерпевший не мелькнул ни на одной из них — и приступил к изучению записей, сделанных в кварталах, где обитали бездомные. От Зака вообще не было никаких вестей. Он отправился расследовать «бычий» след и сгинул.

Анаис, в свою очередь, позвонила в Форт Рони. Ей удалось поговорить с сотрудником архива — настоящей ходячей энциклопедией преступного мира. Как он ни старался, но вспомнить об убийстве с мифологической подоплекой не смог. На его памяти ни одна сцена преступления не обставлялась в подобной макабрической эстетике. Ни во Франции, ни в Европе. Анаис коротко переговорила по телефону со своими помощниками и отпустила всех по домам, велев завтра с утра собраться в комиссариате.

На выходе ее перехватил старший комиссар Деверса и задержал на

пару слов. Содержание его речи было *claro*.^[10] Средствам массовой информации — ни гу-гу. Прокуратура назначит следственного судью не раньше чем через шесть дней. До тех пор у Анаис полностью развязаны руки и она может вести расследование по своему усмотрению. Только пусть не теряет бдительности: политические круги Жиронды, депутатский корпус и вообще все, кто имеет в обществе вес, будут следить за каждым ее шагом. Анаис поблагодарила его за доверие и с невозмутимым видом попрощалась, хотя на самом деле из-за стресса желудок у нее уже начинал скручиваться узлом.

— В ноябре мы разливаем вино по бочкам, в которых начинается процесс малолактозной ферментации. В среднем вино выдерживается в бочках от двенадцати до тринадцати месяцев...

На Анаис снова напал озноб. Ей представились ее руки, покрытые шрамами. Ощущение, что они постоянно оголены, выставлены напоказ, ничем не защищены, не покидало ее никогда. И не существовало на свете такой ткани и такой одежды, которая могла бы победить этот холод. Потому что он шел *изнутри*.

— Мы не стремимся затягивать созревание вин в деревянных бочках. Наша цель — производство гармоничных вин, сочетающих в себе фруктовые ароматы, кислоту и крепость. Это круглые, приятные на вкус вина, дарящие ощущение свежести...

Анаис его больше не слушала. Она ушла в себя. Погрузилась на дно собственной души. Собственной боли. Помимо воли она крепко сжимала руки, а в мозгу назойливо билась одна и та же мысль. *Мне не справиться...* Теперь дрожь передалась и ногам. Она стояла и сотрясалась всем телом. В то же время она чувствовала себя словно окаменевшей. Когда подступал очередной приступ паники, она могла упасть на землю или на ближайшую скамейку и не двигаться несколько часов. На нее накатывало нечто вроде паралича. Ужас обдавал ее своим ледяным дыханием и держал в тесном футляре, не давая вырваться.

— Сегодня мы продегустируем вино две тысячи пятого года, который в Медоке выдался чрезвычайно удачным. В настоящее время можно лишь предполагать, какой ценности достигнут вина урожая этого года в будущем. Откровенно говоря, дегустировать это вино пока преждевременно. Но мы взяли несколько образцов из бочек и...

Группа потянулась к лестнице, ведущей в погреб. Анаис засомневалась, но все-таки решила последовать за остальными. С великим трудом ей удалось спуститься по ступенькам. В подвале пахло плесенью. Ферменты медленно, но верно делали свою работу. Анаис любила вино. К

сожалению, вино всегда навевало ей мысли об отце. Именно он научил ее всему, что она знала о виноделии. Научил пробовать и дегустировать вино. Научил его коллекционировать. Когда пелена спала с ее глаз, ей пришлось отречься от всего, что так или иначе касалось ее наставника. Но вино... Он и так украл у нее все, чем она дорожила. Она не позволит ему украсть еще и любовь к вину.

— Еще раз повторяю, срок дегустации этого вина еще не настал...

Внезапно Анаис развернулась и пошла прочь. Спотыкаясь, поднялась по лестнице. Все так же потирая руки, побежала через зал с резервуарами. На улицу. На воздух. Завыть, чтобы никто не услышал. Она бежала, и ее искаженное, уродливое отражение следовало за ней, перескакивая с одной выпуклой блестящей стенки на другую. Поток нахлынули воспоминания. Неумолимый, как прилив, ужас подступал все ближе, грозя взорвать ее мозг. Как всегда.

Ей срочно надо наружу, под ночное небо.

Площадка перед винодельней пустовала. Замедляя шаг, Анаис миновала винные склады и направилась к виноградникам. Все вокруг казалось синим. Земля и небо окрасились в лунные цвета. Почва под ногами серела, словно посыпанная пеплом, и из нее выступали виноградные лозы.

Вино...

Отец...

Изо рта у нее вырывались облачка пара, смешиваясь с поднимавшейся от земли серебристой моросью испарений. Холм полого спускался к эстуарию Жиронда, и Анаис по тропинке пошла вниз. Мелкие камешки скрипели у нее под сапогами. Ветки и подпорки виноградных лоз злобно цеплялись за джинсы, словно не желали ее пропускать.

Вино...

Отец...

Она забрела в самую гущу виноградника и наконец дала волю воспоминаниям. В детстве и юности в ее жизни был всего один человек. Ее отец. Ничего удивительного для девочки, потерявшей мать в восьмилетнем возрасте. Странно было другое — в жизни отца тоже была всего одна женщина. Его дочь. Они образовывали идеальную платоническую пару. Их отношения строились на взаимопонимании и равноправии.

Образцовый отец. Он сам помогал ей делать уроки. Сам встречал ее после занятий в школе верховой езды. Сам возил ее на пляж в Сулак-сюр-Мер. Рассказывал ей о ее матери-чилийке, увядшей в психиатрической клинике, словно цветок в оранжерее. Он всегда был рядом. Она ощущала

его присутствие каждую минуту. Он ни разу ее не подвел.

Иногда Анаис испытывала какой-то дискомфорт. Необъяснимый. С ней случались панические атаки. Приступы ужаса накатывали на нее в обществе отца. Как будто ее тело знало нечто такое, что оставалось неведомым ее сознанию. Что именно?

Ответ она получила 22 мая 2002 года.

Он был напечатан на первой странице газеты «Сюд-Уэст».

Статья вышла под заголовком «Палач в наших виноградниках». Автором ее выступил телевизионный журналист, случайно наткнувшийся в Сети на документальный фильм, снятый для канала Арте и посвященный роли французских военных в деятельности южноамериканских диктатур в семидесятых годах. Активисты ультраправых движений, бывшие члены Секретной военной организации, отставные тайные агенты Службы гражданского действия сотрудничали с кровавыми режимами в качестве инструкторов. Нашлись и такие французы, которые принимали непосредственное участие в репрессиях. Так, известный винодел, работавший в Чили, лично командовал эскадронами смерти. Он и не думал прятаться под псевдонимом. Все знали его как уроженца Аквитании Жан-Клода Шатле. Днем — специалист по вину. Ночью — заплочных дел мастер.

После появления статьи телефон в доме звонил не умолкая. Новость распространилась по городу со скоростью пожара. В университете Анаис слышала приглушенный шепот у себя за спиной. На улице прохожие провожали ее глазами. Вскоре документальный фильм показали по каналу Арте. Истина выплеснулась наружу. В кадрах мелькали фотографии ее отца — он был моложе и выглядел не таким импозантным, каким его знала Анаис. О нем говорили как о «ключевой фигуре в организации пыток в Сантьяго». Свидетели вспоминали его выправку, тронутые сединой волосы и светлые глаза, а главное — хромоту, из-за которой его невозможно было перепутать с кем-то другим. Жан-Клод Шатле с детства припадал на одну ногу — результат неудачного падения с лошади.

Люди, которых он пытал, рассказывали о его мягком голосе и чинимых им зверствах. Он лично рубил им пальцы и вырывал ногти, бил их зарядами электрического тока и делал впрыскивания камфарного масла. В арсенале у Хромого — El Sojo, как его прозвали, — имелся и фирменный прием: списывая в расход очередного заключенного, он запускал ему в горло живую змею. Свидетели противоположной стороны, в основном военные, подтверждали, что Шатле — молодой выученик генерала Осареса, служившего в Аргентине, внес неоценимый вклад в

формирование и подготовку отрядов боевиков...

Анаис смотрела фильм в гостях у подруги. От пережитого в тот вечер шока у нее пропал голос. В последующие дни местная пресса опубликовала сразу несколько статей. Отец под их натиском замкнулся в гордом молчании и окропил дом святой водой — он всегда был истово верующим католиком. Анаис в каком-то дурмане сложила свои вещи. Ей исполнился двадцать один год, и от матери, назначившей ее своей единственной наследницей, у нее оставались кое-какие деньги, вырученные от продажи земельной собственности в Чили.

Она сняла двухкомнатную квартиру на центральной торговой улице Фондодеж и больше ни разу не виделась с отцом. Но ее неотступно преследовали слова свидетелей, описывавших Хромого. Его манеру говорить. Его жесты. Его руки.

Те самые руки, которые привычно хватались за *ricana*.^[11] Руки, которые мучили, резали, кололи других людей. Эти руки мыли ее, когда она была маленькой. Держали ее, провожая в школу. Защищали от всего на свете.

На самом деле она давно предчувствовала нечто подобное. Как будто ее мать, нашедшая спасение в безумии, успела мысленно сообщить ей свою страшную тайну: она вышла замуж за дьявола. И Анаис была дочерью дьявола. Она несла на себе проклятие крови.

Голос к ней постепенно вернулся, как и нормальная жизнь. Учеба на юридическом. Диплом. Высшая государственная школа офицеров полиции. По ее окончании Анаис попросила месяц на раздумье. И уехала в Чили. Она бегло говорила по-испански, не зря в ее венах текла чилийская кровь. Разыскать оставленный отцом след оказалось не так уж сложно. Хромой был в Сантьяго знаменитостью. Месяца ей вполне хватило на полное расследование. Она собрала вещественные доказательства, свидетельства, фотографии. Материала оказалось достаточно, чтобы добиваться экстрадиции отца из Франции в Чили, по меньшей мере — чтобы поддержать иски чилийских беженцев во Франции.

Но она ничего этого не сделала. Не обратилась в суд. Не стала связываться с адвокатами потерпевших. Просто вернулась в Бордо. Арендвала в банке сейф и спрятала в нем собранные документы. Запирая металлическую коробку, она оценила мрачный юмор ситуации: это было ее первое расследование, ее боевое крещение в качестве полицейского. Но она понимала, что проиграла. У нее отняли все. Детство. Корни. Личность. Будущее отныне представлялось ей чистым листом.

Она поднялась на ноги, раздвинув лозы. Приступ миновал. Как всегда,

Анаис пришла к тому же выводу, что и раньше. Ей надо найти себе мужика. Причем срочно. Мужчину, в объятиях которого все ее воспоминания, все ее страхи и боль потеряют силу. Она вытерла слезы, отряхнула колени и потащилась вверх по склону. *Мужчина в ее жизни*. Она думала не о координаторе из криминалистической службы, этом чрезвычайно привлекательном арабе, и не о зомбированных придурках, поджидавших ее в Сети.

Она думала о психиатре.

Одержимый интеллектuala в библиотеке с полками из полированного дерева.

Ей хотелось дать волю мечтам, но образ Фрера вернул ее мысли к убийству. Она проверила мобильник. Новых сообщений нет. Вот и хорошо. Можно несколько часов поспать. А с утра пораньше снова взяться за расследование. Для нее обратный отсчет уже начался.

Она подошла к своей машине. Холода она больше не чувствовала. Только глаза немного жгло — слишком много плакала. И в горле стоял горько-соленый привкус.

Она открывала дверцу, когда зазвонил телефон.

— Алло!

— Это Зак.

— Где ты пропадад, господи боже мой?

— На Юге. Нашел быка.

* * *

— Вы уверены?

— На сто процентов. Это Патрик. Патрик Бонфис.

Медсестра стояла напротив его стола, уперев руки в боки. Мириам Феррари. 35 лет. Рост 1 метр 70 сантиметров. Вес 80 килограммов. Фрер хорошо ее знал. Сильная, как мужчина, но при этом доброжелательная к больным — такая заботливая нянюшка. Она еще не сняла пальто, и с плеча у нее свисала сумка. Она пришла в отделение ранним утром понедельника и потребовала встречи с Матиасом Фрером.

Как выяснилось, в коридоре она столкнулась с потерявшим память пациентом и сейчас же узнала его.

Психиатру с трудом верилось в подобные совпадения.

— Я из басков, доктор. Моя семья живет в Гетари, это деревня на побережье, неподалеку от Биаррица. Я на каждые выходные езжу домой. У

моего зятя продуктовый магазин прямо возле фронтона.^[12] Ну вот и...

— И?..

— Ну вот, сегодня утром прихожу я на работу и вижу его. Я его сразу узнала. Думаю, это же Патрик! Патрик Бонфис. Рыбак. Его у нас каждый знает. У него своя лодка, он ее держит у причала.

— Вы с ним заговорили?

— Конечно. Привет, говорю, Патрик, что это ты здесь делаешь?

— А он? Что-нибудь ответил?

— Ничего. В каком-то смысле это ведь тоже ответ, верно?

Фрер сидел опустив глаза и изучал предметы на своем столе. Блокнот. Ручка. Справочник французских лекарственных препаратов «Видадь». Книга с английским названием «Diagnostic and Statistical Manual» — американское справочное пособие по классификации умственных расстройств. Он смотрел на эти привычные вещи и понимал, что они являют собой некое свидетельство ограниченности его знаний. Свидетельство его беспомощности.

Если бы не помощь случая, разве сумел бы он установить личность пациента?

— Расскажите мне о нем подробнее, — попросил он медсестру.

— Да я не знаю, что рассказывать.

— У него есть жена? Дети?

— Жена — да, есть. Ну, не совсем жена. Вроде как подруга. Они не женаты.

— Как ее зовут?

— Сильви. Или нет, Софи. Точно не помню. Она в кафе работает, возле порта. В сезон, конечно. А в остальное время помогает Патрику. Ну там сети починить, еще что-нибудь...

Фрер записывал за ней. Он вспомнил про планктон, обнаруженный под ногтями пациента. Гетари расположен в зоне, где водится этот микроорганизм. *Патрик Бонфис*. Он подчеркнул имя.

— Как давно они живут в Гетари?

— Да я даже и не знаю. Во всяком случае, они там поселились раньше нас. А мы в Гетари уже четыре года.

Зная, кто он такой, Фрер мог постепенно оживить память пациента относительно его подлинной личности. А затем заняться причинами, вызвавшими амнезию. Выяснить, *что именно он видел на вокзале*.

— Спасибо, Мириам, — поблагодарил он, поднимаясь. — Эти новые факты принесут несомненную пользу в лечении... Патрика.

— Вы уж меня извините, доктор, но только... Не слишком давите на

него, ладно? Что-то мне его вид не понравился. Какой-то он... расстроенный.

— Не волнуйтесь. Мы будем продвигаться вперед мелкими шажками.
Медсестра вышла.

Фрер, все так же стоя, перечитал свои записи. Он сказал сестре неправду. Ему нельзя терять время. Он запер дверь и придвинул к себе телефон. Звонок в справочную, и вот перед ним уже лежал номер телефона Патрика Бонфиса в Гетари.

После третьего звонка трубку сняла женщина.

Психиатр не стал ходить вокруг да около:

— Это Сильви Бонфис?

— Моя фамилия не Бонфис. Меня зовут Сильви Робен.

— Вам знаком Патрик Бонфис?

— Кто вы?

В голосе слышалась смесь надежды и беспокойства.

— Я доктор Матиас Фрер, психиатр из больницы Пьера Жане в Бордо. Патрик Бонфис сейчас находится у меня в отделении. Он поступил к нам три дня назад.

— Господи...

Голос женщины прервался, и Матиас расслышал нечто вроде легкого свиста. Она плакала. Беззвучно, но пронзительно.

— Мадам...

— Я так волновалась, — сквозь всхлип выдохнула она. — Ведь он пропал, ни слуху ни духу...

— Когда именно он исчез?

— Сегодня шесть дней.

— Вы обращались в полицию с заявлением?

Вместо ответа снова послышался тот же свистящий звук.

Матиас решил не настаивать:

— Вы близкая знакомая Патрика Бонфиса, рыбака из Гетари?

— Да.

— При каких обстоятельствах он пропал?

— Это было в прошлую среду. Он пошел в банк.

— В Гетари?

Она усмехнулась, несмотря на слезы:

— Гетари — деревня. Он поехал в Биарриц, на нашей машине.

— Какой марки машина?

— «Рено». Старая модель.

— Когда вы начали волноваться?

— Так сразу же. Во-первых, я переживала насчет того, что ему скажут в банке. У нас трудности... Большие трудности.

— Долги?

— Кредит. За лодку. Понимаете... В общем... Рыбачить стало тяжело. Налогов куча. Да еще и правила все время меняются. А потом, эти испанцы... Они нас прямо-таки обкрадывают. Вы что, новости по телевизору не смотрите?

Матиас быстро заполнял записями блокнот.

— Так что же все-таки произошло?

— Ничего! В том-то и дело. Он не вернулся домой. Я позвонила в банк. Они сказали, он к ним не приходил. Я пошла в порт. Обшарила все кафе, куда он любил заходить.

— Патрик пил?

Сильви не ответила. Он понял ее молчание. Одновременно он продолжал писать. Получалось, что Патрик Бонфис представлял собой хрестоматийный случай. Под давлением финансовых проблем человек сбросил с себя собственную личность как неудобное пальто. Затем сел в поезд до Бордо. Хорошо, но при чем тут происшествие на вокзале? На самом ли деле он стал свидетелем чего-то страшного? И откуда у него взялись разводной ключ и телефонный справочник?

— А дальше что было?

— Вечером я пошла в жандармерию. Они объявили его в розыск.

Должно быть, в жандармерии не придали особого значения исчезновению рыбака, известного своим пристрастием к выпивке. Во всяком случае, до Жиронды уведомление о розыске так и не добралось.

— Он в первый раз вот так пропадает?

— Ну... Конечно! Патрик, он, знаете, как сейчас говорят, немножко тормоз. Как будто не от мира сего. Но такой фокус он в первый раз выкинул.

— Вы давно живете вместе?

— Три года.

В разговоре повисла пауза. Потом Сильви тихо спросила:

— Как он там?

— С ним все хорошо. У него небольшие проблемы с памятью. Я думаю, что из-за ваших нынешних затруднений его мозг немного... э-э... переклинило. У Патрика амнезия. Очевидно, его подсознание пытается стереть прошлое, чтобы дать ему возможность начать все с нуля.

— Как это — с нуля? Что это значит?

Сильви растерялась. Действительно, Фрер пер напролом с

деликатностью танка.

— Он не хотел от вас убежать, — одернув себя, как можно мягче сказал он. — Но на него слишком много всего навалилось. Долги, трудности с работой. Все это вынудило его бежать от самого себя.

Его собеседница молчала. Фрер тоже не торопился возобновить разговор. В сущности, ведь правды он не знал. Все могло происходить совсем иначе. Патрик уехал в банк. По дороге он где-то выпил. Сел в поезд до Бордо. И здесь, на вокзале, *что-то такое увидел*. И увиденное было настолько страшно, что стерло ему память. Ковбой спрятался в смазочной, полностью утратив представление о том, кто он такой.

— А мне можно его навестить?

— Конечно. Только дождитесь моего звонка. Я скоро вам перезвоню.

Фрер попрощался с женщиной. На часах было 9.30. Истории болезни новеньких, которые он обычно просматривал по утрам, подождают. Он закрыл кабинет, предупредил секретаря, что на некоторое время отлучится, и отправился в зал художественной терапии. Почему-то он был уверен, что мужчина в стетсоновской шляпе будет там.

Матиас выбрал из связки нужный ключ и отпер дверь. На ходу поздоровался с несколькими коллегами. Как он и предполагал, Бонфис сидел в мастерской. Сегодня он отдал предпочтение ваянию и трудился над чем-то, напоминавшим примитивную глиняную маску.

— Привет.

Лицо пациента осветила широкая улыбка, обнажившая десны.

— Как дела?

— Отлично.

Фрер присел рядом. Он начал издали:

— Ты думал о том, что рассказал мне вчера?

— Ты имеешь в виду мои... воспоминания? Даже не знаю. Сегодня утром ко мне подошла одна женщина, очень приятная. Но она почему-то назвала меня Патрик...

Он замолчал. Сидел он, не поднимая глаз от своей маски. Как заключенный, совершивший неудачный побег из тюрьмы. Фрер слышал, как он шумно сглатывает.

И тогда Матиас решился:

— Я только что говорил с Сильви.

— Сильви?

Великан замер. Зрачки у него расширились — точь-в-точь как у животного, ведущего ночной образ жизни. Очевидно, в крошечной тьме беспомыслия для него забрезжил лучик света. Фрер и так намеревался во

время предстоящего сеанса слегка растормошить его разум, дабы указать пациенту правильную дорогу к себе. Но сейчас ему стало очевидно, что механизм восстановления памяти уже пришел в движение — Патрик Бонфис на глазах превращался в самого себя. Врачу оставалось только ускорить этот процесс.

— Я отвезу тебя домой, Патрик.

— Когда?

— Сегодня.

Ковбой медленно покачал головой. Незаконченная маска выпала у него из рук, и он перевел на нее глаза. Ну вот и все. Это билет в один конец, и обратного пути не будет. Что касается Фрера, то он как психиатр все свои надежды связывал с возвращением пациента в Страну Басков. Там, в знакомой обстановке и при поддержке близкой женщины, он обретет свое «я».

Но теперь на Матиаса нахлынули сомнения. Когда к беглецу возвращается память, он чаще всего забывает выдуманную личность. И Фрер боялся, что Патрик заодно забудет и о том, что видел на вокзале. Однако заговаривать с ним о Паскале Мишелле... Нет, на это он не пойдет.

Фрер поднялся и дружески коснулся плеча Патрика:

— Отдыхай. Я найду за тобой после обеда.

Мужчина в стетсоновской шляпе согласно кивнул. По его виду невозможно было понять, радует его новый поворот событий или, напротив, огорчает. Фрер быстрым шагом шел назад, в свой кабинет. Двери. Ключи. Столы и койки, намертво прикрученные к полу. И непреходящее ощущение, что он — надсмотрщик, стерегущий чужие души.

Он попросил секретаря купить ему свежие газеты и позвонил Сильви, чтобы предупредить об их приезде. Женщина, казалось, все еще не пришла в себя.

Под конец разговора он с некоторым пафосом заявил:

— Для Патрика наикратчайший путь к самому себе — это вы.

Они условились встретиться около трех часов дня в порту Гетари, и Фрер повесил трубку. Он продвигался вперед наугад. Еще никогда ему не приходилось сталкиваться с подобной ситуацией. На миг у него возникло искушение позвонить капитану Шатле и сообщить ей новость. Потом он вспомнил, что они расстались далеко не в самых дружеских отношениях. А главное, он ведь обманул эксперта из криминалистической службы. Интересно, какое наказание ему за это полагается?

Оставалась и еще одна проблема. Утром Анаис должна получить результаты анализов, которые он вывел прошлой ночью. Наличие

планктона на руках ковбоя и в яме усилит ее подозрения на его счет. Возможно, она захочет взять его подопечного под стражу. Лучше всего поскорее увезти его подальше. При самом неудачном раскладе они пошлют кого-нибудь за Патриком в Гетари, но у него будет день или два, чтобы в знакомой обстановке вспомнить, кто он такой.

Его мысли прервал стук в дверь. Пришла секретарь с кипой местных газет: «Сюд-Уэст», «Нувель Репюблик де Пирене», «Депеш», «Журналь дю Медок»... Матиас проглядел заголовки на первой странице. Все, как один, были посвящены одной теме — туману, в минувшие выходные накрывшему плотной завесой всю Жиронду. Перечисление несчастных случаев, произошедших из-за плохой видимости, занимало половину газетной полосы.

В заметке, набранной мелким шрифтом, сообщалось также, что «на вокзале Сен-Жан найдено тело бездомного, погибшего от переохлаждения». Фрер оценил хитроумие сыщиков. Он понятия не имел, как им удалось заморочить голову журналистам, но факт оставался фактом: они умело обезвредили мину, способную вызвать в обществе взрыв паники и насторожить преступника. Разумеется, он понимал, что полиция вовсе не сидит сложа руки, но лишняя шумиха вокруг этого дела следствию совсем ни к чему.

Что касается Бонфиса, то его случай удостоился упоминания лишь где-то в середине номера, на страницах, отведенных под местные новости. В ночь с 12 на 13 февраля, писала газета, на вокзале обнаружен неизвестный мужчина с признаками психического расстройства, немедленно доставленный в клинику Пьера Жане.

Фрер сложил газеты. Если повезет, журналисты не заинтересуются его новым пациентом. Он посмотрел на часы. 10.00. Затем подвинул к себе стопку историй больных, поступивших в понедельник. За утро ему надо заполнить их, провести обход в своем отделении и принять амбулаторных больных. А потом он поедет в Страну Басков. В компании с Патриком Бонфисом и его тайнами.

* * *

Всю ночь ей снилась бойня.

Темные просторные помещения. Сверху свисают какие-то металлические конструкции. Под ними — дымящиеся туши. Слышен стук топоров, опускающихся на бычьи спины. По желобам струятся потоки

черной жидкости. Высытятся груды белых черепов. Развешаются развешанные шкуры, похожие на пелерины. Мужчины в кепках трудятся не покладая рук — режут, рубят, пускают кровь. Громко хекают. Это хеканье преследовало ее всю ночь.

Проснувшись, она даже удивилась, что не выпачкалась в крови.

Анаис приняла душ. Сварила кофе. И села за письменный стол, перечитать набросанные ночью заметки.

Обезглавленная туша быка была обнаружена утром 13 февраля на пастбище ganadería Жельды — фермы по разведению быков для корриды, расположенной близ города Вильнев-де-Марсан. Анаис поздравила Закрауи и велела ему отправляться спать. Сказала, что с владельцем побеседует сама. Парень вроде бы огорчился, но спорить не стал: как и остальные члены группы, он уже больше суток был на ногах.

Анаис вернулась домой. Позвонила фермеру и предупредила, что придет завтра утром. Затем поискала в Интернете ссылки на упоминание об имевших место в последние годы случаях калечения животных. Самым громким делом на эту тему оказалась серия нападений на лошадей в Германии в девяностых годах. Их находили с отрезанными ушами и половыми органами, некоторых — забитых ножом. В многочисленных статьях, посвященных этой проблеме, говорилось, что полиция арестовала нескольких подозреваемых, но преступления продолжались. Похожие случаи отмечались в Великобритании и Нидерландах не далее как десять лет назад. Анаис ознакомилась с каждым — ничего общего с ее убийством. Ни одной зацепки, способной помочь ей в расследовании.

В восьмидесятых годах в Америке много шуму наделали случаи так называемой подпольной хирургии. На полях стали находить изувеченные трупы крупного рогатого скота, причем наблюдатели отмечали, что «операции» производились неизвестными науке инструментами. Вывод авторы публикаций делали следующий: в актах варварства повинны или пришельцы из космоса, или сами фермеры. Добравшись до этого места, Анаис закрыла сайт. Этот след вел в никуда.

Наступила полночь, но спать ей пока не хотелось. Она погрузилась в чтение материалов о выращивании «торо браво». Узнала, чем их кормят. Как содержат. Как занимаются селекцией. Узнала, как они гибнут на арене. Вся информация, почерпнутая ею из многочисленных статей, лишь подтверждала то, что ей было известно и раньше: коррида — дерьмо. Быков держат в изоляции, кормят до отвала, клеймят раскаленным железом и без всякой подготовки в четырехлетнем возрасте выпускают на арену. Это при том, что в нормальных условиях бык может жить до двадцати лет.

В два часа ночи ее, задремавшую над клавиатурой, разбудил телефонный звонок. Звонивший — он представился ветеринаром Аношем — сказал, что днем к нему обратился Лонго. В 20.00 ему доставили бычью голову, и он немедленно принялся за работу. Его и раньше привлекали к сотрудничеству с правоохрнительными органами в качестве эксперта по делам, связанным с отравлениями и заражением домашнего скота. Говорил он быстро, явно нервничая, но Анаис была ему благодарна — он позволил ей сберечь драгоценное время.

Прежде чем приступить к исследованию головы, эксперт взял пробу крови и отправил ее на анализ в лабораторию токсикологии при инспекции по контролю за качеством мяса. Результаты уже пришли: в кровеносных сосудах мозга быка обнаружены следы кетамина — мощного анестетика, используемого для усыпления животных. Активное вещество кетамин, пояснил ветеринар, содержится во многих препаратах, но лично он склоняется к имальгену как наиболее распространенному из всех. Так что перед тем, как отрубить быку голову, убийца усыпил его огромной дозой снотворного. Анаис это не удивило: бойцовые быки — это вам не комнатные собачки.

По мнению ветеринара, убийца либо подмешал препарат животному в пищу, либо, что более вероятно, воспользовался специальным пистолетом для подкожных инъекций. Найти такой легче легкого — они есть у каждого ветеринара, есть у спасателей и у служителей зоопарков. Зато имальген продают строго по рецепту врача и только в аптеках при ветеринарных клиниках. Это может быть следом. Надо лишь проверить, кто в последние недели покупал имальген на территории Аквитании и по какому рецепту. И конечно, выяснить, не зарегистрированы ли случаи незаконного проникновения в ветеринарные клиники и лаборатории, выпускающие препарат.

Что касается техники обезглавливания, то, по мнению Аноша, они имели дело с настоящим профессионалом. Чувствуется рука мастера, в смысле хирурга или мясника. Вначале он сделал надрезы на шкуре и мягких тканях, затем ввел нож в сочленение между затылком и атлантом, то есть первым шейным позвонком, и отсек спинной мозг и сухожилие, проходящее под вторым шейным позвонком. Ветеринар полагал, что таким образом голову можно без труда отделить от тела с помощью простого скальпеля. Убийца по неизвестным причинам также вырезал язык. Записывая за экспертом, Анаис подумала, что он сделал это ради красоты мизансцены, не желая, чтобы у его Минотавра язык вывешивался изо рта, как у какой-нибудь страдающей от жажды коровы.

Постепенно перед ней вырисовывались детали картины. Убийца не мог быть ни нищим, ни тем более обыкновенным дилером. Разумеется, это и не мужчина с амнезией с вокзала Сен-Жан. Безумие убийцы носит рациональный, холодный характер. Это человек со стальными нервами, тщательно подготовившийся к акту жертвоприношения. Не мясник, не фермер, не ветеринар — в этом Анаис не сомневалась. Но он обладал опытом, необходимым для постановки страшного спектакля.

Мысль о том, что ей предстоит столкнуться с подобным противником, заставила ее вздрогнуть. От страха или от возбуждения — она и сама не поняла. Наверное, и от того и от другого одновременно. Кроме того, для нее не было тайной, что в большинстве случаев убийцу-психопата ловят либо если он допустит ошибку, либо если полиции просто повезет. Рассчитывать на то, что ошибется этот убийца, не приходилось. А что до везения...

Она поблагодарила ветеринара и попросила прислать ей письменный отчет. Потом легла и несколько часов купалась в бычьей крови. В восемь утра она уже сидела за рулем своей машины, направляясь в Мон-де-Марсан.

На улице шел дождь. Нехотя, словно через силу, наступал тусклый рассвет. Она ехала, и один пейзаж за окном сменялся другим — пихтовые леса и дубовые рощи уступали место пастбищам и виноградникам. Но картины природы не радовали ее. Утром, едва проснувшись, она поняла, что зверски простудилась: голову стянуло тугим обручем боли, в горле драло, нос заложило. Вот что бывает, если на ночь глядя шататься по холмам, обливаясь слезами...

С магистрали А62 (или это была Е05?) она свернула на принадлежащее департаменту шоссе Д651, ведущее на юг. Хорошо, что ферма далеко, — у нее будет время подумать. «Дворники» выбивали на стекле мелодию, похожую на похоронный марш. Дорога за пеленой дождя еле просматривалась. Она несколько раз повторила себе, что преступник проделал тот же путь, только в обратном направлении. И увозя с собой трофей. *Голову в мешке.*

Она обогнула Мон-де-Марсан и взяла курс на Вильнев-де-Марсан. По дороге остановилась возле аптеки. Накупила лекарств. Долипран. Юмекс. Фервекс. В соседней булочной прихватила бутылку колы без сахара, чтобы запить таблетки. И завершила экзекуцию над собой, обильно опрыскав горло и закапав нос.

Снова за руль. На выезде из города она заметила справа придорожный щит с надписью «Ganadería de Gelda» и двинулась по мокрой грунтовке. Ни

одного быка в пределах видимости не наблюдалось. Анаис этому не удивилась. Она знала, что основной принцип в разведении *toro bravo* заключается в том, чтобы до корриды держать их подальше от людей. Чтобы они были более злобными и агрессивными, а главное — хуже подготовленными к встрече с матадором.

Вообще-то ей следовало предупредить о своем приезде жандармерию. К чему зря обижать местные власти? К тому же они позволили бы ей ознакомиться с материалами дела. Но она сознательно предпочла вести расследование в одиночку — не хотела, чтобы во время беседы с фермером на нее хоть что-то давило. А дипломатией займемся позже, сказала она себе.

Она углубилась в неширокий проезд. Голые ветви окаймлявших его деревьев смыкались над головой, расчерчивая небо в неровную клетку, похожую на переплетение трещин. В конце дороги, справа, показалось здание с фахверковой стеной. Анаис проехала еще несколько метров и остановилась. Типичная ландская ферма. Просторный земляной двор в окружении вековых дубов. Хозяйский дом — черные балки, белая замазка. Деревянные оштукатуренные пристройки...

Все вместе производило впечатление благородства, но вместе с тем уныния и какой-то шаткости. Обитатели фермы десятилетиями, если не столетиями, боролись за выживание, далекие от технического прогресса и современных удобств. Анаис представила себе жилые помещения без центрального отопления и водопровода. Она намеренно сгущала в воображении краски, испытывая чувство едкой горечи.

Она вышла из машины и направилась к главному дому, нахлобучив на голову капюшон и стараясь не ступать в лужи. Залаяла невидимая собака. Потянуло навозом. Она постучала в дверь. Тишина.

Анаис еще раз огляделась. Между двумя строениями мелькнула *arena de tienta*.^[13] Здесь устраивали пробные бои, но не быков, которых до наступления великого дня вообще не выпускали на арену, а их матерей. Коров загоняли на площадку и кололи пиками. Считалось, что те из них, кто реагирует на уколы особенно нервно, станут лучшими производительницами *toro bravo*. Как будто в природе существовал ген агрессивности.

— Это вы из полиции? Вы мне вчера звонили?

Анаис обернулась. За спиной у нее стоял худой как жердь мужчина в иссиня-черной куртке. Вес пера, подумалось ей. Не больше пятидесяти килограммов при росте метр семьдесят. Как его еще ветром не сносит? Анаис достала удостоверение:

— Капитан Анаис Шатле, центральный полицейский участок Бордо.

— Бернар Рампаль, — представился мужчина и без всякого воодушевления пожал протянутую ему руку. — Я тут за главного. Mayoral. И сопосedor.^[14]

— Вы специалист?

— По генеалогии животных. По хронологии боев. Разведение быков для корриды — это прежде всего память. — Он ткнул себя указательным пальцем в лоб. — Все тут.

Дождь поливал его серебристую шевелюру, стекая с нее. Как с гуся вода, мелькнуло у Анаис. Выглядел он и в самом деле более чем странно. Узкие плечи. Маленькое, чуть ли не детское землистого цвета личико, хоть и покрытое густой сетью морщин. Под стать фигуре был и голос — высокий и тонкий. Вообще-то она совсем иначе представляла себе заводчика быков для корриды — этаким мужланом весом в полтонны. Но, должно быть, мужество этого человека проявлялось в другом. В глубоком знании своего ремесла. В привычке командовать. В отсутствии склонности к сантиментам.

— Вы найдете ту сволочь, которая убила моего быка?

— Для меня важнее то, что он убил человека.

— Люди спокон веку друг друга убивают. А ваш гаденыш напал на беззащитное животное. Это уж что-то новенькое.

— Разве вы сами не занимаетесь тем же самым круглый год?

Сопосedor нахмурил брови:

— А вы что, из этих фанатиков, которые против корриды?

— Я с детства ходила на корриду.

Анаис не стала уточнять, что всякий раз возвращалась с этого зрелища больной. Лицо фермера немного смягчилось.

— Кому принадлежит ganadería?

— Одному бизнесмену из Бордо. Настоящий знаток корриды.

— Вы ему сообщили?

— Конечно.

— И как он реагировал?

— Как и все тут. Кипел от возмущения.

Анаис записала имя и координаты бизнесмена. Надо будет его опросить. Как и всех работников ganadería. Пока нельзя сбрасывать со счетов версию о том, что преступление совершено кем-то из своих. Хотя жандармы наверняка уже со всеми побеседовали.

— Пойдемте со мной, — предложил мужчина. — Мы убрали тело в хлев. Для страховой компании.

Интересно, по какой статье фермер собирается получить страховку, подумала Анаис. Порча материала, что ли? Они проникли в большой сарай. Внутри было кучами свалено сено. Под ногами чавкала грязь, и стоял прямо-таки полярный холод. Влажный силосный запах перебивала вонь органического разложения. Так воняет протухшее мясо.

Труп быка, прикрытый пленкой, занимал середину помещения.

Мужчина решительно сдернул пленку, выпустив на свободу плотный рой мух. Смерд усилился. Анаис посмотрела на огромную, уже раздувшуюся черную тушу. К ней как будто вернулся ночной кошмар: мужчины без лиц, размахивающие топорами, трупы животных, свисающие с крюков, телята с ободранной шкурой, чья обнаженная плоть переливается матовыми бликами...

— Сегодня ждем эксперта. Потом уж закопаем.

Анаис не отвечала. Рукой она крепко зажимала рот и нос. Огромная обезглавленная туша наводила на мысли об античных жертвоприношениях, призванных высвободить жизнетворные силы природы и увеличить плодородие земли.

— Вот ведь несчастье-то, — вздохнул фермер. — Cuatreño.^[15] Как раз собирались его выпустить.

— В первый и в последний раз.

— Вы рассуждаете точь-в-точь как все эти горлопаны, которые нам житья не дают.

— Спасибо за комплимент.

— Выходит, я прав. За милую таких чую...

Сменить тему. Иначе из него ничего не выжмешь.

— Я полицейский, — твердо сказала она. — Мои личные убеждения никого не касаются. Сколько весил этот бык?

— Примерно пятьсот пятьдесят кило.

— Доступ к нему в загон был открыт?

— Мы держали его на пастбище. Туда доступа нет вообще. Дороги нет, понимаете? Только верхом можно проехать.

Анаис обошла вокруг мертвого тела быка. Ее мысли вернулись к убийце. Не всякий решится напасть на такого бугая. Но убийце для его чудовищной постановки *позарез нужна была бычья голова*, и он не колебался.

— Сколько всего у вас быков?

— Две сотни. На разных пастбищах.

— Сколько животных содержалось вместе с этим быком?

— Примерно пятьдесят голов.

Анаис, все так же прижимая руку ко рту, приблизилась к туше. Черная шкура потускнела и казалась пропитанной влагой. Анаис не могла не почувствовать, как картина бесформенной массой лежавшего на полу мертвого быка перекликалась с тем ужасом, что она своими глазами видела в ремонтной яме. Только там в жертву был принесен Филипп Дюрюи. Но если Дюрюи воплощал собой одновременно и Минотавра, и его жертву, то обезглавленный бык символизировал и высшее божество, и жертвенное животное.

— Как, по-вашему, преступник сумел справиться с быком?

— Выстрелил капсулой со снотворным. Бык свалился, и тот отрезал ему голову.

— Разве он не испугался остальных быков?

— Так они разбежались, наверное. Первая реакция быка на опасность — бежать.

Анаис и раньше был известен этот парадокс. Быки для корриды вовсе не агрессивны. Просто их защитная реакция проявляется в таких беспорядочных метаниях, что это создает впечатление злобности.

— А он не мог подсыпать снотворное ему в корм?

— Нет. Зимой мы даем им сено и pienso.^[16] Пищевые добавки. Кормушки наполняют только наши пастухи. К тому же все животные едят из одного и того же лотка. Нет, он точно выстрелил в него капсулой. По-другому никак.

— У вас на ферме имеется запас препаратов снотворного действия?

— Нет, зачем? Если надо усыпить быка, мы вызываем ветеринара. А у него свои лекарства. И свой пистолет.

— Не знаете ли вы кого-нибудь, кто бы интересовался быками для корриды?

— Знаю. Тысячи человек. Каждый год съезжаются к нам на праздник.

— Я имею в виду человека, который крутился бы возле вашей фермы. Шнырял тут, что-то вынюхивал?

— Нет, такого не видал.

Анаис взглядывалась в перерубленную шею животного. Мертвые ткани приобрели темно-фиолетовый оттенок. Словно корзина, полная спелой ежевики, подумалось ей. Поверх раны поблескивали какие-то мелкие кристаллики.

— Расскажите мне, как они умирают.

— То есть?

— Как бык погибает на арене?

Фермер пожал плечами:

— Матадор вонзает в затылок быку шпагу по самую гарду.
— Какой длины лезвие шпаги?
— Восемьдесят пять сантиметров. Чтобы могла достичь артерии или легочной вены.

Анаис будто наяву увидела, как остро заточенный клинок проникает сквозь черную кожу, пронзая органы и ткани. А вот и она маленькой испуганной девочкой сидит на каменных ступенях амфитеатра. От ужаса она прижималась к отцу, а он обнимал ее, защищая. И смеялся. *Подонки*.

— Но до этого пикадор перерубает быку затылочное сухожилие пикой, — сказала она.

— Ну да.

— Потом в дело вступают бандерильеро. Они расширяют рану, чтобы потекла кровь.

— Если вы и так все знаете, зачем спрашиваете?

— Я хочу составить четкое представление обо всех этапах умерщвления быка. Это ведь довольно кровавая картина?

— Ничего подобного. Все травмы носят *внутренний* характер. Матадор не должен задевать легкие животного. Публика не любит, когда бык плюется кровью.

— Да ну? Значит, матадор своей шпагой его просто приканчивает? Так сказать, наносит удар милосердия?

— Послушайте, чего вы ко мне привязались? Чего вы от меня-то хотите?

— Я хочу выяснить, не мог ли убийца быть матадором.

— Мясником, а не матадором.

— А разве это не одно и то же?

Mauroal направился к двери, показывая, что разговор окончен. Опять Анаис все испортила. Она нагнала его на пороге. Дождь перестал, сквозь тучи несмело проглянули лучи солнца, заставив лужи сверкать зеркальным блеском.

Вместо того чтобы попытаться расположить к себе фермера, она не удержалась от следующего вопроса:

— А это правда, что быков для корриды никогда не подпускают к самкам? Чтобы были злее?

Бернар Рампаль обернулся к ней и процедил сквозь зубы:

— Тавромахия — это искусство. И, как всякое искусство, имеет свои законы. Вековые законы.

— А мне говорили, что в загонах они пытаются оседлать друг дружку. Как вы думаете, если бы публика узнала, что все ваши быки — гомики, ей

бы это понравилось?
— Катитесь отсюда.

* * *

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Сидя за рулем машины, Анаис вслух проклинала себя. Вчера завалила разговор с врачом — любителем гольфа. Сегодня — с фермером, который знал о быках все. Она просто не умеет держать себя в руках. И только все портит своими детскими наскоками и грошовыми провокациями. Ей поручено серьезное уголовное расследование, а она играет в подростковый бунт против буржуазного жизненного уклада.

Кровь стучала в висках. Лицо покрылось холодным потом. Если один из них сообразит позвонить в прокуратуру, ей конец. Дело передадут другому полицейскому. Более опытному. Менее импульсивному.

Добравшись до Вильнев-де-Марсана, она сделала остановку. Высморкалась, еще раз попрыскала лекарством в горло и закапала нос. Следовало заехать в жандармерию, но ее обуревали сомнения. Разговор с коллегами надо вести максимально дипломатично, но она на это просто не способна. Особенно сейчас. А, ладно. Пошлет к ним Ле-Коза. У него к таким вещам талант.

Она завела мотор и нажала на педаль газа. На сей раз она не стала кружить по шоссе департамента, а побыстрее выбралась сначала на магистраль N10, затем — на E05. И взяла курс на Бордо.

Зазвонил мобильник. Не отрывая глаз от дороги — она мчалась со скоростью 180 километров в час, — Анаис плечом прижала к уху телефон.

— Это Ле-Коз. Я всю ночь шерстил Интернет. А утром обзвонил все загсы и службы социальной защиты.

— Давай, только коротко.

— Филипп Дюрюи родился в Каэне в восемьдесят восьмом году. Родители неизвестны.

— Что, даже мать?

— Даже мать. Она от него отказалась, а в этих случаях гарантируется анонимность. Конечно, можно попытаться навести справки, но потребуются официальный запрос и...

— Давай дальше.

— Его взял под опеку детский отдел службы социальной помощи населению. Он сменил несколько интернатов и приемных семей. Вел себя

тихо, ну, более или менее. В пятнадцать лет оказался в Лилле. Поступил в профтехучилище, на отделение по подготовке работников общественного питания широкого профиля. Короче, в столовке должен был потом вкалывать. Ну вот, проучился он там несколько месяцев, а потом вдруг все бросил. Заделался панком. Подобрал где-то псину и в путь. Через два года его видели на фестивале в Орильяке.

— Что за фестиваль?

— Уличного театра. Там его повязали за употребление наркотиков. Но скоро отпустили — он же был несовершеннолетний.

— Какие наркотики он принимал?

— Амфетамины, экстази, кислоту. Потом его еще два раза брали, то есть минимум два раза. И всегда на фестивалях. Рока или рейва. В апреле две тысячи восьмого — в Камбре, а в две тысячи девятом — в Мийо.

— Опять за наркоту?

— Нет, уже за драки. Малец был задиристый. Особенно не любил вышибал в барах.

Анаис не забыла, как выглядело тело убитого парня. Кожа да кости. Но, видимо, он был не робкого десятка. Или просто вечно обдолбанный? Во всяком случае, такой вряд ли позволил бы вколоть себе неизвестную дрянь помимо собственной воли. Значит, убийца сумел запудрить ему мозги.

— Ну хорошо. А что в последнее время?

— Самая свежая информация относится к январю этого года.

— В Бордо?

— В Париже. Еще один концерт. Двадцать четвертого января две тысячи десятого года в зале «Элизе-Монмартр». Дюрюи там опять подрался. При нем нашли два грамма героина. Его забрали в комиссариат Гут-д'Ор. Поместили сначала в вытрезвитель, потом в обезьянник. Через восемнадцать часов по решению судьи освободили.

— Дело не завели?

— Два грамма — это личное потребление.

— Что потом?

— Потом ничего. До самой ремонтной ямы. Предположительно он вернулся в Бордо в конце января.

Прослеживать все перипетии существования Дюрюи в Бордо не имело никакого смысла. Интерес для следствия представляли лишь последние дни его жизни. В один из этих дней он и познакомился с будущим убийцей, который явно не принадлежал к социальному дну.

— От остальных новости есть?

— Джафар всю ночь тусовался с бомжами.

У нее потеплело на сердце. Вопреки ее приказу ни Ле-Коз, ни Джафар не разбежались по домам дрыхнуть. *Один за всех, и все за Анаис...*

— Что-нибудь узнал?

— Мало что. Дюрюи почти ни с кем не общался.

— А что в ночлежках? В бесплатных столовых?

— Он их как раз сейчас обходит.

— Что у Конанта? Все пленки отсмотрел?

— Еще досматривает. Но пока у него по нулям. Дюрюи ни на одной не засветился.

— А Зак?

— Про него ничего не знаю. Вроде бы с утра должен потрясти дилеров. Как я понял, ты его оставила вместо себя.

Ле-Коз говорил сухо, но у Анаис не было времени разбираться с его обидами. Ее осенила новая идея.

— Позвони Джафару. Пусть займется собакой.

— А что там с собакой? Мы же обзвонили все приемники. Никаких следов псины. Тем более мы даже породу не знаем. Скорее всего, убийца ее прикончил и где-нибудь закопал.

— Надо поговорить с мясниками. Обойти рынки. Особое внимание — оптовым торговцам. Сам подумай, ведь Дюрюи должен был как-то выкручиваться, чтобы кормить собаку.

Ле-Коз молчал, судя по всему растерянный.

— Я что-то не пойму, что именно ты хочешь узнать?

— Нам нужен свидетель. Кто-то мог видеть Дюрюи в обществе другого мужчины. Того, который в конце концов и сделал ему смертельный укол.

— Вряд ли мясники нам это расскажут.

— И насчет шмоток. Где Дюрюи покупал себе одежду? Либо на складах, где за гроши отдают нераспроданный товар, либо в «Эммаусе». Проверьте их все. Установите, когда он в последний раз там показывался.

— Мне кажется, он в основном просто просиживал где-нибудь задницу.

— Согласна. Значит, надо найти место, где он обычно попрошайничал. Не забывай, что до нас ту же работу проделал убийца. Он его вычислил. Проследил за ним. Изучил его повадки. Нам придется заняться тем же. Может быть, удастся поймать его тень. Новые снимки Дюрюи уже готовы?

— Да, при задержаниях его фотографировали.

— Показывайте эти фотографии всем, с кем будете разговаривать. А

мне вышли их на айфон.

— Хорошо. Так что мне сейчас делать?

Анаис велела ему разрабатывать лекарственный след. Проверить все рецепты на имальген и кетамин, выписанные в Аквитании. Выяснить, не было ли случаев грабежа в клиниках и фармацевтических лабораториях. Ле-Коз ответил, что все выполнит, но особого энтузиазма в его голосе Анаис не услышала.

Перед тем как завершить разговор, она попросила его позвонить в жандармерию Вильнев-де-Марсана и вежливо — она особо подчеркнула это — поинтересоваться, нет ли у них свежей информации.

Она уже подъезжала к Бордо. Ее мысли занимал сейчас лощеный коллега, с которым она только что говорила. Лейтенант отличался одной любопытной особенностью — жил явно не по средствам. Объяснить его богатство семейным достатком тоже было нельзя: отец Ле-Коза, простой инженер, уже вышел на пенсию. Рано или поздно этим обстоятельством должен заинтересоваться отдел внутренних расследований, но Анаис не задавала себе вопросов, потому что знала на них ответы.

Волшебная метаморфоза с ее коллегой произошла в 2008 году, после ограбления особняка на авеню Феликса Фор. Нет, Ле-Коз не входил в число налетчиков, но он вел следствие по этому делу. И несколько раз беседовал с хозяйкой особняка, уже не очень молодой баронессой, владевшей одной из лучших марок вина, производимого в районе Медока. После этого знакомства у Ле-Коза появились часы «Ролекс», автомобиль «ауди-ТТ» и черная кредитная карта «Infinite».^[17] Грабителей он так и не нашел. Зато нашел свою любовь. Любовь, существенно улучшившую его благосостояние, как шептались в коридорах комиссариата. Но Ле-Козу было плевать на сплетни. Кстати, поменяйся они с баронессой местами, эта история никого не удивила бы, подумалось Анаис.

Снова зазвонил телефон. Джафар.

— Ты где? — спросил он.

— Подъезжаю к Бордо. Что-нибудь нашел?

— Нашел Рауля.

— Кто это?

— Последний, кто разговаривал с Дюрюи до того, как его пришили.

На лбу у Анаис снова выступила испарина. Наверное, у нее температура. Не отпуская руль, она глотнула из аптечного пузырька микстуры.

— Рассказывай.

— Рауль — нищий, живет на набережной, возле Сталинградской

площади, на левом берегу. Дюрюи время от времени его навещал.

— Когда они виделись в последний раз?

— В пятницу двенадцатого февраля, ближе к вечеру.

Предположительно в вечер убийства. Это очень важный свидетель.

— По его словам, Дюрюи собирался на какую-то встречу. В тот самый вечер.

— С кем?

— С ангелом.

— С кем, с кем?

— Так говорит Рауль. А ему, в свою очередь, так сказал Дюрюи.

Анаис не могла скрыть разочарования. Алкогольный бред. Или бред обколотого торчка.

— Ты привез его в участок?

— Не к нам. В комиссариат на улице Дюко.

— Почему туда?

— Ближе всего. Он сейчас в вытрезвителе.

— В десять утра?

— Подожди, пока сама его не увидишь.

— Я на минутку заскочу на Франсуа-де-Сурди, а оттуда сразу к ним.

Хочу сама его допросить.

Она нажала отбой. К ней возвращалась надежда. В конце концов их кропотливый труд себя оправдает. Они во всех подробностях восстановят передвижения и поступки жертвы и доберутся до его связи с убийцей. Она проверила, пришли ли на айфон фотографии Дюрюи. Пришли, и сразу несколько. Молодой панк выглядел не слишком привлекательно. Черные волосы торчком. Черные глаза в густой обводке. Пирсинг на висках, на крыльях носа, в уголках губ. Станный парень. Наполовину панк, наполовину гот. И стопроцентный фанат неформальной музыки.

Она уже катила по городу, вдоль набережных. Над эспланадой Кенконс светило солнце. С небес, словно промытых ливнем, на еще мокрые крыши домов лилась ослепительная голубизна. Анаис свернула на бульвар Клемансо, миновала шикарный квартал Гранз-Ом и, чтобы не соваться в центр, поехала по улице Жюдаик. Она не раздумывала над маршрутом; рефлекс, служивший ей чем-то вроде навигатора, вел ее сам.

На улице Франсуа-де-Сурди она быстро проскочила к себе в кабинет и проверила почту. Пришел отчет от координатора криминалистов, красавца араба. Они совершили сенсационное открытие: в глубине ямы нашлись частицы особой разновидности планктона, обитающего в прибрежной зоне моря в Стране Басков. Но главное, точно такой же планктон обнаружился

под ногтями утратившего память мужчины — ковбоя из клиники Пьера Жане.

Анаис нетерпеливо схватилась за телефон. Ведь это же прямая связь между преступлением и великаном с амнезией! Димун повторил все, что изложил в своем отчете, а потом вдруг спросил:

— Вы знаете психиатра по имени Матиас Фрер?

— Да.

— Он ваш эксперт в этом деле?

— Мы не привлекали экспертов. С какой стати, если у нас пока нет ни одного подозреваемого? А почему вы спрашиваете?

— Он звонил мне вчера вечером.

— И чего он хотел?

— Узнать результаты анализов.

— С места преступления?

— Нет. С образцов, взятых с рук мужчины с амнезией.

— И вы ему все рассказали?

— Он утверждал, что звонит от вашего имени.

— А про планктон в яме вы ему тоже выболтали?

Димун ничего не ответил, но его молчание было красноречивее любых слов. Она не могла злиться ни на психиатра, ни на криминалиста. У каждого в этом деле свой интерес. На войне как на войне.

Она уже собиралась повесить трубку, когда Димун вдруг снова подал голос:

— У меня есть для вас кое-что еще. Новые результаты, которые пришли уже после того, как я отослал вам отчет. Я сначала глазам своим не поверил.

— Что же это?

— Мы обработали стенки ямы методом химической трансмутации. Это новый способ, благодаря которому можно снять папиллярные следы даже с мокрой поверхности.

— Вы нашли отпечатки?

— Несколько штук. И это не отпечатки пальцев жертвы.

— Вы сравнили их с отпечатками беспамятного?

— Только что. Это не его отпечатки. В яме побывал кто-то другой.

У нее по всему телу пробежали мурашки. *Третий. Убийца?*

— Я вам их высылаю? — не дождавшись ответа Анаис, спросил Димун.

— Давно пора.

Даже не попрощавшись, она бросила трубку. Да уж, хороша стратегия

соблазнения красивого мужчины. Но ей сейчас было не до того. Значение имело только расследование. Перед тем как ехать в комиссариат на улицу Дюко, она набрала номер Зака — в конторе, как выяснилось, его не было.

— Зак, что у тебя нового?

— Пока ничего. Продолжаю трясти дилеров. Кое-кто знал Дюрюи, но никто и слыхом не слыхивал про чистый героин. А что тебе удалось узнать на ферме?

— Потом расскажу. Окажи мне услугу, а? Заскочи в клинику Пьера Жане и проверь, там ли еще беспамятный с вокзала Сен-Жан. И предупреди психиатра — его зовут Матиас Фрер, — что днем я заеду с ним побеседовать.

— С психиатром или с беспамятным?

— С обоими.

* * *

— Странное ощущение — знать, что едешь домой.

Они мчались по магистрали N10 по направлению к Стране Басков. Выехали раньше, чем планировали, еще до полудня. Фрер усадил Бонфиса на заднее сиденье. Великан устроился ровно посередине и обеими руками вцепился в спинки передних кресел. Как дитя малое.

За каких-нибудь несколько часов он совершенно преобразился. К нему на глазах возвращалась его подлинная личность вместе с повадками рыбака. Как будто его психика была соткана из какой-то эластичной, податливой ткани и сейчас постепенно обретала привычную форму.

— А что Сильви? Что она тебе сказала?

— Что рада твоему приезду. Она за тебя волновалась.

Бонфис энергично потряс головой. Широкие поля его шляпы загоразживали обзор, и Фреру приходилось следить за дорогой через наружные зеркала.

— Слышь, док, я вот все думаю... Что же это со мной приключилось-то?

Психиатр не ответил. Он смотрел в покрытое изморосью ветровое стекло. По обеим сторонам дороги рядами тянулись сосны. Как же он ненавидел Ланды! Ненавидел этот бескрайний лес, эти деревья — слишком тонкие и прямые, уходящие корнями глубоко в песок. Ненавидел океан, прибрежные дюны и похожие один на другой пляжи. Бесконечная монотонность пейзажа внушала ему смутное чувство тревоги.

Он незаметно включил диктофон.

— Патрик! Расскажи мне о своей семье.

— Да нечего особенно рассказывать-то.

Перед отъездом Фрер немного поговорил с пациентом у себя в кабинете. Ему удалось составить его фрагментарный портрет. Пятьдесят четыре года. Последние шесть лет рыбачит в Гетари. До этого жил на юге Франции, подрабатывал где придется. В том числе на стройке — элемент, использованный подсознанием при сотворении его новой личности. Патрик как-то выкручивался, но постоянно балансировал на грани бродяжничества.

— У тебя есть братья или сестры?

Великан поерзал на сиденье. Фреру казалось, что от каждого его движения автомобиль слегка сотрясается.

— Нас было пятеро, — наконец произнес Патрик. — Два брата и три сестры.

— Ты с ними видишься?

— Не-а. Мы родом из Тулузы. Они все так там и остались.

— А родители?

— Померли. Давно уже.

— Значит, твое детство прошло в Тулузе?

— Под Тулузой. В Герене. Это такой типа пригород. Мы всемером жили в двушке.

Память возвращалась к нему, в мозгу оживали ясные и точные детали. Совсем не те бесформенные обрывки, которые можно извлечь с помощью гипноза или химии.

— А до Сильви у тебя были серьезные отношения с женщинами?

Великан помолчал, потом признался:

— Мне с бабами никогда не везло.

— То есть у тебя никого в жизни не было?

— Была одна. В конце восьмидесятых.

— Где?

— Неподалеку от Монпелье. В Сен-Мартен-де-Лондре.

— Как ее звали?

— Про это что, обязательно рассказывать?

Фрер молча кивнул. Он все так же безотрывно следил за дорогой. Бискарос. Мимизан. Мезос... Сосны, сосны, сосны. И морозящий дождь. Однообразие ландшафта все сильнее давило на нервы.

— Марина, — выдавил из себя Патрик. — Она хотела, чтобы мы поженились.

— А ты?

— Не так чтоб очень. Но мы все-таки поженились.

Матиас удивился. Выходит дело, однажды Бонфис все-таки решился остепениться.

— А дети у вас были?

— Нет. Я был против.

— Почему?

— Не забыл свое собственное детство. Ничего хорошего.

Фрер не стал дальше углубляться в эту тему. Полученных сведений достаточно, чтобы навести справки в архивах социальных служб. Не исключено, что Бонфис рос в нищете, с пьющими родителями, которые, вполне возможно, лупили своих отпрысков почем зря. Склонность к диссоциативному бегству нередко уходит корнями в несчастливое детство.

— Так что у тебя произошло с Мариной? Вы развелись?

— Ни боже мой. Просто я слинял от нее, вот и все. По-моему, она сейчас в Ниме.

— А почему ты сбежал?

Он не ответил. Значит, в его жизни уже было одно бегство, правда без смены личности. Фрер представил себе человека, категорически не желающего брать на себя ответственность за что бы то ни было. Жизнь, состоящая из уверток, умолчаний и колебаний...

Он не спешил нарушать повисшее в машине молчание. Сквозь тучи проглянуло солнце, окрасив небо в желтовато-ржавые тона. За стеклом мелькали указатели с названиями все новых деревень. Осгор. Капбретон. Еще немного — и ландские леса останутся позади. При мысли об этом Матиас испытал облегчение. Он решил, что Бонфис уснул, когда зеркало заднего вида снова загородила его массивная фигура.

— Док, а со мной это может опять случиться?

— Да нет, с чего бы?

— Я ж ни о чем не помню. Что я тебе наболтал?

— Не бери в голову.

Если честно, Фрер как раз предпочел бы подробнейшим образом обсудить с пациентом каждую деталь его ложных воспоминаний. Расшифровать каждый знак, поданный подсознанием. Свою выдуманную подругу он назвал Элен Офер — откуда взялось это имя? Матиасу очень хотелось бы оставить Бонфиса у себя в отделении, чтобы исследовать каждую тропку в лабиринте его психики.

Очевидно, Патрик думал о том же, потому что он вдруг спросил:

— А ты и дальше будешь мной заниматься?

— Ну конечно. Я буду тебя навещать. Но мы станем работать в сотрудничестве с местными врачами.

— Я других *спихиатров* не хочу. — И вдруг совсем другим тоном: — А как же насчет разводного ключа? И телефонного справочника? Почему на них была кровь?

— Патрик, мне известно не больше твоего. Но, если ты мне доверяешь, обещаю, что все это мы выясним.

Великан скорчился на сиденье. Они проезжали мимо указателя, отмечающего выезд из Биаррица.

— Сверни тут, — сказал Бонфис. — Надо забрать мою машину. Я ее на парковке оставил.

— У тебя была машина? Ты точно помнишь?

— Ну вроде да.

— А ключи где?

— Блин, — проворчал тот, машинально охлопывая карманы. — И то верно. Ни фиги не помню.

— А документы?

Бонфис совсем пал духом:

— Ну ни шиша не помню. Куда я мог их подевать?

Фрер свернул направо и поехал в направлении к Биаррицу. Атмосфера в салоне разительно изменилась. В небесах уже вовсю сияло солнце. Они катили по улочкам, то прихотливо карабкавшимся вверх, то резко спускавшимся вниз. Потянулись дома с красными и голубыми фахверковыми стенами — след иных веков и иной культуры. С вершины каждого холма на них глядели плотно притиснутые одна к другой розовые черепичные крыши, за которыми угадывалось море. Город был красив нетронутой, яркой, почти первобытной красотой.

— Хрен с ней, с тачкой, — глухо произнес Бонфис. — Езжай вдоль побережья. Сейчас будет Бидар. А за ним — Гетари.

Они устремились по дороге, выющейся меж можжевельных и вересковых зарослей. Курортные домики стояли здесь так плотно, что едва не наползали один на другой. В этих шатких сооружениях уже не прослеживалось ни намека на традицию или хотя бы гармонию. Но, несмотря ни на что, надо всем витал аромат какой-то баскской древности, перебивавший все остальные запахи — сосен, утесника и тамариска, подступавших чуть ли не к порогу каждой домишки. Над всем побережьем носился соленый ветер с моря, окрашивая все вокруг золотистым румянцем.

Матиас невольно заулыбался. Надо сюда переселиться, сказал он себе.

Дорога неожиданно сузилась — двум машинам не разъехаться — и вывела их на тенистую деревенскую площадь. Они прибыли в Гетари. Снова появились дома с фахверками, стоящие плотно, плечо к плечу, словно собравшиеся пошутничать кумушки, с неодобрением поглядывая на расположившиеся внизу террасы кафе. Вдали виднелась стена для игры в пелоту, похожая на приветственно поднятую руку, — добро пожаловать в Страну Басков.

— Прямо, — хриплым от волнения голосом произнес Бонфис. — Почти приехали.

* * *

Матиас Фрер считал себя человеком закаленным, но встреча Патрика и Сильви проняла его едва ли не до слез. Два немолодых уже человека, по-настоящему — это сразу чувствовалось — влюбленных друг в друга. Оба застеснялись постороннего, и их робкие переглядывания, шепот и сдержанные объятия трогали сильнее, чем выражение самых бурных восторгов.

Да и выглядели они, мягко говоря, не слишком презентабельно. Сильви оказалась невысокого роста краснолицей морщинистой теткой. Нечистая, в прожилках сосудов кожа выдавала в ней бывшую пьянчужку. Должно быть, она, как и Патрик, какое-то время жила под открытым небом. Оба они успели на своем веку хлебнуть горя, пока наконец не нашли друг друга.

Декорации, в которых разворачивалась эта сцена, вполне соответствовали ее скромной поэзии. Причал в Гетари на поверку оказался всего-навсего зацементированным склоном, где стояли на приколе несколько разноцветных лодок. Погода успела испортиться. Небо заволочло тучами, сквозь которые упорно пытались пробиться слабые солнечные лучи, озаряя землю тусклым, словно пропущенным через толстое стекло светом. Как будто и люди, и пейзаж находились на дне бутылки, заняв место миниатюрного кораблика.

— Прямо не знаю, как вас и благодарить, — поворачиваясь к Матиасу, сказала Сильви.

Он молча поклонился. Сильви махнула в сторону деревянного настила, протянувшегося вдоль нависавшей над морем скалы:

— Давайте пройдемся.

Фрер послушно двинулся за ней. Сальные волосы, бесформенный

свитер, вытянутые спортивные штаны, стоптанные кроссовки... После всего, что жизнь сотворила с этой женщиной, выжили только ее глаза — живые и блестящие, словно два камешка, отполированные дождем.

Она обошла лежащие на берегу лодки и направилась к мостику. Патрик уже шагнул к лодке, покачивавшейся на волнах в нескольких метрах от пирса. По всей видимости, это и была его знаменитая посуда, послужившая причиной случившегося с ним срыва. На корме горделиво сверкала надпись желтыми буквами: «Юпитер».

Фрер нагнал Сильви, цепляясь за бортик ходуном ходящего настила. Она стояла, ни разу не покачнувшись, и одной рукой сворачивала сигарету.

— Вы можете объяснить мне, что произошло?

Фрер рассказал ей всю историю. Вокзал Сен-Жан. Психотическое бегство Патрика. Его подсознательное желание стать кем-то другим. Случайная встреча с медсестрой из Гетари. О следах крови на разводном ключе и телефонном справочнике, равно как и о трупe, обнаруженном на вокзале Сен-Жан, он предпочел не распространяться: пусть с этим разбирается Анаис Шатле, которая конечно же не замедлит сюда явиться.

Сильви слушала его не перебивая. В пальцах у нее откуда ни возьмись возникла большая тяжелая зажигалка. Она закурила самокрутку.

— Прямо не верится, — после паузы хрипло выдавила она.

— В последние дни перед исчезновением в его поведении не было ничего странного?

Она пожала плечами. Спутанные пряди волос прилипли к ее изможденным щекам. Она курила, глубоко затягиваясь и выпуская паровозные клубы дыма, немедленно уносимые морским ветром.

— Патрик не больно-то много рассказывает...

— А раньше он никогда не пропадал? Не страдал потерей памяти?

— Нет.

— Так что у него возникли за проблемы?

Она молча сделала пару шагов вперед. У них под ногами ворчало море. Море шумно, с рокотом, дышало. Отступало назад, чтобы с удвоенной силой обрушиться на берег.

— Деньги, вот и все проблемы. Ничего нового. Патрик взял в банке кредит, чтобы купить лодку. Хотел сам себе быть хозяином. Только сезон выдался дрянной.

— В течение года бывает несколько рыбацких сезонов, верно?

— Я про самый важный. Октябрьский. Когда идет белый тунец. Ну а заработали мы только-только на жизнь и чтобы расплатиться с ребятами, которые нам помогали. А на кредит ничего не осталось...

— Каким образом вам удалось получить кредит в банке? Они ведь, наверное, потребовали первый взнос?

— Взнос я заплатила.

Фрер не смог скрыть удивления, и Сильви улыбнулась:

— Может, по мне и не скажешь, но у меня имеется кое-какая собственность. Вернее сказать, имелась. Домишко в Бидаре. Мы его продали и вложили деньги в лодку. Только не заладилось у нас. Поставщикам задолжали. Проценты банку выплачивали. Вам не понять.

В глазах Сильви Матиас принадлежал к классу миллиардеров. Он на нее не обиделся. Его переполняли эмоции, мешавшие связно мыслить. Волны били в берег, поднимая тучи брызг, серебрившихся на солнце. На губах Матиас ощущал привкус соли, в глазах плясали солнечные зайчики.

Женщина обернулась через плечо посмотреть, чем занят Патрик. Он уже запрыгнул на борт лодки и копался у нее на дне, очевидно, проверял состояние мотора. Она смотрела на него материнским взглядом.

— Он что-нибудь рассказывал вам о своей... о своей прежней жизни?

— Про жену, что ль? Он не любит языком трепать, но я про нее знаю. Это не секрет.

— Он с ней общается?

— Никогда. Они разругались вдрызг.

— Почему он не разведется?

— На какие шиши?

Фрер не стал углубляться в эту тему, о которой имел самое приблизительное представление. Женитьба. Брачный договор. Развод. Все эти понятия оставались для него чистой абстракцией.

— А про свое детство он когда-нибудь с вами говорил?

— Так вы и правда ничего не знаете, — с легким оттенком презрения ответила она.

— Чего я не знаю?

— Он убил своего отца.

Матиас сглотнул ком в горле.

— Его папаша собирал металлолом, — продолжила она. — Патрик ему помогал.

— В Герене?

— Не помню названия. Какой-то пригород. Там жила его семья.

— И что же произошло?

— Они подрались. Папаша пьяный был, на ногах не стоял. И упал в чан с кислотой. Они в нем ржавые железяки держали. Патрик его вытащил, но старикан уже дал дуба. Патрику тогда всего пятнадцать лет было. Лично

я считаю, что это был просто несчастный случай.

— А дело расследовали?

— Без понятия. Во всяком случае, Патрика не посадили.

Это легко проверить. Догадка Матиаса находила свое подтверждение. Тяжелое детство. Семейная трагедия, оставившая трещину в подсознании подростка. И эта дыра все ширилась и ширилась, пока полностью не поглотила его личность.

— А что с ним потом стало? Он не ушел из дома?

— Он в Легион завербовался.

— В Иностранный легион?

— Он считал себя виновным в смерти отца. А преступникам одна дорога — в Легион.

Они добрались до края мостика. Не сговариваясь, повернули обратно и медленно пошли к причалу. Сильви без конца бросала на Патрика короткие взгляды. Рыбак, увлеченно копавшийся в моторе, казалось, забыл об их существовании.

— У Патрика когда-нибудь были трения с полицией? — снова заговорил психиатр.

— Да что вы такое городите? Если люди бедные, значит, они обязательно бандюги? Ну да, у Патрика бывали трудные времена, но по кривой дорожке он никогда не ходил!

Фрер задумался. Он пытался сопоставить ложные воспоминания Паскаля Мишелля с подлинными фактами биографии Патрика Бонфиса.

— Вы когда-нибудь бывали в районе Аркашона?

— Нет, никогда.

— Вам что-нибудь говорит имя Тибодье?

— Ничего.

— А имя Элен Офер?

— Это еще кто такая?

Фрер улыбнулся, давая собеседнице понять, что с этой стороны ей ничто не грозит. Женщина снова вытащила кисет с табаком и лист папиросной бумаги. Несмотря на расстроенный вид, она в несколько секунд ловко свернула новую сигарету.

— Он вам рассказывал про сон, который ему часто снится?

— Что за сон?

— Как будто он в солнечный день идет по деревне. Потом раздается взрыв, и на стене остается его тень.

— В первый раз слышу.

Вот и еще одно подтверждение. Сон начал сниться Патрику вследствие

перенесенной психической травмы. Что там рассказывал Паскаль Мишель? Он же Петер Шлемиль? Что-то о Хиросиме...

— Патрик любит читать?

— Не оторвешь от книжки. У нас не дом, а муниципальная библиотека.

— А какие книги он читает?

— Все больше по истории.

Фрер решил, что пора задать ключевой вопрос:

— Скажите, а в тот день, когда Патрик поехал в банк, он не упоминал, что у него назначена еще какая-то встреча? Он больше никуда не собирался?

— Послушайте, вы что — легавый? Чего вы меня все расспрашиваете?

— Я должен понять, что с ним произошло. Я имею в виду, что произошло у него в голове. Мне необходимо шаг за шагом восстановить события того дня, который для него закончился потерей памяти. Иначе мне его не вылечить.

Она ничего не ответила, только махнула рукой с зажатым в ней окурком, прочертившим во влажном воздухе красную дугу. Курила она жадно, глубоко затягиваясь. Они молча дошли до причала. Бонфис по-прежнему ковырялся в моторе. Время от времени над бортом лодки показывалась его голова. Даже с такого расстояния было видно, что на его лице замерло выражение безмятежного счастья.

— Мне придется еще раз приехать, поговорить с Патриком, — предупредил Фрер.

— Нет, — отрезала Сильви, швыряя в море окурочек. — Оставьте его в покое. Вы много для него сделали, спасибо вам большое. Но теперь я сама им займусь. Я, может, не такая ученая, как вы, зато я знаю Патрика. Все, что ему нужно, — это поскорее забыть всю эту историю.

Фрер понял, что торговаться с ней бесполезно, во всяком случае сейчас.

— Ну хорошо, — сдался он. — Но я все-таки оставлю вам координаты кого-нибудь из своих коллег в Байонне или в Сен-Жан-де-Люзе. Вы должны понимать, что случившееся с ним — не шутки. Ему необходима медицинская помощь.

Женщина промолчала. Фрер пожал ей руку и сделал прощальный жест в сторону Патрика, который радостно замахал ему в ответ.

— Завтра я вам позвоню, ладно?

Она снова промолчала — или ее слова отнесло ветром? Фрер медленно поднялся по цементному спуску. Добравшись до своей машины,

он еще раз обернулся. Сильви качающейся походкой уже спешила к своему возлюбленному.

Психиатр сел за руль и тронул автомобиль с места.

Он поможет этим двум горемыкам, не спрашивая, хотят они того или нет.

* * *

— Я ищу щель в мироздании.

Черная рука обшаривала потрескавшуюся стену камеры вырезвителя.

— Как найду, только вы меня и видали...

Анаис воздержалась от комментариев. Она уже десять минут выслушивала бред, который нес нищий попрошайка по имени Рауль. И ее терпение иссякло.

— Надо только не сбиться с курса, — поделился с ней клошар, пристально изучая очередную трещину в стене.

Анаис перешла к решительным действиям. Достала из пластиковой сумки картонный пакет с вином, купленный по дороге. Глаза Рауля мгновенно загорелись жадным огнем. Схватив пакет, он быстро отвинтил пробку и в два глотка осушил его.

— Так что насчет Филиппа Дюрюи?

Нищий вытер рот рукавом и громко рыгнул. Его красная рожа наводила на мысли одохлом животном, запутавшемся в колючей проволоке. Щетина на подбородке, волосы, брови стояли торчком, словно стальные прутья, воткнутые в окровавленную плоть.

— Фифи-то? Фифи я знаю! Он всегда говорит, что сердце у него работает в режиме сто двадцать, а мозг — в режиме восемь и шесть.

Анаис поняла, о чем он. 120 ударов в минуту — в таком ритме исполняется музыка техно. А 8,6 градуса — это крепость пива «Бавария». «Пива чемпионов» — панков, рокеров и прочих маргиналов. Рауль говорил о Фифи в настоящем времени. Следовательно, не знал о смерти парня.

— Если честно, он псих. Натуральный псих.

— Я думала, вы с ним друзья.

— Дружба не мешает объективности оценок.

Анаис чуть не расхохоталась. Меж тем доморощенный философ продолжал:

— Фифи — он такой. У него семь пятниц на неделе. То сидит на герыче, то уходит в глухую завязку. То слушает металл, то тащится от

техно. Сегодня он гот, а завтра, глянь, — уже панк...

Анаис попыталась представить себе образ жизни погибшего мальчишки. Бродяжничество, наркотики, драки. Героиновое блаженство, глюки от экстази, ночи под забором, пробуждение в неизвестных местах. Без понятия, как он сюда попал и что делал накануне. И так день за днем. А в глубине души — вечная надежда, что не сегодня завтра он соскочит с иглы.

Рауль пустился в рассуждения о музыкальных пристрастиях Дюрюи:

— Я ему говорю: музыка твоя — это все говно. Они же ничего своего не придумывают, только копируют. Мэрилин Мэнсон — это Элис Купер. Техно — тот же Крафтверк. А «Ар-энд-Би»...

— Айзек Хейз.

— Точно! Тырят чужие песни и выдают за свои!

— А на что Фифи жил?

— На то, что подадут. Как и я.

— В Бордо?

— И в Бордо, и в других местах. Слышь, а у тебя еще выпить нету?

Анаис достала из сумки вторую картонку. Рауль высосал ее за долю секунды. На сей раз он не рыгал, но Анаис испугалась, как бы он не напрудил в штаны. На нем было пальто из ломаной саржи, но до того замызганное, что рисунок ткани уже не просматривался. Штаны от спортивного костюма от грязи стояли колом. Из-под стертых до корда сандалий выглядывали черные голые ноги. Анаис старалась не дышать носом, хотя на всякий случай смазала ноздри пахучей мазью «Vicks VapoRub».

Рауль размахнулся и запустил опустевшим пакетом в стену камеры. Анаис поняла, что надо ковать железо, пока горячо.

— Пару дней назад Фифи говорил тебе про ангела...

Рауль забился в угол, сел на пол и, дергая плечами, принялся чесать спину — точь-в-точь животное.

— Ха, ангел! — хмыкнул он. — Мужик пообещал дать ему ангельской пыли.

Убийца. Наконец-то разговор подошел к сути дела.

Анаис наклонилась к Раулю и, отчетливо произнося каждый слог, спросила:

— Он хорошо его знал?

— Не-а. Только познакомились.

— Что именно он тебе о нем рассказал?

— Что тот отправит его на небеса. И почему-то все время болтал про

какого-то святого Юлиана...

— Святого Юлиана Странноприимца?

— Ага, про него самого.

— А почему?

На Рауля снизошло озарение.

— Фифи в школе мало учился, но эту легенду он хорошо запомнил. Один принц по ошибке убил своих родителей. Убежал из дому и стал на реке перевозчиком. И вот однажды приходит к нему прокаженный и просит перевезти через реку. Юлиан его принял, накормил и согрел своим телом. И тогда прокаженный взял его с собой на небеса. Потому что это был Иисус Христос. Так вот, Фифи болтал, что этот ангел и к нему пришел. И что он отправит его прямиком на седьмое небо...

— Почему он вспомнил именно эту легенду?

— Потому что его ангел тоже был прокаженный.

— Прокаженный?

— Ну, у мужика вся рожа была замотана тряпками.

Анаис попыталась воочию представить себе, как все это происходило. Человек с закутанным лицом знакомится с Филиппом Дюрюи. Предлагает ему небывалый кайф. Парень начинает размышлять над личностью доброхота, и его воображение подсказывает ему разные версии, в том числе совершенно фантастические. Любопытно, попала ли их беседа хоть на одну из камер наблюдения?

— Когда ты виделся с Фифи в последний раз, что точно он тебе сказал?

— Что вечером у него встреча с прокаженным. И что они вместе переправятся через реку. Хрень полная.

— А где они должны были встретиться?

— Не знаю.

— А ты где с ним виделся?

— На набережной. В районе Сталинградской площади. Фифи чуть из штанов не выпрыгивал, до того ему не терпелось бежать к этому типу.

— В котором часу это было?

— Не помню. Ближе к вечеру.

Анаис не собиралась упускать ни одной детали:

— У Фифи есть собака?

— А как же! Как у каждого бомжа! Слышь, а у тебя еще бухло есть?

— Нет. Как зовут собаку?

— Мирван. В честь грузинского святого. Говорю же, Фифи — малый с приветом.

— Собака в тот вечер была с ним?

— А то!

— А после этого ты где-нибудь видел его собаку?

— Не-а. Ни псину, ни самого Фифи.

Он говорил все тише. Заряда энергии хватило ненадолго. Глаза у Рауля погасли. Возможно, новая доза горючего оживила бы его, но запасы Анаис иссякли. Она выпрямилась, стараясь не коснуться невзначай осевшей перед ней груды грязи.

— Сейчас тебя выпустят.

Она постучала в застекленный дверной проем камеры. Тут же появился охранник.

За спиной у нее раздался голос Рауля:

— А чего там с Фифи-то случилось?

— Пока неизвестно.

Рауль громко расхохотался:

— Вы, легавые, всех держите за дураков, но главные придурки — вы сами. Ты что, думаешь, я не просек, что Фифи откинул копыта?

Она молча вышла из камеры. Не вышла, а выскочила, как косточка из гнилого персика. Рукавом вытерла под носом мазь. Бросила взгляд на часы: полдень. Она явственно слышала, как с тиканьем убегают секунды, напоминая ей, что обратный отсчет давно идет. Как она надеялась на этот разговор! Но он почти ничего не дал.

Уже садясь в машину, она позвонила Ле-Козу. За два часа ее коллега превратился в эксперта по производству и продаже имальгена. Он составил полный список тех, кто в последние четыре недели выписывал рецепт на препарат. Теперь оставалось только обзвонить всех ветеринаров и все учреждения, специализирующиеся на лечении животных. Затем следовало проверить склады, заказы и отчеты о продажах. Работа на целый день.

В рамках версии об ограблении удалось установить, что в январе нападению подверглись две ветеринарные клиники — одна близ Бордо, вторая — в окрестностях Либурна. Но и от этого следа отчетливо пахло пустышкой. Ле-Коз навел справки и выяснил, что на человека кетамин оказывает галлюциногенное воздействие. Существует даже нечто вроде подпольной сети торговли препаратом. По мнению полицейских, занимавшихся расследованием обоих случаев ограбления, подозрение скорее падало на наркодилеров...

Анаис поинтересовалась, как дела у Джафара. Тот не узнал ничего существенного ни о собаке Дюрюи, ни о том, где он добывал себе одежду. От Зака и Конанта новостей тоже пока не было.

— Ты в конторе? — завершая разговор, спросила она.

— Ну да.

— Отпечатки от криминалистов пришли?

— Час назад.

— И?

— По базе данных еще не прогнали. У нас тут вирус.

Полицейские комиссариаты снабжаются самыми дешевыми компьютерами и самыми примитивными программами. Поломки и сбои в работе — штатное явление на каждом участке.

— А что наш эксперт говорит?

Экспертом они между собой называли лейтенанта полиции, аж целую неделю проучившегося на курсах информатики. Ле-Коз красноречиво молчал.

— Блин, — сквозь зубы выругалась Анаис. — Вызови компьютерщика. Настоящего.

— Уже вызвал.

— Кого?

— Своего соседа по лестничной площадке. Он программист. Игрушки мастерит.

У Анаис вырвался нервный смешок. Все это было уже слишком. Она представила себе помешанного на компьютерах чудака, протягивающего руку помощи полиции. Контркультура в союзе со стражами порядка.

— И что он сказал?

— Он уже все починил.

— Так ты подключился к центральной картотеке?

— Нет.

— Почему?

— Мы тетрадь потеряли.

Проклятье! По настоянию начальства для работы с каждой программой требовалось ввести пароль — сочетание букв и цифр, не поддающихся запоминанию. Всю эту чертовщину записывали в особую тетрадь — одну на всех.

Нет тетради — нет пароля.

Нет пароля — нет доступа к базе данных.

Анаис включила зажигание. Эксперты! Тиканье часов все больше действовало ей на нервы. Она отбросила телефон и снова вспомнила о Заке. Он получил задание съездить в клинику и проверить, как там мужчина с потерей памяти. Подозреваемый номер один. Но почему Зак ей не звонит? Рука опять потянулась за телефоном.

— Это что еще за шуточки? Что вы себе позволяете?

Анаис не говорила, а рычала. Фрер попытался ее образумить:

— Как врач, я взял на себя смелость перевезти пациента...

— Свидетеля преступления?

— Пациента с потерей памяти.

— Вы обязаны были сообщать нам о каждом его слове и поступке.

— Неужели?

Фрер катил по магистрали N10. Ну вот, Анаис Шатле уже узнала о том, что он лично увез из клиники Бонфиса. Кроме того, она успела переговорить с координатором экспертно-криминалистической службы, который поведал ей о его вчерашнем обмане, а главное, рассказал, что на руках Бонфиса и в ремонтной яме обнаружены следы планктона. Вообще-то она имела полное право возмущаться.

— Меня от вас уже тошнит! За кого вы себя принимаете? — негодовала Анаис.

— В каком смысле — за кого я себя принимаю?

— Вот именно! Строите из себя знатока человеческих душ! Лепите убийственные диагнозы! Тоже мне, спаситель человечества! Мы расследуем убийство, черт бы вас побрал! Кто вам разрешил вмешиваться в дела полиции?

— Повторяю, мой пациент...

— Ваш пациент — подозреваемый номер один.

— Вы мне об этом не говорили.

— А вы со вчерашнего дня в курсе, что он наследил в яме. Вам этого мало?

— Нет никаких доказательств того, что он...

— Соучастие в побеге — раз. Незаконное получение информации по делу о расследовании уголовного преступления — два. Знаете, на сколько это тянет?

Перед Фрером снова тянулись бесконечные ландские леса. Корабельные сосны упирались вершинами в самые небеса. Опять начал накрапывать дождь.

— Послушайте. — Он говорил тем же внушительным тоном, каким привык обращаться к самым буйным из своих пациентов. — У меня есть для вас новости. Мы установили личность этого человека.

— Что?!

Матиас коротко изложил события первой половины дня. Анаис слушала его не перебивая. Он уже решил было, что заработал очко в свою пользу, когда она обрушила на него весь свой гнев:

— Вы утверждаете, что к мужчине вернулась память, после чего вы как ни в чем не бывало отвезли его домой?

— К нему вернулась *не вся* память. Он не помнит, что произошло на вокзале Сен-Жан. Ему...

— Завтра утром я отправлю за ним сотрудника. Мы арестуем вашего ковбоя!

— Не делайте этого! Дайте ему хотя бы несколько дней. Он должен успокоиться, прийти в себя.

— О чем вы? Опомнитесь! Мы с вами не в санатории работаем!

Фрер призвал на помощь всю свою выдержку:

— Мы с вами в равной мере заинтересованы в том, чтобы Патрик Бонфис полностью восстановил свою прежнюю личность. Только при этом условии он сможет вспомнить о том, что случилось в последние часы перед тем, как он утратил память и...

— Я не его, а вас первым арестую!

Она резко нажала отбой.

Фрер еще некоторое время держал трубку возле уха. По обеим сторонам дороги все бежали и бежали сосны. Он только что миновал Липосте и подъезжал к повороту на магистраль А63. И в ту же секунду поймал в зеркале заднего вида отблеск фар. За ним следовал черный внедорожник. Фрер готов был поклясться, что полчаса назад видел эту машину.

Он постарался внушить себе, что ничего страшного не происходит. В наше время вождение превратилось в чисто механическое занятие. Автомобили катят друг за другом, на каждом стоит ограничитель скорости, а люди, сидящие за рулем, думают только о том, как бы не нарваться на радар или дорожную полицию. Но белый свет фар продолжал неотступно преследовать его...

Ему почти удалось успокоить самого себя, когда до него дошло, что в машине сидят двое мужчин в черном. Те самые, что околачивались возле его дома. Только тогда он обратил внимание на марку автомобиля. Внедорожник «ауди». Модель Q7.

Матиас резко сбросил скорость до 30 километров в час. Несмотря на пелену дождя, он увидел, что «ауди» в точности повторила его маневр. В глубине глаза вспыхнула боль, словно в черепной коробке, пульсируя, включился красный сигнал тревоги.

Он надавил на акселератор. Внедорожник тоже ускорил ход, не отпуская его от себя ни на метр. Боль за глазницей, многократно усилившись, собралась в одной точке. Матиасу казалось, что у него в голове загорелся фонарь. Руки покрылись липким потом, так что стало трудно удерживать руль. Дождь хлестал уже вовсю, слепящий, яростный, словно задался целью смыть с земной поверхности все, что ее загромождает.

Справа от дороги отходило боковое ответвление. Фрер, не рассуждая, крутанул руль. Он даже не успел прочитать на указателе название населенного пункта. Сейчас он находился в самом сердце Ланд. Дорога вывела его на департаментское шоссе, он еще раз свернул направо и прибавил скорость. Километр. Два километра. Вокруг стеной стояли сосны. Ни деревеньки, ни какой-нибудь хижины, ни автозаправки. Ничего. Идеальное место для нападения. Он бросил взгляд в зеркало заднего вида: Q7 следовала за ним по пятам. С зажженными фарами.

Фрер порылся в кармане и извлек мобильник. Сбросил скорость до 70 километров в час. Выбрал в меню опцию «Фото» и направил объектив аппарата на машину. Потом увеличил масштаб и попытался поймать в кадр радиаторную решетку. Его интересовали номера автомобиля. Он сделал несколько снимков, меняя ракурс, после чего снова надавил на педаль газа. Впереди не было видно ничего, кроме отвесных струй дождя и выстроившихся шеренгами деревьев. У него было ощущение, что он продирается сквозь решетчатый забор.

И тут справа показалась грунтовая дорога.

Словно открытая рана, прорезавшая зеленое тело леса.

Фрер свернул, и машина тут же увязла колесами в грязи. Он дал задний ход, потом рванул вперед. Мотор нутно урчал, но автомобиль буксовал на месте. Ветровое стекло залепило красновато-коричневыми брызгами. Да, здесь нужна машина с четырьмя ведущими колесами, подумал он и тут же перевел взгляд на зеркало заднего вида. Внедорожник исчез.

Он снова надавил на акселератор. Машина взвизгнула, кашлянула, но выбралась из ямы. Снова сосны. Папоротники. Можжевельники. Фрер с трудом продвигался вперед. В окна колотили ветки, из-под колес летели комья грязи, со всех сторон слышался треск ломаемых сучьев. Машина еле ползла, продираясь сквозь кустарник, проваливаясь в колдобины и подпрыгивая на ухабах. Фрер сидел, вцепившись в руль, не спуская глаз с дороги. Подсознательно он все время ждал чего-то вроде засады у себя на пути. Огромной лужи. Канавы. Завала.

В свете фар мелькнул лежащий поперек дороги древесный ствол. Фрер ударил по тормозам и одновременно крутанул руль. Пара секунд — это много или мало, чтобы понять, что сейчас ты умрешь? Машина вильнула в сторону, ее занесло, и она грузно шлепнулась в болотце. Мотор заглох. Колеса заклинило.

Фрер перестал дышать. Руль упирался ему в ребра. Лбом он разбил ветровое стекло. У него болело все тело. Лицо кровоточило. Впрочем, он понимал, что еще легко отделался. Некоторое время он просидел скрючившись, чувствуя, как с каждой секундой кровь возобновляет свой бег по жилам.

Дождь барабанил по крыше и окнам машины, хлестал по ветвям деревьев. Матиас с трудом расстегнул ремень безопасности. Подсунул два пальца под дверную ручку и посильнее надавил плечом. Инерция движения вытолкнула его наружу, и он со всего размаху сел в лужу. Приподнялся на колене. Вокруг лило как из ведра. И — никаких признаков внедорожника. Все-таки он сбросил их с хвоста.

Постанывая, он поднялся на ноги. Опершись спиной об автомобиль, осмотрел свои руки. Они тряслись мелкой дрожью. В том же сумасшедшем ритме билось сердце. Он простоял несколько минут не двигаясь. К шуму дождя примешивалось завывание ветра в кронах деревьев. Матиас прикрыл глаза. Его охватило ощущение, что он погружен в воду. Он действительно промок насквозь, но вода словно смывала с него только что перенесенный страх. Он вдыхал запахи смолы, мха и палой листвы. Пока не понял, что закоченел.

Благодаря холоду сердцебиение вернулось в норму, и он снова сел в машину. Закрыл дверцу. Врубил педаль на максимальную мощность. И задумался. Кто эти двое мужчин? Почему они его преследуют? Поджидают ли они его на дороге? Ответов на эти вопросы у него не было.

Фрер включил зажигание и пустил машину задним ходом. Он ведь даже не проверил, насколько глубоко она увязла. Колеса какое-то время вращались вхолостую, но вот наконец коснулись твердой земли. Поднимая вокруг фонтаны грязи, машина медленно сдвигалась с места, как корабль, который перетаскивают посуху. Матиас все продолжал пятиться задним ходом, высунув в окно голову. Метров через сто он сумел развернуться.

Уже выбравшись на шоссе, ведущее в Бордо, он попытался более спокойно проанализировать то, что с ним случилось. Тело ломило — не исключено, что пара ребер у него все же треснула, — зато боль не давала расслабиться и начать клевать носом. Он стал вспоминать, когда именно в первый раз засек мужчин из черной «ауди».

В ночь с пятницы на субботу. В тот вечер он дежурил.

В ту ночь в его отделении появился Патрик Бонфис.

Фрер прилаживал друг к другу фрагменты головоломки. Потерявший память Бонфис. Вечерние соглядатаи. Убийство на вокзале Сен-Жан. Существует ли связь между этими фактами? Возможно, Патрик Бонфис видел, как убийца затаскивал в яму тело Минотавра. Возможно, он видел *и что-то еще*. Что-то, что чрезвычайно интересует парочку в похоронных костюмах. Или что-то, чего они до крайности боятся.

Может, они боятся, что Бонфис заговорит?

А с кем он заговорит? Со своим «спихиатром».

* * *

— Что это?

Анаис стояла в дверях с бутылкой красного вина в руках.

— Белый флаг. Предлагаю перемирие.

— Входите, — с улыбкой пригласил ее Матиас Фрер.

Для нее не составило никакого труда найти домашний адрес психиатра. На часах было восемь вечера — идеальное время для неожиданного визита. Ради такого случая Анаис переоделась в платье из индонезийского батика, расписанное золотистыми узорами, — такие были в моде в семидесятых годах. Правда, в последний момент испугалась собственной дерзости и натянула под платье джинсы. Результат ее не особенно удовлетворил, хотя под платье она надела бюстгальтер, зрительно увеличивающий грудь, который приберегала для особых случаев. Немного блесков на щеки, заколки в прическу, таблетка долипрана, — и она сочла, что готова к штурму.

— Так вы меня впустите?

— О, простите!

Он посторонился, пропуская ее в дом. Выглядел он, как обычно, каким-то помятым. Свитер без горла, рубашка с криво застегнутым воротником, вытертые джинсы, волосы торчком. Эдакий университетский профессор, обаятельный неряха, которому не в силах противостоять ни одна студентка, хотя сам он об этом даже не догадывается.

— Как вы узнали мой адрес?

— Всю команду заставила носом землю рыть.

Она вошла в гостиную. Белые стены. Скрипучий паркет. Фанерованные двери. Почти никакой мебели, кроме древнего дивана. И

множество выстроившихся вдоль стен картонных коробок, в каких пакуют вещи при переезде.

— Вы недавно переехали или собираетесь переезжать?

— Тот же самый вопрос я задаю себе каждое утро.

Она сунула ему в руку вино:

— Это медок. Я состою членом клуба дегустаторов. Вчера купила несколько бутылок. Прекрасное вино, вот увидите. Букет у него тонкий, но плотный. Вкус ярко выраженный, не без терпкости. Его...

Психиатр явно растерялся, и Анаис оборвала себя на полуслове:

— Что-то не так?

— Извините меня, ради бога. Но дело в том, что я не пью вина.

Анаис так и застыла с разинутым ртом. Сколько она жила в Бордо, но подобное слышала впервые.

— А что же вы пьете?

— Колу без сахара.

Она невольно хихикнула:

— Ну тогда и меня угостите.

— Сейчас принесу бокалы, — сказал он и развернулся в сторону кухни. — А вы пока присаживайтесь.

Анаис окинула комнату цепким взглядом. У стены напротив дивана стояла плазма. Возле остекленной стены на козлах лежала доска, служившая хозяину письменным столом. От стоящей на полу лампы падал неровный свет. Судя по всему, психиатр превратил обычный семейный дом в подобие безликого сквота.

Она невольно улыбнулась. Похоже, Фрер живет один. Ни одной фотографии, ни намек на присутствие женщины. У него нет ни друзей, ни любовницы — только работа. Она навела справки: он поступил на работу в клинику в начале января. Перевелся из Парижа. Ни с кем не общается. Интересуется только своими пациентами. Закоренелый холостяк — из тех, что горячее едят только в столовой в обеденный перерыв, да если вдруг коллега пригласит к себе домой на ужин.

Она подошла к письменному столу. Заметки. Книги по психиатрии, многие на английском языке. Распечатки текстов, скачанных из Интернета. Ключки бумаги с нацарапанными на них номерами телефонов. Все свидетельствовало о том, что психиатр ведет собственное расследование. Вот только о ком он собирает сведения? Неужели о потерявшем память пациенте?

Рядом с принтером лежало несколько только что распечатанных фотографий. Номерные знаки автомобиля. Снимали под дождем. За кем

следил врач? Она наклонилась, чтобы рассмотреть снимки получше, но в это время у нее за спиной раздался звук шагов. Матиас нес из кухни бокалы и банки с кока-колой.

— Симпатично у вас, — сказала она, снова подходя к дивану.

— Смеетесь, что ли?

Он поставил банки прямо на пол. Они были черного цвета, в каплях влаги.

— Извините, у меня даже журнального столика нет.

— Подумаешь!

Фрер по-турецки уселся на пол.

— А вы устраивайтесь на диване, — предложил он ей.

Анаис так и сделала. Она возвышалась над ним, словно королева над подданным. Они взяли себе по банке. Бокалы оба проигнорировали. Чокнулись, глядя друг другу в глаза.

— Я не знаю, который час, — пробормотал он. — Может, вы есть хотите? У меня, правда, ничего особенного нет, но...

— Да бросьте вы. Я пришла к вам отпраздновать хорошие новости.

— По поводу?

— По поводу расследования.

— Значит, вы меня не арестуете?

Она улыбнулась:

— Я погорячилась.

— На самом деле это я повел себя как идиот. Надо было вас предупредить. Но я в тот момент думал только о своем пациенте. О том, что будет лучше для него, понимаете? — Он отпил глоток колы. — Так что у вас за новости?

— Во-первых, мы опознали жертву. Бездомный парень. Таскался по фестивалям рок-музыки. Сидел на героине. Регулярно наведывался в Бордо. Убийца всадил ему дозу наркотика невероятной концентрации. И парень умер. Затем убийца занялся мизансценой. Бычья голова и все прочее...

Фрер слушал ее с напряженным вниманием. До этой минуты правильные черты его лица выражали некоторую растерянность, но, стоило ей заговорить о деле, застыли, превратившись в маску сосредоточенности.

И тут Анаис взорвала запасенную бомбу:

— Мы также установили личность преступника.

— Что-о?

Она слегка подняла руки, умеряя его изумление:

— Ну, скажем так: криминалистам удалось найти в яме отпечатки

пальцев, не принадлежащие ни жертве, ни вашему ковбою. Мы прогнали их через общенациональную базу данных и получили имя. Виктор Януш, бомж из Марселя. Несколько месяцев назад его задерживали за драку.

— Вы знаете, где он сейчас?

— Пока нет. Мы объявили его в розыск. Следовательно, найдем. На этот счет я не беспокоюсь. Коллеги из Марселя перевернут все ночлежки, все пункты оказания социальной помощи, все благотворительные центры «Эммаус» и все бесплатные столовые. Мы выясним, как и когда он прибыл в Бордо, и сцапаем его. В свое время точно так же поймали так называемого дорожного убийцу Франсиса Ольма.

Фрер, кажется, огорчился. Он все крутил в руках банку с колой, как будто ловил в металле свое отражение.

— Что вам о нем известно? — после затянувшейся паузы поинтересовался он.

— Пока ничего. Я жду материалы из Марселя. У нас сегодня весь день компы глючили. Главный враг современной полиции — это компьютерный вирус.

Психиатр не отреагировал на шутку. Подняв глаза к Анаис, он самым серьезным тоном спросил:

— Вы полагаете, что сцена убийства соответствует профилю бомжа?

— Ни в малейшей степени. Но мы всему найдем объяснение. Возможно, Януш — всего лишь соучастник.

— Или свидетель.

— Свидетель, который спускался в яму? И наследил там повсюду? Знаете, у нас это называется «вещественные доказательства».

— Это снимает подозрения с Патрика Бонфиса?

— Не так быстро. Остается эта история с планктоном. Но в настоящее время мы разрабатываем след Януша. Как только смогу, я сама съезжу в Гетари побеседовать с вашим протеже. В любом случае за кончик ниточки мы ухватились.

Фрер тихонько засмеялся:

— Да уж, вот что такое хорошие новости, рассказанные сотрудником полиции.

Она уловила в его интонации легкое ехидство, но не стала на нем заикливаться.

— А вы?

— Что я?

— Ну, с вашим рыбаком?

— Он понемногу обретает свою прежнюю личность. И уже не помнит

о том, за кого себя выдавал.

— Как и о том, что видел на вокзале Сен-Жан?

Фрер устало потряс головой:

— Я ведь вам уже говорил. Об этом он вспомнит в последнюю очередь. Если вообще когда-нибудь вспомнит...

— И все-таки я должна его допросить.

— Надеюсь, вы не собираетесь его арестовывать?

— Да нет, конечно. Это я так сказала, чтобы вас припугнуть.

— Полицейские любят пугать народ. Иначе жизнь теряет для них смысл.

Нет, Анаис не слышалось: в его голосе звучала самая настоящая враждебность. С ним все ясно. Один из этих психиатров-леваков, вскормленных на всякой хренотени, изобретенной Мишелем Фуко. Трудно обольщать мужчину, если в поясной кобуре у тебя лежит «глок». Два фаллических символа на одну пару — это чересчур...

Она поставила банку на паркет. Надежды очаровать врача растаяли как дым. Слишком уж они разные...

Она уже собралась встать, когда Фрер вдруг тихо сказал:

— Я сам поеду в Гетари.

— Зачем?

— Расспросить Патрика. Выяснить, кто он такой на самом деле. Узнать правду о том, что произошло на вокзале Сен-Жан. — Он поднял к ней свою банку с колой: — В конце концов, мы с вами ведем одно и то же расследование.

Она улыбнулась. От снова вспыхнувшей надежды на сердце сразу потеплело. Никогда бы не подумала, что благодаря работе познакомится с таким обворожительным мужчиной.

— Вы уверены, что не хотите открыть мою бутылку?

* * *

Два часа спустя Фрер принялся за работу.

Анаис Шатле как пришла, так и ушла — правда, пришла трезвая, а ушла навеселе. Они пили вино, смеялись и болтали. Фрер, привыкший к одиночеству вечеров, и мечтать не мог ни о чем подобном. Тем более — в разгар всей этой истории с убийством и амнезией.

Он не позволил себе ничего лишнего. Ни одного смелого жеста, ни одного провокационного намека. Хотя чувствовал, что путь открыт. Пусть

он не был специалистом по женской психологии, но сложить вместе два и два умел. Визит на ночь глядя. Бутылка вина. Нарядная одежда — правда, он не понял, зачем под платье она надела джинсы: мода, что ли, такая? Одним словом, признаков того, что молодая сотрудница судебной полиции открыта для более тесного диалога, хватало.

Но он и пальцем не шевельнул. По двум причинам. Во-первых, он дал себе страшную клятву, что больше никогда не будет смешивать работу и личную жизнь. А Анаис Шатле, как ни крути, была связана с его работой, хоть и не напрямую. Второй причиной, более глубокой и отчасти интуитивной, был страх. Жуткий страх. А вдруг она откажется? А вдруг он ударит в грязь лицом? Когда он в последний раз был с женщиной? Он уже и сам не помнил. Он боялся, что у него ничего не получится...

На пороге его дома они простились как хорошие друзья. Договорились, что будут обмениваться информацией. В последний момент, поддавшись порыву, Фрер рассказал ей о двух странных типах в «ауди» модели Q7. Объяснил, что уже несколько дней они следят за ним. И даже дал ей пару снимков с номерными знаками черного внедорожника. Анаис эта история не очень-то убедила, но она пообещала ему проверить номер машины по своим каналам.

И вот наступила полночь, и он опять остался один. Дико трещала голова. Из-за вина. Он не выносил спиртного. Опять вспыхнула боль в глубине глаза. Но спать не хотелось. Он сварил себе кофе, включил диктофон и уселся за письменный стол.

Даже в этот поздний час он вполне мог проверить и уточнить сведения, полученные от Патрика Бонфиса. Прежде чем приступить к исследованию его психики, он хотел составить четкое представление о его подлинной личности.

Он приготовился делать записи и нажал кнопку «Воспроизведение». Ковбой родился в деревне Герен, расположенной неподалеку от Тулузы. Фрер быстро вбил в поисковик слово «Герен».

Первый сюрприз.

Ни одного населенного пункта под таким названием в департаменте Верхняя Гаронна не значилось. Он расширил поиск до всего региона Юг-Пиренеи. Ни одного соответствия не найдено, выдала ответ программа.

Матиас вбил имя «Патрик Бонфис» и начал методично проверять информацию по разным учреждениям, действовавшим в области в те годы, — загсам, школам, отделениям госслужбы по трудоустройству. Ничего.

Он промотал кусок записи до того места, где рыбак рассказывал о

своей жене. По его словам, Марина Бонфис сегодня жила в Ниме или где-то в его окрестностях. Фрер снова запустил поиск. И снова — с нулевым результатом.

Он весь покрылся мурашками. Шея взмокла от пота. Глухо пульсировала боль в глубине левого глаза, как будто там кто-то бил в маленький барабан: бум-бум-бум...

Он выключил диктофон и занялся проверкой данных, полученных от Сильви. В том числе истории про отца, погибшего в результате падения в чан с кислотой. Довольно скоро ему стало ясно, что поиск через Интернет ничего не даст. Чем он располагал? Названием несуществующей деревни и вымышленной фамилией?

Что касалось вступления Бонфиса в Иностранный легион, то на проверку этого факта он даже не стал тратить время — армейское командование гарантировало каждому солдату полную анонимность.

В любом случае он узнал много. Патрика Бонфиса не существовало. Как и Паскаля Мишелля.

Личность Бонфиса тоже возникла в результате диссоциативного бегства.

Фрер еще раз перечитал свои записи. Сильви Робен жила с Бонфисом три года. Судя по всему, она познакомилась с ним в тот период, когда он пребывал в состоянии бегства от самого себя, о чем она, естественно, не подозревала. И с тех пор он постоянно лгал ей, *не отдавая в том себе отчета*.

Кем он был прежде?

Как много личностей он успел создать, сочинить и приспособить под себя?

Фрер попытался представить себе, как действует психика этого человека. В глубине его сознания множатся разные персонажи, преследующие одну и ту же цель: вытеснить того, кто кажется им опасным. Иными словами, его настоящего. Патрик Бонфис бежит от своих корней и от своей судьбы. По всей вероятности, это бегство обусловлено имевшей место психической травмой.

Ответом на этот вопрос отчасти служило присвоенное им имя. Как он сразу не догадался? Бонфис^[18] — говорящая фамилия. Он всеми силами стремился стать «хорошим сыном». Значит ли это, что на самом деле он был сыном недостойным? В этом контексте история про убийство отца приобретала совсем иное звучание. Это — улика, пусть и замаскированная, извращенная, деформированная загадочными шестеренками подсознания.

Фрер встал из-за стола и, сунув руки в карманы, принялся мерить

шагами гостиную. Мысли громоздились одна на другую. Чтобы вылечить великана, ему придется одну за другой разоблачить все его фальшивые личности, пока он не доберется до исходной. Подлинной личности.

Но пока он не знал даже, каким по счету психотическим бегством — вторым, третьим или десятым — было вызвано появление на свет ковбоя по имени Паскаль Мишель. Зато он не испытывал ни малейших сомнений в том, что психика этого человека хранит в себе следы каждого выдуманного имени и характера. Они таятся в закоулках его души. Так ледник хранит следы ежегодных дождей. Значит, надо копать. Зондировать почву. Анализировать каждую деталь. Чтобы пробиться сквозь наслоения подсознательной памяти, он использует все имеющиеся в его распоряжении средства. Гипноз. Амобарбитал. Психотерапию...

Фрер пошел на кухню выпить холодной воды. Машинально выглянул в окно. Никого. Никаких людей в черном. Может, они ему приснились? Он выпил второй стакан воды. И, уже ставя его в раковину, вдруг понял нечто очень важное для себя. Почему он с таким упорством добивается поставленной цели — расшифровать историю Бонфиса? Потому что это позволяет ему зачеркнуть собственные воспоминания о смерти Анны Марии Штрауб. Об ответственности психиатра, нарушившего профессиональную этику.

Сосредоточиться на чужой боли, чтобы отвлечься от своей...

* * *

На следующее утро всю дорогу до Гетари Матиас Фрер думал об Анаис Шатле. Он и проснулся с мыслями о ней. Вспоминал ее лицо и ее голос.

— Вы замужем? У вас есть дети?

— Неужели я похожа на замужнюю женщину? Тем более мать семейства? Нет, для этого я еще не созрела.

— А для чего созрели?

— Для знакомств через Интернет. Всякие социальные сети.

— И как, удачно?

— Ну, скажем так, для сыщика у меня довольно тонкое чутье...

Чуть позже уже она задавала ему вопросы:

— Почему вы стали психиатром?

— По призванию.

— Неужели вам нравится копать в чужих мозгах?

— Я не копаюсь в чужих мозгах. Я лечу людей. Стараюсь облегчить их страдания. Если честно, мне кажется, что ничего интереснее в мире нет.

Девушка прикусила нижнюю губу. Как и при первой встрече, он вдруг интуитивно почувствовал, что Анаис Шатле когда-то была пациенткой психиатрического отделения. Или, во всяком случае, имела серьезные психологические проблемы.

Подтверждение своей догадки он получил несколько минут спустя. Она наливала ему в бокал вино, и он обратил внимание на ее запястья, исчерченные кривыми и узловатыми полосами шрамов. Ему хватило даже беглого взгляда, чтобы определить их природу. Это не были следы попытки самоубийства. Напротив. Шрамы свидетельствовали о стремлении к выживанию.

Матиас в своей практике нередко сталкивался с подобным психическим расстройством. Подростки сами себе наносят раны, надеясь избавиться от ощущения безысходной тоски. Они чувствуют потребность выпустить из души наружу то, что не дает им дышать. Они не боятся вида крови. Физическая боль вытесняет моральные страдания и приносит облегчение. А зияющая рана дарит иллюзию того, что яд, отравлявший душу, вытек вместе с кровью...

Когда Анаис впервые появилась у него в кабинете, Фрер инстинктивно понял, что перед ним — сильная женщина. Из тех, кто оставляет свой след в мире. Она была сильной, потому что пережила страдание. Но одновременно она была хрупкой и уязвимой. И по той же самой причине. Конец XX века до полного износа затрепал банальную истину, суть которой лучше всех сформулировал Ницше в «Сумерках идолов»: «Что не убивает меня, то делает меня сильнее». Но это полная чушь. Во всяком случае, в примитивном современном толковании. Каждодневное страдание никого не закаляет. Оно изматывает человека. Делает его слабым. Ранимым. Кому, как не Фреру, это знать! Человеческая душа — не шкура животного, которая от дубления становится качественнее. Человеческая душа — это сверхчувствительная, трепещущая, хрупкая мембрана. От ударов она мертвоет и покрывается шрамами. И начинает бояться мира.

Вот тогда страдание оборачивается болезнью. Обретает нечто вроде собственной жизни. Со своими ритмами и колебаниями. Эта болезнь пробуждается без предупреждения, но, что самое ужасное, она подпитывается сама себя. Множатся приступы, и уже невозможно установить их связь с настоящим окружающего мира. Но даже если эта связь существует, она загнана так глубоко и так надежно спрятана, что никто, даже самый опытный психиатр, не в состоянии вытащить ее наружу.

Над Анаис Шатле висела подобная угроза. И кризис мог грянуть в любую минуту. Без всякой видимой причины. Без какого бы то ни было мотива. Просто потому, что боль станет невыносимой и душа захочет освободиться от яда. Пусть с кровью. Страдание приходит не извне, оно рождается внутри. Можно назвать его неврозом. Дисфункцией. Тревожным синдромом. Слов десятки, и Фрер знал их все. Для него они служили рабочим инструментом.

Но тайна оставалась тайной. Согласно легенде — потому что это не более чем легенда, — истоки нервных срывов следует искать в детстве человека. Зло прокладывает себе русло в первые годы формирования психики. Сексуальные извращения. Недостаток любви. Заброшенность. С этим Фрер не спорил. Он разделял убеждения фрейдистов. Но никто еще не дал ответа на самый главный вопрос: почему у одних мозг реагирует на детские травмы и фрустрации болезненнее, чем у других?

Ему приходилось встречать девочек-подростков, переживших групповое изнасилование, инцест, голод, грязь и побои, но он чувствовал, что, несмотря ни на что, они выкарабкаются. Встречал он и других, выросших в благополучных семьях, которые слетали с катушек из-за какой-нибудь ерунды, намек или подозрения на намек. Некоторые дети, которых в детстве бьют, сходят с ума. Другие — нет. И никто не в состоянии объяснить почему. Может быть, души людей отличаются разной проницаемостью? И в одни из них боль, страх и зло просачиваются легче, чем в другие?

Что же случилось с Анаис Шатле? Действительно трагическое событие? Или что-то малозначительное, из-за повышенной чувствительности воспринятое ею как трагедия?

Мелькнувшее на указателе название «Биарриц» вырвало его из этих размышлений. Он уже ехал вдоль побережья. Миновал Бидар и приближался к Гетари. Пересек небольшую площадь, увидел стену для игры в пелоту и свернул к причалу. Припарковался в нескольких метрах от пристани и пешком пошел вниз по цементному спуску.

Был прилив. Океан обрушивал на темный песчаный берег вал за валом. Пенное кипение волн наводило на мысли о серой слюне смертельно больного существа. Вода переливалась всеми оттенками черного и коричневатого-зеленого цвета. Ее поверхность напоминала вздувшуюся, лакированную, складчатую кожу земноводного.

Лодка стояла на приколе, но великана в стетсоновской шляпе видно не было. Фрер бросил взгляд на часы. Десять утра. Рыбачьи суденышки с наклоненными к причалу мачтами и свернутыми сетями были на месте, но

вокруг царило полное безлюдье. Работала только лавчонка, торговавшая рыбацкими снастями. Фрер расспросил продавца, и тот посоветовал ему поискать Бонфиса дома. Он жил в хибарке за пляжем, примерно в километре отсюда.

Матиас снова сел за руль. Его охватило смутное беспокойство. Вспомнились вчерашние преследователи. Они появились в его жизни одновременно с Патриком Бонфисом. И явно интересовались тем, что мог ему рассказать ковбой. Из этого он вывел, что ему грозит опасность. Но упустил из виду главное: если опасность грозила ему, то в ничуть не меньшей степени она грозила и Патрику. Зачем только он отпустил его из больницы? В клинике Пьера Жане, в своей палате, пассажир тумана ничем не рисковал.

Впереди показался белый домишко. Сооружение из бетонных плит, на котором владельцы укрепили деревянную вывеску в форме тунца. Фрер оставил машину возле кустарника и двинулся к дому, подняв воротник и сунув руки в карманы. Начал накрапывать дождь. Слева протянулась железная дорога, отделявшая остальные дома от океанского побережья. Справа к морю сбегали небольшие рощицы. Корабельные сосны, покрытый желтенькими цветочками утесник, ярко-лиловые заросли вереска — все это стонало и качалось под ветром.

Он постучал в дверь. В ответ — тишина. Он еще раз постучал. Снова ничего. Беспокойство переросло в тревогу. Он обошел вокруг домишки и посмотрел в сторону моря. И сейчас же его лицо осветилось улыбкой. Парочка сидела внизу откоса. Патрик Бонфис, устроившийся на скале по-турецки, чинил сеть. Сильви, все в той же куртке, вышагивала своей расхлябанной походкой туда-сюда вдоль берега.

Через пару минут Фрер окликнул Сильви.

— Чего вам надо?

Его здесь не ждали. Внезапно ему открылась истина. Женщина все знала. Знала давно. Бегство, случившееся 13 февраля, было всего лишь одним из многих.

— Почему вчера вы не сказали мне правду?

— Какую правду?

— Патрик — никакой не Патрик. Это выдуманный персонаж. Первая жена, отец, упавший в кислоту, Иностранный легион — все это чушь собачья. И вам это прекрасно известно.

— Ну и что? — Сильви набычилась. — Вам-то какое дело? Нам с ним хорошо, и нечего лезть в нашу жизнь.

Фрер понимал, что не имеет права давить на Сильви. Без ее поддержки

он ничего не добьется. И правда никогда не выплывет наружу, если эта маленькая, но упрямая тетка откажется ему помогать.

— Все это не так просто, — спокойно начал он. — Патрик болен. Вы же не станете это отрицать. И он никогда не выздоровеет, если мы позволим ему и дальше жить фальшивой жизнью.

— Не понимаю, о чем вы.

Матиас читал на лице Сильви страх. Она боялась правды. Боялась узнать, кем на самом деле был ее Патрик. Почему? Может, у ковбоя были дети, жены, долги? Или преступное прошлое?

— Пройдемся немного?

Сильви молча обошла его и двинулась вдоль извилистой линии прибоя. Фрер глянул на Патрика, который, чуть приподняв капюшон куртки, только что заметил его. Рыбак дружески помахал ему рукой, но сеть не бросил. Нет, не может он быть преступником.

Фрер догнал Сильви. Ноги его проваливались в темный песок. Несмотря на дождь, над ними носились птицы. Чайки, поморники, бакланы... Во всяком случае, ему на ум пришли именно эти имена морских птиц. Их хриплые крики сливались с рокотом океана.

— Я не желаю, чтобы вы лезли к Патрику.

— Я должен его расспросить. Исследовать его память. Он не обретет покоя, пока не восстановит свою подлинную личность. Подсознание обманывает его. Он живет в плену иллюзий, во власти лжи, и эта ложь разъедает его разум и лишает его жизненной опоры. Вам нечего бояться. Вспомнив себя, он не изменит своего отношения к вам. Напротив, сможет наконец оценить вас по достоинству.

— Да что вы говорите! А если он вспомнит, что у него есть другая? Что у него...

Сильви не договорила. Она вдруг резко дернула головой, словно что-то ее оглушило. Фрер удивился: он не слышал никакого шума. Она покачнулась сначала в одну сторону, потом в другую. Фрер по-прежнему ничего не понимал:

— Сильви?

Женщина упала на колени. Матиас взгляделся и с ужасом обнаружил, что ей снесло половину черепа. От обнажившегося мозга в холодный воздух поднимался пар. В следующий миг из ее груди обильно хлынула кровь. Фрер рефлекторно обернулся к скале, на которой сидел Патрик. Великан скорчился, словно защищаясь от укусов невидимого зверя. Голова у него была разбита, дождевик заляпан красными пятнами. Тут же на глазах у Фрера от тела ковбоя вверх поднялся фонтан брызг, на фоне

ненастного неба казавшихся черными.

В долю секунды, не разумом, а скорее подсознанием Фрер понял, что ему напоминает вся эта сцена — убийство президента Кеннеди. И лишь затем пришла мысль: в них стреляют. Из бесшумного оружия.

Опустив глаза, он увидел, что песок возле его ног вздымается фонтанчиками, каких не могут поднимать дождевые капли. Это пули. А стреляют с глушителем. Сквозь ливень и туман на него падал металлический дождь — свистящий, безжалостный, смертоносный.

Фрер больше не задавал себе вопросов.

Он уже бежал по тропинке к своей машине.

* * *

Убийца был не один. Второй, судя по всему, поджидал его на насыпи, там, где Фрер оставил свой «вольво». Продираясь между кустами, Матиас поднял глаза. Никого. Он быстро оглянулся через плечо. С противоположного холма, метрах в трехстах с лишним, по песчаной тропе спускался вниз мужчина, раздвигая телом густые заросли. В руках он держал что-то черное. По всей видимости, автоматический пистолет. Снайпер? Или его подручный? В тот же миг с кустарника рядом с Фрером посыпались листья и ветки. Это был ответ на его вопрос.

Стрелок засек его и взял на мушку.

Фрер упал на землю и на четвереньках пополз между соснами, можжевельником и колючими кустами ежевики. Надо отползти подальше от тропинки и попытаться подняться выше, понимал он. У него горели ободранные руки, но пока он продвигался вперед. В голове царил полный сумбур. Перед глазами стояли только что виденные картины. Развороченный череп Сильви. Расстрелянное в упор тело великана.

Фрер выбрался из зарослей напротив дома Бонфисов. От «вольво» его отделяло примерно пятьдесят метров. Он побежал к машине вдоль железнодорожного полотна, спотыкаясь и подворачивая ноги на насыпи. Мужчины с пистолетом он больше не видел, как не видел и второго — снайпера. Ему оставалось проделать всего несколько метров, когда ветровое стекло его автомобиля вдруг пошло мелкими трещинами, словно посыпанное сахарным песком. Со стоном лопнула крышка. Вылетело боковое стекло.

Фрер бросился под укрытие нескольких стоящих рядом сосен. Ему казалось, что легкие его сейчас разорвутся. Он не соображал, что делает.

Пули свистели — он явственно слышал их свист — вокруг машины. До руля ему не добраться. Может, перебежать через пути? За ними идет асфальтовая дорога. Нет, он станет отличной мишенью для стрелка. Вернуться на пляж? Еще хуже. Выхода не было. У него не было никакого выхода. Только дождь, с силой колотивший по земле, листве и его измученному мозгу.

Повинуясь рефлексу, он повернул голову. Мужчина с пистолетом только что вынырнул из кустарника и бежал вдоль рельсов в его направлении, не обращая внимания на хлеставшие потоки дождя. Да, это точно он. Один из людей в черном. Чиновник с густыми бровями и плешивой головой. Он держал пистолет перед собой и беспрестанно озирался по сторонам. Фрер догадался, что пока он его не засек.

Он присел на корточки. Что же делать? Вода струилась по его лицу. Вокруг трепетала листва. В воздухе пахло мокрой землей. Если б только он мог раствориться в пейзаже. Слиться с раскисшей почвой, спрятаться между древесных корней...

Вдалеке послышался гул. Земля под ногами задрожала. На миг ему подумалось, что сейчас его пронзит молнией. Или что мир разверзнется бездной, чтобы поглотить его. Он насторожился, как чуткое животное, и прислушался. Это приближался поезд. Он шел, и его движение сопровождалось металлическим лязгом и вибрацией. Региональный экспресс, понял он.

Состав проходил справа от него на малой скорости. Желто-красный локомотив тянул за собой выводок вагонов, как заключенный таскает за собой свои цепи. Фрер быстро глянул налево: убийца сократил разделявшее их расстояние, но его по-прежнему не замечал. Если бы каким-нибудь чудом ему удалось оказаться по ту сторону путей, он был бы спасен. Пока поезд будет ползти, он сумеет убежать. Грохот сделался оглушительным. Состав был уже в нескольких метрах и еще немного замедлил ход. Фрер отступил за сосновый ствол, но успел увидеть, как убийца пятится назад.

На ту сторону пути.

Теперь, когда между ними катился поезд, Фрер резко поднялся на ноги. Вагон... Второй... Секунды тянулись бесконечно, словно отлитые из свинца. Всего несколько метров... Третий вагон... Четвертый... Колеса громыхали по рельсам, высекая снопы искр. Когда пятый — последний — вагон поравнялся с Фрером, он выскочил из своего укрытия.

Вытянув вперед руку, он ухватился за ручку вагонной двери. Ноги оскальзывались на щебенке, он едва не упал, но удержался и дотянулся до ручки второй рукой. Его пальцы обхватили холодный металл. Несколько

метров его просто волокло вслед за поездом, но потом он собрался с силами, сделал рывок и вскочил на подножку.

Не раздумывая, повернул ручку. Заперто. Он попробовал еще раз. Струи дождя нещадно секли его. Ветер притиснул его к вагонной стенке. Фрер упорно дергал ручку. Она должна открыться. Он обязан выбраться из этой...

В этот миг сквозь слипшиеся от воды ресницы он их увидел. Двое вооруженных мужчин, стоящих чуть поодаль железнодорожных путей. У одного в руках был черный контейнер с хромированными уголками, какие носят музыканты и диджеи. Второй спрятал ствол под плащ. Фрер прижался к двери.

Он был теперь как на ладони. Убийцам достаточно повернуть голову, и они его увидят. Но чудо все-таки случилось. Когда он, набравшись смелости, позволил себе посмотреть в их сторону, то увидел, что они уже бегут к брошенному им «вольво». Наверное, решили, что он прячется за машиной. Пока они поймут, что он выбрал иной путь спасения, он будет уже далеко.

Впрочем, может быть, не так уж и далеко. Состав замедлил ход. Они подъезжали к станции Гетари. Фрер еще раз потряс ручку двери. И она поддалась. Он скользнул в вагон.

Поезд остановился.

* * *

На него уставились десятки изумленных глаз. Мокрый, расхристанный, весь в налипших листьях, песке и колючках можжевельника. Он жалко улыбнулся, пытаясь с одежды мусор. Пассажиры как по команде стали смотреть в другую сторону. Матиас бессильно опустил на сиденье и вжал голову в плечи.

— Эй, с вами все в порядке?

К нему обращался раздраженный мужчина лет шестидесяти, сидевший в нескольких метрах от него.

— Я видел, как вы бежали. У вас что, не все дома?

Фрер не нашелся с ответом. От пожилого пассажира веяло неприкрытой ненавистью.

— Вы хоть понимаете, что творите? Вы подвергаете опасности не только свою жизнь, но и жизнь других людей! А если бы вы свалились? Сначала плюют на законы, а потом удивляются, что все кругом в дерьме!

Фрер вымученно улыбнулся, словно приносил извинения.

— Ну-ну, давай посмейся! — Старик уже тыкал ему. — Таких, как ты, надо за решеткой держать!

Выдав эту тираду, он встал и решительно направился к выходу. Фрер перевел дух. С колотящимся сердцем он исподтишка оглядывал перрон. Убийцы могли появиться в любую секунду. Что им стоит обойти вагоны и осмотреть пассажиров? Это были самые долгие секунды в его жизни. Наконец двери закрылись. Поезд медленно покатил вперед.

Его немного отпустило.

Он даже испугался, как бы не расслабились сфинктеры — естественная реакция организма на стресс.

— Не надо на него обижаться...

Еще один пассажир поднялся со своего места и пересел на скамью напротив Фрера. *Господи боже ты мой. Чего им всем от меня надо?* Фрер молча смотрел на мужчину, который широко и дружелюбно улыбался ему.

— Не каждый в состоянии понять чужие трудности.

Фрер по-прежнему не отрывал взгляда от прохода за спиной мужчины, заканчивавшегося дверью в тамбур, соединявший пятый вагон с четвертым. Они ведь могли сесть в любой вагон... И сейчас прочесывают поезд...

— Ты что, меня не узнаешь?

Фрер вздрогнул. Почему мужчина говорит ему «ты»? Он уставился ему в лицо. Совершенно незнакомый человек. Бывший пациент? Или сосед из квартала Флеминг?

— Марсель. Год назад, — тихим голосом продолжил тот. — Пуэнт-Руж. Общежитие «Эммаус».

Матиас понял, что стал жертвой недоразумения. Мужчина спутал его с каким-то бомжем, которого, очевидно, знал по Марселю. Учитывая его внешний вид, удивляться этому не приходилось.

— Даниель Ле-Гуэн, — представился мужчина, пожимая ему руку. — В «Эммаусе» я отвечал за продажи. Меня прозвали «Лаки-Страйк», потому что я дымлю как паровоз. — Он подмигнул Фреру. — Ну, теперь вспомнил?

Фрер с трудом разлепил губы и выдавил:

— Простите. Вы ошибаетесь. Я никогда не был в Марселе.

— Разве ты не Виктор? — Он наклонился ниже и доверительным шепотом повторил: — Разве ты не Виктор Януш?

Матиас не ответил. Это имя о чем-то ему говорило, но он никак не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах слышал его.

— Ничего похожего. Меня зовут Фрер. Матиас Фрер.

— Ну, тогда извините!

Фрер по-прежнему изучал лицо мужчины. То, что он прочитал в его взгляде, совсем ему не понравилось. Смесь сострадания и хитрости. Должно быть, добрый самаритянин обратил внимание, хоть и с опозданием, на качество его одежды. И сделал вывод, что Виктор Януш сумел подняться из грязи, а потому не желает, чтобы ему напоминали о его позорном прошлом. Но где же он слышал это имя?

Фрер встал. Мужчина схватил его за руку и протянул ему визитку:

— Вот, возьмите. На всякий случай. Я пробуду здесь еще несколько дней.

Фрер перевел взгляд на карточку и прочитал:

Даниель Ле-Гуэн
Компаньон «Эммауса»
06 1735 44 20

Он сунул визитку в карман, не сочтя нужным поблагодарить того, кто ему ее дал, и пересел на другое место, через несколько рядов. В голове металась беспорядочные мысли. Об убийцах. О Патрике и Сильви, только что погибших у него на глазах. И вот теперь его приняли за кого-то другого...

Он сидел, уткнувшись лицом в стекло, и смотрел на море, размытое струями дождя. Вдоль позвоночника полз влажный и одновременно обжигающий страх. Но напряжение постепенно ослабевало. Поезд мчался вперед на всех парах. Пассажиры дремали, что не могло не действовать на него успокаивающе. Скоро он будет в Бордо. Первым делом отправится в комиссариат. Все расскажет Анаис. Возможно, ей уже удалось установить, кому принадлежит «ауди» модели Q7. Она проведет расследование. Найдёт всему объяснение. Поймает убийц. И жизнь вернется в нормальную колею...

Но тут его мозг пронзила мысль о Викторе Януше, заставив вздрогнуть всем телом. Кто такой этот Януш? Он задумался о событиях последних дней. Его терзали смутные сомнения. Почему он с такой страстью, если не сказать одержимостью, бросился изучать случай пациента по имени Бонфис? Почему впал в такую ярость, узнав, что он не тот, за кого себя выдает? Почему задался целью во что бы то ни стало выяснить, кто он такой на самом деле? Ведь он дал себе слово, что больше никогда не нарушит дистанцию между собой и пациентами! Что заставило его тратить столько сил и энергии на то, чтобы разобраться в причинах психического расстройства ковбоя?

Постепенно сомнение в нем перерастало в уверенность. А что, если и он сам — не тот, кем себя считает? Что, если он тоже — «пассажир без багажа»?

Человек, находящийся в состоянии психотического бегства?

Он пожал плечами и потер лицо тем же жестом, каким сминают черновик письма, прежде чем отправить его в мусорную корзину. Абсурд, полный абсурд! Его зовут Матиас Фрер. Он психиатр. Работал в Вильжюифе. Преподавал в Париже, в клинике Святой Анны. Усомниться в собственном здравомыслии только потому, что совершенно незнакомый человек, ошибившись, принял его за другого?

Он поднял голову. Даниель Ле-Гуэн подмигнул ему. Что он себе позволяет? На что намекает? И ведь выглядит таким уверенным в своей правоте! В том, что встретился с Виктором Янушем. Матиас вздрогнул. Он вспомнил, где слышал это имя. Так звали бомжа, чьи отпечатки пальцев обнаружили в ремонтной яме на вокзале Сен-Жан. Подозреваемого номер один в деле об убийстве Минотавра.

По лицу у него текли струйки пота. Тело сотрясалось с ног до головы. А если парень из «Эммауса» прав? Если он и в самом деле Виктор Януш, в состоянии психотического бегства потерявший память?

— Не может быть, — пробормотал он себе под нос. — Я Матиас Фрер. У меня диплом медицинского факультета. Я больше двадцати лет занимаюсь психиатрией. Преподавал на кафедре при клинике Святой Анны. Был главным врачом психиатрического отделения больницы в Вильжюифе. Руководжу отделением Анри Эя в клинике Пьера Жане в Бордо...

Он замолчал, когда заметил, что шепчет вслух, раскачиваясь взад-вперед, как мусульманин на молитве. Или как шизофреник в разгар приступа. Он и правда вел себя как помешанный, и пассажиры вагона уже косились на него с подозрением.

С ним явно что-то не так. Патрик Бонфис тоже не мог внятно изложить подробности своей прошлой жизни. А разве у него самого не возникало странного ощущения, что он не помнит почти ничего из событий последних лет? И почему он так одинок? Ни друзей, ни родственников? Что занимало его мысли? В основном какие-то общие темы, абстрактные рассуждения. Ничего конкретного, никаких эмоций...

Он потряс головой. Нет. У него были воспоминания. Например, он помнил Анну Марию Штрауб. Таковую историю нельзя выдумать. Фрер застыл изваянием. Что они все на него пялятся? Он снова уткнулся лицом в стекло. Диссоциативное бегство. Обман и самообман. Разве он не

предчувствовал...

Поезд остановился. Вокзал Биаррица. Пассажиры вставали с мест и тянулись к выходу.

— Вы не знаете, куда дальше идет этот поезд? — спросил он.

— В Бордо. До вокзала Сен-Жан.

Даниель Ле-Гуэн тоже вышел в Биаррице. Это пустяковое обстоятельство немного успокоило Фрера. Существовал простейший способ проверить, кто он такой на самом деле. У него же есть документы. Дипломы. Вещи в коробках. Его прошлое. Он посмотрит, что там лежит, и убедится, что он не кто иной, как Матиас Фрер. Не имеющий ничего общего с человеком по имени Виктор Януш — бомжем, подозреваемым в убийстве.

* * *

Впервые в жизни он радовался, шагая по кварталу Флеминг. А вот и «Опал». Его дом. Он толкнул калитку. Повернул ключ в замке.

Его встретили все те же пустые, практически без мебели, комнаты с голыми стенами. Тепла, на которое он рассчитывал, здесь не было и в помине. Безликий дом. Дом без истории. Без прошлого. Он поднялся на второй этаж, где находилась его спальня. Нашел картонную папку, в которой хранил важные документы. Удостоверение личности. Паспорт. Карточка медицинского страхования. Дипломы об образовании. Банковские уведомления. Бланк налоговой декларации, отправленный по старому адресу: Париж, улица Тюрен, 22.

Все в полном порядке. В полном ажуре. Фрер облегченно вздохнул. Еще раз перелистал бумаги, и в душе снова зашевелились сомнения. Насчет удостоверения личности, паспорта и медицинской страховки он ничего не мог сказать: он же не специалист. Но все остальные документы были представлены в виде ксерокопий. А где оригиналы?

Фрер скинул плащ. Ему было жарко. Сердце гулко бухало в груди. Если допустить, что он не тот, кем себя мнит, если он такой же, как Патрик Бонфис, психотический беглец, то это значит, что он пережил период амнезии, после которой подсознание создало для него новую личность. Но вот вопрос: кто же тогда изготовил ему все эти бумаги? И на какие деньги?

Он снова потряс головой. Бред. Полный бред. И вообще, сейчас у него есть дела поважнее.

Надо срочно ехать в комиссариат. Найти Анаис Шатле и рассказать ей

об убийстве Патрика и Сильви и покушении на его собственную жизнь. Он взял плащ, выключил свет и спустился на первый этаж.

Возле двери он остановился. Посмотрел на составленные у стены картонные коробки. В них — вся его жизнь. Вещи, фотографии... Конкретные детали прошлого. Он открыл первую коробку и чуть не закричал в голос. Она была пуста. Он схватил вторую. По легкости, с какой он ее поднял, ему все стало ясно. Пустышка.

И третья.

Пусто.

Четвертая.

Пусто. Пусто. Пусто.

Он упал на колени. Уставился на коробки, на протяжении двух последних месяцев служившие убранством его жилища. Чистейшая бутафория. Театральная декорация, призванная пустить пыль в глаза. Создать иллюзию, что у него было прошлое, были корни. Обмануть других и себя.

Он закрыл лицо руками и разрыдался. Истина обрушилась на него всей своей безжалостной мощью. Он — человек-матрешка. Путешественник без багажа. Пассажир тумана...

Неужели он в самом деле бомжевал? Убил человека? А кем еще он успел побывать? Вопросы беспорядочным роем кружили в голове. Как совместить образ жизни бомжа с занятием психиатрией? Каким путем он раздобыл все эти дипломы? Ему вспомнилось знаменитое изречение Эжена Ионеско: «Разум — это безумие сильнейшего». Писатель прав. Достаточно верить в себя, чтобы и другие в тебя поверили. И тогда любой бред оборачивается истиной. Он утер слезы, вскочил на ноги и достал из кармана мобильник. Ему нужно доказательство. Всего одно. Пусть горькая, но правда.

Он позвонил в справочную и попросил соединить его с больницей Поля Гиро в Вильжюифе. Примерно через минуту его переключили на приемное отделение. Еще минута — и трубку сняла секретарь администрации. Он попросил к телефону доктора Матиаса Фрера.

— Кого, простите?

Он не позволил себе перейти на крик:

— Возможно, он больше у вас не работает. Но в прошлом году он состоял в штате психиатрического отделения.

— Знаете, я уже шесть лет работаю здесь секретарем. И я никогда не слышала этого имени. Ни в одном отделении нашей больницы нет и никогда не было никого по имени Матиас Фрер.

— Спасибо, мадам.

Он захлопнул крышку телефона. И так, у него тот же синдром, что и у ковбоя в стетсоновской шляпе. Просто его легенда сложнее и лучше продумана. Он — матрешка. Откройте первую, обнаружите вторую. И так далее. Пока не доберетесь до самой маленькой. Единственной существующей *реально*.

Но это было еще не самое худшее.

Виктор Януш. Бездомный бродяга, арестованный в Марселе за драку, объявлен в розыск как подозреваемый в убийстве, совершенном в Бордо. Что произошло на вокзале Сен-Жан в ночь с 12 на 13 февраля? И что в это время делал он сам? Кажется, спал у себя в кабинете в клинике. В ту ночь он дежурил. У него есть свидетели. Он выписывал рецепты. Здоровался с охранником, когда приходил и уходил. А что, если он незаметно для всех выскользнул из здания и, невидимый в тумане, пробрался на вокзал? Может, он даже столкнулся с Бонфисом на путях? Все это было бы смешно... Два психа с амнезией встречаются и не узнают друг друга...

Он сунул документы в рюкзак. Прихватил ноутбук, в котором на протяжении почти двух месяцев вел записи о состоянии пациентов. Побросал в рюкзак кое-что из вещей и покинул дом, не потрудившись даже запереть за собой дверь.

Метров через пятьсот, не доходя до университетского городка, он поймал такси. Дал шоферу адрес центрального комиссариата полиции. Пора платить по счетам. Полтора месяца лжи и обмана. Он не хотел думать, что с ним будет дальше. Пока его занимало одно. Надо все рассказать Анаис Шатле. Потом попросить, чтобы его госпитализировали. Положили в его собственное отделение. И там он наконец заснет.

Провалится в сон, чтобы проснуться другим человеком, то есть самим собой. Пусть в наручниках. Он не возражает.

* * *

— Капитана Шатле нет на месте.

Перед ним стоял лощеный хлыщ в безупречно скроенном костюме.

— Можно я ее подожду?

— А вы по какому вопросу?

Фрер заколебался. Объяснять слишком долго. И решил разыграть медицинскую карту:

— Я психиатр. Занимаюсь мужчиной с вокзала Сен-Жан, потерявшим

память. У меня для капитана есть кое-какая информация. Конфиденциального характера.

Полицейский недоверчиво смерил Фрера глазами. Промокший плащ, весь в каких-то листьях и травинках. Грязные ботинки.

— Она скоро будет, — все же сказал он. — Присаживайтесь.

Фрер уселся на стул в коридоре. Он находился на втором этаже главного полицейского управления Бордо, на улице Франсуа-де-Сурди. Огромное, недавно выстроенное белое здание напоминало айсберг, плывущий по городским кварталам. Насколько он понял, на этом этаже располагались кабинеты офицеров полиции.

В помещении было пусто, хотя со всех сторон доносились звуки, свидетельствующие о присутствии людей. У сыщиков разгар рабочего дня. Матиас сидел напротив двери в кабинет Анаис, над которой висела табличка с ее именем. Это был отдельный кабинет с остекленной стеной, в эту минуту не закрытой жалюзи.

Он огляделся. Его посетила безумная идея. А что, если проскользнуть в кабинет и сунуть нос в папку с делом Минотавра? Прочитать, что именно полиции известно про Виктора Януша. Совершенно дикая идея, но, раз возникнув, она не желала уходить.

Фрер снова внимательно огляделся по сторонам. В коридоре по-прежнему — ни души. Он встал, словно просто решил размять ноги, и небрежным жестом повернул дверную ручку.

Открыто.

Он вошел в кабинет и аккуратно притворил за собой дверь. Первым делом опустил жалюзи. Посмотрел на часы. 15.10. Он дал себе на обыск кабинета ровно пять минут. Ни минутой больше. Несмотря на дождь и ранние сумерки, света хватало, чтобы не зажигать лампу.

Он быстро окинул взглядом помещение. Типовая офисная мебель. Ни на стенах, ни на столе — ничего, что говорило бы о личности хозяйки кабинета. Фрер подумал, что его собственный кабинет в клинике выглядит точно таким же холодным и безликим. Так, где тут могут храниться папки с делами? Справа металлический стеллаж. Напротив — шкаф с раздвижными дверцами. Ну и конечно, сам стол, заваленный бумагами и снабженный ящиками.

Ему не пришлось долго искать.

Интересовавшие его материалы лежали сверху бумажной кучи.

Читать протоколы допросов было некогда, зато он рассмотрел фотографии. Труп в яме. Бледное, в татуировках тело истощенного человека. Черная бычья голова на плечах. Жертва словно вынырнула из

глубин первобытных времен, населенных фантастическими созданиями — персонажами холодящих кровь мифов. Но качество съемки и печати, напротив, несло на себе след современности. Снимок из газеты. Из рубрики происшествий. Только происшествие случилось на заре веков.

Он быстро листал бумаги. Фотографии из морга. Лицо Филиппа Дюрюи, освобожденное от чудовищной маски. Асимметричное, изуродованное лицо. Следующая папка. Фотографии того же парня, сделанные в полиции при задержании. Мальчишка. Подведенные черным карандашом глаза. В руках — табличка с нанесенными мелом цифрами. Итак, убитый ранее уже имел дело с полицией.

Еще папки. Стопки протоколов. Читать некогда. Наконец в последней папке отчет криминалистической лаборатории об обследовании места преступления. В том числе — листок с фотографией отпечатков пальцев, обнаруженных в ремонтной яме. *Это отпечатки Виктора Януша.*

В коридоре раздались шаги. Фрер окаменел. Шаги удалились. Он посмотрел на часы. Ему пришлось прищуриться, чтобы разглядеть стрелки на циферблате. 15.16. Он уже шесть минут в кабинете. Анаис Шатле вот-вот придет. Он еще раз посмотрел на фото с отпечатками пальцев. Его осенила новая идея. Порывшись в ящиках, он нашел перьевую ручку, извлек из нее чернильный картридж, достал из принтера чистый лист бумаги и шмякнул посередине жирную кляксу. Затем окунул в чернила все пять пальцев и приложил их к краю листа.

Матиас сравнил свои отпечатки с отпечатками Виктора Януша. Он ничего не смыслил в дактилоскопии, но в данном случае это и не требовалось. Сходство бросалось в глаза.

Один идентичный отпечаток.

Два идентичных отпечатка.

Три идентичных отпечатка.

Итак, он — Виктор Януш.

Доказательство тому лежало у него перед глазами. Неопровержимое доказательство. У него в голове как будто что-то щелкнуло. Он мгновенно изменил первоначальный план. Преступнику особенно выбирать не приходится. У него один выход — бежать.

Фрер быстро свернул листок и сунул в карман. Вставил картридж в авторучку. Убрал ее в ящик стола. Закрыв верхнюю в стопке папку и попытался навести на столе относительный порядок.

Затем приоткрыл дверь. Убедился, что в коридоре по-прежнему пусто, и самой непринужденной походкой направился к лестнице.

— Эй вы!

Матиас шагал по коридору.

— Эй, подождите!

Фрер остановился, напустил на лицо равнодушное выражение и обернулся. По вискам у него тек пот. К нему направлялся давешний пижон.

— Это вы дожидались капитана Шатле?

Он сглотнул комок в горле — комок никуда не делся — и хрипло выдал из себя:

— Я... У меня больше нет времени.

— Жаль. Она только что звонила. Сказала, что будет с минуты на минуту.

— Я не могу больше ждать. Потом с ней свяжусь.

Полицейский нахмурился. Шестое чувство сыщика. От Фрера, несмотря на все его усилия, за милю веяло страхом.

— Никуда не уходите. — Он уже не просил, а приказывал. — Она сейчас будет.

Фрер опустил глаза. То, что он увидел, заставило его побелеть. Полицейский держал под мышкой папку, на которой значилось: «Виктор Януш. Марсель».

В глазах у Фрера потемнело. В голове не осталось ни одной мысли, и язык отказывался ему повиноваться. Сыщик кивнул в сторону стоящих вдоль стены стульев:

— Да вы присаживайтесь. А то видок у вас...

— Ле-Коз, иди сюда! Ты должен на это посмотреть!

Голос доносился из одного из кабинетов.

— Садитесь и не вздумайте уйти, — повторил Фреру пижон.

И развернулся на каблуках.

В паре метров дальше его поджидал коллега. Оба скрылись в кабинете и закрыли за собой дверь. Фрер по-прежнему стоял. В висках у него стучало. Ноги подкашивались. Что ему оставалось? Опустить на стул и сидеть, пока за ним не придут. Чтобы арестовать.

Вместо этого он, стараясь не топать, быстро пошел по коридору. С открытой лестничной площадки был виден вестибюль первого этажа. Он двинулся вниз. Ступенька. Еще ступенька...

Невероятно, но он добрался до вестибюля. Пересек просторное помещение, заполненное гулом голосов — или это шумело у него в голове? Входная дверь чуть дрожала — или это плыло у него в глазах?

Ему оставалось преодолеть всего пару метров.

Он чувствовал опасность за спиной.

Но она появилась *перед ним*.

Сквозь двойное остекление двери он увидел машину, из которой выходила Анаис Шатле. В следующую секунду он развернулся и пошел к расположенным справа туалетам. Скользнул в кабинку и запер дверцу. Его сотрясала внутренняя дрожь.

А еще через минуту он уже шагал по блестящей от дождя улице.

Одинокий.

Потерянный.

Но свободный.

* * *

— Черт! — сквозь зубы выругалась она.

Ле-Коз только что доложил, что к ней приходил Матиас Фрер. Но в коридоре было пусто. Он ее не дождался.

— Да говорю тебе, пять минут назад он еще был здесь! — Полицейский беспомощно озирался вокруг. — Я велел ему сидеть и не дергаться. Мне показалось, он не в себе...

— Догони его. Найди мне его!

Ле-Коз протянул ей картонную папку:

— Вот, держи. Досье на Януша. Наконец-то получили. Самолетом прислали.

Она не глядя взяла документы.

— Найди мне Фрера, — повторила Анаис. — Мне надо с ним поговорить.

Ле-Коз бегом бросился к лестнице. Анаис закусил губу. «Черт», — снова пробормотала она. Ей все еще не верилось, что она с ним разминулась. Зачем он приходил? Придумал благовидный предлог, чтобы увидеться с ней? *Успокойся, девочка.*

Она чувствовала себя отвратительно. Ни Конант, изучивший видеозаписи, ни Закрауи, опросивший дилеров, ни Джафар, разрабатывавший след собаки и одежды Дюрюи, не обнаружили ничего. Ни единой улики. А секунды продолжали тикать...

Она прошла к себе в кабинет и ногой захлопнула дверь. Новая линия расследования, связанная с Янушем, вроде бы представлялась перспективной. Стоя возле стола и забыв даже включить верхний свет, она раскрыла папку с делом марсельского нищего.

— Черт... — повторила она, но уже совсем другим тоном.

С первой же страницы на нее глядела фотография бомжа, сделанная в

полицейском участке. Это был Матиас Фрер. Небритый, нечесаный, грязный, но это был он — с картонной табличкой в руках, на которой значился ряд цифр. Он угрюмо смотрел в объектив, словно из последних сил сдерживался, чтобы не плюнуть в лицо тем, кто его снимал.

Анаис быстро перевернула страницу и стала читать протокол допроса Виктора Януша. 22 декабря 2009 года, в 23.00, его арестовали после драки с другими бомжами. Он не признавал за собой никакой вины. Якобы на него напали, а он лишь защищался. Документов при нем не оказалось. На вопросы о том, где он живет и чем занимается, внятных ответов не дал.

Типичный представитель городского дна. Судя по всему, к тому же горький пьяница. Как подобный тип мог стать заведующим отделением в клинике Пьера Жане? Неужели Филиппа Дюрюи в самом деле убил он?

Анаис подняла голову. Она нутром чуяла: в кабинете что-то не так. Медленно обвела взглядом стол. Все на месте: привычные предметы, папки с документами, бумаги... Вроде бы ничего не изменилось, но... Здесь явно кто-то побывал. Кто-то, кому делать здесь решительно нечего.

В ее кабинете побывал посторонний.

Он здесь рылся.

Кто? Матиас Фрер?

Она снова огляделась. С другой стороны стола лежали два листка бумаги. Поднявшись, она быстро обогнула стол. Непрошенный гость оставил на самом виду ксерокопию отпечатков пальцев, найденных на месте преступления.

На втором листке он начертил:

«Я не убийца».

И подпись: Матиас Фрер.

* * *

Для него началась гонка со временем. Он понимал, что, стоит Анаис Шатле увидеть его фотографию в папке с делом Виктора Януша, как она в ту же секунду отправит по полицейской машине к нему домой и в отделение больницы. Наверняка она уже отдала приказ взять под наблюдение вокзал Сен-Жан, аэропорт, автомагистрали и автобусные станции, а также выезды из города на шоссе национального и местного значения. Наверняка улицы Бордо уже прочесывают патрули. Они ищут его.

— Остановитесь здесь, — сказал он водителю такси. — И подождите

меня.

Фрер попросил высадить его за несколько домов от своего жилья.

— Через три минуты буду.

Он побежал к себе. Открыл дверь. Схватил объемистую сумку и запихал туда одежду. Но главное, забрал документы, которые не взял с собой часом раньше, — налоговые декларации, дипломы, сертификаты из больницы в Вильжюифе...

С улицы донесся вой полицейских сирен. Он застегнул сумку и призраком выскользнул из дома.

Вернулся в такси. В глазу назойливо билась боль. Его отчетливо мутило. Сердце колотилось так, словно у него в груди работал отбойный молоток.

— Куда теперь?

— В аэропорт Бордо-Мериньяк. Зал международных рейсов.

За окном мелькали километры. Навстречу им неслись автомобили с включенными мигалками. Ему даже не верилось, что вся эта суматоха поднялась из-за него. Но он не думал о полиции. И об убийцах не думал. Он думал о себе. Кто же он такой на самом деле? Сейчас ему стало ясно, что его пребывание в Бордо — сплошной обман. Доказательств хватало. Отчуждение от коллег по работе. Ощущение пустоты, охватывавшее его по вечерам в тишине безликого дома. Смятение при попытках вспомнить свое прошлое.

У него не было подлинных воспоминаний. А те, что *сами собой* формировались в мозгу, были фальшивкой. Равнодушными камнями непрозрачной стены, воздвигнутой между его прошлым и настоящим.

Реальной казалась одна-единственная картина: тело Анны Марии Штрауб, свисающее с его ремня. Имена и даты, возможно, тоже ложны, но стоящие за ними события — реальны. Действительно ли он работал тогда психиатром? Или сам находился на излечении в психиатрическом отделении больницы? Может быть, причиной его первого диссоциативного бегства стало как раз самоубийство этой женщины?

— Приехали.

Фрер расплатился с таксистом. Деловитым шагом прошел в зал аэровокзала. Все его тело скафандром покрывал горячий липкий пот. Он заметил банкомат и снял две тысячи евро — свой ежемесячный максимум. Пока автомат выдавал банкноты, он огляделся. На него были нацелены камеры наблюдения. Тем лучше.

Пусть они его видят.

Пусть думают, что он улетел на самолете.

Он отступил в «мертвый угол», вне поля зрения камер, и вытащил мобильник. Стер из памяти все номера, набрал «говорящие часы» и, не выключая, бросил телефон в урну. Туда же отправился его плащ. Затем он, стараясь держаться незаметно, выбрался из здания, сел в такси и велел шоферу ехать в центр.

Полицейские, должно быть, уже обыскали его дом. Убедились, что он сбежал. Первым делом они станут искать его машину. Не найдут и решат, что Фрер удрал на ней. Расставят по всем дорогам посты, разошлют предупреждения на все пункты отплаты дорожной пошлины.

Вот вам первый ложный след.

Затем они засекут в здании аэропорта его все еще включенный мобильник. Понесутся в Бордо-Мериньяк. Проверят все рейсы. Имени Фрера не обнаружат и начнут смотреть записи с камер наблюдения. Увидят его возле банкомата. Найдут водителя такси. Сложат два и два и придут к выводу, что Виктор Януш, он же Матиас Фрер, еще днем улетел на самолете. Под вымышленным именем.

Это вам второй ложный след.

А он в это время будет уже далеко. Он вышел возле вокзала Сен-Жан. Площадь перед ним прочесывали полицейские патрули. Возле каждого входа и выхода стояли охранники с собаками. Вокруг автомобильной стоянки выстроились полицейские фургоны.

Он обошел здание вокзала. С одной его стороны вовсю шла стройка. Повсюду возвышались гигантские подъемные краны, урчали экскаваторы, вокруг высились груды стройматериалов и мусора. Очень хорошо. Он окликнул носильщика — мужика с тележкой, одного из тех, кто провожает пассажиров до поезда и встречает их на перроне. Фрер позвал его в укромный уголок и попросил пойти купить ему билет.

Мужик в объемистой растаманской шапке и форменном оранжевом жилете заартачился:

— А чего сами не купите?

— Мне надо срочно сделать несколько звонков.

— С какой стати я должен вам верить?

— Это я тебе верю, — отрезал Фрер, вручая ему двести евро. — Купи мне любой билет до Марсея.

Тот немного подумал и спросил:

— А фамилия как?

— Нарцисс.

Это слово вырвалось у него само собой, он и сам не мог бы сказать, откуда оно взялось. Носильщик повернулся, готовый идти выполнять его

поручение.

— Подожди. Еще сто евро за твой жилет и шапку.

Мужчина хитро улыбнулся. Последнее предложение его успокоило. Теперь ему хотя бы все стало ясно. Парню надо незаметно смыться, чего тут непонятного? Судя по всему, до него только сейчас дошло, что вокзал кишит легавыми. Его улыбка стала еще шире. Он явно был не прочь надуть всю эту компанию. Сняв жилет и шапку, обнажившую длинные, как у Боба Марли, дреды, он протянул свое добро Фреру.

— А я пока постерегу твою тележку, — сказал тот, быстро нацепляя на себя маскарадный наряд.

Ему пришлось ждать больше десяти минут. Он стоял, небрежно опершись о тележку, с самым равнодушным видом. Полицейские сновали мимо него, но его не замечали в упор. Конечно, они искали беглеца. Того, кто идет крадучись, прижимаясь к стенам, стараясь превратиться в собственную тень. На кой им сдался праздный носильщик в шапке, раскрашенной в цвета ямайского флага, и в железнодорожном форменном жилете?

Вскоре появился Боб Марли:

— Прямой до Марселя только что ушел. Я взял тебе билет на поезд Матабио-вокзал в Тулузе. Он уходит в семнадцать двадцать две. В семь будешь в Ажене, там сделаешь пересадку. В двадцать пятнадцать приедешь в Тулузу. Пассажирский до Марселя отходит в двадцать пять первого ночи, а прибывает около пяти утра. По-другому никак. Если только завтра утром.

Мысль о том, чтобы провести ночь между разными городами, на своего рода нейтральной территории, выглядела по-своему привлекательной. Никто не станет искать его этой ночью в департаменте Юг-Пиренеи. Он велел растаману взять сдачу себе, предупредив, что до отхода поезда побудет в его шмотках.

Ждать оставалось час. Патрули по-прежнему ходили мимо, не обращая на него ни малейшего внимания. Обыкновенный носильщик — в тележку Фрер положил собственную сумку, — который отдыхает, пока нанявший его пассажир покупает газеты в дорогу. Да он и сам даже не смотрел на полицейских. Он пытался разобраться в происходящем.

Не мог он быть убийцей Минотавра. Для этого ему понадобилось бы достать отрезанную бычьей голову. Раздобыть героин высшего качества. Вычислить Филиппа Дюрюи и заманить его в ловушку. Перетащить тело и голову в яму... Допустим, из-за провалов в памяти его правая рука порой не ведала, что творит левая. Но представить себе, что он совершил все эти действия, необходимые для осуществления чудовищного замысла, и ни об

одном из них не помнил ровным счетом ничего, — нет, это было невозможно. Филиппа Дюрюи убил кто-то другой. Но отпечатки пальцев свидетельствовали, что и он побывал в яме. В какое время? Может быть, он застал там убийцу? Или пришел вместе с Патриком Бонфисом?

К перрону подошел его поезд. Фрер стянул с себя шапку и жилет, бросил тележку и поднялся в вагон. Занял место и снова погрузился в размышления. Он дал себе слово, что еще до прибытия в Ажен найдет ответ на все эти вопросы. Но после отхода поезда не прошло и десяти минут, как он уже спал мертвецким сном.

* * *

Матиас Фрер исчез. Испарился.

Ле-Коз и Закрауи отправились к нему домой. Конант и Джафар — в клинику Пьера Жане. Ни дома, ни на работе его не оказалось. Анаис не стала дожидаться их отчетов и сразу же отдала приказ взять под наблюдение авто- и железнодорожные вокзалы и аэропорты, въезды на автомагистрали и шоссе местного значения.

Она разослала фото Януша-Фрера по всем комиссариатам юга Франции. Связалась с редакциями региональных газет и договорилась, что они опубликуют его снимок уже в завтрашних утренних выпусках. Дозвонилась до местных радиостанций и продиктовала объявление с призывом к свидетелям, видевшим разыскиваемого человека, обращаться в полицию. Вот-вот должна была заработать бесплатная телефонная линия и сайт в Интернете. Одним словом, началась большая игра.

Внутренний голос твердил ей, что она ошибается. Она «сдала» Матиаса Фрера СМИ и широкой публике, не говоря уже о собственном начальстве, хотя прямыми доказательствами его вины не располагала. Ей звонил комиссар: «Найдите его сегодня же!» Звонила Вероника Руа: «Что за бредовая история?» Звонил префект: «Значит, все в порядке? Вы установили личность преступника?» Звонили журналисты: «Это правда, что убийца сейчас в бегах?» Все это работало на ее имидж и репутацию и приносило ей лишние очки для карьерного роста. Но никто из звонивших не задал ей единственного вопроса, действительно имевшего значение: «Вы уверены, что Минотавра убил Януш?»

Теперь они ловили беглеца. Не убийцу Филиппа Дюрюи, а сбежавшего из города психиатра. И ничто не говорило о том, что это один и тот же человек. Пока не будут найдены решающие улики, Фрер, он же Януш, — не

более чем свидетель преступления. Объявлять его виновным значило торопить события.

Хотя на самом деле они уже опоздали.

Пускаясь в бега, психиатр сам на себе поставил крест. Зачем человеку с чистой совестью удирать от полиции? Все последние часы, читая беспрестанно поступавшие рапорты и отчеты, Анаис в глубине души проклинала Матиаса. Почему он не доверился ей? Почему не дождался ее в комиссариате? Она бы сумела его защитить...

Она рассортировала бумаги по стопкам и сделала первые выводы. Вначале они решили, что Матиас Фрер уехал на машине. Выяснили, что он владел автомобилем марки «Вольво-960» с дизельным двигателем; номерной знак 916 AWH 33. Ни возле дома, ни на стоянке клиники Пьера Жане машины не нашли. Затем стало известно, что беглец отправился в аэропорт Бордо-Мериньяк — они засекли его там по сигналу мобильного телефона. Кроме того, он снял в банкомате две тысячи евро.

Но этот след закончился тупиком. Автомобиля возле аэропорта не обнаружили. Пассажир по имени Матиас Фрер или Виктор Януш не регистрировался ни на один из рейсов, вылетевших днем. Анаис сразу почуяла фальшивку. Фрер нарочно пустил их по ложному следу, чтобы выиграть время. Так и оказалось. Часом позже они нашли мобильник и плащ беглого психиатра в урне аэровокзала.

С тех пор — никаких новых данных. Ничего стоящего.

Обращение к свидетелям, как всегда, принесло обильную жатву бессмысленных, бредовых и самых противоречивых сведений. Ни на одном из контрольных пунктов, установленных на дорогах, принадлежащий врачу «вольво» не проезжал. Ни один полицейский и ни один жандарм Матиаса Фрера не видел. Полный провал на всех направлениях расследования.

Анаис несколько не сомневалась: Матиас уже далеко. Во всяком случае, она на это надеялась. Она вовсе не жаждала его схватить. Прежде ей надо разобраться во всем этом деле. Матиас Фрер был в нем замешан, но представлял собой лишь одно из звеньев цепи. У нее оставались и другие версии. Вот ими и следовало заняться. Она уже приняла решение. Рано утром она отправится в Гетари и поговорит с потерявшим память ковбоем. Она вытрясет из него правду.

18.50.

Сидеть в кабинете не имело никакого смысла. Анаис поднялась из-за стола и решительно направилась к выходу. Села в машину и покатила в квартал Флеминг. Сирена. Мигалка. Никогда еще улицы Бордо не видели такого количества полицейских машин и такого множества стражей

порядка. *Спасибо, Януш.*

Анаис резко затормозила. Она прибыла на место назначения. Квартал было не узнать. Полицейские фургоны. Служебные автомобили. Машины криминалистов. На вечеринку собрались все без исключения.

Она заглушила мотор. Представила себе, как сыщики переворачивают вверх дном опустевший дом. Убогую лачугу, в которой еще вчера она пила шато-лезаж с обольстительным мужчиной. Ее посетило неприятное чувство, что чужие люди топчут ногами ее воспоминания.

Полицейские, стоявшие в оцеплении, узнали ее и расступились, пропуская. В гостиной Фрера толкались детективы и криминалисты, похожие на космонавтов в бумажных скафандрах. К ней подскочил Ле-Коз, протягивая пару бахил.

— На, надень!

— Не обязательно.

— Ты что? А если наследишь?

— А ты что? Здесь для нас ничего интересного нет.

Ле-Коз молча кивнул. Она все же натянула резиновые перчатки. Лейтенант заговорил, не скрывая уважения:

— Ты абсолютно права. Этот парень — просто призрак. Коробки оказались пустыми. Во всем доме — ни одной личной вещи, ни одного документа.

Она, не отвечая, прошествовала на кухню. Здесь царила чистота. Безупречная чистота. Должно быть, Фрер никогда не питался дома. Она открыла шкафчики. Тарелки. Столовые приборы. Кастрюли. Ничего съестного. Правда, на одной из полок стояло несколько упаковок чая. Машинальным жестом она распахнула холодильник. Пусто. Если не считать початой бутылки шато-лезажа. *Придурок. Поставить бордо в холодильник...*

Из гостиной, перекрывая гомон голосов, слышались торопливые шаги. Анаис вышла из кухни. Ей навстречу спешил запыхавшийся Конант.

— Поймали? — спросила она.

— Нет. Но у нас проблема.

— Что за проблема?

— Этот мужик из больницы. С потерей памяти. Патрик Бонфис. Сегодня утром его завалили. На пляже в Гетари. Вместе с бабой.

— Что-о?

— Точняк. Издырявили как решето. Ребята из полиции Биаррица обещали перезвонить.

Анаис отступила на кухню. Встала, обеими руками опершись о край

раковины. Итак, на шахматной доске появилась еще одна фигура. Возможно, ключевая. А возможно, побочная.

— Это еще не все, — добавил Конант.

— Ну?

— Тачка психиатра. «Вольво»-универсал. Его нашли неподалеку от пляжа. Наш лекарь как-то замешан в перестрелке. Кстати, на его машине живого места нет... Что с тобой?

Анаис отвернулась от него и склонилась над раковиной. Она пустила холодную воду и принялась пить прямо из-под крана. У нее плыло в глазах. Кровь отлила от головы и стучала где-то в животе и ногах. Еще миг, и она грохнется в обморок.

— Фрер... — прошептала она струе ледяной воды. — В какое дерьмо ты вляпался?

* * *

Марсель. Вокзал Сен-Шарль. 6.30.

Как ни удивительно, Фрер чувствовал себя отдохнувшим. Всю дорогу от Бордо до Ажена он проспал. От Ажена до Тулузы он тоже спал. На вокзале Тулуза-Матабио, ожидая полночного поезда, он еще подремал. А потом сел в спальный вагон и подрых до самого Марселя. Прямо-таки не бегство, а санаторный отдых. Впрочем, он понимал, что подобная сонливость — тоже своего рода бегство. Бегство от собственных мыслей.

Перед окном вагона медленно проплывали вокзальные постройки. Глядя на заиндевевшие рельсы, Фрер чувствовал, какой холод стоит снаружи. На него вновь накатили сомнения. Да, Марсель был последним местом, где они догадаются его искать. В этом смысле он принял правильное решение. Но расследование обязательно затронет и этот город. Сумеет ли он укрыться от патрулей, от полицейских ищеек, да и вообще ото всех, кому знакомо его лицо?

Поезд издал протяжный стон и остановился. Они прибыли в Марсель с почти полуторачасовым опозданием. Из предосторожности Фрер выждал несколько минут. Лишь когда перрон наполнился пассажирами, он выскользнул из вагона и смешался с толпой. Сумку он повесил через плечо, ноутбук нес в руках.

Вокзал Сен-Шарль мало чем отличался от вокзала Сен-Жан. Те же стеклянные стены, разделенные стальными балками. Те же бесконечные платформы. Тот же белесый свет фонарей.

Фрер передвигался вместе с толпой. Но вдруг замер как приклеенный. В конце перрона стояла группа полицейских.

Они были в штатском, но их гнусные рожи, самоуверенная повадка и рыскающие глаза не оставляли места для сомнений. Выходит, Анаис Шатле и ее дружки повторили весь ход его рассуждений. Во всяком случае, не исключили самого на первый взгляд невероятного: что он вернется в город, где его уже ловили...

Мимо него потоком шли пассажиры. Чужие чемоданы били его по ногам. Его толкали чьи-то плечи. С бешено колотящимся сердцем он медленно двинулся вперед, пытаясь сообразить, что ему делать. Развернуться? Прыгнуть на рельсы? Бесполезно. На путях стояли два поезда, перекрывая пути к отступлению.

Фрер снова замедлил шаг. Ночная передышка кончилась. Он опять чувствовал себя загнанным зверем. А что, если?.. Вернуться в вагон, как будто он что-то там забыл. Дождаться благоприятного момента и... Но как его определить, этот момент? Как только перрон опустеет, бдительные сыщики, призвав на помощь железнодорожную охрану с собаками, обыщут каждое купе, проверят каждый туалет, обнюхают каждое место.

Они поймают его как крысу.

Лучше оставаться на открытом воздухе.

Он все еще шел — вернее, не шел, а еле тащился. Но расстояние до выхода неотвратимо сокращалось. А он так ничего и не придумал.

— Пардон!

Он обернулся. Невысокого роста женщина одной рукой волокла чемодан на колесиках, в другой сжимала сумку, одновременно держа за рукав мальчишку лет двенадцати. *Это шанс!*

— Извините, пожалуйста, — с улыбкой обратился он к женщине. — Может быть, вам помочь?

— Спасибо, не надо!

Женщина обошла его. У нее было усталое злое лицо и глаза, метавшие яростные молнии. Фрер догнал ее, забежал чуть вперед и с еще более широкой улыбкой обернулся, протягивая к ней руки:

— Позвольте все же, я вам помогу. Я же вижу, что вам тяжело...

— Отвяжитесь от меня!

Она мертвой хваткой вцепилась в свои чемодан и сумку. Мальчишка враждебно зыркнул на него. Два маленьких стойких солдатики, ополчившиеся против всего мира. Фрер пятился спиной, не отставая от матери с сыном.

Еще каких-нибудь пятьдесят метров, и он в лапах полиции.

— Ну, испытайте меня, если хотите, — предложил он. — Хотя бы до конца перрона. А потом включите синий или красный свет.

Мальчишка просиял:

— Как в «Новой звезде»?

Фрер ляпнул это наугад, вспомнив передачу, которую как-то смотрел по телевизору. Начинающие певцы выступали перед строгим профессиональным жюри, оснащенным сигналами двух разных цветов.

Эта мелочь и решила дело. Женщина, увидев реакцию сына, как будто вдруг расслабилась. Исподлобья взглянула на Фрера и, видимо, подумала: «А что тут такого?» И протянула ему чемодан и сумку. Фрер поправил на плече свою, сунул в нее ноутбук и подхватил багаж новых знакомых. Развернулся и, продолжая улыбаться, пошел вперед. Мальчишка теперь висел у него на руке, прыгая с ноги на ногу.

Полицейские на него даже не посмотрели. Они искали одинокого, перепуганного, загнанного беглеца. Отец семейства с женой и сыном не вызвал у них ни малейшего интереса. Но Фрер не спешил успокаиваться. Помещение вокзала — огромный стеклянный аквариум, заставленный пластмассовыми елками, — таило для него массу опасностей. Ему казалось, что из-за каждого угла за ним наблюдают полицейские и охранники. А главное, он понятия не имел, куда ему дальше идти. В памяти не осталось никаких воспоминаний о Марселе.

— Я плохо знаю город, — рискнул заговорить он. — Как мне попасть в центр?

— Можно на автобусе, а можно на метро.

— А пешком далеко?

— Вам надо спуститься по лестнице Сен-Шарль. Выход к ней вон там, слева. Потом свернуть на Афинский бульвар. Он выведет вас на Канебьер. Идите по ней прямо, никуда не сворачивая, до самого конца, и выйдете к Старому порту.

— А вы сейчас куда?

— Нам на автовокзал.

— Я вас провожу.

Возле автовокзала Фрер распрощался с женщиной и мальчиком и пошел искать в ледяной ночи тот самый выход слева. Вскоре он уже стоял у монументальной лестницы, добрая сотня ступеней которой вела вниз, в город.

Времени было около семи утра.

Он спустился. Под фонарем сидели, тесно прижавшись к каменной ограде лестницы, бездомные. Вокруг валялись пакеты из-под дешевого

пойла, лежали набитые каким-то барахлом сумки. Тут же пристроилось несколько шелудивых псов. Фреру показалось, что эти люди сидят, погруженные в одну огромную лужу, состоящую из нищеты, вина и страха.

По всему его телу пробежала дрожь.

Он видел перед собой свое ближайшее будущее.

* * *

В самом низу лестницы он остановился. По ту сторону шоссе находился магазин, торговавший подержанной военной формой. Сейчас его витрину закрывали железные шторы. Он пересек бульвар. Табличка над дверями сообщала, что магазин открывается в девять утра. Он зашел в расположенное напротив кафе «Гранд-Эскалье». Уселся в дальнем углу у окна с видом на улицу и заказал кофе.

У него забурчало в животе. От голода. Он с жадностью проглотил три круассана и выпил еще чашку кофе. Бурчание немедленно сменилось тошнотой. *Это страх*. Однако победа, одержанная на вокзале, придала ему сил, наполнила его каким-то нервным возбуждением. Он заказал чаю, а потом пошел в туалет, молясь в душе, чтобы его не вывернуло наизнанку.

Медленно занимался день. Вначале край неба окрасился в перламутрово-лиловый цвет. Затем пространство над домами понемногу заполнилось блеклой голубизной. Фрер различил обступившие бульвар деревья и причудливой формы фонари. Эти детали о чем-то ему говорили. Он их помнил. Нет, не так: он чувствовал, что уже видел их раньше. Чувствовал кожей, нюхом. По спине поползли мурашки. Знакомое ощущение. Он *когда-то жил* в этом городе.

9.00.

Магазин все еще был закрыт. Но с каждой минутой в душе Фрера крепло чувство узнавания окружающего. Городской шум, тепло камней, жесткость освещения. И еще нечто трудноопределимое, свойственное средиземноморскому климату, — может быть, ветер, прилетевший с моря и из глубокой древности? У Фрера не было ничего — ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Но здесь он чувствовал себя как дома.

Наконец явился здоровенный, стриженный ежиком парень в полотняной куртке, который отомкнул и поднял железную штору. Фрер расплатился и вышел из кафе. Пересекая бульвар, он заметил неподалеку аптеку. Его осенила еще одна идея, которую он тут же и осуществил: зайдя в аптеку, накупил репеллентов от насекомых, порошков от чесотки,

несколько флаконов лосьона против вшей и два противоблошинных собачьих ошейника.

Затолкав все это в сумку, он вернулся к лавочке военторга. Внутри его глазам предстала настоящая пещера Али-Бабы в милитаризованной версии: штаны и куртки цвета хаки, спальные мешки из камуфляжной ткани, защитные сетки, холодное оружие и обувь для экстремальных условий. Владелец был под стать своему товару — свирепого вида верзила, похоже бывший легионер, в тельнике без рукавов, весь покрытый соответствующего содержания татуировками.

— Я хотел бы посмотреть ваши самые поношенные вещи.

— Не понял? — недоверчиво переспросил продавец.

— У нас костюмированная вечеринка. Я хочу переодеться клошаром.

Парень жестом пригласил Фрера следовать за ним. Они углубились в лабиринт кирпичных коридоров, выкрашенных белой краской. В помещении стояли стойкие запахи фетра, пыли и нафталина. Провожатый довел его до ведущей вниз бетонной лестницы, и они спустились в подвал.

Хозяин включил свет. Они находились в просторном квадратном зале с белеными стенами и полом с небрежно прикрепленным ковровым покрытием.

— Вот. Нераспроданный товар. — Он указал на кучу шмотья, сваленного прямо на полу. — Выбирайте. Только предупреждаю: я не торгуюсь.

— Никаких проблем.

Парень в татуировках ушел наверх, оставив Фрера в царстве обносков. Он моментально нашел все, что ему требовалось. Спокойно разделся, опрыскал все тело репеллентами, втер в кожу порошок от чесотки. Один противоблошинный ошейник закрепил у себя на предплечье, второй — на щиколотке. Лишь после этого рискнул надеть старые полотняные штаны с обтрепанными отворотами. Натянул один на другой три драных, растянутых, протертых до дыр свитера. Сверху напялил когда-то стеганую, а теперь плоскую как блин куртку. Обулся в заскорузлые ботинки военного образца, откровенно просящие каши. Единственной деталью костюма, выбивавшейся из ансамбля, стали носки — теплые, толстые, без прорех. Для полноты картины он нахлобучил на голову моряцкую шапку в мелкую бело-синюю полоску.

Фрер посмотрелся в зеркало.

Маскарад не работал.

Вся его одежда была изношенной, но чистой. Да и от него самого — от его лица, кожи, рук — за милую цену несло буржуазным комфортом. Прежде чем

бросаться в львиный ров, придется отшлифовать свой новый образ. Он собрал свои вещи, сложил их в сумку и пошел к лестнице.

Легионер ждал его за прилавком. Сорок евро за все про все.

— Вы что, в этом и пойдете?

— Надо же мне проверить, какое впечатление производит мой наряд...

Фрер доставал деньги, чтобы расплатиться, когда заметил возле кассы витрину со сверкающими боевыми ножами — складными и выкидными.

— Какой вы мне посоветуете?

— Я не понял, вы кем наряжаетесь — бомжем или Рембо?

— Да я давно мечтаю купить нож.

— Для чего?

— Для охоты. Плюс для походов.

Бывший десантник протянул ему нож в локоть длиной.

— Фирма «Айкхорн». Марка КМ-2000. Лучшая модель ножа выживания. Двустороннее лезвие: с одной стороны режущая поверхность, с другой — мелкая пила. Рукоятка из усиленного полиамидного стекловолокна с вкраплениями стеклянного боя. Благодаря этой игрушке ребята из фирмы «Айкхорн Золинген» захватили весь рынок спецназа немецкой армии. Сечете фишку?

Должно быть, парень с татуировками давненько не произносил столь пространной речи. Фрер оглядел выложенный на прилавок нож. Лезвие, зазубренное с одной стороны, зловеще посверкивало убийственной ухмылкой.

— А чего-нибудь... попроще нет?

Легионер удрученно вздохнул и вытащил из витрины черный выкидной нож, который тут же открыл небрежным движением руки.

— Модель PRT VIII. Тоже «Айкхорн Золинген». Стальное лезвие с пилой, открывается кнопкой. Рукоятка из черного анодированного алюминия. Конец рукоятки заостренный, чтобы можно было разбить ветровое стекло машины и разрезать ремень безопасности. Простенько, но надежно.

Фрер рассмотрел нож, который оказался короче первого на добрых десять сантиметров. Да, такой спрятать гораздо легче. Он взял его в руки, покрутил и взвесил на ладони.

— Сколько?

— Девяносто евро.

Фрер заплатил, сложил нож и сунул его в карман куртки.

Он вышел на залитый солнцем бульвар и двинулся к вокзалу. Количество ступенек лестницы Сен-Шарль, кажется, увеличилось вдвое.

Добравшись до зала ожидания, он спросил у служащего, где у них камера хранения. Платформа А, до конца и направо. Он пошел через весь зал. Полицейских и охранников стало намного меньше, как, впрочем, и пассажиров.

Поднявшись на пустынную платформу, он нашел то, что искал. Вход в камеру хранения пролегал через тамбур, оснащенный видеокамерами, рентгеновской установкой и рамкой металлоискателя. Фрер отступил назад и незаметно спрятал нож под вокзальной скамейкой.

Затем подошел к тамбуру, низко опустив голову. Положил на ленту сумку и ноутбук. Охранник, говоривший по мобильнику, рассеянно взглянул на экран и кивнул ему, предлагая проходить. Фрер скользнул под рамку, которая тут же зазвенела, однако обыскивать его никто не стал. Он собрал свои вещи и бросил короткий взгляд на камеры. Если они отсматривают пленки ежедневно, ему труба.

Помещение камеры хранения напоминало раздевалку бассейна. Ни одного окна, линолеумные полы и стены, сплошь состоящие из серых ячеек. Он выбрал ячейку под номером 09А. Запихнул внутрь сумку и ноутбук. Снял часы и сунул их в сумку. Туда же отправил кредитную карточку и бумажник с документами на имя Матиаса Фрера.

Заплатил шесть с половиной евро за семьдесят два часа, взял магнитный билет, служивший одновременно ключом, и захлопнул железную дверцу. Отныне все, что было Матиасом Фрером, скрылось за ней.

При себе он оставил только две тысячи евро и визитку того самого Ле-Гуэна, с которым столкнулся в поезде из Биаррица и который работал в «Эммаусе». Пожалуй, надо расспросить его поподробнее...

Он вышел из камеры хранения, забрал нож и двинулся к выходу. Несколько раз ему навстречу попались полицейские в форме, но его маскарадный костюм, пусть и не доведенный до ума, исправно играл свою защитную роль. Ищейки окидывали его инквизиторскими взглядами, но тут же отводили глаза.

На улице он свернул налево и направился к отелю «Ибис». Возле одного из дорожных знаков он задержался и спрятал билет из камеры хранения за металлическим кружком. Если ему снова понадобится стать Матиасом Фрером, нужно будет лишь вернуться к этому знаку.

Добравшись до вершины лестницы, он ненадолго остановился, чтобы полюбоваться открывшейся его глазам панорамой. Отсюда город напоминал каменистую равнину, присыпанную серой пылью, над которой в лучах утреннего солнца носились крикливые чайки. Вдали его обступали

синие холмы. В центре возвышался собор Богоматери Защитницы с медной фигурой Пресвятой Девы, похожий на сжатый кулак с золотой печаткой на пальце.

На Фрера накатило поэтическое настроение.

Посмотрев вниз, он увидел давешних бомжей, и всю мечтательность с него как ветром сдуло.

Он спустился по ступенькам и вышел на Афинский бульвар, ведущий к Канебьер. На углу площади Капуцинов располагалась писчебумажная лавка. Он зашел в нее и купил блокнот и фломастер — на случай, если придется делать записи. Он понимал, что должен, подобно археологу, восстановить свое прошлое по обрывкам информации, которую ему удастся раздобыть.

Спустившись еще ниже, он обнаружил арабскую лавчонку, торговавшую бакалеей. В винном отделе его внимание привлекла полка с картонными пакетами дрянного вина вместимостью от трех до пяти литров. Он выбрал самое дешевое пойло, разлитое в пластиковые бочонки с краником на конце. Какой-нибудь пикет^[19] неизвестного происхождения.

Он свернул на Канебьер.

И мгновенно перенесся в Алжир.

Большинство прохожих были родом из стран Магриба. Женщины с закутанными лицами, бородатые мужчины — многие в белых камилавках, какие надевают в мечеть. Молодые небритые парни со смуглой кожей, сбившись в тесные группки, недобро косились по сторонам. Над толпой поднимались облачка пара. Спортивные костюмы, парки, пуховики — все это толкалось и галдело, неохотно расступаясь перед очередным проезжающим по путям трамваем.

Фрер пригляделся к магазинам. Никаких дорогих бутиков, ни одной престижной фирмы. Скорее нечто вроде толкучки. Торговали в основном медными чайниками, национальной одеждой и коврами. На террасах кафе за обшарпанными столиками сидели тепло одетые мужчины и потягивали из небольших стаканов причудливой формы чай. Алжир.

Фрер заметил ворота, за которыми располагался внутренний дворик. Повсюду на земле валялись смятые картонные упаковки и пустые фанерные ящики из-под фруктов. Он отодвинул ногой мусор и проник во двор дома с открытыми галереями, на которых сушилось на веревках белье.

Он осмотрел галереи — никого.

В окнах дома, на лестничных площадках — никого.

В глубине двора стояли мусорные ящики, забитые по самое некуда. Фрер быстренько «отоварился». Яичная скорлупа. Гнилые фрукты. Какие-

то вонючие отбросы неясного происхождения. Стараясь не дышать, он натер этой пакостью всю свою одежду, после чего в нескольких местах разрезал ножом штаны и куртку. Затем открыл кран бочонка с вином и занес руку над головой. Вино полилось ему на волосы, на лицо, на одежду. Его замутило, да так сильно, что он, не выдержав, отшвырнул винный бочонок подальше.

Согнувшись пополам, он дал волю рвотным спазмам. Его выворачивало кофе и круассанами. Потоки кислой блевотины пачкали одежду и обувь, но он не уворачивался. Напротив. Он постоял несколько секунд, опершись руками о край мусорного бака, дожидаясь, пока утихнут стучащие в висках молотки.

Наконец он распрямился. Его пошатывало. В горле драло. Вонь блевотины окружала его смрадным облаком. Он закрыл винный бочонок, осмотрел свой заляпанный свитер и понял, что не должен останавливаться на достигнутом.

Поэтому расстегнул ширинку и помочился прямо себе на ноги.

— Эй, ты чего это там?

Фрер быстро застегнулся и поднял глаза. На балконе, завешанном сохнувшими простынями, стояла женщина. Ее глаза метали молнии.

— Иди к себе и там гадь! Сволочь жирная!

Он бросился бежать, прижимая к себе бочонок с вином, словно величайшее в мире сокровище. Когда он снова выбрался на Канебьер, он больше не был Матиасом Фрером. Он превратился в бездомного бродягу. И дал себе клятву больше ни единой секунды не думать мыслями психиатра Матиаса Фрера. Отныне он — Виктор Януш. Бомж, за которым охотится вся французская полиция.

От Януша он протянет ниточку к своей предыдущей личности.

А от нее — к той, что была еще раньше. И так далее. Пока не узнает, кто он такой на самом деле.

Пока не обнаружит самую маленькую матрешку.

Он пошел вдоль трамвайных путей. На солнце его мокрая одежда подсохла, хотя вонь никуда не делась.

Вот уже показался Старый порт.

Каким-то шестым чувством он угадал, что нищие собираются именно там.

И кто-нибудь из них обязательно узнает Виктора Януша.

II

Виктор Януш

Старый порт охватывал залив гигантской буквой U. По краям его дамб располагались два форта — он вспомнил их названия: форт Святого Николая и форт Святого Иоанна, — словно несущие стражу часовые. Позади бастионом выстроились тесно притиснутые друг к другу дома. В тот день мачты кораблей, стоявших на внутреннем рейде, напоминали булавки, воткнутые в лаковую, неподвижную гладь воды, скорее поглощавшую, чем отражавшую свет. Небеса над морем полыхали алым багрянцем. День растерзал ночь, и та скончалась, истекая кровью. Контраст черного с красным был таким резким, что Януш невольно зажмурил глаза.

Он опасливо замер на месте, не зная, куда идти дальше, но тут справа, под аркой, заметил группку бомжей. Они в ряд лежали на земле, словно жертвы природной катастрофы. Януш подошел поближе и пригляделся к нищим. Одни прятались под картонными коробками, другие окружили себя грязными сумками, но и те и другие больше всего напоминали груды тряпья, примороженные ночным холодом. Однако они кашляли, пили, плевались... Трупы еще шевелились.

Януш присел возле крайнего в ряду мужчины. Холод от голого асфальта сразу же пробрал его до самых костей. Вонь, исходившая от соседа, моментально окружила новичка плотным кольцом. Мужчина посмотрел на него потухшим взглядом. Он явно его не узнавал.

Януш поставил рядом с собой бочонок с вином. В глазах соседа зажглось вялое любопытство. Януш ждал, что тот поспешит завязать знакомство в надежде на выпивку, но мужчина грубо рявкнул:

— Вали отсюда! Это мое место!

— Асфальт вроде общий.

— Ты что, не видишь, я на работе?

Януш не сразу понял, в чем дело. Мужчина сидел с голыми ногами, одну подвернув под себя, а вторую вытянув вперед. На ней было всего два пальца, но этими двумя пальцами он хватал стоящую возле него жестянку из-под печенья и скреб ею по земле, если мимо шел прохожий.

— Всего монетку альпинисту, потерявшему пальцы при восхождении на Эверест! Всего одну монетку, я много не прошу! — жалобно завывал он. — Альпинисту, отморожившему пальцы...

Януш не мог не признать, что легенда отличалась известной оригинальностью. И — о, чудо! — изредка кто-нибудь действительно бросал в жестянку мелкую монету. Приглядевшись получше, Януш убедился, что «работал» здесь не только его сосед. Остальные тоже попрошайничали. Время от времени то один, то другой поднимался и шел к поддерживавшим арку колоннам, приставая к прохожим, которые старательно обходили его стороной. Все они говорили странным, наполовину заискивающим, наполовину враждебным тоном, в котором сочетались раболепство и агрессия. Они щедро расточали всевозможные «месье», «пожалуйста» и «спасибо», но в их приторно-сладких хриплых голосах слышались ненависть и презрение.

Януш снова вернулся к своему соседу. Это был мужчина с длинной бородой, в которой копошились вши, в давно утратившей цвет вязаной шапке. Между шапкой и бородой проглядывала дубленая ветром и холодом кожа в прожилках кровеносных сосудов. Выступающие лиловые вены прочерчивали его физиономию как ручьи, берущие начало в одном и том же источнике — алкоголе. Януш при всем желании не смог бы его описать — его лицо не представляло собой целостности, но состояло из какой-то мешанины перебитых костей, синяков, заскорузлых корок грязи и шрамов.

— Чё ты на меня уставился?

Януш протянул мужчине пластиковый бочонок. Тот молча схватил его, зубами открыл краник и надолго присосался к горлышку. Потом перевел дух и, довольный, засмеялся. Теперь он смотрел на новенького с чуть большим интересом, подогретым выпивкой, по всей видимости решая для себя вопрос, кто он такой. Опасен или нет? Нарик? Псих? Педик? Только что с зоны?

Януш не шевелился. В эти несколько секунд он сдавал важный экзамен. Он был грязен, небрит, нечесан, но у него не имелось при себе ни сумки с барахлом, ни переносного дома в виде коробки. А главное, руки и лицо у него оставались слишком гладкими, чтобы обмануть бывалого бомжа.

— Как тебя звать-то?

— Виктор.

Он взял бочонок и сделал вид, что пьет. От одного запаха бормотухи его снова затошнило.

— А я Бернар. Ты откуда?

— Из Бордо, — не подумав, ляпнул Януш.

— А я с севера. Тут почти все с севера. Если уж живешь на улице, то

на солнышке оно как-то сподручней...

Януш понял. Марсель для бомжей был чем-то вроде Катманду — конечной остановкой, местом назначения. Не то чтобы они надеялись обрести здесь другую жизнь, нет... Но хотя бы спастись от слишком суровой зимы. Правда, пока что даже эти надежды не оправдывались. На улице было около нуля градусов. Януш, в не до конца просохшей от вина и рвоты одежде, стучал зубами от холода. Он уже открыл рот, собираясь задать новому знакомому очередной вопрос, когда вдруг почувствовал у себя между ног какое-то шевеление. Рефлекторно сунул туда руку и тут же отдернул ее. Укусившая его крыса удирала со всех ног.

Бернар расхохотался:

— Тудыть твою налево! Цапнула, зараза! Их тут в Марселе до хрена. Друганы наши.

Он снова потянулся к вину и влил в себя щедрую порцию пойла за здоровье миллионов марсельских крыс. Утер рот рукавом и погрузился в молчание.

Януш забросил первый пробный шар:

— Мы с тобой уже встречались?

— Почему мне знать? Ты в Марселе сколько?

— Только что приехал. Но я был тут на Рождество.

Бернар ничего не ответил. Он следил за прохожими. Как только хоть кто-то осмеливался появиться под аркой, он тут же начинал дергать ногой свою жестянку — судя по всему, у него этот жест превратился в рефлекс. Над сводами арки поднимался день, и шум, доносившийся из порта, делался все слышнее.

— А бомжуешь давно? — поинтересовался Бернар.

— С год, — с ходу сочинил Януш. — Работу потерял, а новую фиг найдешь...

— Дак это у всех так, — без тени сочувствия хмыкнул Бернар.

Януш понял его сарказм. *Жертвы общества*. Все, кто так или иначе очутился на дне, всегда приводят себе в оправдание один и тот же довод, только никто в него не верит. Судя по тому, как хихикал Бернар, дело обстояло с точностью до наоборот: это общество было их жертвой.

— Сколько тебе лет? — рискнул спросить Януш.

— Что-то около тридцати пяти.

Виктор дал бы ему все пятьдесят.

— А тебе?

— Сорок два.

— Блин! Видать, потрепало тебя...

Януш счел это комплиментом. Его маскарад выглядел убедительнее, чем он подозревал. Впрочем, он и в самом деле с каждой секундой ощущал себя все более грязным, все более опустившимся. Пара-тройка ночевок под открытым небом, пара бутылок дешевой бормотухи, вечерок-другой с этими карикатурами на человека — и он станет одним из них.

Сосед еще глотнул из бочонка. К нему вернулась его немного злобная веселость. Януш понял принцип существования этих людей. Они жили ради выпивки, и глоток скверного пойла на краткий миг — пока длится отрывка — скрашивал им невзгоды бытия. От глотка к глотку, от бутылки к бутылке, постепенно они погружались в состояние полного отупения. Потом просыпались и отправлялись прошвырнуться.

Януш поднялся и прошел немного вперед, под арку. Он специально выставлял себя напоказ. Но никто не подмигнул ему, узнавая. Никто не махнул рукой. Нет, он пошел по ложному следу. Он никогда не был частью этой группы людей.

Вернувшись на место, он опять сел рядом с Бернаром:

— Народу что-то маловато...

— В смысле, из наших?

— Ну да.

— Ты чё, больной? Да нас тут до хрена! Чтоб тебе подавали, надо одному сидеть. Я сам скоро отсюда свалю. — Он вдруг непонятно почему разозлился. — Ладно, блин, хорош трепаться. Работать надо!

Итак, днем Януш сможет найти только одиночных попрошаек, пытающихся выудить у прохожих монетку-другую.

— А где ты сейчас ночуешь? — задал он еще один вопрос.

— В Загоне. Временный приют для неимущих! Мы зовем его Загоном. Каждый вечер нас там по четыре сотни собирается. В тесноте — не в обиде!

Четыреста бомжей под одной крышей. Что может быть лучше? Или, наоборот, хуже? Ладно, среди них наверняка найдется хоть один, который просветит его насчет Виктора Януша. Бернар огорченно потряс почти опустевшей бутылкой.

— Слышь, а у тебя, случайно, пары грошей не завалилось? А то бы взяли еще одну...

— Может, и завалилось.

— Тогда я с тобой.

Бернар попытался встать, но все, что ему удалось, — это издать неприличный звук, испортив и без того вонючий воздух. Януша захлестнула волна гнева. Страх, недоверие и отвращение сменились

острым чувством ненависти к этим человеческим обломкам.

Но он не позволил себе отдаться этому чувству, а вместо этого задумался. Была ли у него *личная* причина ненавидеть бомжей? И до каких пределов доходила эта ненависть? Могла ли она стать мотивом для убийства?

— Тут неподалеку есть винный, — сообщил Бернар, наконец сумевший принять вертикальное положение.

Януш поплелся за ним. Его раздирали сомнения. Про себя он снова и снова твердил слова записки, оставленной им на столе Анаис Шатле.

Я не убийца.

* * *

Еще одна ночь без сна. Ну, почти без сна.

На завтрак — микстура.

Стоял полдень. Анаис Шатле в компании с Ле-Козом катила в Биарриц. Всю ночь она руководила поисками беглеца. Каждая группа, каждый кордон находились на постоянной связи с центральным пультом, подключенным к полицейскому управлению. В городе перевернули вверх дном каждую автозаправку, каждый приют, каждый сквот, каждую ночлежку. Кроме того, они обратились к коллегам из Марселя с просьбой установить наблюдение за вокзалами и аэропортом — на случай, если Януша вдруг охватит тоска по родным местам, — хотя Анаис в это не верила.

Всего в ее команде работало больше трехсот человек: детективы из отделения судебной полиции Бордо, сотрудники антикриминальной бригады, городские жандармы и жандармы из департамента. Руководитель следственной группы капитан Шатле за одну ночь превратилась в командующего армией.

И все зря.

Они не напали ни на один след.

Для очистки совести они оставили по человеку у него дома и в клинике. Взяли под наблюдение его банковские счета, кредитную карту и телефонную линию. Но Анаис знала, что все это бесполезно. Януш выскользнул у них из рук. И ошибки он не совершит. В том, что он умен, она убедилась лично.

Ночью, руководя поисками и борясь с простудой, из-за которой ее не покидало ощущение, что на ней надет не дающий дышать скафандр, Анаис

провела собственное расследование своего двуликого знакомого. Она перерыла все прошлое Матиаса Фрера и Виктора Януша. На бездомного нищего много времени не потребовалось. Никаких записей в актах гражданского состояния. Никаких следов ни в одном из официальных источников. Анаис переговорила с полицейскими, производившими задержание Януша в Марселе. Они запомнили оборванца-забияку. Подобрали его в плачевном состоянии, с ножевым ранением, и тотчас переправили в больницу. Содержание алкоголя в крови составляло 3,7 промилле. Документов при нем не обнаружили. Он назвался Виктором Янушем, и это имя осталось в полицейском протоколе. Иначе говоря, этот человек возник из небытия на те несколько часов, что его продержали в полицейском управлении Марселя, и снова исчез.

Психиатр оставил чуть больше следов. Анаис съездила в специализированную клинику Пьера Жане и изучила личное дело Матиаса Фрера. Дипломы. Отметки о приеме на работу в государственные учреждения. Характеристика, выданная в больнице Поля Гиро в Вильжюифе. Все выглядело вполне солидно. И все оказалось фальшивкой.

Ранним утром она обратилась в совет профессиональной медицинской ассоциации. Во Франции никогда не существовало психиатра Матиаса Фрера. Терапевтов с таким именем тоже не было. Она позвонила в больницу Поля Гиро в Вильжюифе. Про Фрера там и слыхом не слыхивали.

Каким образом Януш раздобыл себе все эти документы?

Откуда узнал, что в клинике Пьера Жане есть вакансия психиатра?

В девять утра Анаис снова приехала в клинику. Она вызвала для беседы всех штатных психиатров. Они явились, не пряча своего недовольства. Скрытничали, как будто и в самом деле в чем-то провинились. По поводу Фрера никто не мог рассказать ничего интересного. Доктор вел себя скромно, ни с кем не общался. Демонстрировал высокий профессионализм. Обманщик? Невозможно. Никому и в голову не приходило усомниться в его компетентности. Из чего Анаис сделала смелый вывод: Фрер действительно получил медицинское образование и специализировался в области психиатрии. Но вот где? И под каким именем?

Затем она попыталась навести справки о происхождении универсала «вольво». Связалась с компанией, продавшей Фреру автомобиль. Там ей сказали, что при покупке Фрер предъявил водительские права, а за машину заплатил наличными. Кстати, вот еще один вопрос: откуда у него взялись деньги, если месяцем раньше он еще бомжевал? Она запросила базу данных дорожной полиции. Человеку по имени Матиас Фрер никогда не

выдавали водительских прав. Техпаспорт он не зарегистрировал. Страховку не оформил.

Анаис обратилась также в банк и в агентство, сдавшее Фреру дом. На первый взгляд и здесь все было в полном ажуре. У Фрера имелся банковский счет, на который клиника переводила ему зарплату. Снимая дом, он представил все необходимые документы. Сотрудник агентства уточнил: «Он принес справки о зарплате за последние годы и налоговые декларации». Правда, в виде ксероксов. Тоже фальшивки?

В тысячный раз она задавала себе один и тот же вопрос: какой ярлык наклеить на подозреваемого? Убийца? Мошенник? Обманщик? Шизофреник? Почему он вчера приходил к ней в комиссариат? Хотел сдаться? Или сообщить ей нечто такое, что освободило бы его ото всех подозрений? Или чтобы рассказать об убийстве Патрика Бонфиса и Сильви Робен?

Она снова перечитала записку, оставленную им на ее рабочем столе. *Я не убийца*. Проблема заключалась в том, что она думала точно так же. Фрер не лгал. Инстинкт также подсказывал ей, что он не разыгрывал перед ней психиатра. И не морочил ей голову, когда говорил, что Патрик Бонфис невиновен и что его задача — помочь тому вспомнить, что именно он видел на вокзале Сен-Жан в ночь на 13 февраля. Если бы он был убийцей, он бы так себя не вел. Кто же станет искать улики против самого себя? Тогда что же выходит? Неужели он тоже потерял память?

Два беспамятных на один вокзал — это чересчур.

Перед глазами мелькнул указатель «Биарриц». Она сосредоточилась на другом аспекте дела, который вообще ни с чем не вязался. Зачем кому-то понадобилось убивать Патрика Бонфиса и Сильви Робен? Какую опасность и для кого могли представлять простой рыбак и его подружка?

Со вчерашнего дня она безуспешно пыталась дозвониться до отделения жандармерии, проводившего расследование в Стране Басков. Руководитель группы майор Мартено так ей и не ответил. В 11 утра, приняв душ, она решила, что должна съездить на место преступления. Вместе с Ле-Козом.

— Это еще что за хрень?

На выезде из города образовалась плотная пробка. Анаис вышла из машины и тут же убедилась, что на улице все та же собачья погода. Под черными небесами задувал колючий ветер. Струи ледяного дождя секли лицо будто ножницами. Она козырьком приложила к глазам ладонь и увидела впереди людей в жандармской форме. Они и перекрыли дорогу.

— Включить мигалку? — предложил Ле-Коз.

Анаис не ответила. Она пыталась на глазок прикинуть, каковы стянутые сюда силы порядка. На обычное ДТП не похоже. Поперек шоссе были натянуты ленты заграждения. Вокруг стояли полицейские фургоны с беззвучно вращавшимися проблесковыми маячками. Нет, это не жандармы. Черная форма, бронежилеты и шлемы... Большинство было вооружено автоматами.

— Дойду до них пешком, — наклоняясь к Ле-Козу, сказала Анаис. — Когда махну тебе, подъедешь по обочине.

Анаис накинула капюшон толстовки, надетой под куртку, и двинулась вдоль ряда неподвижно стоящих автомобилей. От холода ее трясло. Прямо на ходу она глотнула из пузырька микстуры. Приблизившись к вооруженным людям метров на пятьдесят, она высоко над головой подняла свое удостоверение с цветами государственного флага.

— Капитан Анаис Шатле, Бордо, — рявкнула она.

Ей никто не ответил. Мужчины в мутных застекленных шлемах казались черными роботами-убийцами, лишенными собственного разума и подчиняющимися данному свыше приказу.

— Кто тут старший?

Молчание.

Дождь усилился. Она видела, как по стеклу шлемов стекают струи воды.

— Кто тут у вас старший, черт подери?

К ней уже шагал мужчина в дождевике:

— Я старший. Капитан Деланек.

— Что тут у вас стряслось?

— Мы получили приказ перекрыть шоссе. Ищут сбежавшего преступника.

Анаис откинула капюшон. По лбу застучали капли дождя.

— Это мой подозреваемый. Но, пока его вина не доказана, он не преступник. Презумпцию невиновности еще никто не отменял.

— Да он ненормальный.

— А вам это откуда известно?

— Он убил бомжа в Бордо. И участвовал в убийстве двух ни в чем не повинных человек в Гетари. К тому же он психиатр.

— И что?

— Психиатры все сами наполовину психи.

Анаис не стала упорствовать:

— У меня встреча с майором Мартено. Как нам проехать?

Произнесенное ею имя послужило паролем. Анаис махнула Ле-Козу,

который выбрался на обочину и медленно подкатил к ней. Она прыгнула в машину и знаком поблагодарила засранца в дождевике.

— Это что, из-за Януша? — поинтересовался Ле-Коз.

Анаис кивнула, не разжимая зубов. Ле-Коз сказал: «Януш». Она про себя думала: «Фрер». В том-то и состояла разница между ними. Перед ее внутренним взором возник Матиас с банкой диетической колы в руках. Черные волосы. Усталое лицо. Одиссей, возвращающийся домой, — измученный, обессиленный, но в то же время обогащенный новыми знаниями и потому прекрасный. Этот человек представлялся ей покрытым патиной, словно античная статуя. Как должно быть славно спрятаться в его объятиях...

И вдруг она вздрогнула.

В тот вечер, прощаясь с ней на пороге своего дома, Фрер негромко сказал:

— Убийство — довольно странный повод для знакомства.

— Все зависит от того, что последует дальше.

Оба чувствовали, что между ними повис знак вопроса. Из рта у них вырывались облачка пара, словно неясное, но хрустально-прозрачное будущее вдруг обретало физическую плотность. *Все зависит от того, что последует дальше.*

И вот что последовало.

* * *

— Не лезь.

Женщина получила уже третий удар в челюсть, но по-прежнему держалась на ногах. Мужчина сменил тактику. Теперь он с размаху ударил ее в живот. Она сложилась пополам, захлебнувшись собственным криком. Выглядела она чудовищно. Безобразная, как ведьма, опухшая, грязная. Багровое лицо, сальные волосы. Возраст ее не поддавался определению. Нападавший — чернокожий мужчина в бейсболке — воспользовался тем, что она наклонилась, поднял соединенные в замок руки и со всей силы обрушил ей на затылок. Женщина рухнула на землю. Наконец-то. Ее тело сотрясла судорога, за которой последовали рвотные спазмы.

— Сука! Тварь!

Теперь он бил ее ногами. Януш поднялся. Бернар потянул его за руку:

— Не лезь, кому говорят! Не суйся не в свое дело!

Януш позволил себе плюхнуться назад. Он не мог больше смотреть на

то, что творилось у него на глазах. Одна рука у ведьмы не действовала, и она прикрывала лицо второй. Удары она сносила молча, лишь вздрагивала при каждом всем телом.

Януш четыре часа таскался за Бернаром и наблюдал уже третью драку. Они побывали в разных местах и потолкались среди разных нищих, которых объединяло одно — непереносимая вонь. Янушу казалось, что в легкие ему набилось дерьмо, в носу стоял стойкий запах мочи, а в горле застрял ком грязи.

Вначале они пошли на площадь Виктора Желю, одно из мест сбора бомжей. Януша никто не узнал. Он заговаривал с попрошайками, задавал вопросы, но не получил ни одного ответа. Затем они поднялись выше по Канебьер, к театру «Жимназ», но здесь не задержались: на ступеньках пригородная шпана разбиралась с «новеньким». Виктор и Бернар свернули в переулок и через некоторое время вышли на улицу Кюрьоль, где тусовались транссексуалы.

В конце концов ноги привели их к протестантской церкви на пересечении Канебьер и проезда Леона Гамбетты. Здесь нищие кишмя кишели. Одни что-то ели, сидя на ступенях паперти, другие мочились прямо на плиты тротуара, но и те и другие взирали на прохожих с нескрываемой враждебностью. Пьяные с утра, они и друг друга готовы были поубивать за один евро, за сигарету, за глоток дрянного пойла.

Но и здесь при виде Януша не оживился ни один взгляд. Он уже засомневался, а в самом ли деле он прежде бывал в Марселе. Но он так вымотался, что все равно был не в силах куда-нибудь двигаться. Тем временем расправа завершилась. Жертва лежала на земле в луже крови и блевотины. «Я в аду» — мелькнуло у Януша. Окружающая мерзость, серость дня — было не больше двух часов, а уже начало смеркаться, — холод, равнодушие горожан — все это сливалось в картину бездны, постепенно затягивавшей его в себя.

Женщина ползком добралась до навеса над забегаловкой фастфуда и замерла. Януш заставил себя рассмотреть ее. Лицо превратилось в сплошной синяк, из которого выглядывали налитые кровью глаза. На разбитых опухших губах пузырилась розоватая пена. Женщина закашлялась и выплюнула обломки выбитых зубов, мешавших ей дышать. Наконец она уселась на крыльцо дома и, пока ее не прогнали, подставила лицо ветру в надежде, что он подсушит ее раны.

— Сама нарвалась, — вынес вердикт Бернар.

Януш ничего не сказал. Его приятель пустился в объяснения. Ненетта — избитая ведьма — была «женщиной» чернокожего Титуса. Он сдавал ее

в аренду другим за пару монет, талон на обед или горсть таблеток. У Януша не укладывалось в голове, что беззубая пьянчужка могла хоть в ком-то возбудить желание.

— Ну и? — спросил он.

— А она спуталась с чужими.

— С чужими?

— Не с нашими, а из района Панье. И спала с ними за так. Хотя кто ее знает? Но все равно, Титус жуть какой ревнивый.

Януш смотрел на кучу окровавленного тряпья, когда-то бывшего женщиной. В руках у нее откуда ни возьмись появился картонный пакет с вином, и она жадно пила из него, сама себе оказывая «первую помощь». Судя по всему, она уже забыла, что ее только что избили до полусмерти.

Мир улицы был миром настоящего.

Без воспоминаний. Без будущего.

— А чего такого-то? — невозмутимо продолжил Бернар. — Ну, поцапались. Ну, подрались. Делов-то.

Ну, *напились*, про себя добавил Януш. По его подсчетам, Бернар приканчивал уже пятый литр вина. Остальные придерживались примерно той же диеты. Ежедневно каждый из них выпивал от восьми до двенадцати литров бормотухи.

— Пошли, — пихнул его в бок приятель. — Валим отсюда. А то тут уже плюнуть негде. Нечего одним и тем же клиентам глаза мозолить...

Нельзя сказать, что Бернар взял Януша под свою защиту. Скорее, он мирился с его присутствием, потому что тот уже купил ему три картонки пойла. Вот тебе и первый урок, подумал Януш. Если нищий протягивает тебе руку, знай, что он ждет от тебя платы. А валюта здесь одна — спиртное.

Они снова пустились в путь. С моря дул холодный сырой ветер, пробиравший до костей. Янушу все никак не удавалось согреться. У него болели ноги. Руки задубели. Глаза слезились. Он шагал за своим провожатым как слепой, ничего не видя вокруг. Единственным раздражителем, на который он еще реагировал, оставались полицейские. Стоило ему слышать звук сирены, увидеть проезжающую мимо машину с мигалкой или проходящих стражей порядка в форме, как он немедленно опускал пониже голову. Он не забыл, кто он такой. Он — загнанная дичь. Беглец, подозреваемый в убийстве. Подозрительный тип, успевший наломать немало дров. Грязь, лохмотья вместо одежды и вонь дрянного вина служили ему маскировкой. Он прятался за ними, как за крепостными стенами. Но долго ли они простоят, эти стены?

Они с Бернаром уселись на небольшой площади. Януш понятия не имел, как она называется, впрочем, ему было на это плевать. Его понемногу охватывало то же безразличие, какое владело его новыми собратьями. Оно проявлялось в замедленности движений, апатии и общем отупении. Он сознавал, что, лишенный часов, утрачивает ощущение времени и пространства.

Его вернуло к реальности звяканье жестянки. Бернар уже стащил с ноги носок и, шевеля черными от грязи пальцами, снова демонстрировал прохожим свой трюк. Дзынь-дзынь...

— Всего одну монетку бедному альпинисту...

К ним подтянулись другие клошары. Бернар недовольно ругнулся. Упившиеся вдрызг, они и сами больше не попрошайничали, и отпугивали потенциальных клиентов. Один елозил лицом по тротуару, обдирая кожу до крови. Второй, спустив штаны, на четвереньках ползал вокруг своего дружка, не способного стоять на ногах, и пытался впихнуть ему в рот свой член. Чуть поодаль еще один произносил пылкую речь, обращаясь к стене дома, и время от времени потрясал кулаком, грозя небесам.

Януш смотрел на них и не чувствовал ни жалости, ни сострадания. Напротив, ярость, душившая его с самого утра, только усиливалась. Он не сомневался: несколько месяцев назад, когда он действительно выступал в обличье Виктора Януша, он уже ненавидел их. Эта ненависть поддерживала его и помогла ему выжить. Но неужели она толкнула его на убийство?

— Пошли, — пихнул его в бок приятель, подбирая с земли монеты. — Пора выпить.

— А пожрать не пора?

— Насчет пожрать есть бесплатные столовки и пункты раздачи. И отделения «Эммауса». Благотворительность! — Он захохотал. — С ума сойти, до чего им всем не терпится нас накормить! Нет чтоб стакашек налить!

Вечерело, и на улице заметно похолодало. Януш со страхом думал о том, что его ждет в ближайшие часы. Внутренности скрутило узлом. К глазам подступили слезы. Ни дать ни взять — маленький мальчик, который боится темноты.

Но он должен выстоять.

Он обязан попасть в ночлежку под названием Загон, где собираются все марсельские нищие.

Если и там никто его не узнает, выходит, он взял ложный след.

Майор Мартено согласился проводить их к месту двойного убийства. Каждый едет на своей машине, сказал он. И, пока они находились у него в кабинете, больше не добавил ни слова. И вот они следовали за «субару-WRX» — одним из тех автомобилей зарубежного производства, которыми в последние годы оснастили полицейские службы быстрого реагирования.

Двигаясь вдоль железнодорожных путей, они миновали Бидар и Гетари. По-прежнему лило как из ведра. Ливень размывал краски, вносил путаницу в ощущения, мешал сосредоточиться. Над зеленью рощ и лаково блестящим асфальтом стояла стена воды. Дождь полосовал поверхность океана белесыми вспышками света.

Автомобили остановились на вершине утеса. Густые заросли кустарника, несколько одиноких домишек, ниже — бесцветный пляж, стиснутый черными скалами. Анаис и Ле-Коз подошли к жандармам. Мартено указал на бетонную постройку в сотне метров от них, на крыше которой красовалась вывеска в форме рыбины.

— Дом Бонфисов.

Строение все еще было окружено желтыми лентами ограждения, на окнах и двери висели печати. Майор объяснил им, что предварительное обследование жилища жертв — фотографирование, снятие отпечатков пальцев — провели еще вчера, а тщательный обыск назначили на завтрашнее утро.

— Где именно произошло убийство?

— Внизу. На пляже. — Майор жандармерии ткнул указательным пальцем в сторону океана. — Тело женщины нашли вон там. Тело мужчины — чуть дальше, у подножия скалы.

— Я ничего не вижу.

— Это место сейчас под водой. Прилив.

— Пойдемте туда.

Они начали спуск по обрывистому склону. Анаис вертела головой, озирая окружающий пейзаж. Шелестели мокрой листвой деревья и кусты. Вдали виднелась вилла с террасой, полузакрытой соснами. Блестели под дождем рельсы железной дороги — прямой и ровной, словно след от ножа, рассекшего полотно картины.

Пляж представлял собой узкую песчаную полоску темно-серого цвета. Анаис вздрогнула. Простудный озноб или страх? Почему-то вспомнилась легенда о Тристане и Изольде — бури, штормы и приворотное зелье...

Она собралась с мыслями:

— В котором часу это случилось?

— По словам свидетелей, около полудня.

— Выходит, есть свидетели?

— Два рыбака. Они как раз шли к берегу в сотне метров отсюда.

— Что они видели?

— Показания довольно расплывчаты. Вроде бы видели бегущего мужчину в плаще. Вашего подозреваемого. Матиаса Фрера.

— Вам сообщили именно это имя?

— А разве его не так зовут?

Анаис не стала уточнять: путаницы и так хватает, к чему усложнять ситуацию?

— Откуда он бежал?

— С пляжа.

— Что же, выходит, Фрер убил Бонфиса и его жену и бросился удирать? — спросила она, беря на себя роль адвоката дьявола.

— Нет. Стреляли не в упор, а с приличного расстояния. К тому же свидетели видели еще двух мужчин в чем-то черном. Они тоже бежали к пляжу. Неизвестно, то ли они гнались за Фрером, чтобы схватить его как убийцу, то ли, наоборот, сами и были убийцами. Они уехали на черном внедорожнике, судя по описанию, марки «ауди», модель Q7. К сожалению, номерного знака свидетели не запомнили.

Дерьмо. Как она могла об этом забыть? Фрер еще позавчера дал ей фотографии номерного знака. И рассказал, что последние два дня его повсюду преследовал черный внедорожник. Эти фотографии до сих пор у нее...

— С этого момента, — продолжил жандарм, — свидетельства очевидцев теряют определенность. Вроде бы мимо проехал поезд. Мужчина в плаще исчез. Двое в черном сели в машину и укатили.

— А дальше? Дальше что?

— Ничего. Все как испарились.

Сверху донесся хриплый крик. Анаис подняла глаза. Над ними кружили чайки, выписывая под порывами ветра восьмерки. Этим звукам вторил шум прибоя, с громким щелканьем обрушивая на темный песок волну за волной.

— Под каким углом велась стрельба? — спросила Анаис, упрятав руки поглубже в карманы.

— Судя по всему, стрелок стоял на террасе вон той виллы. Она зимой пустует.

Дом, о котором он говорил, располагался на расстоянии более пятисот метров от места преступления.

— Вы хотите сказать, что убийцы...

— Именно. Стрелял снайпер.

Дело — в который уже раз! — принимало новый оборот. Неужели кто-то нанял элитного стрелка, чтобы убрать задолжавшего банку рыбака и его сожительницу?

— Как вы определили, что стреляли оттуда?

— Мы нашли на террасе стреляные гильзы.

Это не лезло ни в какие ворота. Профессиональный киллер ни за что не допустил бы подобной ошибки. Оставить на месте преступления такие улики! Если только... Анаис попыталась представить себе, что здесь произошло. Допустим, убийцы получили задание расправиться с тремя жертвами, но одной из них — Фреру — удастся бежать. Они бросаются за ним. И в спешке забывают собрать гильзы.

У майора в руках появился пластиковый пакет с кусочками металла. Анаис взяла его и взгляделась в отсвечивающие золотым продолговатые трубочки. Бесполезно. Она ничего не смыслила в баллистике. Калибры. Режимы огня. Дальность стрельбы. Лично ей все это не говорило ни о чем.

— Калибр двенадцать и семь десятых миллиметра, — пояснил Мартено. — Бронебойные пули с высокой точностью попадания.

— Нам это что-нибудь дает?

— Кое-что. Двенадцать и семь — редкий калибр. Он применяется в основном в тяжелом оружии. Ценится за мощность и скорость движения пули при настильной стрельбе. Нередко используется для высокоточной стрельбы.

— А в переводе на человеческий язык?

— Этот калибр был разработан в девяностых годах специально для винтовки «геката-2». Излюбленное оружие снайперов. Тренированный стрелок способен попасть из него в цель на расстоянии до тысячи двухсот метров. Или остановить движущийся автомобиль с расстояния в тысячу восемьсот метров. Чтобы прикончить двух рыбаков, такие приспособления совершенно излишни. Я уже не говорю о том, что для владения подобным оружием требуются особые навыки.

Майор излагал все это нарочито нейтральным тоном, старательно скрывая собственное смутение. Высокий, седой, невозмутимый, в своей синей куртке он походил на адмирала, стоящего на мостике авианосца. Анаис прекрасно его поняла.

— Стрелявший мог быть военным?

— «Геката-2» была официально принята на вооружение в девяносто седьмом году подразделением технического обеспечения сухопутных войск, — признал Мартено. — Это был наш ответ снайперам противника в ходе войны на Балканах. Сегодня ее используют штурмовые отряды национальной жандармерии и элитные полицейские подразделения.

После его слов повисла тишина. Да, дело решительно принимало абсолютно новый поворот. Как будто двухмерная картинка вдруг обрела третье измерение, о возможности чего никто не подозревал.

— Зарубежные армии, в том числе отряды особого назначения, также используют этот калибр, — снова заговорил жандарм. — Мы отправим гильзы в Институт криминалистических исследований в Рони-су-Буа. Форт Рони находится в Рики-су-Буа под Парижем. Не исключено, что им удастся установить, из какого оружия стреляли. «Геката-2» — не та винтовка, какими завален рынок. Кроме того, она требует к себе умелого отношения. Кстати сказать, полностью укомплектованная она весит семнадцать килограммов.

Анаис кивнула. Она знала, всегда знала, что дело окажется трудным. Убийство бездомного бродяги, преображенного в Минотавра. Появление мужчины с амнезией, вызвавшее целую кучу вопросов, на которые никто не мог дать ответов. Отпечатки фальшивого психиатра на месте преступления... И вот теперь двойное убийство, больше похожее на спецоперацию элитного армейского подразделения.

Жандарм забрал у нее пустые гильзы. Она инстинктивно попыталась сжать ладонь.

— Не бойтесь, — успокоил ее майор. — Расследование не остановится, даже если выяснится, что в преступлении замешан кто-то из наших. Гильзы сегодня же уйдут в лабораторию. И мы отправили отчет следственному судье.

— Он уже назначен?

— Да. Клод Бертен. Из прокуратуры Байонны. Квалифицированный специалист по баскскому сепаратизму. Хорошо разбирается в баллистике.

— А отчет о вскрытии вы уже получили?

— Нет еще.

У Анаис дернулась щека. Тела Бонфиса и его подруги были переправлены в Институт судебной медицины в Рангее, близ Тулузы, еще вчера днем. Наверняка Мартено уже известны результаты. Просто он сразу переслал их начальству. В подобных обстоятельствах приходилось действовать очень осторожно и взвешенно. Возможно, военное ведомство назначит повторную экспертизу с привлечением собственных

патологоанатомов...

Ее размышления прервал Мартено:

— Вы позволите угостить вас чашкой кофе?

— С удовольствием, — с улыбкой согласилась она. — Только сначала мне нужно позвонить.

Она чуть отстала от остальной группы, двинувшейся по тропинке назад, и, ежась от сырого ветра, набрала номер Конанта. Тот снял трубку на первом же звонке. Да, все они были как на иголках.

— Это я, — бросила она. — Новости есть?

— Были бы, позвонил бы.

— Слушай, мне нужно, чтобы ты кое-что сделал. Можешь прямо сейчас съездить ко мне домой?

— Ты что, цветочки забыла полить?

— Ключ возьмешь у консьержки. Постарайся убедить ее, что тебе необходимо проникнуть в мою квартиру. Она та еще штучка. Покажешь удостоверение. Короче, придумаешь что-нибудь.

— Ну хорошо. И что я должен сделать в квартире?

— У меня на столе лежат распечатки фотографий с номерными знаками автомобиля. Как только ты их найдешь, немедленно позвони мне.

— Никаких проблем. Как там в Биаррице?

Анаис подняла глаза. Черные фигуры жандармов почти скрылись за пеленой дождя. Железнодорожные пути блестели от воды. Из облаков влажного тумана еле виднелись силуэты сосен и кусты можжевельника.

— В Биаррице мокро. Жду твоего звонка.

* * *

— Шевели задницей! Фургон пришел.

Януш с мучительным трудом поднялся. Весь он превратился в клубок ломоты и боли. Его стратегический план, основанный на визуальном наблюдении, к вечеру обернулся полным фиаско. До самой темноты они с Бернаром таскались по мостовым, чтобы в конце концов вернуться в исходный пункт — под своды клуба «Перно» напротив Старого порта. Януш к этой минуте мечтал об одном: найти что-нибудь теплое и более или менее мягкое, на что можно плюхнуться и отдохнуть.

Ровно в семь вечера Бернар извлек из кармана телефонную карту и по номеру 115 позвонил в отдел социальной помощи неимущим. Каждый вечер город объезжало несколько специальных машин, собиравших

бездомных и отвозивших их в ночлежки. Те из бомжей, кто до наступления темноты ухитрялся сохранить ясность ума, звонили заранее, пока на землю не обрушился ночной холод. Остальных подбирали патрули, отлично знавшие места сборищ попрошайек. Зимой на улицах Марсея не ночевал практически ни один нищий.

Из «ситроена-джампи» вышли сотрудники и принялись затаскивать в него тех, кто уже не держался на ногах. Многие из них вырывались, не желая садиться в грузовичок.

— Я выбираю улицу! — испитым голосом блеял один.

Второй вяло, как будто все тело его состояло из губки, отбивался:

— Отвяжитесь! Не хочу в ваш концлагерь!

— Концлагерь? — удивился Януш.

— Загон, — пояснил Бернар, собирая свое имущество. — Да ты не дрейфь! Для нас с тобой это то, что надо!

Отупевший от холода и усталости, Януш понимал одно: он приближается к своей цели. Распахнулись задние дверцы фургона.

— Привет, Бернар! — крикнул из-за разделявшей салон и кабину плексигласовой перегородки водитель.

Бернар в ответ засмеялся своим шакальным смехом, зашвырнул внутрь фургона грязные сумки и поднялся сам. Януш последовал за ним. От вони у него перехватило дыхание. В тесном пространстве грузовичка смердело грязью, дерьмом, мочой и тухлятиной. Он зажал нос и в темноте двинулся вперед, натыкаясь на чьи-то колени и локти, спотыкаясь о брошенные на пол тюки. Наконец он нашел свободное место. Бернар исчез.

Хлопнули дверцы. «Джампи» покатил по дороге. Глаза Януша немного привыкли к темноте, и он смог разглядеть своих попутчиков. Их здесь собралось с дюжину, они сидели на скамьях друг против друга. Те же жуткие рожи, те же злобные взгляды, те же черные от грязи руки, которые он наблюдал в течение всего дня, но... Двор чудес под открытым небом — это одно, в замкнутом пространстве — совсем другое. В полумраке, разрываемом светом уличных фонарей, похожие на оживших горгулий существа казались сказочными монстрами, обретшими реальность.

Наголо бритый мужчина с ввалившимися щеками смотрел перед собой остановившимся взглядом. Сидевший рядом с ним спал каменным сном, обняв голову руками. Лица остальных терялись в полутьме. Они не шевелились, полностью отдавшись охватившей всех апатии. Какой-то парень стоял на коленках, хватаясь за скамью и безуспешно пытаясь подняться; каждая его неуклюжая попытка сопровождалась яростным фырканьем.

В стекло застучал социальный работник, устроившийся в кабине рядом с шофером:

— Эй ты! А ну сядь немедленно!

«Спортсмен», пошатываясь, поднялся и рухнул на свободное сиденье. Теперь встал его сосед. Он был черен, словно обуглился от грязи. Запаха Януш не чувствовал — он давно дышал ртом, стараясь не думать о проникавших в организм через горло ядовитых миазмах. Мужчина подошел к запертым дверям, расставил ноги и принялся мочиться, метя струей в щель между створками. На ближайших его соседей полетели брызги, но никто из них даже не пошевелился.

Дверцы были закрыты плотно, и лужа мочи потекла назад, под ноги сидящим. Социальный работник забарабанил в стекло с новой силой:

— Эй, а ну прекрати! Ты что, правила забыл?

Мужчина не реагировал на его призывы, как ни в чем не бывало продолжая облегчаться. Януш приподнял ноги над полом.

— Ах ты говнюк! Ты что, хочешь, чтобы я тебя высадил?

Наконец бомж иссяк, прошлепал назад по натекшей луже и, ваясь то на одних, то на других, добрался до своего места. С каждым километром шум в фургоне становился все громче. Слышались тягучие, пронзительные, злобные голоса, бормотавшие бессвязные, искаженные слова — обрывки бессмысленного, не пригодного ни для чего языка.

Какая-то женщина твердила как заведенная:

— Меня зовут не Одиль. Меня зовут не Одиль. Если бы меня звали Одиль, я бы тут с вами не сидела...

Мужчина, шамкая беззубым ртом, с придыханием повторял:

— Мне надо к стоматологу. А потом я поеду к своим детишкам...

Прочие пели, если только производимую ими невообразимую какофонию звуков можно было назвать пением. Особенно надрывался один, исполнявший шлягер восьмидесятых «Полночные демоны».

— Ну, как тебе обстановочка?

Оказывается, Бернар сидел рядом с ним — в шоке от происходящего, он его даже не заметил.

— Здесь еще ничего... Вот в Загоне...

Фургон по пути несколько раз останавливался. Януш выглядывал наружу. Работники социальной службы подбирали все новых бомжей. Их коллеги подталкивали к другому грузовичку женщин без возраста, одетых в мини-юбки и пуховики.

— Шлюхи... — просветил его Бернар. — Их в Жан-Панье везут...

Очевидно, еще одна ночлежка. В фургон поднялось несколько новых

пассажиров. Стало тесновато. Любитель вокала по-прежнему орал песню, не сознавая, сколько в ее словах горькой иронии:

Он является в полночь ко мне,
Демон сумрачный в тишине.
Манит, манит меня за собой
Призрак бессонницы злой...

В противоположном от кабины конце фургона только что устроилось трое молчаливых мужчин. Они не были ни пьяны, ни грязны, напротив, озирали остальных острыми проницательными взглядами. В этих взглядах не было ни намека на дружелюбие. Все трое казались гораздо более опасными, чем прочая публика.

— Румыны... — шепотом пояснил Бернар.

Януш вспомнил. В клинике Пьера Жане иногда появлялись румыны. Бандиты-рецидивисты из Восточной Европы, которым французские ночлежки после родных тюрем представлялись пятизвездочными отелями.

— И близко к ним не подходи, — добавил Бернар. — Они за талон на обед родную мать убьют. А уж за документы...

Януш не сводил глаз с трех хищников. Но и они быстро выделили его из числа прочих. Гладкие руки, маскарадная грязь — с ним все было ясно: мужик косит под бомжа. Значит, именно он и станет их жертвой нынче ночью. Потому что у него при себе явно больше одного евро. Януш дал себе слово, что спать не станет. И тут же все его тело пронзила боль натруженных мышц. Он ощупал в кармане рукоятку ножа и сжал оружие словно талисман.

«Джампи» замедлил ход. Они прибыли на место. Район то ли сносился, то ли перестраивался — в темноте определить это с точностью было невозможно. Над шоссе нависал автодорожный мост, наводивший на мысли о легендарном чудовище, угрожающем античному городу. Вокруг царил тьма. Из нее выступала лишь высокая решетчатая ограда, освещенная мощными прожекторами. Надпись на воротах гласила: «Предоставление приюта нуждающимся». У входа гомонила нетерпеливая толпа бездомных. *Полночные демоны...*

— А вот и наш Загон, — объявил Бернар. — Ниже падать уже некуда. Они тут всех берут, кроме детей. Дальше — только на кладбище...

Януш ничего не ответил. Открывшаяся его взору картина потрясла его до глубины души. Перед оградой стояли мужчины в черных комбинезонах

с ярко-желтой флуоресцентной полосой на спине, в перчатках, с лицами, закрытыми масками. Они по одному пропускали вновь прибывших внутрь. С крыши здания доносился громкий лай: там в клетках сидели собаки. Очевидно, четвероногие друзья бомжей. Впрочем, Янушу вспомнился Цербер — трехглавый пес, стерегущий адские ворота.

— Конечная! Всем на выход!

Бомжи похватали свои сумки и полезли из фургона, пиная ногами валявшиеся на полу, в лужах мочи, пустые бутылки.

— Бутылок много, да хоть бы одна полная! — отпустил шутку тот, что пел про полночных демонов.

И, довольный собой, ринулся вперед, наклонив голову, как игрок в регби, и грубо расталкивая остальных. Те возмущенно двинулись следом. Выбравшись наружу, все разбились на группки. Словно кто-то опрокинул на тротуар мусорный бак, мелькнуло у Януша. Здесь их тоже поджидали люди в комбинезонах с мини-мойками в руках, готовые уничтожить следы их путешествия в фургоне.

Перед воротами происходило настоящее столпотворение.

Одни ломились вперед, распахивая остальных своими сумками или тележками. Другие колотили по решетке костылями. Третьи дразнили собак, швыряя через забор пустые банки из-под пива. Работники приюта пытались хоть как-то обуздать толпу и навести на входе подобие порядка: пройти через ворота можно было только по одному.

Януш толкался вместе со всеми. Он низко опустил голову, вжав ее в плечи. Ему хотелось забыть о том, где он находится. Но сейчас он хотя бы согрелся. Его прижали к решетке. Сквозь стальные прутья он увидел двор, через который тянулась очередь к ближайшему строению. В окне приемного отделения горел свет. Кто-то из проникших внутрь уже дрался. Над головами летали пустые бутылки, и несколько человек катались по земле...

Бернар был прав: он еще ничего не видел.

* * *

— Имя, фамилия?

— Майкл Джексон.

— Документы есть?

Наглый смех вместо ответа. Сотрудник приюта отодвинул вправо вонючую сумку. Перед освещенным окном приемной уже возник

следующий постоялец.

— Имя, фамилия?

— Саркози.

Но смутить человека в окне было не так-то просто.

— Документы есть?

— А ты как думаешь, засранец?

— Веди себя вежливо.

— Да пошел ты...

— Следующий.

Януш стоял в середине хвоста и внимательно осматривался, стараясь запомнить каждую деталь. Во дворе возвышалось несколько бетонных зданий. В центре располагались бытовки. По толпившимся возле каждого строения постояльцам можно было определить, по какому принципу их здесь расселяют.

Бытовки предназначались для женщин. Рядом с побирушками без возраста Януш заметил совсем молоденьких девчонок, почти подростков, — они болтали, не выпуская изо рта сигарет. Как будто находились не в этом аду, а на школьном дворе. За ними следили — в целях охраны — самые крепкие из сотрудников приюта.

Еще одна бытовка, расположенная в глубине двора, была отведена североафриканцам — эти с самым заговорщическим видом негромко переговаривались по-арабски. Слева приткнулась бетонная коробка, принимавшая выходцев из Восточной Европы, — отсюда доносилась причудливая смесь славянских языков.

Януш прищурился, пытаясь отыскать в толпе тех трех румын из фургона. Да вот же они! Стоят себе и покуривают. Только их стало больше — видно, нашли соотечественников. Глаза у всех горели, рассыпая искры не хуже кончиков зажженных сигарет.

— Отлезь! Кому говорю, отлезь!

Януш обернулся. Какая-то женщина бранилась с чернокожим мужчиной в бейсболке. Ненетта и Титус. Бомжиха успела прийти в себя. Теперь она нападала на своего друга. Тот размахнулся и с силой ударил ее. Она пошатнулась и попыталась дать сдачи здоровой рукой. Вокруг дерущихся уже собирались зеваки. Слышались смешки и подбадривания. Титус нанес женщине еще один удар. Ненетта упала, не сумев защитить голову бездействующей рукой. Стук ее черепа об асфальт лишил Януша последних моральных сил. Он больше не мог выносить окружающей его со всех сторон злобы. И не только злобы. Его уже тошнило от одного вида этого человеческого отребья. Они все психи, говорил он себе.

Его подтолкнули к дверям в приемную.

— Имя, фамилия?

— Нарцисс, — не думая, сказал он.

— Нарцисс — а дальше как?

— Просто Нарцисс. Это моя фамилия.

— Документы есть?

— Нет.

Он отвечал автоматически, как будто нужные слова хранились у него в мозгу.

— Дата и место рождения?

Он назвал ту дату, что значилась в фальшивых документах на имя Матиаса Фрера. И зачем-то добавил, что родился в Бордо.

Сотрудник за стойкой поднял на него глаза:

— Новенький?

— Ага. Только прибыл.

Сотрудник просунул под окошко талончик с цифрами:

— Сначала пойдешь в камеру хранения, сдашь вещи. Это налево от входа. Потом тебе в здание справа, напротив душевой. Первый этаж. Номер на талоне — это номер твоей комнаты.

Бомж, стоявший в очереди за ним, дружески хлопнул его по плечу:

— Там самые крутые парни, чувак! Элита, блин!

Януш прошел до камеры хранения. Возле дверей толкались постояльцы, сдавая свои нагруженные барахлом тележки, отвратительно вонявшие сумки и детские коляски с какими-то железяками. Он объяснил, что у него вещей нет. Дежурный окинул его косым взглядом:

— Оружие? Деньги?

— Ничего.

— В душ пойдешь?

— Да.

Дежурный посмотрел на него с еще большим недоверием:

— В соседнем корпусе.

В проходе, разделявшем санитарный корпус и корпус «крутых парней», было теплее, чем на остальном дворе, потому что из окон душевой вырывались клубы горячего пара. Януш подошел к еще одному дежурному. Ему выдали полотенце и одноразовый туалетный набор: мыло, зубная щетка, станок для бритья.

— Сначала зайти в гардероб.

Гардеробом именовалась комната, в которой хранились сложенные аккуратными стопками сухие и чистые вещи. Большинство их прежних

владельцев, подумалось ему, скорее всего, умерли. Что может быть лучше для зомби, в которого он превратился? Очередной сотрудник помог ему подобрать одежду по размеру. Рубашку лесоруба. Плотные брюки садовника. Дедушкин жилет. Черное пальто. Но главное, пару кроссовок — заскорузлых конверсов, на которые он бросился, едва их завидев, без сожаления расставшись с раздолбанными башмаками, весь день нещадно натиравшими ему ноги.

Затем он перешел в следующее здание и от неожиданности замер на пороге. Помещение, наполненное паром, напоминало турецкие бани. Красные двери, белый кафель на полу и на стенах. Слева от душевых кабин располагался туалет, справа — умывальники.

Обитатели ночлежки успели и здесь оставить свои следы. В лужах мочи валялись рулоны туалетной бумаги. Плитка была заляпана блевотиной. Стены украшали надписи на неизвестном науке языке, выполненные дерьмом. Ничего удивительного: контакт с водой вызывает расслабление сфинктеров.

В облаках пара раздевались, ругались, орали и стонали бомжи. Готовились к *пытке водой*... За ними приглядывали дежурные в резиновых сапогах.

Крепко прижимая к груди полотенце, мыло и новую одежду, Януш пошел искать свободную кабину. Впервые за весь день окружавшая его вонь чуть отступила под напором запаха моющих средств. Но жуткие картины никуда не делись. Избавившись от накрученного на них тряпья, бомжи вдвое уменьшились в размерах. Глазам Януша предстали живые скелеты серого, красного или синюшного цвета, густо покрытые узором синяков и ссадин.

Ни одной свободной кабины. Дежурный остановил его возле умывальников и велел раздеться. Януш отказался. Как он мог разоблачаться перед всеми, ведь на нем по-прежнему были надеты противоблошинные ошейники? Кроме того, он опасался демонстрировать свое вполне здоровое и упитанное тело — семьдесят восемь килограммов при росте метр восемьдесят. Его обман мгновенно раскроется. К тому же при нем был нож и деньги...

Остальным посетителям душевой раздеваться помогали сотрудники приюта, действовавшие с привычной осторожностью. Кое у кого одежда слезала вместе с лоскутами кожи. Многие из этих людей не снимали с себя заношенного тряпья неделями, месяцами, а то и годами. Теперь под ним открывались чудовищные язвы. Старик медленно стягивал с ног распадающиеся на волокна носки. На щиколотках у него рубцами горели

намертво впечатавшиеся в плоть следы резинок.

— Эй ты! Вон кабина освободилась!

Януш двинулся в указанном направлении, но остановился, слышав громкие крики. Возле умывальников стоял на коленях санитар, поддерживая безжизненное тело постояльца. К нему на помощь уже спешил второй, хлюпая сапогами по лужам.

— Надо срочно переправить его в больницу.

— А что с ним?

Вместо ответа первый показал коллеге почерневшую от гангрены руку бомжа.

— Чем дольше тянуть, тем выше ее придется отнимать.

Януш рванулся было предложить санитарам свою помощь, но его остановил голос дежурного по душевой:

— Ты идешь или как? Тебе ясно сказано: шестая освободилась.

Он послушно поплелся куда велено, мимо инвалида, стоящего под струями воды на костылях, мимо еще одного, валявшегося бревном, пока санитар тер его щеткой на длинной палке.

— Пошевеливайтесь, пошевеливайтесь! — закричал дежурный, стуча в дверцы. — Вы что тут, ночевать собрались?

Януш проник в кабину и запер за собой дверь. Разделся, спрятал деньги, снял с себя собачьи ошейники. Пустил воду и только тут почувствовал себя в тепле и безопасности. Он яростно скреб свое тело и отмывался, не жалея мыла. Затем вытерся и натянул на себя новую одежду, переложив в карманы нож и деньги. Чистота. Наконец-то. Он словно заново родился.

Следующим этапом стала столовая. Времянка в глубине двора с обитыми пластиком стенами, в которой поставили два десятка столов. Здесь царил относительное спокойствие. Отобрав у алкашей запасы спиртного, им не оставили иного выбора, кроме как набить себе брюхо и поскорее заснуть, чтобы наутро снова напиться.

Справа располагалась стойка, за которой каждому выдавали поднос с едой. Януш встал в длинную очередь. В помещении было жарко. К вони немытых тел примешивался густой и удушливый запах прогорклого сала. Он нашел место за столом и очистил тарелку, не глядя, что именно ест. Теперь он ничем не отличался от других. Пьянчуга, намерзшийся за целый день на улице, разомлевший после душа, со слипающимися от усталости глазами.

Но тревожная мысль не давала ему покоя, упорно возвращаясь снова и снова. Его никто не узнавал. Ни один из обитателей этого царства бомжей

не окликнул его по имени. Неужели он идет по ложному следу? Ладно, завтра будет видно. А пока — спать...

Следуя за остальными, он добрался до нужного корпуса. В комнатах было чисто. Четыре двухэтажные кровати — на восемь человек. Пол, покрытый линолеумом, — чтобы смягчить удары от падения. Бомжи не только скатывались во сне с кроватей, но и затевали в спальнях драки. Януш выбрал нижнее место. На тот случай, если придется срочно удирать.

Матрас был застелен одноразовой простыней из рисовой бумаги. Он улегся и натянул на голову одеяло. Рука его сжимала нож — так ребенок обнимает любимого плюшевого мишку. Свет в комнате не выключали. Из коридора доносились крики и брань. Бомжи устраивались на ночлег.

Вот и хорошо, подумал Януш. В таком шуме он сможет спать вполглаза.

В следующую секунду он уже провалился в глубокий сон без сновидений.

* * *

— Месье Саес? Меня зовут Анаис Шатле. Я капитан полиции из Бордо.

Молчание.

— Откуда у вас мой номер?

Она не снизошла до ответа. Снова молчание.

— Что вам от меня нужно?

Тон был высокомерным, хотя ее собеседник говорил слащавым голосом. Анаис решила остаться в Биаррице еще на день. Выпив кофе с Мартено, она получила эсэмэску с координатами фирмы, которой принадлежал внедорожник. Модель Q7 была зарегистрирована на ЧАОН — частное агентство по охране и наблюдению, расположенное в квартале Терфор городка Брюж в окрестностях Бордо. Она набрала указанный номер. Человек, снявший трубку, наотрез отказался сообщать какую бы то ни было информацию. Включая личный номер владельца фирмы Жан-Мишеля Саеса.

Анаис не стала настаивать. Сняла в Биаррице на улице Маршала Жоффра номер в небольшом отеле под названием «Амайя» и продолжила расследование. В конце концов она раздобыла номер мобильного телефона Саеса и начала осаду, названивая ему каждые полчаса. Сообщений на автоответчике она не оставляла.

Он ответил только в десять вечера.

— Вашему агентству принадлежит внедорожник марки «ауди», модель Q7 Sline TDI, номерной знак 360 643 AP 33.

— Ну и?

Все тот же напыщенный, медоточивый голос. Анаис уже собралась сказать ему что-нибудь такое, чтобы он подавился собственным самодовольством, когда вдруг сообразила, что она перед ним безоружна. С чем ей переходить в наступление? Со свидетельством находящегося в розыске человека, которому *показалось*, что его преследовала эта машина?

Пожалуй, лучше испытать мягкий подход.

— Этот автомобиль несколько раз был замечен в Бордо. Один врач обратился к нам с сообщением, что машина повсюду следует за ним. Теперь мы выяснили, что она зарегистрирована на вашу фирму.

— Он подал жалобу?

— Нет.

— Вам известны точные даты так называемых преследований?

Фрер говорил, что слежка за ним началась сразу после обнаружения Патрика Бонфиса.

— Тринадцатое, четырнадцатое и пятнадцатое февраля две тысячи десятого года.

— Что еще у вас есть?

Голос звучал по-прежнему спокойно. Судя по всему, Саеса искренне забавлял этот разговор. Она не удержалась от искушения:

— Не исключено, что тот же внедорожник был на месте двойного убийства, совершенного вчера, во вторник шестнадцатого февраля, на пляже в Гетари.

Владелец агентства только хмыкнул в ответ.

— Вы находите это смешным?

— Я нахожу смешными действия вашей полиции. Пока вы будете работать так, как работаете сейчас, люди, желающие обеспечить себе безопасность, будут обращаться ко мне.

— Что вы имеете в виду?

— Я заявил об угоне этого автомобиля шесть дней назад. Если быть точным, одиннадцатого февраля.

Анаис проглотила пилюлю.

— В какой комиссариат вы подали заявление?

— В жандармский участок в Брюже. Ближайший к нашему офису. Я полагал, что с войной между полицейскими покончено.

— Мы тесно сотрудничаем с отделениями жандармерии.

— Тогда вам остается только наладить с ними бесперебойную связь.

У нее вдруг пересохло в горле. Она чувствовала, что он лжет, но пока ей было нечем крыть. Она попыталась завершить беседу, не теряя достоинства.

— Вам придется дать нам подробные объяснения в комиссариате. Улица Франсуа-де-Сурди...

— Ни в коем случае.

— Простите, не поняла?

— Я был с вами терпелив, мадемуазель. Но вынужден поставить точки над *i*. Вы имеете право вызывать к себе подозреваемых, но никак не пострадавших. Когда — и если — вы найдете мою машину, то вежливо попросите меня нанести вам визит в комиссариат, а я посмотрю, устроит ли меня день и час. Всего доброго.

В трубке раздался гудок. Наглость этого мерзавца ошеломила Анаис. Наверняка у него связи с властью имущими в Бордо. Вечеринки для сливок общества. Пожертвования политикам. Всякого рода привилегии. Она хорошо знала, как это происходит в действительности. Она сама выросла в этом болоте.

Анаис оглядела свой номер. Блеклые тона. Мебель прошлого века. Запах плесени и моющих средств. Идеальное место, чтобы бдеть у одра умирающей бабушки. Анаис присела к крошечному письменному столу, покрытому клеенкой, и еще раз изучила всю информацию, которую удалось собрать о ЧАОН.

Существует двенадцать лет. Предоставляет стандартный набор услуг. Охрана. Дрессировка собак. Обеспечение безопасности и наблюдение. Телохранители. Аренда престижных автомобилей... Анаис зашла на сайт фирмы в Интернете. С виду все респектабельно, но... Никаких конкретных данных. Сказано, что предприятие принадлежит некоему холдингу, но какому — неизвестно. Жан-Мишель Саес утверждает, что обладает «продолжительным опытом работы в сфере безопасности», но о том, где и как он его приобрел, — тишина. И разумеется, никаких ссылок на клиентуру. Требования конфиденциальности.

Анаис попыталась найти дополнительную информацию в статьях и комментариях, надеясь, что просочится хоть что-нибудь любопытное. Ничегошеньки. Складывалось впечатление, что ЧАОН — призрак, не имеющий ни истории, ни клиентов, ни партнеров.

Она позвонила Ле-Козу. Он пребывал в самом угрюмом настроении. Вернувшись в Бордо, ее помощник только и делал, что получал и анализировал льющиеся потоком свидетельства и улики против беглого

врача, все без исключения — из области фантастики. В качестве дополнительного бонуса — давление прессы и властей, которых интересовал ответ на один-единственный вопрос: «Куда девался Виктор Януш?» Анаис почувствовала угрызения совести. Может быть, она решила остаться в Биаррице из-за подспудного желания избежать всей этой суматохи?

— От судьи новости есть?

Разговоры о скором назначении следственного судьи велись начиная со вчерашнего дня. Бегство Фрера только ускорило ход событий. Ни о каком расследовании по горячим следам речи уже не шло. Прощай, независимость. Прощай, свобода. А может, ее и вовсе отстранят...

— Пока нет, — ответил Ле-Коз. — В прокуратуре про нас вроде бы забыли.

— Как же! А что насчет остального?

«Остальным» был Януш и его бегство.

— Ничего. Он проскользнул у нас между пальцев. Признаем, что мы его упустили.

С одной стороны, Анаис обрадовалась. С другой, она боялась худшего. В тюрьме Януш был бы в безопасности. Преступник в бегах рискует в любую минуту получить пулю в лоб. А ведь за ним, помимо всего прочего, гоняются профессиональные киллеры.

— Ты сейчас где?

— У себя в кабинете.

— Силы еще есть?

Ле-Коз тяжело вздохнул в трубку:

— Я тебя слушаю.

Анаис приказала Ле-Козу отправиться в офис ЧАОН и произвести в нем обыск. Пока следственный судья официально не назначен, ее группа имеет право предпринимать любые шаги.

— Мне нужна полная информация о деятельности этой конторы, — уточнила она. — Список клиентов. Список сотрудников с указанием должностей и окладов. Название холдинга, которому она принадлежит. В общем, все.

— Ладно. Поеду туда завтра утром.

— Ты поедешь туда сию минуту.

— Так уже десять вечера!

— Тебя встретит ночной охранник. Придется тебе проявить чудеса убедительности.

— Слушай, если Деверса про это узнает...

— Когда он про это узнает, у нас на руках будет вся информация. Победителей не судят.

Ле-Коз промолчал. Он ждал волшебного слова.

— Я все беру на себя.

Лейтенант ответил, что все сделает. Кажется, он немного успокоился. Анаис чуть подумала и решила позвонить комиссару. На личный номер.

— Я ждал вашего звонка, — менторским тоном отозвался он.

— А я ждала вашего.

— Мне нечего вам сказать.

— Вы в этом уверены?

Деверса прочистил горло:

— Назначен следственный судья.

Сердце Анаис пропустило очередной удар. Она задала вопрос на всякий случай, и вот он бумерангом вернулся к ней же.

— Кто именно?

— Филипп Ле-Галь.

Хуже и быть не могло. Новичок, чуть старше ее, свежеиспеченный выпускник высшей судебной школы. Она с ним уже один раз работала. Он напоминал следственного судью, готовившего дело Утро.^[20] Те же повадки отличника. Та же молодость. Та же неопытность.

— Меня отстраняют?

— Это не в моей компетенции. Попробуйте убедить Ле-Галя в том, что вы ему необходимы.

— Какие ко мне могут быть претензии?

— Анаис! Вы расследуете убийство. Вне всякого сомнения, связанное с еще двумя убийствами в Стране Басков. На настоящий момент ваши результаты равняются нулю. Ваше единственное достижение состоит в том, что вы позволили подозреваемому скрыться в неизвестном направлении.

Она быстро припомнила все, что удалось сделать. Она установила личность жертвы. Нашла свидетеля — или подозреваемого. Выяснила модус операнди убийцы. За три дня. Не так уж плохо. Но в сущности Деверса прав. Она просто делала свою работу. Добросовестно, но без искры гения.

— Есть и еще кое-что, — добавил комиссар.

Анаис вздрогнула. Неужели все-таки отстраняют? Она жила в постоянном страхе, что ее уволят. И не потому, что она женщина. Не потому, что она молода. А потому, что она — дочь Жан-Клода Шатле, чилийского палача, обвиняемого в убийстве более двух сотен политических заключенных.

Но Деверса нанес удар с неожиданной стороны:

— Говорят, у вас личные взаимоотношения с подозреваемым.

— Что-о? Кто это говорит?

— Не важно. Вы встречались с Матиасом Фрером вне рамок служебной деятельности?

— Нет, — солгала она. — Я вообще встречалась с ним всего раз. Расспрашивала про его пациента. Патрика Бонфиса.

— Не раз, а два. Вы ходили к нему домой вечером пятнадцатого февраля.

— Вы... вы что, следили за мной?

— Нет, разумеется. Это всплыло случайно. Кое-кто из наших ребят видел вашу машину перед домом Матиаса Фрера.

— Кто?

— Не имеет значения.

Вот сволочи. Мир населен сволочами. А полицейские — худшие из сволочей. Всюду суют свой нос. Доносительство у них в крови. Она бесцветным голосом произнесла:

— Да, это правда. Я допрашивала его еще раз.

— В одиннадцать вечера?

Она не ответила. Теперь ей стало ясно, за что именно ее отстранят от расследования. К глазам подступили слезы.

— Я занимаюсь этим делом или уже нет?

— Над чем конкретно вы сейчас работаете?

— Завтра утром собираюсь присутствовать при обыске дома погибших в Гетари.

— Вы уверены, что ваше место именно там?

— Я вернусь завтра же утром. И хочу напомнить вам, что машина Матиаса Фрера была обнаружена неподалеку от места преступления.

— Жандармы не возражают?

— С ними у меня никаких проблем.

— Будьте в комиссариате до полудня. Судья намерен вызвать вас после обеда.

— Экзамен устроит?

— Называйте это, как вам угодно. Но имейте в виду, что до вашей встречи он хочет получить подробный рапорт. Полный отчет о всей проделанной работе. Надеюсь, у вас бессонница, потому что вы должны отправить ему материалы завтра утром по электронной почте.

Деверса уже собрался повесить трубку, когда она вдруг спросила:

— Вы когда-нибудь слышали о ЧАОН?

— Да, что-то такое слышал... А почему вы спрашиваете?

— Один из принадлежащих им автомобилей может быть связан с делом.

— Каким делом?

— Убийством на пляже. Что вам точно известно об этой конторе?

— Мы сталкивались с ними по поводу ограбления в квартале Шартрон. Сотрудники агентства осуществляли охрану одного особняка. По-моему, та еще шайка-лейка. Бывшие вояки. Вы с ними общались?

— С директором. Некий Жан-Мишель Саес.

— И что он вам рассказал?

— Что автомобиль у них угнали за несколько дней до событий. Я хочу проверить, так ли это.

— Ведите себя осторожно. Если мне не изменяет память, у них достаточно высокие покровители.

Она подумала о Ле-Козе, которого отправила прямо в логово зверя. С незаконным обыском, основанным на смутных догадках. И в ту же секунду решила, что не станет ему перезванивать. Ей нужны факты. Инстинкт подсказывал, что здесь что-то кроется... А шишки будем подсчитывать потом...

Она спустилась в холл к кофейному автомату и почти бегом вернулась обратно. Снова открыла «мак» и принялась писать отчет. В конце концов, подвести итог собственным достижениям — не такая уж плохая идея.

* * *

Он проснулся от резкой боли.

Внутренности раздирало мучительным спазмом. Жгучая боль тянулась от лобка и поднималась к ребрам, пронзая спину с такой силой, что ему показалось, что сейчас у него хрустнут позвонки.

Он разлепил глаза. Свет погасили. Весь этаж был погружен в темноту. Что с ним такое? Ответом на его немой вопрос стало громкое бурчание в животе, сопровождаемое нестерпимым жжением в области ануса. Острое кишечное расстройство. Расплата за то, что весь день вливал в себя гадость, выдаваемую за красное вино. А может, пищевое отравление. Или страх. Страх, не покидавший его со вчерашнего дня и вот теперь взорвавшийся где-то в самых печенках.

Он скатился на бок, сжав руками живот, и опустил ноги на пол. Кружилась голова. Ноги дрожали. Срочно в сортир! Больше он ни о чем не

мог думать. Согнувшись пополам, он сунул в карман нож и, шатаясь, побрел к двери. Каждый шаг отзывался новым всплеском резкой боли.

На пороге он остановился, ухватившись за косяк. Кажется, в начале коридора он видел туалет... Но вот хватит ли у него сил добраться до него?

Он шагнул в темноту, привалившись к стене. Руки по-прежнему сжимали живот. Со всех сторон доносились звуки: одни кашляли, другие пускали ветры, третьи храпели... Кое-как он дотащился до санблока. И здесь его взору открылась сцена корриды. Двое дежурных навалились на мужчину, который намертво вцепился в кран. Януш видел только его глаза, озаренные безумием. Мужчина не отбивался и не кричал, целиком сосредоточенный на своем трофее. Санитары так же молча упорно оттаскивали его от раковины.

Нет, в этой свалке ему делать нечего.

Душевые! Там тоже есть туалет. Он толкнул застекленную дверь. Повернул направо. Вышел во двор. Ледяной воздух на краткий миг принес иллюзию облегчения. Все вокруг замерло. Даже собаки на крыше первого корпуса угомонились.

Януш понятия не имел о том, который теперь час. Он стоял, погруженный в пучину ночи. В пучину боли. Из последних сил он обошел корпус подонков общества. Свет в душевой не горел. Вот и красные двери, белая кафельная плитка. В помещении царил чистота. Сильно пахло дезинфекцией. Он толкнул дверь ближайшей кабинки. Занято. Изнутри раздавались стоны, сопровождаемые звуками опорожнения кишечника.

Следующая кабинка оказалась свободна. Он открыл дверь головой. Протиснулся внутрь, развернулся, спустил штаны и сел на унитаз, не дав себе труда запереть задвижку. Внутренности как будто резали острым ножом.

Наконец-то! От облегчения он едва не задохнулся.

Веки от наслаждения закрылись сами собой. Он извергал из себя зло. Живот еще болел, но эта боль была ничто в сравнении с чувством блаженства.

Он прислушался к звукам, доносящимся из соседней кабинки. Он и сам издавал точно такие же. Что ж, он стал одним из них. Собрат по дерьму. Соратник по помойке. Здесь, в сортире, он принимает боевое крещение.

И вдруг он застыл.

Перед ним кто-то был.

Не поднимая головы, он приоткрыл глаза. В паре сантиметров от его конверсов стояли начищенные до блеска ботинки фирмы «Уэстон». Его

охватила паника. Как это могло случиться? Он не запер дверь. И человек проскользнул в кабинку вслед за ним, только, в отличие от него, не забыл задвинуть защелку. Все это — пока он облегался.

Януш продолжал притворяться, что не замечает вторжения. Мелькнула мысль о румынах. Но нет, румыны не монтировались с «уэстонами». Он слегка приподнял голову. Узкие, безупречного покроя костюмные брюки выдавали свою принадлежность к одной из лучших итальянских фирм.

Еще чуть выше — и он увидел руки. Руки сжимали трубный хомут. Нейлоновый шнур с насечками на внутренней поверхности. Штука, знакомая рабочим всего мира. А ему-то это откуда известно?

Он быстро поднес к горлу ладонь. Веревка впиалась ему в запястье. Он сжал пальцы в кулак, ослабляя давление на горло. Пока убийца готовился повторить попытку, Януш резко вскочил и со всей силы ткнул лбом ему в подбородок. Голова вспыхнула от боли. Януш рухнул на сиденье унитаза, сдерживая рвущийся наружу крик.

Нападавший выпустил свою удавку. Он пошатывался, сотрясая стенки кабинки. Януш не стал тратить время на то, чтобы надеть штаны, и левой рукой — правая по-прежнему была прижата к горлу — толкнул убийцу вон.

Ничего не произошло. Только сейчас он вспомнил, что дверь открывается внутрь. Он нащупал задвижку и дернул ее в сторону. Дверь поддалась. Но выскочить он не мог — путь закрывал своим телом убийца, который, похоже, начал приходить в себя.

— На помощь! — заорал Януш.

В этот миг, именно в этот краткий миг, он понял, что его жизнь висит на волоске. За порогом кабинки, прямо перед ним, стоял второй убийца с пистолетом в руке. Он мгновенно узнал его. Один из соглядатаев, следивших за ним в квартале Флеминг. Один из тех, кто устроил бойню на пляже в Гетари.

Человек в черном поднял руку с пистолетом.

— На помощь!!!

Первый из нападавших загораживал ему обзор. Но вот он, все так же шатаясь и не отрывая рук от лица, вывалился из кабинки. Януш поднял ноги и резко захлопнул за ним дверь. Затем скорчился на сиденье, прикрывая локтями голову, и снова крикнул:

— На помощь!

Ответом ему была тишина. Ни грохота выстрелов, ни дождя из пуль, ни боли. *Ничего*. По ту сторону дверцы больше никого не было. Он это почувствовал.

Свободной рукой Януш быстро подтерся и — в нем еще сохранялись

остатки достоинства — натянул штаны.

Все это время он беспрестанно орал, даже не орал, а визжал, как свинья, которой режут горло:

— На помощь!

Во дворе послышался топот. Сейчас его спасут. Он еле-еле успел спустить воду, и тут на него напал нервный смех. Он жив. Януш выбрался из кабинки и с трудом высвободил пальцы из захвата удавки, помогая себе зубами и свободной левой рукой. Ему хватило ума застегнуть воротник рубашки. Давать какие бы то ни было объяснения по поводу нападения он уж точно не собирался.

Хлопнула дверца. Он обернулся, охваченный новым приступом паники. И обнаружил взлохмаченную голову мужчины с длинной, как у библейского пророка, бородой. Всего лишь его собрат по несчастью из соседней кабинки.

Януш махнул ему, успокаивая, и застегнул последнюю пуговицу на штанах. Омертвевшие пальцы правой руки не желали слушаться. Он склонился над раковиной и подставил лицо под струю воды. В кармане брюк что-то перекатилось. Нож. Он и не сообразил им воспользоваться. Просто-напросто *забыл*, что у него есть нож.

* * *

— Te gusta?^[21]

Вместо ответа пленник с выпученными от ужаса глазами издал нечленораздельный крик. Он дышал через рот, поддерживаемый в открытом состоянии с помощью расширителя — древнего стального инструмента времен Первой мировой войны.

— Te gusta?

Человек попытался помотать головой, но она не двигалась, намертво прикрученная кожаным жгутом к спинке стула. Его вырвало кровью. Лицо его представляло собой месиво из переломанных костей и хрящей.

Но глаза безотрывно следили за змеей, обернутой вокруг запястья палача.

— Te gusta?

Это накануне — ложная водяная кобра, что водится в аргентинских болотах. Черная с позолотой. Вообще-то она не ядовита, но сейчас, когда ее хорошенько разозлили, шея у нее все раздувается и раздувается.

И вот змея уже в нескольких сантиметрах от открытого рта пленника.

Тот застонал и зарычал, беспомощно дергаясь... Змея изогнулась, покачала треугольной головой, издала свист и ужалила пленника в губы. Ей было страшно. Ей хотелось спрятаться, заползти в привычную темную и влажную щель...

— *Te gusta?*

Мужчина еще пытался кричать, но звук застрял у него в глотке. Палач сунул змею ему в рот. Рептилия проворно скользнула в пищевод в надежде обрести надежное укрытие. Метровой длины существо, состоящее из мышц, чешуи и чуть теплой крови, исчезло в горле обреченного, вызвав мгновенное удушье.

Анаис с криком проснулась.

В комнате было тихо, если не считать ее собственного шумного дыхания. Тихо и темно. Где она? Голос отца звучал совсем рядом. *Te gusta?* Ей даже слышался змеиный свист. Она икнула и расплакалась. В голове стоял туман. В полумраке ей почудилось, что она видит трость и ботинки разной формы... Она в спальне отца?

Нет. Это гостиничный номер. Она в Биаррице. Она ведет расследование. Эта простая мысль принесла ей некоторое облегчение. Но сон не желал покидать сознание. Болела челюсть, травмированная расширителем. В горле извивалась наканина. Анаис закашлялась и растерла шею.

Теперь она окончательно проснулась. Но вместе с ясностью ума вернулись и воспоминания.

Воспоминания, которые терзали ее каждую ночь. Она нащупала на тумбочке часы. Ее не интересовало время, ее интересовала дата. 18 февраля 2010 года. Пора уже забыть Хромого. Она давно не маленькая девочка. Она взрослая женщина. Она *полицейский*.

В комнате было невыносимо жарко. Она приподнялась, чтобы проверить электрический регулятор батареи, но не смогла высвободиться из-под липкой простыни. Неужели она настолько вспотела? Анаис зажгла ночник.

Постель была вся в крови.

В следующую секунду она поняла почему. Руки. Исцарапанные. Исполосованные. Сплошь в зияющих ранах. Восемь лет она к ним не прикасалась. И вот во сне вернулась к прежнему...

Если бы у нее оставались силы, она бы разрыдалась. Но тут включилась логика. *Логика детектива*. Каким орудием она нанесла себе все эти порезы? Где орудие преступления? Она поискала в постели и нашла в складках простыни осколок стекла. Подняла глаза к окну. Целехонько.

Дошла до ванной комнаты. Окошко было разбито. Пол усеивали многочисленные осколки.

Она бросила себе под ноги полотенце, чтобы не порезаться. Приблизилась к умывальнику. К ней вернулся автоматизм полузабытых движений. Она включила холодную воду и подставила под струи изрезанные руки. Залепила раны туалетной бумагой — лучшее средство остановить кровотечение. Боли она не чувствовала. Она вообще ничего не чувствовала. Вернее сказать, она чувствовала себя *хорошо*. Как и каждый раз...

Анаис обработала раны духами и забинтовала руки полосами все той же туалетной бумаги. Символично, усмехнулась она про себя: полное дерьмо.

Вернувшись в комнату, она яростно содрала с постели простыню, одеяло и покрывало, скатала все это в ком и бросила на пол. Улики совершенного преступления. И вдруг она замерла. Ей снова слышался голос отца, голос ее ночного кошмара. *Te gusta?*

Вот почему она уродовала сама себя.

Она мечтала кровью смыть с себя омерзение.

Отрезать себя от собственных корней.

Она села на незапятнанный матрас, прижавшись спиной к стене и обхватив руками колени. И принялась раскачиваться взад-вперед, словно сумасшедший, запертый в палате для буйных.

Она молилась. Тихим голосом, по-испански. Смотрела в одну точку и, не прекращая раскачиваться, бездумно повторяла:

Padre nuestro, que estas en el cielo
Sanctificado sea tu nombre
Venga a nosotros tu reino
Hágase tu voluntad en la tierra... [\[22\]](#)

* * *

В 7.30 раздался звонок. Все в столовую! Быстрее, быстрее!

Януш пошел вместе с остальными. После эпизода в туалете ему оказали первую помощь. Дали таблетку имодиума, остановившую понос. Выслушали его свидетельство. Он приуменьшил значение события, сведя нападение к стычке с другими бомжами. Но дежурные ему не поверили.

Они подозревали румын. Януш поклялся, что это были не они. Его отправили досыпать, пообещав, что завтра утром пригласят к директору для более подробного рассказа. По всей видимости, в присутствии полиции. Он улегся, но уснуть больше не смог. Убийцы в фирменных костюмах. Трубный зажим. Глушитель на пистолете. Как они его вычислили? Следили за ним от самого Биаррица? Получили наводку из ночлежки? Но кто его выдал?

Эта ночь принесла ему хотя бы один ответ на его многочисленные вопросы. После покушения в Гетари он еще сомневался, что и ему угрожает опасность. Но теперь дело прояснилось. Он в списке на уничтожение.

Януш решил, что удерет рано утром, так сказать, по-английски, не прощаясь. Допрос полицейских ему ни к чему. Он пока не собирался возобновлять контакт с цивилизованным миром, особенно с полицией. В комиссариаты наверняка успели разослать его фотографию. А также в благотворительные заведения вроде этой ночлежки и бесплатных столовых, где следовало ожидать его появления. Выходит, надо смываться. И поскорее.

Но ворота ночлежки отпирали только в половине девятого. Он задумчиво сидел над чашкой кофе с куском хлеба, когда в столовой поднялась суматоха. Его сосед по столу вдруг начал дрожать. За ним затрясся еще один, сидевший через три стола. И еще один, за соседним столом. На всех присутствующих в столовой одновременно напала трясучка.

Януш догадался, в чем дело. Эти мужчины и женщины больше восьми часов подряд не брали в рот спиртного. Им не нужен был кофе с тостами. Им требовалось вино. Некоторые из них вцепились в свои чашки. Другие содрогались в конвульсиях, отчего ножки стульев выбивали по полу дробь.

В клинике Пьера Жане подобранные ночью бездомные по утрам демонстрировали точно те же симптомы. Каждая их жила жаждала алкоголя, заставляя тело извиваться в судорогах. Остальные над ними смеялись. И издевательски называли эту тряску «дрожементом».

Януш огляделся. Примерно половина столовой содрогалась от спазмов. Вторая половина хохотала, повторяя: «Дрожемент! Дрожемент!» Януш взял свой поднос и поднялся. Коллективный приступ эпилепсии с минуты на минуту привлечет сюда большинство сотрудников ночлежки. Идеальный момент, чтобы исчезнуть.

Он ставил грязную чашку на стойку, когда его окликнул незнакомый голос:

— Жанно?

Януш обернулся. Перед ним стоял коротышка в черной вязаной шапке и пуховике, подпоясанном простой веревкой. В глазах сиял огонек узнавания. Это было чудо, на которое он уже перестал надеяться.

— Жанно, неужто ты?

— Меня зовут Януш.

— Ну да, я и говорю. Жанно. — Мужчина рассмеялся. — Тебе чего, совсем крышу снесло?

Януш промолчал. Он не помнил этого человека.

— Шампунь, — продолжил тот.

И сдернул с головы шапку, обнажив совершенно лысый череп.

— Шампунь, — повторил он и поскреб голову. — Не, серьезно, ты спятил, да? Чего ты сюда опять приперся?

— А почему мне нельзя?

— Блин, да ты, видать, совсем упился...

— А я много пью?

— Как бочка. Которая без дна.

— Так почему мне сюда нельзя?

— Из-за легавых, почему же еще? И из-за всего остального.

Шум позади них все усиливался. Сотрясения, крики, смех. Ночлежка просыпалась. И ее пробуждение больше походило на страшный сон.

Януш схватил за руку Шампуня и увлек его за собой в более или менее тихий уголок, где стояли термосы с кофе и банки с джемом.

— Я ни фиги не помню. Сечешь?

Лысый с философским видом снова поскреб лысину.

— С каждым из нас такое случается.

— Где мы познакомились?

— В «Эммаусе». Ты там пахал.

Вот почему на улице никто его не узнавал. Януш вовсе не был бродячим псом. У него была дыра, куда забиться. Общежитие «Эммауса» в Марселе. Он вспомнил парня, с которым столкнулся в поезде, проходившем через Биарриц. Даниель Ле-Гуэн. Собрат по «Эммаусу». Вот он, след. С него и надо начинать поиск.

Гвалт вокруг сделался непереносимым. В столовой появились сотрудники ночлежки. Их коллеги в это время отпирали ворота. Пора было выпускать зверей на свободу. Януш понял, что должен воспользоваться поднявшейся суматохой.

— Сваливаем! — бросил он Шампуню.

— Да я еще даже не позавтракал!

— Так и быть, угощу тебя в городе чашкой кофе.

Кто-то толкнул его, прижимая к стойке. Вокруг образовалось нечто вроде свалки. Похоже, драка. И как всегда, с горячим участием зевак. Януш крепко взял за руку Шампуня и подтолкнул его к выходу:

— Пошли отсюда.

Мимоходом он бросил беглый взгляд на сбившихся кучкой бомжей. Нет, это не драка. На полу лежала женщина. Неподвижно, как мертвая. Он растолкал зевак локтями и пробился в центр толпы. Склонился над женщиной, встав на колено, и профессиональным жестом нащупал пульс. Она была еще жива.

В ноздри ему ударил сильный яблочный запах. Вот и объяснение. Яблоками пахнет ацетон, выделяемый порами кожи. Она в диабетической коме, вызванной кетоацидозом. Одно из двух: либо женщина пропустила прием инсулина, либо не ела на протяжении нескольких дней. В любом случае ей требовалась срочная инъекция глюкагона. А затем — капельница с глюкозой.

И вдруг его пронзила простая до очевидности мысль. Он и в самом деле врач.

Словно подтверждая эту истину, у него за спиной закричал Шампунь:

— Не мешайте ему! Я его знаю! Он лепила!

Бомжи шумели, смеялись, тряслись. Каждый считал своим долгом дать ценный совет:

— Ей надо кислородную маску!

— Искусственное дыхание! Пустите меня, я умею!

— Легавых зовите!

Наконец подоспели дежурные. Януш поднялся с колен и незаметно смешался с толпой. Следует полагать, сейчас они вызовут врача. Шампунь как ввинтился в толпу, так и продолжал в ней стоять, изображая из себя санитаря скорой.

Януш еще раз дернул его за руку и потащил к выходу.

Ворота успели открыть. Бездомные понемногу разбредались по задымленным каменным джунглям. Янушу не терпелось побыстрее убраться отсюда подальше. Но его лысый приятель вдруг резко остановился:

— Эй, погоди! Я же не забрал свои вещи!

Они потеряли еще пять минут в камере хранения. Выбираясь за ворота, увидели подъезжающую машину скорой помощи. Очутившись наконец снаружи, оба двинулись вверх по бульвару. Вчерашнее впечатление не обмануло Януша: квартал перестраивался. Как водится, созиданию

предшествовало разрушение. Строительные площадки соседствовали с ветхими зданиями, глядевшими на улицу наглухо заколоченными окнами. Посередине над проезжей частью возвышался мост, по которому мчались автомобили, казалось спешащие поскорее покинуть этот пока еще малосимпатичный район.

Возле дома с облупившимся фасадом прямо на земле лежали бомжи. Словно равнины у Стены Плача, подумалось Янушу.

— Что они здесь забыли?

— Заначку достают. В ночлежку не пускают с бутылками. Вот все и прячут свои запасы. А тут стены в трещинах, как раз бутылка поместится. А утречком вышел — и вот она, родная. Никуда тащиться не надо. Кое-кто даже среди ночи встает хлебнуть. Втихаря, ясное дело. Слышь, а куда мы идем-то?

Сам не зная почему, Януш ответил:

— Я хочу увидеть море.

* * *

Домишко Бонфисов напоминал полурассыпавшийся карточный домик. Четыре пустых стены окружали ничем не заполненное пространство. Мебель, одежду, утварь — все вынесли на улицу. Ни пола, ни потолка больше не было. Балки, сложенные штабелем, лежали возле дома. Чуть дальше свалили доски. В стенах зияли дыры — их просверлили во многих местах, отыскивая вероятный тайник. Помещение покрывал слой известковой пыли, похожей на вулканический пепел. Внутри деловито сновали жандармы, вооруженные зондами, молотками и металлоискателями, обстукивая и обшаривая каждый уголок пространства.

Имущество Патрика и Сильви Бонфис рассортировали по кучкам и разложили на полотнищах пленки. Над каждой из них соорудили навес из той же пленки, чтобы вещи не испортило дождем.

Анаис медленно прошлась между этими импровизированными палатками. Она была в дождевике и резиновых сапогах. Настроение — хуже некуда. После кошмарного сна она больше не сомкнула глаз. Перечитала и выправила рапорт и ранним утром отправила его электронной почтой судье. Простуда ее так и не отпустила, кроме того, она повздорила с майором Мартено, утверждавшим, что он до сих пор не получил отчета о вскрытии тел. Это было не просто вранье, а наглое вранье.

Одна куча состояла из электробытовых приборов и посуды. Вторая — из одежды, постельного белья и полотенец. Третья — из предметов, извлеченных из ванной комнаты и туалета: раковина, унитаз, ванна. В следующей оказались книги Бонфисов. Анаис не покидало ощущение, что она ходит по лавке старьевщика.

Впервые за долгое время у нее согрелись руки. По пути в Гетари она остановилась возле аптеки и купила набор по оказанию первой помощи. Дезинфицирующий раствор. Заживляющую мазь. Бинты. В машине сделала себе перевязку. Волчица, зализывающая раны.

У нее зазвонил мобильник. Ле-Коз.

Она укрылась под деревом.

— Я кое-что нарыл, — довольным голосом доложил лейтенант.

— Слушаю.

Ле-Коз отправился в ЧОАН и хорошенько потряс ночного сторожа. Получил доступ к документам предприятия. Лицензия. Копии юридических актов. Годовые отчеты. Список клиентов, представленных фармацевтическими или промышленными компаниями, которые пользовались услугами агентства для охраны своих секретов. В сущности, ничего особенного.

Здесь же выяснилось, что агентство принадлежит холдингу, основанному несколькими участниками. Анаис ничего не поняла из описания фирм, перечисляемых Ле-Козом, — до того, как поступить в полицию, ее младший коллега получил экономическое образование. Из этой мешанины имен и названий она уловила одно: холдинг входит в состав крупной французской компании «Метис», специализирующейся на химическом производстве и расположенной в пригороде Бордо. Где-то она уже слышала это название.

— Что ты нашел по «Метису»? — в лоб спросила она.

— Ничего. Или почти ничего. Сфера деятельности — химическое, сельскохозяйственное и фармацевтическое производство. Тысячи служащих по всему миру, большая часть — во Франции и Африке.

— И это все? А кто владелец?

— Это акционерное общество.

— Надо было копнуть глубже.

— Это невозможно. Ты сама знаешь. Я уж не говорю про то, что обыск я производил незаконно. Но главное, любой лишний шаг вперед — и мы упираемся в стену. Тебе уже сообщили, что назначен судья?

— Я встречаюсь с ним сегодня днем.

— Нам оставят расследование?

— Сегодня вечером узнаем. У тебя все?
— Не совсем. Утром появилась новость.
— Что за новость?
— Виктора Януша засекли в Марселе. Мы получили сразу несколько донесений. Ночь он провел в ночлежке для бомжей. Дать тебе номер телефона майора, который руководит его поисками?

* * *

Рыбацкий порт Валлон-дез-Оф — одна из главных достопримечательностей Марселя, но в тот день, 18 февраля, он казался призрачным. Рестораны не работали. Суда стояли на приколе. Пляжные домики были заперты. Пустынная набережная, окружающая рейд, сияла чистотой, словно отмытая мылом. Януша это безлюдье ничуть не смущало. Ему нравилось, как ветер обдувает его лицо. Нравилась висящая в воздухе водяная пыль. Нравилось море, далекое и близкое, незримо присутствующее в каждой частице света. Он как будто пил морскую синеву и дышал морской солью.

Они сидели возле самой кромки воды, напротив акведука, расчертившего своими пролетами небо и водную гладь. Идеальное место, чтобы получить ответы на некоторые вопросы.

— Откуда ты знаешь, что я врач?
— Да ничего я не знаю. А ты что, правда врач?
— Ты же сам только что кричал в ночлежке, что я лепила.

Шампунь пожал плечами. Он собирался позавтракать и извлекал из сумки все необходимое. Пару помятых походных котелков. Вчерашние круассаны, подаренные добросердечной булочницей. Непочатую бутылку дешевого вина, купленную Янушем. Наполнив из бутылки оба котелка, он обмакнул в пойло черствый круассан.

— А ты чего сидишь? Закусывай!
— Я тебе раньше говорил, что я врач?
— Да ничего ты не говорил! Из тебя, если хочешь знать, вообще было слова не вытянуть. Но ты вроде в этом деле чего-то такое соображал. Особенно насчет того, что творится у нас в башке.

— Типа психиатра?

Шампунь молча грыз круассан. Прибой с тихим плеском катил волну за волной, оставляя возле его ног пенный след.

— Ты помнишь, когда мы познакомились?

— В ноябре, кажись. Холодрыга была, не приведи господи.

Януш достал блокнот и начал делать записи.

— Я смотрю, ты в интеллихенты подался, — хмыкнул Шампунь. — А чего не пьешь-то?

— Мы познакомились в общежитии «Эммауса»?

— Ну да.

— А где именно?

Бомж недоверчиво покосился на него. У него была гладкая, очень белая кожа, совершенно лишенная растительности, — ни бровей, ни щетины на подбородке. Сквозь нее выпирали острые кости, делая лицо похожим на череп скелета. Множество шрамов — немые свидетельства драк и потасовок. Но не только. Януш заметил также протянувшийся вокруг лысой головы продольный шрам, явно оставленный хирургом. Несомненно, бомж перенес операцию по трепанации черепа.

— Так где именно в «Эммаусе»? — повторил он вопрос.

— Ну ты даешь! На бульваре Картонри в Одиннадцатом округе, вот где.

Он подлил себе вина и окунул в него второй круассан. Януш по-прежнему черкал в блокноте.

— Двадцать второго декабря меня замели за участие в драке.

— А, про это ты помнишь?

— Более или менее. А ты? Ты знаешь, что там в точности произошло?

— Ну, меня там не было, но потом мы с тобой один раз разговаривали.

На тебя наехали ребята из Бугенвиля.

— Что такое Бугенвиль?

— Район Марселя, что ж еще? Неподалеку от Загона. Там тусуется местная банда. Полные отморозки. Беспредельщики.

Интересно, подумалось Янушу, как ему удалось вырваться живым из лап этих бандюг.

— А почему они на меня наехали? Грабануть хотели?

— Грабануть? Да чего у тебя было брать-то? Не, они хотели тебя мочкануть, это точно.

— Это я сам тебе так сказал?

— Да ты их боялся, чуть в штаны не наложил!

— А я говорил тебе, почему они хотят меня убить?

— Не-а. Сказал только, что сваливаешь. Что к тебе вернулся свет. Что боги пишут свою историю. Ну, чего-то в этом роде. Ты всегда был с приветом, но иногда мог такое ляпнуть — хоть стой, хоть падай.

Свет. Что за свет? Связанный с его сном? И со сном Патрика

Бонфиса? Или симптом диссоциативного бегства? *Боги и их история*. А это что? Намек на убийство с мифологическим подтекстом? В левой глазнице запульсировала боль.

— А куда я уехал, ты знаешь?

— Не, про это ты не говорил. Блин, да чего такое с тобой случилось-то?

— Сам не знаю.

Шампунь не стал настаивать. Боль в глазу у Януша усилилась, захватив весь лоб. Он уставился на воду и опоры акведука, надеясь, что созерцание мирного пейзажа принесет ему облегчение. Напрасные чаяния. Да и погода начала портиться. Море окрасилось в иссиня-черные тона. Серебристые волны обрушивались на берег с шумным звоном бьющегося стекла. Природа не только не исцелила его, но и сама заразилась его болью.

— Ты недавно говорил, — массируя виски, снова обратился он к приятелю, — что зря я вернулся. Вроде как из-за легавых.

— Ну да.

— Из-за той драки? Но ведь это дело давнее...

— Мать твою, ну ты даешь! Они же тебя ищут. Прямо сейчас. Здесь, в городе. Так и шныряют. Я их сам вчера два раза видал. В «Валентине» и в приюте Марсо. Всех опрашивали, суки. Они ищут тебя, Жанно. Очень ты им зачем-то нужен.

Януш все понял. Он полагал, что в шкуре бомжа нашел себе надежное убежище. Но на самом деле он лишь чудом не попал в лапы марсельской полиции. Анаис Шатле объявила на него охоту не только в Бордо, но и здесь. Выходит, надо срочно менять стратегию.

— А почему они меня ищут, не знаешь?

— Вроде как из-за убийства. Какого-то бомжа в Бордо завалили. Ребята слышали, как легавые говорили с социальными работниками. Но я им не верю! Мы с тобой, Жанно, — он ухватил бутылку с вином и стал пить прямо из горлышка, — не преступники, а жертвы! Мы — жертвы этого общества, а они...

— Еще ты говорил, что мне нельзя возвращаться «из-за всего остального». Что это за все остальное?

— Отморозки из Бугенвиля. Такие ничего не забывают. Если они пронюхают, что ты опять в городе, найдут тебя и — того...

Список опасностей рос день ото дня. Полиция. Люди в черном. И вот теперь банда местных бандитов... Ему хотелось завывать в голос. Но он сидел молча. Как будто под наркозом.

— Это еще не все... — совсем тихо проговорил Шампунь.

Януш наклонил шею, словно подставляя ее под удар. Давай, прикончи меня, говорил его жест.

— Марсельская полиция... Они думают, что ты замешан и в том убийстве...

— Каком еще убийстве?

— Ну, в том, в декабре... Кто-то пришел одного бездомного. Его в каланке^[23] нашли. Обгорелого. Тогда болтали, что какой-то псих мочит бомжей. Но больше никого не убили. А может, этот псих перебрался в Бордо.

Януша затрясло. От головной боли мутилось в глазах.

— Почему они решили связать оба убийства?

— Я-то почему знаю? Я тебе не легавый.

Януш вдохнул поглубже. Надо все начинать сначала.

— Ты помнишь, когда точно нашли тело?

— Где-то в середине декабря.

— Личность жертвы установили?

— Ага. Болгарин какой-то. Из пригородной шпаны. Я его не знал.

— Он входил в банду из Бугенвиля?

— Вроде как нет.

— Не знаешь, они нашли на месте преступления отпечатки пальцев?

— Да что ты ко мне привязался? Откуда мне-то знать?

— Хорошо. Что еще ты слышал об этом убийстве? Подумай. Шампунь наморщил лоб — мыслительное усилие давалось ему с трудом. Януш одновременно пытался составить общую картину. Его обвиняют в двух убийствах. Одно совершено в Марселе, второе — в Бордо. Кольцо вокруг него сжимается. Он энергично потряс головой. *Он не убийца.*

— Так что там насчет этого обгорелого?

— Ну, его нашли в каланке Сормью. Двенадцать километров отсюда, если по прямой. Валялся голый, весь обгорелый. Трепали, что тело течением принесло, но я тебе сразу скажу: брехня. Где его вальнули, там и бросили.

— А почему они решили, что это убийство?

— Так там же все обставлено было!

— В каком смысле — обставлено?

Шампунь расхохотался:

— Мужик был с крыльями!

— Что?

— Зуб даю. У него на спине были крылья приделаны, тоже обгорелые. Журналисты болтали, что мужик летал на дельтаплане и упал в море. Но

это все хрень. Где же он тогда обгорел? И почему голый?

Януш его не слушал. Убийца с Олимпа. Это имя молнией в черном небе пронзило его мозг. До того как убить в Бордо Минотавра, он убил в Марселе Икара.

— На, глотни. — Шампунь протягивал ему бутылку. — Ты белый весь.

— Спасибо, сейчас пройдет.

— Чего, соскочить надуман?

Януш повернулся к приятелю:

— Откуда тебе все это известно?

Шампунь улыбнулся и надолго присосался к бутылке с вином.

— У меня связи, — наконец объявил он.

Януш схватил его за воротник и резко притянул к себе. Бутылка опрокинулась и покатилась по наклонной поверхности причала.

— Какие связи?

— Эй ты, отпусти! Просто я знаю одного мужика, и все! Клоди его зовут. Он раньше бомжевал, а потом бросил. Работу нашел.

— В полиции?

Шампунь высвободился и на четвереньках пополз за бутылкой, которая уже почти докатилась до темной воды, и успел подхватить ее в последний момент.

— Почти в полиции, — ответил он, вернувшись на прежнее место. — Он в морге вкалывает, в Ла-Тимоне. Грузит жмуров на катанки. Он мне все это и рассказал. Слышал, как легавые между собой трепались... Эй, ты чего?

Януш уже вскочил на ноги:

— Пошли отсюда.

* * *

Клоди внешне казался воплощением Существа.

Каменного великана из фильма «Фантастическая четверка».

Лысый, здоровенный, немногословный. Одетый в белый халат, он стоял во дворе морга и курил сигарету. Януш с Шампунем приблизились к нему не без опаски, ступая затаив дыхание. Им пришлось пересечь больничный двор, а затем вскарабкаться по лестнице на террасу, где располагалось здание Института судебной медицины. В небе снова сияло солнце, и они оба под своими многослойными одежками обливались потом.

Как ни удивительно, но обстановка вокруг напоминала японский

пейзаж. Плоское одноэтажное строение с дверями в форме пагоды служило фоном нескольким густо поросшим листвой деревцам, похожим на стебли бамбука. Где-то поблизости щебетали невидимые глазу птицы, усиливая впечатление дзен-буддистского спокойствия японского сада.

— Привет, Клоди!

— Чего тебе? — не слишком любезно отозвался тот.

— Вот, познакомься. Это Жанно. Он хочет задать тебе пару вопросов.

Клоди внимательно осмотрел Януша. Росту в этом человеке было за метр девяносто. Тлеющая сигарета в его руке казалась петардой, воткнутой в расщелину утеса. Из ноздрей, как из кратера вулкана, вырывался дым.

— Какие еще вопросы?

Януш шагнул вперед:

— Лучше спроси, сколько я могу тебе заплатить.

Каменное изваяние изобразило улыбку. Впрочем, ее вполне можно было принять за гримасу недоверия:

— Зависит от того, что ты хочешь у меня купить.

— Все, что тебе известно о трупе крылатого мужчины, найденном в каланке Сормью.

Клоди уставился на кончик своей сигареты. Степень недоверия удесятирилась.

— Тебе этот товар не по карману.

— Сто евро.

— Двести.

— Сто пятьдесят.

Януш порылся в кармане и вложил в лапу великана несколько бумажек. Он не собирался торговаться с ним до бесконечности. При виде денег у Шампуня глаза вылезли на лоб. Существо заграбастало денежки.

— Труп нашли в середине декабря в каланке Сормью.

— Когда конкретно?

— Дату можешь узнать в полиции.

— Как звали погибшего?

— Не по-нашему. Цветан как-то там еще. Видать, он из Восточной Европы. Парень лет двадцати. В Марселе болтался несколько последних месяцев. Легавые его установили по отпечаткам пальцев. У него уже были неприятности с законом.

Януша это удивило.

— Но ведь труп был сожжен?

— Не настолько, чтобы нельзя было снять отпечатки.

— Где именно обнаружили тело?

— В конце бухты. Прямо напротив острова Казерень.

— Что тебе известно о том, как это произошло?

— На него случайно наткнулась парочка пеших туристов. Труп был голый, обгорелый, на спине — крылья. В газетах писали, что парень утонул, а тело прибило к берегу прибоем. Чепуха! У мальчишки в легких не было ни капли воды.

— Ты присутствовал при вскрытии?

— Нет, это не моя работа. Но я слышал разговор судебного медика с полицейскими.

— Причина смерти?

— Точно не знаю. Вроде помер от передоза.

Еще одна ниточка, связывающая это дело с убийством в Бордо. Почерк убийцы. Икар. Минотавр. Может быть, во Франции совершались и другие преступления с мифологическим подтекстом?

— Почему тело пытались сжечь?

— Встретишь убийцу, у него и спрашивай.

— Расскажи про крылья.

Клоди зажег вторую сигарету от окурка первой. Его затылок украшали маорийские татуировки, похожие на горделивых величественных змей.

— Их сразу отправили в криминалистическую лабораторию. Я их и в глаза не видал.

— Шампунь говорил, что это были крылья от дельтаплана.

— Так и есть. В развернутом виде штука больше трех метров в ширину. Тот, кто его пристукнул, — псих. Крылья были пришиты прямо к телу. Детективы, когда приехали на место преступления, отрезали нитки.

Януш вообразил себе черный обугленный труп со смятыми и полуобгоревшими крыльями. Должно быть, пешие туристы при виде его отскочили как ошпаренные.

— Но это еще не все, — продолжило Существо. — Если я правильно расслышал, на крыльях нашли следы воска и перьев. Убийца постарался.

Дополнительный штрих к мифологической версии. Легенда об Икаре известна едва ли не шире, чем миф о Минотавре. Икар вместе со своим отцом Дедалом томился в плену у царя Крита Миноса. Замыслив побег, они соорудили себе из воска и перьев крылья. Но молодой и неразумный Икар взлетел на них слишком высоко. Воск от жара солнечных лучей растаял. Икар рухнул в море и утонул.

— А другие отпечатки на месте преступления нашли?

— Я рассказал тебе все, что знал. Так что твои бабки я уже отработал.

— Сколько ты хочешь за копию протокола вскрытия?

Клоди гоготнул и выпустил изо рта струю дыма, тотчас подхваченную ветром:

— За такое можно и работы лишиться.

— Сколько?

— Пятьсот евро. И никакого торга.

Януш извлек из кармана пачку купюр по пятьдесят евро. Отсчитал десять штук и пять из них протянул великану:

— Остальное когда получу документ. Жду тебя здесь.

Клоди без слов забрал деньги. Он уже жалел, что не запросил больше. Щелчком отбросив окурок, он развернулся и ушел.

— Бли-ин... — протянул ошеломленный Шампунь. — Где ты надыбал такую кучу бабла?

Януш ничего не ответил. Теперь, когда Шампунь узнал его секрет, положение становилось опасным. За прошедшие сутки он успел получить полное представление о нравах сообщества бомжей. Стоит ему проявить малейшую слабость, Шампунь, не задумываясь, прикончит его, чтобы завладеть деньгами.

Появился Клоди. Он шел, настороженно оглядываясь по сторонам. На стоянке было пусто. Слышался только шум ветра в ветвях деревьев да птичий щебет. Папку он спрятал под халатом. Януш отдал ему оставшиеся деньги и схватил документ — несколько скрепленных степлером листов.

— Я тебя никогда не видел, мужик, а ты — меня.

— Подожди.

Януш быстро пробежал глазами ксерокопии документов, покрытые черными пятнышками краски. Да, это было полное досье. Номер дела: K09 544 32 26. Имя жертвы: Цветан Соков. Имя следственного судьи: Паскаль Андре. Имя руководителя следственной группы: Жан-Люк Кронье. Подробное описание тела и имеющихся на нем повреждений.

— Спрячь быстро! — прошипел ему Клоди. — Ты что, хочешь, чтобы нас тут застукали?

Януш сунул папку под пальто.

— Приятно было познакомиться.

— У тебя еще бабки есть?

— А что? Хочешь еще что-нибудь продать?

Клоди улыбнулся. Пока он ксерил документы, ему на ум кое-что пришло. Кажется, у него и в самом деле есть дополнительный товар на продажу.

— Легавые тогда искали свидетеля. Вроде был один бомж, который все видел.

— Что значит — все видел?

— Все значит все. Убийство. Убийцу. Точно я не знаю. Знаю только, что они хотели его допросить.

Клоди не торопясь закурил еще одну сигарету. На его губах нарисовалась ухмылочка. Он понимал, что держит Януша на крючке.

— Штука в том, что парень рассказывал эту историю *до того*, как нашли труп. Приперся в комиссариат — в какой именно, я не знаю, — и начал плести всю эту хрень. Никто ему не поверил. На всякий случай записали его треп, и до свидания. А потом — на тебе, труп. Тут уж они сообразили, что к чему. Давай звонить Кронье — он вел следствие. Я сам слышал. В это время как раз вскрытие заканчивали.

Клоди не ошибся насчет ценности информации, о которой так кстати вспомнил.

— И сколько ты хочешь за имя этого парня?

— Пять сотен.

На сей раз Януш решил поторговаться. Вернее сказать, в нем сработал некий примитивный инстинкт, не позволявший поддаваться на каждое предложение без сопротивления. Переговоры не заняли много времени — Клоди почувствовал, что возможности Януша достигли потолка.

— Ладно, отдаю за двести.

Януш достал деньги. Каменные пальцы сомкнулись на пачечке банкнот.

— Мужика зовут Жестянка.

— Жестянка? — возмутился Шампунь. — Он тебя надул, Жанно! Все знают, что Жестянка — псих!

Клоди окинул Шампуня убийственным взглядом, что не произвело на того ни малейшего впечатления. От вида такого количества денег, переходивших из рук в руки, он впал в ярость:

— Жестянка работал на стройке в Марселе. У них там что-то взорвалось, и ему осколком засветило прямо в черепушку. У него эта железка до сих пор в мозгах сидит. Он теперь полный придурок, это тебе любой скажет. Мало ли что он кому наплетет? Если у него, считай, давно крышу снесло? Надул он тебя, говорю же, надул!

Проныра-великан замотал головой:

— А вот легавые так не думают! Они сравнили показания Жестянки и то, что нашли на месте убийства. И все совпало! Обгорелое тело, крылья — все! А он был в участке на день раньше, чем туристы наткнулись на труп.

— Ты сказал, его потом искали. Нашли?

— Без понятия.

Януш кивнул Клоди и направился к лестнице. Шампунь послушно топал за ним. Теперь, убедившись в его богатстве, он от него уж точно не отлипнет. Тем лучше. Поможет ему напасть на след Жестянки.

Но прежде чем броситься на розыски бомжа, Януш хотел восполнить некоторые пробелы в образовании. Касательно Минотавра, Икара и греческой мифологии.

* * *

Крупнейшая в Марселе библиотека располагалась на бульваре Бельзенс, в бывшем кабаре начала XX века «Алькасар», в перестроенном здании — его стеклянный фасад сверкал на солнце как зеркало. В память о прошлом реставраторы сохранили — или соорудили специально — маркизу из стекла и железа в стиле «прекрасной эпохи». Нависая над вполне современным подъездом, она совершенно выбивалась из ансамбля и выглядела дико.

Януш не помнил, откуда у него эти сведения, но тот факт, что память хотя бы в виде таких вот фрагментов возвращалась к нему, не мог его не радовать.

— А ты уверен, что они нас впустят?

— Не бойсь, — успокоил его Шампунь. — Библиотекарши нашего брата прям обожают. Они же все левые! И потом, зимой нас особенно жалеют. Холод — наш лучший друг!

Шампунь оказался прав на сто процентов. Их встретили с подчеркнутой любезностью. Лысому разрешили даже сложить свои вонючие сумки, правда, не в камере хранения, а в каморке для веников и моющих средств. У Януша нервы были на пределе. Путь убийцы до странности совпадал с его собственными передвижениями. Вопросы копились, а ответа ни на один из них он так пока и не нашел. Отсюда и родилось его желание нырнуть в Античность — приникнуть, так сказать, к живительному источнику и пройти обряд инициации.

Библиотека представляла собой насквозь пронизанную светом башню. В широкие окна лились солнечные лучи, отражаясь от белых стен, озаряя ажурные лестницы и застекленные лифты. Занимая несколько этажей, помещение наводило на мысли о знаменитой башне из слоновой кости.

Шампунь направился к свободному креслу, намереваясь вздремнуть в тепле.

— Ты идешь со мной, — обескуражил его Януш.

— Куда еще?

— Начнем с газет.

Януш приблизился к электронной информационной стойке и зашел в архив региональной прессы. Быстрый поиск выдал ему список статей, посвященных событию 17 декабря 2009 года, когда в каланке Сормью было найдено тело дельтапланериста. В довольно лаконичных заметках говорилось, что личность пострадавшего установить не удалось. Об обстоятельствах его гибели также ничего не сообщалось. Януш стал искать дальше. Но других статей в архиве не имелось.

Любопытно, каким таким чудесным способом майор Жан-Люк Кронье сумел замять дело? Во всяком случае, он вместе со своей группой получил возможность вести расследование в более или менее спокойной обстановке. Януш попытался расширить поиск, но и это не принесло никаких результатов. Он отключился от информационного ресурса.

В действительности он уже знал о происшествии в каланке Сормью гораздо больше, чем все журналисты юго-востока Франции, вместе взятые. По пути в библиотеку он в метро внимательно изучил отчет о вскрытии, полученный от Клоди. Документ не содержал никаких сенсационных открытий, но несколько существенных уточнений Януш из него почерпнул. В особенности его заинтересовало следующее: ровно через сутки после вскрытия по результатам токсикологического анализа тканей стало известно, что в крови Цветана Сокова обнаружена значительная доза героина. В точности как и в случае Филиппа Дюрюи.

Януш поднял глаза. Где здесь у них отдел мифологии? На каждом этаже вдоль стен вилась круговая галерея с табличками, на которых крупно, черным по белому, были обозначены тематические разделы.

— Нам на четвертый этаж, — сказал Януш, найдя указатель «Культура и цивилизация. IV».

Они поднимались по винтовой лестнице. Януш разглядывал публику. За большими столами, под светом настольных ламп, прилежно трудились студенты. Другие сидели с книжками в креслах, выстроившихся вдоль стен, или рылись в полках открытого доступа. Средний возраст посетителей библиотеки составлял примерно двадцать лет.

Здесь собралась молодежь всех оттенков кожи. Белые — с одной стороны учебник, с другой — мобильный телефон. Черные — эти выглядели особенно сосредоточенными и равнодушными к окружающему. Желтые — они больше кучковались, пихали друг друга локтем в бок и тихонько пересмеивались. Бородатые уроженцы стран Магриба в белых молитвенных камилавках — каждый погружен в чтение... Башня из

слоновой кости при ближайшем рассмотрении оказалась Вавилонской башней.

Януш чувствовал себя здесь на знакомой территории. Современная мебель, книги, атмосфера приобщения к знаниям — это был его мир. Он не сомневался, что в свое время провел в местах, подобных этому, долгие и долгие часы.

Четвертый этаж. Мифология 291.1. Античные религии 292.

Для начала он просто оглядел корешки и тут же понял, что знает, что ему нужно. «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского. Книга четвертая. «Метаморфозы» Овидия. Книги седьмая и восьмая. Следовательно, он уже занимался аналогичными изысканиями. Сердце кольнуло страхом. *Неужели он — убийца?*

Нет. Это знания из области общей культуры. По всей видимости, помимо медицинского он получил историческое или философское образование. Он понял, что может подробно изложить биографии обоих авторов. Диодор был греческим историком, жившим в I веке до новой эры в Римской империи. Овидий — древнеримский поэт, родившийся накануне наступления христианской эры и изгнанный из Рима за сочинение, озаглавленное «Искусство любви», которое сочли безнравственным.

Он взял с полки оба тома, прихватив заодно несколько исследований, посвященных их авторам. Поискал себе место, отметил, что Шампунь дремлет в укромном уголке, в самом конце прохода, и устроился в кресле подальше от столов. Вытащил блокнот и принялся листать страницы. Ему нужен был Минотавр.

Ничто не ново под луной. Януш выделил всего одну ранее неизвестную ему деталь. Над легендой о Минотавре витало нечто вроде проклятия, связанного с быками. Во-первых, сам царь Минос был сыном быка, поскольку Зевс, пленившись Европой и задумав ее соблазнить, принял облик именно этого животного. Во-вторых, супруга Миноса также прельстилась быком. В результате на свет появилось чудовище — полубык, получеловек. Следовательно, вся эта история началась не без участия своего рода животного гена.

Имело ли это обстоятельство какое-либо значение для убийцы? Януш отметил еще одну деталь. Между мифом о Минотавре и мифом об Икаре существовала связь. Икар приходился сыном Дедалу, который, в свою очередь, был не кем иным, как личным зодчим Миноса, поручившим ему строительство знаменитого лабиринта. Именно Дедал подсказал Ариадне уловку с путеводной нитью...

На самом деле история Икара и Дедала служила продолжением

истории Минотавра. Узнав о том, что его придворный зодчий приложил руку к бегству Тесея, разъяренный Минос запер его вместе с сыном Икаром в им же построенном лабиринте. Чтобы вырваться из темницы, отец с сыном и задумали соорудить себе крылья из воска и перьев...

Что за шифр скрывался за этими сказками? Почему убийца остановил свой выбор на них? Он не следовал хронологии, поскольку убил Икара раньше, чем Минотавра. Может быть, он совершил и другие убийства, внушенные другими легендами? Януш уже захлопнул блокнот, когда его вдруг осенило. Между обоими мифами существовала и еще одна общая черта. И в том и в другом случаях действующими лицами выступали отец и сын. Минос и Минотавр. Дедал и Икар. Могущественный и многоопытный отец. И жалкий либо звероподобный сын.

Неужели выбор мифов продиктован отцовско-сыновними взаимоотношениями? Но что за послание в нем заключено? С кем идентифицирует себя убийца? С сыном-монстром? Или, напротив, с потерявшим рассудок отцом, решившим отыгаться на суррогатных детях — жертвах убийств?

Януш посмотрел на висевшие в зале часы. Четыре дня. На улице начало смеркаться. Зачем он потратил так много драгоценного времени на изучение всех этих книжек? Лучше бы занялся другим неотложным делом — разыскал свидетеля с железякой в голове по кличке Жестянка.

Он вернул книги точно на то же место, откуда их брал, и направился к спящему Шампуню. Уже протянул руку, чтобы его растолкать, но вдруг передумал, развернулся и двинулся в закуток, где дежурили библиотекари. Две молоденькие женщины сидели там за компьютерами и о чем-то болтали.

Он скользнул за дверь и вежливо поздоровался. Они не отпрянули, не скривились от отвращения. Хорошее начало.

— Извините, пожалуйста...

— Я слушаю вас, — произнесла одна.

Вторая продолжила стучать по клавиатуре.

Януш махнул в сторону ряда полок под номером 292:

— Скажите, вы не замечали здесь кого-нибудь, кто регулярно наведывался бы в этот раздел библиотеки? Я имею в виду, в раздел книг по мифологии и античным религиям?

— Кроме вас, никого.

— Вы хотите сказать, сегодня?

— Нет. Перед Новым годом. Вы — мой единственный постоянный читатель.

Он поскреб подбородок. Щетина кололась как наждак.

— Извините... — повторил он тише. — У меня проблемы с памятью... Я... я часто приходил сюда?

— Каждый день.

— А когда именно?

— Начиная с середины декабря. Ну, что-то в этом роде. А потом вы вдруг исчезли. Но вот сейчас вернулись!

В голове понемногу начинала складываться цельная картина. Так или иначе, но в середине декабря Януш уже знал об убийстве Икара. Он приходил в библиотеку в поисках информации, читал соответствующий миф. Но делал это в рамках собственного расследования. Он охотился за убийцей. Затем, 22 декабря, местной бандой на него было совершено нападение. И тогда он покинул Марсель. И превратился в Матиаса Фрера.

Януш улыбнулся библиотекарше. На самом деле он улыбался самому себе. Он шел по своим собственным следам. Проживал свою жизнь наоборот, шиворот-навыворот.

* * *

У судьи Ле-Галя была очень большая голова.

Не в переносном, а в прямом, физическом смысле слова. Его череп отличался такой шириной, что уши размещались почти на ширине плеч. Чертами лица — приплюснутый нос, вывернутые губы — он напоминал обезьяну. Впечатление уродства усиливали очки с толстыми стеклами. Анаис чувствовала себя в полной безопасности — влюбиться в такого ей уж точно не грозило.

Последние полчаса она старательно излагала ему все обстоятельства дела Минотавра — прочитать ее отчет судья не удосужился. Говорила о связи между преступлением, совершенным на вокзале, и двойным убийством на пляже в Гетари. О том, каким образом в дело замешан скрывающийся от органов правопорядка Матиас Фрер — психиатр из Бордо, в 2009 году бывший бомжем в Марселе. О подозрениях в адрес двух одетых в черное мужчин, умеющих стрелять из винтовки «геката-2» и раскатывающих на внедорожнике модели Q7, якобы украденном у частного охранного агентства.

Судья слушал ее не перебивая. О том, какое впечатление на него произвел ее рассказ, сказать было затруднительно.

То ли он ничего не понимал, то ли не испытывал никакого желания

усложнять себе жизнь.

— Пока я могу сделать только один вывод, — наконец заговорил он. — Главный подозреваемый по делу...

— Свидетель.

— Хорошо, пусть свидетель. Но он в бегах, а вам так и не удалось напасть на его след.

— Его видели в Марселе. Я связывалась с тамошними коллегами. Его активно ищут. Никуда он от нас не денется.

Вообще-то это не вполне соответствовало тому, что ей сказали полицейские Марселя, но она предпочла не акцентировать внимание на трудностях. Ей хотелось во что бы то ни стало сохранить доверие судьи.

Он снял очки и потер себе веки.

— Почему он туда вернулся? Разве это не странно?

— Может быть, решил, что Марсель — последнее место, где его будут искать? Или у него есть свои причины...

— Какие причины?

Анаис ничего не ответила. Время излагать свои гипотезы еще не пришло.

— Что конкретно вы намерены предпринять? — Судья снова нацепил очки.

Анаис мысленно вытянулась по струнке:

— Я планирую отправиться в Марсель и принять участие в поисках главного свидетеля по делу.

— Вы полагаете, в этом есть смысл?

— Я разговаривала с руководителем следственной группы Жан-Люком Кронье. Он со мной согласен: моя помощь им не помешает. Я лично знакома с беглецом.

— Да, мне об этом докладывали.

Анаис сделала вид, что не поняла намека.

Затем собралась с духом и выпалила:

— Господин судья! Следствие в Бордо топчется на месте. Мы просмотрели все видеозаписи с камер наблюдения. Допросили всех бездомных, имевших возможность встречаться с жертвой, то есть Филиппом Дюрюи. Пытались разыскать его собаку. Установили, где он доставал для нее корм, где добывал себе одежду. Отследили цепочки, через которые он доставал наркотики. Мы частым гребнем прочесали вокзал, места сборищ бездомных, каждую городскую подворотню. Изучили состояние всех запасов имальгена — снотворного препарата для животных, которым воспользовался убийца, — в радиусе пятисот километров от

Бордо. И что мы получили? Ноль. У нас был косвенный свидетель, присутствовавший на месте преступления, — Патрик Бонфис. Но он был убит вместе со своей женой. Таковы результаты на настоящий момент. Свидетелей нет. Улик нет. Нет ни одного стоящего следа. Единственное, чем мы располагаем, — это отпечатки пальцев Матиаса Фрера, он же Виктор Януш, на рельсах в ремонтной яме. Моя группа может продолжать работать в Бордо, но я должна найти Фрера. А Фрер сейчас в Марселе.

Судья скрестил руки на груди. Он молчал. О чем он думал? Взгляд за толстыми стеклами очков оставался непроницаемым. Анаис умирала от жажды, но попросить стакан воды не осмелилась.

Только сейчас она осознала, что обстановка кабинета совершенно изменилась. Ле-Галь его полностью переоборудовал. Выбросил привычные картотечные шкафы, металлические столы и синтетическое ковровое покрытие. Заменял их стеллажами лакированного дерева и крытыми фетром стульями. На пол постелил настоящий шерстяной ковер. Воссоздал атмосферу нотариальной конторы начала прошлого века...

Еще поразительнее было то, что, несмотря на насморк, она учуяла запах тлеющих ароматических палочек. Может, судья не так прост, как кажется? Может, он тайный буддист? А во время отпуска совершает пешие восхождения на Гималаи?

Ле-Галь по-прежнему не произносил ни слова. Анаис поняла, что должна предпринять что-то еще. Не вставая, она положила локти на стол и самым проникновенным тоном сказала:

— Господин судья! Нам с вами ни к чему рассказывать друг другу сказки. Ставки в этой игре высоки как для меня, так и для вас. Мы с вами молоды. Все вокруг только и ждут, чтобы мы допустили оплошность. Положитесь на меня. С одной стороны, у нас имеется ритуальное убийство, совершенное ненормальным в Бордо. С другой — двойное убийство в Стране Басков. Единственная связь между двумя делами — Матиас Фрер, он же Виктор Януш. Именно я должна найти его, где бы он ни прятался. Отпустите меня в Марсель. Дайте мне ровно два дня!

Судья криво улыбнулся. Казалось, горячность Анаис его позабавила: надо же, ребячество какое. В сущности, каждый из них играл сейчас роль.

— Что конкретно вы намерены делать в Марселе? Или вы рассчитываете найти там что-нибудь еще, помимо Фрера?

Анаис встала и улыбнулась. Ей все-таки удалось углядеть за стеклами очков Ле-Галя светившийся в его глазах острый ум. Тот самый ум, благодаря которому он с блеском сдал все мыслимые экзамены и занимал сейчас это кресло.

— Я думаю, что Януш и из Марселя бежал. Он чего-то боялся. Кроме того, я убеждена, что он тоже идет по следу.

— По какому следу?

— Пока не знаю. Возможно, по следу убийцы.

— Я вас не понимаю. Он убийца или сыщик?

— Обе гипотезы вероятны.

— Вы что, слышали о другом убийстве? Думаете, мы имеем дело с маньяком?

Анаис замахала обеими руками: она терпеть не могла это слово. И считала, что делать подобные выводы слишком рано.

— Вы проверяли по базе данных преступников с психическими отклонениями? — не отставал судья.

— Разумеется. И в Форт Рони звонила. Безрезультатно. Но это настолько тесно связано с критериями квалификации преступлений...

— Знаю. Но все же на чем основаны ваши предположения?

Она могла выдать ему целый букет трескучих фраз. Но предпочла голую истину:

— На интуиции.

Судья несколько долгих секунд в упор смотрел на нее. Скромный нотариус исчез — перед ней сидел загадочный будда с непроницаемым лицом. Наконец он испустил глубокий вздох и приподнял кожаный бювар. Под ним лежал белый листок. Анаис обратила внимание на необычное качество плотной глянцевитой бумаги. От листка веяло стариной. На такой бумаге присылали приглашения на бал. Или отказ в помиловании.

— Что это?

— Я освобождаю вас, капитан.

У нее дернулась челюсть.

— Вы... вы меня отстраняете?

— Ос-во-бож-да-ю, — произнес он по слогам. — Вы понимаете человеческую речь? Я направляю вас в Марсель. Статья восемнадцатая Уголовного кодекса, пункт четвертый. Следственный судья имеет право направить следователя, работающего по делу, в любую точку Франции, если это служит «установлению истины».

Она нутром чуяла какой-то подвох. Слишком уж все *просто*.

— А моя группа? Она будет продолжать расследование в Бордо?

— Скажем так: она будет помогать новому руководителю группы.

Вот оно что. Судья выслушал ее, но все было решено заранее. Наверняка Деверса еще вчера был в курсе дела. Она могла бы сейчас кричать, негодовать. Уйти, хлопнув дверью. Но, если честно, ей было все

равно. Ее отпускают в Марсель. А это — главное.

— Кто назначен новым руководителем группы?

— Морисе. Очень опытный офицер.

Анаис не сдержала улыбки. В Главном полицейском управлении Морисе прозвали «могильщиком» — он всегда стремился попасть работать на участки, расположенные поближе к кладбищам. Тридцать лет беспорочной службы, нацеленной на получение премиальных, положенных комиссару полиции за констатацию смерти. Да уж, Морисе — явно не тот шустрый и изобретательный сыщик, которому под силу поймать наделенного высоким интеллектом преступника.

Ле-Галь подтолкнул к ней листок. Она протянула за ним руку, но он, словно передумав, накрыл листок своей ладонью.

— Что вы можете сказать об убийцах, орудовавших в Стране Басков? Об этих самых людях в черном?

У Анаис оставался единственный след, информацией о котором она не поделилась с судьей. «Метис» — химико-фармацевтический холдинг, возможно связанный с убийством рыбака и его подруги.

— Пока ничего, — солгала она. — Вернее, только одно. Дело может оказаться гораздо шире, чем представлялось поначалу.

— В каком смысле шире?

— Об этом рано говорить, господин судья.

Он убрал руку с листка. Она взяла его и прочитала. Это было подтверждение ее полномочий на проведение расследования на всей юго-восточной территории Франции. Анаис спрятала листок в карман. Запах ладана придавал всему происходящему некий религиозный смысл.

— Два дня, — заключил Ле-Галь, поднимаясь из-за стола. — Считая с завтрашнего дня, пятницы. В понедельник вы приведете сюда, в этот кабинет, Матиаса Фрера — в наручниках и с подписанными показаниями. Иначе вам лучше не возвращаться.

* * *

— Надул он тебя! Я тебе сразу сказал: он тебя надул!

На протяжении последних двух часов Шампунь без конца твердил одно и то же. Все эти два часа они безуспешно прочесывали Марсель в поисках Жестянки.

— Да он помер давно, Жестянка твой! Никто его с декабря и в глаза не видал. Как пить дать, Клоди сам грузил его трупешник в морге, вот и

набрехал, чтобы из тебя бабло вытрясти. Ты купил показания жмурика!

Януш шагал молча. Он и сам склонялся к тому же выводу, что сделал Шампунь, но не желал расставаться с надеждой. Иначе ему оставалось одно — лечь на тротуар и ждать, когда его арестуют. Жестянка был его последним шансом узнать правду.

Они вернулись к клубу «Перно» — впустую. Сделали крюк, заглянув на площадь Виктора Желю, — с тем же успехом. Никто давным-давно не видел Жестянку. Януш с Шампунем прошли по Канебьер и задержались возле реформистской церкви. Безрезультатно. Дотопали до театра «Жимназ», но лишь для того, чтобы стать свидетелями очередной потасовки между побирушками. И поскорее убрались прочь, пока и им не влетело.

Теперь они двигались в сторону дневного приюта Марсо, чтобы порасспрашивать его посетителей, а заодно выпить по чашке горячего кофе. На город спускались сумерки, промокашкой впитывая в себя дневной свет. Чем быстрее темнело, тем неудержимее росла в нем волна страха. Заслышав вдалеке завывание полицейской сирены, он вздрагивал всем телом. В каждом случайно брошенном на него взгляде ему чудилась угроза, и он спешил ниже опустить голову. Полиция. Убийцы. Бандиты из Бугенвиля. Все эти люди ищут его. Кому из них повезет первому?

Наконец они миновали Триумфальную арку д'Экс и ступили под гостеприимные своды приюта Марсо. Социальные работники организовали для бомжей вечеринку с караоке. При виде оборванцев, оравших песни, разевая беззубые рты, Януш инстинктивно отступил к дверям.

— Иди ты, — сказал он Шампуню. — Я тебя на улице подожду.

Он дрожал крупной дрожью, хотя после двух часов быстрой ходьбы обильно вспотел. Укрывшись под аркой, ведущей ко входу в приют, он решил еще раз перечитать отчет о вскрытии.

Но тут его внимание привлек негромкий шум. В нескольких метрах от него на земле сидел мужчина — в темноте он не сразу его заметил. Януш прищурился и разглядел сидящего. Тот был одет в драный свитер и замызганные пижамные брюки. Рядом с ним стояли два пластиковых пакета. Лицо мужчины белело в сумерках, напоминая маску Пьеро. Только это был странный Пьеро — с подбитым глазом и огромным синяком на опухшей щеке.

— Приступаем к трансформации, — еле ворочая языком, пробормотал он.

И поднес к губам бутылку из серого пластика. Стеклоочиститель, поразился Януш, но тут же отогнал эту дикую мысль. Наверняка в бутылки

дешевое вино неизвестного ему сорта.

— Трансформируемся, мужик.

— Во что? — автоматически спросил Януш.

— Этот город насквозь прогнил, — продолжал тот, не слыша вопроса. — Он болен проказой... Каждый, кто здесь живет, заражен его грязью и вонью. Ты и сам не замечаешь, как превращаешься в асфальт, выхлопной газ и резину для покрышек...

Спорить против этого бреда Януш не собирался — не было сил. Напротив, от усталости он утратил всякую способность к сопротивлению. Бомж вдруг предстал перед ним кем-то вроде оракула. Тиресия каменных джунглей. Януш посмотрел на свои руки. Его кожа на глазах приобретала грязно-серый гудронный оттенок. Из рта вырывались облачка двуокиси азота...

— Здорово, Диду.

На пороге приюта стоял Шампунь. Его приветствие повисло в воздухе — Диду намертво присосался к бутылке.

— Ты его знаешь? — спросил Януш.

— Кто же не знает Диду? Корчит из себя пророка. — Шампунь понизил голос. — Псих натуральный. У нас его боятся. Попробуй скажи, что он гонит пургу, — он тебе живо накидает.

Януш вознес мысленную благодарность Шампуню, своим появлением развеявшему морок. Про странного типа в пижамных штанах он уже забыл.

— Новости есть?

— Ни фиги. Сгинул Жестянка — был, да весь вышел. Жрать хочется...

Шампунь слегка разругался. В приюте он явно пил не только кофе. Януш тоже умирал от голода, но о том, чтобы сунуться в бесплатную столовку, не могло идти и речи.

Словно прочитав его мысли, Шампунь объявил:

— Сегодня ужинаем в ресторане.

— В настоящем?

— Ну, почти!

Через десять минут они уже стояли на заднем дворе забегаловки, торговавшей фастфудом. Воняло прогорклым жиром. Шампунь первым сунул голову в контейнеры с отбросами.

Януша мучило. Тупичок напомнил ему внутренний двор дома, где вчера утром он обливался дешевым вином. Ему казалось, что со дня этого жуткого боевого крещения миновала вечность.

Шампунь появился с грудой объедков в пищевой пленке.

— Кушать подано! — со смехом провозгласил он.

И принялся кидать Янушу добытые сокровища, перечисляя:

— Помидорчики! Хлебушек! Сырок! Ветчинка!

Януш принимал подачку, раздираемый голодом и отвращением.

— Только экологически чистые продукты! — победно заключил Шампунь.

Разорвав обертку на куске подтаявшего быстрозамороженного хлеба, Януш вонзился в него зубами. Желудок отозвался благодарным урчанием. Януш раздирал остальные обертки и жадно пожирал ветчину, сыр, маринованные огурцы... С каждым проглоченным куском его передергивало от сознания глубины собственного падения. Два взрослых человека сидят на корточках и грязными пальцами с урчанием едят то, от чего отказались другие. Крысы, борющиеся за выживание в городском лабиринте.

— Кока-колы?

Шампунь протягивал ему пластиковый стакан со сломанной соломинкой. Януш схватил его и выпил залпом. В его жилы возвращалась жизнь. В мускулы — сила.

— Где сегодня ночуем? — задал он жизненно важный вопрос.

— Тут надо подумать... В ночлежку нельзя. Там легавые кишмя кишат. Да еще эта банда из Бугенвиля...

Его тронула забота Шампуня — если только он не вынашивал план во сне перерезать ему горло.

— Найдем местечко на природе. Я такие знаю. Правда, сейчас февраль... Социальщики по всему городу так и шныряют. Ну и полиция тоже. Не хотят, чтобы народ на улице ночевал. Если кто-то из наших даст дуба, им живо накостыляют.

Перспектива ночевки под открытым небом пугала Януша. Он боялся нападения местных бандосов.

— А в каком районе эти гады из Бугенвиля на меня напали, ты не помнишь?

— Вроде как в Ла-Жольет. Возле доков.

— А я что там забыл?

— Мне-то почему знать? Ты тогда все больше в «Эммаусе» тусовался.

«Эммаус». Януш сообразил, что до сих пор не расспросил тех, кто должен был знать его лучше всего. Но сейчас уже слишком поздно. Его фотографии наверняка разослали по всем благотворительным обществам. Тут его осенила новая идея. Он порылся в карманах и нашел визитку, полученную от мужчины в поезде, проходившем через Биарриц.

Даниель Ле-Гуэн
компаньон «Эммауса»
06 1735 44 20

— Тут где-нибудь есть телефон-автомат?

* * *

Днем площадь напоминала африканский базар. Но в этот час здесь царила тишина. Уличные торговцы исчезли вместе со своими палатками. На витринах магазинчиков красовались железные шторы. Землю усеивали птичьи перья, апельсиновая кожура, смятые бумажки в пятнах жира. В воздухе ощутимо веяло помойкой. Почти невидимые в темноте, мимо тихо скользили призрачные фигуры — женщины в чадрах, мужчины в куртках с надвинутыми на лоб капюшонами...

— Шевелись давай! — прикрикнул на Януша Шампунь. — Мистраль поднимается.

Телефонная будка примостилась возле Триумфальной арки в центре площади, скрытая парковыми соснами: идеальный вариант. Шампунь вручил Янушу телефонную карту в обмен на купюру в десять евро.

— Пойду пополнить запасы, — объяснил лысый бомж, направляясь к еще открытой арабской лавчонке.

Януш закрылся в будке и набрал номер Ле-Гуэна. Лишь оказавшись в укрытии, он понял, под каким ветром стоял на улице. Сосны по соседству жалобно стонали. Стекла в кабине дребезжали. В щели врывалась леденящая сырость.

— Алло!

— Даниель Ле-Гуэн? Это Виктор Януш. Вы меня помните?

— Конечно. Мы же виделись два дня назад в поезде из Биаррица.

— Я хотел перед вами извиниться. За свое тогдашнее поведение. Я... У меня проблемы с памятью.

— Есть вещи, о которых лучше забыть.

Януш решил сменить тон. В чем, в чем, а в сострадании он не нуждался.

— Напротив, я хочу все вспомнить. Мы с вами познакомились в общежитии «Эммауса» в Марселе, верно?

— В общежитии «Красная вершина».

— Когда именно я там появился?

— Ты приехал в конце октября.

— Я уже знал Марсель?

— Нет. Ты вообще выглядел... несколько не в себе.

Януш повысил голос:

— Откуда я приехал?

— Этого ты нам не сказал.

— Как я себя вел?

Теперь ему приходилось кричать, заглушая рев ветра.

— Ты пробыл у нас два месяца. Работал на сортировке вещей и в магазине. Спал в общежитии. Производил впечатление серьезного и немногословного человека. Вне всякого сомнения, образованного, хотя не чурался никакой работы. Поначалу ты вообще ничего о себе не помнил. Но постепенно память к тебе вернулась. Вернее сказать, ты мысленно воссоздал собственную личность. Вспомнил свое имя. Виктор Януш. Но о своем прошлом не распространялся. Почему и каким образом приехал в Марсель, тоже не объяснял.

— Со мной были какие-нибудь проблемы?

— И да и нет. В середине декабря ты начал подолгу пропадать. На целые дни. А иногда и ночевать не приходил.

— Я пил?

— Ну, трезвым ты редко возвращался.

Януш подумал об убийстве Цветана Сокова. Оно произошло в середине декабря.

— Вы знаете, где именно я пропадал?

— Нет.

— А что я сказал, когда собрался уйти из общежития?

— Ничего. Случилась эта драка в конце декабря. Мы искали тебя в полиции, в жандармерии. А через два дня ты вообще как в воду канул.

— Я что-нибудь рассказывал об этой драке?

— Нет. Ни полицейским, ни нам. Молчал как могила.

Ле-Гуэн выразился яснее ясного. У Януша резко заболела голова. Вспыхнула привычная боль за левой глазницей. Ветер снаружи бесновался, словно хотел снести телефонную будку.

— Чем конкретно я занимался в «Эммаусе»?

— Да я уж точно не помню. Ближе к концу оформлял нашу витрину. Работал в ателье по починке одежды. Но наотрез отказался иметь дело с дисками и книгами. Никакого искусства — это ты сам заявил.

— Почему?

— Мне кажется... По-моему, у тебя были с этим связаны какие-то

неприятные воспоминания.

— Неприятные?

— Возможно, раньше ты был художником. Ну, это мое личное мнение.

Януш закрыл глаза. Каждое услышанное слово отзывалось в голове новым взрывом боли. Он чувствовал, что почти приблизился к тому, кем он был *до того*, как стать Янушем. Но почему-то это приближение приносило ему муку.

— Художником... В каком смысле?

— В смысле, писал картины.

— Почему вы так думаете?

— Из-за твоей аллергии. Ты как от огня бежал от любой картины, от любого альбома. Но я заметил, что в искусстве ты разбираешься. Пару раз ты употребил особые выражения — чисто профессиональные, причем автоматически.

Информация заливала мозг мутной мазутной лужей. Ничего конкретного, только подспудный страх, душивший его и не дававший связно мыслить...

— Как-то раз, — продолжил его собеседник, — один из наших сотрудников сидел и листал иллюстрированный альбом по искусству. Ты увидел его и побелел как полотно. А потом ткнул пальцем в одну репродукцию и сквозь зубы прошипел: «Больше ни за что». Этот случай я хорошо запомнил.

— А вы не помните, что это была за картина?

— Автопортрет Курбе.

— Если я и в самом деле был художником... Вы не пытались выяснить, существуют ли работы, подписанные именем Януша?

— Нет, не пытался. Во-первых, некогда. Во-вторых, я подозревал, что эти картины, даже если они существуют, подписаны другим именем.

Будка качалась под свирепыми порывами ветра. Стекла выбивали мелкую дрожь.

Вдруг Януш понял: *Ле-Гуэн знает*.

— До того как стать Янушем, — подтвердил тот его догадку, — ты был другим человеком. Точно так же, как, перестав быть Янушем, ты превратился в Матиаса Фрера.

— Откуда вам известно это имя?

— Ты назвал мне его в поезде.

— И вы его запомнили?

— Попробовал бы я его забыть! Я только что из Бордо. Там по всем местным каналам день и ночь передают твою фотографию и фамилию.

— Вы... вы собираетесь меня выдать?

— Я даже не знаю, где ты находишься.

— Вы же знали меня прежде! — застонал Януш. — Неужели вы верите, что я в чем-то виноват? Что я способен убить человека?

Ле-Гуэн ответил не сразу. Его спокойствие по сравнению с паникой, охватившей Януша, казалось невероятным.

— Ничего не могу тебе сказать, Виктор. И потом, кого я должен подозревать? Художника, которым ты был до приезда в Марсель? Молчаливого нищего, с которым я познакомился в «Красной вершине»? Психиатра, которого встретил в поезде? Единственное, что ты должен сделать, — это пойти в полицию. Тебе надо лечиться. Врачи помогут тебе разобраться со всеми твоими многочисленными личинами. Вернуться к себе настоящему. Ведь только это имеет значение. Один ты не справишься.

Януш почувствовал приступ гнева. Ле-Гуэн был прав. Но он не нуждался в его правоте! Он уже открыл рот, чтобы дать ему отповедь, когда стена будки задрожала от удара. К стеклу прижималось лицо Шампуня.

— Быстрее! Мистраль пришел! Если не найдем где спрятаться, окоем к чертовой матери!

* * *

— Это майор Мартено. Вам сейчас удобно разговаривать?

— Никаких проблем. Я на пути в Марсель.

Анаис сидела за рулем «гольфа», прижимая к уху трубку мобильного телефона. Было около восьми часов вечера. Она неслась по автостраде в сторону Тулузы. На скорости 220 километров в час. Наплевав на радары. Наплевав на жандармов. Наплевав на Ле-Галя, Деверса и всю их поганую клику.

— Я наконец-то получил результаты вскрытия.

Патрик Бонфис и Сильви Робен были убиты 16 февраля, в 10 часов утра. Сегодня было 18-е. Почти восемь вечера.

— И года не прошло, — хмыкнула она.

— Возникли определенные трудности.

— Да ну?

Мартено молчал. Анаис поняла, что ведет себя по-детски. Офицер полиции вообще не обязан был ей звонить. Особенно теперь, когда руководство расследованием официально перешло к Морисе.

— Так что же выяснилось? — уже более спокойным тоном спросила

она.

— Патологоанатом подтвердил все то, о чем мы и так догадывались. Патрик Бонфис и Сильви Робен убиты пулями калибра двенадцать и семь десятых. Стреляли из винтовки «геката-2».

— Мы можем установить оружие?

Снова молчание. Когда майор заговорил, чувствовалось, как тщательно он подбирает каждое слово.

— Нет. По мнению экспертов, единственный вывод заключается в том, что владение оружием подобного рода требует известных навыков. Винтовки «геката» зарегистрированы во Франции. Однако в данном конкретном случае речь может идти об оружии, приобретенном незаконным путем.

— Раны, ставшие причиной смерти?

— Почерк профессионала. И Патрик Бонфис, и Сильви Робен получили каждый по три пули. Одну — в голову, одну — в сердце, одну — в область грудной клетки. Я навел справки. Даже в армии найдется немного снайперов, способных на такую точность стрельбы. С учетом расстояния.

— Это существенно сужает круг подозреваемых, не так ли?

Мартено не спешил с ответом. У военных не принято полоскать свое грязное белье на людях. Поэтому и отчет о вскрытии поступил с таким опозданием. Нетрудно предположить, что вначале его с лупой в руках изучил целый батальон самых квалифицированных экспертов. Затем наверняка назначили специальную комиссию, поручив ей провести повторное вскрытие, обращая особое внимание на угол стрельбы и подробнейший анализ гильз...

Анаис не отрывала взгляда от ленты шоссе. Тьму перед ней разрывали четыре пучка света, исходившего от фар ее автомобиля. Дрожащие белые полосы, словно помогавшие ей красть дорогу у ночи.

— Какие дополнительные выводы позволяет сделать отчет о вскрытии жертв?

— Кое-какие позволяет.

Она задала этот вопрос для проформы, не рассчитывая на содержательный ответ. Но теперь ждала его, однако Мартено молчал.

— Так что там такое?

— На теле Патрика Бонфиса обнаружена странная рана. Убийцы изуродовали лицо трупа.

Анаис попыталась мысленно воспроизвести последовательность событий. Снайпер уложил на месте Патрика Бонфиса и его подругу, но промахнулся, стреляя в Матиаса Фрера, и вместе с сообщником бросился

его преследовать. В это время на пляже появились рыбаки, обнаружившие тела погибших. Из чего вытекает, что у убийц просто не было возможности вернуться к убитым и изуродовать лицо Патрика.

Она чуть изменила тактику:

— Когда мы виделись в Гетари, вы ничего мне про это не сказали.

— Тогда я и сам этого не знал.

— Разве вы не видели тел в морге?

— Видел, конечно.

— И не заметили, что с лицом что-то не так?

— Не заметил. По той простой причине, что с лицом все было *так*.
Этой раны еще не было.

— Я вас не понимаю.

— Рана была нанесена *после* поступления тела в морг. Вечером шестнадцатого февраля. Когда мы с вами встречались, я об этом еще не знал.

Анаис сосредоточила внимание на дороге. Если ее догадки верны, то это... Нет, не может быть. Это чистое безумие.

— Вы хотите сказать, что вечером кто-то проник в Институт судебной медицины и изуродовал лицо трупа?

— Именно это я и сказал.

— Где расположен институт?

— В Рангее, близ Тулузы.

— Каков характер раны?

— Убийца вскрыл нос Бонфиса в продольном направлении и извлек носовую кость, а также четырехугольный хрящ носовой перегородки и хрящ крыла носа. То есть те твердые ткани, которые образуют форму носа.

Анаис не отрывала ноги от педали газа. Скорость помогала ей оставаться предельно сосредоточенной. В горле пересохло. Глаза горели. Но мозг действовал на все сто. Промедление с составлением отчета о вскрытии не имело ничего общего с проведением повторной экспертизы, осуществленной военными.

— Почему вы решили, что это дело рук того же убийцы?

— Кого же еще?

— Зачем они пошли на такой риск? Зачем им эти кости?

— Не знаю. На мой взгляд, это охотники. Они вернулись за трофеями.

— За трофеями?

— Во время Второй мировой американские солдаты отрезали у убитых японцев уши и вырывали зубы. А из бедренных и берцовых костей мастерили ножики для разрезания бумаги.

Майор проговорил все это быстро. Складывалось впечатление, что он одновременно напуган и восхищен дерзостью преступников.

— В котором часу произошло это... э-э... вмешательство?

— Около восьми вечера. Тела увезли из клиники Байонны ровно в пять. Значит, их только что доставили в Рангей. Судя по всему, морг у них никем не охраняется.

Анаис силилась, но не могла поверить, чтобы люди, способные поразить мишень с расстояния в полкилометра, даже больше, то есть настоящие профессионалы, пошли бы на подобный риск ради пары косточек. Трофеи? Как бы не так!

— Кому было известно, что тела переправляют в морг в Рангее?

— Всем. Там расположен единственный в области Институт судебной медицины.

— В котором часу предполагалось начать вскрытие?

— Сразу после доставки тел. Не представляю, как злоумышленникам удалось проникнуть туда незамеченными.

— Какими инструментами они воспользовались?

— По мнению патологоанатома, охотничьим ножом. С зазубренным стальным лезвием.

— Вы допросили персонал?

Мартено разозлился:

— А чем, по-вашему, мы занимаемся последние три дня? Мы весь морг прочесали частым гребнем. Обнаружили массу органических микрочастиц, но для подобного места их присутствие неудивительно. Мы проделали все анализы, досконально изучили каждый образец. Ни одного постороннего отпечатка. Ни одного волоска, не принадлежащего трупу или кому-нибудь из сотрудников. Эти люди — призраки.

— А почему вы решили позвонить мне?

— Потому что я вам доверяю.

— А ваше начальство в курсе того, что вы мне звоните?

— Нет. Ни мое непосредственное начальство, ни судья из Байонны. Об этом не знает даже следственный судья, назначенный по делу об убийстве Филиппа Дюрюи.

— Ле-Галь? Он с вами связывался?

— Сегодня днем. Но Морисе я пока не звонил.

Анаис улыбнулась. У нее появился союзник.

— Спасибо.

— Не за что. Давайте договоримся: тот, кто узнает что-то новое, звонит другому. И наоборот.

— Идет.

Она нажала отбой. Перед глазами все так же бежали световые полосы. Рванные, дрожащие. Они производили на нее гипнотический эффект. Словно ей показывали стереоскопический фильм, составленный из беспорядочных, случайным образом смонтированных между собой кадров. Но в этой мешанине образов все время мелькала одна и та же картина. Одна и та же декорация. Бойня. Расчлененные тела и лужи крови на белом кафельном полу.

На этой бойне убивали людей.

* * *

Януш с Шампунем двигались к юго-западу, лицом к ветру. Лысый сказал, что знает за доками, между собором Мажор и кварталом Панье, одну стройку, где они найдут себе убежище на ночь. Но прежде он хотел забрать свои сумки, спрятанные в садовом контейнере неподалеку от богадельни Вьей-Шарите.

— У меня там все найдется — и перина, и одеяло! Устрою тебя по-царски!

Януш шагал за ним на автопилоте. Разговор с Ле-Гуэном стал для него последней каплей. Итак, до того как стать психиатром и нищим, он был художником, во всяком случае, имел какое-то отношение к искусству. Новая информация не только не продвинула его вперед — она погрузила его в хаос, лишенный центра притяжения.

— Далеко еще?

— Почти пришли.

У Януша осталось всего одно желание: заснуть и больше не просыпаться. Найдут одетый в лохмотья труп и похоронят в безымянной могиле. Одной из многих, на которых значатся всякие Крутые Пацаны, Старые Хрычи или Киборги.

Януш огляделся. Пейзаж вокруг неузнаваемо изменился. Исчезли широкие проспекты, вдоль которых они таскались днем. Теперь они шагали лабиринтом узких улочек, наводивших на мысли о городах Южной Италии — Неаполе, Бари, Палермо...

— Где мы?

— В Панье, браток.

Появилась табличка с надписью: «Улица Раскаявшихся Грешниц». Мелькнула лавчонка под вывеской «Сделай жизнь прекрасней». Януш

вспомнил про сериал, собиравший у телевизора всех пациентов его отделения. Похоже, его действие разворачивалось как раз в этом квартале.

Несмотря на усталость, холод и страх, Януш почувствовал некоторое облегчение. Здесь царила атмосфера домашнего дружелюбия. На окнах сушилось белье. Светились во тьме фонари, словно далекие звезды. На стенах висели коробки кондиционеров, придавая фасадам южный, почти тропический вид.

Они пересекали площади, карабкались по горбатым улочкам, устремлялись в каменные коридоры...

— Пришли!

Шампунь указал на сквер. Быстро перелез через ограду и нырнул в кусты, за которыми притаились два зеленых контейнера, в которые садовники собирали опавшие листья и сухие ветки. Из контейнеров он извлек две большие картонные коробки.

— А вот и твоя постель, Жанно! Почти пуховая перина!

Шампунь сунул коробки ему под мышки. Они пошли назад, спускаясь по крутым, словно лестницы, улицам. Мистраль выдул из города прохожих. Бульвар Дам. Бульвар Шумана. Наконец они выбрались на шоссе, бегущее вдоль побережья. Дальше — только доки, а за ними — море. Но между доками и морем обнаружился длинный и глубокий котлован стройки под открытым небом, протянувшейся на несколько километров.

Они пошли вдоль котлована. Шампунь выкинул бутылку, которую успел опустошить на ходу, и разразился гневной тирадой, направленной против стихии.

— Мистраль — наш враг, — разорялся он, перекрикивая порывы ветра. — От него не спрячешься. Прилетает к нам из долины Роны. Это ветер-убийца. Свистит тебе в рожу сутки напролет. Задувает под кожу. Пробирает до костей. Хочет добраться прям до сердца. И если доберется — все, тебе каюк. Как только в Марселе задувает мистраль, сразу холодает на два, а то и на три градуса. Да с моря сыростью тянет... Утром, чтобы вылезти из-под картона, прыгаешь, как карп на сковородке! А если ночью дождь пойдет, то уже и не проснешься. Вот так-то!

Вдруг Шампунь остановился. Януш опустил глаза и увидел, что его ждет. В глубине строительного котлована шевелились какие-то бесформенные фигуры, напоминая рябь на поверхности гигантского водоема. Януш пригляделся получше. Люди перетаскивали с места на место спальные мешки, картонные коробки и куски пленки. Другие сидели, сгрудившись возле костерков. Из ямы доносились смешки, ругательства, бессвязные вопли.

Они уже собирались начать спуск, когда Шампунь резко дернул его за руку:

— Прячься!

Подъехала машина социальной службы. Януш с товарищем бегом бросились к строительному вагончику, за которым и укрылись. Двое мужчин в комбинезонах уже спускались в котлован, надеясь убедить самых упертых из бомжей, что жизнь лучше смерти. Они угощали их сигаретами, шутили и заигрывали...

— Сволочи, — шепотом ругнулся Шампунь. — Хотят, чтобы все ночевали в тепле. Боятся, что за сосульки им шею намылят.

— Какие сосульки?

— Да такие! Вот помрешь во сне от холода, тоже станешь сосулькой!

Януш сейчас готов был что угодно отдать, лишь бы очутиться в тепле. Лечь в постель, забыться сном...

— Сваливаем, — так же тихо пробормотал его спутник. — Ничего, я еще одно местечко знаю...

Они снова пошли вверх по улице, старательно избегая освещенных фонарями участков. Януш автоматически переставлял ноги, бессмысленным взором глядя перед собой. Тело отказывалось двигаться. Ныли руки и ноги. Шампунь знал не просто другое местечко. Он знал в городе все подобные местечки. Под мостами. В воротах дворов. На вентиляционных решетках подземных автостоянок. Он знал каждый вонючий угол. Каждый закоулок каменных джунглей.

Но все эти места были уже заняты. Каждый раз они обнаруживали плотно, муха не проскочит, прижатые друг к другу тела, накрытые рваными пуховиками и дырявыми одеялами.

Каждый за себя. И ветер — против всех.

Наконец они добрались до какого-то рва, по дну которого проходила огромная отводная труба. Хлюпая по жидкой грязи и каждую секунду опасаясь услышать звук мотора приближающейся машины, они, согнувшись, устремились внутрь трубы. Здесь уже пряталось несколько десятков человек. Сидеть им приходилось, задрав ноги на противоположную стенку.

— Для вен полезно! — хохотнул Шампунь.

Они полезли через тела. Януш, чтобы не упасть, схватился за стенку трубы — и тут же отдернул руку, обожженную ледяным прикосновением бетона. Тошнотворно воняло мочой и тухлятиной. Януш продвигался вперед, стучаясь головой, спотыкаясь, задевая сидящих, которые отвечали ему приглушенными ругательствами. Не враги и не товарищи по

несчастью. Просто крысы, борющиеся за выживание.

Они нашли себе местечко. Шампунь впихнул в узкое пространство свои смрадные сумки. Януш развернул картонки. Интересно, подумал он, в какой момент его лысый друг попытается его прикончить. Накрылся картонками, внушая себе, что он лежит на простынях и под одеялом. По привычке взял нож и, не выпуская из руки, сунул под картонку, служившую ему подушкой.

Как и накануне, он дал себе слово, что будет спать вполглаза. И, как накануне, почувствовал, что сон накрывает его волной. Он пытался сопротивляться. Стал думать о расследовании, которое вел. Жестянка... Этот след оказался тупиковым. Что еще он может предпринять?

Полиция Марсея вела свое расследование. По сравнению с коллегами из Бордо у них было больше материала. Остов дельтаплана. Воск. Перья. Убийца должен был где-то все это достать. В магазин за такими вещами не пойдешь. Кронье, или как его там, и его группа наверняка изучили происхождение каждого из этих предметов. Удалось ли им нащупать хоть что-то конкретное?

У него зрел новый самоубийственный замысел. Надо раздобыть папку с делом. Срочно, завтра с утра. Он попытался разработать план действий, но небытие навалилось на него, отключив сознание. Когда он снова открыл глаза, оказалось, что он тычет ножом в темноту.

— Эй, ты чего?

Над ним склонился Шампунь. Значит, он сквозь сон почувствовал, что тот опасно приблизился к нему. Остальное довершил рефлекс.

— Ты что, рехнулся? — заорал его приятель. — У нас тут наводнение!

Януш приподнялся на локте. Он наполовину вымок. Рядом в луже плавали его картонки. Сверху лило. Под ногами чавкало. Клошары торопливо собирали свое имущество.

— Шевелись! — приказал лысый, вытаскивая сумки. — Если останемся здесь, точно околеем!

Вода прибывала на глазах. Китайскими тенями скользили силуэты бездомных, направляясь к выходу. Кое-кто, слишком пьяный, так и остался лежать в воде. На них никто не обращал внимания. Все толкались, торопясь выбраться наружу. Люди были перепуганы, но даже паника проявлялась у них как-то вяло, словно заторможенная алкоголем.

Януш заметил двух человек, неподвижно лежащих лицом в грязи. Схватив первого за воротник, он рывком поднял его на ноги и прислонил к покатой станке. Наклонился, чтобы проделать то же самое со вторым, когда ему в плечо вцепился Шампунь:

- Ты что, сдурел?
- Нельзя же бросать их здесь!
- Мать твою! Надо ноги уносить!

Труба пустела. На поверхности воды плавали сумки и пакеты. Кораблекрушение, мелькнуло у Януша. Он нащупал у бомжей пульс. Сонная артерия билась, но слабо. Тогда он со всей силы влепил пощечину сначала одному, потом второму. Никакой реакции.

Он повторил маневр.

Наконец оба зомби очнулись.

— Скорее, мать твою, скорее! Я не собираюсь тут подыхать! — неистовствовал Шампунь.

Януш колебался еще секунду и побежал вслед за товарищем. К выходу из трубы они брели в жидком дерьме, поднявшемся уже до середины бедер. Януш споткнулся, упал, но сумел подняться. Им оставалось преодолеть всего несколько метров. Он обернулся — оба бомжа ползли на четвереньках, с бессмысленным, как у животных, взглядом.

Но вот наконец и чистый воздух. Они распрямились. Ливень хлестал с бешеной силой. Это был потоп. Потоки воды стеной падали с небес, как где-нибудь в тропиках, только здесь вода была ледяной. Януш осознал, что их ждет новое испытание. Придется карабкаться по десятиметровому скользкому склону, не имея никакой опоры.

Они ползли, впиваясь пальцами в густую липкую грязь и преодолевая сопротивление ветра. По плечам били струи дождя. Если один падал, второй протягивал ему руку, и наоборот. Они преодолевали метр за метром. Наконец Янушу удалось уцепиться за какую-то железяку и выбраться на край ямы. Он сейчас же вытащил за собой Шампуня, беспомощно молотившего ногами в пустоте.

Из рва они выбрались, похожие на два грязевых комка, исторгнутые чревом земли. Но лысый при этом не бросил ни своих сумок, ни своего спальника. Януш уже открыл рот, чтобы похвалить его за бережливость, когда вдруг заметил на лице приятеля выражение ужаса и обернулся.

Их поджидала группа мужчин, не имевших ничего общего с нищим сбродом, ночевавшим в трубе. Гребни, дреды, пирсинг, татуировки... Лаково блестящие куртки или парки военного образца... Некоторые держали на поводке злобно рычащих собак. Но главное, все они были вооружены. По большей части ножами — самодельными, но оттого не менее смертоносными.

Януш не удивился, услышав шепот Шампуня:

— Влипли, блин. Парни из Бугенвиля.

Они удирали со всех ног, хотя бежать в набухшей от мокрой грязи одежде было тяжело. Они мчались прочь, громко топоча по мостовой. Свернув направо, они попали на совершенно безлюдную в этот час прямую улицу. Сквозь дождевую пелену перед взором Януша плясали фонари, фасады, тротуары и куски темного неба. Он на бегу оглянулся через плечо. Бандиты их нагоняли. Впереди неслись собаки. На этой улице им не спрятаться.

Януш дернул Шампуня за рукав и увлек его за собой на открывшуюся справа улочку поуже. Затем на другую, слева. Метров через тридцать показалась лестница, поднимавшаяся к кварталу Панье.

Итак, они вернулись к исходной точке. Януш махнул рукой в сторону лестницы и, не дожидаясь ответа Шампуня, бросился к ступенькам. Полез наверх и снова посмотрел назад: лысый, задыхаясь, карабкался за ним. В спину ему дышали преследователи. От собак их отделяло всего несколько метров.

Януш дождался приятеля. На краткий миг ему показалось, что он словно бы раздваивается: он и участвовал в гонке, и смотрел на нее как бы со стороны, не слыша окружающих звуков, не ощущая дождя. Его сознание наблюдало за происходящим, обретя подобие самостоятельного существования.

Наконец Шампунь нагнал его. Януш пропустил приятеля вперед, взяв на себя прикрытие тыла. Каждый шаг давался с трудом и причинял страдание. Дождь безжалостно колотил по голове, по спине и по плечам. Януш опустился на четвереньки и пополз, помогая себе руками. Ощущение раздвоенности исчезло.

Опасность грозила не кому-то, а именно ему.

Горло сжало тошнотворным страхом.

И вдруг земля ушла у него из-под ног. Он стукнулся головой о ступеньку. В глазах заплясали искры. Тело пронзила боль. В следующий миг его обожгло холодом — он лежал, прижавшись щекой к мокрому бетону. По лицу заструилась теплая кровь. И тут же вспыхнула непереносимая боль в ноге.

Он посмотрел вниз: в икру ему вцепилась зубами собака. Сейчас она тащила его вниз по лестнице. Он попытался ухватиться рукой за фонарный столб, но не сумел. Он поднял голову. Шампунь по-прежнему поднимался вверх. Он ничего не заметил — или предпочел удрать. Януш хотел

крикнуть, но острым углом ступеньки ему ободрало губы. Он попробовал подняться, но вместо этого съехал на животе вниз еще на две ступеньки.

Извернувшись, он ухитрился лечь на спину и уперся взглядом в бешеные от охотничьего азарта глаза псины. Сзади уже подбирался один из его преследователей. Януш со всей силы пнул собаку каблуком в морду, и та откатилась к ногам хозяина. Оба свалились и полетели вниз.

Януш воспользовался передышкой и вскочил на ноги. Собаки уже снова приближались, по пятам за ними — бандит. Януш поскользнулся, но устоял и начал пятиться назад, глядя в лицо врагу. В свете фонаря ему бросилась в глаза одна деталь: нападавший был вооружен самодельным ножом, представлявшим собой остро заточенный фаянсовый осколок. Обломок унитаза?

Януша словно ударило молнией. Он не даст прикончить себя подобным кинжалом. Размахнувшись, он со всей силы врезал подступавшему противнику в ухо. Тот покачнулся и, чтобы не упасть, уцепился за перила. Януш схватил его за воротник и сбоку нанес ему футбольный удар головой в голову. Он действовал, повинаясь внутреннему голосу, твердившему ему: *«Целься в носовую перегородку и глазницы. Избегай соприкосновения с лобной костью»*.

Послышался сухой треск, словно рядом сломали деревянную палку, и глаза Януша заволокло кровавым туманом. На несколько мгновений он ослеп. Затем потер веки и обнаружил, что враг стоит на коленях. Януш не стал ждать, пока он поднимется, и ногой, обутой в тяжелый башмак, врезал ему в живот. *Старайся попасть в печень — самое уязвимое место у алкоголиков*.

Нападавший задохнулся криком и рухнул на собаку. Оба снова покатались вниз. Януш замер, пораженный собственной ловкостью. Он действительно стал настоящим Виктором Янушем. Уличным бродягой. Дикарем асфальтовых джунглей.

Из-за пелены дождя выступили еще два бандита — один бритый наголо, второй с красным гребнем на голове. Первый сжимал в руках длинную железяку, второй — бейсбольную биту, утыканную гвоздями. Януш сжал кулаки, но решимость вдруг покинула его. Он безвольно сел на ступени и закрыл руками голову, готовый принимать удары.

Что-то хряснуло. Еще раз, с металлическим звуком. Януш не почувствовал боли. Он поднял глаза. Шампунь, вооруженный безразмерным мусорным контейнером, только что вломил первому из нападавших и тотчас же сбил с ног второго. Бандиты начали отступать, и Шампунь швырнул в них контейнером.

Затем он быстро дернул Януша за воротник и потащил его наверх. Януша затопило чувство горячей благодарности. Как он ошибся в оценке этого человека! Оказывается, лысый бомж был ему настоящим другом!

Они промчались по ступенькам лестницы и быстро нырнули в лабиринт узких улочек. Ногу Януша раздирало от боли. Псина все-таки успела его цапнуть. Они уже пробирались какими-то похожими на трубы закоулками, где вдвоем было не разойтись. Впрочем, бежали они все медленнее, пока вовсе не остановились. Сил не осталось. Оба задыхались.

Страх владел ими по-прежнему, но его остроту притупили боль в измученных мышцах, жжение в огнем горящих легких и подступавшая к горлу тошнота.

— Оторвались, — чуть слышно пробормотал Шампунь.

— Как бы не так.

Януш пихнул товарища в бок, заставляя спрятаться за выступ стены. Шампунь чуть не упал:

— Ты что, сдурел?

— Тихо!

Ниша, в которой они притаились, представляла собой крыльцо дома, увитое плющом и утопавшее в зарослях лаванды. Януш присел на корточки, и Шампунь последовал его примеру. Едва они успели съежиться, как мимо протопали преследователи.

Они понемногу приходили в себя. Януш с наслаждением вдыхал известковый запах мокрого камня и влажный лиственный аромат. Благодать! Измотанные до последнего предела, они все же уцелели. Обменявшись взглядами, оба поняли, что отныне их связывает невидимая, но прочная нить.

— Я пойду за ними, — шепотом сказал Януш.

— Чего?

— Они не просто так гоняются за нами. Не просто так хотят нас убить. Я должен выяснить почему.

Шампунь смотрел на него с ужасом. В схватке он потерял свою вязаную шапку. Изуродованный шрамами череп блестел под дождем, словно гигантское яйцо динозавра.

— Ага! Прямо так и спросишь, да?

— Не у всех. У одного. Того, которого подловлю.

— Не, ты точно псих!

Януш распахнул полу куртки:

— У меня есть нож.

— Зато мозгов нет.

— Ты знаешь, где еще можно отсидеться?
— Думаю, сейчас нам лучше всего вернуться к добрым дяденькам в Загон.
— Исключено. А отель тут поблизости есть?
— Отель?
— У меня есть деньги. Должны же в Марселе быть дешевые гостиницы!
— Ну, гостиницы-то, конечно, есть...
Януш достал купюру в пятьдесят евро:
— Иди туда. Только скажи мне адрес.
Поддавшись ставшему привычным чувству недоверия, он добавил:
— Если дождешься меня там, у этой бумажки появится сестренка.
Шампунь улыбнулся беззубым ртом и объяснил, как пройти к отелю.
— Если я до завтрашнего утра не вернусь, сообщишь легавым, — приказал Януш.
— Легавым? Ты что, с дуба рухнул?
— Иначе тебя арестуют за соучастие.
— Соучастие в чем? И что мне им говорить?
— Правду. О том, что я вернулся. Что на нас напали. Что я хотел выяснить, что происходит.
— Слушай, ты и раньше был темнила тот еще, а уж сейчас... Чего ты мне лапшу на уши вешаешь?
— Жди меня в гостинице.
И, не слушая ответа приятеля, Януш сорвался с места.

* * *

Он пытался бежать, но боль в ноге не давала двигаться быстро. В памяти вновь и вновь всплывала одна и та же картина: собачьи клыки, впившиеся в его икру. В подобных случаях первым делом следовало дать раненой ноге покой. Поэтому он перешел на медленный шаг. О необходимом курсе антибиотиков сейчас нечего было и думать.

Он не сходил с главной улицы, оставив без внимания прилегающие переулки. Река, растекшаяся множеством ручьев... Почему-то он не сомневался, что его враги избрали тот же путь. Он уже отчаялся их нагнать, когда дорога вдруг вильнула и вывела его на открытую террасу, нависающую над городом.

От неожиданности он отступил назад.

Но не смог сдержать восхищенного возгласа.

Марсель блестел под дождем, словно на землю опрокинулось испещренное звездами небо. Дальше простиралось море. Его не было видно, но оно угадывалось — полноводное, черное, бескрайнее.

Он стоял, морщась от боли, и впитывал в себя красоту ночного пейзажа. Может быть, это принесет ему облегчение? Но грудь продолжала гореть изнутри, словно в ней бушевала кипящая лава.

К действительности его вернули раздавшиеся рядом человеческие голоса. Он опустил глаза и обнаружил, что вниз ведет точно такая же лестница, по какой он только что карабкался, спасаясь от преследователей. А вот и они, стоят в круге света. Их было пятеро. Не считая собак. Слов он не слышал, но ему не составило труда догадаться, в какой злобе они пребывают, упустив дичь.

Януш внимательно рассмотрел всю пятерку. Посеребренные косицы, красные или синие гребни, бритые черепа в татуировках с загадочными символами. На грязных физиономиях — многочисленные металлические блески пирсинга. Оружие они не бросили. Биты. Ножи. Травматические пистолеты.

Он улыбнулся. В том, как он подглядывал за ними, оставаясь невидимым, была своя неизъяснимая прелесть. Банда направилась в сторону доков. Януш подождал, пока они не исчезнут из его поля зрения, и тихо спустился по лестнице. Дождь перестал, но все вокруг было затянуто холодной жирной пленкой.

Они двинулись на север, по прибрежному бульвару, над которым пролегла автомобильная трасса. Забыв о больной ноге, Януш шел за ними, отставая метров на двести, прячась за каждым столбом и избегая освещенных участков улицы. Так они проделали около километра — впрочем, он мог ошибаться, оценивая расстояние. На бульваре не было ни души. Все так же яростно дул мистраль, подсушивая залитый водой асфальт и расплескивая лужи.

Наконец банда свернула направо и углубилась в почти неосвещенный квартал. На фоне черного неба темнели еще более черные квадраты домов. Янушу показалось, что они где-то возле Загона. Или это Бугенвиль? Они шагали по спальному району, минуя садики с голыми деревьями и детские площадки за проржавевшими оградами.

Чем дальше, тем угрюмее становился пейзаж. Зброшенные складские здания. Наглухо задраенные окна. Пустыри. Вдали виднелись хищные силуэты башенных кранов, похожих на огромных насекомых. Жилые дома исчезли. Ветер гонял по плоской местности в зарослях чертополоха

бумажные обертки, пластиковые бутылки и картонные коробки. Мерзко воняло бензином. Януш прищурился: кажется, пришли. Впереди пустырь упирался в покрытую граффити стену.

Януш чувствовал себя на последнем издыхании. Сердце оглушительно бухало в груди. Бам-бам... Бам-бам... Он не сразу сообразил, что этот шум, разносящийся в сыром воздухе, издают какие-то механизмы. Где-то рядом шла стройка, и машины продолжали работать и ночью.

Бандиты как испарились. Перед ним осталась лишь глухая стена. Должно быть, в ней имелась дверца, замаскированная сплошным рисунком граффити. Януш задумался. Что предпринять? В сущности, у него была всего одна возможность. Дождаться, пока один из бандитов не выйдет на пустырь — помочиться или покурить на свежем воздухе, — и напасть на него. Эффект внезапности сработает в его пользу...

Он спрятался в кустах. И сейчас же начал мерзнуть. Просиди он тут еще несколько минут, и окончательно заоченеет. Зубы уже выбивали мелкую дробь.

В этот миг хлопнула дверь.

Тихо, почти не дыша, он поднялся на ноги. В темноте двигалась человеческая фигура. Парень с дредами на голове. Янушу вспомнился персонаж из сериала «Хищник». Его охватил страх. Но в то же время все происходящее предстало перед ним в каком-то нереальном свете. Как будто он играл в компьютерную игру.

Парень шел пошатываясь. Или пьяный, или обколотый. Остановившись у ближайшего куста, он расстегнул штаны и принялся облегчаться. *Сейчас или никогда.* Януш прыгнул. Глаза застилала пелена слез. Все казалось размытым, искаженным, деформированным. Он крепче сжал нож, схватил парня за косички и со всей силы дернул назад.

Хищник рухнул навзничь на обледенелую землю. Януш приставил нож к его расстегнутой ширинке, коленом придавил ему грудь, второй рукой закрыл парню рот и чуть слышно прошептал:

— Вякнешь, отрежу.

Бандит не шевелился, лишь смотрел на Януша мутным взглядом, вялый, как мешок с тряпьем. Точно, обколотый. Януш слегка надавил ножом. Парень дернулся и попытался заорать, но Януш ткнул его локтем в лицо. Тот снова дернулся и получил еще один удар локтем. Что-то хрустнуло. Януш плотнее зажал ему рот, чувствуя под ладонью вязкую влагу, — он явно сломал бандиту нос.

— Тихо лежи. Я буду задавать вопросы, а ты на них отвечать. Просто кивай. Усек?

Хищник согласно кивнул. Теперь Януш держал нож возле его горла. Ободренный первым успехом, он начал допрос:

— Ты меня узнаешь?

Косички затряслись: да.

— Сегодня вы хотели меня вальнуть?

Снова безмолвное «да».

— Почему?

Парень молчал. До Януша дошло, что с зажатым ртом ответить бандит не может, и он чуть ослабил хватку.

— Почему вы хотели меня убить?

— Нам... нам заплатили.

— Кто?

Молчание. Януш приподнял локоть:

— Кто?

— Мужики в черных костюмах. Из богатеньких.

Убийцы из Гетари. Итак, они решили его убрать. *Всеми доступными средствами.*

— В декабре меня заказали тоже они?

— Угу.

— Сколько вам отстегнули?

— Три штуки.

Парень понемногу приходил в себя. Три тысячи евро. С точки зрения Януша, не так уж много. Но для этих поганцев — целое состояние.

— Откуда вы узнали, что я в городе?

— Тебя еще вчера днем засекли.

— И вы настучали заказчикам?

— Угу.

— Как вы с ними связываетесь?

— По телефону, как еще?

— Номер?

— Не знаю.

Возможно, парень врал, но времени вытрясать из него правду у Януша не было.

— Номер мобильного?

— Не. Контора какая-то. Говорю же, не знаю...

— Как их зовут?

— Без понятия. Они нам типа пароль дали.

— Какой пароль?

— Не знаю. Я с ними не разговаривал...

Януш саданул его в лицо рукояткой ножа — он помнил, что в экстренных случаях его можно разбить стекло. Парень проглотил рвущийся из груди крик и засопел разбитым носом.

— Пароль?

— Не знаю... — Он потрогал нос. Раздался звук, похожий на треск бьющейся яичной скорлупы. — Русское слово какое-то...

— Русское?

— Говнюк, ты мне нос разбил...

Януш вздрогнул всем телом. Не только от страха. От поднимавшегося со дна души ужаса. Похожее ощущение он уже пережил прошлой ночью. Болезнь возвращается?

У него оставалось от силы несколько секунд. Надо сосредоточиться.

— Почему они за мной охотятся?

— Мне-то почем знать?

— Они назвали мое имя?

— Не. Показали твою морду лица.

— Фото?

Хищник гоготнул. Зажал пальцем ноздрю, и из второй тотчас хлынула струйка крови.

— Какое еще фото? Рисунок...

— Рисунок?

— Ага. — Он снова гоготнул. — Картинка такая, въезжаешь?

Януша осенило. Даниель Ле-Гуэн говорил, что раньше Януш был художником. Может, этот набросок был его автопортретом? Но откуда убийцы раздобыли нечто, имевшее связь с его предыдущей личностью?

— Рисунок у вас сохранился?

— Прямо сейчас. Да мы им подтерлись.

Януш охотно врезал бы ему еще разок, но сил совсем не осталось. Бандит снова высморкался какими-то темными сгустками. Кровавый насморк Януш ему обеспечил.

— Эти мужики в черном. Вы должны с ними встретиться?

— А то. Как только ты откинешь копыта.

— Ты знаешь, где их найти?

— Они нас сами находят. *Они везде.*

Януша затрясло. Ужас в душе раскалился добела. Он поднял нож. Хищник съезжился. Януш размахнулся и нанес ему удар в солнечное сплетение. Острым концом рукоятки, предназначенным разбивать стекло в экстренных случаях. Парень обмяк. Не исключено, что Януш его убил. Но в мире, куда его забросила судьба, эти тонкости никого не интересовали.

Януш грузно поднялся, нимало не заботясь о производимом им шуме. На краткий миг его охватило искушение подойти к спрятанной за граффити двери, распахнуть ее и громко крикнуть: «Вот он я, хватайте меня!»

Но разум возобладал над отчаянием. Шатаясь, Януш побрел прочь. Мистраль, провонявший бензином, сбивал с ног. К штанинам лип бумажный мусор.

Он обречен. В этом не осталось никаких сомнений.

Но, прежде чем умереть, он узнает почему.

Кто осудил его и приговорил к смерти.

* * *

Анаис проснулась совершенно разбитой. Сон не добавил сил, только отнял последние. Три часа кошмаров. Вампиры в костюмах от Хьюго Босса склонялись над трупами в морге, отрывали им носы и пили кровь. Единственным утешением служило то, что в пирушке не участвовал ее отец.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы собраться с духом. Она находилась в номере придорожной гостиницы, вывеска которой мелькнула перед ней в три часа ночи. Она остановилась не раздумывая, просто потому, что вымоталась донельзя. Даже не помнила, включала ли в комнате свет. Как была, не раздеваясь, упала в постель. И отправилась на встречу с элегантно одетыми вампирами, притаившимися в закоулках ее собственного сознания.

Она прошла в ванную, стянула свитер и зажгла свет. Отражение в зеркале ей понравилось. Молодая женщина в майке, с забинтованными руками, с подтянутой худощавой фигурой. Никакой такой женственности, ни намек на кокетство. Спортсменка, пусть и невысокого роста. Белизна кожи и некоторые округлости могли таить обещание мягкости и нежности — до тех пор, пока не дерзнешь к ним прикоснуться. Она заметила, что в уголках глаз собрались слезы. Словно капли росы на фарфоровой маске, подумала она. Сравнение ей тоже понравилось.

Она достала свой туалетный несессер и сняла с рук повязки, еще раз оценив масштаб разрушений. На то, чтобы оправиться от первых нанесенных самой себе ран, у нее ушло несколько лет... Внезапно на нее накатила печаль сродни отчаянию, вызвав в памяти образ обгоревших крыльев Икара. Она принялась быстро менять бинты.

Вернувшись в комнату, Анаис вытащила пенал, еще школьный,

который продолжала всюду таскать с собой. Она держала в нем ручки, фломастеры и автоматический карандаш, и на работе оставаясь прилежной студенткой. Там же она хранила свои таблетки. Привычным и уверенным жестом она отломил половинку солиана и выдавила из упаковки капсулу эффектора. *Тяжелая артиллерия.* Подумала и добавила еще и таблетку лексомила.

Шоковая терапия, к которой она прибегала для борьбы с депрессией.

До чего затертое слово. Но разве она сама лучше? В первый раз она сломалась после школы, на первом курсе юридического факультета. Два месяца провалялась в постели. Не могла заставить себя пошевелиться. И ведь тогда она еще понятия не имела, кто таков в действительности ее отец. Дело было в другом. В душе, равнодушной к окружающему миру, шли какие-то глубинные процессы. Возможно, сказывались материнские гены. Она ничего не делала. Ни с кем не разговаривала. Вплотную подступила к грани, отделяющей жизнь от смерти. Еще чудо, что ее не упекли в больницу.

Но понемногу, благодаря приему серьезных антидепрессивных препаратов, она выкарабкалась и следующие два года провела, шарахаясь ото льда к пламени, в состоянии вечной неопределенности и постоянном страхе рецидива. С тех пор этот страх ее уже никогда не покидал.

Вот и приехали. С самого начала расследования, несмотря на простуду, дикое напряжение и возбуждение от знакомства с Фрером, она предчувствовала, что снова приблизилась к краю. Изрезанные руки были лишь предвестником худшего страха. Она боялась, что ее жизнь опять превратится в русскую рулетку, когда одной неосторожной мысли окажется достаточно, чтобы случилось непоправимое. И тогда — конец. Или долгая кома...

Она спустилась в холл, где нашла кофейный автомат. Нацедила чашку эспresso, мимоходом отметив унылую безликость гостиничной обстановки. Ни одного яркого предмета, ни одной оригинальной безделушки, способной задержаться в памяти. Пожалуй, она как нельзя лучше вписывается в этот интерьер. Такой же призрак, как и все, что ее окружает.

Вернувшись к себе в номер, она проверила сообщения на мобильном. Пять новых эсэмэсок. От Кронье, марсельского полицейского. От Ле-Коза. От Деверса, который ночью трижды пытался до нее дозвониться. Первым она прочитала сообщение от майора из Марсея, с опасливой надеждой на новости. Новостей не было. В десять вечера Кронье интересовался, в котором часу она завтра прибудет в Марсель.

Ле-Коз связывался с ней в половине двенадцатого. Оставил лаконичное послание: «Перезвони». Того же хотел и Деверса, однако его призывы с каждым последующим часом менялись в тональности — от совета к приказу и, наконец, к начальственному рыку.

Она набрала номер Ле-Коза, который отозвался заспанным голосом.

— Чего ты звонил?

— Насчет «Метиса», — пробормотал он. — Чем дальше, тем дело темнее...

— Что-нибудь узнал?

— Я поговорил с прессой. Со специалистами по журналистским расследованиям. Из местного отделения «Сюд-Уэста» и «Ла Репюблик де Пирене», здесь, в Бордо. Это профи. Они в курсе всего, что происходит в области.

— И?

— Похоже, там горячо. Во всяком случае, по телефону никто ничего рассказывать не пожелал. Типа давай встретимся, только под покровом ночи...

— С чего бы вдруг такая секретность?

— Трудно сказать. «Метис» называет себя химико-фармацевтической компанией, но за ее созданием стоят военные.

— Как это?

— Бывшие наемники основали ее в шестидесятых в Африке. Поначалу занимались сельским хозяйством, затем перешли к химическому производству, а уж потом — к выпуску медикаментов.

— Какого типа медикаментов?

— Их конек — психотропные средства. Всякого рода успокоительные препараты. Антидепрессанты. Я в них мало что смыслю, но по всему выходит, что часть их продукции пользуется высоким спросом на рынке.

Вот она, ирония судьбы: наверняка Анаис случалось принимать препараты, производимые компанией «Метис».

— Так что тут горячего?

— Да все как всегда. Ходят разговоры об экспериментах на людях, о запрещенных исследованиях. По-моему, это все брехня...

— А что по поводу связи компании с ЧАОН?

— Да ничего особенного. «Метис» — крупный холдинг, включающий в себя множество предприятий. ЧАОН входит в их число, вот и все.

Анаис подумала об автомобиле модели Q7. В отличие от Ле-Коза она не сомневалась, что между фармацевтическим монстром и покушением существует прямая связь. Хотя если исключить факт участия военных в

основании компании, в ее профиле не прослеживалось ничего общего со снайперами, виртуозно владеющими искусством стрельбы из «гекаты». Тем более — с безобидным рыбаком из Страны Басков Патриком Бонфисом.

— Парень, который глубже других копался в делах «Метиса», сейчас в командировке. Возвращается завтра. Дать тебе его номер?

— Сначала сам его порасспрашивай. Я еще не знаю, когда вернусь. — Анаис перешла в наступление: — А что с нашим расследованием?

— Каким расследованием?

— Дюрюи. Минотавр. Вокзал Сен-Жан.

— Ты, наверное, не в курсе. Морисе прислал к нам своих ребят, они забрали все протоколы. Не забыли даже вытащить из компа жесткий диск со всеми материалами по делу. Так что для нас «Минотавр» — это вчерашний день.

Анаис посмотрела на кровать, куда положила папку с документами, собранными в ходе расследования. Последний экземпляр дела, над которым работала группа капитана Шатле. *Коллекционная вещь.*

— Я уж не говорю про головомойку, которую мне устроил Деверса.

— Какую еще головомойку?

— Ну как же! Я же провел обыск в офисе ЧАОН. Его директор нажаловался высшему руководству «Метиса». А уж они не стеснялись в выражениях. Видишь ли, африканские наемники по большей части были уроженцами нашей прекрасной области. А сегодня «Метис» — крупнейшая компания в Аквитании.

— Ну и что?

— А то, что кое у кого переполнилась чаша терпения. И на наши бедные головы посыпались шишки. Я, конечно, сказал Деверса, что действовал по твоему указанию, но, если честно, мне показалось, что его это не очень обрадовало.

Ну, теперь Анаис хотя бы знала, зачем комиссар названивал ей среди ночи.

— Ладно, а у тебя-то как дела?

— Еду в Марсель.

— То есть они его еще не нашли. Впрочем, я мог бы и не спрашивать...

— Я тебе оттуда позвоню.

Перед тем как набрать следующий номер, она немного поколебалась. И сделала выбор в пользу Кронье. Разговор с Деверса решила отложить напоследок. Как говорится, сладкое на третье.

У марсельского сыщика оказался легкий акцент и добродушный голос.

Анаис вдруг почудилось, что в Марселе ее ждут солнце, свет и тепло. Майор коротко сообщил ей факты, о которых она и так уже знала. Виктор Януш провел ночь с 17 на 18 февраля в отделении временного приюта для бездомных. В туалете на него было совершено нападение, после чего он исчез. С тех пор о нем ни слуху ни духу. Как сквозь землю провалился.

— Кто на него напал?

— Неизвестно. Возможно, другие нищие.

Анаис эта весть несколько не успокоила. Неужели убийцы вышли на его след? Но зачем он поехал в Марсель? И для чего снова вырядился бомжем?

— У меня есть для вас кое-что еще, — добавил Кронье.

— Что же?

— Вчера вечером мне переслали ваш отчет по делу об убийстве Филиппа Дюрюи.

Ну вот, ее труд, составленный для Ле-Галя, хоть кому-то пригодился.

— Меня поразила мифологическая инсценировка на месте преступления.

— Еще бы.

— Нет, вы не поняли. Она напомнила мне об очень похожем убийстве, совершенном здесь, у нас.

— Когда?

— В декабре. Я возглавлял расследование. Прослеживается очень много общего с вашим случаем. Жертвой был молодой парень, бездомный, болгарин по национальности. Его тело было обнаружено в каланке в нескольких километрах от Старого порта.

— А что там было такого... мифологического?

— Убийца вдохновлялся мифом об Икаре. Погибшего парня нашли обнаженным, причем к телу, сильно обгоревшему, были прикреплены крылья.

Анаис молчала, ошеломленная. В числе множества возможностей вырисовывалась одна, самая очевидная и самая ужасная. Матиас Фрер присутствовал на месте преступления. Это подтверждало версию о том, что убийцей был Виктор Януш.

— Но это еще не все, — продолжал Кронье. — Наш парень тоже оказался буквально накачан героином. Мы...

Она перебила его, одной рукой уже натягивая куртку:

— Я буду у вас через два часа. Приеду прямо в управление. На месте обсудим все детали.

Кронье не успел ответить — она нажала отбой. Выскочила на парковку

и пошла к машине. Ей требовалось время, чтобы пережить удар. Осознать полученную информацию. Переварить ее.

Перед своим «гольфом» она остановилась. Она же совсем забыла перезвонить Деверса! Когда она набирала его номер, пальцы у нее дрожали.

— Что еще за фокусы с ЧАОН? — с места в карьер напустился на нее комиссар. — Что это за ночной обыск? Что вы себе позволяете? У меня телефон со вчерашнего дня звонит не переставая!

— Я хотела выиграть время, — севшим голосом произнесла она. — Мне...

— Ах, время? Ну, времени у вас теперь сколько угодно! Вы едете в Марсель, не так ли?

— Буду там через два часа.

— В таком случае желаю вам приятного отдыха. Вы отстранены. Я немедленно звоню коллегам в Марсель. Можете забыть о расследовании и наслаждаться морем! Объясняться будете по возвращении.

* * *

Януш распрощался с Шампунем.

Без сердечных излияний. Зато оставив сотню евро в подарок.

В бане с душем на улице Югени он отмылся.

Затем отправился в камеру хранения на вокзал и забрал свою нормальную одежду.

Отныне он существовал в ирреальном мире, где никто его не узнавал. Никто не обращал на него ни малейшего внимания. Ему даже удалось убедить себя, что он стал невидимым. Небо, отмытое мистралем, приобрело кобальтовый оттенок. Зимнее солнце напоминало круглую ледышку. Кошмар минувшей ночи отступил в прошлое.

На вокзал Сен-Шарль он дошел быстрым шагом и сразу направился в мужской туалет. Никого. Заперся в кабинке, даже не поморщившись от запаха, — он и не такое видал, — скинул драные штаны и влез в брюки от костюма, с наслаждением ощущая прикосновение шелковистой ткани к коже. Стучаясь локтями о стены кабинки, стянул с себя многочисленные свитера и надел рубашку.

Выйдя из кабины, он выбросил тряпье бомжа в мусорный контейнер, не забыв извлечь из карманов свои сокровища — нож фирмы «Айкхорн» и отчет о вскрытии Цветана Сокова. Записал в блокнот номер дела —

K095443226 — и имя следственного судьи — Паскаль Андре, после чего убрал документ в сумку. Нож он сунул за пояс брючного ремня.

В туалете по-прежнему не было ни души. Он надел пиджак и ощупал пустые карманы. Документы на имя Матиаса Фрера лежали на дне сумки. Если его вдруг задержат, он может назваться кем угодно. Наплести что угодно. Главное — выиграть время. Наконец он сунул блокнот во внутренний карман пиджака.

Зеркало подтвердило, что он вновь обрел человеческий облик. Он натянул плащ. И уже собирался переобуться в ботинки, когда в туалет вошел охранник с собакой.

Охранник увидел стоящую на полу сумку и рядом с ней Януша. В одних носках.

— Эй, что это вы делаете? Вокзал — не раздевалка.

Януш уже открыл было рот, чтобы отбрить бдительного стража порядка, — так наверняка поступил бы психиатр Матиас Фрер, — но вовремя одумался.

— Понимаете, месье, я ищу работу... — жалким голосом проговорил он.

— Катись отсюда.

Он не заставил просить себя дважды. В несколько секунд влез в ботинки, схватил сумку и направился к выходу. Охранник посторонился. Он смотрел на него с нескрываемым презрением. Януш вежливо кивнул ему и покинул туалет.

Он шел к выходу, за которым располагалась стоянка такси.

С каждым шагом к нему возвращалось чувство собственного достоинства.

Он вернулся в человеческое общество.

* * *

Януш попросил отвезти его на улицу Бретей, к суду. Заплатил водителю и внимательно осмотрел дом. Колоннадой и коническим фронтоном он напоминал здание парижской Национальной ассамблеи, только в уменьшенном масштабе. По дороге шофер рассказал ему, что суд расположен как раз за ним. Вход в него слева, с улицы Жозефа Отрана.

Януш обогнул здание и оказался на пешеходной улице. Вход в суд находился прямо посередине, за воротами из красных металлических прутьев. Януш двинулся к подъезду. План его был предельно прост.

Дождаться обеденного перерыва. Проникнуть в здание суда. Подняться на этаж, где работают следственные судьи, и найти кабинет Паскаль Андре. Пробраться внутрь и украсть папку с делом об убийстве Икара. В подобном изложении миссия казалась очень легкой. На самом деле она была невыполнима.

Он поравнялся с воротами. За ними стояли охранники. Он присмотрелся. Вход преграждал турникет. Сумки и портфели просвечивали. Каждый посетитель проходил через рамку металлоискателя и предъявлял документ. Да уж, в суд абы кого не пускают.

Чтобы спокойно поразмыслить, он пустился в обход здания. И здесь его ждал сюрприз. Сзади был еще один вход, с улицы Гриньяна, — служебный. Судьи и адвокаты шли через него без всяких формальностей, многие — даже не показывая пропуска.

Для него это единственная возможность проникнуть внутрь.

Он посмотрел на часы. Полдень. Прежде всего надо избавиться от сумки. Отойдя чуть подальше, он нырнул под арку, за которой располагался небольшой дворик наподобие патио. Сюда выходило сразу несколько подъездов. Он зашел в один и спрятал сумку под нижними ступеньками лестницы.

Шагая назад с пустыми руками, он сообразил, что кое-чего ему явно не хватает, а именно — портфеля. Он зашел в супермаркет и выбрал дешевенький школьный портфель из кожзаменителя — сойдет, чтобы пустить охранникам пыль в глаза. Дальше по пути попалась автозаправка, и его осенила еще одна идея, которую он тут же и реализовал, приобретя пару тонких перчаток из латекса.

Пристроившись под аркой, он продолжил наблюдение за служебным входом. Судьи и адвокаты прибывали небольшими группами, переговариваясь на ходу. Почти никто не показывал пропуск, но охранники, сидевшие в застекленной кабине, не обращали на это никакого внимания. Януш решил, что он в своем костюме и плаще имеет все шансы смешаться с очередной группой и проникнуть в здание. Ни страха, ни озноба он не чувствовал. Напротив, ему было жарко, — очевидно, его грел адреналин.

К подъезду направились трое мужчин в деловых костюмах. Януш пристроился за ними. Люди рядом обменивались приветствиями, шутили и смеялись, но он не слышал ничего. Двигаясь как в тумане, он незаметно для себя самого оказался в здании суда.

Он продолжал идти, не замедляя шага и помахивая портфелем, хотя понятия не имел, куда направляется. Колени подгибались, руки сводило судорогой. Он сунул одну руку в карман плаща, а второй покрепче сжал

ручку своего пустого портфеля. Перед глазами плясали таблички: «Зал судебного заседания», «Палата по гражданским делам»... Кабинетов следственных судей на этом этаже явно не было.

Он увидел лифты. Только остановившись в ожидании кабины, он огляделся. Огромный холл. Белый плиточный пол. Красные металлические трубки под потолком...

Перед ним открылись хромированные дверцы. Из лифта вышел мужчина в синем халате с кобурой на поясе. Охранник.

— Извините, — обратился к нему Януш. — На каком этаже кабинеты следственных судей?

— На четвертом.

Он нырнул в кабину. Двери закрылись. Он нажал на кнопку. Рука, влажная от пота, дрожала по-прежнему. Он вытер пальцы о полы плаща и пригладил перед зеркалом волосы, почти удивившись, что выглядит вполне нормально. Во всяком случае, следов страха, владевшего им, на лице не читалось.

Створки лифта разъехались. Януш вышел в обитый фанерованными панелями коридор, по старинной моде освещенный низко расположенными лампами. Из-за этого создавалось странное впечатление, что пол светлее потолка. Как будто здешние посетители — свидетели или обвиняемые, — покидая кабинеты, смотрели исключительно себе под ноги и не помышляли о том, чтобы взглянуть вверх. Справа находилась дверь без ручки, над которой красовалась табличка «Вход воспрещен». Слева коридор тянулся на несколько метров, затем сворачивал. Януш пошел в этом направлении.

Здесь оказалась приемная — застекленный зал, в котором сидело несколько человек с повестками в руках. Чтобы попасть в него, необходимо было пересечь «предбанник» секретаря, очевидно проверявшего у пришедших документы. Но в настоящий момент в нем никого не оказалось. Януш подергал застекленную дверь. Заперто. Люди, ожидавшие своей очереди в приемной, знаками показали ему из-за окон, что надо позвонить в звонок над столом.

Януш кивком поблагодарил их и повернул обратно. Он опять двигался к лифтам, проклиная свою глупость и неизобретательность. Уже положив палец на кнопку вызова кабины, он вдруг заметил, что дверь запасного выхода приоткрыта. Сначала он глазам своим не поверил. *Вот это удача!* Он приблизился к двери. Язычок замка был выдвинут, не давая ей захлопнуться. Отбросив колебания, он скользнул за дверь, догадавшись, что ее оставили открытой намеренно: очевидно, сотрудники суда

предпочитали ходить к лифтам не через весь коридор, а этим, коротким путем.

Здесь коридор, обшитый такими же панелями, тоже освещался лампами, расположенными на стенах ближе к полу, чем к потолку. Но вдоль коридора тянулся ряд дверей. Януш шел мимо них, читая таблички, словно тасовал карточную колоду. На шестой по счету двери обнаружилась нужная надпись: «Паскаль Андре».

Он быстро глянул направо, затем налево. Никого. Постучал в дверь. Тишина. Затылок у него горел, по спине стекал пот. Он постучал еще раз, сильнее. Никакого ответа. Он натянул перчатки, закрыл глаза и повернул ручку. Как ни поразительно, но кабинет был не заперт.

В следующий миг он уже проник в комнату. Бесшумно притворил за собой дверь. Усилием воли замедлил дыхание и осмотрелся. Кабинет Паскаль Андре внутри напоминал строительный вагончик. Обшитые пластиком стены. Дешевое напольное покрытие. Металлические шкафы. В глубине — окно. Слева — еще одна дверь, очевидно в комнату секретаря.

Януш подошел к столу, на котором громоздились кипы бумаг. Он задумался. Возможно, судья уже получила сигнал из полиции Бордо. И достала из архива дело Цветана Сокова. В этом случае оно должно быть где-то сверху...

Поставив на пол портфель, он вынул блокнот, в котором записал номер дела: K095443226. Запомнил последние цифры — первые были одинаковыми для всех дел — и начал просматривать толстые папки, лежащие на столе. Нужного номера не было ни на одной.

Он решил на всякий случай обыскать кабинет. Папки, папки... «Текущие дела»... «Постановления о взыскании судебных расходов»... «Запросы копий»... Конверты с письмами от заключенных... Записки, адресованные экспертам и полицейским... *Ему все это не нужно.*

Он распахнул шкаф, стоявший справа. Дела под номером 443226 здесь не было. Так, убийство Цветана Сокова было совершено в декабре. Дело слишком свежее, чтобы отправлять его в архив. Но недостаточно свежее, чтобы попасть в папку с «текущими делами». Может, оно у секретаря?

Он перешел во вторую комнату. Такое же помещение, только заставленное множеством шкафов со скользящими дверцами. Полки ломились от рядами составленных папок. Януш начал просматривать корешки папок в первом шкафу, начав с верхней полки.

Он добрался до третьей, когда в дверь постучали. Он застыл на месте, даже дышать перестал. Снова стук, приглушенный. Януш не шевелился. Ноги словно прилипли к полу. Ему казалось, что все его существо

растворяется в луже страха. Он повернул голову к двери. Кто-то дергал ручку с той стороны.

Секретарша, в отличие от судьи, заперла свой кабинет. Еще одно чудо. Януш вздохнул с облегчением, но тут же сообразил, что посетитель, которого постигла неудача, вполне может повторить попытку с соседней дверью. И тогда его песенка спета. Он не успел даже додумать эту мысль до конца, когда снова услышал стук в дверь. На сей раз — более глухой.

— Госпожа судья?

Ручка двери повернулась. Шаги. *В кабинете.* Януш стоял ни жив ни мертв. Он больше не был лужей. Он обратился в камень. Протекло несколько бесконечных секунд. Он слышал, как в кабинете кто-то ходит. Ему казалось, что стена не толще рисовой бумаги. Даже сердце перестало биться в груди.

И тут он услышал — или это ему почудилось? — легкий шлепок. На стол судьи легла новая папка или пакет. Снова шаги. Негромкий хлопок — закрылась дверь. Посетитель — кто бы он ни был — ушел.

Януш на ощупь нашел стул и без сил опустился на сиденье. Спиной он задел одну из полок, с которой с громовым, как ему показалось, шумом посыпались папки.

Он начал их собирать. И вдруг его взгляд уперся в шифр: «K095443226. Уголовное дело. Убийство Цветана Сокова». На обложке стоял косой штамп: «Копия».

Он снял с папки резинки. В ней лежали документы в прозрачных файлах. Он не стал их даже просматривать, быстро перешел в первую комнату и сунул всю пачку в портфель. Руки тряслись. Сердце колотилось как бешеное. Но в то же время он чувствовал себя непобедимым. Он снова добился своего. Как и тогда, в кабинете Анаис Шатле. Теперь оставался последний шаг — выбраться из этого пластикового бункера.

* * *

Тот же путь, но в обратном направлении. Он вызвал лифт, оставив на кнопке влажное пятно. Секунда. Две. Три. Каждый звук — покашливания сидящих в приемной людей, скрипы подъемного механизма, хлопанье застекленных дверей — отдавался у него в ушах грохотом. Но этот грохот воспринимался им на фоне какого-то неясного жужжания, словно доносился сквозь толщу воды.

Лифта все не было. Януша так и подмывало уйти отсюда, спуститься

пешком, но он не знал, где лестница. Наконец створки кабины раздвинулись, и из нее вышли трое мужчин. Януш посторонился, неосознанно крепче прижав к себе портфель. Мужчины не удостоили его даже беглым взглядом. Януш вошел в лифт и испустил глубокий выдох. Он весь горел как в лихорадке. Снял плащ и перекинул его через руку.

Первый этаж. Красные трубки под потолком как будто опустились ниже, тая угрозу. Чиновники, судьи, адвокаты возвращались после обеденного перерыва. В холле стало многолюднее. Только сейчас Януш вспомнил, что подъезд с улицы Гриньяна был открыт только на вход. Чтобы покинуть здание, все пользовались подъездом, выходящим на улицу Жозефа Отрана.

Он развернулся и чуть не налетел на группу полицейских. Заставил себя выдать извинение. Мог бы и не стараться — никто на него даже не взглянул. Ему оставалось преодолеть с полсотни метров. Опасность была повсюду, даже под ногами. Он передвигался как по минному полю, каждую секунду ожидая взрыва. Его засекли камеры наблюдения. А что, если здание суда уже оцеплено? И на выходе его подстерегают стражи порядка?

Он отогнал прочь эти мысли и заставил себя взять портфель в руку, как у всех остальных. Еще двадцать метров. Гул в ушах не утихал. Десять метров. Он выберется. С делом об убийстве Икара в портфеле. Он снова восторгается над ними всеми. Снова...

Он едва успел свернуть влево. Сквозь стеклянную перегородку он увидел, что в здание суда входит Анаис Шатле, переговариваясь с темноволосой женщиной в деловом костюме — по всей видимости, с судьей Паскаль Андре. Он пошел назад. И почти достиг середины холла, когда услышал за спиной громкий оклик:

— Матиас!

Он не удержался и посмотрел через плечо. Анаис прорвалась через рамку металлоискателя, включив сигнал тревоги, и спешила к нему, на ходу показывая охране свое полицейское удостоверение.

Януш крутанулся на месте и усилием воли подавил в себе желание пуститься бежать. Черный костюм, плащ, портфель... Он просто смешается с толпой. Они его не поймают. Он попробует найти другой выход из здания...

Голос Анаис зазвенел, заставив вибрировать металлические трубки потолка:

— Арестуйте его! Мужчина в черном костюме! Задержите его!

Он даже не дернулся. Все мужчины в холле были одеты в темные костюмы. И все сейчас смотрели друг на друга, пытаясь прочитать в чужом

взгляде панику. Януш стал оглядываться *точно так же, как они*. Вдалеке он боковым зрением углядел фигуру человека в форме, который тянулся к оружию.

Анаис вопила во все горло:

— Мужчина в черном костюме! С плащом в руках!

Януш чисто рефлекторно скомкал плащ и сунул его под мышку. Вокруг поднялась суматоха. Все что-то кричали, толкались, беспорядочно мельтешили. Красные трубки опустились совсем низко. Пол поплыл у него под ногами. Гул в ушах стал нестерпимым.

— Арестовать его!

Полицейские, выхватившие оружие, повели стволами, сами не понимая, в кого целятся. Посетители в ужасе валились на пол. За их визгами голос Анаис почти не был слышен. Януш все так же удалялся от входа, испуганно, как и все остальные, озираясь по сторонам. Выход! Он должен найти другой выход!

Снова не удержавшись, он оглянулся назад. Анаис бежала к нему, двумя руками сжимая нацеленный на него пистолет. Его обожгла дикая, нелепая мысль. Никогда не видел, чтобы женщина выглядела так сексуально...

Вот он, слева, запасный выход.

Он ускорил шаг.

И уже нажимал на ручку, когда за спиной раздался крик, очевидно обращенный к полицейским:

— Прямо за вами! Дверь! Дверь за вами!

Но Януш уже перескочил за порог. Ногой захлопнул дверь и повернул ручку с замком, блокируя вход. Теперь — бежать. Он находился в подсобных помещениях суда. Голый бетонный коридор скудно освещался маломощными лампочками. Поворот. Еще один коридор. Сознание дробилось, распыляясь на атомы, готовые разлететься по самым дальним уголкам вселенной...

Единственным, что не давало ему окончательно оторваться от земного притяжения, оставался женский образ. Он возвращался вновь и вновь, пронзая мозг. Януш бежал по пустынному коридору, но видел перед собой Анаис Шатле. Ее белые руки, сжимающие рукоятку пистолета. Стремительные движения ее гибкого тела. Машина для убийства. И его неудержимо влекло к этой машине.

Показалась еще одна дверь с запором. Он почти добрался до нее, когда на пути вдруг откуда ни возьмись возник человек. После секундного колебания он выхватил оружие и наставил его на Януша:

— Ни с места!

Януш замер. Глаза у него слезились. Полицейскую форму, лицо и фигуру вооруженного человека заволокло пеленой. Януш молча смотрел на охранника. «Пропустите меня!» — без слов молил его взгляд.

И вдруг он словно прозрел. До него дошло, что противник так же растерян, как и он сам. Целясь в него, он одновременно тянул из-за пояса застрявшую рацию.

В следующий миг роли в схватке поменялись. Теперь уже охранник умоляюще смотрел на Януша. Тот бросил на пол портфель, выхватил нож и прижал мужчину к стене. Нож он приставил ему к горлу:

— Бросай оружие.

Не успел он договорить, как пистолет звучно шлепнулся на пол. Ноль сопротивления. Не ослабляя хватки, Януш левой рукой обшарил охранника, нащупал за ремнем рацию и сунул себе в карман пиджака. Наклонился, подобрал пистолет и спрятал нож. Лишь после этого отступил на шаг и рассмотрел противника. Заметил блеск наручников, прикрепленных к ремню.

— На колени!

Охранник не шевелился. Януш ткнул его стволом в горло. И каким-то шестым чувством угадал, что оружие не заряжено. Быстро оттянул затвор и дослал пулю в патронник.

— Ложись на живот! Живо, я с тобой не шучу!

Охранник молча повиновался.

— Руки за спину!

Тот сделал, как он велел. Януш левой рукой сдернул у него с пояса наручники, приподнял руку поверженного врага и защелкнул браслет у него на запястье, поразившись легкости действия механизма. Затем нацепил оставшийся наручник ему на второе запястье.

— Ключи!

— Какие к... к... ключи?

— Ключи от наручников!

Мужчина затряс головой:

— Мы ими никогда не пользуемся...

Януш ударил его по щеке пистолетом. Потекла струйка крови. Парень съежился и прижался к стене.

— В кармане... В левом кармане.

Януш извлек ключи. Стукнул охранника по затылку рукояткой пистолета в надежде, что тот отключится. Но это оказалось не так-то просто. Януш прикинул, как много времени понадобится парню, чтобы

прийти в себя. С заломленными за спину руками и рассеченной щекой, оглушенный — он, конечно, не сразу выберется из этого пустынного коридора и вызовет подмогу. Минут пять у Януша точно есть.

Он подобрал с пола плащ и портфель. Не раздумывая, сунул за пояс, где уже торчал нож, пистолет. Теперь он вооружен до зубов — не ремень, а целый арсенал. Охранник со страхом смотрел на него. Януш замахнулся, делая вид, что собирается нанести ему еще один удар. Тот вжал голову в плечи и зажмурился.

Но Януш уже устремился прочь. Он бежал что было мочи в поисках выхода. В живот впивались нож и пистолет. Это было пьянящее ощущение.

Теперь он знал, что спасется.

Любой ценой.

* * *

Через хитросплетение извилистых улочек он выбрался на Канебьер. Прямо напротив центрального комиссариата Ноай. Вокруг творилось светопреставление. Фургоны, автомобили с мигалками и без мигалок с ревом разъезжались от подъезда. Из дверей пачками сыпались вооруженные полицейские, на ходу вскакивая в машины, ожидавшие пассажиров с распахнутыми дверцами. Были сирены. Януш прижал к груди портфель. И так, вся марсельская полиция, все силы правопорядка охотятся за ним.

Он нырнул во двор. О том, чтобы забрать свою сумку, не могло быть и речи. Рацию он выбросил в первую попавшуюся помойку. Отныне все его имущество сводилось к ножу, отнятому у охранника пистолету и папке с документами. Пора покидать Марсель... Надо найти надежное убежище. И в спокойной обстановке изучить все материалы дела. Наметить новую линию расследования. Только так он сможет доказать свою невиновность. *Если он и правда невиновен...*

Завывание сирен отдалилось. Очевидно, полиция блокировала квартал, в котором располагался суд. Вскоре разошлют по всем инстанциям приказ о его задержании. С фотографией. Передадут информацию во все газеты и на все телеканалы. В Марселе ему и шагу ступить не дадут. Счет идет не на часы, а на минуты. Другими словами, действовать следует немедленно.

На противоположной стороне он заметил магазин, торговавший недорогой одеждой. Низко опустив голову, пересек улицу. Рядом раздался громкий гудок. Он дернулся и замер на месте. Прямо перед ним грозной

грудой металла проскрежетал трамвай. Гудел водитель. Януш долго смотрел трамваю вслед, собираясь с духом после пережитого страха.

Затем, напустив на себя выражение полного безразличия, нырнул в магазин. Ему навстречу вышла продавщица. Он объяснил, что ему требуется. Он уезжает кататься на лыжах и хочет приобрести свитер, пуховик и вязаную шапку. Продавщица одарила его улыбкой. Разумеется, все это у них есть, и не только это!

— Я полностью доверяю вашему выбору, — подчеркнул он.

И поспешил укрыться в примерочной. Почти сразу вернулась девушка, доверху нагруженная куртками, свитерами и шапками.

— Вот. По-моему, это ваш размер.

Януш забрал у нее вещи и задвинул шторку. Снял пиджак. Выудил из груды барахла одежду самых неброских тонов. Бежевый свитер. Коричневый пуховик. Черную шапку, которую надвинул до бровей. Он посмотрел на себя в зеркало — ни дать ни взять глиняный человечек. Во всяком случае, ничего общего с приметам злоумышленника, сбежавшего из здания суда. Убедившись, что штора кабинки задернута плотно, он переложил в карманы куртки нож и пистолет.

— Беру вот эти три вещи, — сообщил он продавщице, выходя из примерочной с портфелем в руке.

— У нас есть те же модели других цветов...

— Нет-нет, спасибо, это именно то, что нужно. Я заплачу наличными.

Продавщица пошла к кассе.

— Убрать ваш пиджак и плащ в пакет?

— Да, спасибо большое.

Две минуты спустя он уже шагал по Канебьер с видом заправского горнолыжника. Нелепость наряда его не смущала. Пусть смеются, лишь бы не поймали. Но куда теперь? Первым делом надо убраться подальше из центра. По пути ему попался мусорный контейнер, в который он кинул пакет из магазина. Освобождаясь от лишних вещей, он сам словно бы становился легче. Еще чуть-чуть, и взлетит. Увы, он по-прежнему был привязан к земле.

Миновав бульвар Сен-Луи, он пересек улицу Павийон и оттуда свернул направо. Инстинкт подсказал ему, что он приближается к Старому порту. Нет, это плохая идея. Он чуть замедлил шаг, когда его размышления прервал скрежет автомобильных тормозов. Рядом остановился полицейский фургон, из которого горохом посыпались люди в форме. Они бежали к нему.

Он развернулся и бросился назад. На сей раз ему каюк. По всему

кварталу разносился вой сирен. Полицейские передавали друг другу по рации: засекли Януша. Весь город словно зашелся в едином крике, и этот крик требовал его смерти.

Януш споткнулся о край тротуара, чуть не упал, но устоял на ногах и бросился к вытянутой в длину площади. Он неслся вперед, прижимая к себе портфель, уже не веря в удачу. И в этот миг перед ним, как в сказке, появилось облако пара. Он вытер со лба заливавший глаза пот и увидел полуоткрытый канализационный люк, огороженный забором. Животный инстинкт шепнул ему, что там — его спасение. Он поискал взглядом рабочих.

И обнаружил их в глубине, метрах в тридцати. Они сидели в сапогах и касках, жевали сэндвичи, курили и смеялись. Януш перепрыгнул через ограду, каблуком отшвырнул прочь крышку и полез по лесенке, твердя про себя, что все эти знаки ниспосланы ему свыше. Знаки, доказывающие его невиновность. И он спустился вниз.

Его ноги коснулись земли. Он взял вправо и, сдернув шапку, пошел узким коридором, стараясь держаться подальше от булькающей посередине жижи. Еще одна лестница. Затем еще одна. Канализационная сеть Марселя не просто располагалась под землей — она имела *вертикальное* строение.

Наконец он вышел к более широкой лестнице, спустился по ней и попал в просторное квадратное помещение с бетонными стенами — нечто вроде машинного зала, освещенного лампами дневного света. Здесь стояли какие-то резервуары, тянулись трубы и работали механизмы. Не успел он сделать и трех шагов, как заметил мужчину, стоящего к нему спиной, — тот снимал показания датчиков с переносного прибора. Мужчина никак не отреагировал на появление Януша — глухой он был, что ли? Януш подошел поближе и все понял. Под защитной каской у парня были надеты наушники, и он покачивал головой, очевидно, в такт музыке.

Януш приставил пистолет ему к затылку. Парень мгновенно сообразил, что от него требуется. Содрал наушники и поднял руки вверх.

— Повернись.

Тот повиновался. И обнаружил нацеленный на себя ствол. На его лице не читалось ни малейшего страха. Он просто молча смотрел на Януша. В своем сером комбинезоне, сапогах и каске он походил на водолаза, исследующего морское дно. В руках он по-прежнему держал портативный пульт и щуп.

— Вы... вы хотите меня застрелить? — через несколько секунд спросил он.

— Нет, если ты сделаешь то, что я тебе скажу. Отсюда есть выход?

— Их несколько. Каждая подземная галерея имеет несколько выходов. Ближайший отсюда...

— А самый дальний? За пределами Марсея?

— В главном коллекторе. Это в каланке Кортю.

— Пошли.

— Да это в шести километрах!

— Значит, не будем терять время.

Парень медленно опустил руки и направился к железному шкафу.

— Куда ты? — крикнул Януш, поднимая оружие.

— За снаряжением. Туда без спецкостюма нельзя.

И он открыл металлическую дверцу. Януш схватил его за плечо и оттолкнул от шкафа. Сам вытащил каску и одной рукой водрузил себе на голову.

— Еще респираторы возьмите, — спокойно произнес рабочий. — Через кислотные отсеки без них не пройдем.

Януш немного растерялся. В шкафу хранились сапоги, комбинезоны, респираторы, какие-то металлические фляги... Парень подошел поближе:

— Дайте я.

Он выбрал два респиратора, напоминавшие противогазы времен Первой мировой, только в дизайнерском исполнении. Затем вытащил пару сапог.

— Обуйтесь.

Парень казался невероятно невозмутимым и уверенным в себе. Януша прошиб холодный пот. Почему он так себя ведет? Может, это ловушка? Может, он уже успел включить сигнал тревоги? Но он не стал ломать себе голову над этим вопросом. Выхода у него все равно не было. Приходилось довериться своему провожатому.

Пока он одевался, парень спросил:

— А что вы натворили-то?

— Тебе надо знать одно: мне терять нечего. У тебя рация есть?

— Нет. Тут есть узел связи, с которого можно звонить в другие бригады. Ну, еще можно сообщение отправить вот с этого терминала.

— Оставишь его здесь. Тебя скоро хватятся?

— Хотелось бы... Но я тут одинокая крыса. Хожу проверяю приборы, если надо, ремонтирую. Всем на меня плевать.

Правду он говорит или блефует? Узнать невозможно. Януш махнул пистолетом:

— Пошли.

Они двинулись в глубь туннеля. Каждый следующий проход был

точной копией предыдущего. Януш обливался потом. В этих катакомбах стояла душная, вонючая жара.

Вскоре он понял странное поведение парня. Тот являл собой яркий пример мономана. Работа была для него всем. С лабиринтами, которыми они шли, он составлял единое целое. Через короткое время парень заговорил. И потом уже болтал не закрывая рта. Рассказывал о подземной системе канализации. Об истории Марсея. О чуме. О холере...

Януш его не слушал. По трубам, тянувшимся на уровне их голов, сновали крысы. Мелькали таблички с названиями улиц. Но он недостаточно хорошо знал Марсель, чтобы определить их местонахождение. И вынужден был слепо следовать за человеком-крысой, который шлепал сапогами по влажно чавкающей земле.

Януш совершенно утратил представление о времени и пространстве. Изредка он задавал спутнику один и тот же вопрос:

— Далеко еще?

Тот отвечал, что не очень, и продолжал свою лекцию по истории. И в самом деле чокнутый. Всего раз Януш заметил, что обстановка под землей изменилась. Вдруг стало больше крыс: они сновали у них под ногами, взбирались одна на другую и карабкались к потолочным сводам. Их писк разносило вокруг многоголосое эхо.

— Ле-Бомет, — пояснил парень. — Тюрьма. Превосходный источник пищи, отходов и тепла...

Януш шел, высоко поднимая ноги и ступая на цыпочках. Дальше туннель расширился и превратился в темный канал, наполненный вязкой жижей. Теперь они пробирались по колено в грязи.

— Это очистной резервуар, в котором собираются твердые фракции. Наденьте респиратор. Тут плохие испарения. Они без запаха, поэтому мы их не ощущаем, но они смертельно опасны.

Они медленно продвигались вперед. Януш слышал только звук собственного дыхания, усиленный респиратором. Во рту стоял привкус железа и резины. В свете неоновых ламп на отсыревших стенах плясали их искаженные тени. Примерно через километр декорации снова изменились. Подземный водоем стал намного шире, и они теперь шагали по узкой кромке вдоль него.

Наконец провожатый Януша снял с лица респиратор:

— Ну все. Здесь уже можно нормально дышать.

Януш глотнул первую порцию свежего воздуха, как утопающий, выбравшийся на берег. Сделал глубокий вдох и задал привычный вопрос:

— Далеко еще?

Парень вместо ответа вытянул указательный палец. В конце туннеля пробивался неясный свет — не прямой, а отраженный от черной поверхности воды. Мелкие ромбики поблескивали, словно крупницы слюды.

— Что там?

Парень вытащил связку ключей.

— Солнце.

* * *

Януш договорился с парнем. У того была машина, припаркованная на стоянке станции очистки. Он пообещал подвезти его до ближайшей деревни, после чего оба поклялись навсегда забыть о существовании друг друга.

Без каски и респиратора у того оказалось загорелое, продубленное солнцем и ветром лицо. Должно быть, по выходным знаток подземных лабиринтов рыбачил на природе. Они стояли на утесе, возвышающемся над марсельским коллектором. Напротив, сколько хватало глаз, расстилалось под голубыми небесами море. Волны, разбиваясь о темные островки, выносили к берегу серебристое кружево пены. Вид отсюда открывался восхитительный. Картину портил только чудовищный запах.

Заглянув вниз, под утес, легко было обнаружить его источник. На самом деле бухточка Кортю представляла собой отстойник. Грязно-желтую жижу, состоявшую из дерьма и мусора, разбавленную морской водой. Над этим мерзостным бульоном кружили тысячи чаек, прочно связавших свое благоденствие с тоннами ежедневно прибывавших отходов.

— Вон моя «кангу». Довезу тебя — и чао!

Януш улыбнулся: ему понравилось, что парень перешел на «ты». Он сунул пистолет за пояс, решив довериться водолазу, вернее, грязелазу. Откровенно говоря, он уже устал от бдительности.

— Поведешь ты, — сказал он и на всякий случай добавил: — Только без фокусов.

— Если бы я хотел показать тебе пару фокусов, ты до сих пор бродил бы по отстойнику.

Януш не стал спорить. Ему повезло, что он нарвался на эту одинокую крысу. В парне явственно ощущалась какая-то независимость, даже бунтарство. Представитель контркультуры... Они переоделись и забрались в «кангу». В салоне хорошо пахло, особенно по сравнению с витающими

снаружи миазмами.

Парень повел машину от Марселя, следуя дорожным указателям на Кассис. Поначалу Януш внимательно смотрел по сторонам, но после первого же километра бросил это занятие. Вопрос «куда» перед ним не стоял. Перед ним стоял вопрос «что». Что делать? Он понял, что у него в данный момент нет конкретной цели. И сразу же вспомнил о главном.

Открыл портфель и достал кипу бумаг, помеченных шифром K095443226.

— Куда ехать? — спросил его водитель тоном, каким требуют точных указаний.

— Пока прямо, — ответил Януш.

В первой папке лежали фотографии с места убийства. Ничего более дикого он в жизни не видывал — если, конечно, не считать фотографий убитого Минотавра. Почерневший костлявый труп, застывший в мученической позе: прислоненный спиной к скале и обративший мертвый взор к небу. По бокам от тела раскинулись огромные обугленные крылья в потеках растаявшего воска. Рядом валялись полусожженные перья.

Януш открыл полицейские рапорты, скрепленные степлером. Марсельцы подошли к расследованию со всей серьезностью. Составили точный график всех передвижений Сокова в дни, предшествовавшие убийству. Установили его личность. Узнали, как он жил. Беженец из Юго-Восточной Европы. Панковал. Пытаясь проследить происхождение героя, обнаруженного в крови погибшего, полицейские обратились в наркоотдел. Безрезультатно.

Но главное, они исследовали косвенные улики. Крылья. Воск. Перья. Связались с производителями дельтапланов и компаниями, занимающимися перепродажей подержанного оборудования, изучили все случаи аварий, произошедших с любителями этого вида спорта. Сначала — в области Марселя, затем — по всей Франции. Итог — ноль. Они опросили поставщиков пчелиного воска в департаменте Вар и в соседних департаментах, а также их покупателей. Снова впустую. То же самое с поставщиками птичьих перьев, использованных убийцей, — перья были гусиные. Они обзвонили все фермы, а также их клиентуру — по всей Франции! — то есть фирмы, специализирующиеся на выпуске подушек и одеял, а также одежды и предметов домашнего обихода. Они не нашли ровным счетом ничего. Ни одного подозрительного покупателя. Ни одного заказа, хоть чем-то выбивающегося из рутины. И это — в течение нескольких месяцев до убийства.

Складывалось впечатление, что преступник самостоятельно

изготавливал все атрибуты своих кошмарных постановок.

Януша это обстоятельство немного успокоило. Оно означало, что он сам просто не мог все это повернуть. Тем более — *не сознавая, что творит.*

— Ну вот, — подал голос его новый знакомый. — Мы в Кассисе. Чего дальше?

— Продолжай пока. Проедем еще немного.

Януш открыл последнюю папку. В ней хранились материалы, связанные с единственным, если не считать пары туристов, наткнувшихся на тело, свидетелем по делу. Кристиан Бюисон по прозвищу Жестянка. О нем Януш уже был наслышан. Но полицейские продвинулись не дальше, чем они с Шампунем. Отыскать чокнутого бомжа им так и не удалось, хотя они прочесали все сообщество марсельских нищих и попрошаек частым гребнем. Разговаривали с бездомными, с сотрудниками благотворительных ночлежек и столовых, с персоналом больниц. Никаких следов мужчины с железкой в черепушке.

Впрочем, они добыли чрезвычайно важную информацию, о которой Януш прежде ничего не знал. Кристиан Бюисон был болен. Очень серьезно болен. Его печень пожирал рак, развившийся после гепатита С, которым он заразился много лет назад.

Полицейские получили эти сведения у Эрика Эношберга — добровольца, прибывшего из Ниццы и входящего в ассоциацию «Уличные врачи». И в последнем рапорте из этого следовал вполне логичный вывод: скорее всего, Кристиана Бюисона уже нет в живых — он умер безымянным где-нибудь на больничной койке, а то и вовсе на улице, под картонным одеялом.

— Найди мне телефон-автомат, — сказал он своему шоферу.

* * *

— Доктор Эношберг?

— Я вас слушаю.

— С вами говорит майор центрального полицейского управления города Бордо.

— Чем могу служить?

Януш купил телефонную карту в компании со своим новым приятелем. Сейчас его «телохранитель» вышагивал туда-сюда перед кабиной, не совершая никаких подозрительных движений и не проявляя ни

малейшего желания сбежать.

— Я хотел спросить вас об одном из ваших пациентов. Я имею в виду Кристиана Бюисона, известного также под прозвищем Жестянка.

— Я уже ответил на все вопросы ваших коллег еще в декабре.

— В деле появились новые факты. Убийца совершил еще одно преступление. В нашем городе.

— И?

— Я звоню вам потому, что нам требуется дополнительная информация.

На том конце провода повисло молчание. Пожалуй, Эношберг не относился к числу поклонников полиции. Номер его мобильного Януш нашел в протоколе беседы следователя с врачом.

— Вы говорили, что летом лечили Кристиана Бюисона...

— Лечил! Это слишком громко сказано. В том состоянии, в каком он ко мне обратился...

— Вот именно. Моим коллегам так и не удалось разыскать Жестянку. И они пришли к выводу, что он умер, так сказать, оставшись анонимным. Но мне вот что подумалось. Может быть, вы принимали этого пациента уже после начала расследования и...

— Да, я его принимал.

У Януша прервалось дыхание. Он позвонил врачу на всякий случай, для очистки совести, и вот рыбка клюнула.

— Когда именно?

— В начале января. Это было в Тулоне.

Снова молчание. Казалось, врач колеблется.

— В полиции меня просили сообщить, если он снова ко мне обратится, но я этого не сделал.

— Почему?

— Жестянка умирал. Мне не хотелось, чтобы легавые... я хотел сказать, ваши коллеги понапрасну мучили его.

Януш изобразил сочувствие:

— Я вас понимаю.

— Не думаю, что вы меня понимаете. Кристиан не просто умирал. Он пребывал в жутком страхе. Судя по всему, он видел нечто такое, что несло угрозу его жизни. Хотя ваши коллеги просто отмахнулись от его свидетельства.

— Неужели он видел убийцу?

— Этого я не знаю. Знаю лишь, что с того самого дня он прятался. Это было ужасно. Он умирал, но вынужден был забиться в щель, как таракан...

— Вы положили его в больницу?

— Зачем? В его стадии применяется только симптоматическое лечение.

— Значит, он умер?

— Нет.

Януш прижал к стеклу кулак.

— Где он?

— В Ницце есть одно заведение... Я все устроил. С середины января он там. В безопасности. Доживает свои последние дни.

— Где он?

Януш сейчас же пожалел, что задал этот вопрос, а главное — что задал его в подобном тоне. Не спросил, а заорал. Врач не отвечал. Что ж, он ведь сам признался, что именно этого и хотел избежать: чтобы полиция терзала несчастного бедолагу на смертном одре.

Против всякого ожидания Эношберг вдруг сдался:

— Он у «Кающихся грешников» Арбура... В Ницце.

— А что это такое? Монашеский орден?

— Это старинное братство, существующее с двенадцатого века. Заботится о неизлечимо больных и умирающих. Я попросил их взять к себе Жестянку.

— У них там что, своя больница?

— Нет, просто помещения, где могут находиться больные. Они обеспечивают им необходимый уход.

— По какому адресу?

Эношберг снова заколебался. Но, сказав «А», он уже не мог остановиться на полдороге:

— Авеню Републик в Ницце. Не знаю, о чем вы хотите с ним говорить, но надеюсь, это действительно важно. А больше всего надеюсь, что вы с уважением отнесетесь к его состоянию.

— Спасибо, доктор. Поверьте, это чрезвычайно важно. Мы будем вести себя предельно тактично.

Уже вешая трубку, он понял, что его блеф не пройдет незамеченным. Полиция Бордо и Марселя снова поднимет дело об убийстве Икара. Среди ее сотрудников найдется хотя бы один, кто захочет еще раз переговорить с доктором Эриком Эношбергом. И он получит ту же информацию.

Анаис Шатле сидела, уставившись взглядом в запертую дверь. Сюда, в комиссариат Марселя, ее притащили силой — так буйнопомешанного отволакивают в психушку. Ближе к трем часам, когда стало ясно, что Януш снова выскользнул у них из рук, — после того, как беглеца засекли, на его поимку было брошено сразу несколько оперативных групп, но он буквально *испарился*, — Анаис от злости прямо-таки озверела.

Она стояла возле своей машины и колотила по ней ногами, после чего как фурия набросилась на парней, видевших Януша и упустивших его. Сорвала с головы одного из них фуражку, у второго сдернула полицейский жетон и с кулаками полезла на третьего. Ее разоружили. Надели на нее наручники. И заперли в этом кабинете. Спасибо, что в кабинете, а не в обезьяннике, — коллега все-таки.

Сейчас она больше не дергалась — благодаря лексомилу. Приняла ударную дозу. Сразу две таблетки, которые заглотала с жадностью наркоманки. Не успели они растаять у нее под языком, как на нее снизошло спокойствие. Штиль после бури.

Она сидела, положив руки на стол и откинув назад голову, и ждала вызова на ковер. А ведь день начался совсем не плохо. Майор Жан-Люк Кронье, возглавлявший группу по расследованию убийства Икара и руководивший поисками Януша, принял ее вполне любезно. Предоставил в ее пользование кабинет — этот самый, где сейчас ее держали взаперти, — и позволил ознакомиться со всеми материалами дела.

Она не нашла в них ничего нового. Кронье с подручными проделал хорошую работу, но уперся в тупик. Помешанный на мифологии убийца умел замечать следы. Марсельским сыщикам не удалось отыскать ни одного свидетеля, не считая какого-то бездомного алкаша, но и тот как в воду канул. С уликами тоже было негусто, кроме оставленных на месте преступления. Обломки дельтаплана, воск, птичьи перья...

Зато по поводу почерка убийцы никаких сомнений не возникало. Речь шла об одном и том же человеке. Модус операнди, использование героина, символика мизансцены — все указывало на то, что орудовал один и тот же маньяк. Анаис обнаружила одно-единственное расхождение: нигде не говорилось, что содержание крови в теле Цветана Сокова было ниже нормы. Анаис запомнила эту деталь — у убитого Филиппа выкачали не один литр крови, — хотя пока она не нашла объяснения этому факту. Лонго сразу обратил внимание на необычайную бледность кожных покровов трупа. Но об Икаре ничего определенного сказать было нельзя — тело слишком обгорело.

Примерно в половине двенадцатого, просмотрев все предоставленные

ей документы, Анаис позвонила Паскаль Андре — следственному судье — и договорилась вместе пообедать. Они как раз возвращались из ресторана, когда случилось невозможное. Януш удрал прямо у нее из-под носа, унеся в качестве трофея папку с материалами следствия.

Ничего хуже и представить себе было нельзя.

Второй раз за двое суток она упустила беглеца.

Деверса прав. Ей следует наслаждаться зимним Марселем и гулять по пляжу, не вмешиваясь в серьезные дела.

Она вскочила и встряхнулась. Комиссариат располагался в особняке XIX века. Она же находилась в здании современной постройки, примыкающем к памятнику архитектуры, в кабинете, окнами выходящем на собор Мажор. Эта большая церковь, возведенная из камня двух цветов — кремового и шоколадного, — напоминала итальянский торт.

Зазвонил мобильник. Она вытерла слезы. Слезы безответственной дуры, утратившей понятие о том, где она и зачем. Пора кончать со всей этой ерундой...

— Это Деверса. Что еще вы там натворили? Вам же было сказано, что вы официально отстранены от расследования!

— Я поняла.

— Слишком поздно. Вы завязли по уши.

— В чем завязла?

— Стоит вам где-нибудь появиться, как Януш спокойно сматывается!

Комната закачалась перед глазами Анаис.

— Вы что, меня подозреваете?

— Не я. Сотрудники отдела внутренних расследований. Вы привлекли к себе серьезное внимание.

У нее пересохло в горле.

— Против меня начато... служебное расследование?

— Не знаю. Они мне только что звонили. Вы должны немедленно вернуться в Бордо.

Вся эта история дорого ей обойдется. Гораздо дороже, нежели просто обида. Отдел внутренних расследований начнет рыться в ее жизни. Они поднимут материалы по Орлеану, разнюхают про ее методы на грани законности. Установят, что у нее проблемы с психикой. Вытащат на свет божий скандал вокруг ее отца и его прошлого...

В ушах снова звучал голос Деверса. Шеф сменил тон на более теплый и сочувственный:

— Я окажу вам всю возможную поддержку, Анаис. Не принимайте все это слишком близко к сердцу. Вы еще так молоды...

— Идите в задницу!

Она злобно нажала отбой. И в тот же миг заскрежетал ключ в замочной скважине. Кронье. Коренастый бородач, выглядевший скорее добродушным. На губах у него играла насмешливая улыбка, которую не могли скрыть седеющие усы.

— Здорово вы меня провели.

Он говорил ласково, но Анаис насторожилась: что у него на уме?

— У меня не было выбора.

— Почему же не было? Вы могли бы честно рассказать мне, как обстоит дело.

— И вы бы меня послушали?

— Я уверен, что вам удалось бы убедить меня в своей правоте.

Кронье подвинул к себе стул, перевернул его и уселся задом наперед, положив на спинку обе руки.

— Что дальше?

В этом вопросе не было ни грана иронии. Скорее доброжелательная усталость.

— Верните мне папку с делом Икара, — заявила она. — И дайте поработать над ней еще ночь.

— Зачем? Я выучил все материалы наизусть. Вы не найдете в них ничего нового.

— Я узнаю, что именно искал в них Януш. Почему он пошел на такой риск, чтобы их раздобыть? Вломился в кабинет судьи...

— Я только что разговаривал с ней по телефону. Прокуратура грозитя отстранить ее от расследования этого дела.

— Почему?

— Потому что болтала с сотрудницей полиции, не имевшей официального доступа к расследованию. Потому что оставила открытым свой кабинет. Потому что хранила папку с делом в незапертом шкафу. Вот вам три причины. Выбирайте любую.

Анаис на минуту задумалась. Судья оказалась странной особой. За совместным обедом она действительно трещала как сорока, не давая ей и рта раскрыть. А теперь ей влетит.

— Дайте мне дело, — повторила она. — На одну ночь.

Кронье снова улыбнулся. Он смахивал на чуть потрепанного плюшевого мишку, в общем-то симпатичного.

— Этот ваш беглец — на что он способен?

— Он ищет убийцу.

— А разве не он убийца?

— Я с самого начала не верила в его виновность.
— А как же его отпечатки на вокзале в Бордо? Вся эта ложь? Бегство?
— Назовем это цепной реакцией.
— Ну, вы явно идете против потока.
— Дайте мне одну ночь, — взмолилась она. — Заприте здесь, в этом кабинете. И завтра утром я скажу вам, куда отправился Фрер.
— Фрер?
— Я хотела сказать, Януш.

Майор вынул из кармана небольшой блокнот и пачку ксерокопий и положил все это перед Анаис:

— Неподалеку от здания суда в жилом доме под лестницей нашли рюкзак. В нем были личные вещи человека, которого мы ищем. Документы на имя Фрера. Вы совершенно правы. Он ведет расследование.

Кронье перевернул ксерокопии так, чтобы Анаис могла прочитать текст.

— Это отчет о вскрытии Цветана Сокова. Понятия не имею, где он его раздобыл.

Она протянула руку к блокноту, но Кронье тут же накрыл его своей плюшевой лапой.

— Я пришлю вам полное досье по делу Икара. Что бы вы ни нашли, о чем бы ни догадались, все свои соображения сообщите мне. После чего уедете в Бордо. И больше не приблизитесь к этому делу ни на шаг. Скажите еще спасибо, что я уговорил коллег не подавать на вас жалобу за нанесение побоев.

Она, как заевший автомат, повторила:

— Завтра утром. Я сообщу вам все, что узнаю. И уеду в Бордо.

Кронье снял руку с блокнота и встал со стула.

Ни тот ни другая не верили в искренность обещания.

* * *

Януш стоял у окна гостиничного номера. Он был мрачен.

С королем канализации он расстался около пяти часов вечера, близ Иера. Уговорил одного таксиста отвезти его в Ниццу. Водитель, который был родом из Бэ-дез-Анж, как раз возвращался домой. За четыреста евро он согласился преодолеть вместе с пассажиром расстояние в сто пятьдесят километров, разделяющее оба города, взяв на себя оплату бензина и дорожной пошлины.

Всю дорогу он разливался соловьем, расписывая величайшее событие — карнавал, который проходил в Ницце, и сегодня, 19 февраля, сопровождался самым грандиозным празднеством. Такого его пассажир еще никогда не видывал! Будут изукрашенные повозки, будет цветочная битва, будут фейерверки и прочие развлечения! И все это — целых шестнадцать дней!

Януш его не слушал. Он уже прикидывал, как использовать это обстоятельство себе на пользу. В городе будет суматоха. Толпы народу на улицах, многие — в масках. Крики, яркие краски, а главное — неразбериха. И днем и ночью. Полиция и силы порядка с ног сойдутся, чтобы не допустить серьезных нарушений. Что ж, с его точки зрения, это совсем не плохо.

И вот они прибыли в город. На месте Янушу стало ясно, что таксист бредил. Он пообещал ему карнавал, как в Рио. А глазам Януша предстал впавший в зимнюю спячку город, безлюдный и холодный. Он поселился в отеле средней руки под названием «Модерн», на бульваре Виктора Гюго. И теперь стоял у окна, созерцая расстилавшуюся внизу пустынную улицу в обрамлении кипарисов и пальмовых деревьев. Ницца больше всего походила на курортный город, но ее дома и виллы, являвшие собой смешение всех архитектурных стилей и эпох, не оставляли никаких иллюзий: он попал сюда в мертвый сезон.

Зато ему вспомнились кое-какие сведения о Ницце, вполне согласующиеся с тем, что он видел. Город считался прибежищем пенсионеров, был на шпигован камерами наблюдения и кишмя кишел сотрудниками частных охранных агентств. Помимо моря и солнца, его буржуазное население получало за свои деньги безопасность и спокойствие. Человеку, скрывающемуся от правосудия, хуже места не выбрать...

В приют «Кающихся грешников» Арбура он уже звонил. Автоответчик сообщил ему номер мобильного телефона Жан-Мишеля. Когда он набрал его, то услышал голос, способный служить символом этого заведения. В нем звучали вера, доброта и милосердие. Януш понял, что уловка с полицейским не сработает. И изложил следующую версию. Он бывший бездомный, когда-то друживший с Жестянкой. Недавно ему стало известно, что его дружок доживает последние дни в приюте Арбура, и захотелось повидаться с ним — может быть, в последний раз. Жан-Мишель немного подумал, а потом велел ему прийти завтра к девяти утра.

Януш отошел от окна и рассмотрел свое прибежище. Кровать. Шкаф. Ванная комната размером чуть больше шкафа. Штора была отодвинута, и в

зеркале над раковиной, едва освещенном отблесками от неоновой вывески отеля, он видел свое отражение. Призрак в черном костюме, провонявший канализацией. За душой у него ничего не осталось, кроме одного сокровища — папки с бумагами, из которых он извлек имя умирающего бомжа...

Но призрак хотел есть. С самого утра, после завтрака в бесплатной столовой, у него не было во рту ни крошки. Стоит ли рисковать, выбираясь наружу? Он решил, что стоит. Вышел из отеля и пошел налево, наугад, ориентируясь по свету фонарей. Вдоль улицы тянулись виллы, выстроенные в стиле самой откровенной эклектики: тут тебе и эркеры, и орнамент в палладианском стиле, и мавританские башни, и лепнина... Но, несмотря на эту гремучую смесь, все вместе производило впечатление высокомерного равнодушия. Похоже на Северную Италию или Швейцарию. Значит, хмыкнул он про себя, он бывал в этих странах...

На авеню Жан-Медсена работал киоск, торговавший сэндвичами. Он купил себе один с ветчиной и маслом и быстро зашагал прочь. По чистой случайности ноги вынесли его напрямик на Английскую набережную. Здесь выстроившиеся вдоль побережья дома больше напоминали английские постройки. Кровли в виде сахарной головы, китчевые розовые стены, викторианские очертания...

Он пересек набережную и вышел на пляж. Невидимый в сумерках прибой, глухо дыша, катил к берегу пенные валы, со звучными хлопками обрушивающиеся на песок. Януш уселся по-турецки, подальше от фонарей, и с наслаждением вгрызся в сэндвич. Одиночество давило на плечи невыносимым грузом. Как же вышло, что у него нигде во всем мире нет ни друга, ни союзника? Настоящей, живой женщины, а не призрака повесившейся самоубийцы? При этом воспоминании — единственном, которое казалось ему достоверным, — он вдруг понял, что здесь может быть новый след. Надо попытаться хоть что-нибудь разузнать.

Его размышления прервал донесшийся издали вой полицейской сирены. Неужели сыщики уже выследили его в Ницце? Да нет, быть того не может. В темноте все так же шумно дышало море, и в его ритмичном дыхании ощущалась угрюмая мощь. Вот и его судьба, подумал Януш, это вечное повторение одного и того же.

Расследование, которое он сейчас вел, было не первым. Возможно, он уже много раз ходил по этому кругу. Но, теряя память, вынужден был вновь и вновь возвращаться к исходной точке. Сизиф, вступивший в схватку с безжалостным временем. Он должен найти ключ к разгадке до того, как разразится новый кризис и очередной приступ амнезии сотрет его знание,

как вода стирает сделанную на песке надпись...

Когда-то раньше — *когда?* — он читал книгу французского психолога XIX века Жан-Мари Гюйо, умершего от чахотки в возрасте тридцати трех лет. Автор, словно предчувствуя свою раннюю кончину, трудился над этим сочинением с юности. Десяток томов, тысячи страниц — и все посвящены изучению проблем времени и памяти.

Вот что писал Гюйо:

«Раскапывая города, занесенные пеплом Везувия, ученые находят под ними, в глубине, следы других, более ранних поселений, также разрушенных и исчезнувших с лица земли. Примерно то же самое происходит и с нашим мозгом. Жизнь в настоящем запорашивает, не стирая, прошлую жизнь, которая служит ей опорой и скрытым фундаментом. Стоит нам углубиться в самих себя, как мы мгновенно теряемся среди всех этих обломков...»

Януш поднялся и побрел обратно к отелю. Пришла пора спуститься в катакомбы собственного сознания. Предпринять археологические раскопки. Разыскать в глубинах своей памяти мертвые города.

* * *

Решение пришло к Анаис Шатле в 5.20 утра. Подтверждение своей догадке она получила в половине шестого. А в 5.35 уже звонила Жан-Люку Кронье. Детектив не спал: составлял план розыскных мероприятий по обнаружению в Марселе и его ближайших окрестностях Виктора Януша. Он находился в помещении жандармского участка, расположенного на шоссе А55, тянущемся вдоль побережья.

— Я знаю, где сейчас Януш, — возбужденным голосом сообщила она.

— Где же?

— В Ницце.

— Почему в Ницце?

— Потому что Кристиан Бюисон, он же Жестянка, доживает там свои последние дни.

— Мы искали Жестянку несколько месяцев. Но он как сквозь землю провалился. Скорее всего, он уже умер. Его смерть нигде не зарегистрирована, потому что у него не было документов.

— Жестянка вначале удрал в Тулон, а оттуда был переправлен в Ниццу. Там он сейчас и находится. Живет в благотворительном заведении для безнадежных больных.

— Откуда вам это известно?

— Я продолжила расследование с того места, на котором вы остановились. Позвонила врачу, лечившему Бюисона в Марселе. Его зовут Эрик Эношберг, и он входит в ассоциацию «Уличных врачей».

— Я сам его допрашивал. Что он вам рассказал?

— Что он осматривал Жестянку в Тулоне, в январе, после чего устроил его в хоспис братства «Кающихся грешников» Арбура.

Кронье несколько секунд молчал, переваривая новость. Очевидно, имена, названия и даты говорили ему о многом.

— Зачем Янушу туда ехать?

— Затем, что он сделал ровно те же выводы, что и я. Вчера около шести вечера он звонил Эношбергу. Выдал себя за полицейского. Надо немедленно мчаться в Ниццу. Януш уже там!

— Не так быстро. Мы с вами, кажется, заключили соглашение.

— Разве вы еще не поняли, что я за фрукт?

Кронье фыркнул:

— Я понял, кто вы такая, в ту же минуту, как вы переступили порог моего кабинета. Избалованная девчонка, которой не хватает в жизни острых ощущений. Дочка богатеньких родителей, назло маме с папой поступившая работать в полицию. Засранка, плюющая с высокой колокольни на закон, хотя по долгу службы обязана его защищать.

Анаис сглотнула слюну:

— Это все?

— Нет, не все. В настоящий момент вы даже не представитель полиции. Вы — правонарушительница, задержанная и оставленная под мою ответственность. Мне звонили из отдела внутренних расследований. Они собираются прислать в Марсель бригаду, которая будет с вами разбираться.

В горле у нее пересохло. По вискам текли капли пота. Итак, ее решили примерно наказать. Но сила притяжения уже была над ней не властна. От сознания того, что она нашла разгадку, у нее словно крылья выросли.

— Выпустите меня. Поедем в Ниццу. Подкараулим Януша в «Кающихся грешниках» и вместе привезем его сюда.

— А дальше что?

— Вы напишете в рапорте, что это я помогла вам осуществить арест. Что моя добросовестность не вызывает сомнений. Лавры победителя

достанутся вам. А я смогу реабилитироваться.

Последовало краткое молчание. В тишине, почудилось Анаис, что-то щелкнуло — с таким звуком перезаряжают револьвер.

— Я за вами заеду.

— Поторопитесь.

— Мне надо оставить здесь распоряжения.

— Он опять от нас ускользнет!

— Не волнуйтесь, — успокоил ее Кронье. — Мы предупредим «Грешников». Я с ними знаком. У нас в Марселе действует их отделение. Кроме того, я свяжусь с полицией в Ницце и...

— Только не устраивайте засаду перед Арбуром! Януш почует ловушку.

— Да ну? Ницца, знаете ли, это Форт-Нокс. Там камеры на каждом шагу. Патрульные на каждом углу. Ему не сбежать, вы уж мне поверьте. А сейчас вызовите кого-нибудь из моих людей. Пусть принесет вам кофе. Я заеду за вами через полчаса.

— Сколько нам понадобится времени, чтобы добраться до Ниццы?

— Час с четвертью, если ехать быстро. А мы поедем очень быстро.

И он повесил трубку. Анаис последовала его совету. Вызванный по телефону лейтенант выпустил ее и проводил в столовую полицейского участка. Сотрудники косились на нее с неодобрением. Она рассыпалась в извинениях и объяснениях, униженно улыбалась, но это мало помогало — на нее продолжали смотреть как на психопатку из Бордо, ни с того ни с сего набросившуюся с кулаками на своих же коллег-полицейских. Она устроилась в уголке, решив не обращать внимания на враждебные взгляды.

Первый же глоток кофе принес ощущение, что она пьет жидкую тьму. Возбуждение уступало место ватному безразличию. Она терзалась вопросами. Правильно ли она поступает, гоняясь за Матиасом Фрером? Ведь если его арестуют, ему не избежать обвинения в убийстве...

Ночью она не только вдоль и поперек изучила материалы по делу Икара. Она внимательнейшим образом ознакомилась с заметками Януша. С самого начала у нее появилось смутное чувство, что в них содержится нечто чрезвычайно важное. Фрер, он же Януш, не был ни обманщиком, ни манипулятором. Им двигали самые искренние намерения.

Как и Патрик Бонфис, он был пассажиром без багажа.

Заметки, хоть и набросанные для личного пользования, не оставляли места для сомнений. Она умела читать между строк. Обе личности этого человека сформировались в результате психотического бегства. Наверняка они были не единственными. Фрер, он же Януш, вел расследование не

только по убийствам. Он искал самого себя. Пытался проанализировать каждую из своих личностей, чтобы прийти к первоисточнику — себе подлинному.

На данный момент ему удалось лишь восстановить хронологическую последовательность событий последних месяцев. С января по настоящее время он был Матиасом Фрером. С конца октября по конец декабря — Виктором Янушем. *Но кем он был раньше?* Он искал ответ на этот вопрос, снедаемый страшным подозрением. Это он убил Минотавра или нет? Он принес в жертву Икара или нет? Кто он — охотник или дичь? Или и то и другое сразу?

Цель, которую он перед собой поставил, далеко выходила за рамки его возможностей. До сих пор ему везло, как любому новичку. Но так не могло продолжаться вечно. Ему грозила шальная пуля. За ним гнались таинственные люди в черном — те, кого он в своих заметках называл «чиновниками», намекая на их повадку политических хищников.

Фрер упоминал также об уличной банде, совершившей на него покушение в Марселе. В первый раз в декабре — тогда его и задержали как зачинщика драки, — и второй раз 18 февраля. Он сумел подловить одного из нападавших и вытрясти из него информацию. Бандитов наняли все те же люди в черном. Надо срочно допросить членов банды из Бугенвиля. Она обязательно предупредит об этом Кронье по дороге в Ниццу, чтобы...

— Анаис!

Она встрепелась. Грузный майор тряс ее за плечо. Она и не заметила, как заснула прямо в столовой. В приоткрытую дверь были видны снующие туда и сюда жандармы. Смена ночного дежурства.

— Который час?

— Двадцать минут восьмого.

Она вскочила:

— Мы опаздываем!

— Будем там через час. «Грешники» в курсе. Тамошняя полиция уже на месте.

— Я же вам говорила!

— Наши люди все в штатском. Я их хорошо знаю.

— Вы предупредили их, что Януш вооружен?

— Мне порой кажется, что вы принимаете меня за идиота. Жду вас в машине.

Анаис поднялась в кабинет, взяла куртку и завернула в туалет. Сунула голову под теплую воду. В висках стучало. Ее подташнивало. Зато простуда прошла.

На пороге участка она с наслаждением вдохнула ледяной воздух. Кронье уже сидел за рулем. Она посмотрела вокруг: других машин не видеть. Никакой кавалерийской атаки. Никакой тяжелой артиллерии. Выступление малыми силами. Эта идея ей понравилась.

Она направлялась к автомобилю, когда у нее в кармане зазвонил мобильник. Вытаскивая, она уронила его и нагнулась подобрать:

— Алло!

— Это Ле-Коз.

Знакомое имя прозвучало для нее приветом с другой планеты.

— Я насчет «Метиса».

— Что-что?

Анаис никак не могла собраться с мыслями. Кронье уже завел мотор.

— Ночью я встречался с этим журналистом. С Патриком Коскасом. Он копнул гораздо глубже остальных.

— Что копнул? О чем ты?

— О «Метисе», о чем же еще?

— Слушай, я жутко тороплюсь, — пробормотала она сквозь зубы.

— Он рассказал мне потрясающие вещи. По его словам, «Метис» никогда не порывал связей с военными.

— Мы можем поговорить об этом позже?

— Нет, не можем. Коскас утверждает, что холдинг занимается химическими исследованиями в области создания препаратов психотропного действия, подавляющих человеческую волю. Что-то вроде сыворотки правды.

— Если, кроме этих сказок, у тебя больше ничего нет, давай созвонимся попозже, идет?

— Анаис, это еще не все.

Она вздрогнула. Ле-Коз никогда не называл ее по имени. И это обращение ее несколько не растрогало. Оно ее испугало.

— Коскас раздобыл список акционеров компании.

Кронье уже разворачивался. Анаис перешла на бег.

— Давай я тебе перезвоню! Я правда не могу сейчас...

— И в этом списке я нашел одну знакомую фамилию.

Она уже протянула руку к дверце, но замерла как изваяние.

— Чью?

— Твоего отца.

— Я должен вас предупредить. У него не все в порядке с головой.

Жан-Мишель поджидал Януша у крыльца приюта Арбура. Здание заметно выделялось на фоне остальных построек авеню Републик. Современный дом, окрашенный в солнечные тона. Темно-желтый. Светло-желтый. Ярко-желтый. Немного странно для места, куда приходят умирать. Но еще более странным Янушу показалось поведение встретившего его «кающегося грешника». Он заметно нервничал. Неужели о чем-то догадался? Может, читал утренние газеты и видел его фотографию на первой странице? Ладно. Отступать в любом случае поздно.

Януш последовал за своим провожатым в холл, на стене которого висела белая табличка с красным крестом и надписью: «Молись. Действуй. Люби». Они молча пошли вверх по лестнице. Януш нес с собой портфель с бумагами. Возвращаться в отель он не собирался. Шагая за «грешником», он внимательно его рассматривал. Против всякого ожидания, Жан-Мишель оказался вовсе не почтенным старцем с белоснежной бородой, одетым в рясу с капюшоном, препоясанную вервием. Это был спортивного вида мужчина лет пятидесяти в свитере и джинсах, стриженный ежиком, в очках в металлической оправе.

Они свернули в полутемный коридор, свет в который проникал лишь из узкого оконца под потолком. Линолеумный пол у них под ногами блестел, словно политый водой. Тишина в здании стояла невероятная. На голых стенах не висело ни плакатов, ни табличек. Ничем не пахло. Одним словом, ничто не указывало на предназначение этих помещений. Янушу подумалось, что случайный человек, забредя он сюда, мог бы решить, что попал в отдел социального обеспечения или налоговую инспекцию.

Жан-Мишель остановился возле одной из дверей и обернулся к посетителю. Он стоял против света, уперев руки в боки, и в его позе проглянуло нечто властное. Как будто для Януша настал день Страшного суда.

— Учитывая его состояние, я даю вам десять минут.

Януш молча поклонился. Помимо воли он проникся каким-то благоговейным чувством. Жан-Мишель постучал в дверь. Ему никто не ответил. Тогда он извлек связку ключей.

— Наверное, он на балконе, — предположил он, отпирая дверь. — Он любит там сидеть.

Они проникли в помещение — типовую квартирку-студию, залитую утренним солнцем. Поскрипывал под ногами рассохшийся паркет. На оклеенных светлыми обоями стенах — ни картин, ни фотографий. Слева — уголок, отведенный под стерильно чистую кухню.

Вообще вся квартира сияла чистотой.

Безупречной чистотой.

Как в операционной.

Жан-Мишель указал пальцем на открытую балконную дверь. За ней спиной к ним сидел в шезлонге мужчина. «Кающийся грешник» красноречивым жестом развел руки: не больше десяти минут. И отступил на цыпочках, оставив Януша в паре метров от человека, которого он безуспешно искал последние двое суток.

Януш, не выпуская из рук портфеля, прошел вперед. Кристиан Бюисон, до подбородка укрытый пледом, сидел, подставив лицо солнцу. Балкон выходил на улицу. Широкого обзора отсюда не открывалось — мешал стоящий напротив жилой дом. Звуковой фон обеспечивали проезжавшие мимо автомобили и дребезжащие трамваи.

— Привет, Жестянка.

Старик не пошевелился. Януш шагнул через порог и стал напротив него, облокотившись о перила. Бюисон поднял глаза, в которых не мелькнуло ни тени удивления. Выглядел он ужасно — не человек, а ожившая мумия.

— Ты пришел меня убить? — наконец выдавил он.

Януш взял стоявший рядом складной стул, развернул его и уселся рядом с Жестянкой, спиной к улице.

— С какой стати мне тебя убивать?

Лицо старика — серое, дряблое, без единой кровинки — исказила гримаса то ли страха, то ли смеха. Сквозь кожу просвечивали истончившиеся мышцы и омертвевшие сухожилия. Тусклый взгляд потухших глаз еле пробивался из глубины глазниц. Щеки, заросшие седой щетиной, делали его похожим на искупавшегося в ртути дикобраза.

— Я пришел поговорить насчет того, что случилось в каланке Сормью.

— Ясно дело.

Он произнес эти слова почти заговорщически. В этот миг Януш понял, что ничего не вытянет из этого полуразложившегося трупа. Подумать только, проделать такой долгий путь, и ради чего? Перед ним сидела человеческая руина. Сумасшедший, утративший остатки разума, но даже на смертном пороге все еще пытающийся хитрить. Хотелось бы Янушу вызвать в своей душе хоть каплю сочувствия к старому негодяю, но он слишком хорошо понимал: покинь он это заведение без новой информации, за его собственную жизнь никто не даст и ломаного гроша.

— Ты пришел меня убить?

Януш дернулся — сцена начинала напоминать закольцованную пленку

— и терпеливо повторил:

— С какой стати мне тебя убивать?

— И то верно, — хохотнул Жестянка. — Зная, сколько мне осталось...

Пришлепнул губами и пробормотал:

— Скорей бы...

Януш наклонился к нему пониже. Он весь обратился в слух, даже дышать перестал.

— Утречком и отправлюсь... Как только солнышко встанет. Сейчас у нас зима, так? Значит, часиков в восемь...

Жестянка умолк. Януш рискнул задать вопрос:

— Что ты делал в тот день?

Старик поднял бровь. Януш уловил в его глазах жадный блеск.

— У тебя выпить есть?

Почему он не подумал об этом раньше? Универсальная валюта в мире бомжей!

— Расскажи все, что знаешь, и я сбегая тебе за выпивкой, — солгал он.

— Как же, ври больше.

— Расскажи, что там было!

Жестянка снова пожевал губами. Звук раздался такой, словно рядом сломали сигару. Что он там жевал? Может, слова, которые собирался выплюнуть?

— У меня дар, — прошамкал он наконец. — Я чую, когда человек помрет. В воздухе есть магнетизм. И он меняется. А я его чую, потому как у меня в черепушке железяка. — И он ткнул пальцем себе в лоб. — Я типа колдун. Только без волшебной палочки. Сечешь?

— Секу. В то утро в бухте погиб парень.

— Я шел по тропинке. Дошел до пляжа. Там было до фига водорослей. И еще всякого мусора из моря...

Жестянка опять замолчал и принялся жевать губами. Несмотря на яркое солнце, он под своим пледом трясся от холода. Шум на улице стал громче. На сей раз в душе Януша шевельнулось сочувствие. Несчастный бродяга доживал последние дни, если не часы... Вообще-то в этой квартирке было довольно тепло. «Кающиеся грешники», в сущности, делали доброе дело. Потому что позволить себе умереть под солнцем Ниццы могут немногие старики. Только очень богатые старики.

— Что ты видел на пляже?

— Да не на пляже. На скалах.

Бомж смотрел прямо перед собой. Наверное, видел внутренним

взором ту давнюю сцену. Его воспаленные бесцветные глаза усыхали, словно выставленная на солнце раскрытая устрица.

— Там был ангел... Ангел с крыльями. Красивый. Большой. Но он сгорел. Слишком близко подлетел к солнцу...

Может, Жестянка и был чокнутым, но он присутствовал на месте преступления в тот момент, когда оно совершалось. Януша тоже охватила дрожь, хотя спину пекло. Ему стоило немалого труда сдержаться и не схватить старика за грудки, чтобы встряхнуть из него правду. А правда была здесь, рядом, только руку протяни.

— А рядом с ангелом кто-нибудь был? Ты кого-нибудь еще там видел? Жестянка перевел мутные, словно затянутые тиной глаза на Януша:

— Ага, видел. Был там один мужик.

— И что он делал?

— Молился.

Вот так неожиданность.

— Как так молился?

— Он стоял на коленках возле ангела. И повторял одно и то же слово.

— Какое слово? Ты его расслышал?

— Не, ничего я не слышал. Я далеко был. Но я прочитал по губам. Я умею читать по губам. Давно научился, еще когда работал в центре для глухонемых...

— Что он говорил? Что, черт возьми, он говорил?

Умиравший старик захихикал и съежился под пледом. Януш чувствовал себя рыбой, пойманной на крючок. Почти тотчас же до него дошло, что уличный шум изменился. Теперь к привычным звукам добавилась музыка, вернее, ритмичный стук. Если это и была музыка, то странная, на грани пародии. Она вызывала ощущение кошмара. Но она означала, что в городе начался карнавал.

Януш заставил себя успокоиться и шепнул на ухо старику:

— Слушай, Жестянка! Я приехал издалека, чтобы поговорить с тобой. Скажи мне, что говорил этот человек, который молился рядом с ангелом. Какое слово он повторял?

— Русское слово.

— Русское?

Жестянка вытащил из-под пледа корявый палец и принялся отбивать им такт:

— Слышишь? Карнавал.

— Какое слово он повторял?

Жестянка все так же стучал по подлокотнику костлявым пальцем.

— Какое слово?

— Он все время твердил: «matriochka»...

— Что это означает?

Полуживой бродяга подмигнул ему:

— И ты меня убьешь?

Януш схватил его за руку, прикрытую пледом:

— Господи боже, да зачем мне тебя убивать?

— Потому что мужик, который молился, — это был ты, говнюк!

Януш выпустил руку больного и отступил к перилам. Музыка за спиной звучала все громче. Она уже перекрывала уличный шум. От нее слегка вибрировал пол балкона.

Жестянка ткнул в Януша пальцем:

— Ангела убил ты. Ты убил его и сжег, потому что ты демон. Ты — посланец Сатаны!

Януш едва не упал. Ему пришлось вцепиться в балконные перила. Лишь тут он осознал, что вокруг что-то не так. В карнавальную музыку ворвались посторонние звуки. Завывания сирен. Они перекрывали карнавальный галдеж. Перекрывали шум улицы.

Он повернулся лицом к дороге. Отовсюду съезжались полицейские машины. На крышах крутились мигалки, рассыпая под солнцем бриллиантовые искры. Хлопали, открываясь, дверцы. Из них десятками выпрыгивали люди в форме.

Вцепившись обеими руками в перила, Януш, остолбенев, наблюдал за этой картиной. Он замечал каждую деталь. Полицейские рации. Красные повязки. Оружие...

Толпа расступалась перед ними.

Притормаживали трамваи.

Навстречу полицейским спешили «кающиеся грешники».

И тут все как один задрали головы. Януш еле-еле успел отступить в глубь балкона. Когда он снова бросил взгляд на улицу, то увидел Анаис Шатле. Она заряжала пистолет.

Он не раздумывая бросился к левому краю балкона, швырнул вниз свой портфель, перекинул ноги через перила и ухватился за водосточную трубу.

В ушах раздавался гомон карнавала и слышались смешки Жестянки. Он полез по трубе, по-обезьяньи перебирая руками и ногами. Когда руки совсем онемели, он спрыгнул в пустоту и упал на тротуар. От удара перехватило дыхание. Ему показалось, что он переломал себе все кости. Прокатившись по земле, он сумел приподнять голову и тогда увидел, что

все входы и выходы в здание перекрыты полицейскими. На сей раз он точно попался.

В падении он разбил витрину и сейчас поразился, что не чувствует ни боли, ни страха. Полицейские, привлеченные грохотом, оборачивались в его сторону, выхватывая оружие. В свете мигалок он ясно видел, что они испуганы ничуть не меньше его. Если не больше.

В этот миг справа показался трамвай, перекрыв ему поле обзора. Вместо вооруженных полицейских на него из залитых солнцем окон пялились изумленные пассажиры. Он вскочил на ноги. Подобрал портфель и, бормоча: «Matrioshka», бросился вперед, туда, где звучала музыка карнавала.

Вся его жизнь оборачивалась каким-то затянувшимся дурацким розыгрышем.

* * *

Он догнал трамвай, проскочил наискосок перед головным вагоном и едва увернулся от второго трамвая, шедшего в противоположном направлении. Некоторое время он, почти оглохнув, бежал в узком коридоре между двумя громяющими составами. Затем свернул налево и помчался прочь от трамвайной линии. На оставшийся за спиной приют Арбура и легионы полицейских он даже не обернулся, хотя не сомневался, что они несутся за ним по пятам.

Он знал, что будет дальше. Все это с ним уже бывало. Сейчас из здания выбегут полицейские, в том числе Анаис. Они разделятся на группы и начнут прочесывать авеню Републик и прилегающие кварталы. Вызовут дополнительные машины. Снова завоют сирены, подвозя очередную армию охотников. И все они будут преследовать одну и ту же дичь — его, Януша.

Он выбрался на площадь, в центре которой стоял памятник из белого камня. Какой-то исторический деятель. Януш на секунду остановился, пытаясь отдышаться. Увидел деревья. Церковь с античным портиком. Зонты от солнца. Пешеходов, машины, парочки за столиками кафе. На него никто не обращал внимания.

Он сосредоточился. Уперев ладони в колени, весь обратился в слух. Он ловил нужный ему сигнал. Карнавальную музыку. Завывания сирен сильно мешали, но Януш все же сумел определить, откуда звучат фанфары и барабаны.

Он побежал по широкому проспекту, открывшемуся справа. Главное

— добраться до карнавальной толпы. А там он смешается с народом и станет невидимым. Не замедляя бега, он пытался думать. Но мысли рвались. Откровения Жестянки. Его рассказ о том, что Януш был на месте убийства Икара. Странное слово *matriochka*. Слишком много вопросов. И по-прежнему — ни одного ответа. Сам себе не отдавая отчета, он бормотал на бегу:

— *Matriochka... Matriochka... Matriochka...*

Что означает это слово?

Он неся, не снижая скорости. Теперь уже прохожие начали на него оглядываться. Наверняка многие из них сложили в уме два и два: где-то рядом воют полицейские сирены, а по улице удирает человек... Вдруг слева показалась узенькая улочка, запруженная народом и застроенная магазинчиками. Она шла параллельно проспекту. Помогая себе локтями, Януш пробрался в толпу, в самую ее гущу.

И в тот же миг перенесся в Марсель.

В квартал Панье, состоящий из лабиринта тупиков и проулков.

Должно быть, это старая часть Ниццы.

Оглядываться и соображать, куда именно его принесли ноги, было некогда. Надо просто двигаться на звук барабанов — в них Янушу слышалось биение пульса большого города. На мостовых теснились всевозможные лавки. Торговали зонтиками, сумками, сорочками. А вот и еще одна площадь. Здесь раскинулся рыбный рынок. Затем другая улочка, еще уже и темнее. Ее камни как будто источали аромат фруктов...

Музыка раздавалась все ближе...

Музыка его спасет...

Он по-прежнему двигался вперед без оглядки. Он понятия не имел, сумел ли сбить полицию со следа или она дышит ему в затылок. Справа открылся проход к ведущей вниз лестнице, зажатой между домами из искусственного мрамора. Он спустился и вновь оказался на солнце, словно нырнул из ночи в день. Еще один проспект. Звук сирен отдалился. Никаких машин с мигалками. Только трамваи, которые двигались вправо и влево от разделительной полосы на дороге, почти вплотную к газону тротуара.

Музыка звала его с противоположной стороны дороги.

Януш замедлил шаг. Он пересек проспект по диагонали, стараясь ничем не выделяться из толпы гуляющих. И пошел мимо садов, в которых росли пальмы, а посреди лужаек стояли статуи. Он шел на звуки музыки. Теперь он узнал мелодию и тихим голосом вслух произнес название песни. «I gotta feeling»^[24] в исполнении группы «Black Eyed Peas». Небрежной походкой — руки в карманах, голова опущена — он миновал парк.

Посыпанные гравием дорожки. Плотные заросли кустарников. Семейные пары с детьми на лавочках. До цели оставалось совсем немного. На что он рассчитывал? Стать участником праздничного шествия? Спрятаться под трибунами?

Едва он покинул территорию парка, как его надежды угасли. Доступ к шествию перекрывали металлические заграждения и наскоро возведенные трибуны для зрителей. Возле них несли службу полицейские и охрана, призванные следить за соблюдением порядка. Януш не раздумывая затесался в толпу, двигавшуюся к пронумерованным воротам. У него был единственный шанс — затеряться в толпе. Вместе с остальными пройти через контроль, предъявив билет.

А вот и кассы. Над ними висел огромный плакат: «Карнавал в Ницце. Лучший на голубой планете». Перед окошками почти не было очереди. Вой сирен сюда не доносился, заглушаемый музыкой карнавала.

— Один билет, пожалуйста.

— На трибуну или стоячий?

— Стоячий.

— Двадцать евро.

Януш смешался с толпой зрителей, собравшейся под железными стояками, поддерживавшими трибуны. У него на глазах полицейские бегом покидали свои посты. Каждый прижимал к уху рацию и на ходу вынимал из кобуры оружие. Итак, они получили сигнал тревоги.

Януш добрался до ворот с номером, указанным у него в билете. Шум вокруг стоял оглушительный. Контролер забрал у него билет и пропустил внутрь. В лицо ему он даже не смотрел. Вообще контролеры не смотрели на зрителей — все их внимание было поглощено бегущими полицейскими.

Удалось.

Он проник за ограждение.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы оценить обстановку. Друг напротив друга располагались две трибуны, плотно заполненные ликующим народом. Широкий проход оставили для передвижных установок. Большинство зрителей не сидели, а стояли, громко хлопая в ладоши. Ребяшня развлекалась, опутывая родителей лентами серпантина. Между рядами фланировали танцовщицы в костюмах лягушек, вытягивая вперед перепончатые лапы. Девушки в нарядных длинных платьях приподнимали юбки, открывая полосатые колготки.

Но главным, конечно, было шествие.

Пятиметровой высоты ярко-голубая сирена с оранжевыми волосами размахивала многочисленными конечностями. Интенсивностью окраски

она напоминала слепящую голубизну с полотен Ива Кляйна. У Януша мелькнула странная ассоциация. Источником вдохновения при создании «международного синего цвета Кляйна» художнику послужило небо Ниццы. Вокруг сирены в воздухе реяли накаченные гелием медузы. Два кита, пристроившиеся с двух сторон от ее хвоста, пели песню. За повозкой танцующим шагом шли девочки в чешуйчатых костюмах.

Януш стоял среди зрителей и, зажав портфель под мышкой, старательно хлопал в ладоши и подпевал выступающим. При этом он не забывал время от времени настороженно оглядываться вокруг. Пока рядом не было видно ни одного человека в форме или с красной повязкой на рукаве. Вместо них шли бесконечной чередой танцоры, жонглеры и мажоретки, которых зрители осыпали серпантинном и цветными конфетти. Затем начался парад великанских принцесс. Под их красными, желтыми и голубыми платьями высотой в несколько метров прятались повозки, благодаря чему фигуры принцесс парили над толпой в облаках пестрых бумажных лент.

Януш на миг утратил бдительность, всматриваясь в их размалеванные лица и украшавшие их головы диадемы.

Когда он оторвал от них взгляд, в толпе кишмя кишели полицейские.

Они появились возле каждого входа на трибуны. Пробирались между рядами. Шли вдоль толпы стоящих зрителей. Замешались среди лягушек и жонглеров. Охваченный внезапным порывом, Януш бросился в гущу шествия и оказался в группе акробатов. У каждого из них к спине был привязан воздушный шарик в форме какой-нибудь птицы. Значит, его арестуют в птичнике.

Почти в панике он двинулся против течения и вскоре наткнулся на следующую повозку. Над ней вращался огромный огрызок яблока, вокруг которого располагались жутковатого вида куклы, представлявшие собой нечто среднее между человеком и грызуном. Впечатление усиливали переодетые крысами люди, которые танцевали возле повозки.

И вдруг случилось невообразимое.

Крысы с человеческими головами по-прежнему плясали вокруг своего огрызка, когда Януш увидел куклу, изображавшую его самого. Разумеется, в искаженном, карикатурном виде, но, вне всякого сомнения, именно его и никого другого.

Он остолбенел, пытаясь сообразить, как это могло произойти, когда с повозки раздался голос:

— Эй, ребята! Нарцисс здесь! Нарцисс вернулся!

Януш поднял глаза к пассажирам повозки. Один из них, в крысином

костюме, тыкал в него указательным пальцем:

— Нарцисс! Нарцисс приехал!

Остальные принялись дружно скандировать:

— Нар-цисс! Нар-цисс! Нар-цисс!

Один из этих чокнутых протянул ему руку. Поднатужился и помог Янушу взобраться на повозку. Ему тут же предложили маску с заостренным носом, которую он с готовностью натянул. И мгновенно стал крысой, одной из множества крыс. После чего, недолго думая, пустился в пляс вокруг повозки, получая свою долю серпантина и конфетти.

Несмотря на шок, он попытался проанализировать ситуацию. Януш умел распознавать людей с психическими отклонениями. Крысиную стаю явно составляли пациенты психлечебницы. Умственно отсталые индивидуумы. Очевидно, руководство больницы предложило им проехаться на собственной повозке и принять участие в карнавале образца 2010 года.

Но это было еще не все. Они узнали в нем своего. Нарцисса. Психически больного человека, находившегося на излечении в одном из соответствующих заведений Ниццы. Случай привел его туда, где его ждала встреча с собственной предыдущей личностью. Не исключено, что исходной. Как ни удивительно, он испытал чувство облегчения. Это всего лишь болезнь. Значит, есть надежда на исцеление. И весь этот кошмар прекратится...

Но пока он весело хлопал в ладоши в такт песне Леди Гаги «Bad romance».^[25] Полицейские искали его в толпе зрителей. Осматривали каждого человека. Никому и в голову не пришло обратить внимание на участников представления. И меньше всего — на платформу, на которой переодетые крысами люди танцевали вокруг яблочного огрызка.

В этот миг Януш увидел Анаис. Сжимая рукоять пистолета, она расталкивала зрителей. На ее лице, явно заплаканном, читалось отчаяние. Ему захотелось спуститься с платформы, подойти к ней и крепко обнять. Но один из новых друзей схватил его за руку, приглашая станцевать зажигательный рок-н-ролл. Януш не стал сопротивляться, напротив, отдался танцу со всем темпераментом, на какой был способен. Платформа медленно двигалась вперед, увозя его к новой судьбе. Судьбе психопата.

Он размышлял над многими возможностями спасения, но подобная идея в их число не входила.

Тем не менее факт оставался фактом. Он ступил на ковчег сумасшедших.

III

Нарцисс

Обрывок бечевки.

Обломок полистиролового поплавка.

Три кусочка пластмассы.

Две банки из-под кока-колы.

Осколок зеркала.

Упаковка из-под быстрозамороженных продуктов фирмы «Конфифрост».

Размокшие от воды щепки...

— Не понимаю, зачем тебе все это, — сердито произнес Кронье.

Анаис не ответила. Она разглядывала мусор, собранный на месте гибели Икара. Все, что море выбросило на берег в каланке Сормью, в радиусе двадцати метров вокруг трупa. Еще утром она потребовала, чтобы эти обломки доставили ей запечатанными в пластик. И вот добыча у нее в руках.

— Наш криминалистический отдел приложил полный список, — продолжил полицейский. — Органику, подверженную разложению, хранить не стали. Да и вообще многое уже выкинули на помойку. Скажи, зачем тебе эта дрянь?

— Хочу направить на анализ в экспертно-криминалистическую лабораторию в Тулузе. Углубленный анализ.

— Мы что, плохо сделали свое дело?

Анаис откинула назад волосы и улыбнулась:

— Просто я знаю там одного парня. Может, ему удастся что-нибудь для нас вытащить... Улику. Намек на улику...

— Ты слишком часто смотришь телепрограмму «Эксперты».

Она молча подняла глаза к расположенным напротив экранам. На часах было 18.00. Они сидели в Центре наблюдения за обстановкой в городе. Помещение было пару недель назад оборудовано новейшей аппаратурой, позволявшей снимать показания с шестисот камер, установленных в Ницце. На картинке было видно, как Януш прыгает с балкона Дома Арбура, спускается вниз по водосточной трубе и катится по асфальту, чудом не попав под трамвай, после чего удирает по авеню Републик. Эта закольцованная запись прокручивалась снова и снова.

— Псих ненормальный, — пробурчал Кронье. — Или профи.

— Нет. Просто отчаявшийся человек. А это разные вещи.

Оба они, сидящие в глубоких фиолетовых креслах перед стеной, заставленной мониторами размером 16×9 дюймов, больше походили на режиссеров телевизионного шоу. Анаис, впрочем, полагала, что, в сущности, чем-то подобным они и занимались. Театральщиной. Проторчали в студии полдня, но никакого результата не добились.

Постоянная связь с полицейскими, снабженными рациями, и восьмьюдесятью патрулями, шесть сотен камер наблюдения с круговым обзором и возможностью менять масштаб картинки, приборы для считывания автомобильных номеров — целый арсенал средств, и все они оказались бессильны перед Янушем. Человеком невероятного ума и железной воли. Человеком, который кожей чуял ловушки и умело их избегал.

В начале облавы полиция и жандармы не сомневались в успехе. Ницца — самый охраняемый город во Франции. К тому же к ним на помощь прибыли подкрепления из Канн, Тулона и еще более далеких городов. Пешие полицейские, конные полицейские, полицейские на автомобилях... Сейчас моральный дух этих людей упал ниже плинтуса. Восемь часов поисков. Итог — нулевой.

Анаис вела себя терпеливо. Никаких приступов ярости. Только крайняя усталость. Януш снова выскользнул у них из рук. Ладно. Проехали.

— Как думаешь, что он сейчас станет делать? — не выдержал Кронье.

— Мне надо поговорить с Жестянкой.

— Не болтай ерунды.

Она молча допила кофе. После утреннего происшествия Кристиан Бюисон впал в кому. В тяжелом состоянии его перевезли в скорпомощную больницу Ниццы. «Кающиеся грешники» Арбура подали жалобу на полицию, обвиняя ее сотрудников в том, что своими плохо организованными насильственными действиями они создали угрозу жизни их пациента.

Горький вкус кофе как нельзя лучше подходил к ее нынешнему настроению. Она чувствовала себя опустошенной. Как земля после пожара. Все надо начинать сначала. Пока что она кляла на чем свет стоит — правда, про себя — невезуху, из-за которой провалилась операция. Во-первых, на шоссе А8 случилась авария, и они потеряли кучу времени, пока ее объезжали. В Ниццу прибыли уже около девяти часов. Сразу же рванули на авеню Републик и здесь обнаружили, что их опередили другие группы,

решившие поиграть в Старски и Хатча, то есть окружившие здание автомобилями с мигалками.

А ведь она предупреждала, что действовать надо с предельной осторожностью!

Затем посыпались другие неприятности. Ей позвонила судья из Марселя Паскаль Андре. Звонил Деверса. Телефонные звонки сыпались на нее как боксерские удары, а она, зажатая в угол ринга, терпеливо их принимала. Не говоря уже о том, что в Бордо ее ждало внутреннее расследование. Сначала будет суд, затем вызов в дисциплинарный совет, потом — неотвратимое наказание.

Но она старалась не думать об этом. Ее мысли занимал один Януш. Она дышала Янушем. Жила Янушем.

— Так что же ты собираешься делать?

Анаис собрала со стола рассыпанные предметы — детские сокровища, подобранные на пляже. Даже пожелай она отказаться от расследования, у нее ничего не выйдет. Беглец прочно засел в ее сознании. Он пожирал ее мозг, ее душу. Она чувствовала, как его тень поглощает ее, впитывает в себя.

Скомкав пластиковый стаканчик, она зашвырнула его в мусорную корзину.

— Я возвращаюсь в Бордо.

* * *

— Ты был художником.

— Каким художником?

— Писал автопортреты.

— Я не про то. Я был профессиональным художником? Или любителем? И где я писал? Здесь?

— Да, конечно, здесь. На «Вилле Корто». — Старик горделиво улыбнулся: — Жан-Пьер Корто — это я. Я основал это заведение сорок лет назад.

— Приют для умалишенных?

Снова улыбка, на сей раз снисходительная.

— Можешь и так его называть, если тебе больше нравится. Я предпочитаю говорить: специализированный центр.

— Все эти фокусы мне хорошо знакомы. В другой жизни я был психиатром. Эта лавочка — психушка.

— Ну, не совсем. У нас тут и в самом *специализированный* центр.

— И на чем он специализируется?

— На лечении искусством. Мои постояльцы — душевнобольные, это правда, но мы не используем иной терапии, кроме занятий искусством. Они целыми днями пишут, рисуют, ваяют. Это настоящие художники. Прием химических препаратов сведен к минимуму. — Он засмеялся. — Иногда мне кажется, что произошла смена ролей. Это они своим талантом лечат искусство, а не наоборот.

— Нарцисс — это моя фамилия?

— Не знаю. Но ты подписывал свои работы именно этим именем. Других не называл. И документов у тебя не было.

«Отныне я — *Нарцисс*, — повторил он про себя. — Я должен думать, действовать и дышать как *Нарцисс*».

— Когда я здесь появился?

— В начале октября две тысячи девятого. Вначале тебя поместили в клинику Сен-Лу, что возле Ниццы.

— А как я там оказался?

Корто нацепил очки и включил компьютер. Он был сухонький, невысокого роста. Возраст — около шестидесяти. Совершенно седые волосы жестким ежиком, толстые губы, постоянно пребывавшие в движении, очки с затемненными стеклами. Он говорил глубоким и сочным голосом, лишенным интонаций и производившим гипнотический эффект.

Они сидели у него в кабинете. Кабинет находился в небольшой дачке, расположенной в нижней части парка, окружавшего заведение. Пол, стены, потолок — все здесь было деревянным. В помещении приятно пахло сосновой смолой. Окно выходило на пригород Ниццы. Картин, написанных постояльцами центра, на стенах не наблюдалось.

Выступление на карнавале закончилось без всяких проблем. Вместе с новыми товарищами он шагал, танцевал и горланил песни до самой площади Массена, где их поджидал фургон. Просторная машина модели «джампи». Он таких навиделся. Впрочем, он сразу заметил, что компания, в которой он очутился, мало чем отличается от его бывших пациентов из психбольницы. Только они были чистые.

Они покидали Ниццу под проливным дождем. Через некоторое время выбрались на грунтовую дорогу и ехали до Карроса. Вилла находилась немного дальше, в нескольких километрах от деревни. Навстречу то и дело попадались полицейские машины с орущими мигалками. Он улыбался. Его ищут. Но теперь фиг найдут. Виктора Януша больше не существует.

По пути он получил подтверждение тому, о чем догадался во время

празднества. Пациенты «Виллы Корто» каждый год принимали участие в городском карнавале. Сами придумывали, как оформить платформу. Заказывали в мастерских Ниццы кукол и другой реквизит. Он задавал множество вопросов, делая вид, что интересуется художественными сторонами выступления. Оказалось, что автором идеи с полулюдьми-полукрысами был он, Нарцисс, ученик Корто, проживший с ними весь сентябрь и октябрь. Разумеется, сам он не помнил об этом времени ничегошеньки.

— Вот, — произнес старик-психиатр, наконец-то отыскав нужный файл. — Тебя подобрали в конце августа на съезде с шоссе А8. На повороте на Канны-Мужен. Ты ничего не помнил. В каннской больнице тебя обследовали. Не обнаружили никаких травм, хотя проходить рентгенологическое исследование ты наотрез отказался. Затем переправили в больницу Сен-Лу. Там к тебе вернулись кое-какие воспоминания. Ты сказал, что тебя зовут Нарцисс. Что ты приехал из Парижа. Семьи нет. По профессии — художник. И врачи из Сен-Лу решили, что тебя лучше всего направить сюда, к нам.

— Я не Нарцисс, — сухо сообщил он.

Корто снял очки и снова улыбнулся. Что он все улыбается? Зачем корчит из себя добренького дедушку?

— Разумеется. Ты не Нарцисс. Но и не тот, за кого выдаешь себя сегодня.

— Вы знаете, чем я болен?

— Когда ты только приехал к нам, то много чего мне порассказал. Где учился живописи. В каких галереях выставлялся. В каких районах Парижа жил. Рассказал, что был женат, но потом развелся. Я проверил. Все оказалось выдумкой.

Он не мог не оценить юмора ситуации. Корто играл сейчас ровно ту же роль, какую он сам играл в случае с Патриком Бонфисом. За каждым психотическим бегством стоял психиатр, считавший своим долгом объяснить пациенту, что скорлупа пуста.

— Тем не менее, — продолжил хозяин дома, — кое-что в этих баснях соответствовало действительности. Ты *на самом деле* был художником. Талантливым художником, владевшим навыками ремесла. Я принял тебя без колебаний. Справедливости ради отмечу, что никто за тебя особенно не цеплялся. Человек без документов, без медицинской страховки. Одним словом, не подарок.

— А расследование проводилось? Я имею в виду, в связи со мной?

— Да, жандармы предприняли кое-какие поиски. Но особенно не

старались. Ты не представлял для них интереса. Просто заблудившийся человек, не помнящий ни как его зовут, ни где он живет. Явно с приветом. В общем, они поискали-поискали, да и бросили.

— А что было потом?

— А вот что.

Корто развернул компьютер так, чтобы Нарцисс, сидевший с другой стороны стола, мог видеть экран.

— За два месяца ты написал здесь почти три десятка картин...

Нарцисс не рассчитывал ни на что особенное. Хотя, если вдуматься, это тоже была важная информация. Информация о его прошлой жизни. Каждая картина, возникающая на экране, представляла его, но всякий раз в новом образе. Адмирал... Почтальон... Клоун... Римский сенатор... Один и тот же мужчина его лет, замерший в одной и той же позе в три четверти оборота, одинаково выпячивающий грудь и задирающий вверх подбородок. Каждый из персонажей производил впечатление эпического героя.

Но стилистика каждой работы основывалась на принципе контраста. С одной стороны, в манере исполнения ясно прослеживались приемы, характерные для «искусства диктатур»: зритель смотрел на фигуру героя снизу вверх, что придавало тому вид владыки мира. С другой — лицо героя, выписанное с яркой экспрессивностью, наводило на мысль о школах, боровшихся против эстетики тоталитаризма. Таких, как, например, движение «новой вещественности», зародившееся в Германии в двадцатых годах. Отто Дикс... Георг Гросс... О художниках, отказавшихся от любой лакировки действительности, представлявших реальность во всем ее уродстве и подчеркивавших ее гротесковую природу. О художниках, мечтавших свернуть шею буржуазному лицемерию.

Его работы отличались тем же безжалостным сарказмом. До боли в глазах яркие цвета, среди которых явно доминировал красный. Густые, в бороздках краски, мазки, позволяющие проследить за движением кисти. *Живопись, которую хочется не только созерцать, но и потрогать руками*, подумал Нарцисс. В его памяти не сохранилось ни малейшего воспоминания о том, что все эти портреты создал именно он. Это означало, что в своих поисках он уперся в стену. Он пытался проникнуть в сущность личностей, не желавших пускать его в себя. Иными словами, отныне он мог лишь примерять на себя их *внешнюю оболочку*.

— В конце октября, — продолжил Корто, — ты исчез. Даже адреса не оставил. И я понял, что твои психические блуждания перешли в новую фазу.

У каждого персонажа имелся и собственный реквизит. Клоун был

изображен с шариком и трубой. Почтальон — с велосипедом и сумкой. Адмирал — с подзорной трубой и секстантом...

— Почему я писал эти автопортреты? — растерянно спросил он.

— Как-то раз я задал тебе тот же самый вопрос. И ты ответил: «Нельзя верить тому, что видишь. Мои картины — не более чем исправление ошибки».

Нарцисс побледнел. *Мои картины — не более чем исправление ошибки.* Отпечатки его пальцев, найденные в яме на вокзале Сен-Жан... Его присутствие возле тела Цветана Сокова... Неужели он — маньяк-убийца? Такой же мерзавец, как и герои его картин? Помешанный на власти? Равнодушный к людям? Исполненный злобы? И меняющий личину после каждого очередного преступления? Художник-психопат, у которого руки по локоть в крови?

Вдруг его осенило. А не может быть так, что в картинах зашифрована правда о его подлинной личности? Не содержат ли они тайного послания, *подсознательно* адресованного им самому себе?

— А нельзя ли взглянуть на эти картины? Я имею в виду, на подлинники?

— Их здесь больше нет. Я отправил их в галерею.

— В какую галерею?

— Парижскую. В галерею Вийон-Пернати. Но и там их больше нет.

— Почему?

— Потому что они были проданы! В ноябре прошла выставка. Надо сказать, прошла с большим успехом.

Но ведь это означало...

— Выходит дело, я богатей?

— Ну, кое-что у тебя действительно имеется. Деньги здесь, у меня. Можешь забрать их в любой момент.

— Наличными?

— Ну конечно наличными. Лежат у меня в сейфе. Говорю же, можешь их забрать хоть сейчас.

Это обстоятельство открывало новые перспективы расследования, которое он вел. И до чего кстати! У него не осталось практически ни гроша.

— Чем раньше, тем лучше.

— Ты что, опять уезжаешь?

Нарцисс не ответил. Корто понимающе качнул головой. Его доброта буквально выбивала Нарцисса из колеи. Он и сам был психиатром по меньшей мере дважды в жизни: когда работал в клинике Пьера Жане и

почти наверняка до этого. И поэтому прекрасно знал, что верить в безумные выдумки душевнобольного человека бессмысленно. Психиатр должен понять причину безумия, но не должен ее оправдывать.

— Скажи, пожалуйста, — снова заговорил Крто, — а кем ты считаешь себя сегодня?

Нарцисс молчал. Судя по всему, здесь никто ничего не знал о последних событиях. Слыхом не слыхивал ни о Фрере, ни о Януше, хотя его фотографии были напечатаны во всех газетах. И в каждой статье и заметке говорилось, что он — главный подозреваемый в убийствах. То, что пациентам это все до лампочки, его не удивляло. Но Крто? Неужели он настолько оторван от внешнего мира?

— Сегодня, — туманно пояснил он, — я тот, кто открывает русских деревянных кукол. Я восстанавливаю каждую из своих личностей. Пытаюсь понять их. Хочу узнать, почему они появились на свет.

Крто встал, обошел вокруг стола и дружески положил руку ему на плечо:

— Есть хочешь?

— Нет.

— Тогда пошли. Я отведу тебя в твою комнату.

Они вышли в темноту. С неба капал мелкий занудливый дождик. Нарцисс дрожал от холода. Он по-прежнему был в костюме, после всех его злоключений покрытом грязью, и насквозь пропотевшем белье. Хорошо хоть крысиную маску успел снять...

Они подошли к лестнице, выложенной серой плиткой. Парк был террасный, подобно рисовой плантации, только засаженный пальмами, кактусами и масличными культурами. Нарцисс полной грудью вдыхал насыщенный влагой воздух, особенно живительный в этой высокогорной местности, — не зря здесь находились санатории.

Они дошли до виллы. Она представляла собой два соединенных между собой здания в виде буквы L, причем одно располагалось чуть ниже другого. Плоские кровли. Прямые линии. Стены, лишённые украшений. Должно быть, оба были сооружены около века назад, когда в архитектуре царило стремление к простоте и строгой функциональности.

Они направились к нижнему зданию. Во втором этаже рядами тянулись окна. Очевидно, комнаты постояльцев. Ниже шли широкие стеклянные двери, выходившие на внешнюю галерею: здесь находились мастерские. Еще ниже, на ступеньках, утопавших в зарослях кустарников, алели огоньки зажженных сигарет...

На скамейке курили трое мужчин. Нарцисс не различал лиц, но по

манере жестикулировать и смеху определил, что это люди с нарушениями психики.

В это время раздались голоса, хором скандировавшие:

— Нар-цисс! Нар-цисс! Нар-цисс!

Он вздрогнул. Вспомнилась компания на карнавальной платформе. Ухмыляющиеся физиономии, нацепленные на лоб крысиные маски... Неужели эти психи — тоже художники, как и он? Неужели он — такой же псих, как они?

* * *

Комната, в которую его привели, была небольшой, квадратной и теплой. Ничего особенного, зато уютно. Бетонные стены, деревянный пол, шторы из плотной ткани. Кровать, шкаф, стул, письменный стол. В углу крохотная ванная комната, больше напоминающая пенал.

— Обстановка у нас спартанская, — пояснил Крто, — но никто не жалуется.

Нарцисс согласно кивнул. От соразмерности пропорций, от серо-коричневых штор, от деревянного пола и мебели веяло гостеприимством. Эта комната могла бы быть монашеской кельей — от нее исходило ощущение надежности и защиты.

Объяснив в двух словах, как все устроено в «доме», Крто выдал ему туалетные принадлежности и чистую одежду. Проявление заботы тронуло его. Уже много часов и даже дней он висел на волоске, и этот волосок грозил вот-вот оборваться.

Оставшись один, Нарцисс принял душ и переоделся в чистое. Джинсы оказались великоваты, майка бесформенной, свитер растянутым и пахнущим стиральным порошком. Он почувствовал себя счастливым. Он рассовал по карманам нож, пистолет и отобранный у охранника ключ от наручников, решив сохранить его как талисман. Извлек из портфеля папки с материалами и разгладил ладонью бумажные листы. Но погрузиться в их изучение ему не хватило храбрости.

Он вытянулся на кровати и погасил свет. За окном шумело море. *Нет, это не море*, поправил он себя через несколько секунд. *Это шумят сосны.*

Он отдался ритмам внешнего мира. Убаюкивающим, навевающим сон ритмам. Как же он вымотался. Он весь превратился в сплошную усталость.

У него было впечатление, что с сегодняшнего утра он прожил десяток жизней. Вдруг ему стало ясно, что он больше не боится полиции. Даже

людей в черном не боится. Он боялся только самого себя. *Моя живопись — не более чем исправление ошибки.*

Он убийца.

Он распахнул глаза в темноту.

Или нет? Может быть, он — тот, кто идет по следу убийцы?

Он попытался убедить себя в справедливости этой гипотезы, уже посетившей его в библиотеке «Алькасар». Он — отличный сыщик, потому что всегда первым появляется в нужном месте — раньше полиции, раньше других свидетелей. Он почти уговорил себя, но тут вдруг дернул головой. Нет, ничего не выходит. Еще можно допустить, что в шкуре Януша он шел по пятам за убийцей бомжей. Но в шкуре Фрера? Даже если признать, что он, например, страдал приступами сомнамбулизма, то как объяснить, что он ничего не помнил о том расследовании, которое вел? Расследовании, которое привело его в ремонтную яму близ вокзала Сен-Жан?

Он снова смежил веки, горячо призывая к себе сон, который освободил бы его от мучительных вопросов. Но перед глазами вставала явившаяся из небытия картина: обнаженное тело, покачивающееся у него над головой.

Анна Мария Штрауб.

Еще одна смерть, в которой он повинен, пусть и косвенно.

Он вспомнил, о чем размышлял прошлым вечером на пляже в Ницце. Эта смерть могла помочь ему добраться до своих корней. Он почти не сомневался, что эта страшная история случилась в психиатрической больнице в Париже или в одном из его пригородов. Не позже завтрашнего дня он начнет разрабатывать этот след. Анна Мария Штрауб. Единственное воспоминание, уцелевшее в его памяти. Призрак, сопровождавший его, кем бы он себя ни считал. Фантом, являющийся ему в ночных кошмарах...

* * *

— «Метис» основан не вчера.

Патрик Коскас стоял, прислонившись к уличному столбу, и курил сигарету. За ним в сумрачном небе угадывался силуэт Аквитанского моста. Журналист сам предложил для встречи это место — на правом берегу Гаронны, на пустынной улочке старого Лормона.

Он вел себя как шпион на грани провала. Беспрестанно озирался, говорил тихо и быстро, словно ночная тьма имела уши. На самом деле все вокруг спало. Домишки под красными крышами, прилепившиеся к огромной опоре моста, напоминали грибы, выросшие вокруг гигантского

дерева.

Анаис едва держалась на ногах. Машину она бросила в Ницце и восьмичасовым вечерним рейсом улетела в Бордо на самолете. Ее встретил Ле-Коз, приехавший на новеньком «смарте», позаимствованном у баронессы. Сейчас было одиннадцать часов. В своей кожаной куртке она стучала зубами от холода. Голова трещала. Ей приходилось делать над собой усилие, чтобы сосредоточиться на истории «Метиса».

— Поначалу, в шестидесятых, это была просто команда французских наемников. Собрались вместе дружки-приятели, воевавшие в Индокитае и в Алжире. Специалисты по военным конфликтам в африканских странах. Камерун, Катанга, Ангола... И они сделали гениальный ход — сменили лагерь. Раньше их нанимали колониальные власти для борьбы с движениями за независимость. Но они быстро сообразили, что дело это гиблое и что они могут заработать гораздо больше, если станут на сторону повстанцев, которые рано или поздно возьмут власть в свои руки. Парни из «Метиса» поддерживали всякие революционные фронты, причем бесплатно, но в расчете на то, что в будущем эти «инвестиции» окупятся. Так и случилось. Новые диктатуры не забыли об их помощи и щедро с ними расплатились. Они получили в собственность гигантские территории, шахты и даже нефтяные скважины.

Как ни странно, ни минералы, ни углеводороды наемников не привлекли. Гораздо больше интереса они проявили к сельскому хозяйству. Они ведь родом отсюда, из Бордо. Выходцы из крестьянских семей. Вот они и занялись выращиванием сельхозкультур, развитием новых агротехнических методов, производством удобрений и пестицидов. Понемногу они расширяли поле деятельности, включив в него в том числе разработки в области химического оружия. Особенно активно шли исследования по созданию газов нейротоксического воздействия, поражающих нервную и дыхательную систему организма, таких как зарин, табун и зоман.

Коскас прикурил новую сигарету от окурка предыдущей и продолжил:

— В общем-то, в этом нет ничего странного. Традиционно созданием химического оружия занимаются именно производители удобрений и пестицидов. В конце семидесятых «Метис» превратился в международный холдинг, высоко котирувавшийся на рынке сельскохозяйственной и химической индустрии.

Анаис слушала его, стараясь запоминать сказанное. Блокнот она даже не вынимала — *паранойя обязывает*. Правда, в ней теплилась надежда, что Коскас передаст ей какие-нибудь материалы, ксероксы и так далее. Но она

не слишком верила в подобную возможность. *Они не оставляют за собой зримых следов.*

— Ирано-иракская война открыла перед ними новые горизонты, — рассказывал Коскас. — Впервые после Первой мировой войны и вопреки Женевской конвенции иракцы решились использовать против противника химическое оружие. «Метис» стал их поставщиком. Холдинг продал Саддаму Хусейну тонны отравляющих газов. Двадцать восьмого июня восемьдесят седьмого года Ирак применил их против иранского города Сердешта. Семнадцатого марта восемьдесят восьмого он повторил тот же маневр против курдского города Халабджа. В целом жертвами химического и биологического оружия, запрещенного международной конвенцией, стали тысячи человек. И все — благодаря «Метису».

Звучало это устрашающе, однако Анаис не торопилась верить информации, не поддающейся проверке. Рассказ журналиста слишком напоминал страшилки на тему «Мы ничего не знаем, потому что от нас скрывают правду».

— Что у вас за источники?

— Надежные, вы уж мне поверьте. Достаточно просмотреть документацию из государственных архивов, хранящуюся в открытом доступе. Все эти факты широко известны. Специалисты по данному вопросу давно не испытывают на этот счет никаких сомнений.

Пусть так, думала Анаис. Но какая связь между всей этой геополитикой и мифологическими убийствами? И тем более при чем тут Виктор Януш?

— А чем сегодня занимается «Метис»? Чем конкретно?

— В начале девяностых они поняли, что у химического оружия нет будущего. Даже Ирак отказался травить людей газами. И тогда они переориентировались на фармацевтику. В частности, на производство психотропных препаратов. Полагаю, для вас не секрет, что в наше время этот рынок переживает небывалый взлет. Развитые страны ежегодно тратят сто пятьдесят миллиардов евро на лекарства. И львиная доля расходов приходится на психоактивные вещества. Среди них наибольшей популярностью пользуются сертекс, лантанол и рода-100. А выпускает их «Метис».

Она хорошо знала эти названия. Сама глотала эти препараты целыми упаковками.

— Значит, холдинг самоустранился из производства вооружений?

— Ходят слухи...

— Какие слухи?

Журналист глубоко затянулся сигаретой.

— О том, что «Метис» периодически сотрудничает с французским Министерством обороны в области научных исследований.

— Что за исследования?

— Создание препаратов, подавляющих волю человека. Сыворотка правды и прочее в том же духе. Это уже почти ни для кого не тайна. Власти считают себя вправе вести разработки в этой области. Самым грозным в мире оружием остается человеческий мозг. Если бы Гитлер принимал сильное успокоительное, мировая история пошла бы по совсем другому пути.

Анаис едва не расхохоталась. От Коскаса не укрылся ее скептицизм.

— У меня нет доказательств того, что «Метис» сотрудничает с французской военщиной. Но подобное предположение выглядит вполне логичным. Не забывайте о главном. Основатели «Метиса» имели опыт в совершенно специфической сфере, связанной с пытками. Они воевали в Алжире. И оказались на стыке химических исследований и, как бы это помягче выразиться, опыта применения некоторых открытий на людях.

— Вы говорили об основателях. Но их ведь, наверное, уже нет в живых?

— Разумеется. Однако их дети подхватили эстафету. Большинство из них принадлежит к сливкам местного общества. Если я назову вам имена, у вас челюсть отвиснет.

— Так назовите!

— Опубликуй я сегодня этот список, меня привлекут к суду и вытурят с работы. Поэтому я скажу вам одно: эти люди принадлежат к высшему бордоскому обществу. Кое-кто из них занимает должности мэров в самых лучших деревнях. Другие владеют знаменитыми винодельнями района Жиронды.

Слово «винодельня» прозвучало для нее сигналом тревоги.

— Какова роль моего отца в холдинге?

— Он является миноритарным акционером, однако пользуется достаточным влиянием, чтобы входить в совет директоров. Кроме того, он исполняет обязанности консультанта.

— По вину?

Коскас рассмеялся. Иногда она вела себя как последняя дура.

— Вы лучше меня знаете карьеру своего отца. Скажем так: он обладает идеальными качествами для участия в деятельности «Метиса».

Она ничего не ответила. Коскас закурил еще одну сигарету. Лица его она не видела, но не сомневалась, что он ухмыляется. Довольной и наглой

ухмылкой проныры, повсюду сующего свой нос и не скрывающего радости, если удастся посеять смуту.

Она сжала кулаки. Пора вернуться к главной теме. К убийствам Минотавра и Икара.

— В ночь с двенадцатого на тринадцатое февраля недалеко от вокзала Сен-Жан был обнаружен труп мужчины.

— Да ну?

— Холдинг «Метис» может быть прямо или косвенно связан с этим делом.

— Каким образом?

У журналиста изменился голос. В нем явственно слышалось жадное любопытство.

— Пока не знаю, — призналась Анаис. — Накануне в том же районе был задержан мужчина с полной потерей памяти. А ровно через три дня его и его сожительницу застрелили в Гетари два снайпера. Не исключено, что убийцы связаны с холдингом «Метис».

— У вас есть улики? Что-нибудь конкретное?

— Более или менее конкретное. Почти наверняка они работают на охранное агентство, принадлежащее холдингу.

— Что за агентство?

— Вопросы здесь задаю я.

— Хорошо. Но вы не сказали мне главного. В чем вы усматриваете связь между этими двумя делами? Я имею в виду, убийством на вокзале Сен-Жан и двойным убийством в Гетари?

— Пока не знаю, — снова вынуждена была признать она.

Коскас отступил в тень.

— Не так-то много вы нарыли.

Анаис воздержалась от ответа. Коскас отошел еще на пару шагов. Сигаретный дым обволакивал его фигуру загадочным ореолом.

— Вы же вроде установили личность убийцы с вокзала Сен-Жан?

— У нас есть подозреваемый. Но не более того.

— И ваш подозреваемый пустился в бега?

— Мы вот-вот его схватим.

Журналист снова рассмеялся. Анаис прервала его смех:

— Имеет ли «Метис» хоть какую-нибудь связь с греческой мифологией?

— Ну, если не считать названия, никакой. Слово «метис» греческого происхождения. Означает «мудрость». — Он выпустил густой клуб дыма. — Это целая программа.

Анаис задумалась. Одно явно не вязалось с другим. По опыту она знала, что мир насильственных смертей — это особый мир. Со своим словарем. Своими приемами. Своими мотивами. Что общего может быть между серийным убийцей и производителем лекарств? Между поставщиком антидепрессантов и стрельбой из «гекаты-2»?

— Вы идете по ложному следу, — подтвердил ее сомнения Коскас. — «Метис» — широко известный промышленный холдинг. У них полно проблем, но это проблемы особого рода. На них нападают, но по совершенно иным поводам. Например, упрекают в проведении клинических исследований на людях, в том, что они используют больных как подопытных кроликов. Обвиняют в том, что они искусственно раздувают спрос на свою продукцию и подсаживают на нее все большее число людей. Как на наркотики... Но чтобы компания подобного масштаба ввязалась в убийства, о которых кричат газеты? Маловероятно.

— А их предполагаемые связи с армией?

— Вот именно. Если бы у «Метиса» возникла проблема, требующая решения силовыми методами, они бы обратились к своим партнерам. И вы никогда ни о чем не узнали бы.

Анаис признала правоту его слов. Но тут ей на память пришла еще одна деталь. 12 февраля ЧАОН, являющееся филиалом холдинга, подало заявление об угоне принадлежащего ему автомобиля модели Q7, что доказывало его полную непричастность к убийствам.

— Как вы думаете, воротилы из «Метиса» способны фальсифицировать протокол жандармерии?

— По-моему, вы так ничего и не поняли, — присвистнул Коскас. — Если слухи верны, то «Метис» — это прежде всего армия. Читай: жандармерия. Читай: полиция. То есть все те, кто во Франции носит форму. Все те, кто представляет закон и порядок. Нельзя сказать, что червь проник в плод. Червь и плод суть одно и то же. Они объединились, чтобы противостоять новым врагам. Террористам. Шпионам. Саботажникам. Всем, кто так или иначе может грозить безопасности нашей страны.

У нее на языке вертелся еще один вопрос, но пронира-журналист уже растворился в ночи. Она осталась один на один с мостом, небом и тишиной. Зато теперь она знала, что ей нужно сделать. Прежде всего — выспаться. А потом взять быка за рога.

Вступить в схватку со своим личным Минотавром.

Допросить своего отца.

Он проснулся рано.

Нашел кухню при столовой и приготовил себе кофе. Теперь он стоял у широкого окна и рассматривал окрестный пейзаж. Светало, и его взору открылись подробности, которых вчера, под дождем, он не заметил. Никаких валунов, пальм и оливковых рощ. Их сменили круто обрывающиеся вниз ущелья, красные скалы, еловые леса и извилистые ленты дороги, змейкой выходящей над горными обрывами.

Из окна открывался вид на тенистую долину, словно зажатую в тисках горных отрогов. Бугристый, ледяной, колючий ландшафт — попади в его челюсти остов самолета, перемелет своими зубами без труда. Нарцисс созерцал эти безлюдные картины с наслаждением. Долина представлялась ему каменным царством, внутри которого он чувствовал себя защищенным.

С чашкой в руке он направился в другое помещение, которое заметил по пути сюда. Прошел коридором. Ему нравилась архитектура заведения. Несущие стены из необработанного бетона. Перегородки из того же бетона, но окрашенного. Никаких финтифлюшек, никакого излишнего украшения. Линии, поверхности. И ничего более.

Он толкнул дверь и очутился в компьютерном зале. На светлой деревянной стойке выстроились в ряд пять мониторов. Он присел к первому, щелкнул парой клавиш и убедился, что компьютер подключен к Интернету. Зашел на Гугл и набрал в поисковике одно слово.

Matriochka.

Загадочное, судя по произношению, русское слово, которое он якобы произнес, стоя над телом Икара. Программа предложила ему 182 тысячи результатов, но ему хватило одной-единственной картинки, появившейся в верхней части экрана. Знаменитые русские куклы из раскрашенного дерева, которых вставляют одна в другую. «Matriochka» — это всего-навсего русская деревянная кукла. Матрешка.

Он сидел и разглядывал матрешек. Бабуся в красных косынках с румяными щеками. Круглые головы, круглые глаза, характерные очертания. Все это походило на чью-то неуместную шутку. При чем здесь матрешка? Почему он по слогам повторял это слово, стоя на коленях возле мертвого юноши, лежащего на обгорелых крыльях? Повторял снова и снова, как молитву? Вдруг его осенило. Бандос из Бугенвиля говорил, что паролем для связи с убийцами в черных костюмах служит русское слово. Матрешка?

Он проглядел несколько посвященных матрешкам сайтов. Техника раскрашивания матрешек. Вышивки с изображением матрешек. Матрешки-брелоки. Потом пошли рестораны «Матрешка». Книга сказок «Матрешка». Фильм. Рок-группа. Кулинарный рецепт. Художественная мастерская. Сорт водки. Набор диванных подушек...

Он охотно посмеялся бы над всей этой ерундой, но ему было не до смеха. Продолжая кликать мышкой, он вдруг вспомнил, что термином «русская кукла» называл свое собственное психическое отклонение. Что это, случайное совпадение? Или Виктор Януш, склоняясь над мертвым ангелом с обожженными крыльями, твердил себе, что он — всего-навсего русская деревянная кукла? Пассажир без багажа, связанный с мифологическими убийствами?

Он ввел в строку поиска новый запрос.

Анна Мария Штрауб.

На сей раз улов оказался гораздо скромнее. Несколько ссылок на Фейсбук и ряд статей, посвященных кинорежиссеру Жану Мари Штраубу. Он решил поискать по-другому. Вбил слова «самоубийство» и «психиатрическая больница». Эффект превзошел все его ожидания. На него словно перевернулся грузовик с отбросами. Десятки гневных статей против психиатрии, применения антидепрессантов и других способов лечения душевных расстройств. Кричащие заголовки. «Убийственная психиатрия». «Нет манипуляции сознанием!» «Торговля безумием»...

Он стал искать статистику о числе самоубийств, произошедших в психиатрических клиниках в девяностых и двухтысячных годах. Посыпались цифры, комментарии, аналитические статьи... Но нигде не упоминались конкретные имена, никто не рассказывал о конкретных случаях. Конфиденциальность! Он вбил в поисковик одновременно: «Анна Мария Штрауб», «психиатрическая больница» и «Иль-де-Франс». Программа выдала один-единственный результат, не имеющий ничего общего с тем, что его интересовало.

Что ему оставалось? Старый добрый способ. Человеческое общение. Надо позвонить в специализированные учреждения Парижа и пригородов. Найти в каждом из них психиатра и спросить, помнит ли он о подобном случае — молодая женщина повесилась на мужском ремне, — имевшем место в течение последних десяти лет.

Чушь какая.

Особенно если учесть, что сегодня воскресенье. 9 часов утра.

Тем не менее он предпринял эту попытку. Составил примерный список психиатрических больниц и частных клиник, действующих в районе Иль-

де-Франс, — в него вошло около сотни учреждений. Он решил ограничить поиск четырьмя расположенными в Париже государственными больницами. «Святая Анна», Тринадцатый округ; «Мезон-Бланш», Двадцатый округ; «Эскироль», Девяносто четвертый округ, и «Пере-Воклюз», Девяносто первый округ. К этому перечню он добавил специализированный медицинский центр имени Поля Гиро в Вильжюифе и Государственную психиатрическую больницу Виль-Эврар в Нейи-сюр-Марн.

Полчаса спустя у него от разговоров пересохло во рту, но результат оказался нулевым. Один-единственный раз ему удалось связаться с интерном, поступившим на работу всего пару лет назад. В остальных случаях ему отвечали секретари, сообщавшие, что никого из заведующих отделениями сегодня нет и не будет. Тупик.

Часы показывали десять утра. Из коридора доносился шум. Хриплые со сна голоса, смешки, стоны. Типичный шумовой фон психушки. Он опустил глаза и вдруг обнаружил, что все это время машинально черкал в блокноте. И нарисовал силуэт повешенной женщины. Стиль немного напоминал мультипликацию Александра Алексеева и его игольчатый экран. Он обрадовался — значит, он не все забыл.

Как вчера сказал Корто?

«Кое-что оказалось подлинным. Ты действительно художник...»

Талант рисовальщика и живописца оставался при нем, несмотря на смену личностей, — так же как воспоминание об Анне Марии Штрауб и знания в области психиатрии. Может быть, он был и психиатром, и художником одновременно?

У него родилась идея. А что, если попробовать провести своего рода перекрестный поиск? Составить два списка. Первый — выпускников медицинских факультетов парижских университетов, специализирующихся в психиатрии, получивших диплом в девяностых годах. Ему сейчас лет сорок, значит, он получал высшее образование лет двадцать назад. И второй — студентов художественных школ примерно за те же годы.

Если в обоих списках обнаружится одна и та же фамилия, значит, он найдет себя. Конечно, нельзя исключить вероятности того, что он был художником-самоучкой... И все же он принялся за работу. Благодаря Интернету быстро скачал списки бывших студентов-медиков и студентов школ изобразительного искусства, в том числе школы при Лувре. Всемирная паутина пестрела старыми фотографиями одноклассников, ссылками на встречи выпускников, сентиментальными комментариями. Сеть явно способствует пробуждению в людях ностальгических чувств...

Он распечатал списки, для начала отобрав парижские университеты и художественные школы и сгруппировав выпускников — как психиатров, так и художников, — по годам. Все фамилии в них были перечислены в алфавитном порядке, что давало возможность провести сравнение, хотя он понимал, что эта работа займет у него не один час...

Ему хотелось пойти налить себе еще чашку кофе, но смех и жалобные стоны, разносившиеся по коридору, отбили у него желание покидать свою берлогу. Вооружившись ручкой, он принялся сличать списки, состоявшие из тысяч имен.

* * *

Возвращаться сюда в воскресенье оказалось для нее особенно мучительно.

В безмолвии выходного дня нечего было и рассчитывать на обстоятельства, способные смягчить шок от прямого столкновения. На дорогах — ни одной машины. В парке замка — ни одного садовника. Возле винодельни — ни одного работника. Единственной живой душой в этом безлюдном пространстве был ее отец, который в данный момент сидел и завтракал.

Ей не пришлось звонить у ворот. Они, как всегда, были распахнуты. Никаких камер наблюдения. Никакой тревожной сигнализации. Жак-Клод Шатле словно провоцировал случайных прохожих: «Не бойтесь! Заходите в гости к чудовищу!» На самом деле для непрошенных гостей была приготовлена ловушка, достойная бывшего палача. Возле самого дома их поджидала целая свора собак.

Анаис припарковалась во дворе, отметив про себя, что здесь ничего не изменилось. Пожалуй, дом стал выглядеть чуть более старым и серым, однако по-прежнему производил впечатление силы и мощи. Скорее укрепленный замок, нежели усадьба эпохи Возрождения. Фундамент его был возведен не то в XII, не то в XIII веке. Широкий фасад из песчаника в узких прорезях окон окаймляли две угловые башни под острыми кровлями. Кое-где по камню карабкались побеги дикого винограда, меж которыми просматривались покрытые зеленоватым мхом и серебристым лишайником стены.

Говорили, что в 1585 году Монтень переживал в замке эпидемию чумы. Легенда не соответствовала истине, но отец Анаис всячески ее поддерживал. Наверное, тоже ощущал себя здесь вне досягаемости от

любых эпидемий: слухов, суда и инквизиторского взгляда журналистов и политиков...

Она вышла из машины и прислушалась к знакомым звукам. В прозрачном воздухе звенели птичьи трели. На крыше скрипел старый флюгер. Вдалеке пыхтел трактор. Она остановилась, готовясь к встрече с собаками, которые действительно шумной сворой уже неслись к ней от дома по посыпанной гравием дорожке. Большинство ее узнали, остальные, те, что помоложе, поддались общему настроению и вместо того, чтобы ощерить клыки, приветственно замахали хвостами.

Она приласкала некоторых псов и направилась к застекленным дверям, протянувшимся по всему фасаду. Справа располагались винодельня, мастерские и склады. Слева раскинулся виноградник. Тысячи лоз, похожих на сложенные в мольбе руки. После того как Анаис узнала, кто таков ее отец, она часто думала, что здесь похоронены его жертвы, которые, как в фильме ужасов, тщатся выбраться из-под земли.

Ровно в 10.15 она позвонила в дверной звонок. Время она выбрала намеренно, подгадав его так, чтобы прибыть минута в минуту. Чуть раньше она переслала улики, собранные в каланке Сормью, координатору экспертно-криминалистической службы Абдулатифу Димуну, вернувшемуся в Тулузу. Улицу Франсуа-де-Сурди, где находился комиссариат полиции, она объехала за милую...

Воскресное расписание отца она знала наизусть. Вставал он рано. Молился. Делал зарядку и плавал в бассейне, расположенном в подвале. Затем шел в виноградник. *Хозяйский обход владений.*

Сейчас он завтракал в гобеленовом зале. В спальне на втором этаже его поджидали выстроенные в рядок пары обуви с каблуками разной высоты: сапоги для верховой езды, сапоги для гольфа, сапоги для прогулки, туфли для фехтования... Ее отец был самым спортивным из всех хромоногих.

Открылась двустворчатая центральная дверь. На пороге стоял Николя. Он тоже ничуть не изменился. Анаис следовало бы еще в детстве догадаться, что ее отец когда-то был связан с армией. Кто другой захотел бы держать в качестве горничной подобного типа? Николя был невысокий коренастый мужичок лет шестидесяти. Грудь колесом, лысая голова... Он походил на бульдога и, судя по всему, успел, подобно герою песенки Франсиса Кабреля, поучаствовать во всех войнах. У него была не просто дубленая, а прямо-таки бронированная шкура. Как-то раз, еще подростком, Анаис смотрела в киноклубе своей частной школы фильм Билли Уайлдера «Бульвар Сансет». Когда на пороге большого обветшалого дома Глории

Свенсон возник Эрих фон Строхайм во фраке дворецкого, она аж подпрыгнула на стуле: «Блин! Вылитый Николя!»

— Мадемуазель Анаис... — растроганно произнес отцовский адъютант.

Она холодно чмокнула его в щеку. Он едва сдерживал слезы. Анаис почувствовала, как и у нее в груди поднимается сентиментальная волна, и решительно махнула рукой, не позволяя себе расчувствоваться:

— Предупреди его.

Николя резко развернулся кругом. Она на пару мгновений задержалась на пороге. У нее подгибались колени. Перед выходом она на всякий случай приняла две таблетки лексомила. Точнее говоря, она проглотила две таблетки, каждую из которых следовало перед приемом разламывать на четыре части, иными словами, увеличила обычную дозу в восемь раз. Неудивительно, что в голове стоял туман. За рулем она чуть не заснула.

Вернувшийся адъютант коротко мотнул головой. Он не произнес ни слова и не пошел ее провожать. Дорогу она знала, а что еще он мог бы ей сказать? Она миновала один зал, за ним второй. Ее шаги звучали гулко, как в церкви. На нее пахло нежилым духом, и по спине пробежал озноб. Отец не признавал центрального отопления, предпочитая живой огонь камина.

Она вошла в гобеленовый зал. Этим названием комната была обязана обюссонским гобеленам, таким старым и затертым, что изображенные на них сцены как будто утопали в тумане.

Еще несколько шагов, и вот она стоит перед отцом. Он сидел за столом, в луче солнечного света, и священнодействовал над завтраком. Выглядел он по-прежнему прекрасно. Шелковистые густые волосы ослепительной белизны. Гладкие черты лица, наводящие на мысли о речной гальке, на протяжении тысяч весен обкатываемой все новыми и новыми потоками талых вод. Светло-голубые глаза особенно ярко сияли на фоне матовой, всегда загорелой кожи. Жан-Клод Шатле воплощал собой тип плебоя из Сен-Тропе.

— Позавтракаешь со мной?

— Почему бы и нет?

Она уселась с подчеркнутой непринужденностью. *Спасибо лексомилу.*

— Чаю? — своим низким голосом предложил он.

Николя уже поставил перед ней чашку. Отец потянулся за чайником. Она смотрела, как льется в чашку медного цвета струя. Отец пил только чай сорта «кимун», доставляемый из провинции Аньхой, что на востоке Китая.

— Я ждал тебя.

— Почему?

— Из-за «Метиса». — Он поставил чайник на место. — Они мне звонили.

Значит, она на верном пути. Анаис взяла себе тост и на миг поймала свое отражение в серебре отцовского ножа. Спокойно, девочка. Она медленно намазала подсушенный до золотистого цвета — еще один папашин пунтик — кусочек хлеба маслом. Руки у нее не дрожали.

— Я тебя слушаю, — чуть слышно проговорила она.

— Истинный христианин, — велеречиво начал он, — не умирает в своей постели. Истинный христианин не боится запачкать руки. Ради спасения других.

Годы, проведенные в Чили, не избавили его от юго-западного французского говора.

— Такой, например, как ты?

— Такой, как я. Большинство слабаков и бездельников обожают судить других. Они убеждены, что солдаты тоталитарных режимов все как один садисты. Что им нравится мучить, пытать и убивать людей.

Он помолчал. Солнечный луч успел сместиться в сторону. Старик лишился его освещения и сидел теперь в тени. Но его светлые глаза не утратили блеска.

— Я встречал садистов и иных извращенцев только на нижних ступенях социальной лестницы. Но даже в этих случаях их сурово наказывали. Никто из нас не работал ради собственного удовольствия. Никто не работал ради власти или ради денег.

Он лгал. История войн и диктатур кишмя кишит примерами лихоимства и вымогательств. Так было во все времена и на всех широтах. Человек — животное. Достаточно чуть ослабить узду, как он забывает о грани, за которой начинается подлость.

Но она решила принять его игру и задала подсказанный им вопрос:

— Ради чего же вы старались?

— Ради родины. Все, что я делал, шло во благо Чили.

— Мы говорим о пытках, не так ли?

В полумраке комнаты сверкнули зубы Жан-Клода Шатле. Он смеялся беззвучно.

— Я защищал свою страну от наихудшего из ядов.

— От счастья? От справедливости? От равенства?

— От коммунизма.

Анаис вздохнула и откусила кусочек тоста.

— Я не затем пришла, чтобы выслушивать всякий бред. Расскажи мне о «Метисе».

— Я и рассказываю тебе о «Метисе».

— Не поняла.

— Они тоже работают во имя веры, долга и патриотизма.

— Например, продавая Ираку тысячи тонн газов нейротоксического действия?

— Тебе следует строже проверять свои источники. «Метис» никогда не занимался выпуском химического оружия. Предоставлял инженерные кадры в качестве консультантов при поставках продукции — не более того. В то время «Метис» уже понемногу начал расширять фармацевтическое производство. Это был гораздо более перспективный рынок по сравнению с рынком вооружений, успевших выйти из моды. Любая международная компания...

— Чем «Метис» занимается сегодня? — перебила его Анаис. — Они по-прежнему сотрудничают с армией? Почему они оказались замешаны в убийство рыбака из Страны Басков и его жены?

— Даже будь я в курсе, ничего бы тебе не рассказал, и ты об этом прекрасно знаешь.

Ее охватило горячее желание вызвать его в участок для допроса. Посадить в обезьянник. Подвергнуть обыску. И вытянуть из него правду. Но у нее не было против него ни одной конкретной улики. Да и полномочий больше не было. От дела ее отстранили. В кармане еще лежал полицейский жетон, а на поясе висел пистолет, но и то и другое находилось при ней незаконно.

— Мне казалось, ты все же собирался что-то мне сказать.

— Конечно. Забудь про «Метис».

— Это они просили меня предупредить?

— Это я тебя предупреждаю. Не приближайся к ним. Эти ребята шуток не понимают.

— А разве я шучу?

— Насчет тебя ничего не могу сказать. А вот они точно не шутят.

Ей было плевать на эти угрозы. Ее интересовали факты, какими бы мелкими они ни казались. По правде говоря, факт был всего один. И он заключался в возможной связи между убийцами, сидевшими за рулем внедорожника, принадлежащего агентству, которое, в свою очередь, входило в холдинг «Метис». Она попыталась изложить свои аргументы как можно более убедительно, однако отец и бровью не повел.

— И это все, что у тебя есть? Похоже, мои друзья стареют. Делают из

мухи слона. А тебе мой совет: забудь об их существовании. Ты многим рискуешь. Работой, репутацией, будущим.

Она наклонилась над столом. Звякнули чашки и приборы.

— Не следует меня недооценивать. Я их прищучу.

— Каким образом?

— Докажу, что заявление об угоне машины — фальшивка. Что они намеренно ввели следствие в заблуждение. Что убийство — заказное, а наняли убийц именно они. Я сыщик, черт возьми!

— Ты меня не слушаешь. Никакого следствия нет и не будет.

— Это еще почему?

— Полиция и жандармерия призваны поддерживать общественный порядок. А порядок — это «Метис».

То же самое ей говорил и Коскас. *Нельзя сказать, что червь проник в плод. Червь и плод суть одно и то же.* Анаис отвернулась, упершись взором в большой гобелен. Картина изображала сцену охоты. С близкого расстояния особенно заметны были поврежденные участки и выцветшие фрагменты. Анаис даже почудилось, что собаки на заднем фоне рвут зубами человеческие тела.

Она перевела взгляд на отца:

— Почему они с тобой консультируются?

— Они со мной не консультируются. У меня есть пай в холдинге, вот и все. «Метис» владеет множеством процветающих предприятий в области Бордо. Когда они только начинали развивать фармацевтическое направление, я был в числе основных инвесторов. И давно знал основателей компании. — И он не без лукавства добавил: — «Метис» кормил нас — тебя и меня. Так что немного поздно плевать в колодец.

Анаис не поддавалась на провокацию:

— Мне говорили, что они занимаются научными исследованиями. В том числе в области молекулярной химии. Разрабатывают разновидности сыворотки правды — в сотрудничестве с военными. Твой опыт в проведении пыток мог им пригодиться.

— Не знаю, где ты берешь информацию, но все это бредни. Комиксов ты начиталась, что ли?

— Значит, ты отрицаешь, что исследования химиков могут быть использованы военной разведкой?

Он чуть заметно улыбнулся этакой мудрой и одновременно циничной улыбочкой:

— Мы мечтаем о создании подобных препаратов. Даешь человеку таблеточку — и не нужны никакие пытки. Все происходит тихо и мирно,

без всякого насилия и жестокости. Но не думаю, что кому-то удалось создать что-либо подобное.

— Хотя «Метис» этим занимается.

Он не ответил. Анаис не сдержалась.

— Как ты в твоём возрасте, — крикнула она, — позволяешь себе барахтаться в этом дерьме?!

Он потянулся, демонстрируя прекрасный джемпер от «Ральфа Лорена», и окатил её взглядом своих пронзительно голубых, цвета Кюрасао, глаз:

— Подлинный христианин не умирает в своей постели.

— Понятно. И где же ты намерен умереть?

Он рассмеялся и с трудом поднялся из-за стола. Взял палку и, припадая на одну ногу, подошел к окну. В детстве Анаис всегда было больно смотреть на его прихрамывающую походку.

Он стоял и озира́л раскинувшиеся внизу ряды лоз, освещенных холодным зимним солнцем.

— На своих виноградниках, — пробормотал он. — Я хотел бы умереть на своих виноградниках. От пули.

— И кто же выпустит в тебя эту пулю?

Он медленно повернулся и подмигнул ей:

— Откуда мне знать? Может быть, как раз ты.

* * *

Его сравнительный поиск ничего не дал. Только разболелись от напряжения глаза, свело кисть да в горле застрял тошнотный ком. В глубине левой глазницы снова пульсировала боль. В мозгу плясали имена. Он изучил все списки, но не нашел ни одного совпадения в фамилиях студентов-медиков и будущих художников. Полный провал.

Он скомкал последний лист и запульнул им в мусорную корзинку. На часах было почти полдень. Утро прошло впустую. Единственный позитивный момент — его никто не потревожил. Хотя из соседних комнат до него доносились типичные для психушки шумы: голоса, отчаянно кого-то в чем-то убеждавшие, плач, громкий шепот, смешки, шлепанье шагов, ведущих из ниоткуда в никуда...

За это утро он, по меньшей мере, успел осознать свое нынешнее положение. Он чудом избежал поимки, но вернулся к исходной точке. С одним немаловажным уточнением: из психиатра он превратился в

пациента.

— А я тебя везде ищу.

В дверном проеме стоял Кorto.

— Скоро обед. Идем посмотрим мастерские. Как раз управимся.

Он не задал ему ни единого вопроса насчет того, что он делал в компьютерном зале, и Нарцисс был ему за это благодарен. Из коридора они прошли через столовую — большую квадратную комнату, уставленную металлическими столами. Два санитара расставляли тарелки и раскладывали пластиковые приборы.

— А это ты.

Кorto показал на групповую фотографию на стене. Нарцисс приблизился. Он узнал себя. На нем была блуза художника, похожая на те, что носили живописцы в конце XIX века. Выглядел он довольным и счастливым. Остальные тоже радостно улыбались, хотя пронизательный взгляд без труда уловил бы в их улыбках нечто специфическое, характерное для душевнобольных.

— Мы сделали этот снимок в честь дня рождения Карла, восемнадцатого мая.

— Кто такой Карл?

Психиатр ткнул пальцем в веселого толстяка, сидевшего рядом с Нарциссом. На нем был кожаный фартук, а в высоко поднятой руке — кисть, измазанная в черной краске. Ни дать ни взять — средневековый кузнец.

— Пойдем. Я вас познакомлю.

Они прошли еще одним коридором, который вывел их к пожарному выходу. За ним начиналась лестница, спускавшаяся ко второму, ниже расположенному зданию. Светило солнце, и окружающая природа предстала перед ними во всем своем ледяном, безжалостном, беспощадном великолепии. Горные пики и шпили, красных оттенков валуны, наводившие на мысли о священных камнях, о тотемах, выступавших на равных с богами, которых воплощали. В глубине долины вставали черные леса, поражающие своей дикой, надменной красотой. Земля питала здесь лишь те виды, которые мирились с высотой, холодом и пустотой. А остальные пусть подышают.

Внутри здания они не стали задерживаться на втором этаже, где располагались комнаты постояльцев, а сразу спустились на первый. Кorto постучал в косяк первого же дверного проема — пустой, так как сама дверь отсутствовала, — и услышал в ответ:

— Hereinkommen!^[26]

Нарцисс на миг замер на пороге. Стены, пол и даже потолок мастерской были выкрашены в черный цвет. На черных стенах висели картины — сплошные «черные квадраты». В центре комнаты стоял великан с фотографии. В натуральную величину он был под два метра ростом и весил не меньше ста пятидесяти килограммов. На нем был блестящий, словно натертый воском, кожаный фартук.

— Привет, Карл. Как дела?

Мужчина со смехом поклонился. Его лицо закрывала маска-респиратор. В комнате и в самом деле было нечем дышать из-за химических испарений.

Корто повернулся к Нарциссу:

— Карл — немец. Он так и не сумел выучить наш язык. Его держали в психушке в ГДР, возле Лейпцига. После падения Берлинской стены я объехал все психиатрические лечебницы Восточной Германии — искал художников. И познакомился с Карлом. Несмотря на жестокое обращение, регулярное применение электрошока и плохое питание, он упорно продолжал раскрашивать в черное все, что видел вокруг. В ту пору ему приходилось в основном пользоваться углем.

— А теперь?

— О, теперь Карл капризничает! — усмехнулся Корто. — Ему не угодишь! Для своих полотен он сам смешивает краски на основе анилина и индантронов. Дает мне длиннющие списки каких-то химических веществ с непроизносимыми названиями. Он ищет абсолютный не-цвет. Нечто такое, что обладало бы способностью полностью поглощать свет.

Здоровяк снова принялся за работу, склонившись над чаном, в котором смешивал какую-то густую горячую массу, похожую на гудрон.

— У Карла есть один секрет, — шепнул Нарциссу психиатр. — Он добавляет в краски собственную сперму. Считает, что благодаря этой субстанции его монохромные работы получают внутреннюю жизнь.

Нарцисс смотрел, как огромные руки великана взбивают смесь. И представлял себе, как художник с помощью тех же самых рук добывает свой секретный ингредиент. Вот, кстати, одно из преимуществ лечения искусством, применяемого Корто: у пациентов не подавляется либидо. У его накачанных психотропными препаратами пациентов в клинике Анри Эя конец всегда висел тряпкой.

Он приблизился к одной из черных картин:

— А что здесь изображено?

— Небытие. Как у многих тучных людей, у Карла во сне часто случаются остановки дыхания. На некоторое время он перестает дышать. И

снов никаких не видит. То есть в каком-то смысле умирает. Вот он и пишет эти черные дыры.

Нарцисс еще ближе придвинулся к картине и различил на черном фоне какие-то мелкие рельефные надписи. Читать их следовало не зрением, а скорее осязанием, как шрифт Брайля.

— Это ведь не немецкий язык?

— Нет. И ни один другой из известных языков.

— Он сам его изобрел?

— Карл утверждает, что на этом языке с ним говорят голоса, которые он слышит, попадая на дно черной ямы. Это голоса из глубины смерти.

Карл продолжал посмеиваться под своей маской. Теперь он погрузил в чан обе руки и перемешивал его содержимое так энергично, что черная жижа перехлестывала через край, напоминая нефтяной фонтан.

— Ну, пойдем, — позвал Нарцисса Кorto. — Он нервничает, когда гости задерживаются у него надолго.

В коридоре Нарцисс задал психиатру вопрос:

— Почему в Лейпциге его поместили в лечебницу? Какой у него диагноз?

— Откровенно говоря, он сидел в тюрьме. Что-то вроде наших заведений для преступников с нарушениями психики. Видишь ли, он вырвал у своей жены глаза. Говорит, это было его первое творение. Созданное в поисках темноты...

— Он не принимает никаких лекарств?

— Никаких.

— И при нем нет никакой охраны?

— Мы следим только за тем, чтобы ему регулярно подстригали ногти. В Германии у него были проблемы с санитарями.

В Нарциссе проснулся психиатр. Он не мог отделаться от мысли, что Кorto играет с огнем. И поражался тому, что медицинские и социальные службы позволили ему забрать к себе Карла. В следующей мастерской их встретила невысокая женщина, которой навскидку можно было дать лет семьдесят, не меньше. Розовый спортивный костюм фирмы «Адидас», подсиненные волосы — она выглядела аккуратной и ухоженной, ни дать ни взять американская пенсионерка. Такое же впечатление производило и помещение — безупречная чистота и порядок, наведенные образцовой домохозяйкой. Образ нарушала лишь сигарета, зажатая меж ее тонких губ.

Ни немца, ни этой дамы не было на карнавальной платформе. Очевидно, их освободили от этой необходимости: первого из-за веса, вторую из-за возраста.

— Добрый день, Ребекка! Как вы себя чувствуете?

— Трудности с таможней, — хриплым голосом ответила она. — Не пропускают мои произведения...

Перед ней лежал лист бумаги, который она, держа двумя пальцами крохотный карандаш, покрывала бесчисленными изображениями одного и того же лица. Чтобы рассмотреть, что именно она рисует, требовалось отойти на несколько шагов. Тысячи лиц образовывали своего рода мозаику, складывавшуюся в волны, узоры и арабески.

— Работа продвигается?

— Сегодня утром меня толкнули в туалете. А вчера мясо было жесткое.

Синдром Ганзера. Довольно редкое заболевание, при котором человек на заданный ему вопрос всегда отвечает невпопад. Нарцисс вдруг осознал, что оценивает этих художников как психиатр. Не восхищаясь их картинами, а пытаясь поставить каждому диагноз. Как он ни старался, ему не удавалось превратиться в Нарцисса. Он оставался Матиасом Фрером.

— Я знаю этого человека, — заметил он, указывая на повторенное во множестве изображений лицо.

— Это Альбер, князь Монако.

Объяснения давал Корто — женщина сосредоточенно трудилась над рисунком.

— Лет тридцать тому назад Ребекка работала во дворце князя Монако. Уборщицей. И влюбилась в князя. До потери рассудка. Ей так и не удалось оправиться после этой душевной травмы. В восемьдесят третьем ее поместили в лечебницу без надежды на выздоровление. Она провела несколько лет в клинике Сен-Лу, после чего попала к нам.

Нарцисс покосился на художницу. Ребекка рисовала как автомат, как будто ее рукой водила некая невидимая сила. Она не отрывала карандаша от бумаги, не возвращалась к ранее проведенной линии. Тянула и тянула красную нить своего безумия... Корто уже вышел из мастерской.

— Вы собирали художников по всей Европе? — нагнал его Нарцисс.

— Да. Я продолжил дело моих предшественников. Ганса Принцхорна из Германии. Лео Навратила из Австрии. Благодаря им и существует ар-брют.

— Ар-брют? А что это такое?

— Искусство сумасшедших, маргиналов, медиумов и любителей. Это название придумал Жан Дюбюффе. Кое-кто предпочитает другие термины. Аутсайдер-арт, искусство душевнобольных... Англичане, например, говорят «raw art», что значит «сырое искусство». Красноречивые имена, не

так ли? Это искусство, свободное от всяких условностей, от любого влияния. По-настоящему свободное искусство! Помнишь мои слова? «Не искусство лечит нас, это мы лечим искусство!»

Корто открыл еще одну дверь. Здесь все стены были увешаны большими рисунками, изображавшими причудливо изогнутые женские фигуры: оседлавшие радугу, барахтающиеся в грозовых тучах, спящие на облаках. Часто линии рисунка продолжались на стене, как будто творческая мощь автора не могла удержаться в пределах прикрепленного к стене листа.

— Это Ксавье, — произнес директор заведения. — Он у нас уже восемь лет.

Мужчина лет сорока сидел перед столиком на кушетке, упершись ногами в пол. Одет он был в военную форму: куртка цвета хаки, полотняные штаны. Суровость наряда несколько смягчали цветные карандаши, которыми были набиты все его карманы, и старые веревочные туфли, обутые на босу ногу. Его лицо время от времени кривилось в нервном тике.

— Ксавье убежден, что прежде служил в Иностранном легионе, — прошептал Корто.

Художник между тем взял карандаш и сунул его в прикрепленную к столу точилку.

— Ему кажется, что он участвовал в войне в Персидском заливе в рамках операции Даге.

В комнате повисла тишина. Нарцисс решил попробовать завязать разговор:

— У вас очень хорошие картины.

— Это не картины. Это щиты.

— Щиты?

— Против раковых клеток, против микробов. Против всего этого биодерма, которое на меня посылают через землю.

Корто схватил Нарцисса за руку и вместе с ним отступил в угол комнаты.

— Ксавье верит, что в Ираке подвергся химической атаке. На самом деле он никогда там не был. В семнадцать лет он бросил своего младшего брата, которого нес на плечах, в реку с очень сильным течением. Мальчик утонул. Ксавье вернулся домой, но не мог ответить, куда девался брат. Он ничего не помнил. После этого он пятнадцать лет провел в психиатрической лечебнице для социально опасных больных. Мне удалось его оттуда вытащить.

— Просто так? Без всяких мер предосторожности?

— За все пятнадцать лет с Ксавье ни разу не возникло проблем. Комиссия решила, что можно доверить его мне.

— А что он принимает?

— Ничего. Рисование занимает все его время. И его мозг.

Психиатр благодушно смотрел на своего пациента, который сидел и с горящими глазами точил карандаши. Нарцисс хранил молчание. Скептическое и осуждающее молчание.

— Брось дуться, — сказал Кorto. — У нас здесь почти не бывает проявлений буйства. Никто ни на кого ни разу не напал. Не было ни одного случая самоубийства. Занятия художественным творчеством впитывают в себя все бредовые идеи. Но, в отличие от нейролептиков, не отупляют человека. Они служат ему утешением. Единственной поддержкой. В дни посещений у нас перед воротами не выстраивается очередь, можешь уж мне поверить. К ним никто никогда не приходит. Это одинокие, всеми забытые и брошенные люди. Они обделены любовью. Ладно, пойдем дальше. Мы еще не всех навестили.

* * *

В жандармском участке Брюжа было тихо и пустынно, как на городском кладбище. Может даже, еще тише и пустынней. На кладбище хотя бы по воскресеньям приходят люди. Анаис толкнула дверь. Она пребывала в ужасном настроении. После бесполезной встречи с отцом она связалась с Ле-Козом, чтобы подвести итоги. Много времени на это не потребовалось. Новостей на горизонте не наблюдалось. Расследование убийств Филиппа Дюрюи, Патрика Бонфиса и Сильви Робен более их не касалось. Добраться до «Метиса» не представлялось возможным. Что до ее собственной дальнейшей судьбы, то отдел внутренних расследований даже не назначил дату рассмотрения ее дела. Спрашивается, зачем она так спешила в Бордо?

Ей звонил Кронье.

— Как дела? — поинтересовался он.

— У маленькой засранки все хорошо. Из Ниццы новости есть?

— Никаких следов Януша. Парень испарился. Я вернулся в Марсель. Расспросил сотрудников заведения, в котором он ночевал. Правда, он назвался Нарциссом, но у нас нет ни малейших сомнений, что это был он.

— А узнать, кто на него напал, удалось?

— Есть один свидетель. Бомж. Не просыхает последние лет десять.

— Что он рассказал?

— Что на Януша напали «политиканы». Мужчины в деловых костюмах. Но его показания надо делить на два. Он уже сам забыл, когда был трезвым.

Убийцы из Гетари. Мужчины из машины модели Q7. И голос ее отца, произносящий: «„Метис“ — это порядок». Убийцы, представляющие одновременно и мир преступности, и карающий меч правосудия. Убийцы, вполне способные внедриться в полицию. Убийцы, которые и *были полицией...*

Приемная жандармского участка выглядела карикатурно. Ободранная деревянная стойка. Линолеум на полу. Стены из ДСП. И два дремлющих жандарма... Маловероятно, что в этой убогой дыре ей удастся узнать что-то новое. Она спросила лейтенанта Дюсара — того офицера, что составлял заявление об угоне Q7. Ей ответили, что он сегодня выходной. Дежурные придирчиво изучили ее служебное удостоверение и с недоверчивым видом выслушали ее речь, в которой она объясняла, зачем ей срочно понадобился их коллега: появились дополнительные данные по делу об угоне автомобиля марки «ауди» модели Q7 Sline TDI, номерной знак 360 643 AP 33, имевшем место 12 февраля 2010 года.

Нет, они не могут сообщить ей домашний адрес и телефон Дюсара. И протокол о приеме заявления об угоне показать не могут. Анаис не стала настаивать. Вернулась к машине и позвонила в телефонную справочную, где ей немедленно дали адрес Патрика Дюсара. Жандарм жил в северном пригороде Бланкфоре, за заповедником Брюжа.

Она покатила по деревенской дороге. В этот воскресный полдень на всем пути ее сопровождала мертвенная тишина. Безлюдные улицы. Дома, из которых не доносилось ни звука. Пустые палисадники. Дом Дюсара оказался серого цвета бетонной коробкой, окруженной безупречно подстриженной лужайкой. В глубине двора виднелась деревянная хижина. Анаис припарковалась в некотором отдалении, в тени водонапорной башни, и пешком вернулась назад. Толкнула калитку, не потрудившись нажать кнопку звонка. Она решила, что будет действовать нахрапом: напугает жандарма, вытянет из него нужную информацию и быстро уберется прочь.

Ей навстречу с лаем выскочила собака. Она отбросила псину пинком, и та, жалобно скуля, поджала хвост. Анаис пошла по посыпанной гравием дорожке, перешагивая через валявшиеся на земле детские игрушки. В дверном проеме ее уже поджидала невыразительной внешности женщина неопределенного возраста.

Не здороваясь и не извиняясь, Анаис помахала у той перед носом

своим трехцветным удостоверением:

— Капитан полиции Бордо Анаис Шатле. Ваш муж дома?

Женщина смотрела на нее разинув рот, не в силах выдавить из себя ни звука. Потом так же молча указала пальцем на хижину в глубине двора. На крыльцо выскочили двое мальчишек, круглыми от изумления глазами разглядывая непрошеную гостью. Анаис было неприятно ощущать себя самозванкой, явившейся нарушить спокойствие воскресного дня, однако где-то в глубине души, из самого потаенного и темного ее уголка, поднималось злорадство оттого, что ей удалось внести смятение в это безоблачное семейное счастье. Счастье, которого ей познать не суждено.

Она пошла через газон, чувствуя спиной, как три пары глаз поедают ее взглядом. Постучала в дверь хижины. Услышала приглашение войти. Повернула ручку и обнаружила внутри мужчину, смотревшего на нее с нескрываемым удивлением. Очевидно, он полагал, что это кто-то из домашних.

— Капитан Анаис Шатле, центральный полицейский участок Бордо.

Удивление на лице мужчины сменилось изумлением. Патрик Дюсар, в иссиня-черном рабочем халате, накинутом поверх одежды, стоял перед широким столом, на котором, как на авианосце, выстроились в ряд модели самолетов из бальзового дерева. Внутри домишко напоминал выставку авиамоделизма. Все свободное пространство занимали детали самолетов — крылья, кабины, фюзеляжи. В воздухе пахло опилками, клеем и смолой.

Она сделала два шага вперед. Жандарм отступил, сжимая в руках остов самолетного крыла. Анаис оглядела противника. Маленький, с непропорционально большой и абсолютно лысой головой. На носу дешевые очки. Невыразительные черты лица, принявшего явно испуганное выражение. Она расколет его, как гнилой орешек, — только действовать надо стремительно.

— Я по поручению следственного судьи Ле-Галя, — солгала она.

— В... в воскресенье?

— Двенадцатого февраля сего года вы приняли в отделении жандармерии Брюжа заявление об угоне автомобиля. Внедорожник марки «ауди», модель Q7 Sline TDK, номерной знак 360 643 AP 33, принадлежавший ЧАОН, зарегистрированному в реестре предприятий сферы обслуживания района Терфор в Брюже.

Дюсар и без того был бледен, но при этих словах побледнел еще больше.

— Кто подавал заявление?

— Не помню. Фамилии не помню. Надо посмотреть протокол...

— Не стоит, — оборвала она его. — Нам известно, что протокол — фальшивка.

— К... к... как это?

— Двенадцатого февраля никто не подавал вам никакого заявления об угоне машины.

В лице мужчины не осталось ни кровинки. Он уже видел, как его понижают в звании и лишают всех привилегий, полагающихся государственному служащему, в том числе пенсии. Пальцы, сжимавшие деталь самолета, напряглись так, что она хрустнула.

— В... в... вы обвиняете меня в том, что я оформил протокол задним числом?

— В этом нет никаких сомнений.

— Какие у вас доказательства?

— С доказательствами будем разбираться в участке. Одевайтесь!

— Не буду! Вы блефуете! Вы...

Анаис взяла быка за рога:

— У нас есть свидетели, утверждающие, что автомобиль по-прежнему находится в распоряжении лиц, являющихся сотрудниками ЧАОН.

— А я-то тут при чем? — возмутился Дюсар. — Они подали заявление двенадцатого февраля. Если они меня обманули, то это они...

— Ничего подобного. Они пришли к вам позже. И приказали составить протокол задним числом.

— Да кто может мне приказать?

— Одевайтесь! Не вынуждайте меня применить силу. Нам ничего не стоит доказать, что по этому делу вообще не проводилось никаких следственных мероприятий. Вы даже не пытались искать угонщиков.

Дюсар делано рассмеялся:

— Ну и что? Знаете, сколько у нас угонов? Если мы каждый будем расследовать...

— Эта машина — далеко не «каждая». Она очень дорогая. И принадлежит агентству, предоставляющему услуги по обеспечению безопасности в промышленном районе, подпадающем под вашу юрисдикцию! Для вас они почти коллеги! И если после двенадцатого февраля в деле не появилось ни одного документа, то лишь потому, что никакого заявления об угоне вам никто не подавал.

В глазах жандарма вспыхнули искры — он уже прикидывал, как будет составлять другие фальшивые бумаги. Протоколы опроса свидетелей. Акты проверки близлежащих территорий. Но Анаис не позволила ему углубиться в эти мысли:

— Мои люди уже проводят обыск у вас в участке. Надевайте пальто, и пошли!

— Сегодня воскресенье! Вы... вы не имеете права!

Крыло из бальзового дерева рассыпалось у него в руке на кусочки.

— Не имею права? В рамках расследования двойного убийства?

Анаис продолжала тем безжалостным и внешне бесстрастным тоном, которому не учат ни в одной полицейской академии, но даром которого каждый полицейский наделен от природы:

— Шестнадцатое февраля. Страна Басков. Убийцы сидели за рулем якобы угнанного «ауди». Или говори все, что знаешь, или придется примерить тебе браслеты.

— Это связано с баскским сепаратизмом?

— Ничего общего. — Она вытащила из кармана наручники. — Предлагаю тебе сделку. Расскажи мне все, что тебе известно, прямо сейчас, и, может быть, я помогу тебе выпутаться из этой истории. Иначе на тебе повиснет обвинение в соучастии в умышленном убийстве. Ребята, что сидели за рулем той тачки, девятнадцатого февраля совершили еще одно покушение на убийство. Так что это не простая тачка. Выгораживай их и дальше — и небо в клетку тебе обеспечено. Давай, не тяни! Облегчи свою совесть!

По лицу Мориса Дюсара градом катился пот. Руки у него тряслись.

— Вы... вы ничего не докажете.

Анаис осенила идея — и она тут же мысленно обругала себя последними словами, что не догадалась об этом раньше.

— Разумеется, докажем. ЧАОН не обратилось в страховую компанию. Не подало никакого заявления. Не пожелало получить никакой компенсации. Как по-твоему, это нормально? Тачка вообще-то стоит больше шестидесяти тысяч евро!

Жандарм, на всем протяжении разговора пятившийся назад, теперь стоял зажатый в угол.

— Угнанный автомобиль даже не объявили в розыск! — добавила Анаис в приливе вдохновения. — По всему выходит, искать его никто не собирался!

— Не надо наручников! Только не это...

Она вскочила на стол. Хрустнули под каблуками хрупкие самолетики. В двенадцать лет она была чемпионкой Аквитании по спортивной гимнастике. *Папина гимнасточка*. Анаис прыгнула на Дюсара, и тот заорал в голос. Оба упали на пол. Анаис поднялась первой и пригвоздила противника к земле, уперев колено ему в грудь. В мгновение ока она

накинула открытый наручник ему на горло:

— Говори, сволочь, мать твою!

— Нет!

— Кто к тебе приходил?

Мужчина яростно мотал головой из стороны в сторону и твердил: «Нет, нет, нет!» На его посиневшем лице пот мешался со слезами. Анаис чуть усилила хватку:

— Кто?

Лицо Дюсара приобрело свекольный оттенок. Дышать он больше не мог. Тем более — говорить. Она немного ослабила захват.

— Их... их было двое... — хрипло выдавил из себя жандарм.

— Имена?

— Не знаю.

— Сколько тебе заплатили?

— Нисколько! Клянусь! Мне не нужны деньги!

— Ага, и кредит за свою развалюху тебе платить не надо! И за машину не надо! И шмотки своим соплякам покупать не надо!

— Нет, нет, нет!

Она снова ту же затянула на его горле стальной браслет. Ей самой было страшно от того, что она сейчас делает. Собственная жестокость ее ужасала. Это безумие! Уполномоченным по внутреннему расследованию свидетельство Патрика Дюсара придется как нельзя более кстати!

— Говори! Почему ты согласился составить фальшивый протокол?

— Они... они мне приказали.

Она ослабила зажим наручника:

— Приказали?

— Это были два офицера. Они говорили... Они говорили, что речь идет о деле государственной важности.

— Они были в форме?

— Нет.

— Показали тебе свои документы?

— Нет.

Дюсар приподнялся на локте и отер со щек слезы.

— Господи, да сразу было видно, что они офицеры. Я четыре года прослужил во флоте, ходил на «Шарле де Голле». Я же вижу, когда передо мной воинское начальство...

— Какой род войск они представляли?

— Не знаю.

— Опиши их.

— Серьезные мужики. В черных костюмах. Военного даже в штатском сразу узнаешь.

Это была первая осмысленная фраза, произнесенная жандармом.

— Они приходили в жандармский участок?

— Нет, ко мне домой. Вечером семнадцатого. Сказали, что надо написать в протоколе и какую дату проставить. Вот и все.

Значит, это не могли быть убийцы с пляжа в Гетари. Потому что в тот день они были в Марселе и шли по пятам за Виктором Янушем. Кто же они такие? Коллеги первых? Во всяком случае, она поняла, что свидетельство Дюсара ей ничем не поможет. Он будет все отрицать. А ее упекут за нападение на человека...

Гораздо продуктивнее казалась идея насчет того, что в жандармерии не сочли нужным внести номер угнанной машины в розыскной список, передаваемый дорожным службам, отлавливающим их с помощью радиомаяков. Она поднялась и убрала наручники в карман.

— А что... что со мной будет? — проблеял Дюсар, потирая шею.

— Сиди тихо, и все обойдется, — сквозь зубы прошипела она.

Она вышла, споткнувшись на пороге, ослепленная ярким дневным светом. Одернула куртку, стряхнув с нее обломки деревянных самолетиков. Проходя по дорожке, злобно поддала ногой валявшийся у нее на пути трехколесный велосипед.

Широко шагая, она добралась до калитки. Женщина и двое мальчиков стояли в дверях дома. Все трое плакали.

Она вцепилась рукой в решетку ограды.

У нее по щекам тоже текли слезы.

Долго ей так не выдержать.

* * *

Все здесь оставалось нетронутым.

Как будто Нарцисс покинул свою мастерскую вчера.

— Я не сомневался, что ты вернешься, — пояснил Корто.

После обеда он смог наконец попасть к себе в мастерскую. Психиатр настоял на том, чтобы пойти с ним. Площадь помещения не превышала пятидесяти квадратных метров. Стены не были выкрашены черной краской или покрыты карандашными рисунками, но и того образцового порядка, что царил в комнате Ребекки, здесь не наблюдалось.

Слева стояли прислоненные к стене чистые холсты. Пол покрывала

пластиковая пленка, вся в пятнах краски. Повсюду громоздились банки промышленной и пакеты сухой краски, валялись перепачканные ванночки и пузырьки с замазкой. На укрепленных на козлах досках лежали высохшие перекрученные тюбики и, как ни странно, несколько больших металлических шприцев. Из пустых консервных банок букетами торчали кисти.

— Ты сам составлял краски, — объяснил ему Крто. — И капризничал ничуть не меньше Карла. Сам смешивал пигменты. Сам измельчал их в порошок и разводил скипидаром и олифой до нужной консистенции. Хорошо помню, что ты всегда требовал особый сорт осветленной олифы. Заказывал ее на одном предприятии, которое вообще-то работает с оптовиками и отгружает заказы тоннами. Затем ты набирал краску в шприц для смазки тракторов — эти шприцы я сам добывал для тебя у местных фермеров...

Нарцисс приблизился к столу, на котором стояли ванночки, покрытые темной, красноватой и фиолетовой коркой засохшей краски. От алюминиевых посуды и пыльных пакетов все еще исходил не до конца выветрившийся резкий химический запах. Он потрогал кисти, перебрал тюбики, принялся к ним — и не испытал ничего. Он едва не взвыл от досады. Забыл. Все забыл.

Ему попался на глаза блокнот с кое-где склеившимися от краски страницами. Он пролистал его. Бисерный почерк... Списки названий, цифры, проценты...

— Это твой шифровальный блокнот, — улыбнулся Крто. — Ты заносил сюда секретные рецепты смешивания ингредиентов для получения краски нужных оттенков.

Нарцисс сунул блокнот в карман.

— Расскажите, как я работал, — попросил он.

— А я не знаю. В мастерских нет дверей, но ты вешал над дверным проемом занавеску. Вход строго воспрещен. А по вечерам поворачивал картины лицом к стене.

— Почему?

— «Надоело смотреть на свою рожу». Это твои слова.

Даниель Ле-Гуэн, его коллега по работе в марсельском «Эммаусе», говорил, что, увидев мельком репродукцию Курбе, он изменился в лице.

— Я когда-нибудь упоминал имя Гюстава Курбе?

— Разумеется. Ты всегда повторял, что он твой учитель и наставник.

— В каком смысле?

— Не знаю. В принципе твои работы не имеют ничего общего с

произведениями Курбе. Но он считается признанным мастером автопортрета. Я не специалист, но автопортрет Курбе, известный под названием «Отчаявшийся», бесспорно, одно из самых знаменитых в мире полотен...

Нарцисс ничего не ответил. Мысленным взором он видел десятки автопортретов, развешанных по стенам воображаемой комнаты. В этом отношении его память нисколько не пострадала. Дюрер. Ван Гог. Караваджо. Дега. Шиле. Опалка... Но, как он ни вглядывался, не мог различить ни одного изображения Курбе. Что за чертовщина! Выходило, что художник, чье творчество оказало непосредственное влияние на его судьбу, тоже стал жертвой его болезни и ухнул в черную дыру амнезии.

— Вот что я вспомнил, — продолжил Кorto. — Из всех автопортретов Курбе ты особенно высоко ставил «Раненого человека».

— Что это за картина?

— Художник написал себя возле дерева в позе умирающего, с кровавым пятном на груди, там, где сердце.

— Почему я так интересовался именно этой картиной?

— Я задавал тебе тот же вопрос. И ты мне ответил: «Мы с ним делаем одно и то же дело».

Нарцисс еще раз прошелся по мастерской. Когда-то здесь была его нора, его пещера, его логово. Сейчас все вокруг выглядело чужим и незнакомым. Его охватило отчаяние. Он никогда ничего не узнает.

— Оставайся с нами, — тихо проговорил Кorto, словно прочитав его мысли. — Займись живописью. И память к тебе постепенно...

— Я уеду завтра утром. И мне нужны деньги.

* * *

— Это вы мне звонили?

— А ты как думаешь?

Анаис стояла в дверях склада, тыча полицейским удостоверением в нос молодому парню с красными глазами и сальной челкой. Пять вечера. Она находилась где-то в пригороде Тулузы, в промышленном районе, застроенном мрачными складскими помещениями без окон. До Тулузы она добралась за каких-нибудь два часа и почти столько же времени потратила, чтобы разыскать в хитросплетении улиц и дорог нужный адрес.

Это был адрес контрольного пункта компании «Камарас», осуществлявшей слежение с помощью радиомаяков за передвижением

автомобилей в ряде областей Франции, таких как Аквитания, Юг-Пиренеи, Лангедок-Русильон и Прованс-Альпы-Лазурный берег.

Анаис позвонила дежурному в 14.30. Сотрудник фирмы, ответивший ей, не скрывал удивления. Обычно к ним обращаются через страховую компанию... Она не дала ему договорить:

— Я сейчас подъеду.

И вот она стояла перед гиком, одетым в растянутый свитер и мешковатые джинсы. Должно быть, студент, подрабатывающий по выходным. А что, работенка непыльная — сиди себе читай учебники, а денежки каплют. Впрочем, Анаис поняла, что наука интересует парня в последнюю очередь. Расширенные зрачки, опухший нос, расшатанные зубы. Парнишка сидел на коксе.

Он отступил, пропуская ее внутрь. Перед ней открылось просторное и практически пустое помещение. Приглядевшись внимательнее, она заметила, что стена справа была вся уставлена мониторами. Нечто подобное она видела в Ницце, в отделе наблюдения за обстановкой в городе.

Парень достал из кармана аптечный пузырек, запрокинул голову и закапал поочередно оба глаза.

— Я по телефону не совсем понял...

Анаис опустилась в кресло на колесиках и развернулась к парню:

— Сядь.

— А в чем дело-то? — Он послушно присел.

Она ногой развернула его в сторону мониторов и прошептала ему на ухо:

— Двенадцатого февраля в жандармский участок в Брюже поступило заявление об угоне внедорожника марки «ауди», модель Q7 Sline TDI, номерной знак 360 643 AP 33. Ты об этом что-нибудь слышал?

— Не, ничего. Я же только по выходным работаю. Вообще-то я учусь...

— Это был формальный вопрос. Я хочу, чтобы ты настроился на радиомаяк, которым оборудована эта машина.

— Это не радиомаяк. Это GPS-навигатор.

— Не важно. Давай, за дело!

Парень заерзал на месте:

— Так не делается! Жандармерия должна прислать в наше управление копию протокола о том, что заявление об угоне принято, а также копию страхового полиса на машину и...

Она крутанула кресло, в котором он сидел:

— А еще я могу позвонить коллегам в Тулузу и потребовать, чтобы у тебя взяли слюну на анализ. У нас есть методики, позволяющие распознать многие виды наркотиков. Как тебе такая идея?

— У вас... у вас есть номерной знак? — залепетал он.

Анаис достала из кармана листок, на котором записала номер машины, и шлепнула его перед парнем. От ее движения загорелся один из спящих экранов компьютера. Появилась картинка — тесно переплетенные между собой обнаженные тела. Открылись и другие окна. Лицо женщины во время акта фелляции. Крупным планом — анус. В углах экрана замелькали рекламные баннеры самого красноречивого содержания...

— Уроки учишь? — усмехнулась Анаис.

Парень залился краской и неловким жестом выключил компьютер. Прочистил горло и забарабанил по клавишам другого. На мониторах возникли спутниковые карты Франции. Парень щелчком мышки увеличил масштаб одной из них. Анаис не успела даже сообразить, какая именно часть страны мелькнула на экране.

— Это что, так быстро делается? — удивилась она.

— А то! — похвалился он. — Любого угонщика можно сцапать!

— Где они? Я имею в виду: где сейчас эта машина?

— На шоссе D2202. В долине Вара.

Анаис наклонилась к экрану:

— А точнее?

Он покрутил колесико мышки, и картинка стала еще крупнее.

— Вот! Неподалеку от Ниццы.

— Машина в движении?

— Ага. Подъезжает к мосту Дюранди.

Она задумалась. Возможно, они идут по следу Януша. Но как им удалось вычислить, где он скрывается? Каким образом они сумели сделать то, что оказалось не под силу десяткам профессиональных сыщиков? Или они просто возвращаются на некую базу?..

Она порылась в кармане и выложила на стол свой айфон. Взяла лист бумаги и нацарапала на нем несколько цифр:

— Набери этот номер и перешли мне программу, с помощью которой я смогу в реальном времени следить за машиной.

— Нельзя! Я не имею права! На программе стоит защита!

— Ты что, еще не понял, что мы с тобой оба — и ты, и я — действуем не по правилам? Короче, давай шевелись. Набирай номер и отправляй мне через Интернет программу. Усек?

Он замолотил по клавиатуре. Стук клавиш напоминал ритмы

макабрического танца.

Айфон задребезжал. Анаис проверила — на почту пришел мейл. В прикрепленном файле была программа слежения.

Она протянула парню свой мобильник — техника никогда не была ее коньком:

— Установи программу и выведи на экран.

Через несколько секунд она уже рассматривала карту пригородных районов Ниццы. По дороге перемещалась, мигая, точка — это был внедорожник. Анаис каким-то шестым чувством поняла, что ей надо спешить.

— Я вам еще закачал программу GPS, — добавил парень. — Если вы их потеряете, подключите ее. Она вам подскажет, куда ехать.

Она кивком поблагодарила его. Он опять схватил свой пузырек и привычным жестом закапал глаза.

— Что надо сказать?

— Я вас никогда не видел, — улыбнулся гик. — И никогда ничего не слышал ни про какой внедорожник.

— Хороший мальчик, — одобрила она и подмигнула ему.

Уже на полпути к выходу Анаис еще раз обернулась и жестом изобразила, будто тербит воображаемый пенис:

— Смотри мозоль не натри!

Парень залился краской, но ничего не ответил.

* * *

Бегом устремляясь к машине, Анаис прикинула свои силы. Придется еще раз пересечь Францию с запада на юг. Это она сможет. От Ниццы ее отделяло примерно шестьсот километров. Она проделает их часов за пять. Но потом надо будет свернуть с шоссе и пуститься по местным дорогам. А вдруг она заплутает? Даже несмотря на GPS-навигатор?

Она направилась к выезду на главную дорогу. Настоящая ее проблема сейчас заключалась в другом. Этой ночью она спала всего пару часов, прошлой — вообще не сомкнула глаз, а позавчерашней — не больше трех часов. Она еле держалась на ногах, и то лишь благодаря нервному возбуждению.

Она набрала номер Закрауи. Самый опасный и самый обворожительный из своих подчиненных. Тот ответил после второго звонка.

— Зак? Это Анаис.

— Как дела, красотка? — Единственный из всех он позволял себе с ней фамильярничать. — Все еще отдыхаешь? Слышал про твои приключения в Ницце!

— Я хочу, чтобы ты мне помог. Мне нужны колеса.

— Колеса? Какие еще колеса?

Анаис не ответила. Она уже поняла, что он ей не откажет.

— Уточни, пожалуйста, что ты имеешь в виду, — бархатым голосом попросил он.

— Спид.^[27]

Закрауи прежде работал в местном наркоотделе. Он наперечет знал все каналы доставки дури во всей Аквитании и ее окрестностях. Держал на примете всех дилеров. Как никто разбирался, кому верить можно, а кому нельзя. По одной очень простой причине: когда-то он сам баловался наркотой. Сейчас он утверждал, что завязал с этим делом. Все делали вид, что так оно и есть.

Коллега объяснил ей, где именно раздобыть лучшие в данном районе амфетамины. Она остановилась возле обочины и торопливо записала: «Гран-Мирай, квартал Ренри, жилой комплекс Турнель». Эти названия навевали ей какие-то смутные воспоминания. Что-то связанное с городскими драками и сожженными машинами...

— Могу сделать пару звонков, — предложил Зак.

— Спасибо. Как мне найти этих ребят?

— Их не надо искать. Турнель — это такое длиннущее здание в форме буквы «Y». Ты просто должна очень медленно ехать мимо. Если тебе удастся прикинуться обычной чувой, пташки сами к тебе слетятся.

Она бросила блокнот на пассажирское сиденье, включила скорость, прижала мобильник к уху и газанула.

— Что в конторе слышно?

— Ну, награду за твою голову еще не объявили, но, думаю, со дня на день объявят.

Она нажала отбой, мысленно представив себе Зака. Его маленькую шляпу и тунисскую улыбку. У него тоже хватало неприятностей — и не только из-за наркотиков. Отдел внутренних расследований давно приглядывался к нему, потому что его подозревали в многоженстве. Если вспомнить Джафара, бегавшего от судебных исполнителей за неуплату алиментов бывшей жене, и Ле-Коза, существовавшего за счет уже немолодой баронессы, приходилось признать, что вся ее группа состоит из тех еще донжуанов. *«И это единственные мужчины в моей жизни»*,

грустно сказала себе она.

Часом позже — лил дождь, и она несколько раз сбивалась с дороги — она уже торговалась с низеньким, от горшка два вершка, арабом в блестящем зеленом плаще, лица которого, скрытого капюшоном, так и не увидела.

— Бабки вперед.

Анаис по дороге останавливалась возле банкомата. И протянула бумажку в сто евро. Деньги мгновенно исчезли под зеленым плащом, а в ладони араба как по волшебству появилось десять таблеток.

— Смотри, осторожней там. Убойная штука. Одну за раз — не больше. Анаис убрала восемь таблеток в карман, а две оставила в руке.

— У тебя запить ничего не найдется?

Карлик протянул ей банку диетической колы.

— Без коки, с гарантией, — пошутил он.

Анаис проглотила две таблетки сразу. Собралась вернуть банку, но парень уже растворился в вечерней тьме.

— Подарок от фирмы, — послышался его голос. — Пока.

Анаис тронулась с места. С неба лило. Она уже чувствовала — или ей казалось, что чувствует, — как дофамин проникает в мозг. Анаис переключила скорость и снова выехала на шоссе A61. На первой же автозаправке залила полный бак. Расплачиваясь, покосилась на витрину с сэндвичами и печеньем и поняла, что совершенно не хочет есть. Наркотик обладал и побочным действием, снижая аппетит. Тем лучше. Значит, нервы будут на пределе. Никакой расслабухи.

Она рванула машину с места и посмотрела на экран айфона. Гады, которых она преследовала, покинули шоссе D2202 и теперь двигались к какой-то захолустной дыре под названием Каррос. Что они там забыли? Или нашли Януша?

Она переключилась на пятую скорость и только тут заметила, что выжимает больше 200 километров в час. Умница моя, с нежностью подумала о своей маленькой машине. «Смарт» пока была ее лучшим другом.

Ночь только начиналась.

* * *

— Сколько здесь? — поинтересовался Нарцисс, взвешивая на ладони крафтовый конверт.

— Сорок пять тысяч евро.

Нарцисс недоверчиво покосился на Корто.

— Я же тебе говорил. В Париже ты произвел фурор. Большинство твоих картин было продано по четыре тысячи евро за каждую. Написал ты их примерно три десятка. Около половины выручки забрала себе галерея. Пятнадцать процентов забрали мы, в общую кассу. Остальное — твое. Ты модный художник! Только пожелай, и можешь снова стать Нарциссом. И очень прилично зарабатывать.

Нарцисс приоткрыл конверт. Деньги внутри переливались матовым блеском, словно были из атласа.

— Я больше не смогу писать, как Нарцисс.

— Ты в этом уверен?

Он не ответил. На самом деле где-то в глубине души у него сохранялось убеждение, что все его умения и навыки, его, если угодно, талант художника, — все это никуда от него не делось, в точности так же, как его компетенция профессионального психиатра. Вопрос заключался не в том, способен ли он продолжить карьеру Нарцисса с той самой точки, где она остановилась. Просто перед ним сейчас стояли совсем другие задачи. Ему надо разыскать свои картины. Рассмотреть, вернее, внимательно изучить их. Он не сомневался, что подсознательно зашифровал в них некую истину. Нечто имеющее отношение к его подлинной личности.

— Как вы думаете, — спросил он, засовывая конверт с деньгами в карман, — как много у меня времени? Я имею в виду, до того, как со мной случится очередной приступ амнезии?

Они шли по парку. На улице уже стемнело. Дул сильный ветер, от которого гнулись и качались деревья. Пусть Януш на целые сутки запустил свое расследование, зато теперь он чувствовал себя сытым и отдохнувшим. К тому же он стал богат. Есть с чем продолжить дело.

— Это невозможно предсказать заранее, — ответил психиатр. — Никакой закономерности не существует. Не забывай только, что каждый случай амнезии есть проявление психотического бегства. Своего рода ответ на психическую травму. Причиной очередного приступа может стать то, с чем ты сталкиваешься в повседневной жизни.

С этим Нарцисс не спорил. Самая ужасная из гипотез заключалась в следующем. Он — убийца, и после каждого убийства меняет кожу. Он потряс головой, не желая принимать это предположение.

Они спускались террасами. В темно-синем небе высыпали первые звезды. Здесь, на высоте, опьяняюще пахло смолистой хвоей. Психиатр повернул направо и повел его в кактусовый сад. Нарцисс никогда раньше

не видел такого количества кактусов одновременно. Кактусы были повсюду — росли в почве, в горшках, в теплицах. Некоторые походили на морских ежей, завернутых в гигроскопическую вату. Другие тянулись на два метра ввысь или раскидывали вширь лапы, напоминая канделябры.

— Чувствуешь?

— Что?

— Пахнет как! — Крто вдохнул поглубже. — Все наше тело отзывается на эти запахи. Примерно то же ощущаешь, когда смотришь на море... Мы ведь по большей части состоим из воды. Ты любил приходить сюда по вечерам...

Нарцисс не понимал, к чему клонит психиатр.

— Полагаю, ты читал сочинения Юнга?

— Читал. — Нарцисс ответил без малейших колебаний.

— С точки зрения Юнга, наше сознание, вернее сказать, подсознание, пронизано архетипами — довольно примитивными и схематичными идеями, появившимися на заре человеческой истории: мифами, легендами, первобытными страхами. При столкновении с каким-либо фактом, картиной или деталью, способной служить нам напоминанием об этих архетипах, мы испытываем глубокое волнение, которое выходит за рамки наших личных переживаний и является общим для всего человечества.

Крто говорил размеренным, почти гипнотизирующим голосом.

— И что из этого следует?

— Я думаю, что примерно то же самое происходит с нашим телом. Существуют, как бы это выразиться, физиологические архетипы. Море. Лес. Камень. Небо. Все эти царства, которые окружают нас не только снаружи, но и присутствуют у нас в душе. И при контакте с ними наше тело пробуждается. Вспоминает, что когда-то оно было морем, лесом, камнем, звездой... Наши клетки начинают вздрагивать, трепетать, беспокоиться...

Крто грубо схватил его за плечо.

— Найди свои картины, — прошептал он. — Поезжай в Париж. Я знаю, что ты туда собрался. Тебе надо увидеть свои работы. И тогда твое тело станет тебе поводом. Живопись и столичная жизнь — части твоего прошлого. Значит, в какой-то мере и ты — их часть.

Нарцисс понял, что имеет в виду Крто. Он закрыл глаза и попытался прямо сейчас, не сходя с места, произвести над собой эксперимент. Он впустил в себя влажные испарения парка, похожий на шум прибоя шелест древесных крон и явившийся из незапамятных времен холодный горный воздух. По его телу пробежали волны. Он стал мокрым от дождя песком, по

которому ступают босые ступни. Стрекотом насекомых, палимых жарким солнцем в краю вечного полудня. Скрипом снега и скользкой белизной лыжни. Он дышал. Смеялся. Обнимал весь мир. Все его тело превратилось в лаковый отблеск золотистого луча, падающего в летний вечер на женскую фигуру в гостиной буржуазного дома...

Он открыл веки. Корто исчез.

Он прислушался — с нижней террасы доносился звук шагов, вполне реальных. Присмотревшись, он увидел, что кактусы двигаются. Сердце на миг перестало биться у него в груди.

Это были не кактусы. Это были могильщики в строгих черных костюмах.

Они шли вперед, нимало не заботясь о соблюдении тишины. Давили ногами низкие растения, раздвигали руками высокие. Несмотря на полумрак, Нарцисс разглядел у них в руках пистолеты с глушителями. И тут же его обожгла мысль: свой «глок» он оставил в комнате.

Мужчины ступили на плиточную дорожку. Задрали головы к находящимся выше зданиям. Нарцисс успел укрыться в зарослях кустарника. Все происходящее несло на себе отпечаток дежавю. В Марселе он точно так же стоял на лестнице, по которой поднимались гангстеры из уличной банды.

Мужчины в черном начали подъем. Прячась в кустах, Нарцисс преодолел несколько метров, отделявших его от мастерских. К счастью, штаны и куртка на нем были темного цвета. Он крался, сливаясь с деревьями и темнотой.

Он пробрался по балкону, опоясывавшему здание. Кажется, у себя в мастерской он оставил окно открытым. Так и есть. Он проскользнул внутрь. Коснувшись ногами бетонного пола, обрел уверенность в себе. Бесшумно притворил оконную раму и наконец отдышался.

Коридор. Если он ничего не путает, слева располагается внешняя лестница, по которой можно подняться к жилым комнатам. Народу в этот час здесь не было — все ушли в другое здание на ужин. Очутившись у себя, он сунул руку под матрас и вытащил пистолет. Папка с материалами по делу Икара лежала там же, как и нож, и блокнот Нарцисса. Все его имущество. Весь его багаж. Он запихнул оружие под ремень, убрал нож в карман штанов, а бумаги — в карман уличной куртки, которую накинул поверх домашней. Брюки от костюма скатал и взял под мышку, рассчитывая надеть их позже.

Выглянув в коридор, он посмотрел по сторонам — никого. Сердце с силой гнало кровь по жилам. Спускаться по лестнице слишком опасно. В

конце коридора располагалось окно. Он открыл его и вылез наружу, спрыгнув на балкон. До земли отсюда было метра три. Ничего страшного — главное, постараться упасть на кустарники. Он закрыл глаза и нырнул вниз. Ему показалось, что он падал целую вечность. Приземлившись, он долго — еще одну вечность — лежал, слушая, как постепенно стихает треск поломанных сучьев. Высвободив руки из-под веток, он ощупал лицо и тело. Крови нет. Кости целы. Нигде ничего не болит. Вроде обошлось. Извиваясь, он стал выбираться из кустов, ногами нащупывая твердую землю. Затем снял куртку и повязал ее вокруг талии.

Теперь — бежать. И он помчался вперед, по-прежнему сжимая под мышкой брюки. Ветки хлестали его по лицу, из-под ног разлетались мелкие камешки. Он огибал древесные стволы, не снижая скорости, и вскоре выскочил на тропинку, круто уходящую вниз. Попытался затормозить, но ноги сами понесли его дальше. Оглушенный, очумевший, избитый, он продолжал бег. Его вела надежда. Рано или поздно тропинка выведет к асфальтовой дороге. Там он пойдет пешком. Устроит себе передышку. Найдет деревушку. Он обязательно что-нибудь придумает. Они его не достанут. В мозгу, заглушая страх, стучал вопрос: как они его разыскали? Что еще им о нем известно?

* * *

Около девяти вечера показания GPS-навигатора перестали меняться. Объект слежения остановился где-то в горах, чуть выше деревни Каррос, и стоял там до двух часов ночи. Анаис подъезжала к Ницце, когда прибор показал, что внедорожник снова пришел в движение. Убийцы продолжили свой путь. Анаис поборола искушение немедленно пуститься за ними вдогонку — ей необходимо было узнать, где именно они провели часть ночи. В худшем из возможных случаев они могли поймать Януша. Подвергнуть его пыткам. Искалечить. Убить.

Она добралась до места около трех часов. Здесь располагалось специализированное заведение под названием «Вилла Корто». По грунтовой дороге пришлось тащиться с черепашьей скоростью. Вскоре в свете фар мелькнуло нечто такое, что заставило ее вздрогнуть. Будь она наркоманкой, решила бы, что у нее bad trip.^[28] На обочине сидел человек в костюме клоуна с выбеленным лицом и громко рыдал. Неподалеку, над купой приморских сосен, в двух метрах над землей парил в воздухе человек. На крыльце первого из двух зданий сидел великан, весь целиком,

от макушки до кончиков ног, вымазанный черной краской.

Она выскочила из машины и поняла, что вовсе не галлюцинирует. Все так и было.

К ней, утирая глаза, подошел клоун. Слезы проложили дорожки на его густо напудренном лице, подчеркивая его карикатурный вид. Сюда же подтянулся и мужчина, шагавший по воздуху. Загадка быстро разъяснилась: он передвигался на ходулях. При этом он что-то доверительно рассказывал сосновым кронам, словно, постигнув тайны птичьего языка, решил окончательно порвать с миром людей.

Анаис направилась к главному зданию, в котором светились окна. И едва не упала, налетев на сидящую на земле старую женщину с сильно накрашенным лицом. Женщина развела небольшой костерок, на котором стояла кастрюля с варившимися макаронами. Помешивая в кастрюле деревянной ложкой и время от времени пробуя макароны на вкус, женщина беспрестанно стонала.

Анаис приветственно кивнула ей и попыталась завязать разговор. Но на все свои вопросы получала один и тот же ответ:

— Главная трудность — это таможня. Не желают пропускать мои работы...

Анаис не стала настаивать и прошла в столовую. Здесь тоже царил карнавал. На столе с криками прыгал Пьеро с подведенными черным глазами. Рядом с ним стоял мужчина в шляпе фокусника, украшенной елочным дождем, и грыз обмотанный свитером кулак, обильно пуская слюни. Еще один, в соломенной шляпе, сидел по-турецки на столе и играл на флейте медленную печальную мелодию, похожую на японскую песенку. Анаис заметила, что он напрудил под себя лужу.

Что здесь происходит?

Где персонал?

Она поднялась на второй этаж. Прошла коридором с голыми бетонными стенами, мимо деревянных дверей. Атмосфера здесь напоминала похоронное бюро. Тот же холод, та же пустота. Это впечатление быстро переросло в предчувствие, а следом за тем — в уверенность. Интуиция ее не обманула. Во второй комнате справа обнаружили три трупа. Два из них — крупных, крепкого сложения мужчин с множественными пулевыми ранениями в груди, причиненными крупнокалиберным оружием. Но гораздо ужасней был третий — голый и привязанный к столу.

Анаис натянула перчатки из латекса и прикрыла за собой дверь. Обитатели психушки притопали за ней. Она попыталась восстановить

недавние события. Убийцы приехали сюда около 21.00. В упор застрелили двух санитаров — по характеру ранений Анаис определила, что стреляли из пистолета сорок четвертого или сорок пятого калибра. Затем занялись третьим — должно быть, директором заведения. Точный его возраст она определить не решилась бы, но ему явно было за шестьдесят. Обезображенное лицо. Выколотые глаза. Вместо носа — зияющая рана. Щеки изрезаны. Зубы выбиты. Голова убитого была склонена набок, указывая на то, что ему перерезали сухожилия в области шеи.

Что он им рассказал под пыткой? Потому что любой человек, принимая такие муки, должен был заговорить. Вряд ли пожилой и довольно тщедушный психиатр стал бы разыгрывать из себя героя. Однако... Чтобы выколотить из кого-то сведения, обычно достаточно его просто припугнуть, в крайнем случае слегка пощекотать ножом. Об этом говорит история всех войн. А тут такие страшные увечья. Мало того, в комнате царил настоящий разгром — все перевернуто вверх дном, разбито, выпотрошено. И это могло означать, что мерзавцам так и не удалось развязать старому доктору язык.

Анаис поражалась собственным спокойствию и хладнокровию. Свидетельства звериной жестокости жгли ей взгляд, но не сердце. Она смотрела на них как на старых знакомых. Сколько раз, лежа без сна, она рисовала в воображении картины пыток, которым ее отец подвергал политзаключенных в Чили. И вот теперь они явились перед ней во всей своей страшной реальности.

Анаис оглядела сброшенные на пол книги, обломки предметов. Производить обыск не имело никакого смысла. Поработавшие здесь молодчики ничего ей не оставили. Компьютер на письменном столе был разбит. Жесткий диск извлечен. Информация украдена.

Она сформулировала выводы. В прошлой жизни Януш был пациентом этого заведения, то есть психушки. Возможно, он приехал сюда после бегства из Ниццы в поисках убежища. Во всяком случае, убийцы явились сюда потому, что знали об этом факте его биографии. Или кто-то им стукнул. Санитар? Другой пациент? Но они опоздали — Януш, если он здесь и был, успел убраться. Они допросили директора. Не торопясь. Анаис помнила, что они провели в лечебнице целых четыре часа. Четыре часа, на протяжении которых они пытали старика...

Она достала айфон и подключилась к программе слежения. Подонки как раз проезжали Лион, направляясь в Париж. Неужели им удалось что-то выяснить насчет того, куда собрался Януш? Она убрала пистолет в кобуру и, прежде чем броситься за ними вдогонку, решила быстро обойти

заведение.

Во втором доме не нашлось ничего интересного. Похоже, здесь практиковали лечение искусством. Целый этаж был отведен под мастерские, заполненные произведениями самого разного рода. По пятам за ней по-прежнему тащились психи. Наверное, надеялись, что она о них позаботится, скажет им, что делать, поможет. Бедняги, как они заблуждались. Она нуждалась в помощи ничуть не меньше, чем они.

Проходя через столовую, она обратила внимание на висящие на стене групповые фотографии. На той, что была помечена прошлым годом, был запечатлен Януш. В блузе художника. Она впервые видела его искренне улыбающимся. И он показался ей особенно красивым...

В этот миг в лицо Януша уперся грязный палец. Анаис вздрогнула: рядом стоял Пьеро с обведенными черной краской глазами.

— Нарцисс! — прошептал он, постукивая пальцем по снимку. — Нарцисс! Нарцисс!!! Он ушел!

— Когда?

Пьеро задумался. Судя по вытаращенным глазам, делавшим его похожим на солиста группы «Care» Роберта Смита, этот процесс явно причинял ему мучение.

— Вчера, — наконец выдавил он.

Анаис содрала со стены фотографию и сунула себе в карман. Она не хотела, чтобы между учиненной здесь бойней и человеком, которого она пыталась защитить, прослеживалась хоть какая-то связь. Одновременно ей припомнилась одна деталь. По словам Кронье, Януш сообщил сотрудникам марсельской ночлежки, что его зовут Нарцисс. Что это? Новое имя? Или, напротив, предыдущее, то, что он носил, будучи пациентом «Виллы Корто»?

Она быстрым шагом направилась к своей машине, не обращая внимания на шлепающую сзади толпу сумасшедших. Трогаясь с места, она едва не сбила одного из них. Мозг упорно сверлила простая мысль. Ужас происшедшего с очевидностью свидетельствовал, что Януш жив. Она обругала себя за то, что радуется этому, и машинально перекрестилась, думая о директоре и двух санитарях.

Она бросила взгляд в зеркало заднего обзора — несколько пациентов бежали за ее машиной, поднимая на тропинке пыль. Бросить здесь этих несчастных без всякой помощи? Нет, невозможно.

Откинув крышку мобильного, она нашла сохраненный в памяти телефона номер:

— Кронье?

Полотна напоминали музыкальные партитуры. Нотный стан, значки диезов и бемолей, стрелки... Никаких прямых линий, сплошные изгибы, овалы и полукружья...

Нарцисс наклонился, чтобы лучше рассмотреть лица и фигуры. Мужчина в маске. Дельфины. Корабельные винты. Выдержанные в золотисто-охряных тонах картины в целом производили такое впечатление, что у их автора имелось собственное представление об истории и строении мироздания. На фоне белых стен они сияли, словно огромные иконы.

— Эй вы! Руками не трогать! Это же Вёльфли!

Нарцисс обернулся. К нему приближался мужчина в переливчатом сером костюме, цветом гармонизировавшем с шевелюрой. Лет шестидесяти, узенькие очки, подтянутая фигура. Нарцисс улыбнулся ему самой широкой из своих улыбок. В это утро он был готов улыбаться любому. Им владело чувство изумления оттого, что он сумел достичь Парижа и стоял сейчас в галерее Вийон-Пернати, в доме 18 по улице Турен, в двух шагах от квартала Марэ.

Накануне, выбравшись из леса, он прошел опушкой, пока она не привела его на шоссе. Почти сразу он увидел грузовик. Нарцисс голоснул, и водитель остановился. Как выяснилось, он вез какие-то изделия из эпоксидной смолы в Обервилье, что под Парижем. И согласился взять Нарцисса в попутчики, оговорив одно условие: время от времени вести машину будет пассажир. Это было настоящее везение. Они катили всю ночь, сменяя друг друга за рулем, поддерживая бессвязный разговор и по очереди подремывая.

В шесть утра Нарцисс стоял возле станции парижского метро «Порт-де-ла-Шпель». Нельзя сказать, что к нему вернулись конкретные воспоминания, но было несомненно, что он не утратил способности ориентироваться в столичной подземке. Он знал расположение линий и названия станций. Знал, где надо выйти, чтобы попасть в определенный район. Купив билет, он сел в поезд двенадцатой линии, двигавшийся в сторону «Мэрии Исси». Пока за окном вагона мелькали остановки, он размышлял о том, что в очередной раз сумел избежать верной смерти. Но надолго ли? И как убийцы напали на его след? Наверняка они захотят обыскать «Виллу Корто». Будут расспрашивать директора... Но ему не узнать, чем закончатся эти расспросы.

Он вышел на станции «Мадлен» и пешком двинулся по улице Руайаль.

Карман оттягивал конверт, битком набитый купюрами, что внушало ему куда больше уверенности в себе, нежели засунутый за ремень «глок». На площади Согласия он свернул направо и направился к одному из самых шикарных в Париже отелей — «Крийону». Выбор его не был случаен. Во-первых, в таком дорогом заведении у него не станут сразу спрашивать документы. Когда с постояльцев дерут такие деньжищи, администрация склонна к уступчивости. Во-вторых, беглого бомжа в последнюю очередь будут искать в «Крийоне».

Нарцисс убедил портье, что потерял бумажник с документами, и заплатил за номер почти тысячу евро наличными. Заявление в полицию, добавил он, отнесет завтра. Никто не обратил ни малейшего внимания на его порванную куртку. Из какого-то озорства он назвался Матисом Фрером. Он больше ничего не боялся. Едва попав в метро, он сразу понял, что никто его здесь не ищет. То, что в Бордо или в Марселе казалось катастрофой государственного масштаба, в парижской сутолоке вообще никого не интересовало.

Он поднялся к себе в номер и принял душ, не без удивления констатируя, что пятизвездочный комфорт ему скорее привычен. Затем спрятал в сейф папку с материалами о расследовании убийства. Происходящее казалось ему сном. Он выскользнул из лап убийц. У него куча денег. И он располагает полной свободой передвижения по столице, о какой еще вчера не смел и мечтать.

Позвонив портье, он попросил принести ему бритвенные принадлежности и привел себя в порядок. Затем лег в постель и проспал два часа. Отдохнув, вызвал такси и отправился на улицу Франциска I, в шикарный бутик мужской одежды. Примерил строгий темный костюм из чистой шерсти, голубую сорочку и черные замшевые мокасины. Галстук решил не покупать. В примерочной кабинке осмотрел себя в зеркале — Нарцисс снова обрел человеческий облик. Переложил в карман нового пиджака блокнот Нарцисса и ключ от наручников, отнятый у охранника в марсельском суде, — свой талисман. Он купил также два ремня. Один продел в брюки и сунул за него «глок». Второй обмотал вокруг голени и спрятал за ним нож.

* * *

— Нарцисс! Вы ли это?

Мужчина в сером костюме, по всей видимости галерист, стоял прямо

перед ним. Выражение его лица совершенно изменилось.

— Да, это я. Мы знакомы?

— Я знаю вас по автопортретам. Корто говорил, что вы куда-то пропали...

— На время, всего лишь на время.

Владелец галереи выглядел обеспокоенным. Он нервно потер руки и протянул Нарциссу правую:

— Меня зовут Филипп Пернати. Ваша выставка прошла с большим успехом.

— Да, мне говорили.

— Вы... вы по-прежнему пишете?

— Нет.

— Зачем же вы здесь?

Нарциссу с каждой секундой становилось все яснее: Пернати вовсе не рад его видеть. Но почему?

— Мне хотелось посмотреть на свои работы.

Галерист вздохнул с явным облегчением. Взяв Нарцисса под руку, он повлек его в глубь зала, где располагался его кабинет:

— Никаких проблем. У меня есть прекрасные снимки...

— Нет, вы меня не поняли. Я хочу видеть оригиналы.

— Но это невозможно! Я продал ваши картины.

— Знаю. Дайте мне список покупателей с адресами.

— Об этом не может быть и речи! Это конфиденциальная информация.

Нарцисс догадался. Волнение галериста было связано с денежной стороной дела. Этот мошенник наверняка продал его картины намного дороже, чем сказал Корто. И боялся, что художник встретится с теми, кто приобрел его полотна.

— Мне глубоко наплевать, сколько вы на этом наварили! — заявил он. — Мне надо видеть свои картины, и точка!

— Нет, нет! Невозможно!

Нарцисс ухватил его за лацканы пиджака:

— Вам ведь известно, кто я такой? А с психами лучше не связываться! Как бы чего не вышло...

— Я не могу дать вам список, — залопотал галерист. — Это особые клиенты, они настаивают на сохранении полной анонимности, и мне...

Он оборвал себя на полуслове. Нарцисс достал из-за пояса «глок». И ткнул стволом ему в подбородок.

— Список, — сквозь зубы прошипел он. — Пока я тебя не прикончил!

Пернати обмяк всем телом, словно внутри у него лопнула пара-тройка

позвонков. На подгибающихся ногах он обошел стол и трясущимися руками взялся за мышку компьютера. Кликнул несколько раз — Нарцисс видел отражение файла со списком в стеклах его очков. Вороватый галерист, стуча зубами от страха, включил принтер.

— Глотните водички, — посоветовал ему Нарцисс. — Глядишь, полегчает.

Тот послушно открыл дверцу маленького холодильника, спрятанного в углу за декоративным фонтанчиком, и достал банку кока-колы.

— А меня не угостите?

Дальнейшее сильно напоминало сцену из сюрреалистического фильма. Нарцисс по-прежнему держал галериста на мушке. В полной тишине, нарушаемой лишь гудением принтера, они тянули из банок колу. Справа от себя Нарцисс заметил большую черно-белую фотографию, запечатлевшую лысого мужчину с пронзительным взглядом черных глаз, в брюках с подтяжками. В руках он держал бумажную дудку.

— Кто это?

— Адольф Вёльфли. Я устраиваю ретроспективу его работ. Величайший из мастеров ар-брют всех времен.

Нарцисс взгляделся в лицо художника:

— Он был сумасшедшим?

Пернати заговорил, вернее, не заговорил, а застрекотал как пулемет, без точек и запятых:

— Да, можно сказать и так! Он совершил несколько сексуальных покушений на детей, после чего его признали невменяемым. Поместили в психушку возле Берна. Оттуда он уже не вышел. Но именно там он начал рисовать. Ему давали карандаш и два листа газетной бумаги в неделю. Иногда он рисовал грифелем меньше сантиметра длиной! И оставил тысячи и тысячи рисунков. После его смерти камера была битком набита рисунками и переплетенными вручную книгами.

— А почему у него бумажная дудка?

— Он сворачивал лист бумаги и играл на нем музыку собственного сочинения. Музыкантом он не был, но утверждал, что слышит музыку у себя в голове.

Кабинет вдруг поплыл у Нарцисса перед глазами. Вот еще один преступник, утопивший свои звериные наклонности в арабесках линий. Неужели и он такой?

— Список, — глухо потребовал он.

Галерист протянул ему отпечатанный листок. На его лицо постепенно возвращались краски. Он даже попытался выпрямить спину. По всему было

видно, что ему не терпится выпроводить вон ненормального посетителя.

Нарцисс бегло пробежал список глазами — ни одного знакомого имени. Большинство адресов — парижские. Найти их не составит труда. Напротив каждого имени стояло название приобретенной картины. «Сенатор». «Почтальон». «Адмирал»...

Он вернул пистолет на место и уже шел к двери, когда его осенила идея.

— Расскажи мне про Курбе, — приказал он.

— Кур... Курбе? А за... зачем вам Курбе?

— Расскажи мне про «Раненого человека».

— Я не специалист по этому периоду.

— Расскажи что знаешь.

— По-моему, Курбе написал этот автопортрет не то в тысяча восемьсот сороковых, не то в пятидесятых годах. Что-то в этом роде. Знаменитый образец исправления.

— Чего-чего? А ну повтори, что ты сказал!

— Исправления. Так называют картину, подвергшуюся в ходе работы значительной переделке. Либо картину, поверх которой художник написал новую.

Эти слова взорвались бомбой у него в мозгу. *Моя живопись — не более чем исправление ошибки.* Так вот в чем дело. Нарцисс вовсе не имел в виду, что искусство служит ему средством раскаяния. Он хотел лишь сказать, что картины написаны поверх других. Впрочем, полностью его высказывание звучало следующим образом: «Не следует верить всему, что видишь. Моя живопись — не более чем исправление ошибки». Значит, его автопортреты были камуфляжем...

— Так что там насчет «Раненого человека»? Рассказывай!

— Ну, чисто теоретически... — Пернати заговорил чуть медленнее. — Искусствоведы всегда задавались вопросом, почему Курбе изобразил себя в виде человека, сидящего под деревом и с раной в груди. Гораздо позже выяснилось, что картина была с секретом. Поначалу Курбе написал свой автопортрет с невестой. Но, пока он работал над картиной, девица его бросила. Глубоко оскорбленный, Курбе убрал ее с картины, а себе пририсовал символическую рану в груди, на месте сердца. Раненый означает страдающий от сердечной раны.

Нарцисса всего трясло, но он сумел оценить эту историю.

— А откуда все это стало известно?

— В тысяча девятьсот семьдесят втором году картину просветили рентгеновскими лучами. Под верхним слоем краски хорошо

просматривается силуэт девушки, прильнувшей к плечу лежащего Курбе.

В висках у Нарцисса стучало. Пальцы дрожали. Итак, под каждым из его автопортретов скрывается другое изображение. Скрывается истина. Но какая? Проливающая свет на его подлинную личность? Или на убийства нищих?

Он сможет узнать эту истину. Надо лишь просветить картины рентгеном.

Уже на пороге он предупредил галериста:

— Для нас обоих будет лучше, если мы забудем о сегодняшней встрече. Мы с тобой незнакомы.

— Конечно-конечно. Я понимаю.

— Ты не понимаешь ничего, но это тоже к лучшему. И не вздумай звонить своим клиентам! Не то мне придется сюда вернуться.

* * *

Нарцисса не покидало ощущение, что он завладел списком членов тайного клуба. Тесной группки посвященных, взаимно подпитываемых общим безумием. Психовампиров. Извращенцев-вуайеристов. Напротив имени каждого коллекционера значился не только его адрес, но указывался также код домофона и номер мобильного. Галерея Пернати обеспечивала покупателям доставку картин на дом. И всякая полезная информация хранилась у ее владельца в памяти компьютера. Так что Нарциссу оставалось лишь позвонить в дверь.

Здесь, в Париже, он словно бы возвращался к жизни. День выдался пасмурный и серый, один из тех дней, какие бывают только во французской столице. Ни дождя, ни туч — лишь сырая промозглая пелена, грязной простыней накрывшая город. День не имел ни начала, ни конца, он тянулся из ниоткуда в никуда. Нарцисс ликовал. Он чувствовал, что эта монотонность и невыразительность для него свои, родные.

Первый покупатель из списка, Валид Эль-Хури, жил на авеню Фош. Нарцисс попросил таксиста подождать его возле дома и принялся терпеливо преодолевать многочисленные препятствия на пути к цели. Кодовый замок на воротах. Кодовый замок на двери подъезда. Домофон в холле. Но на этом его продвижение вперед остановилось. Эль-Хури не было дома. Нарцисс попытался уговорить мажордома впустить его: якобы он принес посылку. Главное — проникнуть в квартиру и посмотреть на картину. Но слуга посоветовал ему оставить посылку у консьержа.

Нарцисс дал таксисту следующий адрес, ближайший к авеню Фош: тупичок, отходящий от авеню Виктора Гюго. Мысленно он уже набросал свой маршрут, намереваясь в самое короткое время посетить всех коллекционеров из списка.

Жилые дома, больше похожие на виллы, прятались за плотным живым забором из елей и кипарисов. Каждое здание казалось наглядной иллюстрацией расхожей мудрости: «Хочешь жить спокойно, не высывайся». Но особняк Симона Амсалема, которого он наметил в качестве второй мишени, выбивался из общего правила. Строение начала XX века, отделанное штукатуркой под мрамор, являло собой причудливую смесь мавританской и итальянской архитектуры. Башенки, ротонды, кариатиды, балконы, балюстрады — все это в хаотическом, лишенном какой-либо логики беспорядке. Жилище Амсалема привлекало к себе внимание, как вылетевшая в полной тишине пробка от шампанского.

Нарцисс позвонил в домофон. Ему сейчас же открыл слуга-филиппинец. Нарцисс назвался, и слуга, ни слова не говоря, отправился за хозяином. Нарцисс ждал в холле, переминаясь с ноги на ногу на черно-белой плитке. На стенах, освещенных галогеновыми лампами, висели картины. Ар-брют в чистом виде.

Одна из самых больших представляла собой карандашный рисунок на развернутой картонной коробке. Автор с высоты птичьего полета запечатлел деревушку с вьющимися вокруг нее дорогами и тропками. Приглядевшись, Нарцисс обнаружил, что линии дорог складываются в лицо ведьмы с разинутым ртом, готовой проглотить селение. Рядом висел выполненный мелом триптих, изображавший то же самое лицо, принимающее поочередно три разных выражения. Изумление. Страх. Ужас. Красные глаза, фиолетовые тени под ними, тревожный фон — казалось, картина написана кровью.

Остальные работы воспроизводили стиль американских комиксов шестидесятых. Сюжеты вполне невинные — сценки повседневной парижской жизни. Рынок, кафе, дружеское застолье... Но персонажи! Они скалились и корчили жуткие рожи, ибо по соседству с ними художник поместил разлагающиеся трупы и кровоточащие тела животных с заживо содранной кожей...

— Нарцисс! Это и правда ты?

Он обернулся и увидел полного пожилого мужчину в белом халате. На носу у него сидели авиаторские очки с затемненными стеклами, седую голову покрывала белая ермолка. Вокруг шеи было повязано махровое полотенце. По его лицу стекали капли пота — должно быть, он оторвал его

от занятий на тренажерах. Любопытно, подумал Нарцисс, а в спортзале он ермолку снимает или нет?

Мужчина обнял его с сердечностью старого друга, затем чуть отстранился, взгляделся ему в лицо и весело рассмеялся:

— Как же я рад видеть тебя вживе! Последние месяцы твой портрет висит у меня над кроватью!

Он широким жестом пригласил его в гостиную, располагавшуюся справа. Нарцисс вошел в просторный зал, убранство которого было выдержано в том же кичливом, аляповатом стиле, что и сам дом. Велюровые диваны золотисто-желтого цвета. Белые меховые подушки. На мраморном полу — восточные ковры, раскиданные в беспорядке. На камине — массивный иудейский семисвечник-менора. Такой огромный, что вполне заслуживал своего названия «семь очей Господа».

И повсюду — произведения маргинального искусства. Скульптуры из консервных банок. Картины в стиле примитивизма, писанные не на холстах, а на чем попало. Эскизы, покрытые таинственными надписями. Нарциссу пришло на ум сравнение с отчаянно фальшивящим духовым оркестром. В общем-то, то же ощущение, что он испытал от внешнего облика и интерьера этого дома.

Коллекционер опустился на один из диванов. Под расстегнутой домашней курткой виднелась майка с надписью «Faith»^[29] готическими буквами.

— Садись. Сигару?

— Нет, спасибо, — отказался Нарцисс, устраиваясь напротив собеседника.

Амсалям извлек из лаковой китайской шкатулки толстую сигару и захлопнул шкатулку тыльной стороной ладони. Взял нож с рукояткой из слоновой кости и отрезал у сигары кончик. Наконец сунул ее в рот, зажав своими великолепными зубами, и, пыхнув несколько раз, прикурил. Ритуал был совершен.

— Что меня привлекает в ар-брют, — заговорил он, словно перед ним сидел интервьюер, — так это свобода. Чистота. Знаешь, какое определение дает этому искусству Дюбюффе?

Нарцисс вежливо мотнул головой.

Амсалям насмешливо продолжил:

— «Под этим явлением мы подразумеваем произведения искусства, выполненные людьми, лишенными какой бы то ни было художественной культуры. Это искусство, основанное на чистом созидании, — в отличие от культурного искусства, работающего по принципу хамелеона и обезьяны».

Он выпустил густой клуб дыма и вдруг посерьезнел.

— Единственный яд, — тихо проговорил он, — это культура. Она душит оригинальность, индивидуальность, творчество. — Он потряс сигарой. — Она навязывает художнику свой гребаный политический заказ!

Нарцисс не собирался с ним спорить. Он дал себе пять минут, прежде чем перейти к объяснению причины своего визита. Оратор тем временем взгромоздил на журнальный столик ноги, демонстрируя найковские кроссовки в золотых разводах.

— Хочешь пример? Пожалуйста. Возьми Мадонну с Младенцем эпохи Возрождения. Да Винчи, Тициан, Беллини... Великолепные полотна, кто возражает, но есть в них, дружище, одна малюсенькая деталька, которая портит все дело. Младенец Христос изображен необрезанным! *Мазл тов!* У этих католиков Христос перестал быть евреем!

Амсалям убрал со стола ноги и с видом заговорщика склонился к Нарциссу:

— На протяжении долгих веков искусство лизало задницу власти! Поддерживало официальное вранье! Разжигало в Европе вражду к евреям! Все эти картины с гойским концом у мальчишки лили воду на мельницу антисемитизма!

Он посмотрел на часы и вдруг без перехода спросил:

— Ты зачем пришел?

Нарцисс ответил так же лаконично:

— Посмотреть на свою картину.

— Нет ничего легче. Она висит у меня в спальне. Что-нибудь еще?

— Нет... Да. Я хотел бы позаимствовать ее у вас на один день.

— Зачем?

— Мне надо кое-что проверить. Я ее сразу же верну.

Амсалям без колебаний протянул ему через стол раскрытую ладонь:

— Done!^[30] Забирай! Я тебе доверяю.

Нарцисс растерянно хлопнул хозяина по руке. Он не ждал, что все будет так просто. Амсалям прочитал его изумление. Вынув изо рта с чувственными губами сигару, выдохнул дым и произнес:

— Во Франции существует такая штука, как моральное право художника. И я его приемлю. Я купил твою картину, парень, но ее автор ты, а не я. Эта картина всегда останется твоей, сколько бы столетий ни миновало! — Он рывком поднялся с дивана. — Пошли.

Нарцисс поплелся за ним по коридору, обитому черным атласом. За открытыми дверями — сплошь мрамор и золото — виднелись итальянские бюсты, гобелены, лакированные комоды. Нарциссу казалось, что он попал

в лавку венецианского антиквара.

Амсалем привел его в одну из комнат, большую часть которой занимала белая с золотом кровать. Над изголовьем висела картина размером 100 на 60 сантиметров. Его картина. Коллекционеру достался «Клоун». Классический клоун. С выбеленным лицом, двумя черными полукружьями под глазами, с дудочкой и воздушным шариком в руках.

Нарцисс приблизился к картине. Он узнавал красноватую гамму, жесткую выразительность черт, саркастическую гримасу на лице... Но лишь сейчас он своими глазами увидел рельеф картины. *Ее надо не столько смотреть, сколько трогать.* Краски дыбились, словно потоки лавы, прокладывая себе искривленные, яростные, страстные борозды. Клоун был изображен в таком ракурсе, что зритель был вынужден смотреть на него снизу вверх, и оттого казалось, что персонаж картины господствует над миром.

В то же самое время карикатурный грим, испуганное, даже жалкое выражение лица лишали его всякого величия. Картина изображала человека, который являл собой тирана и раба, повелителя и подчиненного. Возможно, она символизировала его обманную судьбу?

Амсалем шлепнул его по спине:

— Ты гений, парень! И в том нет никаких сомнений!

— Скажите, — вдруг спросил он, — вам о чем-нибудь говорит это слово: *matriochka*?

— А, это такие русские куклы, да? Но что именно тебя интересует?

— Да нет, ничего.

Амсалем сдернул картину со стены и заискивающим тоном профессионального продавца проворковал:

— Завернуть, месье?

* * *

— Да что такое сегодня с этим вашим Нарциссом?

Филипп Пернати все в том же фланелевом сером костюме всплеснул руками. Стены зала были увешаны странными картинами. Похожими на нотные партитуры: по круговым нотоносцам рассыпаны тысячи музыкальных значков и пугающих лиц.

Анаис чувствовала себя в отличной форме. Действие амфетаминов продолжалось. Позвонив Кронье, она поехала прямо в аэропорт Ниццы. Таким образом, эстафету перехватил марсельский сыщик. Он даже

согласился не упоминать о ее присутствии на месте преступления. Следуя за указаниями навигатора, она успела попасть на парижский рейс, вылетающий в 10.20, — когда она садилась в самолет, внедорожник с убийцами подъезжал к парижскому кварталу Порт-де-ла-Шапель.

Часом позже самолет приземлился в Орли. Она включила прибор: те, за кем она гналась, побывали на улице Тюрен, остановившись между домами номер 18 и 20, где провели примерно двадцать минут. Она взяла напрокат машину. В какой-то миг ей стало страшно, что девушка за стойкой фирмы «Avis» откажется подписывать с ней договор, настолько перевозбужденной она выглядела. Но все же вскоре она уже садилась за руль «опеля-корса», снабженного GPS-навигатором: она слишком плохо знала Париж, чтобы обойтись без его помощи.

Типы во внедорожнике тем временем покинули улицу Тюрен и отправились на авеню Фош. Судя по всему, они следовали каким-то строго определенным маршрутом, но Анаис понятия не имела каким. Оставалось надеяться, что они не устилают свой путь горами новых трупов.

На улице Тюрен она заметила галерею Пернати и, руководствуясь чистой интуицией, решила в нее заглянуть. И правильно сделала. Владелец выдал ей недостающую информацию. Нарцисс был художником с «Виллы Корто». Пернати недавно продал все его картины — около тридцати штук, — написанные с сентября по октябрь 2009 года, парижским коллекционерам.

О чем-то в этом роде она и сама уже догадывалась. До того как стать психиатром Матиасом Фрером и бомжем Виктором Янушем, ее загадочный герой был Нарциссом — сумасшедшим художником, проходившим лечение в специальном заведении в окрестностях Ниццы...

Галерист показал ей полароидные снимки некоторых его работ. Странные автопортреты! Один и тот же человек в костюмах разных персонажей. В цветовой гамме доминировал красный — цвет крови. По настроению они также отличались двойственностью — полупафосные, полуиздевательские. Вроде бы слушаешь гимн, но оркестр, который его играет, жутко фальшивит.

— Кто приходил к вам сегодня и интересовался Нарциссом?

Галерист издал судорожный вздох:

— Сам Нарцисс и приходил.

— В котором часу?

— Около одиннадцати.

В это время убийцы как раз подъезжали к галерее. Значит, ее догадка верна. Они выследили свою дичь. И теперь шли за ней по пятам, поджидая

удобного момента, чтобы нанести удар. Сердце подпрыгнуло в груди.

— Зачем он приходил?

— Посмотреть на свои картины.

— Вы ему их показали?

— Как? Они же проданы. Он попросил список людей, которые их приобрели.

— И вы дали ему этот список?

— Он был вооружен!

Анаис покосилась на айфон: модель Q7, сделав остановку на авеню Виктора Гюго, снова тронулась в путь, на сей раз в направлении площади Трокадеро. Ага, понятно: Януш обьезжал коллекционеров, а убийцы его негласно сопровождали.

— Распечатайте мне копию списка. побыстрее.

— Но это конфиденциальная информация! Это совершенно...

— Послушайте моего совета. Распечатайте мне этот снимок. Иначе дело обернется очень худо. Я имею в виду, лично для вас.

Галерист обошел вокруг стола, склонился над компьютером и кликнул мышкой. Почти тотчас же загудел принтер. Анаис еще раз посмотрела на экран айфона. Убийцы уже перебрались на Левый берег.

— Вот.

Пернати положил перед ней лист бумаги.

— У вас ручка найдется? — попросила она.

Он протянул ей оранжевый фломастер. В списке значилось примерно два десятка имен. Большинство имели парижские адреса. Она подчеркнула два из них: Валид Эль-Хури, авеню Фош, и Симон Амсалем, авеню Виктора Гюго. Кто следующий? Что там на айфоне? Точка двигалась вдоль набережной к бульвару Сен-Жермен.

— Чего еще хотел Нарцисс? — снова обратилась она к Пернати.

— Больше ничего. Унес список, вот и все.

— А еще кто-нибудь к вам сегодня заходил?

— Нет.

Что-то тут не клеивалось. Если бы убийцы — а это были настоящие профи — хотели убить Януша, они бы его уже убили. Чего они ждут? Хотят узнать, что он ищет? И зачем ему любоваться на собственные картины? Если только они не скрывают в себе какую-то информацию... Некий шифр, закодированный автором, то есть Нарциссом. *Тайну, которую он забыл и стремится вспомнить.*

«Ауди» модели Q7 продолжала ехать. Судя по списку, они должны были остановиться на улице Сюркуф, возле дома номер 8, где проживал

Эрве Латанри. Однако они миновали это место, даже не притормозив, и двинулись к площади Инвалидов.

— Что еще вам сказал Нарцисс?

— Ничего. Хотя нет, сказал. Вернее, спросил. Расспрашивал меня про Гюстава Курбе.

— Что именно его интересовало?

— Один из его автопортретов. «Раненый человек».

— Можно поточнее? Мне надо знать, о чем вы с ним говорили. Дословно.

— Он хотел знать, что такое исправление.

— Мм... Я тоже хочу это знать.

— Так называют полотно, значительно переработанное автором. Практически полностью переписанное.

В затылке закололи мелкие иголки. Она приближалась к чему-то очень важному.

— «Раненый человек» — это исправление?

— Ну да, одно из самых знаменитых. Искусствоведы долго терзались вопросом, зачем Курбе изобразил себя в виде умирающего человека, лежащего под деревом с раной в груди. В семидесятых полотно подвергли рентгенологическому исследованию и обнаружили, что под внешним слоем краски есть другой. Там запечатлена тогдашняя невеста художника, впоследствии его бросившая. Курбе переписал картину, изобразив себя умирающим от раны в сердце. Символ говорит сам за себя.

Теперь она все поняла. Картины Нарцисса были исправлениями. Под автопортретами он написал *что-то другое*. Он спрятал там какой-то секрет и теперь пытался его узнать. Но того же хотят и убийцы. А Нарцисс собирает свои полотна, чтобы просветить их рентгеном.

Взгляд на айфон. Охотники катили по улице Бак. Но вот они остановились на углу улицы Монталамбер. Она просмотрела список. Так и есть. В доме номер 1 по этой улице проживает Сильвен Рейнхардт.

Она бросилась к выходу, но на полпути спохватилась:

— У вас есть репродукция «Раненого человека»?

— Возможно... В одной из монографий... Я...

— Найдите.

— Но послушайте...

— Быстро!

Пернати исчез. Анаис даже не пыталась привести мысли в порядок. Кровь стучала в висках, лишая способности здраво рассуждать.

— Вот.

Пернати держал в руках открытую книгу. «Раненый человек» лежал под деревом, вместо одеяла накрывшись плащом. Вся картина была пронизана трепетным, золотистым полусветом. Тень под головой напоминала черную кору. Умиравший мужчина сжимал левой рукой ткань плаща, тогда как правая рука оставалась накрытой.

Слева на белоснежной рубашке расплывалось кровавое пятно. Рядом лежала шпага. Анаис смотрела на картину глазами сыщика. Она сразу поняла, что перед ней — сцена убийства и что шпага положена для отвода глаз. Жертва не хотела, чтобы другие узнали, кто истинный убийца. Не соперник, с которым он скрестил оружие, а женщина, с которой он мечтал соединить свою жизнь...

— У вас есть рентгеновский снимок картины?

— Он там же, в книге.

Пернати перевернул страницу. Анаис увидела ту же картину в черно-белом изображении. Белый цвет пронизывал ее насквозь, превращая в химерическое видение. Заметила она и деталь, которая не совпадала. Вместо складок плаща появилась женская фигура. Женщина опустила голову на плечо художнику. Она казалась нематериальной, похожей на модные в начале XX века изображения потусторонних существ, якобы являющихся посвященным во время спиритических сеансов.

Но женщина осталась под слоем краски.

Анаис поблагодарила Пернати и в полном смятении чувств покинула галерею. Ей вдруг стало ясно, чего она боится больше всего.

Что под картинами Нарцисса прячется призрак женщины. Его бывшей возлюбленной.

* * *

Сильвен Рейнхардт предпочитал жить в потемках.

Он открыл дверь осторожно, не сняв цепочку. На лестничной площадке горели слабенькие настенные светильники, похожие на огоньки парафиновых ламп в глубине шахты.

— Я вас узнал, — произнес он. — Вы Нарцисс.

Нарцисс молча кивнул в ответ.

— Я никогда не покупаю работ непосредственно у авторов, — предупредил Рейнхардт.

Нарцисс держал под мышкой упакованную в пузырчатую пленку картину.

— Я ничего не продаю.

— Так чего же вы хотите?

— Вы позволите мне войти?

Сильвен с явной неохотой откинул цепочку и чуть отступил в коридор. Нарцисс шагнул в крошечную тьму. Он ничего не видел, но кожей ощущал, что стоит в просторном помещении с высокими потолками. Действительно, дом был возведен при бароне Османе и отличался типичной для того периода архитектурой.

Они несколько секунд простояли, не двигаясь и ничего не говоря. Наконец Рейнхардт запер дверь. Глаза Нарцисса понемногу привыкли к темноте. Двери вели в две гостиных. Ставни заперты. На мебели серые чехлы. И непереносимо жарко.

— Что вам угодно?

Он говорил злобным голосом. Нарцисс прищурился. На хозяине квартиры были линялые джинсы, свитер без ворота и огромные домашние туфли. Лица он не разглядел.

— Мне хотелось с вами встретиться, — осторожно начал Нарцисс.

— Я стараюсь избегать знакомства с художниками, чьи картины покупаю. Такое у меня правило. Что бы кто ни говорил, но художественное восприятие должно оставаться объективным, нейтральным и бесстрастным.

Рейнхардт махнул ему рукой, приглашая в ту гостиную, что располагалась справа. Нарцисс не заставил просить себя дважды. Он не мог бы сказать, что в комнате беспорядок, но она выглядела запущенной и нежилой. От духоты нечем было дышать. На полу пятнами темнели ковры. Нарцисс представил себе, какие они, должно быть, грязные — в пыли и клубках волос...

Он прошел вперед. Люстры с подвесками, кресла, столики — все тонуло в темноте. Стену справа украшал барельеф: несколько гигантских профилей, похожих на египетские иероглифы. Семейное гнездо, подумал Нарцисс. Стены, мебель, ковры — все казалось связанным кровным родством с Сильвеном Рейнхардтом так же тесно, как форма его носа — с поколениями предков. Жилище этого человека представляло собой не более чем одну из форм наследственности.

Нарцисс повернулся к хозяину и с любезной улыбкой спросил:

— У вас имеется коллекция ар-брют?

Он пригляделся к своему собеседнику. Больше всего в облике Рейнхардта поражал голый череп, обтянутый тонкой пергаментной кожей, из-под которой выступали острые кости. Низкий лоб нависал над глубоко

проваленными глазницами. Торчали выпирающие вперед зубы. Определить возраст этого человека не представлялось возможным. Наверное, его следовало исчислять не годами, а поколениями. *Чистый образец угасания рода.*

— Вот она. Вокруг вас.

Лишь тогда он обратил на них внимание. Картины, не заключенные в рамы, не были развешаны по стенам, а стояли прямо на полу, прислоненные к ним. В полумраке комнаты они сливались с выцветшими обоями. Путаница линий и изгибов. Карандашные рисунки человеческих фигур с птичьими клювами. Круглые головы, щерящие зубастые рты...

— Почему вы живете в темноте? — не выдержал Нарцисс.

— Ради картин. Свет разрушает краски.

Шутит он, что ли, подумал про себя Нарцисс. Но высокомерный тон хозяина не располагал к веселью. Складывалось впечатление, что он произносит каждое слово и даже каждый слог, преодолевая отвращение.

— Свет — первооснова живописи.

Он сам не понял, почему сказал это. Видимо, в нем заговорил художник. Рейнхардт отозвался фырканьем. Скорее презрительным, чем добродушным.

Нарцисс постарался рассмотреть остальные работы. Мужчины с кошачьими мордами. Бледные до призрачной полупрозрачности девочки. Коричневые картонные маски с выпученными глазами.

— Мой отец дружил с Дюбюффе, — пояснил Рейнхардт. — Я продолжаю его коллекцию.

Нарцисс не ошибся. Этот хранитель семейного очага был настоящим пленником своих корней и своей коллекции. Он существовал в окружении картин, которые черными лепестками гигантского хищного растения медленно, но верно высасывали из него жизненные соки.

— Чего тебе надо, говнюк? — внезапно раздался голос у него за спиной. — Зачем явился? Что вынюхиваешь?

Нарцисс обернулся, пораженный сменой интонации хозяина. Рейнхардт держал в руке небольшой пистолет. В темноте тускло отсвечивал ствол оружия, показавшегося Нарциссу игрушечным.

— Обокрасть меня задумал?

Нарцисс не утратил спокойствия.

— Однажды, — заговорил он, — в Люксембургском музее сторожа застукали старика с палитрой и кистями, который тайком переписывал картину Пьера Боннара. Они схватили сумасшедшего и выкинули его прочь. Стариком был сам Пьер Боннар.

Рейнхардт снова фыркнул, показав гнилые зубы.

— Ту же байку рассказывают про Оскара Кокошку.

— Художник не бывает доволен своей работой.

— Ну и что?

— Я хочу переделать свою картину. Ту, что ты купил, — тоже переходя на «ты», уточнил он. — «Почтальона». Она нужна мне на один-два дня.

Эта неожиданная просьба застала Рейнхардта врасплох. Он на секунду ослабил бдительность, и этой секунды хватило Нарциссу, чтобы ребром левой ладони рубануть его по запястью руки, сжимавшей пистолет, и завладеть оружием. Наследник издал пронзительный крик, похожий на звериный рык. Нарцисс схватил его за горло и притиснул к стене, сунув ему под нос собственный «глок», выглядевший куда внушительнее, чем миниатюрный пистолетик хозяина.

— Где моя картина?

Рейнхардт молча начал оседать вниз, хотя оставался в сознании.

— Гони картину, — сквозь зубы прошипел ему Нарцисс, — и можешь продолжать тухнуть в своей помойке.

Последний отпрыск угасающего рода стоял перед ним на коленях. В глазах его двумя свечками поблескивали слезы, придавая происходящему драматический пафос.

— Где моя картина, ты, урод?

— Н-н-не здесь...

— А где?

— В запаснике.

— Где этот чертов запасник?

— Внизу. Во дворе. Там мастерская.

Нарцисс рывком поднял его на ноги и ткнул носом в дверь:

— Ты первый.

* * *

— Мне звонили ребята из Ниццы. Обыскали «Виллу Корто».

— Что-нибудь нашли?

— Черта с два. Ни одного следа. Ни одной улики. Невозможно сказать, кто убил психиатра и санитаров. А свидетелей ты сама видела.

— Про меня кто-нибудь говорил?

— Они там в таком состоянии, что вообще не могут говорить. Ни о ком и ни о чем.

Анаис сидела во взятой напрокат машине. Голос Кронье звучал так, словно доносился с другой планеты. Она уже десять минут торчала в засаде на углу улиц Бак и Монталамбер, в коротком кривом тупичке, напротив величественного здания, в котором располагалось издательство «Галлимар».

— Еще что-нибудь?

— Жестянка умер.

Анаис и не надеялась, что он придет в себя. В любом случае Жестянка — пройденный этап. Она опустила пистолет на колени. Отсюда она хорошо видела обоих цепных псов, которые стояли в нескольких десятках метров впереди возле своей «ауди», припаркованной перед супермаркетом «Монопри» на углу улицы Бак. Номерной знак автомобиля и описание внешности предполагаемых убийц полностью совпадали с имеющейся у нее информацией. Черные шерстяные пальто. Костюмы от Хьюго Босс. Повадка высокопоставленных чиновников, уверенных в своем всемогуществе.

Сейчас они топтались возле своей машины, как какие-нибудь наемные водилы, время от времени озирая фасад дома номер 1 по улице Монталамбер. Нарцисс находился в доме. В квартире, принадлежащей Сильвену Рейнхардту.

— Я тебе перезвоню.

Из подъезда вышел Нарцисс с двумя картинами под мышкой. Одна была упакована в пупырчатый полиэтилен, вторая обмотана тряпкой и перевязана шпагатом. Наемники зашевелились. Анаис открыла дверцу машины. Виктор Януш, он же Матиас Фрер, он же Нарцисс, развернулся спиной к издательству «Галлимар» и двинулся в сторону улицы Бак.

Он миновал портик отеля «Монталамбер», отель «Пон-Руайаль», ресторан и «Ателье»^[31] Робюшона. С картинами под мышкой он напоминал лунатика. Смотрел прямо перед собой явно невидящим взглядом. Со времени их последней встречи в его безликом доме в Бордо он похудел килограмма на три, если не на четыре.

Убийцы уже переходили улицу, лавируя между застывшими в пробке машинами. Анаис бесшумно захлопнула дверцу и сняла пистолет с предохранителя. Охотников и жертву разделяло не больше пары-тройки метров. Анаис положила палец на спуск. Она шла за ними, готовая в любую минуту броситься через улицу. Убийцы синхронно сунули руки под пальто. Анаис подняла пистолет.

Но ничего не произошло.

Охотничьи псы замерли на месте.

Нарцисс только что нырнул в центр медицинской диагностики, расположенный по соседству с аптекой в доме номер 9 по улице Монталамбер. Анаис спрятала пистолет под курткой. Вывеска на дверях центра сообщала: «Сканирование тканей и органов. Компьютерный рентген. Маммография. Ультразвуковые исследования».

Нарцисс методично выполнял свой план. Он забрал две картины — одну у Симона Амсалема, вторую — у Сильвена Рейнхардта. И теперь собирался просветить их рентгеном.

Мужчины в черном вернулись к своей машине. Анаис последовала их примеру и спряталась в арендованном «опеле». Они ее не засекли, в этом она не сомневалась. Движение на дороге почти остановилось из-за пробки. Автомобили едва не сталкивались бамперами. Отовсюду слышались раздраженные гудки. Разве в такой обстановке могло случиться что-нибудь непредвиденное?

Она не спускала глаз со своих противников, внутренне восхищаясь их спокойствием. Эти люди привыкли иметь дело со смертью. Оба широкоплечие, ростом около метра восьмидесяти пяти. Безупречно отутюженные брюки. Под пальто угадывались застегнутые на все пуговицы пиджаки. Один, седовласый, носил очки в металлической оправе фирмы «Том Форд». Второй был рыжеватым и уже начавшим лысеть блондином. У обоих правильные, даже красивые черты лица. От обоих за милю несло самоуверенностью, основанной на близости к сильным мира сего и безнаказанности.

Зато она чувствовала себя ужасно. От нее воняло потом. Руки тряслись. Ей вспомнились итальянские вестерны, которые она смотрела с отцом. Перестрелки на фоне античных арен или старинных кладбищ. Герой фильма всегда демонстрировал полнейшее самообладание. Потрясающее хладнокровие. Именно так и вели себя наемники в «ауди». Но не она.

На миг ее охватило искушение позвонить в местное отделение полиции, но она отбросила эту мысль. Они обязательно заметят приближение сил порядка и исчезнут без следа. А ей надо точно выяснить, кто они такие, откуда взялись и на кого работают. Может быть, последовать за Нарциссом в медицинский центр? Предупредить его? Попытаться вместе с ним выйти через запасной выход? Нет, не получится. Он ударится в панику. Не исключено, что откроет стрельбу. Любителям доверять нельзя.

Она опустила пистолет на колени. Изо всех сил сжала руками руль, стараясь унять дрожь в предплечьях. *С лексомилом дело пошло бы лучше.* Но мешать успокоительное с амфетаминами было все равно что заливать огонь бензином.

Надо ждать.
Просто сидеть и ждать.

* * *

— Месье Нарцисс?

Он вскочил, не выпуская зажатых под мышкой полотен. Именно этим именем он, не подумав, назвал в регистратуре. У него не было при себе ни карты медицинского страхования, ни направления от врача, но девушка в регистратуре проявила понимание. Он сочинил историю о том, что упал и теперь у него плохо сгибается локоть. Ему предложили подождать своей очереди. Остальные посетители центра не обращали на него ни малейшего внимания.

— Сюда, пожалуйста.

Регистраторша повела его за собой по коридору. На повороте он замешкался — мешали картины.

— Может быть, оставите их пока в регистратуре? Вам без них будет удобнее.

— Нет, спасибо. Пусть побудут со мной.

Он шел за девушкой, чувствуя себя совершенно измочаленным. После кошмарного инцидента с Рейнхардтом ему и так стало погано, но прикончила его вторая картина. На ней он изобразил себя в костюме почтальона восьмидесятых. Фуражка и куртка серо-голубого цвета, украшенные тогдашним логотипом почты — бумажным самолетиком. Что тайлось за этими образами?

Девушка остановилась возле одной из дверей.

— Вы уверены, что хотите взять их с собой? — сделала она еще одну попытку.

— Спасибо. Они мне не мешают.

Она повернула ручку и пропустила его в узкий тамбур перед еще одной дверью.

— Раздевайтесь. Доктор сейчас вас вызовет.

Нарцисс закрыл дверь и положил картины на лавку, не потрудившись снять даже куртку. Через минуту вторая дверь распахнулась, и в проеме появилась женщина.

— Вы что, еще не разделись? — строго спросила она.

Нарцисс окинул ее оценивающим взглядом. Брюнетка, сильно накрашенная, туфли на высоких каблуках. Ее облик вызывал

противоречивые чувства. С одной стороны, белый халат как символ научной беспристрастности, с другой — косметика и шпильки как свидетельство женского кокетства.

Он решил действовать мягко.

— Понимаете, у меня немного необычная просьба, — с улыбкой начал он. — Мне необходимо просветить рентгеном вот эти две картины. Я...

— Об этом не может быть и речи, — оборвала его женщина. — Наша аппаратура к этому не приспособлена.

— Уверяю вас, это широко распространенный метод. Во всех научных лабораториях французских музеев...

— Извините, но вы ошиблись адресом.

Она чуть не вытолкнула его обратно в тамбур. На лбу у Нарцисса выступили капли пота. Улыбка застыла на губах.

— И все-таки я очень прошу вас, — настойчиво повторил он. — Вам всего лишь придется...

— Месье, будьте любезны, освободите помещение. Меня ждут другие пациенты. И я не собираю...

Она умолкла на полуслове. Нарцисс нацелил на нее «глок». Подхватив левой рукой картины, он протиснулся в кабинет и ногой закрыл за собой дверь.

— Что это? Что эт-т-то такое?

Все той же левой рукой Нарцисс начал сдирать с картины, изображавшей клоуна, полиэтилен:

— Помогите же, черт вас возьми!

Она послушно бросилась выполнять его указание. Наманикюренные ногти судорожно рвали пластик, пока не обнажилось кроваво-красное полотно. С него глядело напудренное лицо клоуна, на котором застыла печальная улыбка.

Нарцисс отступил на пару шагов, по-прежнему держа женщину на мушке:

— Суньте картину в аппарат!

Она неловко разместила полотно на смотровом столе.

— Кассету! На штатив!

Эти слова, принадлежащие профессиональному медицинскому жаргону, вырвались у него непроизвольно. Женщина бросила на него изумленный взгляд. Затем включила аппарат. Клоун, распластанный на свинцовом столе, пристально смотрел на Нарцисса своими черными глазами. Как будто насмехался над ним. Потому что сам давным-давно знал тайну, скрытую за слоями краски и лака.

— Теперь вторую! — прошипел он. — Быстро!

Рентгенолог достала из ящика еще одну кассету, но та выпала у нее из рук и с металлическим звоном шмякнулась на пол. Она нагнулась, подобрала ее, бросила на стоящую тут же больничную каталку и вытащила другую кассету. За это время Нарцисс успел развязать шпагат на «Почтальоне».

— Пошевеливайтесь!

Женщина приступила к работе. У Нарцисса было полное ощущение, что рентгеновские лучи проникают сквозь его собственное тело. Врач открыла штатив и достала вторую стальную коробку.

— Где вы проявляете снимки?

— Здесь... Рядом.

Из кабинета действительно вела еще одна дверь. Нарцисс ткнул в ее сторону пистолетом. Женщина села перед экраном и вставила кассеты в держатель внушительного вида аппарата, похожего на одну из первых копировальных машин.

— Надо подождать, — приглушенным голосом сообщила она.

Нарцисс наклонился над ее плечом, вглядываясь в черный экран.

— Знаете, как говорили гностики? — изображая психопата, поинтересовался он, тыча пистолетом ей в спину.

— Н... н... не знаю.

— Мир — не лик Божий, но дьявольский обман.

Она не ответила. Но он и не ждал от нее ответа. Только слушал, как она тяжело дышит. Чувствовал, как изо всех пор у нее выступает пот. Ему даже казалось, что он слышит, как испуганно бьется ее сердце. Безумие происходящего усилило его способность к восприятию. Отточило интуицию. Обострило ум. Он был на грани того, чтобы понять тайную природу космоса.

Но тут экран загорелся, и на нем проступила первая рентгенограмма.

Под первой картиной действительно скрывалась вторая. Вернее, рисунок. Выполненный в стиле графических иллюстраций к романам начала XX века. Театральные позы. Четко прорисованные детали. Тонкая штриховка на месте теней и полутеней...

Набросок изображал сцену убийства.

Под мостом. Йенским или мостом Александра III.

Убийца стоял, склонившись над обнаженным телом жертвы. В одной руке он держал топор, во второй, высоко поднятой, чудовищный трофей. Нарцисс пригляделся внимательнее. Никакого сомнения, это гениталии. Убийца оскотил жертву. Он попытался осмыслить ритуальное значение

этого поступка, вспомнить, в каком именно мифе говорится о кастрации, но мозг отказывался ему подчиняться.

Потому что он увидел лицо убийцы.

Асимметричное, перекошенное лицо, застывшее в отвратительной гримасе. Один глаз круглый, второй узкий. Разинутый в немом крике рот, съехавший в сторону круглого глаза, открывающий редкие кривые зубы. Но самое ужасное заключалось не в этом. Несмотря на изумление, он понял, что перед ним — очередной автопортрет. Убийцей с карикатурным лицом был он сам.

— П... показать вам второй снимок?

Нарциссу потребовалось несколько секунд, чтобы вернуться в мир реальности.

— Давайте, — чужим голосом произнес он.

Следующий рисунок представлял ту же сцену, но некоторое время спустя. Убийца — графичность изображения придавала его лицу особенно беспощадную жесткость — бросал в черные воды реки отсеченные органы, потрясая поднятым топором. Нарцисс обратил внимание на вид орудия, поразивший его своей примитивностью, — это был заточенный кусок кремня, привязанный кожаными ремнями к деревянной палке.

Он отступил на шаг. Смежил веки. В голове теснились вопросы. Сколько же нищих он отправил на тот свет? За что он преследовал этих несчастных? И почему изобразил себя с такой злобной, омерзительной харей?

В предобморочном состоянии он открыл глаза. Рентгенолог в упор смотрела на него. Выражение ее лица совершенно изменилось. Она по-прежнему боялась — но не его, а за него.

— Дать вам водички?

Он хотел ответить, но не смог выдавить из себя ни слова. Собрал картины, кое-как упаковал их в тряпку и перевязал обрывками шпагата.

— Распечатайте снимки, — чуть слышно проговорил он, — и положите их в конверт.

Через несколько минут он покинул центр диагностики. Шел он на автопилоте. Ему казалось, что он падает, растворяется в пространстве, расщепляется на атомы. Подняв глаза к небу, он вздрогнул: небо валилось на него. Облака, похожие на острые обломки скал, неслись вниз, метя точно в него...

Он опустил голову ниже, прогоняя слабость.

А когда выпрямился, обнаружил прямо перед собой убийц в черном.

Они приближались. Ветер развеивал полы их пальто. Оба тянули руки к

поясу.

Он бросил картины и выхватил из-за ремня «глок».

Закрыв глаза и выстрелил несколько раз.

* * *

Анаис видела вспышку пламени, вылетевшую из ствола автоматического пистолета. Она выпрыгнула из машины и приземлилась на тротуаре. Снова слышались хлопки выстрелов. Пока она вставала на ноги, на улице поднялась паника. Бибикали машины. Разбегались люди. Опять хлопки. Она проскользнула между двумя машинами и вытянула вперед голову. И увидела одного из убийц. Вернее, его тело, лежащее на проезжей части. Вокруг шаркали подошвы удирающих со всех ног прохожих, раздавались стоны. Возможно, есть раненые, подумалось ей. Сопутствующие жертвы... Ее саму кольнула нелепость термина, подсказанного сознанием.

Разглядеть, что произошло, не было никакой возможности. Поле зрение заслоняли фигуры прохожих, беспорядочно мечущихся между автомобилями. Наконец напротив аптеки она увидела Нарцисса. Он стоял лицом к лицу со вторым убийцей. Оба целились друг в друга, и одновременно каждый пытался ухватить противника за руку и отвести от себя смертоносное оружие. Картины валялись у них под ногами. Вся эта сцена напоминала эпизод из дешевого боевика.

Грянул еще один выстрел, и тут же послышался звон битого стекла. На Нарцисса и его противника посыпались осколки витрины. Нарцисс сделал шаг в сторону, поскользнулся на выпавшем из рук рентгеновском снимке и упал навзничь, увлекая за собой убийцу в черном. При этом он не выпускал из рук пистолета — как и его враг. Анаис больше не видела их — между борющимися мужчинами и ею оказалась машина. Все, что она сумела разглядеть, были их дергающиеся ноги. Люди вокруг кричали, присаживались на корточки и цеплялись друг за друга как при кораблекрушении.

Анаис бросилась вперед, но налетела на женщину с большой сумкой, споткнулась и выронила пистолет, улетевший под машину. Пока она шарила, доставая его, наемный убийца успел вскочить на ноги и снова взять на мушку безоружного Нарцисса, который елозил по земле, пытаясь отползти подальше.

Анаис уперлась правой рукой в левую ладонь и прицелилась. Она уже

собиралась нажать на спуск, когда поле зрения ей перегородили несколько прохожих. Тут же один за другим раздались два выстрела и звон стекла. Осыпалась еще одна витрина, и ветровое стекло ближайшей машины пошло трещинами. Анаис развернулась, перекатилась через капот и поискала глазами мишень.

Нарцисс держал нападавшего за запястье. Оружие наемника плевалось искрами, выбивая из асфальта фонтаны крошек. Нарцисс крутился на месте, намертво вцепившись в руку противника. Анаис прицелилась в ноги убийцы, понимая, что сила отдачи швырнет ее влево. Она нажала на спуск и в этот миг услышала вой сирен.

Скрежет тормозов. Хлопанье дверей. Крики приказов, разнесшиеся над обезумевшей от страха толпой. Сама атмосфера изменилась, сгустившись до почти осязаемой плотности.

Анаис не отрывала глаз от борющихся мужчин. Нарцисс лежал спиной на земле. В руке у него блеснуло лезвие ножа, неумолимо приближавшееся к животу убийцы. Тот, навалившись на Нарцисса, зубами пытался разорвать ему лицо. И вдруг мужчина в костюме от «Хьюго Босс» резко вскочил на ноги и, согнувшись вдвое, медленно попятился назад. Отовсюду неслись команды: «Сдавайтесь!» Нарцисс тоже поднялся — с ножом в руке.

Анаис увидела, как полицейский в форме целится в него из пистолета. Не раздумывая, она выстрелила в воздух, отвлекая внимание стражей порядка. Отдачей ее швырнуло на капот автомобиля. Она не удержалась на ногах и упала. Засвистели пули. Они тренькали о корпуса машин, рикошетили от фасада «Монопри» и отскакивали от выстроившихся на ближайшей стоянке велосипедов. Полицейские нашли себе новую мишень и старались изо всех сил.

Она подняла голову. Группа людей в форме воспользовались суматохой и окружили Нарцисса. Со всех сторон на него сыпались удары дубинок. Она хотела крикнуть, чтобы они прекратили его бить, но из горла не вырвалось ни звука. Лишь по подбородку стекла теплая струйка. Кровь? Нет, слюна. У нее закружилась голова. Уши заложило. Она физически ощущала, как пульсирует в мозгу гемоглобин, проникая в самые мелкие сосуды.

Инстинкт самосохранения заставил ее обернуться. На нее надвигались мужчины в шлемах. Она хотела поднять руки, бросить оружие и достать полицейское удостоверение — все это одновременно. Но не успела даже шевельнуть рукой, как ей на лицо обрушилась резиновая дубинка.

— Дайте сэндвич! Вы, козлы! Я знаю свои права!

Мужчина колотил в пуленепробиваемое стекло — сначала кулаком, потом ногой. Анаис с удовольствием приказала бы ему заткнуться, но она была занята другим: пыталась перешагнуть через лужу блевотины, не запачкав подошв. Еще один обитатель камеры, бомж, только что упал со скамьи, и теперь его, стоящего на коленях, выворачивало наизнанку.

— Фашисты! Я требую адвоката!

Анаис обхватила руками голову, буквально лопавшуюся от боли. Вот уже три часа она сидела взаперти в камере размером пять на пять метров, в центральном полицейском участке на улице Фабер, что на набережной Инвалидов.

Ее привели в сознание. Обыскали. Раздели. Сфотографировали. Взяли отпечатки пальцев. И заперли в стеклянной клетке в компании с горластыми обитателями Двора чудес.

Анаис знала все эти штучки наизусть. В 2010 году число людей, задержанных полицией, достигло во Франции почти миллиона. Хватали водителей, рискнувших сесть за руль, не имея при себе прав; хватали слишком бурно ссорящихся супругов; хватали любителей выкурить косячок, бомжей, воришек из супермаркетов... По сравнению со всей этой публикой ей жаловаться на судьбу не приходится. В конце концов, она открыла пальбу по собственным коллегам. А в кармане у нее нашли амфетамины.

Она посмотрела на свои запачканные краской пальцы. Странно, но она чувствовала себя спокойной, почти умиротворенной. Главная цель была достигнута: Нарцисса арестовали. Значит, он в безопасности. Полиция выяснит правду. Установит личность двух наемных головорезов. Распутает весь этот клубок. И возможно, сумеет поймать маньяка, убивающего нищих...

Интуиция подсказывала ей, что дело близится к развязке.

А к чему приближается она сама?

— Сволочи! Ублюдки! Требую комиссара!

Анаис повыше подняла ноги. Бомжа еще раз вывернуло. Вонь дешевого пойла мешалась с другими, не менее отвратительными запахами — мочи и немытых тел. Она рассеянно оглядела своих новых компаньонов. Кроме крикуна и блюющего бомжа, здесь были два араба, которые скрючившись сидели на лавке. Молодой панк подпрыгивал на месте и

скреб руки, и без того расчесанные до крови. Мужчина в приличном костюме с потерянным видом смотрел перед собой — наверняка водитель без документов. Два рокера, почти мальчишки, в старательно изодранных и испачканных краской джинсах, очевидно мастера граффити, хихикали и пихали друг друга локтями.

Она была здесь единственной женщиной.

Вообще-то женщин не сажали в один обезьянник с мужиками, но в Париже, видимо, правила изменились. А может, ее приняли за парня. Или сделали это нарочно, надеясь оказать на нее давление. Она не протестовала и не сопротивлялась. Понимала, что процедура идет своим чередом. Вскоре ее вызовут к судье. Вот тогда она все и объяснит...

В дверном замке повернулся ключ. Обитатели камеры дружно обернулись на этот звук — все-таки что-то новенькое. На пороге стоял полицейский в форме и с ним еще один — в штатском. Анаис мгновенно определила типаж: накачанный стероидами качок, любитель помахать кулаками.

Офицер повернулся к ней:

— Эй ты! На выход.

Она пропустила мимо ушей и тыканье, и хамский тон. Широкие джинсы, кожаная куртка, «глок» на самом виду — качок весил не меньше ста килограммов. В камере отчетливо повеяло страхом.

Она поднялась и пошла за культуристом. Против ожидания он повел ее не в вестибюль, который вел в кабинеты офицеров полиции, но повернул направо, в узкий пыльный коридор, где еще раз свернул направо — здесь духота сменилась отчетливой сортирной вонью.

Из-за стальных дверей с выведенными наружу выключателями и водоспусками слышались стоны, крики и глухие удары. Вытрезвитель. Парень в форме достал связку ключей и отпер одну из дверей. Четыре голых бетонных стены. Смерд блевотины и дерьма. И стаи тараканов в качестве зрителей.

— Садись.

Анаис села. Дверь захлопнулась.

— Мы проверили. Ты и в самом деле из полиции.

— Вас не затруднит обращаться ко мне на «вы»?

— Заткнись. Только ты забыла уточнить одну маленькую деталь.

— Какую деталь?

— Сегодня утром тебя отстранили от должности. По приказу прокуратуры Бордо.

Анаис улыбнулась и хрипло проговорила:

— Я потребовала исполнения формы 32 13. Медицинского осмотра. Меня избили и...

— Заткнись. Ты стреляла по полицейским, да еще из оружия, носить которое не имела права.

— Я не хотела, чтобы полицейские совершили ошибку.

Офицер расхохотался. Он стоял, засунув за ремень большие пальцы. Она опустила голову, изображая кротость. Перед ней разыгрывали спектакль — что ж, она сыграет отведенную ей роль.

— Ошибка — это ты.

— Я могу встретиться с судьей?

— Встретишься в свое время. Но не надейся, что так просто отделаешься. Это я тебе обещаю. «Глок» и амфетамины — ты по уши в дерьме.

Качок не скрывал своей радости. Почему-то мысль о том, что Анаис, в сущности его коллегу, могут осудить, приводила его в восторг.

— В ходе операции вы задержали мужчину. Где он сейчас?

— Может, тебе еще все материалы по делу принести? А личный кабинет не желаешь?

— Он ранен? Вы его допросили?

— Ты что, не врубаешься, детка? Здесь ты никто. Даже хуже чем никто. Ты для нас вроде Иуды.

Она ничего не ответила. Она панически боялась этого монстра. Рубашка и куртка едва не лопались у него на плечах и груди. Зато лицо не выражало ровным счетом ничего, как у безмозглого травоядного животного.

— Во время стычки пострадали два человека, — упрямо продолжила она. — Вы установили их личность? Обнаружили их автомобиль? «Ауди» модели Q7, припаркованный напротив отеля «Пон-Руайаль»?

Полицейский сокрушенно покачал головой. Теперь он смотрел на нее как на психопатку. А с психами, как известно, не спорят.

— Вы начали опрос очевидцев? — гнула она свое. — Первым делом необходимо допросить персонал центра медицинской диагностики на улице Монталамбер, дом девять. Он...

— На твоём месте я бы лучше поискал себе хорошего адвоката.

— Адвоката?

Он наклонился к ней, уперев в колени ладони. Когда он заговорил, его голос звучал иначе, почти сочувственно.

— Что ты себе думаешь, цыпа? Что можно устроить игру в тир со своими коллегами вместо мишеней и это сойдет тебе с рук? Или у вас в

Бордо все так делают?

Анаис на своей бетонной лавке сжалась в комок.

— Вам надо опросить Сильвена Рейнхардта, — тихо, но настойчиво сказала она. — Проживает по адресу: улица Монталамбер, дом один. А также Симона Амсалема, тупик Виктора Гюго, дом восемнадцать.

— Вот слушаю тебя и думаю, что я ошибся. Тебе не адвокат нужен. Тебе нужен хороший психиатр.

Анаис вскочила со скамьи и пихнула качка к двери:

— Это мое расследование, говнюк! Отвечай на мои вопросы!

Он легонько, не прикладывая силы, оттолкнул ее, но Анаис отлетела к стене, упала на скамью, а с нее — на пол. Качок приподнял ее одной рукой, второй доставая наручники. Так же не напрягаясь, заломил ей руки за спину. Щелкнули браслеты. Она почувствовала во рту вкус крови. Он схватил ее за воротник куртки и усадил на скамью.

— Успокойся-ка, красотка.

— Вы сами не соображаете, что делаете.

Качок снова расхохотался:

— Ну, выходит, нас уже двое таких.

— Полицейские наверняка нашли на месте перестрелки две картины и два рентгеновских снимка, — слизнув с губ капли крови, проговорила она. — Их обязательно надо забрать. Я должна их видеть!

Он не снизошел до ответа, молча подошел к двери и постучал в нее.

— Скотина! Мерзавец! Подонок! Сними с меня наручники!

Надзиратель открыл дверь, выпуская офицера, и она с металлическим лязгом захлопнулась.

Анаис разрыдалась.

Она думала, что все позади.

А все только начиналось.

* * *

Я убил двух человек.

Эта мысль заполнила собой его сознание.

Черная, обжигающая, расплывчатая мысль.

Я убил двух человек.

Он до сих пор слышал выстрелы из «глока». Ощущал в руке отдачу оружия. Чувствовал, как лезвие ножа проникает в живот второго убийцы. И как он давит и давит, проталкивая его все глубже.

Я убил двух человек...

Он несколько раз сморгнул. Белый потолок. Аппарат для считывания рентгеновских снимков. Блестящая тележка с антисептиками. Это больница. Смотровой кабинет. Невероятно жарко натопленный. Он лежал на металлических носилках, прикрытый спасательным одеялом. Все тело ломило и болело, словно истыканное железными прутьями.

Он опять закрыл глаза и попытался подвести итог последним событиям. В сущности, все не так уж плохо. Он был на волосок от гибели, но чудом избежал ее. Кровь по-прежнему струится по жилам. *Ему тепло*. Расследование, убийства, загадки... Все это сейчас представлялось далеким, пустым, почти ирреальным.

На протяжении многих дней у него копились вопросы.

Пусть полиция ищет на них ответы.

Что-то лязгнуло. Только тут до него дошло, что его правая рука прикована наручником к раме носилок. В сгибе левой торчала игла капельницы. Ну что ж, он спокойно подождет, пока завершится расследование. В тюрьме так в тюрьме. Хоть отдохнет немного...

Он не сразу сообразил, что в комнате, кроме него, есть кто-то еще. Приоткрыл веки и увидел мужчину в белом халате. Тот стоял к нему спиной и что-то негромко наговаривал в диктофон — очевидно, составлял отчет о его состоянии. Нарцисс повернул голову влево и заметил на аппарате рентгеновские снимки. Они показывали черепную коробку анфас и в профиль. Между носовыми перегородками застряла пушечная пуля. Блеск металла, белый на черном фоне, выделялся так ярко, что его ни с чем нельзя было спутать. Пуля была смещена влево.

Значит, это снимки его жертвы.

Он попал убийце в лицо.

Внезапно на лбу у него выступил пот. Голову сжало обручем боли. *Я убил двух человек...* И тут же в памяти всплыли другие рентгеновские снимки — тех картин, что скрывались за слоем краски на его автопортретах. Доказывавших, что он убил *не только* этих двоих...

— Вы очнулись?

Врач стоял перед ним, держа руки в карманах. Стекла его очков отбрасывали светлые блики. Нарциссу почудилось, что это маленькие озерца, наполненные чистой и прозрачной водой. В них хотелось нырнуть, чтобы очиститься и смыть с себя все грехи.

— Меня зовут доктор Мартен. Я врач скорой помощи. Это я вас принимал.

— А где мы?

— В Отель-Дьё.^[32] Я настоял, чтобы вас перевезли из «Кюско».

— Что это — «Кюско»?

— Скоропомощное отделение при полицейском управлении. Своего рода Двор чудес. Кого там только не встретишь! Полицейские, подозреваемые, жертвы...

— А я кто?

Врач указал подбородком на его наручники:

— Ну а как вы думаете? Вы под надзором полиции. Да и мне выдано предписание прокурора. Одним словом, вы не только в больнице, но и в тюрьме, хотя здесь, у нас, вам хотя бы дадут отдохнуть сегодня ночью. Кстати, как вы себя чувствуете?

Нарцисс ответил не сразу. Вдали раздался звук сирены — то ли «скорой», то ли полицейской машины...

— У меня... У меня сильная ломота.

— Они вас били, — доверительно сказал ему врач. — Но вы крепкий орешек!

Нарцисс показал на аппарат:

— Это снимки жертвы?

— Не было никаких жертв. Кроме вас.

— Я же убил двоих.

— Вы ошибаетесь. Никаких трупов не обнаружено. Насколько мне известно, арестовали какую-то женщину. Кажется, капитана полиции из Бордо. Ну не бардак?

Капитан полиции из Бордо. Нарцисс не нуждался в дополнительных объяснениях. Значит, Анаис участвовала в потасовке. Из чего следовало, что она так и не бросила это дело.

Он снова припомнил подробности случившегося. Выстрелы. Удары ножом. Крики в толпе. Вой сирен. Но куда девались оба убийцы? Две его жертвы?

Он приподнялся на локте и ткнул пальцем в аппарат:

— Если нет жертв, откуда снимок с пуль в голове?

— Это ваш снимок.

Нарцисс без сил опустился на подушку. Звякнули наручники.

— Это ваши рентгеновские снимки. Мы сделали их сразу, как только вы к нам поступили.

Он наложил на левую руку пациента антисептическую повязку.

— Я дам вам обезболивающее. Вам сразу станет легче.

Нарцисс не шелохнулся. Как ни странно, резкий запах лекарства подействовал на него успокаивающе. От почти банной жары у него

возникло ощущение, что все его органы превратились в раскаленные камни. Белая тень пули отпечаталась на стекле с пугающей ясностью.

— А что это за штука у меня в черепе?

— Если вы сами не в курсе, откуда же мне это знать? Я переговорил с коллегами. Никто из них никогда не видел ничего подобного. Я даже кое-кому звонил. Возможно, это какой-то имплантат. Нечто вроде источника гормонов, наподобие противозачаточных имплантатов. А может, это кремниевый микронасос с электронной начинкой — сейчас такие используют для лечения некоторых заболеваний. Вы, случайно, не страдаете эпилепсией? Диабетом?

— Нет.

— Как бы там ни было, мы должны дождаться результатов анализа крови.

— Но скажите... Эта штука так у меня и останется?

— Мы собирались утром вас прооперировать. Однако, поскольку у нас нет вашей медицинской карты, приходится проявлять крайнюю осторожность. Провести как можно более полное обследование, исключить ряд диагнозов...

Упоминание о медицинской карте навело его на другую мысль.

— Я назвал вам свое имя, когда меня привезли?

— По-моему, нет. Документы на вас заполняли полицейские.

— Но хоть что-нибудь я рассказал?

— Вы бредили. Поначалу мы решили, что у вас амнезия, вызванная ударами по голове. На самом деле все намного сложнее, не так ли?

Нарцисс безвольно кивнул. Он по-прежнему не отрывал взгляда от рентгеновского снимка. Странный предмет располагался у основания левой носовой перегородки, с небольшим смещением в сторону левой носовой пазухи. Может, он когда-то воевал и получил ранение? Или стал жертвой эксперимента? Как давно он ходит с этим имплантатом? Но хотя бы одна вещь для него прояснилась. Теперь он знал причину регулярных приступов боли в левой глазнице.

Врач надел перчатки и наполнил шприц.

— Что вы собираетесь мне вколоть?

— Я же сказал: обезболивающее. У вас на затылке обширная гематома. Вам сразу полегчает.

Нарцисс ничего не ответил. Постарался расслабиться. Ему казалось, он чувствует, как по жилам растекается обжигающе горячая целебная жидкость. Врач выбросил использованный шприц в корзинку и направился к двери.

— Сейчас мы перевезем вас в палату. Надо, чтобы к завтрашнему дню вы пришли в себя. У вас будет много гостей. Офицеры из следственной группы. Назначенный адвокат. Заместитель прокурора. А затем вы встретитесь с судьей, который отдал приказ о помещении вас под стражу.

Нарцисс постучал браслетом наручников по раме носилок:

— А как насчет этого?

— Я такие вопросы не решаю. Поговорите с полицией. С медицинской точки зрения против этой штуки нет никаких противопоказаний. Мне очень жаль, но это так.

Нарцисс махнул рукой на дверь:

— За мной следят?

— Да, там дежурят двое из полиции. — Он невесело улыбнулся. — Судя по всему, вы очень опасный тип. Всего доброго. Постарайтесь заснуть.

Свет в комнате погас. Хлопнула дверь. Послышался скрежет запираемого замка. Ощущение блаженного покоя, вызванное уколom, улетучилось без следа. Нарцисс понимал, что его ждет обвинение в двух убийствах: Минотавра и Икара. Не говоря уже о третьем. О человеке под парижским мостом. Им не понадобится много времени, чтобы установить этот факт с помощью рентгеновских снимков картин. Неужели он и в самом деле убийца? И что это за дрянь у него в носу? Кто ее туда запихнул?

Воображение нарисовало перед ним печальную картину. Судебно-медицинская экспертиза подтвердит, что он страдает психическим расстройством, причем хроническим. Ему поставят диагноз: повторяющееся психотическое бегство, каждый раз сопровождающееся убийствами с мифологической окраской. Диагноз ни у кого не вызовет и тени сомнения. И его отправят в тюремную психушку.

Он заворочался на своих носилках. Браслет больно впивался в руку. Все тело ныло. Единственное приятное ощущение дарили мягкие складки брюк...

Он вздрогнул. *Они не сняли с него брюки.* Охваченный безумной надеждой, он сунул свободную правую руку в карман. Он точно помнил, что, переодеваясь, никогда не забывал переложить из старой одежды в новую ключ от наручников. Если ему хоть чуть-чуть повезет, сыщики его не заметили.

Он вынул руку из кармана. Пусто. Извернулся и залез правой рукой в левый карман, исследуя каждый его уголок. Вот он, ключ. Его рука дрожала. Да, он не зря говорил себе, что это — талисман.

Ключи от наручников должны быть типовыми. Приподнявшись, он

вставил ключ в замок. Раздался щелчок, и браслет раскрылся. Нарцисс помассировал себе руку.

И тихо засмеялся в ночной тишине.

* * *

Осторожно выдернув из руки иглу капельницы, он спустил ноги на пол. Линолеум заглушил его шаги. Глаза успели привыкнуть к темноте, и он, не зажигая света, направился к металлическому шкафчику. Пиджак, рубашка, ботинки — все здесь. Правда, деньги исчезли. Так же как «глок», нож и блокнот с записями. Что ж, нельзя иметь все.

Стараясь не шуметь, он оделся.

Подошел к двери и приложил ухо, прислушиваясь. Врач разговаривал с охранниками.

— Я вколол ему сильную дозу, так что до утра он точно проспит.

Так, значит, надо действовать быстро, пока снотворное не собьет его с ног. Он пересек палату и толкнул створку окна. Оно открылось без всякого труда. В лицо ударил холодный воздух. Он словно отрезвил его, заставляя признать очевидное: бегство — единственный для него выход. Нельзя сдаваться в руки полиции. Нельзя складывать оружие. Нельзя надеяться, что ответы на его вопросы найдет кто-то другой...

Оглянувшись напоследок, он заметил прикрепленный к раме носилки бумажный листок. Заключение о состоянии его здоровья. Он вернулся и извлек листок из пластмассового держателя. У него появилась одна идея.

Зажав листок под мышкой, он перекинул ноги через подоконник и, встав на карниз, осмотрел расстилавшийся внизу больничный двор. Где-то совсем рядом шумел Париж. На фоне вечернего неба темнела громада собора Парижской Богоматери, застя пространство своими массивными стенами и пронзая его своими шпилями. От вида этой глыбы голова у него закружилась сильнее, чем от ощущения пустоты под ногами. Усилием воли он прогнал слабость и сосредоточился на том, что ему предстояло совершить.

Он находился на третьем этаже. Вдоль второго этажа тянулся сплошной балкон. Если ему удастся до него добраться, то дальше будет просто: он нырнет под один из сводов, найдет лестницу и убежит. Справа, метрах в двадцати, к первому этажу спускалась водосточная труба. Он медленно двинулся к ней, чувствуя, как скользит под ногами цинковая оболочка карниза. Ночной холод бодрил его, не давая уснуть.

Через несколько секунд он уже был возле трубы. Уцепившись руками за ближайшее кольцо, нащупал ногами второе. Изогнулся и сумел схватиться за него пальцами, одновременно опуская каблуки к следующему. Ему пришлось несколько раз повторить этот трюк, пока он наконец не достиг каменного парапета балкона и не спрыгнул внутрь.

Никого. Он прокрался вдоль стены и вскоре вышел к лестничной площадке. Во дворе наверняка дежурят полицейские. Значит, надо срочно придумать какую-то маскировку. Иначе этот львиный ров ему не преодолеть.

Отказавшись от идеи спускаться по лестнице, он развернулся вправо и двинулся вперед, пока не наткнулся на коридор. Вокруг по-прежнему — ни единой живой души. Бежевые стены. Линолеумный пол. Ряд дверей в палаты. Все не то. Ему требовалось другое: комната медсестер, служебный гардероб, раздевалка технического персонала... Он внимательно осматривал таблички на дверях. Только номера палат: «113», «114», «115»... И вот наконец нужная: «Посторонним вход воспрещен».

Он повернул ручку, проскользнул внутрь и нащупал выключатель. И, не сдержавшись, выругался в голос. На полках лежали стопки полотенец, простыней и одеял. Рядом — бутылки со всевозможными моющими средствами. Он изучал взглядом содержимое полок, когда сзади послышался звук открываемой двери и сразу затем — испуганный крик. Нарцисс обернулся. На пороге стояла чернокожая уборщица со своей тележкой.

— Что вам здесь нужно? — спросил он строго.

— Вы... вы меня напугали.

Пока женщина возилась с дверью, он успел найти белый халат и теперь с подчеркнутым спокойствием в него облачался. Служебного беджа у него не было, но он надеялся, что начальственные интонации послужат ему заменой.

— Я спрашиваю вас: что вам здесь нужно?

Уборщица, судя по всему, немного пришла в себя.

— А вам? — нахмутив брови, спросила она.

— Мне? Я делаю вашу работу! В сто тринадцатой палате у пациентки рвота! Она запачкала не только всю палату, но и мой халат! Я десять минут звонил, и никто не соизволил явиться! Предупреждаю вас, я этого так не оставляю!

— Но я не убираю в палатах... — залепетала уборщица. — Я убираю только в коридорах...

Нарцисс сдернул с полки половую тряпку:

— Поддерживать чистоту в больнице входит в ваши прямые обязанности! Немедленно ступайте в сто тринадцатую!

С этими словами он решительно двинулся к выходу, оттеснив с дороги уборщицу. Он шел по коридору, на ходу застегивая халат, и чувствовал спиной ее взгляд. Еще несколько шагов, и станет ясно, сработал его блеф или нет.

— Доктор!

Он обернулся. Сердце колотилось так, словно было готово выскочить из груди.

— Вы забыли...

Она протягивала ему листок с заключением, который он положил на стопку простыней. Он вернулся и улыбнулся женщине:

— Спасибо. А теперь — за работу!

И решительно направился прочь. Заслышав звяканье ведра и скрип тележки — уборщица везла ее к 113-й палате, — он понял, что победил.

Повернул налево и устремился на лестницу.

* * *

Седьмая линия метро проходила через Девятый, Десятый и Девятнадцатый округа. То, что нужно. Где-нибудь в районе станций «Шато-Ландон» или «Крима» наверняка сыщется дешевенький отель. Время шикарной жизни миновало. Впрочем, даже за конуру в самой захудалой гостинице заплатить ему будет нечем. Он и в метро-то проскочил, перепрыгнув через турникет.

На платформе, ожидая поезда в сторону «Ла-Курнёв», он не сел, а рухнул на сиденье. Чувство облегчения, которое он испытывал, не могло побороть крайней усталости. Препарат начал оказывать свое действие — на Нарцисса волнами накатывало непреодолимое желание смежить веки, весившие не меньше тонны каждое. Руки и ноги тоже налились свинцом...

Из Отель-Дё он выбрался без затруднений, двигаясь уверенным шагом и делая вид, что на ходу изучает листок с медицинским заключением. Он уже сообразил, что проще всего будет покинуть тюремное отделение через главный вход. Так он и сделал. Деловито прошествовал через холл приемного покоя, вышел наружу и свернул налево, к площади перед собором Парижской Богоматери, где незаметно сдернул халат и вместе с листком отправил его в ближайшую урну. Остров Святого Людовика. Улица Клуатр.

Миновав набережную Бурбон и набережную Анжу, он дошел до моста Сюлли. Пересек его и здесь, на Правом берегу, нырнул в метро на станции «Сюлли-Морлан».

На платформе царило мертвенное спокойствие. Под сводами подземки пахло паленой резиной. Он пришел к выводу, что его бегство пока осталось незамеченным. Париж спал и ни о чем не беспокоился. Париж понятия не имел, что свихнувшийся на мифологии убийца вновь на свободе.

Подошел состав. Стоило Нарциссу присесть, как усталость накатила на него с новой силой. Равномерное покачивание вагона убаюкивало его. Он понял, что долго не продержится, встал и подошел к схеме метро. Его выбор пал на станцию «Пуасоньер», десятую, если считать от «Сюлли-Морлан». Главное — не заснуть раньше. Он снова сел и попытался обдумать последние события. Но мысли путались в голове, ускользали от сознания...

За вагонным окном мелькнула надпись «Пуасоньер». Он даже не заметил, что на несколько минут вырубился. Резко вскочив на ноги, он в последний момент успел выпрыгнуть из поезда. Выйдя на поверхность, он углубился в сплетение улиц Десятого округа. На свежем воздухе он почувствовал себя немного бодрее.

В скромном отеле на улице Птит-Экюри портье потребовал с него плату вперед.

— Завтра заплачу, — стараясь говорить надменно, произнес Нарцисс. — Нет с собой наличных.

— Заплатите картой.

— Послушайте, — улыбнулся Нарцисс. — Мне надо поспать. А завтра утром я расплачусь.

— Деньги вперед!

Нарцисс решил сменить тактику. Распахнул полы пиджака и сказал:

— Дружище, разуй глаза! Один мой пиджак стоит больше, чем месячное проживание в этой дыре! Хочешь его в залог?

— А вот грубить не надо. Покажи пиджак.

Нарцисс охотно повиновался — он знал, что билет в тюрьму ему уже выписан и этот билет — в один конец. Так что капризничать не приходилось. Завтра утром, после первого же выпуска новостей, портье обязательно вспомнит о странном клиенте, явившемся без гроша в кармане. Но пока он ощупывал мягкую итальянскую ткань.

— Ладно. Занимайте номер. Пиджак останется у меня. В залог.

— Не возражаю.

Портье подтолкнул к нему скользнувший по стойке ключ. Нарцисс

успел его поймать. По узкой лестнице он поднялся в номер. Стены, пол и даже потолок в коридоре были обиты одинаковым оранжевым покрытием. В комнате явно потрудился тот же дизайнер. Нарцисс задернул шторы и, не зажигая света, прошел в ванную.

Здесь включил маленькую лампу над умывальником и посмотрел на себя в зеркало. Лицо ввалилось, под глазами залегли круги. На голове — воронье гнездо. Одним словом, видок тот еще. Но ведь могло быть и хуже.

С момента бегства из больницы его не отпускала одна мысль. Что это за посторонний предмет у него в носу? Он вертел эту мысль и так и этак. Точного ответа на вопрос он не знал, но у него зародилось смутное подозрение. Врач предположил, что речь идет о гормональном имплантате или электронном микронасосе. Пожалуй, он прав. Только эта штука, чем бы она ни была, предназначалась не для лечения, а наоборот — провоцировала болезнь. Эта дрянь содержала какое-то вещество, которое, поступая в его мозг, вызывало приступы диссоциативного бегства. Бред, одернул он сам себя. Научная фантастика. Голливудский боевик. Но события, случившиеся с ним за последние две недели, дали бы фору любому американскому блокбастеру.

Он снял рубашку. Заткнул раковину пробкой. Задержал дыхание и еще раз посмотрел на себя в зеркало — как смотрят на худшего врага. Затем откинул голову и со всего маху стукнулся носом о край раковины.

На него обрушилась тьма. Из глаз посыпались искры. Он упал на колени, но сразу же поднялся и заставил себя приоткрыть веки. Первым, что он увидел, была залитая кровью раковина. Он перевел взгляд к зеркалу — так и есть, нос он себе разбил. Нестерпимая боль разливалась под черепной коробкой, проникая в каждый уголок мозга. Все вокруг плыло. Ему пришлось ухватиться за край раковины, чтобы не потерять сознание.

Трясущейся рукой он пошарил в темной луже на дне раковины. Ничего. Тогда он взялся указательным и большим пальцами за свою носовую перегородку и медленно подвигал ею из стороны в сторону, одновременно с силой выдыхая воздух, словно хотел высморкаться.

Из носа снова хлынула кровь, но как раз этого он и добивался.

Он собрался с духом и еще раз стукнулся переносицей о край раковины. От боли помутилось в голове. Ему удалось устоять на ногах, но посмотреть на себя в зеркало он не смог — было слишком страшно. Из глаз градом катились слезы. В полуобморочном состоянии он зажал пальцами нос и осторожно выдохнул. Ничего.

Еще один удар о край раковины. Еще одна попытка ощупать нос. Безрезультатно. Еще удар. Он чувствовал под пальцами раздробленные

кости и хрящи. Больше ничего.

Пятой попытки не было.

Он потерял сознание и упал на пол.

Очнувшись, он не сразу поднял голову — щека приклеилась к линолеуму свернувшейся кровью. Резкой боли он не ощущал. Голова гудела, а перед глазами застыла темная пелена. Он оперся на локоть. Наверное, вместо носа у него теперь зияющая рана. Вытянув вторую руку, он сумел ухватиться за кран и подтянуться поближе к зеркалу.

Все вокруг было залито кровью. Кровь забрызгала зеркало и стены. В раковине стояла лужа крови. Смертник-террорист, подумалось ему. И бомба, спрятанная на груди, только что взорвалась. Ему понадобилось все его мужество, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Как ни странно, лицо не было слишком сильно обезображено. Если не считать носа, который опух и съехал набок. Из ранки торчала прорвавшая кожу косточка.

Может быть, через эту дыру выскочил имплантат?

Преодолевая тошноту, он сунул руку в кровавую жижу на дне раковины. Ощупал ее поверхность. И нашел то, что искал. С пальцев стекали густые капли крови, но он держал ее в руках. Капсулу, похожую на узкую пулю два сантиметра длиной. Он пустил холодную воду. Пуля оказалась хромированной монолитной штуковиной без каких-либо швов или соединений. Врач в больнице говорил что-то про кремний, но Нарцисс в этих вещах совсем не разбирался. Ясно было одно: предмет, чем бы он ни являлся, выглядел суперсовременно. Очередное чудо микроэлектроники. Если это и в самом деле микронасос, то откуда поступает закачиваемое вещество?

Ее следовало бы изучить, хорошенько исследовать, понять, как она действует. Но где это можно сделать? Кому поручить? Вопросы, вопросы... На которые у него нет ответов. Он сунул имплантат в карман и умылся ледяной водой. Холод приглушил боль. Нарцисс зажал нос между ладонями и решительным движением поставил его на место.

Он успел услышать, как хрустнули кости.

В следующий миг он снова потерял сознание.

* * *

Анаис еще никогда не видела таких жутких лиц.

Правый глаз — круглый, выкаченный, едва не вылезающий из орбиты. Левый — прищуренный в дьявольской усмешке, почти не видный за

складками кожи. Все лицо искажено. Рот, одновременно напоминающий и злобную ухмылку, и зияющую рану. Это лицо служило воплощением зла. Зла, причиняемого другим. Зла, причиненного другими.

Рисунки тушью напоминали иллюстрации к бульварным романам начала XX века. Злодеяния Фантомаса. Расследования Гарри Диксона. Рассматривая эти картинки, приходилось делать над собой усилие, и оттого запечатленный на них ужас становился еще страшнее. Убийца, казалось, принадлежал к иному измерению, сотканному из жестокости. Он стоял на коленях возле голого трупа и выдирал из кровавой раны его гениталии. В этом не было никакого сомнения: он занимался оскотлением убитого.

Оба рентгеновских снимка представляли одну и ту же сцену зафиксированную с небольшим временным интервалом. На заднем плане угадывались очертания одного из парижских мостов: Йенского, Альмы, Инвалидов или Александра III... Внизу несла свои темные воды Сена.

Анаис вздрогнула. Она держала в руках рентгеновские снимки автопортретов Нарцисса. Художник написал свои полотна поверх других, изображающих жертвоприношение, участником которого он был. Участником или главным действующим лицом? Как хочешь, так и думай.

— Что вы об этом скажете?

Анаис опустила снимки и посмотрела на майора полиции, задавшего ей этот вопрос. Она находилась в кабинете Центрального отдела по борьбе с организованной преступностью. Даже в полиции безобразия имеют свой предел. В девять часов утра ее препроводили в Парижский суд высшей инстанции. Не сказать чтобы судья проявил к ней какое-то особое внимание, однако он признал, что она располагает ценной информацией относительно вчерашней перестрелки. В результате ее перевезли в Нантерр, на улицу Труа-Фонтано, где в настоящий момент ее допрашивал руководитель следственной группы майор Филипп Солина.

Она тряхнула руками в наручниках:

— Можно для начала снять их с меня?

Офицер с готовностью поднялся со стула:

— Разумеется.

Солина был крупным мужчиной лет пятидесяти, одетым в тесноватый дешевый черный костюм. Типичный легавый. Все его тело могло служить наглядной иллюстрацией к тому, как человек медленно меняется, из мускулистого юноши превращаясь в зрелого мужчину, отягощенного излишним весом. Он был лыс, зато его голый череп украшали вздернутые выше лба очки, а подбородок — трехдневная щетина с отчетливыми вкраплениями седины.

Освободившись от браслетов, Анаис показала на рентгеновские снимки:

— Это изображение убийства, имевшего место в Париже. Жертва — нищий или бомж.

— Хотелось бы услышать от вас нечто такое, чего я еще не знаю.

— Убийство было совершено до весны две тысячи девятого года.

— Откуда такая уверенность?

— Картины написаны в мае или июне две тысячи девятого.

Майор слегка сдвинулся за столом. Расправил широкие плечи и положил перед собой руки, словно готовился к схватке. Анаис заметила у него на руке толстое золотое обручальное кольцо. Он без конца крутил его на безымянном пальце, то ли демонстрируя трофей, то ли пытаясь избавиться от тяжелого бремени.

— Что вам известно об этом деле?

— Какую сделку вы собираетесь мне предложить?

Солина улыбнулся и еще раз крутанул на пальце кольцо.

— Капитан! Вы не в том положении, чтобы торговаться. Я разговаривал с судьей. Вы по уши в дерьме. И это еще мягко сказано.

— Я всю жизнь только и делаю, что нахожу компромисс с преступниками. И мне кажется, что вы могли бы сделать некоторое усилие в этом направлении ради коллеги. Не забывайте, что я располагаю информацией первостепенной важности в деле об убийствах.

Он покачал головой. Похоже, боевитость Анаис ему нравилась.

— И какие условия вас устроили бы?

— Я сообщаю вам все, что мне известно об этом деле, в обмен на немедленное освобождение.

— У вас губа не дура.

— Хорошо. Я согласна на условное наказание.

Солина открыл папку с протоколами допросов. Папка не впечатляла толщиной. *Пока не впечатляла.* Он перебирал бумаги, а она в это время оглядела кабинет. Он был обшит светлыми деревянными панелями, делавшими его похожим на кабину яхты. Мягко светились тонкие трубки ламп, создавая ощущение уюта.

— Это всем выгодно, — продолжила она. — Вы получите информацию, я — свободу. Ведь между нами нет конфликта интересов. И я могу помочь вам с расследованием.

Полицейский потряс перед ней пачкой скрепленных степлером листов:

— А вы знаете, что это такое?

Анаис ничего не ответила.

— Приказ о вашем отстранении от дела. Пока временном.

— Я могу выступить в роли внештатного консультанта.

Солина положил руки на затылок и потянулся.

— Я не всемогущ. В моей власти выпустить вас на три дня, после чего я обязан передать документы в суд и в отдел внутренних расследований. Поскольку вы полицейский, я могу временно выпустить вас на свободу — под свою ответственность. С формулировкой: «В интересах установления истины».

Он ткнул пальцем в середину стола:

— Только предупреждаю вас, моя красавица! Всю информацию вы сообщите мне сейчас же, немедленно, не сходя с этого места. Если выяснится, что вы хоть что-то от меня утаили, я урою вас так, как вам и не снилось. И тогда дерьмо полезет у вас из ушей — поверьте мне на слово, так и будет.

— Очень красиво.

Он снова навалился на стол и сжал кольцо двумя пальцами.

— Кем ты себя считаешь? Где, ты думаешь, находишься? В «Ладюре»?

[33]

— А где гарантия, что вы меня не обманете, если я вам все расскажу?

— Слово полицейского.

— И чего оно стоит?

— Двадцати пяти лет честной и беспорочной службы. Надежды на карьерный скачок. Перспективы натянуть нос своим коллегам из уголовки. Положи все это на весы и посмотри, куда качнется стрелка.

Ее эти аргументы не убедили. Убедило другое. Она понимала, что у нее нет выбора. Солина взял ее в заложницы.

— Ладно, — согласилась она. — Но вы отключите мобильник и компьютер. И выключите видеокамеру у себя над столом. Не будете вести никаких записей. Не должно остаться материальных свидетельств нашего с вами разговора. Мы беседуем неофициально.

Солина поднялся с видом усталого хищника. Протянул руку и отключил видеокамеру. Достал из кармана мобильник, выключил его и положил на стол. Наконец снова сел, перевел компьютер в спящий режим и отдал по интерфону приказ, чтобы его не беспокоили.

Поглубже втиснулся в кресло и предложил:

— Кофе?

— Не надо.

— Тогда я тебя слушаю.

Она выложила ему все. Убийства бомжей. Минотавра в Бордо. Икара в

Марселе. Гонка за Матиасом Фрером, он же Виктор Януш, он же Нарцисс. Отклонения в психике у главного подозреваемого по делу, проявляющиеся в диссоциативном бегстве. Его стремление самостоятельно расследовать убийства — хотя для него было бы логичнее постараться покинуть Францию. Это можно трактовать как доказательство его невиновности либо очередной потери памяти. А может быть, того и другого одновременно.

Анаис говорила примерно полчаса. Во рту у нее пересохло.

— Вы не дадите мне воды? — попросила она.

Солина открыл ящик стола и поставил перед ней бутылочку «Эвиан».

— Что ему понадобилось на улице Монталамбер?

Анаис ответила не сразу. Она жадно пила воду.

— В одной из своих жизней, — наконец заговорила она, — Фрер был художником. Он носил имя Нарцисс. И страдал психическим заболеванием. Его поместили на лечение в специализированное учреждение под названием «Вилла Корто», расположенное в окрестностях Ниццы.

Она не зря упомянула «Виллу Корто». Ей важна была реакция Солина. Но тот и глазом не моргнул. Следовательно, о бойне, случившейся в этом заведении, он и слыхом не слыхивал. Она решила, что не будет углубляться в этот эпизод. Никто, кроме Кронье, не знал, что она побывала на месте преступления.

— Нарцисс писал исключительно автопортреты. Фрер догадался, что под ними он скрывал другие изображения. Все его работы были проданы через одну парижскую галерею. Он приехал в Париж и раздобыл список покупателей. И начал собирать собственные полотна, чтобы подвергнуть их рентгенологическому исследованию. Он не видел иного способа открыть тайну картин.

— Насчет покупателей. Это тот самый список, который вы передали Рибуа?

— Рибуа?

— Наш качок.

— Да. Нарцисс достал один автопортрет у коллекционера из Шестнадцатого округа, а второй — на Монталамбер. Затем он отправился в медицинский центр и попросил просветить полотна рентгеном. Снимки вы мне только что показывали.

Солина схватил один из снимков и, повернувшись к окну, принялся разглядывать его на свет. Очки он опустил на глаза. Сейчас он походил на доктора, обдумывающего диагноз.

— Это убийство из той же мифологической серии? — спросил он, выпуская из рук снимок.

— Вне всякого сомнения.

Анаис не успела договорить, как ее осенило. Искаженное, исполненное злобы лицо убийцы было маской. Снова намек на миф? Да нет, скорее какая-то национальная экзотика. Атрибутика первобытного племени. Она вспомнила слова Рауля, бомжа из Бордо. Филипп Дюрюи вроде бы говорил ему, что человек, предложивший ему наркотик, прикрывал лицо. Итак, убийца играл разные роли. Влезал в шкуру героев мифов.

Солина пришел к той же мысли, о чем свидетельствовал его следующий вопрос:

— Так с каким мифом мы имеем дело на этот раз?

— Не знаю. Надо навести справки. По-моему, историй, связанных с кастрацией, в греческих мифах пруд пруди. Но главное сейчас — выйти на след парижского убийства.

— Спасибо за совет. Задача не из легких. Клошары без конца мочат друг друга.

— И кастрируют?

— Ну, мало ли что им в башку взбредет. Но я свяжусь с Институтом судебной медицины.

Солина снова выгнулся в кресле. И опять принялся крутить на пальце кольцо.

— В твоём рассказе полно дыр, — недоверчиво произнес он. — В-первых, ты не сказала, как очутилась в Париже.

Она ждала этого вопроса. Ответ на него предполагал упоминание двух убийц в костюмах от «Хьюго Босс».

— В этом деле есть еще одна сторона, — призналась она после паузы.

— Мне не терпится о ней услышать, красотка.

Она сосредоточилась и заговорила о задержанном полицией человеке с потерей памяти, которого звали Патрик Бонфис. Описала бойню на пляже в Гетари, в результате которой погиб не только сам Бонфис, но и его сожительница. Единственной уликой, способной вывести на след убийц, оказался автомобиль модели Q7, замеченный на месте преступления и принадлежащий ЧАОН, в свою очередь входящему в холдинг «Метис».

— Что это еще за «Метис»? — перебил ее Солина.

Анаис выдала ему краткую справку. Сельскохозяйственная компания, в восьмидесятых сменившая специализацию на фармацевтическую. Официально занимается научными исследованиями, но вроде бы имеет связи с Министерством обороны. Солина недоверчиво поднял брови. Она вернулась на почву фактов. Благодаря навигатору она вычислила

местонахождение машины модели Q7, якобы угнанной у владельца. За рулем ее сидели двое профессиональных убийц, преследовавших Нарцисса. Они-то и привели ее в Париж.

— Сказки.

— Сказки? А два трупа на улице Монталамбер?

— В перестрелке никто не пострадал.

— Что-что?

— Никаких трупов мы не нашли.

— Да я же видела их собственными глазами! Фрер одного застрелил, а второго прикончил ножом.

— Если эти ребята соответствуют твоему описанию, они наверняка были в пуленепробиваемых жилетах. А твой Нарцисс — просто щенок. Выстрелил в первого парня. Чудо еще, если он в него попал. Но его пистолет был заряжен обыкновенными патронами малой пробойной силы. Мы нашли стреляные гильзы. Для жилета из кевлара или карбида бора эти пули — все равно что комариный укус. То же с ножом. Даже если твой дружок ухитрился ткнуть его ножом, лезвие не проникло даже за второй слой защитного волокна.

— Я видела этих мужчин с близкого расстояния, — не сдавалась Анаис. — Они были в костюмах, которые сидели точно по фигуре. Под такими никакой жилет не спрячешь.

— Я покажу тебе последние модели. Они не толще комбинезона для подводного плавания.

— Но ведь на улице было полным-полно полиции! Их там целая армия собралась!

— Лишнее подтверждение моим словам. Они воспользовались неразберихой и смылись. Первыми по вызову прибыли ребята из отделения на острове Святого Людовика. Сама понимаешь, какой у них опыт силовых задержаний. А наши подъехали слишком поздно. Там уже никого не было. Кроме тебя и твоего чокнутого художника.

Анаис не стала настаивать. Пришла ее очередь собирать информацию.

— Вы допросили Нарцисса? Что он рассказал?

Солина иронически улыбнулся. И опять принялся играть с кольцом. Анаис вспомнила статью из женского журнала. В ней говорилось, что этот жест выдает в мужчине стремление бежать подальше от домашнего очага.

— Ты и в самом деле немного отстала от жизни.

— Что вы имеете в виду?

— Твой любимчик удрал. В ту же ночь. Выскользнул у нас между пальцев.

— Я вам не верю.

Офицер открыл ящик стола и достал полученный по факсу рапорт. Это было обращение ко всем постам полиции Парижа, в котором сообщалось, что Матиас Фрер, известный также как Виктор Януш или Нарцисс, подозреваемый в преднамеренном убийстве, примерно в 23.00 совершил побег из тюремного отделения Отель-Дьё.

Она чуть не закричала от радости. Но радость быстро сменилась тревогой. Выходило, что они вернулись к тому, с чего начали. Если наемники живы, они снова выйдут на его след. Солина наклонился к ней и чуть ли не шепотом спросил:

— Где его искать?

— Понятия не имею.

— У него есть в Париже знакомые? Кто-то, кто поможет ему бежать?

— Он не собирается бежать. Он пытается восстановить свои предыдущие личности. Он сам не помнит, кем раньше был. Мы этого тоже не знаем.

— Что-нибудь еще хочешь добавить?

— Нет, больше ничего.

— Точно?

— Абсолютно.

Он откинулся в кресле и открыл картонную папку:

— Ну а у меня кое-что для тебя есть.

И положил перед ней лист бумаги, повернув так, чтобы она смогла прочитать.

— Что это?

— Приказ о твоём переводе, подписанный судьей. Тебя заключают под стражу в тюремном комплексе Флери-Мерожис. Причем немедленно.

— Что? Что-о? Вы же дали слово!

Солина быстро махнул рукой в окно, выходившее в коридор. Анаис и дернуться не успела, как у нее на запястьях защелкнулись наручники. В тот же миг в кабинет вошли два полицейских в форме, силой поднявшие ее со стула.

— Никто не имеет права преступать закон. Особенно — всякие свихнувшиеся пигалицы, которые мнят себя...

Он не договорил. Анаис плюнула ему в лицо.

Он проснулся от боли. Болели глаза. Эта боль его и разбудила.

Ощущения. Нос распух вдвое, застя поле зрения. Разбитые носовые перегородки вопили от боли. В глубине ноздрей и челюстных пазух засохла свернувшаяся кровь, не давая дышать. Его собственная кровь.

Среди ночи, придя в сознание, он сумел лишь выключить свет, доковылять до кровати и рухнуть на нее в чем был, не раздеваясь. И провалился в черный сон.

Сейчас он осторожно поднялся. Он двигался неуверенно, как выздоравливающий, впервые вставший с постели после долгой болезни. Дохромал до ванной, по пути сообразив, что на улице светло. Который мог быть час? Часов у него больше не было. Он включил лампу над умывальником. Что ж, могло быть и хуже. Лицо опухло, но не до безобразия. На переносице виднелись подсохшие ссадины — результат ударов о край раковины. Слева от носа тянулась рана длиннее и глубже — там располагалась дыра, через которую он извлек имплантат.

Он машинально сунул руку в карман. Вот он. При одной мысли о том, что эта дрянь на протяжении месяцев сидела у него в башке, он чуть снова не грохнулся в обморок. Но удержался и рассмотрел ее получше. Ни выступов, ни щелей. Если это микронасос, то непонятно, как он действует. Может быть, у него пористая структура? И вещество поступает в организм через микроскопические отверстия в корпусе? Он вернул странную вещь — вещественное доказательство — в карман.

Намочил полотенце холодной водой, приложил к переносице и вернулся в постель. От прикосновения влажной ткани боль оживилась. Он прикрыл веки и стал ждать. Волны боли отступили, а затем и вовсе стихли, как волнение на поверхности озера, перешедшее в легкую рябь.

Несмотря на отвратительное самочувствие, он не утратил решимости действовать. Продолжать бой. Вести расследование. Впрочем, был ли у него выбор? Но что ему предпринять? Без гроша в кармане? Без союзников? Зная, что за ним охотится вся полиция Парижа? Он отмел все эти возражения и сосредоточился на ближайших задачах.

Первым делом надо выяснить все насчет убийства с оскотлением, случившегося в 2009 году в Париже, на одной из набережных Сены. Он быстро пришел к выводу, что, сидя в гостиничном номере, не сумеет даже двинуться в нужном направлении. Может быть, имеет смысл подойти к делу с другой стороны? Покопаться в греческих мифах, содержащих упоминание об оскотлении? Но и от этой идеи пришлось отказаться. Он не мог себе позволить пойти в библиотеку или интернет-кафе. Перед его мысленным взором мелькнула картина: вот он в одной рубашке (пиджак

вернуть не удастся) разгуливает по парижским улицам...

Итак, следует признать очевидное. Он заживо замурован в этой комнатухе, обитой оранжевым фетром. И никаких перспектив впереди...

Но постепенно в мозгу забрезжила новая идея.

Стенки его беспамятства не были непроницаемыми. Сквозь них просачивались целые пласты его прежних жизней. Профессиональные знания психиатра. Воспоминание об Анне Марии Штрауб. Талант художника. Он попытался пройти по каждой из этих тропок. И ничего не нашел.

Но оставалась живопись. Если когда-то раньше он был художником, не исключено, что он пользовался теми же материалами и той же техникой, что и Нарцисс. Ему припомнились заполненные мелким почерком листки блокнота. Состав красок, соотношение разных пигментов и способы их смешивания. Проблема заключалась в том, что блокнота при нем больше не было. Разумеется, он не запомнил всех цифр и пояснений...

Но тут он выпрямился. Корто говорил, что Нарцисс при изготовлении своих красок использовал особую осветленную олифу. И не первую попавшуюся, а фабричную. Заказывал ее непосредственно у производителя. Иными словами, имел дело с людьми, которые обычно оформляют оптовые закупки.

Это была ниточка. Выходит, надо попытаться связаться со столичными поставщиками олифы. Если он был художником и жил в Париже, возможно, ему удалось заключить особый договор с предприятием химической или пищевой промышленности, выпускающим в том числе и осветленную олифу. Не исключено, что его сотрудники вспомнят о клиенте, покупавшем продукт не тоннами, а килограммами.

В номере имелся телефон, и он — удивительное дело! — работал. Нарцисс непроизвольно улыбнулся и тут же скорчился от боли. Ему не хотелось думать, во что превратилось его лицо. На ум пришла картина — воронка от снаряда и разметанные вокруг части тела. Только этот страшный взрыв он устроил себе сам.

Сначала он узнал по телефону точное время. Десять часов десять минут, сообщили «говорящие часы». Затем принялся обзванивать справочные службы. Собственный голос — гнусавый и глухой — казался ему чужим. Он снова и снова снимал трубку, снова и снова задавал один и тот же вопрос. В результате ему удалось составить список поставщиков олифы, работающих в департаменте Иль-де-Франс.

На тумбочке нашлись блокнот с логотипом отеля — «Эксельсиор» — и карандаш. Он записывал имена, названия городов и номера телефонов. В

столичной области подобных фирм насчитывалось около дюжины. Городки, где они действовали, располагались вокруг Большого Парижа — Иври-сюр-Сен, Бобиньи, Трап, Аньер, Фонтене-су-Буа...

Нарцисс набрал первый номер из списка. Сообщил, что он художник и хотел бы заказать некоторые необходимые ему материалы непосредственно у производителя. Коммерческий директор фирмы «Прошими» вежливо объяснил ему, что его компания занимается поставкой мастик, лаков, промышленных красителей, линолеума и так далее. Ничего общего с кистями и красками. И посоветовал обратиться в специализированные фирмы: «Олд Холланд», «Сенелье», «Талан», «Лефран-Буржуа»...

Нарцисс поблагодарил собеседника и повесил трубку. Набрал номер компании «CDC — лакокрасочные изделия» в Бобиньи. Получил примерно тот же ответ. «Компра» — металлопластики. То же самое. Новые названия, новые голоса. Всякий раз он просил соединить его с коммерческим директором. И всякий раз слышал одну и ту же песню. Попробуйте обратиться в компании, специализирующиеся не на оптовой, а на розничной торговле.

Он добрался до седьмого пункта списка. Им постепенно овладевало чувство, что вся эта затея бессмысленна, а впереди его не ждет ничего, кроме долгих часов отчаяния. И вдруг его очередной собеседник, представитель фирмы «КТЕР», поставлявшей на рынок натуральные масла, спросил:

— Арно, это ты?

Нарцисс, хоть и застигнутый врасплох, не растерялся:

— Да, я.

Он потер переносицу в надежде, что это избавит его голос от противной гнусавости, и едва не вскрикнул от резкой боли.

— Я был в отъезде, — пробормотал он.

— Как-то странно говоришь... Я тебя еле узнал.

— Гриппую.

— Писать не бросил?

— Не бросил.

Нарцисс опустил глаза: рука, не державшая телефонную трубку, дрожала. В мозгу роились тысячи беспорядочных мыслей. Что это — чудо или ошибка? Неужели его собеседник действительно обращался к одной из его прежних личностей?

— Ты чего звонишь-то? Заказ хочешь сделать?

— Ну да.

— Все как обычно?

— Как обычно.

— Подожди минуту. Сейчас загружу архив.

Послышался легкий перестук компьютерных клавиш.

— А знаешь, у меня в кабинете все еще висит твоя картинка. — Пока компьютер открывал нужный файл, собеседник Нарцисса решил поболтать. — Клиенты от нее прямо прутся. Я им говорю, что материалы наша лавочка поставляет, так ведь не верят!

Он засмеялся. Нарцисс молчал.

— Заказ отправить по старому адресу? Он не изменился?

— А какой у тебя записан?

— Улица Рокетт, дом сто восемьдесят восемь. Индекс 75011.

Да, есть бог на свете. И он хранит беглецов.

— Все точно, — подтвердил он, быстро записывая адрес. — А насчет заказа я тебе перезвоню. Проверю еще разок, как там у меня с запасами.

— Никаких проблем, Пикассо! Слушай, надо сходить куда-нибудь, а? Посидим, выпьем по рюмахе...

— Обязательно сходим!

Он повесил трубку, все еще не в состоянии переварить услышанное. В комнате ощутимо пахло пылью от давно не чищенного коврового покрытия. Разбитый нос болел так, что на глаза наворачивались слезы. Но он одержал победу! Осветленная олифа привела его к самому себе. Очевидно, к тому, кем он был перед тем, как превратиться в Нарцисса...

* * *

Адрес «улица Рокетт, 188» относился не к многоквартирной коробке, а к целому поселку, состоящему из бывших фабрик, ныне перестроенных и превращенных в лофты, где селились художники, или в офисы продюсерских компаний и художественные мастерские. Каждое здание насчитывало по два этажа и своими остекленными стенами в вертикальных рейках смотрело на окрестности немного свысока. Мощенные булыжником улочки, разделявшие дома, казались каменными ручьями, отполированными солнцем.

Нарцисс не узнавал местности, однако не мог не чувствовать исходящего от нее уюта и покоя. Это был тихий уголок, приспособленный для комфортной жизни.

— Ноно?

Он не сразу сообразил, что оклик обращен к нему. Ноно —

уменьшительное от Арно... Действительно, в паре десятков метров, на пороге одного из домов, стояли две девушки с сигаретами в руках. Вышли на перекур.

— Как дела? Давненько тебя не видели!

Нарцисс изобразил улыбку, но приближаться к девушкам не стал. Во-первых, он был в одной рубашке, без пиджака. Во-вторых, распухший нос не добавлял ему привлекательности.

Девушки дружно прыснули:

— Что, даже не поцелуешь?

— У меня грипп.

— А где ты пропадал?

— Уезжал, — чуть громче произнес он. — Выставки устраивал.

— Что-то видок у тебя неважный! Не то что раньше!

Они опять захихикали, подпихивая друг друга локтями. В их смешках чувствовалось скрытое возбуждение, какая-то свойская фамиллярность. Ему пришло в голову, что он, возможно, спал с одной из них. А может, с обеими.

— Мог бы спасибо сказать! Мы твои цветочки поливали!

— Да, я видел, — брякнул он, лишь бы не молчать. — Спасибо!

И устремился на первую же улочку, молясь про себя, чтобы чутье указало ему правильный путь. Девушки воздержались от комментариев. Значит, он не ошибся. Их реакция явилась для него полной неожиданностью. Выходило, что он и в самом деле Арно. Но если допустить, что Арно существовал непосредственно перед Нарциссом, то приходилось признать, что он не появлялся здесь по меньшей мере пять месяцев.

Он отбросил в сторону эти размышления. Пока что его занимали другие заботы. Дойдя до улицы Рокетт, он остановился возле газетного киоска и пролистал газеты, обращая внимание на первую страницу и раздел происшествий. Про то, что он сбежал из больницы Отель-Дьё, пока ни слова. Наверное, слишком рано. Хотя о перестрелке на Монталамбер пресса упоминала.

Но его внимание привлекли другие заголовки.

Те, что сообщали о трагедии, разыгравшейся в тысяче километров от Парижа. А ведь он должен был это предвидеть!

БОЙНЯ В ПСИХУШКЕ

СТРАШНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЛЕЧЕБНИЦЕ ВОЗЛЕ НИЦЦЫ

БУЙНЫЙ ПАЦИЕНТ УБИЛ ПСИХИАТРА И ДВУХ САНИТАРОВ

Вчера вечером, около 9 часов, жандармы из Карроса нашли в кабинете директора тела Жан-Пьера Корто и двух санитаров. По предварительным, данным, врача перед смертью подвергли жестокой пытке.

— Вы покупаете или как?

Нарцисс не слышал вопроса киоскера. Он быстрым шагом шел прочь от киоска. На нем проклятие. Он — «Крик» Эдварда Мунка. Как он мог подумать, что убийцы просто «заглянут» на «Виллу Корто»? *Врача перед смертью подвергли жестокой пытке.* От одной этой мысли у него засосало под ложечкой. Чувство вины подступило к самому горлу едкой изжогой. Где бы он ни появился, везде оставляет за собой смерть и разрушение. Он — живое воплощение блицкрига.

Однако, как это часто бывает, сквозь немой вопль ужаса в душе пробивался тихий шепоток, принадлежащий инстинкту самосохранения. В заметках ни словом не упоминался Нарцисс, хотя он провел на «Вилле Корто» два последних дня. Он перебрал в памяти художников — пациентов заведения. Того, что их свидетельства помогут полиции напасть на его след, можно не опасаться. Судя по тому, что пишут газеты, жандармы склоняются к версии об убийстве, совершенном кем-то из сумасшедших, проживающих на «Вилле Корто». Ну что ж, ищите.

Он шел, украдкой читая имена и фамилии владельцев на почтовых ящиках. Ни намека на Арно. Улица упиралась в стеклянный фасад дома, наполовину скрытый зарослями бамбука, лавра и бирючины. Те самые «цветочки», которые поливали девушки? Он нырнул в густую листву и обнаружил почтовый ящик. Табличка на нем гласила: «Арно Шаплен».

Из ящика выпирали конверты. Он бросил на них беглый взгляд: все письма были адресованы Арно Шаплену. Официальные извещения, отчеты из банка, проспекты, предложения о подписке, сообщения о рекламных акциях... Ничего личного.

Один за другим он приподнял горшки с растениями, надеясь, что под одним из них найдет ключ. Увы, везение кончилось. Ну что ж, не вышло

по-хорошему, будем действовать по-плохому, сказал он себе. Спрятавшись за ветвями бамбука, он с силой ударил кулаком по ближайшей к замочной скважине створке стеклянной двери. После третьей попытки стекло хрустнуло и осыпалось внутрь дома.

Нарцисс сунул в щель руку, откинул шпингалет и повернул ручку.

Проник в лофт и чуть не упал, споткнувшись о груды сваленных на полу газет и писем, но устоял и аккуратно запер за собой дверь.

Окна были зашторены. Его никто не видел. Он крутанулся на месте и с удовольствием вдохнул спертый воздух.

Он был дома.

* * *

Огромная комната без всяких перегородок площадью не меньше сотни квадратных метров. Высокий застекленный потолок на металлических опорах. Бетонные полы, выкрашенные серым. Справа и слева пространство разграничивали конструкции, выложенные из кирпича. На левой располагались каменная кухонная раковина, электрическая плита, холодильник и посудомоечная машина. На правой во множестве громоздились тюбики, палитры, бутылки с химикатами, ванночки в следах засохшей краски, рамы, рулоны холстов...

Внимание Нарцисса привлекла одна деталь. В глубине лофта, под галереей, стоял кульман. Окно за ним выходило на заросли бамбука. Нарцисс подошел поближе. К кульману были прикреплены полувыцветшие рекламные эскизы фломастером или угольным карандашом. На стене рядом висело несколько рисунков в рамах.

Следовательно, Шаплен занимался не только чистым искусством. Он также выполнял заказы для рекламных агентств. Впрочем, в мастерской не было ни следа живописных полотен. С другой стороны, на эскизах для рекламы он не заметил ни логотипа, ни фирменной марки. Невозможно определить, на кого работал рекламщик Шаплен. Единственный факт, не подлежащий сомнению, заключался в том, что работал он дома, как фрилансер.

Он вернулся на середину комнаты. С потолка свисали дизайнерские лампы под колпаками из зачищенного алюминия. На полу лежали ковры с абстрактным рисунком. По углам стояла мебель строгих линий, без всяких финтифлюшек, из лакированного дерева. В такой комнате не могли жить ни бомж Януш, ни безумный художник Нарцисс. Но на какие деньги Шаплен

приобрел всю эту обстановку? Неужели у рекламных дизайнеров такие высокие гонорары? Или он, как и Нарцисс, продавал картины? И продавал дорого?

Вопросы, вопросы... Шквал вопросов.

Как долго Нарцисс был Шапленом? С какого времени он снимал этот лофт? Кто платил за него в те месяцы, когда он отсутствовал? Он вернулся к входной двери, где оставил почту. По окошкам в конвертах рассортировал письма. В основном деловые. Просьбы внести очередной взнос. Напоминание о просрочке платежа. Повторные счета. Уведомления из страховой компании. Уведомления из банка. Телефонные счета. Он решил, что вскрыет почту позже, а пока стоит осмотреть дом.

Он начал с кухни. Стойка крашеного дерева. Хромированная посуда. Суперсовременные бытовые приборы. Все в идеальном состоянии, хотя и покрыто слоем пыли. Шаплен, похоже, отличался маниакальной приверженностью к порядку. Или у него была домработница? Если да, то давал ли он ей ключи? Почему-то он был уверен, что нет. Распахнув холодильник, он обнаружил остатки пищи, несмотря на холод успевшие покрыться слоем плесени. Как и любой другой пассажир без багажа, он покинул дом, понятия не имея, что ему не суждено сюда вернуться.

Он открыл морозильную камеру. В пакетах, подернутых инеем, нашлись китайские димсам, зеленая фасоль, жареный картофель... От одного вида закаменевших полуфабрикатов у него заурчало в животе. Он вытащил димсам из пакета и сунул в микроволновку. Не думая, что делает, протянул руку к шкафчику и достал с полки соевый соус и кетчуп. Всего за пару минут он заглотал весь пакет, обмакивая еду в оба соуса, разлитые по двум чашкам.

Проглотив последний кусочек, он понял, что его мутит, — следствие слишком быстрой и жадной еды. Но он подавил в себе позывы к рвоте. Он нуждался в силах. Игра продолжалась. Он сунул тарелку и обе чашки в каменную раковину. Кажется, к нему возвращались старые холостяцкие привычки.

Обойдя кухню, он нашел металлическую лестницу. Перила сделаны из стальных тросов, похожих на морские леера, — если только это в самом деле не были леера, снятые с яхты.

Страсть владельца дома к парусному спорту нашла свое подтверждение, едва Нарцисс поднялся на второй этаж. На стенах висели черно-белые фотографии парусников. По краю галереи стояли макеты кораблей с палубами из лакированного дерева. Из мебели здесь имелась большая кровать, застеленная черными простынями, напротив нее —

огромная плазма. Справа тянулись дверцы из темного дерева с выбеленными прожилками, скрывавшие вешалки и полки с одеждой.

Нарцисс провел инспекцию гардероба. Лняные сорочки. Джинсы. Хлопчатобумажные брюки. Костюмы дорогих фирм. Бесчисленные пары обуви. Сапоги «Уэстон», мокасины «Прада», кожаные туфли «Тод'с». Шаплен любил хорошую одежду и знал в ней толк.

Он перешел в ванную комнату, расположенную за перегородкой из слоистого стекла. Стены, обитые темным цинком, создавали странное впечатление — ему показалось, что он попал внутрь прохладной и чистой цистерны. Над двойной раковиной вместо традиционных кранов нависали каскадные смесители. Нарциссу не давал покоя все тот же упрямый вопрос: на какие шиши куплена вся эта роскошь?

Он разделся и встал под прохладный душ. Через десять минут колющие струи смыли с него кровь, ужас и страхи последних суток. Из-под душа он вышел с ощущением силы и обретенной невинности. Пошарил на полке в поисках какого-нибудь антисептика, но нашел лишь парфюм «О д'Оранж Верт» от фирмы «Гермес». Обработал им свои ссадины и налепил на нос несколько слоев пластыря. Из одежды выбрал то, что, как ему думалось, обычно носил Шаплен. Спортивные брюки от Кальвина Кляйна, майку и мольтоновую куртку с капюшоном от Армани.

Он уже начинал понемногу осваиваться с жилищем художника, когда заметил у подножия кровати телефон с автоответчиком. Усевшись на одеяло, он изучил аппарат. Память была переполнена. Следовательно, у Шаплена имелись друзья, которых взволновало его отсутствие. Он нажал на кнопку, чтобы прослушать запись. Об отпечатках пальцев он не беспокоился — ясно, что они здесь были повсюду, и притом с давних пор.

Он ожидал услышать встревоженные голоса и нетерпеливые вопросы. Но вместо этого запись выдала женское хихиканье:

«Ноно, родной, куда пропал? Дуешься, что ли? Твой номер мне дала Одри. Перезвони!»

Голос и смех напомнили ему веселых девчонок, кутивших возле дверей соседского лофта. Нарцисс посмотрел на экран. Звонок от 22 сентября. Следующий, от 19 сентября, больше походил на кошачье мурлыканье.

«Зайка, ты дома? — вопрошал бархатный голосок. — Это Шарлин. Мы с тобой не закончили...»

Третье сообщение, от 13 сентября, было из той же серии.

«Ноно! Я тут с подружкой... Мы хотели тебя проведать. Перезвони!»

Взрыв смеха. Смачный звук поцелуя. Сообщения следовали одно за

другим, не меняясь в тональности. Ни одного звонка от мужчины! Вообще ни одного нормального звонка — нейтрального, спокойного, тем более обеспокоенного.

Он осмотрелся. Парусники. Фирменные шмотки. Оранжевое одеяло, черные простыни. Ванная комната, оформленная дизайнером. Пожалуй, он ошибся. Это была не мастерская художника, а ловушка для женщин. Ноно ничем не походил на затравленного одиночку Нарцисса. Нет, это был соблазнитель, охотник за юбками. Судя по всему, ему каким-то способом удавалось зарабатывать немалые деньги. И он с удовольствием тратил их в компании легкомысленных девиц. Совершенно ясно, что мучительный поиск собственной предыдущей личности интересовал его меньше всего на свете.

Вдруг из аппарата донесся строгий, даже холодный голос:

«Арно, это я. Встречаемся дома. Обстановка накаляется. Мне страшно».

Гудки отбоя. Нарцисс проверил дату. 29 августа. Время — 20.20. Снова женщина, но из совсем другой категории. Никаких «Ноно», никаких мурлыканий. «Арно». И вместо заигрываний — призыв о помощи.

Запись оказалась последней. То есть хронологически первой. От 29 августа. Корто говорил ему: «Мы выбрали тебя в конце августа, возле съезда 42 с автомагистрали А8. На повороте к Каннам-Мужену...»

Он несколько раз прослушал запись. Именно эти слова заставили его в последний раз выйти из дому. Больше он сюда не вернулся. Все остальные звонки обращались в пустоту. Ноно умер после встречи с той женщиной. А по пути в Канны превратился в Нарцисса.

Может быть, женщина жила в Каннах? Или они виделись в Париже? И после этого он спешно уехал на Лазурный Берег? Когда именно на него накатил приступ амнезии — до или после встречи? Нет, не то. Если бы он не явился на свидание, она бы перезвонила и на автоответчике осталась бы еще одна запись. Выходит, он к ней пришел. Но потом они расстались навсегда.

Если только он не пришел слишком поздно...

Он посмотрел на экран. Номер не определился. Его терзал еще один вопрос. Нет никаких сомнений, что в Париже он водил знакомство со многими женщинами. Но где он с ними знакомился? Куда именно выходил на охоту?

Он все еще сидел на кровати, когда его взгляд упал на угол комнаты, где возле застекленной стены сверкал полировкой небольшой письменный стол — бюро, словно перенесенное сюда из нотариальной конторы начала

XX века, — а на нем — «макинтош». Интуиция подсказала ему, что он нашел *орудие преступления*. Ноно охотился через Интернет.

Он сел перед монитором и, пока компьютер загружался, дернул рукой шнур плотной шторы, чтобы солнечные блики не мешали глазам. И мгновенно осознал, что этот жест он повторял тысячи раз.

«Мак» заурчал и потребовал ввести пароль. Нарцисс решительно вбил: «Nono». Программа ответила, что пароль должен включать не меньше шести знаков. Он вбил: «Nonono». На ум пришла старая песенка Лу Рида: «And I said no, no, no / oh Lady Day...»^[34] Интернет загрузился. Нарцисс кликнул на Safari и посмотрел список последних загруженных сайтов.

И мгновенно очутился в другом мире. В мире Паутины версии 2.0. В мире социальных сетей. Сайтов знакомств. Виртуальных лабиринтов. В последние недели своего существования Нарцисс не вылезал из Сети, заводил кучу новых контактов, сидел в чатах, обменивался сообщениями... Мелькали иконки: Facebook, Twitter, Zoominfo, 123people, Meetic, Badoo, Match.com...

Ноно преследовал добычу и предлагал в качестве таковой себя, выступая и охотником и дичью одновременно. Судя по всему, он ночи напролет не вылезал из Инета, в зависимости от характера собеседниц с легкостью меняя тональность с иронической на серьезную, с дружеской на скабрезную.

Нельзя исключить, подумал Нарцисс, что Шаплен не просто лазал по Сети, а искал *кого-то конкретного*. Он записал адреса сайтов и начал поочередно загружать их, просматривая главную страницу. И выяснил, что Ноно посещал как вполне пристойные форумы, нацеленные на нормальное общение, так и совершенно отвязные, чтобы не сказать похабные, пестрящие сообщениями типа: «Хочешь меня? Кликни мышкой». Нарцисс открывал для себя программы, о существовании которых прежде даже не подозревал. Например, одна предлагала присылать вам на мобильный сообщение, если в пятнадцати метрах от вашего дома проходила «женщина вашей мечты». Еще одна обещала мгновенно сообщить номерной знак машины, за рулем которой сидела понравившаяся вам красотка.

Он вернулся к сообщениям, отправленным и полученным Ноно. Читать их было нелегко. Тексты изобиловали грубыми орфографическими ошибками и сокращениями, смысл которых доходил до него не сразу: «рстр» — вместо «расстроена», «рнм» — «ржу не могу» и так далее. Сбивали с толку понатыканные где ни попадя смайлики. От всей этой писанины веяло лихорадочным возбуждением, но не только. За ней вставал призрак реального одиночества, глубоко опечаливший Нарцисса. Он вовсе

не был уверен, что ему хочется идти по этому следу.

Как бы там ни было, одно открытие он совершил. Среди множества сайтов нашелся один, явно интересовавший Ноно больше всех прочих. Это был сайт Sasha.com, и принадлежал он компании, занимавшейся организацией так называемых speed-dating^[35] — вечеринок для одиноких людей, на которых каждому участнику предоставлялось ограниченное время, всего несколько минут, чтобы привлечь к себе собеседника. Слоган сайта говорил сам за себя: «Семь минут изменят твою жизнь».

При сайте действовал форум, позволявший новичкам представиться и сообщить кое-что о себе накануне реальной встречи в каком-либо общественном месте. Действительно, в комментариях люди рассуждали о знакомствах в «офлайне».

Нарцисс быстро загрузил сайт.

Стоило ему вбить несколько первых слов, как он понял, что возвращается к своей предыдущей личности.

«Это Ноно: —). Я вернулся».

IV

Ноно

— Шатле. К тебе пришли.

Анаис не откликнулась. Она лежала на кровати, тупо уставившись на свой тюремный номер, одна в девятиметровой камере. Само это одиночество было роскошью, хотя она о ней и не просила. Кровать, стол и стул здесь можно передвигать. И это тоже роскошь: ее не перевели в блок для особо опасных преступников, где все намертво прикручено к полу.

Накануне все развлечения свелись к поездке в автозаке и беседе с социальной служащей, а затем и с начальником СИЗО, объяснившим ей правила внутреннего распорядка. Кроме того, ей пришлось раздеться догола и подвергнуться медицинскому осмотру, в ходе которого у нее взяли мазок. Ничего особенного у нее не нашли, разве что докторша сделала пометку о ее израненных руках.

— Эй, ты что, оглохла?

Анаис оторвалась от двухъярусной кровати — она лежала на верхней полке. Окоченевшая от холода, она взглянула на часы: их ей оставили. Еще одна поблажка. Всего-то девять утра. Казалось, ее мозг вылит из бетона, того самого, из которого построены гигантские корпуса тюрьмы Флери-Мерожис.

Она послушно последовала за тюремщицей. В коридор выходили запертые двери камер. В рассеянном свете глаза скользили по стенам, полу, потолку. В женском следственном изоляторе все было серым, бежевым, бесцветным. И повсюду — стойкий запах дезинфекции.

Снова щелчок.

Еще одна дверь.

В такое время посетителем мог оказаться только полицейский или адвокат.

Официальные лица.

Еще один коридор.

И снова — замок.

Из-за закрытых дверей доносится бормотание телевизоров, застарелые тюремные запахи. Кое-кто из заключенных уже в мастерских. А некоторые свободно разгуливают по коридорам — такое разрешено только в женском СИЗО. Охранницы в белых халатах подкатывают коляски к яслям. Во

Франции женщины, родившие в тюрьме, вправе оставить ребенка при себе до полуторагодового возраста.

Электронный замок. Рамка металлоискателя. Проверка тюремного номера. Анаис очутилась в коридоре, состоящем из застекленных и зарешеченных отсеков. В каждой кабине стоял стол и два стула. Двери из многослойного стекла.

За одним из стекол Анаис разглядела своего посетителя.

Солина в поднятых на лысую голову очках.

— Ну вы и наглец, — сказала она, оказавшись перед ним. За спиной у нее захлопнулась дверь.

Солина открыл стоявший у его ног портфель.

— Мы могли бы говорить друг другу «ты».

— Чего тебе надо, ублюдок?

Солина улыбнулся и положил на стол зеленую папку.

— Сразу видно, как здорово мы с тобой ладим. Присаживайся.

— Ты не ответил.

Он накрыл папку ладонью:

— Вот мой ответ.

Анаис взяла стул и уселась.

— Что это?

— Клиент, которого ты ищешь. Оскопленный бродяга, найденный третьего сентября две тысячи девятого года под Йенским мостом.

Тут же все всплыло у нее в памяти. Рисунки Нарцисса. Перекошенное лицо. Кремневый топор. Изуродованный труп. Она неважно знала Париж, но почти не промахнулась, опознавая мост.

— Зачем мне это?

Он перевернул папку и подтолкнул к ней:

— Взгляни.

Она открыла папку. Полный отчет по делу. Фотографии, планы, отчет о вскрытии, протокол осмотра места происшествия... Сначала она проглядела пачку цветных фотографий размером с почтовую открытку. Голый мужчина лежал под темным сводом моста, между ног у него что-то чернело. Тело казалось непропорционально длинным. Белая кожа по контрасту с грязной землей будто светилась. Она подумала, не говорит ли эта бледность о том, что из него выпустили кровь. Лица, зажатого под камнями мостового пролета, не разглядеть.

— Вы его опознали? — спросила она едва слышно.

— Уг Ферне, тридцать четыре года. Хорошо известен нашим службам. В две тысячи восьмом — две тысячи девятом участвовал в манифестациях

«Детей Дон Кихота».^[36] Горлопан каких мало. В жизни палец о палец не ударил и еще боролся за свое право бездельничать.

Анаис не поддалась на провокацию. Легавому только того и надо.

— Есть зацепки?

— Никаких. Ни следов, ни свидетелей. На рассвете его обнаружила водная полиция. Едва успели убрать труп до того, как появятся речные трамвайчики с туристами.

Рана крупным планом. Низ живота буквально искромсан. Каким-то варварским орудием. Топором, который нарисовал Нарцисс. Орудие явно играет роль в ритуале преступника. Наверняка здесь замешан какой-то мифологический сюжет. Тут же ей вспомнился второй рисунок. Тот, где убийца с перекошенным лицом швыряет в Сену гениталии. Жест, наделенный сакральным смыслом. Откуда Нарцисс знал такие подробности? Он и есть убийца?

— Кто ведет расследование? Уголовка?

— Смерти бомжа? Держи карман шире. Дело передано третьему подразделению судебной полиции.

— Что они нарыли?

— Говорю тебе — черта лысого. Работают дознаватели. Опрос в окрестностях, осмотр местности, лабораторные исследования, да еще проформы ради допросят пару бродяг — и все. Спишут на сведение счетов и закроют дело.

— Характер увечий не вызвал подозрений?

— Бомжи на все способны. Чему тут удивляться?

— А как насчет нехватки крови в трупe?

— Рана порядком кровоточила.

— Да нет. Я спрашиваю, не выкачали ли из него нарочно литр-другой крови?

— Ни о чем таком я не слышал.

Анаис листала документы. В углу папки она заметила имя следственного судьи: Пьер Воллатре. Ей вспомнились два других убийства. В Марселе — Икар, следственный судья Паскаль Андре. В Бордо — Минотавр, следственный судья Филипп Ле-Галь. Это уже не уголовное дело, а какое-то сборище судей.

— И что теперь? Возобновите расследование?

— Сначала придется уломать прокуратуру. Им надо разобраться в этом бардаке. Хорошо бы доказать им, что это убийство может входить в серию Икар — Минотавр.

— То есть отыскать миф, к которому оно отсылает?

— В точку. Ну а пока двух картинок маловато, чтобы машина снова заработала.

Анаис поняла намек.

— И тебе нужна я, чтобы найти этот миф?

— Я тут подумал, тебе ведь все равно здесь нечем больше заняться. — Он смотрел ей прямо в глаза. — Я не откажусь от твоего предложения только из-за того, что ты угодила за решетку.

— Предложения?

— Работать вместе.

— Здесь?

— Работа на земле тебе пока не светит, красотка. А вот чтобы пораскинуть мозгами, лучше тюряги ничего не придумаешь.

Анаис поняла, что у нее есть козырь.

— Что там с моим делом?

— Следственный судья скоро тебя вызовет.

Она резко наклонилась вперед. Солина отпрянул. Он еще не забыл вчерашний плевок.

— Вытащи меня отсюда, — прошипела она.

— Отыщи мне миф.

Торги завершены. Цена заявлена.

— У кого мое дело?

— У ОБОП, то есть у меня. Нас интересует перестрелка на Монталамбер.

Она схватила несколько фотографий:

— А это?

Солина улыбнулся:

— Если удастся доказать связь между тремя убийствами, привлечь уголовку мы всегда успеем. Ну а вдруг мы и без них найдем убийц? Я просто прусь от мысли, что мы их обставим, красотка. Беда в том, что отдел розыска беглых преступников вот-вот начнет поиски Януша.

Солина выдавал желаемое за действительное. Дело у него в любом случае отберут. Ему оставалось надеяться на сенсационный успех. Вот зачем она ему понадобилась. Не для того, чтобы копаться в греческой античности, а чтобы анализировать каждую деталь, складывать фрагменты головоломки, продолжить расследование, которое она начала в Бордо.

Она склонилась над снимками. Кое-что бросилось ей в глаза.

— Этот тип был очень высокий, верно?

— Примерно два метра пятнадцать сантиметров. И член у него небось с добрую саблю. Просто чудовище. Так что корыстный мотив можно

исключить — вряд ли кому-то подошли бы его причиндалы, разве что убийца собирался спрятать их в ножны.

— В крови обнаружили следы героина?

— От тебя ничего не скроешь.

— Нарик?

— Скорее алкаш.

Последние сомнения отпали. Третий в списке убийцы с Олимпа. И еще одно ее предположение вновь подтвердилось. У убийцы есть дар убеждения: он уговорил великана сделать себе роковой укол. По ассоциации она вспомнила, что Филипп Дюрюи упоминал человека с закрытым лицом, прокаженного. Тут же ее кольнула мысль об асимметричной физиономии на рисунке. Больше похоже на этническую раскраску, чем на маску из греческой трагедии.

Она закрыла папку, вновь ощутив между всеми этими фактами смутную связь, которую ей никак не удавалось сформулировать.

— По рукам, — сказала она. — Вечером я тебе перезвоню.

Солина тяжело поднялся со стула и взял свой портфель.

— Завтра ты встретишься со следственным судьей.

* * *

Он проснулся на оранжевом одеяле. На нем все еще были спортивные брюки и куртка с капюшоном. Чувствовал он себя прекрасно. Здесь он в безопасности. Под защитой этих стен, которых он не знал, зато они знали его наизусть. Он открыл глаза и увидел у себя над головой поддерживающую потолок металлическую конструкцию. Ему вспомнилась Эйфелева башня. Вспомнились книжки Золя: названия он забыл, но там люди жили, спали и работали в таких вот мастерских. На несколько дней он станет одним из них.

Он сел среди разбросанных, исписанных от руки листков. И тут же вспомнил. Его ночные заметки. Всю ночь напролет он зависал в Интернете. Sasha.com и другие сайты знакомств. Последние соединения Шаплена. Имена — сплошь вымышленные — и свидания. Все без толку. Он обшарил лофт в поисках записной или адресной книжки, но так ничего и не нашел. Заснул около четырех утра.

Блуждания по чатам укрепили его уверенность. Ноно не был виртуальным пикапером, он не помешался на сексе, не изголодался по женской ласке. Нет, он вел расследование. Все то же проклятие пассажира

без багажа. По пока неясной причине его персонаж выбрал целью matchmaking.^[37] Гипотеза: в лабиринте Всемирной паутины он искал какую-то женщину.

Еще бы знать, какую именно. Всю ночь перед ним мелькали ники. Nora33, Tinette, Betty14, Catwoman, Sissi, Stef, Anna, Barbie, Aphrodite, Niso6, Finou, Kenny... Он перечитал дурацкие диалоги: игривые намеки, нежные словечки... Любовь во всех видах, от самого примитивного желания до самых несбыточных надежд.

В целом впечатление было неоднозначным. Ноно показался ему настоящим треплом, никогда не переходившим от слов к делу. Нередко после первого знакомства женщины снова пытались с ним связаться, но он не достаивал их ответом. Шаплен даже не был уверен, что он вообще где-то бывал. За одним-единственным исключением: Sasha.com, сайт speed-dating. Каждый вечер, или почти каждый, Ноно ходил на вечеринки к Саша. В бары. Рестораны. Ночные клубы. По сообщениям с адресами мест встречи «избранных» можно было проследить весь путь охотника. Вот только он понятия не имел, что же происходило в «real life».^[38]

Оставались сообщения на его автоответчике. Он мог перезвонить этим женщинам, встретиться, расспросить. Вдруг, поговорив с ними, он поймет и природу собственных поисков? Но ему не хотелось возобновлять эти одноразовые свидания.

Его интересовала лишь одна женщина. Та, что звонила 29 августа.

«Арно, это я. Встречаемся дома...»

Ему придется начать все с нуля. Пойти на вечеринки Sasha.com. Еще раз проделать весь путь своей тени. Понять, что разыскивал его двойник, и продолжить его поиски...

Вчера ночью он оставил на форуме сообщения. Он проверил почту. Вечером его приглашали на датинг в «Питкэрн», бар в квартале Марэ. Вряд ли многие из участников знают, что такое «Питкэрн», а вот он знал: остров в Тихом океане, где обосновались мятежники с «Баунти».^[39] И по сей день там существует колония, члены которой считают себя их потомками. Он уже воображал островную, тропическую атмосферу этого места...

Ванная. Нос вроде подживает. Отек спадает. Раны затягиваются. И все-таки, чтобы клеить девочек, он не в лучшей форме. Ладно, по сравнению с прежними изысканиями внутри самого себя эти поиски будут погламурнее. После бродяг и чокнутых художников он окажется среди одиноких женщин.

Он пытался шутить, смотреть на вещи проще, но сейчас ему

вспоминались убийство Жан-Пьера Корто, перестрелка на улице Монталамбер, то, как он расквасил себе лицо о раковину.

Он спустился и приготовил кофе. 10 часов утра. С чашкой в руках он собрал почту, которую оставил на кухонной стойке, и устроился на диване в гостиной. Отодвинул в сторону рекламные проспекты, подписки и прочий мусор и занялся официальными извещениями. Особых потрясений его отлучка не вызвала. Банк посылал ему выписку из текущего счета. Домовладельцы напоминали о том, что пора бы внести квартплату — 2200 евро в месяц, — впрочем, без особого нажима. И еще он задержал страховые взносы. За все остальное средства взимались непосредственно с его банковского счета, более чем достаточного.

Судя по последней выписке, на его счете оставалось 23 000 евро. Сумма внушительная. Пошарив в мастерской, он нашел предыдущие выписки. Этот счет в HSBC он открыл в мае месяце. И с тех пор цифра существенно не изменилась. Между тем Шаплен не получал переводов и не депонировал чеки. Тогда откуда бабки? Очевидно, он сам клал на свой счет наличные. 2000 евро. 3000 евро. 1700 евро. 4200 евро... Чем бы он ни занимался, платили ему черным налом.

У него промелькнула мысль: а не жиголо ли он? Но, судя по тону сообщений, по манере обращения его собеседниц, о платных услугах речи не шло. Одно не вызывало сомнений: он не рекламный дизайнер и вообще не художник. Этот его кульман, сама его студия — лишь декорации, как коробки, сложенные в доме у Фрера. Кем же он был на самом деле? Чем зарабатывал себе на жизнь?

Ему вспомнилась одна деталь. Его разговор с коммерческим директором фирмы «RTEP». Он литрами закупал у них осветленную олифу. Для отвода глаз или он действительно использовал этот продукт? Шаплону эти запасы были нужны для какого-то другого дела. Тайного. Прибыльного. Связанного с химией. Уж не готовил ли он наркоту в подвале?

Чем бы он ни занимался, это давало надежду на то, что где-то в лофте припрятаны наличные.

Прежде всего он поднялся на галерею — самое дорогое всегда прячут среди личных вещей, поближе к себе. В поисках сейфа он переставил рамы. Приподнял кровать. Порылся в платяном шкафу. Обшарил письменный стол. Ничего.

Он остановился на флотилии макетов, стоявших по краю галереи. Длина каждой модели — 70–100 сантиметров. Тут же у него возникла уверенность, что деньги спрятаны в одном из корпусов... Осторожно взяв в руки первое судно, «America's Cup J-class sloop»,^[40] если верить

гравированной латунной табличке на подставке, он приподнял палубу. Корпус был пуст. Он поставил корабль на место и взялся за следующий — двенадцатиметровую яхту «Columbia».^[41] И здесь ничего. Настала очередь «Gretel» Royal Sydney Yacht Squadron, «Southern Cross» Royal Perth Yacht Club, «Courageous» New York Yacht Club.^[42] Но и они оказались пустыми.

Он успел усомниться в своей догадке, когда переворачивал палубу «Pen Duick-I», первого парусника Эрика Табарли.^[43] Внутри лежали пачки банкнот по пятьсот евро. Шаплен подавил радостный возглас. Запустив руку в эту манну небесную, он торопливо набил карманы. Все его мысли вытеснило одно слово: наркота...

Возможно, Ноно назначал столько свиданий, чтобы легче сбывать свой товар... Вдруг ему вспомнился почерк убийцы — тот вводил в вены своих жертв чистый героин. Но и это совпадение он отбросил.

Прихватив еще несколько банкнот, он наткнулся на что-то другое. Пластиковая карточка. Он извлек ее в полной уверенности, что нашел «Визу» или «Америкен экспресс» Шаплена, но это оказался медицинский полис с номером социального страхования. Еще он откопал удостоверение личности, водительские права и паспорт. Всё — на имя Арно Шаплена, родившегося 17 июля 1967 года в Ле-Мане, департамент Сарта.

Он опустил на пол. Последние сомнения в его преступном прошлом отпали. Он знал с подонками. Купил себе поддельные документы. В глубине души он даже не удивился. У него на роду написано быть самозванцем, лжецом, отщепенцем.

Он поднялся и решил принять душ. Потом он купит себе мобильный и с помощью специалистов попробует установить на нем свой прежний номер, который узнал из счетов. Он не сомневался, что это поможет выяснить, кто такие его клиенты и в чем состоит его бизнес. Он перезвонит им. Станет торговаться. Поймет, чего им от него нужно. Затем отправится на сегодняшний датинг.

Механизм Ноно снова заработает.

* * *

— Я потерял мобильный.

— Да неужели?

Шаплен положил на прилавок последний счет за телефон, не обращая внимания на сухой тон продавца.

— И я забыл, что нужно сделать, чтобы проверить голосовую почту.

Не отвечая, тот схватил счет, зажав подбородок большим и указательным пальцами. Эксперт во всей своей красе.

— С вашим оператором это проще простого. Вы звоните по своему номеру. Получив сообщение, набираете кодовое слово и нажимаете на «звездочку».

Этого следовало ожидать. Никакого кода он не знал.

— Отлично, — невозмутимо продолжал он. — Я хотел бы купить новый телефон. И заключить новый договор.

Продавец, вместо того чтобы повернуться к витрине, заставленной новыми моделями, застучал по клавишам компьютера, проверяя счет Шаплена.

— Зачем вам новый договор? У вас на счете еще полно денег, и...

Шаплен схватил квитанцию и сунул ее в карман — он оделся в стиле Ноно: 50 процентов Ральфа Лорена, 50 процентов Армани, все упаковано в темно-синий переливчатый плащ.

— Забудьте про мой счет. Я хочу купить новый мобильный. С новым номером.

— Вам это встанет в кругленькую сумму.

— Не важно.

С укоризненным видом продавец разразился речью на непонятном языке, изобилующем словечками типа «моноблок», «четырёхдиапазонный», «мегапиксельный», «блютус», «мессенджер»... Испугавшись этой лавины, Шаплен поступил, как любой другой на его месте: выбрал телефон по внешнему виду, ткнув пальцем в самый простой:

— Я возьму вон тот.

— Я бы на вашем месте...

— Вон тот, идет?

Продавец испустил тяжкий вздох, всем своим видом говоря: «Все вы одним миром мазаны».

— Сколько?

— Двести евро. Но если бы вы взяли...

Шаплен положил на прилавок банкноту в пятьсот евро. Продавец неохотно забрал ее и протянул сдачу. Еще добрых десять минут они заполняли абонентский договор. Врать было ни к чему: документ он подписал именем Шаплена, улица Рокетт, 188.

— Заряжен? — спросил он, указывая на коробку с телефоном. — Я хочу воспользоваться им немедленно.

Продавец лишь усмехнулся. Ловко вынув аппарат, он снял заднюю

панель и вставил внутрь аккумулятор и сим-карту.

— Если вы захотите им фотографировать, — сказал он, протягивая аппарат, — придется докупить микрокарту памяти SD/SD HC. Вы...

— Я хочу просто позвонить, ясно?

— Легко. Только не забудьте подзарядить его сегодня вечером.

Шаплен сунул мобильный в карман.

— В счетах за мобильную связь, — продолжал он, — нет распечатки звонков.

— Ее ни у кого нет. Все это есть в Интернете.

— Что надо делать?

Взгляд из презрительного сделался недоверчивым: менеджер задумался, откуда свалился этот тип.

— Достаточно ввести данные абонента на сайте, и вы сможете просмотреть список своих звонков. И со вторым номером то же самое, но в соответствии с данными из другого договора.

— Вы имеете в виду мой новый договор с оператором?

— Нет. В вашей квитанции указан еще один счет.

На этот раз Шаплен сам вытащил документ и положил его на прилавок:

— Где?

— Вот здесь. — Продавец ткнул в бумагу пальцем.

Он тоже взглянул. И ничего не понял.

— Здесь нет никакого номера.

— Потому что вы выбрали услугу «скрытый номер». Погодите-ка.

Он схватил счет и вернулся к компьютеру. В магазинчике витала тень Старшего брата. Этот простой продавец мог все увидеть, расшифровать, проникнуть в любую жизнь. Но на этот раз и он оплошал.

— Сожалею. Но об этом номере ничего не выяснишь. Вы подключили опции, исключающие получение любой информации или биллинг. — Он поднял глаза и выдал финальную шутку: — Не договор, а Форт-Нокс какой-то!

Шаплен промолчал. Он уже понял, что важен именно этот номер. Тот, что содержит тайны, в которые он должен проникнуть.

— Ну конечно. — Он хлопнул себя по лбу. — Совсем из головы вылетело. Думаете, я смогу проследить его в Интернете? Я хочу сказать, проследить свои прежние звонки?

— Без проблем. — Продавец подмигнул: — Конечно, если вы заплатили по последнему счету!

Шаплен вышел за порог, не обернувшись. Ему не терпелось вернуться

в свою студию. Залезть в Интернет. Расшифровать свои собственные тайны.

На площади Леона Блума он остановился перед журнальным киоском. На первых страницах уже не упоминались ни перестрелка на Монталамбер, ни побоище на вилле Корто. Что еще удивительнее, о его побеге из Отель-Дьё тоже не было ни слова. Его лицо не красовалось на каждой обложке. Ни объявления «разыскивается», ни обращения к возможным свидетелям. Чего же добиваются полицейские? Может, это такая скрытая тактика: не хотят поднимать лишнего шума? Боятся, что Париж охватит паника, если люди прознают о побеге опасного психа?

В этой тактике таилась какая-то ловушка, и все же у него словно камень с души свалился. Он купил «Фигаро», «Монд» и «Паризьен». Вдруг понял, что проголодался. Сэндвич подойдет. Поднимаясь по улице Рокетт, он чувствовал, что впереди — сияющие вершины. Благодатная высота. Там, вверху, его ждали новые истины.

* * *

Рождение мира.

Вначале был Хаос. Ни богов, ни мира, ни людей... Из этой магмы возникли первосущности: Ночь (Никта), Мрак (Эреб). Никта породила Небо — Урана и Землю — Гею. От союза этих первых божеств произошло множество детей, среди прочих — двенадцать титанов.

Уран, опасаясь, что один из детей лишит его власти, заставил Гею держать их у себя в земных недрах. Крону, младшему из титанов, с помощью матери удалось бежать, и он оскотил отца. Затем, женившись на своей сестре Рее, он породил шесть первых богов-олимпийцев, и среди них — Зевса, который в свою очередь сверг отца...

Анаис отчеркнула абзац в только что сделанном ксероксе. Словарь греческой мифологии она отыскала в тюремной библиотеке, среди любовных романов и юридических справочников. Она сидела в почти пустом читальном зале. Здесь было спокойно и теплее, чем у нее в камере. За окнами даже открывался вид на двор. Облезлая лужайка, по которой разгуливали жирные, лоснящиеся вороны, дравшиеся из-за огрызков, выброшенных из тюремных окошек.

Она перечитала отрывок. Сомневаться не приходится: она нашла мифологическую сцену, вдохновлявшую убийцу Уга Ферне. В эллинской мифологии она отыскала и другие примеры оскотления. Но ритуал,

совершенный под Йенским мостом, по всем статьям подходил к убийству Урана. Были точно соблюдены некоторые детали легенды. Крон воспользовался каменным серпом. Убийца с рисунка применил кремневый топор. Бог выбросил детородный орган в море. Убийца швырнул свой зловещий трофей в Сену — парижскую альтернативу морской стихии.

Пока Анаис нащупала лишь одну точку соприкосновения между этими тремя мифами. Каждая из легенд касалась отношений отца с сыном, и в частности с трудным сыном. Минос заключил Минотавра в Лабиринт, потому что тот был чудовищем. Икар погиб по собственной глупости, вознесшись слишком близко к Солнцу. Крон же был отцеубийцей: он изувечил и убил собственного отца, чтобы править вселенной.

Таилось ли здесь зерно истины, относившейся к самому убийце? Был ли убийца с Олимпа дурным сыном? Или наоборот — разгневанным отцом? Она подняла глаза. К пирующим воронам присоединились бродячие кошки. Кабели противозвольтной безопасности и колючая проволока с острыми шипами рассекали небо за окном на квадраты.

Анаис вновь погрузилась в чтение. Боги-основатели открывали для нее новую вселенную, не имевшую ничего общего с миром олимпийцев. Здесь речь шла о предыдущем поколении. Первобытном. Звероподобном. Слепом. Неуправляемые чудовищные божества, олицетворявшие первозданные природные силы. Гиганты. Киклопы. Сторукие...

И тут прослеживалась еще одна связь с теми первоначальными временами. Рост жертвы. Символически Уг Ферне был из мира гигантов, титанов, чудовищ... Анаис и не сомневалась, что убийца выбрал его по этой причине. Жертвоприношению надлежало стать безмерным, выходящим за пределы нормального. Оно принадлежало эпохе изначальных богов. Временам хаоса и смятения. Кроме того, это убийство предшествовало другим, подобно тому как титаны предшествовали олимпийцам.

Она встала и поискала на полках что-нибудь о первобытном искусстве. Книги были потрепанными, зачитанными, замусоленными. Чувствовалось, что они служили подручным средством борьбы со скукой, праздностью, отчаянием.

Анаис откопала антологию этнических масок. Стоя у полки, она пролистала книжку. Судя по фотографиям, личина убийцы походила скорее на африканские или эскимосские маски. Эта деталь также имела значение. Убийца с Олимпа не разыгрывал спектакль. Убивая, он находился в самом сердце хронотопа богов, духов, древних поверий. *В его глазах все это было реальным.*

Вошла охранница. Время обедать. При мысли о том, чтобы оказаться среди других, у Анаис болезненно сжалось сердце. Со вчерашнего дня она чувствовала нависшую над ней угрозу. В тюремном мире легавый никогда не будет желанным гостем. Но Анаис боялась чего-то другого. Чего-то более определенного и в то же время смутного. *Смертельной угрозы.*

Анаис положила книги в тележку и последовала за тюремщицей. Она думала о могущественном, невидимом, вездесущем холдинге, служившем правопорядку, нарушая закон. *Червь и плод суть одно и то же.* Достаточно ли эти люди сильны, чтобы дотянуться до нее в следственном изоляторе? Чтобы устранить ее и тем самым заставить молчать?

Но что, собственно, она знает?

Чем она опасна?

* * *

И снова Интернет.

Он начал со своего официального номера. Не успел набрать цифры из договора, как появилась детализация его звонков. В последние недели ему звонили куда чаще, чем звонил он сам. Он схватил мобильный, включил режим «антиаон» и наудачу набрал несколько номеров. Почти везде — голосовая почта. Когда ему отвечали, он отсоединялся. Каждый раз в трубке раздавался женский голос. Очевидно, это и был телефон Ноно-соблазителя.

Теперь он перешел на секретный номер. Благодаря цифрам из договора он без труда получил детализацию всех своих переговоров. Этим мобильным Шаплен пользовался нечасто. За четыре месяца он звонил всего по нескольким засекреченным номерам. Зато получил много звонков, которые продолжались и после августа, становясь все реже, до самого декабря.

Он схватил мобильный и набрал чей-то номер.

— Алло?

После двух звонков послышался громкий напористый голос. На этот раз придется поговорить, чтобы разузнать побольше.

— Это Шаплен.

— Кто?

— Ноно.

— Ноно? Говнюк! Ты где, ублюдок? Сукин сын!

Акцент, похоже, славянский. Он отключился, не отвечая. Еще один

номер. Голос в трубке исходил ненавистью.

— Алло?

— Это Ноно.

— Ну ты, мать твою, и нахал.

И этот голос звучал угрожающе. Но акцент другой. Скорее всего, выходец из Африки, отморозок с городской окраины.

— Я не успел тебя предупредить, — сочинял он на ходу. — Мне пришлось... уехать.

— С моим баблом? Только не пизди!

— Я... я все тебе верну.

Тот расхохотался:

— И с процентами, братан. Уж будь уверен. Сперва отрежем тебе яйца, и...

Шаплен отсоединился. Выходит, он и вправду наркодилер. Барыга, сваливший с общаком. Дрожа от возбуждения, он сделал еще несколько звонков. Всякий раз ограничивался лишь парой слов. Телефон жег ему руки. Казалось, сам его голос способен выдать его местонахождение... Каких только акцентов он не слышал! Азиатский, магрибский, африканский, славянский... Несколько раз ему просто отвечали на чужом языке. Он не понимал слов, но и без них все было ясно.

Ноно задолжал всем иностранцам в Париже. Мало ему было своих врагов, как объявился легион новых.

Мобильный разрядился. Оставалось позвонить лишь по одному номеру. Он решился воспользоваться стационарным телефоном. И этот номер оказался засекреченным. Он подхватил ноутбук и сел с ним на кровать. Взял трубку и набрал последний номер в списке.

Акцент сербский или что-то в этом роде, но голос звучал спокойно. Шаплен назвал. Мужчина тихо рассмеялся.

— Юсеф так и знал, что ты еще всплывешь.

— Юсеф?

— Я ему передам, что ты объявился. То-то он обрадуется.

Чтобы выведать побольше, Шаплен решился на провокацию:

— Не уверен, что тоже буду рад его видеть.

— Рехнулся, придурок? — хмыкнул славянин. — Ты свалил с нашими бабками, засранец!

Голос звучал почти игриво. Этот насмешливый гнев был хуже любых оскорблений. Шаплен постучался лишь в дверь прихожей. Настоящий ад ждал его на следующем этапе. У Юсефа.

— Давай подваливай сегодня к восьми.

— Куда?

— Не нарывайся, Ноно. Шутки кончены.

Еще одна провокация, лишь бы протянуть время:

— Нет у меня ваших денег.

— Забей на бабки. Верни нам хотя бы наше добро, а там поглядим...

Шаплен бросил трубку и рухнул на кровать. Он уставился на сверкающую арматуру, поддерживающую стеклянную крышу. Так и есть: он наркодилер. Добро. Наркота или что-то еще... Потолочная вязь представлялась ему воплощением собственной безысходной участи. Ему не выбраться. Лабиринт личностей его dokonает.

* * *

— Хотите поговорить об этом?

— Нет.

— Почему?

— Слюны уже не хватает распространяться на эту тему.

Психиатр из ОКАМО — Отделения консультаций и амбулаторного медицинского обслуживания — молча рассматривала подживающие раны на руках Анаис. Несмотря на молодость, докторша наверняка всякого навидалась. Не надо быть Зигмундом Фрейдом, чтобы понять: в тюрьме тело — последняя возможность самовыражения.

— Будете продолжать в том же духе, не хватит и крови.

— Спасибо, доктор. Вообще-то я обратилась к вам за поддержкой.

Та не снизошла до улыбки.

— Садитесь.

Анаис села и взглянула на собеседницу. Чуть постарше ее самой. Улыбчивая блондинка с мягкими чертами, неожиданными в этом замкнутом мирке, где лицо каждой женщины хранит отпечаток сурового прошлого. Золотистые глаза, высокие скулы, тонкий прямой носик. Густые брови придавали ей выражение силы и нежности. Маленький рот, при виде которого любого мужика кидает в дрожь.

Анаис кольнула дурацкая мысль — подлая мыслишка мачо. Что забыла такая красotka в этой сраной тюрьме? Могла бы стать моделью или актрисой. С некоторым опозданием она осознала всю глупость своих размышлений.

— Вы сами напросились на консультацию. О чем вы хотели поговорить?

Она не ответила. Они сидели в небольшом отсеке, левая застекленная стена которого выходила в приемную ОКАМО. За стеклом шумно толпились зечки в трениках, легинсах и толстых свитерах. Вопя, стена, кряхтя, они держались за животы, головы, руки, ноги. Настоящая распродажа боли с торгов.

— Слушаю вас, — настаивала психиатр. — Что вас тревожит?

После обеда Анаис хотела было вернуться в библиотеку, но ей не позволили. Все, чего она добилась, — это разрешение сделать один звонок. Позвонила Солина, но попала на голосовую почту. По возвращении в камеру у нее даже не нашлось сил заглянуть в книги Альбертины Сарразен, взятые в библиотеке. Вот тогда-то ее и осенила отчаянная мысль: попроситься к психиатру. Ее не стали слушать. Она показала свои руки, и ее немедленно направили на консультацию.

— Я из полиции, — заговорила Анаис. — Вам, должно быть, сообщили.

— Я прочла ваше дело.

— Я замешана в одном расследовании, по меньшей мере запутанном... Без ведома моего руководства. Не говоря уже о том, что это место — не самое подходящее для офицера судебной полиции, я испытываю...

— Беспокойство?

Анаис едва не расхохоталась, потом в порыве откровенности призналась:

— Я боюсь.

— Чего?

— Не знаю. Я ощущаю страх... смутный, необъяснимый.

— Здесь это в порядке вещей.

Она помотала головой, но не нашла подходящих слов. Теперь у нее стеснилось дыхание. Говоря о своих тревогах, она словно делала их более реальными...

— Как вы спите? — продолжала врач.

— Кажется, я вообще еще не спала.

— Я дам вам успокоительное.

Женщина встала и повернулась к ней спиной. Внезапно Анаис осознала, что ничем не стеснена и что рядом нет тюремщицы — на этом настояла сама врач. Можно что-нибудь предпринять — пришло ей в голову. Но что? Она бредит.

Психиатр обернулась, держа в руках таблетку и стаканчик с водой. Ее молодость и хрупкость располагали к доверию. *Союзница*. О чем бы ее попросить, подумала Анаис. Что-нибудь пронести в тюрьму? Мобильный?

Симку? Оружие? Она бредит.

— Спасибо.

Она проглотила таблетку, даже не пытаясь мухлевать. Сил для борьбы не осталось. Снова взглянула на левую стену. За ней по-прежнему толпились увечные — бесформенные фигуры, мешки грязного белья с человеческими гримасами. Ее передернуло при мысли об их больных внутренностях, испорченных, едва работающих, вонючих организмах.

Анаис подумала о будущем, которого у этих существ уже не осталось. Будущем, понемногу превращавшемся в нереализованное прошлое. Такова тюрьма. Условное наклонение, которое никогда не переходит в изъявительное. Его заменяет злое похмелье, горечь, хронические поносы.

За столом психиатр заполняла какой-то формуляр.

— Что это?

— Запрос о вашем переводе.

— Меня... меня отправят к психам?

Та усмехнулась:

— До этого еще не дошло.

— Тогда о чем речь?

— Я прошу начальника поместить вас под усиленный надзор.

— И это вы называете поблажкой?

— Пока это единственный способ вас защитить.

Она знала, что такое усиленный надзор. Переводы из одной камеры в другую, бесконечные обыски, постоянное наблюдение... Она будет защищена от других, но сама лишится всякой свободы действий.

Анаис вернулась в свои четыре стены.

Она добилась одного: удвоенного заключения.

* * *

— Гедонис — откуда такое имя?

— От гедонизма. Это моя философия. *Carpe diem*.^[44] Надо пользоваться каждым днем, каждым мгновением.

Шаплен взглянул на миниатюрную брюнетку с острым личиком. Легкие кудрявые, почти курчавые волосы высоко взбиты. Темные глаза навывкате. Под ними залегли тени, похожие на синяки. Толстые сиреневые губы напоминают моллюсков. Да уж, красавицей ее не назовешь.

Это была его пятая встреча. Название «Питкэрн» вполне себя оправдало. Бар походил на притон моряков в забытом богом порту.

Приглушенный свет, каменные своды, столики отгорожены льняными занавесями, образующими кабинки, в которых повторялись все те же сцены, те же надежды, та же болтовня. Шаплону это напомнило исповедальню. Или кабинку для голосования. Вообще-то годились оба определения.

— Согласен, — снова заговорил он, стараясь не отвлекаться. — Но пользоваться каждым днем значит также рассчитывать, что их будет много. Я за долгосрочные отношения.

Гедонис приподняла брови. Ее глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Она уткнулась носом в коктейль. Мясистые губы жадно присосались к соломинке, словно надеясь вытянуть оттуда новые темы для разговора.

Шаплен, изображавший солидного мужчину, ищущего продолжительных отношений, настаивал:

— Мне сорок шесть лет. Я уже не в том возрасте, чтобы завязывать короткие интрижки.

— Вау... — усмехнулась она. — Я-то думала, таких больше не делают. Приличия ради они посмеялись.

— А откуда ваше имя — Ноно?

— Меня зовут Арно. Поняли, в чем прикол?

— Ш-ш-ш. — Она приложила палец к губам. — Никаких настоящих имен!

Они снова засмеялись, уже не так принужденно. Шаплен был удивлен. В его представлении датинг скорее походил на отделение скорой помощи или кризисный штаб. Последняя остановка перед самоубийством. В действительности это мало чем отличалось от коктейльной вечеринки в любом другом баре. Музыка, выпивка, шум голосов. Единственная изюминка — тибетский колокол. Идея устроительницы, Саша, — чтобы напоминать, что семь минут, выделенные каждой паре, истекли.

Гедонис сменила тональность. Оставив попытки казаться оригинальной, взбалмошной, решительной, она заговорила о себе. Тридцать семь лет. Аудитор. В Савиньи-сюр-Орж у нее трехкомнатная квартира, купленная в рассрочку. Детей нет. Ее единственной большой любовью был женатый мужчина, который так и не расстался с женой. Ничто не ново под луной. Уже четыре года она одна и с тоской думает о приближении рокового сорокалетнего рубежа.

Ее откровенность удивила Шаплена. По идее, здесь все стараются пустить пыль в глаза... Гедонис предпочла исповедальню. К черту кабинку для голосования. Прозвонил колокол. Он встал и доброжелательно улыбнулся собеседнице, получив в ответ гримасу. До нее вдруг дошло, в

чем ее ошибка. Она пришла сюда, чтобы обольщать. А вместо этого вывернула перед ним свою душу.

Следующая. Саша выбрала классический вариант. Дамы оставались на месте, кавалеры меняли места, переходя за столик справа. Он уселся перед полной брюнеткой, не пожалевшей сил, чтобы предстать во всем блеске. Густо напудренное лицо резко выделялось на фоне взбитых и покрытых лаком волос. Под просторной темной блузой, явно из атласа, тонули все выпуклости и округлости. Пухлые ручки, тоже очень белые, порхали как голубки, вылетающие из волшебного плаща.

— Меня зовут Ноно, — начал он с места в карьер.

— По-моему, эти их ники — дурацкая выдумка.

Шаплен улыбнулся. Еще одна оригиналка.

— А ваш ник? — спокойно поинтересовался он.

— Вахинэ.^[45] — Она прыснула. — Говорю вам, эти ники — такая глупость.

Завязался разговор со всеми его обязательными поворотами. От заигрываний они перешли к стадии обольщения. Вахинэ постаралась выставить себя в лучшем свете — как в прямом, так и в переносном смысле. В отблесках свечей она принимала заученные позы и отпускала пошлые афоризмы, напуская на себя таинственность.

Ноно терпеливо ждал продолжения. Он знал, что очень скоро она скатится к печальному эпилогу. К выдержанной ноте, на которой будет спрашивать себя, как и почему она дошла до этой гонки со временем: несколько минут, чтобы соблазнить незнакомца. Больше всего Шаплена поражало глубокое сходство между этими женщинами. Тот же социальный статус. Та же профессиональная состоятельность. Тот же провал в личной жизни. Да и держатся они почти одинаково...

Он задавал себе только один вопрос: зачем Ноно приходил сюда несколько месяцев назад? Какая может быть связь между этим вполне заурядным клубом знакомств и расследованием преступлений незаурядного убийцы, одержимого греческой мифологией?

— А вы?

— Простите?

Он потерял нить разговора.

— Вы любите фантазию?

— Фантазию? В чем?

— В жизни вообще.

Шаплен представил, как он стоит в душевой ночлежки, глядя на гангренозного бродягу. Как отплясывает вокруг повозки с психами или

изучает собственные автопортреты, держа на мушке женщину-рентгенолога.

— Да. Скажем так: в некотором смысле я за фантазию.

— Какое совпадение, — сказала женщина. — Я тоже. Как войду в раж, поберегись!

Шаплен вымученно улыбнулся. Старания Вахинэ показаться забавной и оригинальной нагоняли на него тоску. На самом деле здесь ему нравилась лишь одна женщина. Саша собственной персоной, мускулистая метиска с пышной грудью и странными зелеными глазами. Он то и дело на нее поглядывал, но она никак не реагировала.

Зазвонил колокол.

Шаплен встал. Похоже, Вахинэ захватили врасплох, не дав перейти к душещипательной части. Все претендентки обожали говорить о себе, и это его вполне устраивало: не надо было импровизировать на тему Ноно.

Он пересел за следующий столик и тут же понял, что уже встречался с сидевшей перед ним женщиной. Он ее не узнавал, но в ее взгляде вспыхнул огонек. Всего лишь на миг, словно искра, которая тут же погасла. Как задутая свеча.

Шаплен не стал ходить вокруг да около.

— Добрый вечер. Мы ведь знакомы?

Женщина опустила глаза на свой бокал. Он был пуст. Взмахом руки она подозвала официанта, который тут же принес ей новый коктейль. Все это заняло несколько секунд.

— Так мы знакомы или нет? — повторил он.

— Вот отстой, что здесь нельзя курить, — пробормотала она.

Он перегнулся через освещенный свечами столик. Все тонуло в полумраке, мерцающем и подвижном, словно морская качка. Он ждал ее ответа. Наконец она стрельнула в него глазами:

— Не думаю.

Ее враждебность свидетельствовала об обратном, но он не стал настаивать. Надо соблюдать правила игры, как с другими женщинами. Проходить и одновременно вести это сентиментальное собеседование.

— Как вас зовут?

— Лулу-семьдесят восемь.

Он едва не рассмеялся. Она кивнула:

— Правда, забавно?

— А что это значит?

— Семьдесят восемь — год моего рождения. — Она снова отпила. Ее щеки порозовели. — Можно сказать, я играю в открытую, не так ли?

— А Лулу?

— Лулу — это моя тайна. Как бы там ни было, зовут меня не Люсьеной.

Она нервно рассмеялась, на японский манер прикрыв рот ладонью. Крошечная женщина с детскими плечиками. Рыжие волосы спадали вдоль ее висков, словно золоченый оклад иконы. Узкое лицо освещали радужки, тоже казавшиеся рыжими. Глаза, подчеркнутые линией бровей, были хороши, но не вязались со всем остальным. Длинноватый нос, слишком тонкие губы придавали ее облику суровость, сухость, исключавшие саму мысль о красоте. На ней не было никаких украшений. Судя по одежде, она и не подумала принарядиться. Каждая мелочь свидетельствовала о том, что она пришла сюда скрепя сердце.

— Это мой ник в Интернете, — добавила она, словно извиняясь. — Я столько им пользовалась... Он почти стал моим настоящим именем.

Она говорила как охотник, утомленный джунглями и сидением в засаде. Он отметил, что его ник она не спросила. *Потому что знала его и так.*

Он зашел издалека:

— Чего вы ждете от таких вот свиданий?

Миниатюрная женщина бросила на него короткий взгляд исподтишка, словно говоря «а то ты сам не знаешь», затем назидательно проговорила:

— Шанса. Счастливой случайности. Везения, в котором отказывает мне жизнь.

Чтобы скрыть смущение, она пустилась в общие рассуждения. Ее видение любви, взаимности, совместной жизни. Шаплен покорно поддакивал. Они уже начали обсуждать эту тему как нечто абстрактное, не имеющее к ним никакого отношения.

Лулу-78 расслабилась. Она крутила бокал в руках, следя за кругами на поверхности коктейля. Первое впечатление — что они уже когда-то встречались — рассеялось. И все же время от времени случайный взгляд или интонация возрождали ощущение *дежавю*. Тогда он замечал мелькавшие в ее глазах гнев и, как ни странно, страх.

Их время почти истекло, но разговор уже не интересовал Шаплена. Он задумал выйти за этой женщиной на улицу и расспросить ее *об их общем прошлом*.

— В наши дни, — заключила она, — быть не замужем — это болезнь.

— Так было всегда, разве нет?

— В любом случае, здесь от этого не излечишься.

— Спасибо за поддержку.

— Кончай придуриваться... — Она тут же пожалела, что обратилась к нему на «ты». — Вы так не думаете. Никто так не думает.

— Можем перейти на «ты», если хотите.

Она все еще крутила бокал в руках, не сводя с него глаз, словно оракул.

— Пожалуй, не стоит... Какой же отстой, что здесь не курят...

— Вы много курите?

— А тебе-то что?

Эти слова прозвучали как пощечина. Она открыла рот. Созрела, чтобы все выложить. И тут зазвонил колокол. Задвигались стулья, слышался смех, шелест ткани. Сорвалось. Узкое лицо тут же стало невозмутимым, как лик Мадонны.

Шаплен бросил взгляд налево.

Какой-то мужчина уже ждал своей очереди.

* * *

Лулу-78 поднялась по улице Сен-Поль.

В воздухе витала неосязаемая снежная пыль. Заиндевелившие тротуары по углам отливали синевой. Каждый шаг отдавался ударом оркестрового бича. Шаплен шел за ней на расстоянии ста метров. Она могла его увидеть, только обернувшись и взглядевшись в темноту улицы. Ему нравилась эта слежка. Абсолютная четкость каждой детали. При свете дуговых ламп все сверкало, будто отлакированное холодом. Он словно оказался в негативном отпечатке своего сна: белая стена, на ней его черная тень. Сейчас он шел вдоль черных стен, и тень его была белой: его окружал пар от дыхания, пронизанный белесым светом уличных фонарей.

Она свернула налево, на улицу Сент-Антуан. Шаплен ускорил шаг. Когда он достиг магистрали, она уже перешла на другую сторону и сворачивала направо, на улицу Севинье. Шаплен пересек дорогу следом за ней. Он вышел из бара, ни у кого не взяв номер телефона. Его интересовала только Лулу-78.

— Черт, — выругался он негромко.

Она исчезла. Прямая улица, вдоль которой стояли особняки XVII века, была пуста. Он перешел на бег. Либо она живет в одном из этих домов, либо села в свою машину.

— Чего тебе надо?

Шаплен подскочил: она укрылась под козырьком подъезда. Он

различал только ее силуэт в шапочке в тон шарфа цвета опавших листьев. Точь-в-точь заблудившаяся школьница.

— Не бойтесь, — сказал он, подняв ладони.

— Я не боюсь.

В ее правой руке он увидел оружие самозащиты. Одно из устройств, способных ударить током. Подтверждая угрозу, блеснула электрическая вспышка. Пока всего лишь предупреждение.

— Чего тебе надо?

Он выдавил из себя смешок:

— Это же нелепо. Свидание у нас сегодня не задалось, но...

— Мне нечего тебе сказать.

— А я вот думаю, что мы могли бы продолжить все с того места, где...

— Придурок. Как-то мы уже попробовали. А сегодня ты сел за столик и даже меня не узнал.

Значит, ему не померещилось.

— Ради бога, не могли бы вы опустить эту штуку?

Забившись под козырек подъезда, она не пошевелилась. Обледеневший свод окружал ее твердым синим ореолом. Облачко пара образовывало нимб вокруг ее лица.

— Послушайте, — продолжал он примирительно, — я попал в аварию... Частично потерял память.

Он физически ощущал ее настороженность. Ее испуг и недоверие.

— Клянусь вам, это правда. Вот почему я много месяцев не приходил на встречи у Саша.

Никакой реакции. Лулу-78 словно застыла с шокером в руке. Ее поведение выдавало не только оскорбленное самолюбие. Тут было что-то другое. Нечто более глубокое. Страх, зародившийся задолго до этой минуты.

Шаплен переждал несколько секунд в надежде, что она снова заговорит.

Он уже отчаялся, когда она прошептала:

— Тогда ты был другим.

— Сам знаю! — признал он. — Эта авария меня сильно изменила.

— Ноно-весельчак. Ноно-обольститель. Ноно-сердцеед...

Она выплюнула эти слова с горечью. Обида сочилась из ее замерзших губ.

— Ты просто пускал нам пыль в глаза.

— Пыль в глаза?

— Я говорила с другими.

— С другими?

— С другими бабами. К Саша приходят, чтобы подцепить мужика. А уходят с подругами.

Шаплен сунул руки в карманы:

— Ну и при чем тут пыль в глаза?

— За красивой вывеской ничего не было. Ты к нам даже не притронулся.

— Не понимаю.

— Мы тоже. Ты только задавал вопросы. Одни вопросы.

— Вопросы о чем? — попытался он уточнить.

— Как будто кого-то искал. Не знаю.

— Женщину?

Лулу не ответила. Шаплен приблизился. Она забилась в угол и направила на него свой шокер. Из рта у нее, словно призрак ее страха, по-прежнему вырывалось облачко пара.

— Но ведь это еще не значит, что я чудовище.

— Поползли слухи, — произнесла она глухо.

— Слухи о чем?

— В клубе стали исчезать женщины.

Шаплен вздрогнул. К такому повороту он не был готов. Он уже начинал коченеть от холода.

— Что за женщины?

— Не знаю. Вообще-то никаких доказательств нет.

— А что тебе точно известно?

Он перешел на «ты» в знак того, что отныне инициатива в его руках. Соотношение сил вдруг изменилось. Лулу пожала плечами. Она словно сама осознавала всю нелепость своих обвинений.

— Когда мы возвращаемся от Саша ни с чем, то заходим куда-нибудь выпить. Я уже не помню, кто первым заговорил об этой истории, но потом она обросла сплетнями.

— Ты спрашивала у Саша?

— А то. Она сказала, что я брежу.

— Думаешь, она что-то скрывает?

— Неизвестно. Впрочем, как знать, может, она и обратилась в полицию. Вообще-то выяснить, не исчез ли кто из нас, невозможно. Я хочу сказать, что женщина может просто перестать приходить в клуб. Это еще не значит, что она стала жертвой серийного убийцы.

— Ты-то, во всяком случае, все еще бываешь в клубе...

Впервые она рассмеялась, но этот смех прозвучал зловеще:

- Надежда умирает последней.
- Ну а я-то тут при чем?
- В тебе всегда было что-то странное, — смутилась она.
- Потому что я ни одной из вас не касался?
- Мы сами себя накрутили. Даже поговорили с Саша...

Теперь Шаплен понимал, почему метиска так холодно держалась с ним. Пусть она и не поверила наговорам, возвращение Ноно было плохой рекламой для ее клуба.

— Не представляю, как тебя убедить. По-моему, все это полная чушь...

— Мне тоже так кажется.

Словно в подтверждение своих слов, она убрала оружие в сумку.

— Ты все еще боишься?

— Сказано тебе, я не боюсь.

— Тогда что не так?

Она выступила из тени. Вся в слезах:

— Мне нужен мужик, понятно? Не серийный убийца, не страдающий амнезией, не любое другое дерьмо! Обычный мужик, усек?

Последние слова она словно выплюнула вместе с облачком пара. Это был уже не призрак, не хрустальное видение, а выброшенная из воды, задыхающаяся рыба.

Он смотрел, как она быстро удаляется по сверкающему инеем асфальту. Хотелось бы ему ее удержать, но что он мог предложить ей, кроме собственной пустоты?

* * *

Она объявила голодовку, и ее пристегнули к смотровому столу, в рот вставили стальной расширитель, чтобы она не могла стиснуть зубы. В горло вводили трубку для принудительного питания. Опуская глаза, она видела, что это не трубка, а блестящая чешуйчатая змея. Ей хотелось закричать, но пресмыкающееся уже душило ее, давя ей на язык.

Она очнулась в тревожном поту. Горловые мышцы были так напряжены, что она едва отдышалась. В шоке она осторожно помассировала себе шею. Сколько раз за ночь повторялся этот кошмар? Анаис спала урывками. Стоило ей забыться сном, как кошмар сжимал ее мозг, словно когти хищной птицы.

Иногда сон менялся. Она была не в тюрьме, а в психиатрической

больнице. Врачи в масках проводили опыт над ее слюной — вкручивали ей в щеку винт. Вся в поту, она дрожала от холода. Цепляясь за свою двухъярусную кровать, тряслась под одеялом в ужасе от одной мысли, что заснет снова.

Хотя возможностей не спать было сколько угодно. Теперь она находилась под усиленным надзором. Глазок в ее камере то и дело щелкал. В два часа ночи врывались надзирательницы, включали свет, обыскивали камеру и, не говоря ни слова, уходили. Анаис провожала их благодарным взглядом. Сами того не зная, они давали ей передышку перед новой встречей со змеей.

Сейчас она, сжавшись в комок, вглядывалась в свою камеру. Она не столько видела ее, сколько ощущала. Стены и потолок подступали слишком близко. Воняло потом, мочой, моющим средством. Умывальник был вделан в стену. Он здесь, притаился в темноте? El Cojo... El Serpiente...^[46]

Она отвернувшись к стене и в тысячный раз за ночь прочитала нацарапанные на цементе слова. «Claudia y Sandra para siempre.^[47] Сильвия, я выкрашу стены твоей кровью. Я считаю дни, но дни не берут меня в расчет...» Она провела по надписям пальцами. Поскребла облупившуюся краску. Стены, прослужившие слишком долго.

Солина ей так и не перезвонил. Наверняка попал на новый след. Или арестовал Януша. Это бы объяснило его молчание. Зачем связываться со страдающей неврозом зечкой, когда у тебя в руках главный подозреваемый в громком преступлении?

Подобные мысли она прокручивала часами, мечась между сном и явью, жаром и ознобом. Иногда ей мерещилось, что все кончено. Януш за решеткой. Януш признается в своих преступлениях... Потом, понемногу, вера брала верх. Януш на свободе. Януш доказывает свою невиновность... И тогда надежда словно скреблась у нее внутри. Она боялась пошевелиться, чтобы ее не спугнуть.

В темноте снова щелкнул глазок. Анаис ничего не слышала: она снова уснула.

Змея приближалась к ее губам.

— Te gusta? — спрашивал ее отец.

* * *

Шаплен вернулся назад и пересек бульвар Бомарше. Дошел до улицы

Шмен-Вер, бульвара Вольтера, площади Леона Блюма. Мороз всех разогнал по домам. Остались лишь асфальт, уличные фонари да горящие кое-где окна, такие уютные и теплые, что у него защемило сердце.

Он перебирал в уме свои недавние открытия. Исчезнувшие женщины, посещавшие вечеринки у Саша. Ноно как возможный подозреваемый. Ноно, задававший вопросы и пытавшийся что-то вызнать у посетительниц клуба. Он на все лады прокручивал в мозгу новые гипотезы. Если бродяг убивал не он, может, он убивал одиноких женщин? Или все эти преступления совершал он один? И каждый раз он яростно мотал головой, отметая эти подозрения. Он заранее решил быть совершенно беспристрастным и не отказывать самому себе в том, в чем не отказывают ни одному преступнику: в презумпции невиновности.

Улица Рокетт. Квартал лофтов спал. Ощутив под ногами бульжную мостовую, он успокоился. Эта студия уже стала для него домом. Он просунул руку сквозь бамбук, потом в разбитое стекло — ключей в тайнике он не нашел. Изнутри отпер замок и открыл дверь. Он нащупывал выключатель, когда получил мощный удар по голове. Рухнув на крашеный бетон, в вихре боли и искр Шаплен мгновенно осознал: он все еще в сознании. Оглушить его не удалось.

Воспользовавшись этим незначительным преимуществом, он вскочил и бросился к лестнице. Но тут ноги у него подкосились. В глазах помутилось. Казалось, в его черепе взбалтывают кровь. Лежа ничком, он обернулся и сквозь кровавую пелену увидел своего врага. Тот вцепился ему в ноги, как игрок в регби. Высвободив ногу, Шаплен пнул его каблуком в лицо. Удар подействовал на противника как электрический разряд. Одним рывком он вскочил и накинудся на Шаплена. Стекланную крышу пронзила холодная вспышка. Сверкнул нож в руках у нападавшего. Арно метнулся на лестницу, оступился и, приподнявшись, стал взбираться наверх на четвереньках.

Мужчина навалился на него сзади. Шаплен выбросил назад локоть и отшвырнул противника на стальные тросы перил. Арно ни на что особенно не рассчитывал, но леера загудели, словно струны арфы. Этот звук подсказал ему одну идею. Он развернулся и схватил ошеломленного подонка за воротник. Просунул его голову между тросами и сдавил глотку, как кетчисты, которых он видел по телевизору, пережимают канатами ограждения горло противника. Тот страшно захрипел. Но Шаплен не разжал хватку. В висках у него билась одна мысль: убить или быть убитым.

Он стиснул шею врага еще сильнее — и тут же выпустил.

Противник ударил его коленом в нижнюю часть живота. Это даже

нельзя было назвать болью. Не просто болью. В самых глубинах его существа разверзлась черная дыра. Дыхание перехватило. Сердце больше не билось. Он ничего не видел. Сжав гениталии руками, словно пытаясь вырвать из них боль, Шаплен навзничь повалился на лестницу.

Он обо что-то ударился головой. Покатился по полу. На затылок посыпались тюбики и кисти. Стойка. Схватившись за нее рукой, он сумел подняться, при этом едва не сбросив все, что на ней стояло. Он обернулся. Противник уже замахивался. Шаплен получил удар в правый бок, но удержался на ногах. Их обоих швырнуло на кирпичный блок. Баллоны, флаконы, бутылки опрокинулись, разбились, другие в темноте раскатились по полу.

Шаплему удалось оттолкнуть нападавшего. При этом он поскользнулся в лужице и узнал запах. Олифа. Откуда-то из подсознания вынырнула мысль. Олифа полимеризуется при соприкосновении с воздухом. Сидя на полу, он схватил открывшуюся бутылку. Нащупал тряпку, пропитал ее олифой и с энергией отчаяния принялся тереть концы один о другой.

Тень вновь надвигалась на него.

Шаплен тер не переставая, ощущая возрастающий жар между ладонями.

В тот самый миг, когда мужчина набросился на него, ткань вспыхнула, осветив ярким белым светом окружающее пространство. Ослепленный Шаплен наугад ткнул тряпкой в лицо или горло нападавшего. На том тут же загорелась куртка. Он отступил, упал в лужу олифы, куда мгновенно перекинулось пламя. Громила отчаянно забил конечностями, словно охваченный огнем паук.

Шаплен поднялся и схватил длинную кисть, чтобы проткнуть противнику глаза или виски. Он уже ринулся на него, когда чья-то рука вцепилась ему в волосы.

И почувствовал ледяное прикосновение дула к своему затылку.

Ощущение прохлады было даже приятным.

— Будет валять дурака, Ноно.

Электрический свет залил разгромленную студию. Это были не просто следы драки: здесь с остервенением что-то искали. Каждый закоулок в лофте вывернули наизнанку. Шаплен замер и увидел первого нападавшего, распростертого на полу. Он уже не пылал, но над ним поднимался черный дым, достигавший металлических конструкций на потолке. В лофте нечем было дышать.

Его схватили за воротник и подтолкнули к барному табурету — одному из немногих, устоявших после разгрома. Шаплен наконец повернул

голову и увидел противника номер два. Еще молодой, тощий как жердь, он буквально тонул в своем коричневом кожаном бомбере. В правой руке он держал полуавтоматический пистолет.

Лицо под сальной прядью волос было тонким, правильным, едва ли не ангельским, но кожа изрыта шрамами от угрей. Из-за странно приподнятых уголков губ казалось, что с его лица не сходит улыбка. Глубоко посаженные глаза мигали с невероятной скоростью, словно у змеи или ящерицы.

— Рад тебя видеть.

Он говорил со славянским акцентом. Шаплен понял, что эти ребята были из тех клиентов, которым он звонил днем. Ответить он не мог. Ему едва удавалось дышать, так его трясло.

Человек со змеиными глазами что-то приказал второму, все еще не уgomонившемуся. Похоже, велел ему прекратить дымиться и гореть. Тот сбросил куртку, бешено затоптал ее ногами и направился к кухонным раковинам. Сунул голову под кран с холодной водой, затем открыл застекленную дверь студии.

Сомневаться в том, кто такой его шеф, не приходилось.

— Правда рад тебя видеть.

Его слова сочились иронией. Шаплен подумал, а не собирается ли он пристрелить его прямо здесь, сию секунду. Просто смеха ради. Оружие, которое тот держал в руке, напомнило ему его собственный «глок». Такой же короткий ствол, квадратная спусковая скоба, и тоже не из металла, а из какого-то специального материала. Под стволом он заметил кронштейн, чтобы закреплять фонарик или лазерный прицел. С кем же он связался?

Пытаясь выиграть время, Шаплен спросил наудачу:

— Как вы меня нашли?

— Ты сам ошибаться. Звонил Амар с городского. Защищенный, но нам легко узнавать твой адрес.

Говорил он на ломаном французском слабым, тонким голосом. Произносил слоги, как плохо смазанный механизм. Арно звонил с городского всего один раз. Каким-то славянам, и речь шла о некоем Юсефе. Сомневаться нечего, это он и есть. Второй, тот, что на него напал, — Амар, с которым он говорил по телефону.

Имена мусульманские.

Вероятно, босняки...

Он вновь попытался протянуть время:

— Вы не знали, где я живу?

— Ноно очень осторожный. Видно, ты измениться. — Его мягкий голос внезапно стал угрожающим. — Где был, гаденьш?

Ну все, приехали. Теперь сойдет и провокация.

— Путешествовал.

Ни малейшей реакции. Лицо Юсефа казалось вырезанным из камня. Рытвины от угрей будто выжжены кислотным дождем.

— Где?

— Не знаю. Я потерял память.

Юсеф издал смешок, походивший на воркование. Глаза моргали все с той же бешеной скоростью. Щелк-щелк-щелк... Словно секундная стрелка, бегущая в обратную сторону. Шаплен продолжил свою игру. Своими рассказами он рассчитывал удержать Юсефа от насилия.

— Клянусь, я попал в аварию.

— К легавым?

— Будь так, я бы сейчас с тобой не разговаривал.

— Если только ты нас не сдал.

— Ну а тогда ты бы сейчас меня не слушал.

Юсеф снова рассмеялся. Под завесой своей сальной пряди держался он как-то странно. Слишком прямо. Слишком напряженно. Словно вместо сухожилий и позвонков у него были металлические штыри. Вернулся его напарник. Лицо все в пузырях от ожогов. Половина черных волос обгорела. Но не похоже, чтобы он что-то чувствовал. Амбал ростом больше метра восьмидесяти. Шаплени даже не верилось, что он так долго ему противостоял. Казалось, тот ждет одного — завершить то, что начал на лестнице.

— Ноно, говоришь складно. Но теперь нам вернуть то, что должен.

Сомнений не оставалось. Ноно наверняка зажал наркотики, или деньги за эти наркотики, или то и другое. Возможно, все это спрятано в лофте. А может, приступ случился с ним как раз тогда, когда он должен был их поставить. Чудо, что он все еще жив.

Шаплен из последних сил сохранял хладнокровие. Вытянуть как можно больше сведений о себе самом, прежде чем это встреча обернется сеансом пыток.

— Я не гоню, Юсеф.

— Тем лучше. *Volje ikad nego nikad.* ^[48] Товар где? О штрафных думать потом.

Он рискнул назвать его по имени: человек-щелчок — в самом деле Юсеф. Он узнал еще кое-что. *Товар*. Наркота. Шаплен отбросил предосторожности.

— Как мы познакомились?

Он взглянул на Юсефа, тот усмехнулся в ответ:

— Ты стать совсем glur, ^[49] Ноно. Я тебя тащить из канава, парень.

— Ты это о чем?

— Когда я тебя нашел, ты быть паршивый пес. — Он сплюнул на землю. — Кусок дерьма. Нет документы, не знать откуда, никакого дела. Я тебе всему учить.

— Чему?

Юсеф приблизился. Лицо у него застыло. Шутки кончились. Щеки казались впалыми под высокими скулами, затенявшими приподнятые уголки губ. Эта вечная улыбка делала его похожим на японскую маску.

— Уже не смешно, Ноно. Отдай то, что должен, и мы валить отсюда.

— А что я вам должен? — завопил он.

Бычара бросился на него, но Юсеф остановил его жестом. Он решил действовать сам. Схватил Шаплена за руку, держа дуло полуавтоматического пистолета в нескольких миллиметрах от его разбитого носа.

— Кончай дурить. Ты играть с огнем, браток.

Теперь глаза босняка были совсем близко. В кратких промежутках между морганиями Шаплен разглядел суженные зрачки. Они посверкивали холодным зеленоватым светом. Юсеф был еще молод, но что-то грызло его изнутри. Болезнь. Холод. Проклятие.

— Я не смогу вернуть тебе все сразу, — попытался выкрутиться он.

Юсеф поднял голову, словно отбрасывая назад свою прядь.

— Начни с паспортов. Там смотреть.

Тут его осенило. *Подделыватель*. Он был подделывателем. Тут же обрели смысл его противоречивые впечатления от этой студии. То, что кульман и рекламные эскизы выглядели как декорации. То, что краски, чистые полотна и химикаты казались фальшивыми. Он не рекламщик и не художник. У него вообще нет легального статуса: он мастер по фальшивкам.

Вот почему за ним гоняются все приезжие Парижа. Клань, группы, сети, заплатившие ему за паспорта, удостоверения личности, разрешения на проживание, кредитки, но так ничего и не получившие.

— Завтра будут, — пообещал он, не задумываясь о последствиях.

Юсеф отпустил его и дружески похлопал по плечу. Лицо его слегка оттаяло. Камень превращался в смолу.

— Круто. Но без глупостей. Амар следить. — Он подмигнул ему. — Смотри не дразнить его, а не то поплатиться за свои проделки.

Он развернулся. Шаплен схватил его за руку:

— Как с тобой связаться?

- Обычно. Мобильный.
- У меня нет номера.
- Все похерил?
- Говорю тебе: у меня плохо с памятью.

Секунду Юсеф смотрел на него. Недоверие разливалось в воздухе, как опасный токсин. Время от времени босняк слегка кивал головой. Наконец он продиктовал цифры по-французски и добавил таинственное «glup». Шаплен догадался, что это ругательство, но прозвучало оно ласково.

Гости исчезли, оставив его одного в разгромленной студии. Он даже не услышал, как хлопнула дверь. Глядя прямо перед собой, он пытался освоиться со своим ближайшим будущим, словно оглушал себя дозой спиртного.

Впереди у него ночь, чтобы отыскать свою мастерскую.
И свое мастерство.

* * *

Он начал с простейшей гипотезы.

Мастерская в подвале.

Приподнял ковры в поисках люка. Но так ничего и не нашел. Нигде ни ручки, ни щели, за которыми мог бы скрываться проход. Он схватил метлу, валявшуюся среди разбросанной по полу кухонной утвари. Постучал по полу, прислушиваясь, не послышится ли где глухой звук. Но до него доносился лишь низкий и плотный отзвук плитки.

Он зашвырнул метлу в дальний угол. Лихорадочными волнами на него накатывал страх. Едва схлынуло облегчение, которое он испытал после ухода громил, как перед ним ясно обозначилась задача ближайших часов. Впереди всего одна ночь, чтобы отыскать мастерскую. Вновь обрести навыки, изготовить фальшивые паспорта... Сама эта мысль казалась нелепой.

Снова бежать?

Амар наверняка неподалеку.

Пока он рылся в ящиках в поисках ключей, адреса, хоть какой-то подсказки, часть его мозга осмысливала его новое положение. Поддельватель. Где он выучился этому ремеслу? Где нашел деньги, чтобы начать свое дело? Юсеф сказал, что вытащил его из канавы. Выходит, он выбрался из какого-то переплета. Без имени, без прошлого, без будущего. Славянин помог ему встать на ноги, но кто его выучил?

Подделыватель. Он твердил это слово себе под нос, продолжая поиски. Лишь чудом босняки не нашли его денежки в корпусе «Пен Дюка». Им помешал его приход. Обыск галереи они так и не закончили.

Подделыватель. Лучшего ремесла для хронического самозванца и не найти. Разве он не подделывает собственную жизнь? Он остановился, осознав тщетность своих усилий. Ничего для него здесь нет. Измученный, он присел и почувствовал, как пробуждается боль от ударов. Лицо. Живот. Промежность. Он ощупал ребра, моля бога, чтобы они не были сломаны. Зашел в ванную, смочил махровое полотенце, как накануне, и приложил компресс к лицу. Чуть-чуть полегчало.

Отбросив мысль о подвале, он прикинул, нет ли здесь потайной комнаты. Тоже полный бред. Несущие стены в этом лофте — в несколько метров толщиной. Нигде ни единого закоулка, чтобы устроить тайник. И все-таки он снова спустился на первый этаж. Передвинул холодильник. Обследовал чуланы. Обшарил стенные шкафы. Приподнял вентиляционные решетки...

Внезапно ему захотелось рухнуть на кровать, забыться сном и никогда не просыпаться. Но нужно держаться. Переступая через обломки, он направился на кухню и сделал себе кофе. Тут ему пришло в голову: а нет ли у него где-то в поселке лофтов подсобного помещения? Нет. Нашлись бы счета, квитанции об аренде.

Тем не менее он с чашкой в руке подошел к двери и оглядел мощеную улочку. Все тихо. Здешние обитатели и представить не могли, что творится у них под боком. Взгляд зацепился за металлическую плиту с двойными створками, врытую в землю в пяти метрах от его порога. Он обернулся к стойке Ноно-художника, порылся, нашел молоток и отвертку: с их помощью он, вероятно, закреплял полотна в подрамнике — или, по крайней мере, создавал видимость работы.

Он пошел к люку, воткнул отвертку между створками. Хватило удара молотком, чтобы она сработала как рычаг. Створка поддалась. Шаплен обнаружил бетонную лестницу. Он шагнул вниз, закрыл люк над головой, нащупал выключатель. Вспыхнул свет. От лестницы тянулся коридор с целым рядом деревянных дверей. Пахло затхлостью и пылью. Подвалы лофтов. Он двинулся вперед, гадая, какой из них принадлежит ему.

Через пару шагов сомнений не осталось: лишь одна дверь была металлической. Висячего замка не видно, только замочная скважина. За этой дверью то, что он ищет. В руках он по-прежнему сжимал молоток и отвертку. Отбросив все предосторожности, он просунул ее между стеной и дверным косяком и изо всех сил ударил молотком. Металл прогнулся,

образовав щель. Он вогнал отвертку поглубже и вновь воспользовался ею как рычагом.

Замок поддался. У Шаплена вырвался ликующий крик. Он увидел несколько принтеров. На рабочей поверхности — микроскоп, грифели, кисти, резцы. На полках — химикаты, тушь, штампы. Под чехлами — несколько сканеров, прибор для ламинирования, аппарат для биометрии...

Он зажег лампы дневного света и выключил свет в коридоре. Закрыл дверь. Настоящий печатный цех. Вдоль стен — стопы бумаги. Листы пластика. Тонеры. Штемпельные краски. Ультрафиолетовая лампа...

И еще одно чудо: теперь он вспоминал все. Навыки возвращались к нему так же легко, как к пловцу, погрузившемуся в воду после тридцатилетнего перерыва. В чем тут дело? Следует ли отнести это мастерство ремесленника на счет его культурной памяти? Другое объяснение: он избавился от таинственного имплантата. И это высвободило его настоящую память...

Сейчас не время об этом думать. Он запустил принтеры, включил другие машины. Один за другим он обретал все свои навыки. Как отсканировать паспорт или любое другое удостоверение. Как вытравить водяные знаки или флуоресцентные полосы, позволяющие установить подлинность документа, чтобы затем создать новые, без всяких опознавательных знаков. Он вспоминал, как сам переделывал свои приборы, чтобы копировать микроскопические знаки, исключающие саму возможность подделки. Как уничтожал встроенные системы, придуманные производителями сканеров и принтеров, чтобы избежать изготовления фальшивок. Как скрывал не различимые невооруженным глазом серийные номера, которые наносит каждый копир, чтобы можно было отследить происхождение любого документа.

Теперь он понимал, почему Юсеф не стал его убивать. Он был гением фальшивок. Асом в подделке документов. Его руки дороже золота. Он наткнулся на новое сокровище. Это был деревянный ящик с отделениями, размером метр на метр, похожий на старый каталожный ящик из библиотеки. Внутри хранились тщательно рассортированные незаполненные удостоверения. Среди них были и обещанные Юсефу французские паспорта. В каждом — сложенный вчетверо листок, на котором указаны имя, фамилия и координаты будущего французского гражданина, дополненные фотографией. Все фамилии похожи на славянские. А уж морды — настоящая галерея йети.

Он скинул пиджак, включил вентиляцию, сел за рабочий стол. За ночь ему предстоит изготовить тридцать документов. Оставалось надеяться, что

вместе со знаниями к нему вернулись отработанные жесты, ловкость и уверенность.

Вспоминания уже обретали четкие очертания. Его кредо поддельвателя. Правила, которым он неизменно следовал. Никогда не использовать данные реально существующих людей. Никогда не мошенничать. Не покушаться на кредиты и банки.

У Ноно был другой крестовый поход.

Он создавал новых французских граждан.

Надев латексные перчатки, он взялся за незаполненные документы — электронные паспорта со значком, указывающим на наличие чипа. Все по последнему слову техники.

Он собирался приняться за дело, когда у него возникла новая идея. Наверняка неудачная, но уже поздно от нее отказываться. Обеими руками он откинул волосы: там видно будет.

А пока за работу.

Надо спасти шкуру Ноно.

* * *

Флери-Мерожис, бабский изолятор.

Ее беспокойный сон прервал гул голосов.

В коридоре шумели, говорили, топали. Она бросила взгляд на часы: десять утра. Она встала и прижалась ухом к двери. Гомон нарастал. Заключение казались взбудораженными. Похоже, пятница здесь — день свиданий с родными.

Она было вернулась в постель и вздрогнула, услышав, как щелкнул замок. На пороге стояла надзирательница. Ее переводят в другую камеру. Хотят засадить в карцер. Срочно везут к судебному следователю. За несколько секунд она перебрала все варианты.

— Шатле. В комнату свиданий.

— Ко мне пришли?

— Ага, кто-то из родни.

Внутри что-то оборвалось. У нее всего один родственник.

— Так ты идешь?

Анаис натянула куртку с капюшоном и пошла за надзирательницей. В коридоре она попыталась приноровиться к шагу других женщин. Тени в тренировочных костюмах, черных чадрах и длинных широких бубу. Взрывы смеха, шарканье кроссовок. Дорога в комнату свиданий показалась

Анаис бесконечной. Лишь удары собственного сердца толкали ее вперед. Тошнота подкатывала к горлу.

Она и не заметила, как оказалась во вчерашнем коридоре. Застекленные отсеки. Решетки на окнах. Двери из многослойного стекла. Но сегодня атмосфера здесь совсем другая. В кабинках смеялись дети. В стену ударялся мяч. Плакал младенец. Больше похоже на ясли, чем на тюрьму.

Надзирательница остановилась и открыла дверь. Мужчина, ждавший Анаис за столом, обернулся.

Это не был ее отец.

Это был Матиас Фрер.

Каким-то чудом ему удалось пробраться сюда, миновав все проверки, контрольные пункты, досмотры...

— Вам отсюда не выйти, — сказала она, садясь напротив.

— За меня не волнуйтесь, — ответил он спокойно.

Она втянула голову в плечи, зажала руки между колен, глубоко вздохнула. Это был ее способ найти в себе силы, чтобы справиться с неожиданностью. Она представила, как выглядит со стороны. С осунувшимся лицом, растрепанная, грязная. Одета чуть ли не в больничную робу.

Она подняла глаза и решила, что это не имеет значения. Вот он здесь, перед ней. Похудевший. Израненный. Нервный. В дорогой одежде, но с разбитой физиономией. Анаис так долго ждала этой минуты... Хотя и не верила, что она наступит.

— Нам многое надо обсудить, — произнес он все так же спокойно.

Яркими вспышками замелькали воспоминания: вот он бежит прочь по холлу марсельского суда, пробирается между трамваями в Ницце, наводит оружие на убийц на улице Монталамбер.

— Вот только времени у нас всего полчаса, — продолжал он, указывая на настенные часы позади себя.

— Кто вы сегодня?

— Ваш брат.

Это ее рассмешило. Все так же втягивая голову в плечи, она потеряла ладони одну о другую, словно мерзла или страдала от ломки.

— А как же документы?

— Это долгая история.

— Я тебя слушаю, — сказала Анаис, переходя на «ты».

Матиас Фрер — тот, кого она называла этим именем, — перечислил все три убийства. Минотавра. Икара. Урана. Объяснил, что страдает

синдромом «пассажира без багажа». Назвал три личности, которыми ему довелось побывать. Психиатр Фрер — с января 2010 года. Бродяга Януш — с ноября по декабрь 2009-го. Безумный художник Нарцисс — с сентября по октябрь...

В целом ничего неожиданного. Она уже догадалась обо всем — или почти обо всем. Но кое-что узнала только сейчас. Фрер первый оказался рядом с трупом Икара — Жестянка видел его на берегу. Кроме того, русское слово «матрешка» играло в этом деле очень важную роль, но какую, он не знал.

— Ну а кто ты теперь? — спросила она.

— Тот, кто был до Нарцисса. Некто по имени Ноно.

Она нервно расхохоталась. Он улыбнулся в ответ.

— Арно Шаплен. Я был им не меньше пяти месяцев.

— И чем же ты занимался?

— Не стоит об этом.

Он перечислил все покушения, которые пережил с тех пор, как сбежал из Бордо. Всего пять. Как будто он был неуязвим, или ему невероятно везло. Повсюду, под любым именем, его настигали люди в черном. Эти типы посильнее полицейских. Во всяком случае, попроторнее.

Наконец Фрер сообщил кое-что действительно важное. Когда в Отель-Дё после его задержания ему сделали рентген, оказалось, что под носовой перегородкой у него имплантат. Разбив себе нос, он сумел его извлечь.

Тут он разжал кулак. На ладони блестела крошечная хромированная капсула.

— Что это?

— Доктор в Отель-Дё предположил, что это прибор для введения лекарств или микронасос из тех, что используют эпилептики или диабетики. Устройство, которое вживляют в тело, чтобы измерять физиологические показатели в режиме реального времени и при необходимости вводить препарат. Хорошо бы только узнать, какой именно препарат и как он на меня действует.

Выглядело это полным бредом, но Анаис кое-что припомнила: убийцы Патрика Бонфиса проследили за его трупом до самого морга при Институте судебной медицины в Рангее — только затем, чтобы вскрыть его нос. Вывод напрашивается сам собой. Им нужен был имплантат, скрытый под носовой перегородкой рыбака. Фрер и Бонфис подвергались одному и тому же воздействию.

Фрер/Януш говорил все быстрее. В этом потоке слов ясно звучала одна навязчивая идея: он хотел убедить ее в своей невиновности. Вопреки

очевидным фактам доказать, что он не убийца с Олимпа.

— Мне кажется, я сам отслеживаю преступника. Я — не убийца. Я ищ^у убийцу.

— И ты его нашел?

— Даже не знаю. Похоже, каждый раз, когда я подбираюсь к нему слишком близко, я теряю память. Как будто... то, что я узнаю, закорачивает мой мозг. Так что я обречен начинать расследование снова и снова. С нуля.

Анаис вообразила, как он выкладывает свои доводы судье. Тюрьма или психушка ему гарантированы. Она смотрела на него и все не могла поверить, что видит его наяву и это не плод ее воображения. Она столько грезила о нем, что он стал ее наваждением...

За две недели он постарел на несколько лет. Глубоко запавшие глаза лихорадочно горели. На расквашенном, израненном носу — несколько пластырей. Ей пришло в голову, что каждая из его личностей чем-то его отметила. Он все еще походил на психиатра, с которым она была знакома, но в нем сохранилось что-то и от бродяги. В зрачках трепетала искра безумия. Скорее Винсент Ван Гог, чем Зигмунд Фрейд.

Пока еще рано судить, что оставит ему в наследство Арно Шаплен. Наверное, элегантность: нынешний тщательно продуманный костюм ничем не напоминал его облик в трех прежних ипостасях.

Она порывисто взяла его за руку.

Прикосновение оказалось таким приятным, что она тут же отдернула ладонь.

Удивленный Фрер умолк. Анаис взглянула на часы. Времени в обрез. Она торопливо заговорила. Рассказала о «Метисе», о его военном прошлом, о том, как из химического предприятия он превратился в фармацевтическое. Холдинг стал одним из крупнейших производителей психотропных средств в Европе.

Затем она упомянула о секретных связях между этой группой и силами национальной обороны. И наконец, высказала убеждение, именно сейчас окончательно созревшее: одна из лабораторий группы «Метис» испытывала на нем и на Патрике Бонфисе, равно как и на других подопытных кроликах, какое-то микроскопическое устройство. Содержащее препарат, который дробил их личность, вызывая что-то вроде цепной реакции. Серийное диссоциативное бегство от реальности.

Фрер принимал каждый факт как удар кулаком в лицо. Чтобы добить его, она описала могущество «Метиса», не боявшегося ни закона, ни государственной власти, поскольку истоки его силы крылись в самих этих структурах.

Она подвела итоги. По неизвестной ей причине холдинг решил провести чистку, уничтожив своих подопытных. «Метис» использовал профессионалов, чтобы устранить их всех. Его, Патрика Бонфиса и наверняка многих других. Их занесли в черный список.

Стиснув зубы, Фрер принимал удары. Анаис смолкла: она словно стреляла по машине скорой помощи. У них осталось всего две минуты. Она вдруг сообразила, что они забыли о предосторожностях. Не подумали о камерах наблюдения. О микрофонах, возможно записывавших их разговор. Об охранниках, способных опознать его или получить предупреждение извне.

— Мне очень жаль, — сказал он в заключение.

Анаис не поняла, что он имеет в виду, — ведь она только что зачитала ему смертный приговор. Не сразу она сообразила, что он говорит о следственном изоляторе, о том, как это дело отразится на ее карьере, о хаосе, в который она добровольно погрузилась.

— Это мой выбор, — прошептала она.

— Тогда докажи.

Фрер взял ее ладонь и сунул в нее сложенную бумажку.

— Что это?

— Время и дата звонка, полученного Шапленом на домашний телефон в конце августа. Крик о помощи. Я должен установить личность звонившей.

Анаис вздрогнула.

— Номер засекречен, — продолжал он. — Это последний звонок, полученный мною в роли Шаплена. На следующий день я сменил личность. Мне надо найти эту женщину!

Анаис взглянула на свой сжатый кулак. Сердце билось с перебоями. Ее душило разочарование.

— Я записал еще один номер, — продолжал он, понизив голос. — Мой новый мобильный. Могу я на тебя рассчитывать?

Она украдкой сунула записку в карман треников и уточнила:

— Шаплен тоже искал убийцу?

— Да, но по-другому. Он использовал сайты знакомств. В частности, один клуб датинга, Sasha.com. Не слышала о таком?

— Нет.

— Анаис, этот номер. Нужно найти звонившую. Я должен поговорить с этой женщиной, если еще не поздно.

Анаис уставилась в его покрасневшие глаза. На какой-то миг она возжелала смерти соперницы. Но тут же вырвала эту опухоль из своего

сердца.

С трудом выговорила:

— Ты ради этого пришел?

Прозвучал звонок. Конец свидания. С усталой улыбкой он поднялся. Несмотря на потерянные килограммы и прибавившиеся годы, лихорадочный взгляд и разбитый нос, он по-прежнему излучал неотразимое обаяние.

— Не говори чепухи.

* * *

Сразу после свидания Анаис попросила разрешения поговорить по телефону. На практике это означало, что им придется сделать крюк, заглянув в северное крыло изолятора, где к стене были прикручены телефонные аппараты. Надзирательница не возражала. Она еще не приноровилась к режиму усиленного надзора.

Был час прогулки, и у телефонов не оказалось ни одной зечки. Анаис по памяти набрала номер. Надо поторапливаться, пока она не впала в депрессию. Выплакаться она успеет у себя в камере. Ну, увиделась с Матiasом Фрером, а толку? Обычная полицейская рутина. Профессиональное сотрудничество. И точка.

— Алло?

— Ле-Коз, это Шатле.

— Анаис? Во что ты вляпалась?

Новости о перестрелке и о ее аресте достигли Юго-Запада.

— Долго рассказывать.

— Чем я могу помочь?

Она оглянулась на надзирательницу: та расхаживала взад-вперед спиной к ней, лицом к широкому, забранному решеткой окну.

— Я продиктую тебе время и дату звонка с засекреченного номера и номер телефона, на который звонили. Пробей имя и координаты звонившего. Немедленно.

— Ты не меняешься, — засмеялся он. — Давай выкладывай.

Она назвала номер телефона, день и час. Услышала, как он переключился на другую линию. Передал кому-то полученные сведения и вернулся к ней.

— Мне тут звонил Абдулатиф Димун.

Она не сразу сообразила, кто это. Координатор из криминалистической

службы в Тулузе. Воин пустыни.

— Что ему нужно?

— Ты вроде посылала ему кучку дерьма с марсельского пляжа.

Все это вылетело у нее из головы. Мусор, найденный возле тела Икара.

— Он его исследовал?

— Да. Просто мусор, принесенный прибоем. Но есть там кое-что любопытное. Осколок зеркала. Он считает, что это попало туда другим путем. Возможно, выпало из кармана убийцы.

— Почему?

— Потому что на осколке нет следов соли. Он не из моря.

Осколок зеркала. Настоящий прорыв, ничего не скажешь.

— Но это еще не все, — продолжал Ле-Коз. — Они обнаружили на нем следы йодистого серебра.

— И что это значит?

— Зеркало обрабатывали. Его специально погружали в йодистое серебро, чтобы сделать светочувствительным. Это старинная методика. Кажется, ей сто пятьдесят лет. Так изготавливали дагеротипы.

— Что-что?

— Предтеча фотографии. Я уточнял. Отполированное и покрытое серебром зеркало сохраняет отпечаток, отбрасываемый объективом. Затем его обрабатывают парами ртути и получают изображение. Когда появилась пленочная фотография, техника дагеротипа, не позволявшая воспроизводить снимок, вышла из употребления. Ведь она давала только позитивное изображение, без негатива.

— Димун думает, что это зеркало — носитель дагеротипа?

— Да. И это дает нам потрясающую зацепку. Не считая нескольких фанатиков, никто больше не пользуется этим методом.

— Ты уже что-то выяснил?

— Займусь этим немедленно.

— Отыщи мне организацию, в которой состоят эти типы. Список всех, кто еще применяет эту технику.

Продолжая говорить, она вдруг совершенно отчетливо представила себе, как поступает убийца. Он убивает. При этом он разыгрывает один из греческих мифов. Затем запечатлевает его, всего один раз и в единственном экземпляре, на покрытом серебром зеркале. Ее охватила дрожь. Где-то наверняка существует помещение, где хранятся эти ужасающие изображения. Они словно отпечатались в ее мозгу, посверкивая в полумраке. Зарезанный Минотавр. Обгоревший Икар. Оскопленный Уран.

Кто следующий?

— Я получил информацию по твоему номеру. Есть где записать?

— Ага. В голове.

Полицейский сообщил ей имя и координаты таинственной собеседницы Арно Шаплена. Они ей ни о чем не говорили, но ее словно током ударило. Она поблагодарила Ле-Коза, взволнованная этим источником тепла, от которого ее отделяло пятьсот километров.

— Как мне с тобой связаться?

— Никак. Я сама разгребу это дерьмо.

Повисло молчание. Ле-Коз не знал, что еще сказать. Анаис бросила трубку, чтобы не разрыдаться. Она вернулась к надзирательнице и попросила оказать ей еще одну любезность: позволить использовать оставшееся от прогулки время. Та вздохнула, смерила ее взглядом, потом, вероятно вспомнив, что Анаис сама служит в полиции, направилась во двор.

У Анаис внутри все пылало. Новая зацепка с дагеротипами придала ей сил. Ее бесило, что она сидит здесь взаперти, когда расследование вот-вот сдвинется с мертвой точки. Возможно, это ничего не даст. А может, дело и выгорит... В одном Шатле не сомневалась: этот след она прибережет для себя. Солина ни слова.

Доносившийся снаружи шум прервал ее размышления. Надзирательница только что открыла последнюю дверь. Женщины, о чем-то разговаривая, прогуливались по двору в окружении прямоугольников вскопанной земли, баскетбольных корзин и бетонного стола для пинг-понга. Но эти декорации никого не могли обмануть. Поле зрения ограничивали стены, колючая проволока, кабели. Заключение оставались заключенными. Оплывшие, дряблые фигуры. Потасканные лица, словно ручки ложек, истертых долгим употреблением, заострились до того, что стали смертоносными. Ледяной ветер, казалось, разносил отравленный воздух камер, запахи жратвы и немытого тела.

Она засунула руки в карманы и вновь вошла в шкуру офицера полиции. Следила за группами, парами, одиночками, выискивая подходящую цель. Заключение четко делились на две категории, принадлежность к одной из них читалась в их лицах, позах, походке. Хищницы и сломленные. Она направилась к четырем магрибианкам, ничуть не похожим на жертв судебной ошибки. Бой-бабы, из которых тюремная машина еще не высосала все соки. Хотя позади да и впереди у этих женщин не один год тюрьмы, их ярость ничем не погасить.

— Привет.

Ответом ей стало тяжелое молчание. Никто из них даже не шелохнулся. Только глаза сверкнули черным блеском, таким же жестким, как асфальт у них под ногами.

— Мне нужен мобильный.

Женщины переглянулись, затем расхохотались:

— Может, тебе еще и документы предъявить?

Новости здесь расходятся быстро. Все уже знали, что она легавая, ненавидели и сторонились ее.

— Мне надо послать эсэмэску. Я заплачу.

— Сколько, сучка?

Одна из них взяла переговоры на себя. Из-под расстегнутой куртки выглядывала простая майка, в вырезе которой виднелись разъяренные драконы на груди и маорийские татуировки на шее.

Она даже не попыталась сблефовать.

— Пока нисколько. Я на мели.

— Тогда отвали.

— На воле я вам пригожусь. Я здесь не застряну.

— Все так говорят.

— Да, но в этом дворе одна я из полиции. Легавые долго не сидят.

Напряженное молчание. Девицы украдкой переглянулись. Идея медленно вызревала у них в головах.

— И чего? — спросила наконец женщина-дракон.

— Найдите мне мобильный. Как только выйду, сделаю что-нибудь для вас.

— Срать я на тебя хотела, — бросила та в ответ.

— Сри где хочешь, детка, но ты упускаешь шанс. Твой. Твоих братьев. Твоего парня. Кого угодно. Я тебе клянусь, как только выйду, поговорю с судьями, прокурором, легавыми.

Повисла еще более тяжелая пауза. Она почти слышала, как вращаются шестеренки у них в мозгу. У них не было ни единой причины ей верить. Но в тюрьме поневоле живешь надеждой. Четыре женщины, засунув руки в карманы, кутались в дрянные куртки. Под одеждой угадывались дрожащие от холода тела.

Анаис настаивала:

— Всего одна эсэмэска. Это займет пару секунд. Клянусь, я за вас похлопочу.

Они снова переглянулись. Обменялись какими-то знаками. Трое из них столпились вокруг Анаис. Она было решила, что сейчас ее отметелят. Но амазонки просто загородили ее.

И тут драконша выступила вперед. Разгоряченное пресмыкающееся распласталось по ее смуглой коже. Анаис опустила глаза: к ладони зечки скотчем был прикреплен мобильный.

Анаис схватила телефон. Быстро набрала эсэмэску. Кроме рассекреченного номера, она написала: «Париж 75009, Неаполитанская улица, 64, Медина Малауи». Поколебавшись, добавила: «удачи».

Набрала номер Фрера и нажала на «отправить».

Какая же она дура.

* * *

Эсэмэску Анаис Шаплен получил у Порт-д'Орлеан. Она зря времени не теряла. Это сообщение скрепило их союз. Если, конечно, в доме номер 64 по Неаполитанской улице его не ждет целая армия полицейских... Он тут же назвал шоферу адрес Медины Малауи и набрал номер, полученный от Анаис. Сработал автоответчик. Тот же строгий голос, что и 29 августа. Сообщения он не оставил. Лучше внезапно нагрянуть к ней на квартиру. Или даже обыскать ее в отсутствие хозяйки.

Машина ехала по бульвару Распай. Шаплен еще раз перебрал в памяти все, что узнал сегодня утром. Анаис, тридцати лет от роду, находящаяся в следственном изоляторе Флери-Мерожис, раскрыла тайну его судьбы: он стал частью эксперимента. С одной стороны, эта мысль пугала его. С другой — она давала ему надежду. Он не псих. Его просто отравили. Но если есть яд, найдется и противоядие. Коль скоро синдром вызван искусственно, его можно остановить. А что, если теперь, когда он избавился от таинственной капсулы, выздоровление уже не за горами? Он снова взглянул на капсулу у себя на ладони. Вот бы ее открыть, просканировать, исследовать...

Такси добралось до улицы Сен-Лазар, обогнуло площадь Этьен-д'Орв, осененную церковью Святой Троицы, и выехало на Лондонскую улицу. Шаплену это что-то смутно напоминало. Он на дух не переносил Девятый округ. В этом уголке Парижа улицы названы в честь европейских городов, но застроены мрачными, холодными, неприступными зданиями. Над козырьками подъездов атланты и кариатиды поедают вас глазами, словно часовые, вытянувшиеся по стойке «смирно». Прохожих здесь не видно: это царство страховых компаний, нотариальных и адвокатских контор...

Ему вспомнилась Анаис. Приятно было увидеть ее снова. Ее молочно-белую кожу, жгучий темный взгляд. Ее поразительная внутренняя сила

кажется враждебной, а на самом деле перетекает в него, оставляя свой огненный след. Любит ли он ее? Для таких вопросов ни в его голове, ни в его сердце не осталось места. Все вытеснила пустота. Или, точнее, все вытеснило чужое присутствие. Но эта союзница горячила его кровь.

Таксист остановился у дома номер 64 по Неаполитанской улице. Шаплен расплатился и вышел из машины. Перед ним было типичное для этого квартала здание, настоящая крепость, вся изрытая швами каменной кладки, с эркерами на четвертом и пятом этаже. Он не знает кода. На улице ни души. Он принялся расхаживать взад-вперед перед подъездом.

Наконец минут через десять из подъезда вышли двое хорошо одетых мужчин. Окоченевший Шаплен проскользнул внутрь. За аркой слева и справа виднелись две лестницы. В глубине — внутренний дворик с деревьями и фонтаном. Уютный уголок в самом сердце дома. Он увидел почтовые ящики.

Медина Малауи жила на четвертом этаже по левую сторону от дворика. Домофона не было. Он поднялся пешком. На лестничную площадку выходили две двери. Квартира Медины Малауи — та, что справа: на дверном косяке карточка с ее именем. Он позвонил. Один раз. Два раза. Никто не ответил. Медины не было дома. Если только с ней ничего не случилось... Эта мысль, которую он до этой минуты гнал от себя прочь, здесь, перед дверью, завладела им полностью.

Он обернулся и взглянул на дверь напротив. Представил себе, как через глазок за ним наблюдает любопытный сосед. Подошел поближе, прислушался. Но и здесь ни звука.

Справа и слева ни души.

Решение посередине.

Он открыл окно. Вдоль всего этажа тянулся карниз. Чтобы пробираться боком, лучше и не придумаешь. Позавчера в Отель-Дьё ему довелось в этом поупражняться. Он отступил и несколько минут незаметно наблюдал за двумя фасадами, замыкавшими двор. Ни малейшего движения за окнами. Ни единого звука за стенами. В 11.30 утра дом номер 64 по Неаполитанской улице превращался в оплот тишины.

Он перешагнул раму и встал на карниз. Чтобы не видеть сад тремя этажами ниже, повернулся спиной к провалу, цепляясь за выступы в стене. Всего за несколько секунд он добрался до первого окна квартиры Медины. Балансируя на карнизе, резко ударил локтем в окно. Стекло раскололось пополам, но замазка пока удерживала его на месте. Шаплен все еще опасался, что вот-вот во дворе раздастся крик случайного свидетеля: «Держи вора!»

Просунув в щель руку, он повернул ручку изнутри. Проскользнул между тюлевыми занавесками, закрыл окно, оглядел фасады. Все тихо. Одним движением он задернул двойные шторы. Представление окончено.

Он сразу ощутил запах пыли. Дурной знак. Через несколько шагов перед ним открылась богатая холостяцкая квартира. Большая гостиная. Справа коридор, в который, видимо, выходят одна-две спальни. Кухня в стиле хай-тек. Просторная, полная воздуха, уютная планировка.

Шаплен обогнул угловой диван перед настенной плазмой. Он не всматривался в интерьер. Все шикарное, дорогое, стильное. И покрыто толстым слоем пыли — слишком толстым, чтобы не забеспокоиться. «Обстановка накаляется. Мне страшно». Неужели 29 августа стало для Медины роковым?

Его взгляд упал на женский портрет. И на этот раз лицо никого ему не напомнило. Лет тридцати. Легкие светлые волосы. В овальном лице с высокими скулами чудилось что-то русское. Огромные глаза, черные и томные. Губы красные, полные, сочные. Шаплёну вспомнилось отравленное яблоко Белоснежки. Все вместе буквально напоено чувственностью, словно Медина только что окунулась в источник чистейшего желания.

Совсем не то, чего он ждал. Ее голос наводил на мысль о холодной элегантности, властной красоте, тогда как имя скорее подошло бы смуглой пышнотелой магрибианке. А перед ним предстал цветок с колхозных полей. Быть может, в ней текла кабийская кровь... Снимок был сделан на борту какого-то судна. Шаплёну пришло в голову, не сфотографировал ли ее он сам на взятом в аренду паруснике...

Он вытащил фото из рамки, засунул его в карман и обошел квартиру. Ничего неожиданного он не обнаружил. Это было жилище современной парижанки, обеспеченной интеллектуалки. И ни единого намека на профессиональные интересы, на какие-либо служебные обязанности. Он бы скорее подумал, что здесь живет студентка. В гостиной, коридоре, спальне полно книг, расставленных в алфавитном порядке. Философия. Литературоведение. Этнология. Филология... Веселого мало.

Роясь в ящиках, он наконец наткнулся на студенческий билет. Медина Малауи, 28 лет, числится в аспирантуре Сорбонны по специальности «философия». Он поискал еще и нашел полное досье о ее обучении. Она с севера Франции. Степень бакалавра получила в Сент-Омере. Сдала экзамены на бакалавра и магистра философии в Лилле. В Париже она писала докторскую диссертацию о трудах Мориса Мерло-Понти — одно только ее название занимало три строчки. Уму непостижимо!

Шаплен задумался. Чем Медина зарабатывала на жизнь? Папенькина дочка? Подрабатывала на стороне? Ответа не было, но гардероб девушки наводил на определенные мысли. «Прада», «Шанель», «Гуччи», «Барбара Буи»... На верхней полке свалены сумки. На нижней — груда обуви. На какие деньги Медина все это покупала? И с каких пор философия стала прибыльным делом? Не была ли она его подельницей? «Обстановка накаляется. Мне страшно».

Он продолжил поиски, но ничего личного так и не нашел. Ни мобильного, ни записной книжки, ни ноута. Ни квитанций, ни официальных бумаг. Перед входной дверью скопилась почта. Как и у него дома, в основном это была реклама. Но ни счетов, ни банковских выписок здесь не оказалось. Видно, она все оплачивала через Интернет. Куда же запропастилась Медина? Неужели ее нет в живых? И еще куча вопросов. Где они познакомились: на сайте знакомств, через Sasha.com? Он вообразил девушку с фотографии на вечеринке с тибетским колоколом. Она бы произвела там фурор.

Напоследок он обошел квартиру в поисках признаков поспешного отъезда. Или чего-то более непоправимого... Протухшие продукты в холодильнике. Беспорядок в ванной. Полные шкафы доказывали, что у Медины не хватило времени собрать чемоданы.

Шаплен вышел так же, как и вошел. Его добыча поместилась во внутреннем кармане пиджака: фотография красивой славянской куколки с арабским именем. Все остальное — у него в голове. А точнее, в горле. Зловещее предчувствие, что Медины уже нет в живых.

Он проходил под аркой на первом этаже, когда перед ним возникла шестидесятилетняя дама в боевом костюме: синий халат, половая щетка, ведро с моющим раствором.

— Кого-то ищете?

Шаплен хотел было солгать, но передумал. Консьержка могла рассказать ему что-нибудь полезное.

— Я приходил к Медине Малауи.

— Ее нет.

— Она отлучилась?

— Да уж.

— Давно?

Женщина бросила на него подозрительный взгляд. Проход не был освещен. В полутьме витали запахи сада.

— Вы ее друг? — спросила она наконец.

— Преподаватель, — нашелся он. — Когда же она уехала?

— Вот уже несколько месяцев. Но за квартиру заплачено. Так что никаких проблем.

— Она вам ничего не говорила?

— Эта девочка никогда ничего не говорит. — В ее голосе слышалось презрение. — Такая скрытная. Очень... независимая. Сама убирает. Сама ходит за покупками. Всегда все сама.

Шаплин прикинулся встревоженным:

— Странно, что она вот так исчезла... На факультете никто ничего не знает.

— Да вы не беспокойтесь. С такими, как она, ничего не случается.

— Что вы имеете в виду?

Консьержка оперлась о щетку. По стойке «вольно».

— Раз вы препод, послушайте моего совета.

Шаплин натянуто улыбнулся.

— Всегда смотрите, какая у студентки сумка. Если она носит простую сумку через плечо, рюкзак или там сумку из джинсы, все в порядке. Но если она ходит на занятия с сумочкой от «Шанель», «Гуччи» или «Баленсиага» — тогда, уж поверьте, она подрабатывает на стороне... По ночам, если вы понимаете, о чем я.

А тетка, похоже, неплохо разбирается в шикарных брендах и новых веяниях в жизни студентов. Но она права. Квартира Медины прямо-таки кричит о легких деньгах. Показная элегантность парижских ночей. Медина — эскорт-девушка? Может, он был одним из ее клиентов?

Он изобразил негодование:

— Медина очень серьезная, и...

— Одно другому не мешает. Днем она серьезная, зато ночью...

— А доказательства у вас есть?

— Что ни вечер, ее где-то носит, а домой заявляется под утро. Думаете, она ночным сторожем подрабатывала?

Шаплин вспомнил фотографию — ту, что лежала в кармане его пиджака. И не нашелся что сказать. Он обошел консьержку. Та перегородила ему путь щеткой.

— Если она объявится, сказать ей, что вы заходили?

Он рассеянно кивнул.

— А звать-то вас как?

— Забудьте.

Секунду спустя он жал на кнопку, чтобы открыть дверь в подъезде. Вышел и едва успел отклониться влево. Во втором ряду только что припарковалась машина без опознавательных знаков. Из нее вышли двое.

Наверняка из полиции.

Он ускорил шаг, услышав, как за спиной открылась дверь подъезда. Очевидно, у полицейских был мастер-ключ. В голове вихрем закружились мысли — сумбурные, лихорадочные, панические. Неужели Анаис его сдала? Быть того не может. Полицию вдруг обеспокоила судьба Медины Малауи? Столь же невероятно. Единственное возможное объяснение: в следственном изоляторе за Анаис ведется наблюдение. Когда она просила пробить защищенный номер, телефонный разговор записывали. Видно, хотели выяснить, с чего вдруг она заинтересовалась этим номером.

Почти бегом он спускался по бульвару Малерб в поисках станции метро или такси. Перед глазами стояла смазливая мордашка с высокими скулами. Сомнений нет: Медина мертва. Что же произошло 29 августа? Он пришел слишком поздно? А может, он сам ее и убил?

Существует один способ все узнать.

Отыскать ее коллег.

Погрузиться в мир дорогих девочек.

Что ж, у него есть прекрасный проводник.

* * *

Новенькие хрустящие паспорта шлепнулись на приборную доску.

— Здесь двадцать. Остальные десять будут завтра к утру.

Всю ночь напролет он вкалывал над этими документами, чувствуя, как руки обретают прежнюю ловкость, как возвращаются к нему былые навыки и умения. Он снова стал Ноно-профи, Ноно золотые руки. Юсеф, сидя за рулем своего «мерседеса» S-класса, осторожно подхватил документы. Он листал их, рассматривал, сортировал. Шаплен сидел рядом с ним. Амар расположился на заднем сиденье, расслабленный и одновременно настороженный.

Юсеф кивнул и передал паспорта напарнику, чтобы тот пропустил их через прибор — наверняка какой-то детектор. Секунды падали, будто капли расплавленной стали. Шаплен попытался сосредоточиться на великолепной отделке салона: вставки из тигрового клена, черные кожаные сиденья, над приборной доской — широкий экран навигатора...

За затемненным ветровым стеклом виднелся центр приема беженцев Святого Маврикия на бульваре Шапель, рядом с линией легкого метро. Какой разительный контраст между этим роскошным салоном и толпой нелегалов, пропитанных страхом, нищетой и забвением!

Он позвонил Юсефу в час дня, и тот назначил встречу перед этим центром, куда стекались мужчины, женщины и целые семьи без крова и документов. Клиенты босняка.

Амар просунул руку в проем между сиденьями и вернул паспорта Юсефу.

— Все чисто, — признал он.

Словно прорезанные лезвием губы Юсефа растянулись в улыбке.

— Сноровку ты не терять.

— Остальное завтра утром.

— На этот раз никаких денег, идет?

— Все пальцы целы, и на том спасибо.

Юсеф тасовал паспорта, словно карточную колоду.

— Ты всегда самый хитрый, Ноно.

Этот тощий парень, властный, как полководец, завораживал Шаплена. Оливковый свитер британского десантника со вставками на локтях и плечах болтался на нем как на вешалке. «Мерседес» был его танком.

— И все-таки сделай мне одно одолжение.

— Без проблем, — сказал тот, не сводя глаз с призраков за ветровым стеклом.

— Мне нужен ствол.

— Тебе это дорого встать.

— Виды на жительство для целого трюма, если пожелаешь.

— Зачем ствол?

— По личным причинам.

Юсеф промолчал. Он все так же смотрел на длинную очередь нелегалов, облепившую обшарпанный фасад. Наконец знаком что-то приказал Амару, и тот вышел из машины. Первое впечатление не обмануло Шаплена: босняк питал к нему слабость — и так было всегда.

Багажник открылся. Во всей сцене было что-то сюрреалистическое. Этот бункер, отделанный черной кожей и лакированным деревом, толпившиеся снаружи нелегалы, неисчерпаемые сокровища в недрах «мерса», служившего и паспортным столом, и арсеналом, и банком, и сейфом.

— Я ведь уже говорил, у меня что-то с памятью?

— Пробки повышибало, ага.

— Я не помню, как мы с тобой познакомились.

Юсеф покивал в ответ. Смущение Ноно его забавляло.

— Встретил тебя прошлый марта у метро «Сталинград». Ты рисовал мелом на асфальт. Жил гроши, которые кидать прохожие. Голова пустая. Не

знать свое имя, откуда.

— Почему ты мне помог?

— Из-за рисунки. Похоже *стечки*, древние могилы в наши края.

Амар вернулся. В его ладони возник пистолет, который он рукоятью вперед просунул под переключателем скоростей.

— «CZ 75». Чехи, поганцы, хорошо работать.

Ствол отличался от «глока». Шаплен, не разглядывая, сунул его в карман. Амар неохотно вручил ему три магазина.

Он собирался поблагодарить, но Юсеф продолжал, не сводя глаз с нелегалов:

— Мы тебя подобрать, приятель. Помыть, накормить. Поселить. Голова все равно пустая, но ты уметь рисовать. Я отдал тебя учиться поддельщики.

— У тебя есть другие?

— А ты что думать? Я ждать тебя, чтобы торговать французский гражданство?

— Я согласился?

— Ты взяться за работу, glup. За полмесяц ты все переплюнул. Дар, нюх. Тушь, печать, штампы... — Он загибал пальцы. — Все хватать на лету. Через месяц ты уже заработать. Сам завел свой лаборатория. Другой я бы яйца повырывал. А тебе доверять. Всегда работа вовремя.

Выходит, Ноно продержался дольше других. С марта по сентябрь 2009 года. Успел обустроиться на легальном положении, добиться официального статуса — арендовать студию, открыть счет в банке, платить по счетам. И все по липовым документам.

— Я так и не сказал тебе, как меня зовут?

— Спустя время ты говорить, тебя звать Ноно. Приехать из Гавр. Там быть типография. Чепуха. Главное, ты хорошо работать. Никаких проблем. Пока ты не пропал.

Он хохотнул и взял Шаплена за загривок:

— Засранец ты этакий!

Теперь Шаплему легче было понять чудо Матиаса Фрера. Надо думать, он давно сфабриковал бумаги на это имя... Неужели он так и разгуливал с этими документами со времен Нарцисса? Виктора Януша? Нет. Скорее, дар вернулся к нему, когда у него снова случился провал. И он выдумал Матиаса Фрера. Сделал себе документы и нашел работу в медицинском центре Пьера Жане.

Юсеф прищелкнул пальцами. На разделявшем их подлокотнике возникли два стаканчика, крошечные, как ружейные пули.

Амар склонился над ними с бутылкой. Юсеф поднял свою стопку:

— Zxivjeli!^[50]

Шаплен выпил водку залпом. Она показалась ему густой, как лак. Он зашелся кашлем. Выпивка обожгла ему горло, огнем разлилась в груди, растеклась по рукам и ногам.

Юсеф издал свой короткий смешок, тут же утонувший в улыбке Джокера.

— Polako,^[51] Ноно. Это надо смаковать... — Он знаком приказал Амару налить еще.

У Шаплена на глаза навернулись слезы. Сквозь их пелену он различал копошение снаружи. Поникшие плечи и сгорбленные спины нелегалов окружало облако пара. Негры, арабы, узкоглазые, индусы, славяне... Они жались друг к другу, топтались на тротуаре, ожидая неизвестно чего.

— Как им удастся?

— Выживать?

— Платить тебе за паспорта.

Юсеф засмеялся:

— Ты их рожи видеть? Эти все больше покупать вид на жительство.

— Это не ответ. Как им удастся?

— Скидываются. Залезают в долги. Как-то выкручиваться.

Шаплена замутило. Он участвовал в этой торговле. Был причастен к этому рабству. Как он скатился так низко? Его личности — будто ступеньки, по которым наверх не выберешься.

— И больше я тебе ничего не рассказывал? — настаивал он. — О своем прошлом, о своей жизни?

— Ничего. Ты получать заказ и исчезать. Когда возвращаться — бумаги готовы. Всегда dakako.^[52]

— И все?

— Могу сказать, ты измениться.

— В смысле?

Тот поддел пальцем отворот его бархатного пиджака от Нола Смита.

— Прикид все круче. Стрижка. Парфюм. По мне, чертов бабник.

Нельзя упускать такой случай. Он выпил водку и сыграл ва-банк:

— Мне нужны девочки.

— Девочки?

— Профи.

Юсеф откровенно расхохотался:

— А твои бабы, братан?

- Я даже их номеров не помню.
- Могу тебя знакомить. Наши девочки. Самые лучшие.
- Нет. Мне нужны девочки... с юга. Магрибианки.

Похоже, Юсеф обиделся. В его змеиных глазах вспыхнул огонек. Пламя, напоминавшее плотный и опасный жар водки в его руке. Шаплен испугался худшего, но губы босняка дрогнули, глаза сморгнули.

- Ступай к Софи Барак.
- Кто это?
- Через нее проходить все арабки.
- Где ее искать?
- Отель «Теодор». Там ее штаб этот год. Тупик улица Артуа. Скажи, я послал. Я продавать ей бумаги для девочек.
- Она меня не пошлет?
- Нет проблем. Она обожать гаденышей вроде тебя. Но говори громко. Она из Ливан. В детстве почти оглохнуть от бомбежек.
- А если не через нее? Вдруг я сам захочу поохотиться?

Юсеф взглянул на Амара. Впервые на губах великана промелькнула улыбка.

— Ищешь цыпочку, иди в курятник. Ступай к «Джонни» улица Клеман-Маро. Сам договориться. Встретиться завтра. Тогда ты получать свое. Должок там посмотрим.

- Должок?
  - Целый трюм, glup. Твои слова. Ну пока.
- Он сунул ему в карман пиджака две бумажки по пятьсот евро.
- Одну выпей мое здоровье.

* * *

- Что это еще за глупости?

Снова комната свиданий. Снова Солина. В бешенстве прокручивает картинки на своем ноуте. Ее свидание с Янушем, записанное камерой слежения.

- Я тут ни при чем, — ответила Анаис. — Я...
  - Заткнись. Ты хоть соображаешь, во что вляпалась?
  - Говорю тебе...
- Солина поднял очки на лоб и нервно задвигал желваками.
- Когда мне это показали, — произнес он подавленно, — я думал, мне это мерещится. Этот тип — псих.

— Он запаниковал.

— Запаниковал? — Обоповец зловеще усмехнулся. — А по мне, так он самый наглый сукин сын, какого я только видел. Чего ему от тебя понадобилось?

— Пробить телефонный номер.

— И все?

— Почти. Скажи я тебе, что он невиновен и продолжает вести собственное расследование, я знаю, что ты ответишь.

— Если он чист, пусть сдастся и даст нам сделать свою работу.

В изоляторе только что закончился обед. Отовсюду несло жратвой. Запах лип к коже, забивался в ноздри. Анаис, с тех пор как оказалась в тюрьме, не притрагивалась к еде. Она бросила взгляд на экран компьютера. Януш держал ее за руки. Он как раз совал ей в ладонь записку. Но на видео ничего не заметно.

— Он вам не доверяет, — прошептала она.

— Вот, значит, как? — Солина резко захлопнул ноут. — Я тоже ему не доверяю. И уж теперь нам известно, на чьей ты стороне.

— Неужели?

— Говорили мне, что ты с ним спишь. А я не верил. И напрасно.

— Ты что, дурак? Он так рисковал, чтобы...

— Вот я и говорю. В моем мире так рискуют только по двум причинам: или ради бабок, или ради бабы.

Анаис покраснела, но не сдержала улыбки. На похабном языке Солина это был комплимент.

— Что он тебе сказал об этой девке?

— Ничего.

— И он не знал, что она шлюха?

— Медина Малауи?

— С две тысячи восьмого года зарегистрирована в полиции. Испарилась в сентябре две тысячи девятого.

— Ты уже затребовал ее досье?

— А ты как думала? Здесь отслеживают любые связи. Мои ребята побывали у нее дома. Но их кто-то опередил. Консьержка говорит, сегодня утром. По описанию, твой дружок. Выходит, мы с ним ищем одно и то же.

— Что?

— Может, вот это.

Солина выложил на стол папку. Анаис с первого взгляда поняла, что это такое. Отчет о нераскрытом деле. Она посмотрела первую страницу и увидела жуткие фотографии. Утопленница, голая, лицо разбито, челюсти

вырваны, пальцы отрезаны.

— Труп, возможно той девки. Смотри, как ее отделали. Тебе объяснять не надо.

— С чего ты взял, что это Медина?

— Потому что ее выловили в Сене седьмого сентября. Рост, цвет волос и глаз подходят под описание. Этого маловато, но ребята сказали, что, судя по квартире, она мертва. А по нашим сведениям, она пропала в конце августа. Мы проверили список всех неопознанных трупов с того момента. И вот что нашли. По мне, так это она.

Анаис заставила себя рассмотреть покойницу. Нанесенные ей увечья и оставленные водой разрушения сделали ее неузнаваемой. Лицо превратилось в кровавое месиво, разбухшее от воды, словно губка, изъеденное рыбами и червями. Глазницы походили на чумные бубоны. Вместо рта — зияющая рана.

Живот, руки и ноги также раздулись от воды. Кожа, покрытая трупными пятнами, порезами и гематомами, напоминала шкуру леопарда, цвет которой колебался между желтым и сине-фиолетовым. Казалось, труп вот-вот лопнет — или, наоборот, осядет, как суфле.

— А причина смерти?

— Уж точно не утопление. Ее бросили в реку уже мертвую. По словам патологоанатома, в воде она пробыла около недели. Тело несло течением, оно то и дело обо что-нибудь ударялось. Теперь уже невозможно определить, какие травмы нанесены при жизни, а какие после смерти. Но можно не сомневаться, что челюсти и фаланги удалили, чтобы затруднить опознание.

— Есть связь с нашими убийствами? Я имею в виду модус операнди.

— На первый взгляд нет. Никаких следов какого-то ритуала. Героина в крови не обнаружено. Но ее слишком поздно нашли.

— Раны на носу не было?

Солина явно удивился. Он не слышал о посмертном увечье, нанесенном Патрику Бонфису. Так что лучше не настаивать.

— Врач говорит, лицо разбито чем-то тяжелым.

— Вы добрались до ее клиентов?

— Следствие только началось. Да и вряд ли спустя полгода хоть что-нибудь удастся нарыть.

— А в квартире?

— Говорю тебе, там все прочесали. Твой хахаль постарался. А может, и кто другой. Да и не думаю, что там что-то было. Девчонка прикрывала свои тылы.

Анаис закрыла папку.

— По-твоему, кто это сделал?

— Чокнутый клиент, который знал, что творит. Или профи, выполнявший приказ.

— Чей приказ? И почему?

Солина только рукой махнул. Он, как обычно, крутил обручальное кольцо на пальце.

— Шлюха, которая слишком много знает, — классика жанра. Госбез всегда использовал девочек по вызову в качестве осведомителей.

Может, и так. Но Анаис не сомневалась, что убийство совершили люди из «Метиса» или их союзники-военные. Те же, что устранили Бонфиса и его жену. Те же, что извлекли имплантат в Институте судебной медицины. Они же пытали Жан-Пьера Корто. Была ли Медина Малауи в курсе их опытов? И если да, то почему? Что могло связывать девушку из эскорта и клинические испытания имплантата?

— Есть и другая гипотеза, — продолжал обоповец.

Она бросила на него вопросительный взгляд.

— Твой дружок ее и убил.

— Не может быть.

— Его подозревают в том, что он завалил бродяг. Почему бы не девку?

Она хлопнула ладонью по столу.

— Все это — сплошная ложь!

Солина улыбнулся. Садистской улыбкой палача, который растравливает рану. Анаис почувствовала, как у нее дрожит подбородок. Она стиснула кулаки. Только не плакать. Не перед этим ублюдком. Адреналин подстегивал ее волю, как горючее.

— Он сказал тебе, что он, собственно, разыскивает?

— Нет.

— А где он скрывается?

— Сам как думаешь?

Легавый передернул плечами под дешевым пиджаком.

— Он дал тебе свой телефон? Контакт?

— Нет, конечно.

— Как тебе удалось передать ему сведения о Малауи?

Она прикусила губу.

— Забудь. Ничего я не скажу.

Слабая защита. Она сознавала, что воображения у нее не больше, чем у отморожков, чередовавшихся в ее кабинете на улице Франсуа-де-Сурди в Бордо. Солина растирал себе затылок, словно ответ его нисколько не

интересовал.

— По-любому, меня это уже не касается, — признал он. — Этим занимается розыск.

Он прекратил массаж и обеими руками схватился за край стола.

— А я хочу одного: схватить психованного убийцу, кто бы он ни был: Януш или кто другой. Ты продвинулась в том, о чем мы договорились?

— В чем?

Он вытащил из портфеля еще одну фотографию: труп Уга Ферне, гиганта из-под Йенского моста.

— На каком мифе основано это убийство?

Анаис была не в том положении, чтобы хитрить.

— На мифе об Уране, одном из изначальных богов. Его сын Крон оскотил его, чтобы захватить власть.

Полицейский наклонился вперед. Лоб под поднятыми очками прорезали морщины. Анаис подлила масла в огонь — в этом состояла ее единственная надежда выбраться отсюда:

— Серийный убийца, Солина. В августе две тысячи девятого он убил в Париже Уга Ферне, инсценировав миф об Уране. В декабре того же года он убил Цветана Сокова в Марселе, преобразив его в Икара. В феврале две тысячи десятого он убил Филиппа Дюрюи, превратив его в Минотавра. Это мифологический убийца. Единственный в истории криминологии. Но чтобы его взять, тебе нужна я.

Солина не шелохнулся. Не двигалось даже его обручальное кольцо. Он не сводил с Анаис глаз, словно она была Дельфийским оракулом и только что предрекла ему будущее легендарного героя.

— После мифов об Икаре и Минотавре, — заговорила она снова, — миф об Уране — еще одна история противостояния отца и сына. Это немного, но копать надо именно в этом направлении. Убийца — или разочарованный отец, или разгневанный сын. Бога ради, вытащи меня отсюда! Только я смогу помочь тебе прижать этого урода!

Полицейский ее уже не видел, но она все прочитала в его глазах: дело, которое станет его звездным часом, карьерный взлет, лифт, возносящий его к вершинам власти.

Солина встал и постучал по застекленной двери.

— Я оставляю тебе папку. Готовь уроки и жди добрых вестей.

Через секунду он вышел из отсека. Анаис провела руками по лицу, словно пытаясь его разглядеть. Она сама не знала, в какую игру ввязалась. Но этот раунд остался за ней.

Шаплен приготовился увидеть дворец, высеченный из камня и мрамора. Но «Теодор» оказался небольшим домом в стиле ар-деко, стоявшим на отшибе, в тупике, перпендикулярном улице Артуа. Подойдя поближе, он понял, что скромные размеры здания, его местоположение и показная непритязательность были признаками еще большей роскоши, чем шик знаменитых отелей вроде «Георга V» или «Плаза Атеней».

Он пересек гравиевый двор и оказался перед дверью с козырьком. Ни швейцара, ни вывески, ни флага: все та же сдержанность. Внутри — холл, обшитый коричневым деревом. В глубине его — гостиная с креслами перед камином, в котором потрескивал огонь. Стойка администратора напоминала деревянную скульптуру в духе минимализма. Белые орхидеи тянулись вверх из длинных стеклянных ваз с томными формами.

— Я могу вам помочь, месье?

— У меня встреча с мадам Софи Барак.

Мужчина, одетый в подобие китайского костюма из синего шелка с воротником мао, снял трубку и что-то проговорил вполголоса. Шаплен перегнулся через стойку:

— Скажите ей, что пришел Ноно. Ноно от Юсефа.

Администратор приподнял бровь. Он с отвращением повторил сказанное и внимательно выслушал ответ, краем глаза следя за Шапленом.

Потом повесил трубку и нехотя объявил:

— Мадам Барак ожидает вас. Третий этаж. Апартаменты двести двенадцать.

И в лифте Шаплена окружала все та же атмосфера дзен: рассеянный свет, темные стены, белые орхидеи. Такая обстановка способна успокоить нервы или довести до истерики. Шаплен постарался от всего отрешиться. Он берег силы для встречи с таинственной ливанкой.

Он вышел из лифта и направился к апартаментам. В конце коридора три упитанные женщины галдели, как перекормленные попугаи. Целовались, гладили друг друга по плечам, слишком громко смеялись. Лет пятидесяти, в ярких костюмах, прически щедро политы лаком, блестящие украшения сверкают, как фейерверк. Ливанские или египетские жены приехали в Париж повеселиться — а может, и в ссылку, пока их мужья не вернутся к власти на родине.

Он неторопливо приблизился и поклонился в знак приветствия. Самая низенькая, стоявшая на пороге, широко улыбнулась в ответ. Блеск зубов на

ее темном лице напоминал инкрустации из слоновой кости в скульптурах из черного мрамора в Древнем Вавилоне.

— Заходи, милый. Я сейчас.

Шаплен улыбнулся, стараясь скрыть удивление. Судя по фамильярному тону и обращению на «ты», они были знакомы. Еще один забытый фрагмент? Он проскользнул в дверь, кивком попрощавшись с двумя медовласыми гостями.

Он вошел в первую комнату и оказался в обстановке, более соответствующей классическому стилю престижного отеля. Белые стены, бежевые кушетки, золотистые абажуры. Повсюду беспорядочно разбросаны сумки и чемоданы от Луи Вуитона с монограммой «LV». Из одного распаханного чемодана размером со шкаф вывалились вечерние платья. Багаж воительницы, высаживавшейся только на княжеских берегах.

За спиной у него послышался смех, потом дверь захлопнулась. Когда он обернулся, Софи Барак сверлила его взглядом:

— Чего приперся? Тебя Юсеф послал?

Шаплен не стал обращать внимания на резкую перемену тона. Прежде всего он хотел обрести уверенность.

— Извините, но мы... знакомы?

— Предупреждаю: я ни с кем напрямую не связываюсь. Если ты надумал обойти Юсефа...

— Хочу кое-что узнать.

— Узнать? — Она холодно усмехнулась. — Час от часу не легче.

— Я беспокоюсь за подругу.

Софи заколебалась. Что-то в манере Шаплена сбивало ее с толку. Возможно, его искренность. Во всяком случае, на полицейского он не походил. Она пересекла гостиную, открыла шкаф, вынула охапку платьев и кое-как запихала их в большую сумку. Послышался стук деревянных вешалок. Ливанка готовилась к отъезду.

Шаплен наблюдал за ней. Темная кожа, копна блестящих черных волос, уложенных в прическу «колокол» по моде шестидесятых. Миниатюрная, пухленькая и невероятно чувственная женщина. Под пиджаком у нее была белая блузка с глубоким вырезом. Темная ложбинка между грудей казалась еще более вызывающей, чем ее смех. Просто магнитный полюс.

Теперь она стояла перед ним, уперев руки в боки. Она дала ему несколько секунд, чтобы насладиться этим зрелищем. Вежливость королев.

— И как же звать твою подругку?

— Медина Малауи.

Не отвечая, она открыла одну из дверей и скрылась в соседней комнате. Наверняка в спальне. Шаплен не смел двинуться с места.

— Ты где там?

Он переступил через порог и увидел необъятную постель, усыпанную подушками с восточной вышивкой. Софи Барак испарилась. Оглядевшись, он обнаружил ее справа от себя за туалетным столиком. Он собирался повторить вопрос, но тут она резким движением сорвала свою шевелюру. Софи Барак была совершенно лысой.

— Приди в себя, — бросила она, увидев его в зеркале. — Рак груди. Химия. Облучение. Все как обычно.

Она сняла пиджак и без всякого стеснения расстегнула блузку.

— С тех пор как я заболела, мне все по фигу. Вечеринки, бабло, клиенты. Мне плевать. Я умываю руки. Девочки пусть делают что хотят. А те, у кого нет документов, пусть возвращаются домой, рожают детишек и пасут коз. *Иншалла!*^[53]

Шаплен улыбнулся. Она швырнула блузку на стол и намазала плечи кремом. Черный лифчик с трудом удерживал ее грудь. На темной коже виднелись следы фуксина — красноватого красителя, которым маркируют зону облучения при лучевой терапии.

— Что тебе нужно от Медины?

— Она исчезла двадцать девятого августа. Не то чтобы мы были очень близки, но... Прошло уже полгода. С тех пор я о ней ничего не слышал.

Софи уставилась на него жирно подведенными черными глазами из «Тысячи и одной ночи». Он же не сводил глаз с рисунков на ее коже — красноватые разводы и узоры, нанесенные хной, сливались, вызывая странные ассоциации: Восток, пустыня, смерть.

Наконец она встала и накинула белый пеньюар. Подвязала его поясом из махровой ткани.

— Мне известно не больше, чем тебе.

— Вы о ней ничего не слышали?

— Нет.

Она исчезла в ванной, включила воду. Тут только Шаплен заметил, что в комнате есть кто-то еще. Невзрачная маленькая женщина, одетая без малейших притязаний на элегантность. Она работала на компьютере за письменным столом. Ее смирение и неприметность были наследием многих поколений рабов. Он все понял. Бухгалтерша фирмы «Барак». Компания паковала чемоданы и подбивала баланс.

Софи вернулась в спальню, выбрала платье из черного шелка и осторожно разложила его на кровати. По-арабски отдала приказ своей

рабыне и опустилась на колени перед другим чемоданом, набитым обувью.

— Что бы с ней ни случилось, — сказала она, выбирая пару туфель тигровой окраски на шпильках, — она сама виновата. Если ты с ней знаком, то знаешь это не хуже меня. Медина — упрямая дура.

— Sasha.com — это вам о чем-нибудь говорит?

— А ты-то сам откуда знаешь?

— От Медины.

Софи пожала плечами и выбрала в другом чемодане пояс с серебряной монограммой.

— Идиотская мода, — пробормотала она.

— Мода?

— Прошлой весной кое-кто из девочек записался в этот отстойный клуб. Уму непостижимо. Сеть, в которой можно поймать разве что лузера без гроша в кармане. Полный отстой.

— А может, они искали мужа? Друга?

Софи снисходительно рассмеялась:

— Ну, на эту удочку меня не поймаешь.

— А у вас есть другое предположение?

Она разложила платье, туфли и пояс на кровати и окинула их довольным взглядом. В ванной по-прежнему текла вода.

— Не предположение. — Она обернулась к нему. — Уверенность. Ты что, думаешь, я позволю своим девочкам вкалывать бесплатно? Я провела расследование.

— И что вы узнали?

— Им платят.

— Кто?

Она неопределенно махнула рукой:

— Я знаю только, что многие из них исчезли. Три раза сходили к Саша и пропали. Вот так-то.

Шаплен вспомнил о слухах, о которых рассказывала ему Лулу-78. Серийный убийца на сайте знакомств? Нападавший только на девочек из эскорта, которым там нечего было делать? Торговля людьми? Но при чем здесь клуб вроде Sasha.com?

— Как-то не верится, что вы так легко примирились с этим, — настаивал он.

Подойдя поближе, она ласково расправила отвороты его пиджака:

— Ты мне нравишься, милый. Так что послушай моего совета: ступай своей дорогой. Есть очень простой способ не вляпаться в дерьмо. Не трогать его.

Она проводила его до двери. Прием окончен. Пифия сказала свое слово.

На пороге Шаплен решился задать последний вопрос:

— А «Метис» — это вам о чем-нибудь говорит?

Новая улыбка. Снисходительность уступила место нежности. Он догадывался, как Софи управляла своими подопечными. С помощью материнской ласки, скреплявшей их надежней, чем любые угрозы. Насилие, холод, жестокость исходили от окружающего мира. А она была рядом и защищала своих девочек.

— Я так долго вела свой бизнес, потому что меня прикрывали.

— Кто?

— Те, кто способен прикрывать.

— Не понимаю.

— Тем лучше. Но система работает в обе стороны. Они прикрывают меня, а я — их. Понял?

Ему представилась восточная вариация мадам Клод.^[54]

— Вы хотите сказать, что «Метис» имеет какое-то отношение к власти?

Она поцеловала свой указательный палец и приложила его к губам Шаплена. Софи уже закрывала дверь, когда он ее придержал.

— Не только Медина бывала у Sasha.com. Вы не назовете мне еще кого-нибудь?

Она задумалась и прошептала:

— Лейла. Марокканка. Думаю, она по-прежнему занимается этими глупостями. *Баракаллаху фик!*^[55]

* * *

Чтобы попасть в библиотеку, ей пришлось ждать пяти часов. Как и другим, Анаис приходилось подчиняться тюремному распорядку. Между тем расписание каждый день менялось, чтобы сорвать любую попытку побега.

Попав наконец в библиотеку, она отыскиала книги по истории фотографии. С тех пор как Ле-Коз рассказал ей о дагеротипах, она возлагала на этот след большие надежды. Если убийца с Олимпа действительно применял этот метод, чтобы увековечить свои преступления, ей необходимо узнать о нем все.

Замысел ее был прост. До сих пор убийца соблюдал величайшую осторожность. Им так и не удалось выяснить происхождение героина, равно как и воска, перьев и крыльев дельтаплана. Точно так же они не сумели обнаружить источник анестезирующего препарата, которым преступник усыпил принесенного в жертву быка. Между ним и орудиями преступления никакой связи установлено не было. Но, возможно, он проявил меньшую осмотрительность в том, что касается дагеротипов? Что, если материалы, которых требует эта особая техника, выдадут его?

Судя по книгам, изобретение Луи Жака Манде Дагера датировалось серединой XIX века. В техническом отношении оно заключалось в полировке медной пластины, покрытой слоем серебра. Затем носитель обрабатывали парами йода, чтобы сделать его светочувствительным. На следующем этапе на эту пластину с помощью объектива проецировали изображение, которое затем проявляли, обрабатывая парами ртути. Отполированное зеркало с полученным изображением погружали в тиосульфат натрия, чтобы защитить от воздействия кислорода слоем хлорида золота.

Иллюстрации в книгах не отличались зернистостью, зато блестели, словно ртуть. Они напомнили ей сновидения. В этих фотографиях таилось то же противоречие, что и в снах: они представлялись одновременно темными и светящимися, неясными и точными. Зрительно это выглядело как черное облако, разрывы которого образовывали серебряные узоры, настолько переливчатые, что они казались нереальными.

Она углубилась в профессиональное издание. Поняла она немного, но все же достаточно, чтобы усвоить, что техника эта сложная и требует много времени, особенно в момент съемки. Трудно поверить, что на месте преступления убийца мог потратить столько времени, чтобы запечатлеть дело рук своих, следуя этому методу. Но нашли же они рядом с телом Икара этот осколок зеркала. Убийца разбил первую светочувствительную пластину и вынужден был воспользоваться другой. Он постарался собрать все осколки, но один все-таки пропустил. Только так можно объяснить, откуда взялся этот фрагмент.

Тут она задумалась, предоставили ли Солина полную запись ее телефонного разговора с Ле-Козом. Похоже, что нет. О дагеротипах он не упоминал. А значит, только у нее есть эта зацепка.

Оторвавшись от книги, она закрыла глаза и попыталась представить себе, на что похожи дагеротипы, снятые на месте преступления. Минотавр. Икар. Уран.

И тут Анаис открыла глаза. В ее воображении пластины были не

серебристыми, а золотистыми. Скорее даже красноватыми. Этапы их химической обработки по этому старинному методу сами собой связались у нее с неразгаданной тайной тела Филиппа Дюрюи. С выкачанной из него кровью. У нее вдруг возникла необъяснимая уверенность, что, проявляя дагеротипы, убийца использовал гемоглобин своих жертв. Так или иначе, он применял этот эликсир жизни, чтобы *высветить* изображение.

Анаис всегда увлекалась искусством. Сейчас ей кое-что вспомнилось. Если верить легендам, сам Тициан добавлял кровь в свои полотна. Рубенс использовал ее, чтобы усилить тепло световых пятен, трепет плоти. Существовал и другой миф: в XVII веке человеческую кровь использовали для приготовления состава, который смешивали с маслом и красками, чтобы получить высшего качества живописный фон.

Не важно, правдивы или лживы эти истории, сейчас они питали сценарий Анаис. Она была недостаточно подкована в химии, чтобы догадаться, какая роль в нем отведена гемоглобину и оксиду железа, зато она не сомневалась, что Олимп убийцы представляет собой картинную галерею, в которой хранятся пласты сухой крови и хлорида золота.

— Шатле, на выход.

Перед ней стояла надзирательница. Анаис спросила, можно ли ей отксерить несколько страниц. Ей сказали, что нельзя. Она не стала настаивать. И даже когда позади остались длинные коридоры и запертые двери, ее возбуждение не улеглось. Дагеротипы. Алхимия. Кровь. Ей явно удалось что-то нащупать, вот только как это проверить?

Вместо ответа за ней захлопнулась дверь камеры. Она легла на кровать и услышала за стеной радио кого-то из заключенных. Программа «6–9» на «Энерджи». Лили Аллен, проездом в Париже, давала ведущему интервью. Английская певица рассказывала о своем знакомстве с первой леди Франции Карлой Бруни.

— Вы бы хотели спеть с ней дуэтом? — спросил ведущий.

— Не знаю... Карла высокая, а я совсем маленькая. Это бы странно выглядело. Я куда лучше спелась бы с Саркози!

Анаис хватило сил улыбнуться. Она обожала Лили Аллен. Особенно ее песню «22», в нескольких словах рисовавшую обычную и безысходную судьбу тридцатилетней женщины, которая и не заметила, как пролетела молодость. Каждый раз, когда она смотрела клип — девушки в туалете ночного клуба, подновляя перед зеркалом макияж, надеются подновить и свою жизнь, — она словно видела саму себя.

It's sad but it's true how society says

Her life is already over
There's nothing to do and there's nothing to say.^[56]

Она закрыла глаза и вернулась к мифическим изображениям.
Дагеротипы, покрытые кровью.
Ей надо выбраться отсюда.
Напасть на след этого ублюдка.
Остановить хищника с повадками вампира.

* * *

Очередной датинг проходил в «Веге», новомодном баре в Девятом округе. Здешняя обстановка ничем не напоминала тропическую атмосферу «Питкэрна»: сплошь хромированные поверхности и светодиодные лампы. Слева — подсвеченный голубым бар, похожий на аквариум. Справа стояли диванчики в форме инфузорий. В роли столиков выступали серебристые кубы.

На барной стойке были расставлены «Blue Lagoon»,^[57] коктейли на основе кюрасао, словно светившиеся в полумраке. Приглушенно вибрировала мягкая электронная музыка.

Холл был украшен картинками в рамках из нержавеющей стали, изображавшими героя японского мультфильма конца семидесятых, Грендайзера. Он был с планеты Вега, а бар отдавал дань моде самых уродливых лет XX века — eighties.^[58]

Вечеринка начиналась в девять вечера. Шаплен пришел в половине девятого. Ему хотелось застать Саша врасплох. В пустом зале, не сняв пальто, она раскладывала по столикам картонки с номерами и не слышала, как он вошел. Шаплен воспользовался этим, чтобы понаблюдать за ней. Видимо, Саша была уроженкой Нидерландских Антильских островов. С короткой стрижкой, ростом под метр восемьдесят, спортивного телосложения и с непропорционально крупными руками, она, несмотря на свою красоту, выглядела тяжеловесной и массивной. Временами ее можно было принять за трансвестита.

— Привет, Саша, — сказал он, не выходя на свет.

Она вздрогнула. В зале стоял ледяной холод. Саша тут же выдавила из себя улыбку и вернулась к роли благожелательной богини, царящей над миллионом заблудших сердец.

Но едва Шаплен выступил из тени, как это выражение сменилось неприкрытой враждебностью. Он подошел к ней, не зная, пожать ей руку или чмокнуть в щеку. Саша отпрянула. Под темным пальто на ней было строгое черное платье, на ногах — фирменные черные туфли на каблуке. Ничто в этом наряде не говорило об антильском происхождении, но от всего ее существа веяло тропическими островами. Под светодиодными лампами ее кожа карамельного оттенка окрасилась в золотисто-коричневые тона, а изумрудные глаза приобрели цвет морской воды.

В свою очередь она смерила его взглядом, и его одежда явно привела ее в ужас. Фиолетовая рубашка, фланелевый плащ с тремя карманами, прямые брюки из шерстяной саржи и шикарные остроносые лаковые ботинки. Он надел то, что нашлось среди броских прикидов Ноно.

— И зачем только я пускаю в свой клуб дешевых бабников вроде тебя?

— Чем я заслужил подобное внимание?

— Помнится, я высказалась достаточно ясно.

Похоже, Саша однажды уже запретила ему приходить на ее вечеринки.

— С тех пор много воды утекло, — бросил он пробный камень.

— От слухов нелегко отделаться.

Она говорила с легким креольским акцентом. Ей удавалось от него избавиться, когда она обращалась к своей пастве, но сейчас, в этом поединке с глазу на глаз, он возник снова. Шаплен попытался спровоцировать ее, разыграв то ли бывшего, то ли потенциального любовника:

— Для тебя только твой клуб имеет значение, верно?

— А что еще? Мужики? Не смей меня.

— Но ведь любовь — твое золотое дно.

— Не любовь, а надежда.

— Тут я с тобой согласен.

Саша шагнула к нему:

— Чего тебе надо, Ноно? После всего ты заявляешься сюда как ни в чем не бывало!

— Да что такого я натворил?

Саша безнадежно покачала головой:

— Ты пугаешь женщин. Бросаешь тень на других мужчин. А мне ты действуешь на нервы.

Он указал на бар в серебристых отсветах:

— Не против, если я выпью чего-нибудь, кроме твоего синего пойла?

— Будь как дома, — сдалась она, возвращаясь к своим картонкам.

Шаплен зашел за барную стойку. Там лежала сумка Саша. Он заметил

ее еще на входе. Антрацитово-серая «Биркин» от «Гермес». Классический трофей парижанки, пробившейся наверх.

Он притворился, будто выбирает бутылку. Уже входили первые гости, отодвигая тяжелый занавес над входной дверью. Ловко подхватив два коктейля, Саша двинулась им навстречу.

Шаплен взял «Биркин» и заглянул внутрь. Там лежал бумажник. Удостоверение личности. Настоящее имя Саша — Вероника Артуа. Проживает на улице Понтуаэ, 15, в Пятом округе. Запомнив адрес, он убрал все обратно в сумку. А теперь — ключи.

— Ты что делаешь?

Саша стояла по ту сторону стойки. Светло-зеленые глаза приобрели оттенок нефрита. Он водрузил бутылку на стойку.

— Коктейль собственного приготовления. Хочешь попробовать?

Не отвечая, она оглянулась на смущенных гостей, с бокалами в руках рассеявшихся на двух разных диванах. Долг призывал ее, но она еще не разобралась с Шапленом.

— Что это ты затеял, Ноно? Чего вынюхиваешь?

— То же, что и раньше.

— Вот-вот. Как всегда, непонятно что.

Шаплен открыл бутылку и плеснул себе в бокал. Ключи он успел сунуть в карман, но «Биркин» на месте уже не было — она свалилась к его ногам. Саша ничего не заметила. В бледном свете она сверлила Шаплена взглядом. Ему хотелось бы разглядеть в нем ностальгию, скрытую грусть — что-то, говорящее о старых добрых временах, но он выражал лишь тревогу и ярость.

— Точно не хочешь глотнуть?

Она мотнула головой и посмотрела на дверь: подходили новые участники.

— Интересно, — рискнул он, — а Лейла сегодня придет?

Саша испепелила его взглядом. Ее открытое и страстное лицо уроженки Антильских островов застыло, словно окаменевшая лава с холодными острыми гранями.

— Да пошел ты!

Шаплен примирительно поднял руки. Саша с бокалами в руках уже встречала новых претендентов. Он поставил сумку на место и двинулся к выходу мимо сопровождавшей гостей Саша.

Отдернув штору, он увидел очередных соискателей. Хотел было пожелать им удачи, но вместо этого прошептал:

— Мужайтесь.

Минут десять ему пришлось прождать перед домом номер 15 по улице Понтуаз, пока какой-то жилец, выходя, не открыл дверь в подъезд. Продрогший Шаплен проскользнул в проем и тут же наткнулся на решетку с кодовым замком. В дом никак не попасть.

— Чтоб тебя, — бессильно прошептал он.

Снова ждать. Сквозь решетку он оглядел мощный двор, обсаженный растениями, так и не сдавшимися зиме. Строгие фасады. Прямые карнизы без орнаментов. Балконы из кованой стали. Он словно перенесся в прошлое. Дома, должно быть, относились к XVII или XVIII веку. Раздражение не помешало ему ощутить волнующую красоту этого места. Вымощенный булыжниками двор, фасады зданий, листва — все тонуло в лунно-серой сверкающей дымке, оттенявшей картину серебристыми мазками.

Дверь в подъезд открылась. Посетитель. Мужчина с поднятым воротником подозрительно покосился на него и позвонил в домофон. Решетка отворилась. Шаплен устремился следом за незнакомцем, не обращая внимания на его неприязненный взгляд. Судя по почтовым ящикам, Вероника Артуа жила в корпусе В на четвертом этаже.

Тесная лестничная площадка, терракотовая плитка на полу, расхлябанная дверь. Шаплен словно пришел в гости к самому Вольтеру. На всякий случай он позвонил в дверь, подождал, затем бесшумно повернул ключ.

Оказавшись внутри, он взглянул на часы. С момента его ухода из «Веги» минуло сорок минут. Вечеринки у Саша проходили по раз и навсегда установленному порядку: семь заходов по семь минут — всего сорок девять, плюс разогрев и в конце — сбор листков, где каждый записывал номера телефонов приглянувшихся ему претендентов. Прибавляем время на обратную дорогу — итого добрых два часа.

Выходит, у него еще больше часа, чтобы все обшарить.

Перед ним — двух- или трехкомнатная, слегка подновленная квартирka. И здесь на полу терракотовая плитка. Шероховатые, выкрашенные в белый цвет стены. Открытые потолочные балки. Квартира напоминала саму Саша, какой он ее себе представлял. Одинокaя женщина лет сорока, которая зарабатывает на жизнь благодаря возникшей в начале двухтысячных моде на дaтинги. Клуб позволяет ей кое-как сводить концы с концами.

Он был уверен, что у нее нет отдельного офиса. Ради экономии она организует вечеринки через Интернет прямо из дома. Через тесную прихожую он попал в гостиную, отделанную в марокканском стиле. Медные лампы. Стены в розовых и мандариновых тонах. Вид покрытой подушками кушетки у окна нагнал на него тоску. Приют одинокой женщины, которая устраивалась здесь, чтобы почитать, когда на душе у нее кошки скребли. Кстати, он бы не удивился, обнаружив в этой холостяцкой квартирке кошку или болонку, но никаких домашних любимцев видно не было.

Шаплен зашел в спальню. Отделанные перламутром ширмы в восточном стиле из деревянных планок. В центре — кровать цвета граната, казалось, жаждет дождя из розовых лепестков. Здесь его ждал сюрприз: к задней стене Саша прикрепila фотографии всех членов своего клуба, соорудив что-то вроде доски почета.

Приглядевшись, Нарцисс обнаружил, что она с помощью маркера соединила все лица линиями, стрелками или пунктиром. Саша отслеживала отношения, завязавшиеся на ее вечеринках, как адмирал следит по карте за своей флотилией. Рассматривая прилежно улыбающиеся лица, он думал, что все эти немые губы выкрикивают одно-единственное слово: одиночество. Более того, лица этих одиночек повторяли черты самой Саша. Ее крупный рот громче всех вопил: ОДИНОЧЕСТВО!

Он дал волю воображению. Саша жила чужими свиданиями, которые сама организовывала. Выслеживала, подстерегала, манипулировала каждым участником. Мастурбировала в своей постели, лицом к стене, усеянной созвездиями — лицами людей, между которыми предполагались сексуальные отношения. Пленница своих фантазмов, своего бессмысленного существования, она вдохнула жизнь в эту галактику, но никогда не наслаждалась ее теплом.

Наверняка Саша где-то хранила более подробные сведения о запутанных отношениях между членами ее клуба. У стены на компьютерном столике стоял макбук. Шаплен включил его. Пароля на нем не оказалось. Саша была здесь у себя дома, в своем королевстве. К чему ей остерегаться?

Шаплен щелкнул папку «Sasha.com». Выскочили иконки. Он открыл папку, посвященную участникам. Предлагалось два списка, составленные в алфавитном порядке: по псевдонимам и по фамилиям. Шаплен выбрал псевдонимы. Появилось еще два списка — мужчин и женщин. Он углубился в список женщин, прокручивая пронумерованные фотографии. К каждой из них прилагалось описание: происхождение, семейное

положение, профессия, доходы, музыкальные предпочтения, ожидания и так далее. На своих вечеринках Саша старалась сводить людей со схожими вкусами.

Некоторые лица резко выделялись на общем фоне. Правильные черты, глубокий взгляд — эти девушки принадлежали к другому миру. Настоящие секс-бомбы. Шаплен задумался, а существовали ли они на самом деле? На сайтах знакомств многие приукрашивают свои фотографии, чтобы завлечь в свои сети побольше воздыхателей...

Если только это не девушки из эскорта, о которых упоминала Софи Барак. Таким профессионалкам нечего ловить в этом клубе. И уж точно Саша не стала бы им платить. Кто же тогда их нанимал? И для чего? Девушки постарались выглядеть естественно: никакой косметики, ничего вызывающего. Но красота — торжествующая, трепещущая — выдавала их с головой.

Шаплен записал их псевдонимы. Клоэ. Жюдит. Аква-84... Потом нашел Медину. Она собрала волосы сзади. Стерла с лица чувственную гримаску Медина изображала low profile,^[59] но не могла скрыть свою обольстительность. Такая девушка на вечеринках Саша не осталась бы незамеченной.

И Лейлу он тоже отыскал. Молодая марокканка с волнистыми волосами, темными губами и черными глазами. Она тоже прикинулась скромницей. Ни косметики, ни украшений. Простая бежевая блузка. Но залегшие под глазами тени, словно вспышки мглы, придавали ее взгляду блеск кристаллов. Очевидно, эти сногшибательные девушки пытались раствориться в толпе. Что же им было нужно?

Вдруг что-то его зацепило. Шаплен вернулась назад и еще раз медленно прокрутил фотографии. Он узнал еще одно лицо. Овальное, очень бледное, обрамленное темными волосами, такими гладкими, что они напоминали черный шелк. Светлые глаза сверкали как свечи, вызывая в памяти церковную службу и запах ладана. Ангельское лицо, нежное, как молитва, и разящее, как откровение.

Шаплен прочитал псевдоним этого ангела, и все поплыло у него перед глазами.

Feliz.

Это слово он слышал во сне — сне о тени и белой стене. Он не забыл значение этого слова по-испански: «счастливый, счастливая». Фелис. Шаплен знал ее лицо. Он снова слышал голос из сна, шепчущий, знойный, полный благодатной надежды. Теперь он знал, что это был *ее* голос.

Фелис.

Кликнув по фото, он раскрыл папку с ее личными данными. Когда на экране появилось ее настоящее имя, Шаплен, не веря, замотал головой — полное безумие, такое просто невозможно, — он едва сдержал стон. Все встало на свои места, и возврата не было.

Настоящее имя Фелис — Анна Мария Штрауб.

Теперь он ее узнал. В его воспоминаниях черты лица были стянуты, искажены веревкой, сломавшей ей позвонки. Но это точно была она. Мертвая. Повесившаяся. Призрак из его снов. *Анна Мария Штрауб*. Единственная женщина, которую, как ему казалось, он любил, не была пациенткой психушки. Она — одна из эскорт-девушек, с которой он познакомился на вечеринках Саша. Присосавшаяся к нему пиявка, которой платили за участие в этих встречах. Его воспоминания — страстные ночи в палате Анны Марии, безумие его любовницы, ее тело, болтающееся над ним на его же ремне, — сплошь обман и галлюцинации. До сегодняшнего дня у него мало что было. Но и эта малость только что испарилась как дым.

Шаплен закрыл глаза, пытаясь собраться с силами и взять себя в руки. Когда он почувствовал, что немного успокоился, то открыл глаза и дочитал описание. Она вступила в клуб в марте 2008 года. Жила в Десятом округе Парижа, на улице Ланкри. 27 лет. Она не снизошла до ответов на прочие вопросы анкеты. Ни слова о профессии, доходах, хобби или досуге... Саша не настаивала. С такой кандидаткой пререкания ни к чему.

Он отметил, что Анна Мария Штрауб не возобновила членство в следующем году. Шаплен выстроил хронологию. Что-то не складывалось. Она регулярно посещала клуб с марта 2008-го по февраль 2009-го. Но ведь в это время *Ноно еще не существовал*. По словам Юсефа, он явился миру только в марте 2009-го. Так когда именно Шаплен встретил Анну Марию Штрауб? В какой жизни?

А если так. Он познакомился с ней в 2008 году, когда был какой-то иной личностью, но тоже членом клуба Саша, просто под другим именем. Новым щелчком мыши он открыл историю встреч Фелис. Вечеринки, на которых она была, фамилии участников, чьи телефоны она захотела узнать. Если он прав, то он есть в этом списке.

До декабря 2008 года она приняла участие почти в сорока датингах. И при этом взяла всего-навсего двенадцать номеров. Еще один клик. Он прокрутил список псевдонимов. Ни один ему ни о чем не говорил. Он открыл каждую папку в поисках своей фотографии. Но ее там не оказалось.

Все же он рассмотрел избранников Фелис. 21 марта 2008-го она спросила телефон Родриго. Настоящее имя — Филипп Депре, 43 года, разведен, детей нет. 15 апреля она заинтересовалась Сандоканом, в

реальной жизни — Сильвен Дюрье, 51 год, вдовец. 23 мая 2008-го она заметила Жан-Мишеля, он же Кристиан Мьоссан, 39 лет, холост. 5 июня 2008-го — Алекс-244, настоящее имя Патрик Серена, 41 год, холост...

И далее все в таком же роде. Что привлекло Фелис в этих мужчинах? Она была профи. Неправдоподобно красивая женщина, зарабатывающая своей привлекательностью. Реалистка, для которой ее внешность стала безотказным оружием. Что ей было нужно от этих простофиль?

22.45. Вот-вот вернется Саша. Шаплен записал в блокнот, который хранил в кармане, координаты жертв Фелис, затем вставил купленную днем флэшку. Он скопировал папки и скрыл следы своего присутствия.

Переступая порог, Шаплен подумал, что он еще не до конца разобрался с анкетами. Ведь он так и не посмотрел свою собственную — Арно Шаплен, он же Ноно, за 2009 год. И он ничего не нашел о Медине. Познакомился ли он с ней через Саша? Неужели одна и та же история произошла у него дважды — с двумя разными девушками? Голос Медины: «Обстановка накаляется. Мне страшно». Медина мертва? А Фелис? Она на самом деле умерла повешенной?

* * *

Номер первый, Филипп Депре, он же Родриго, умер.

Второй, Сильвен Дюрье, он же Сандокан, ответил после четвертого гудка.

— Месье Дюрье?

— Это я.

— Я звоню вам по поводу Анны Марии Штрауб.

— Кого?

— Фелис.

Короткая пауза.

— Кто вы?

Захваченный врасплох, он нашелся:

— Офицер судебной полиции.

Набрав воздуха, его собеседник твердо произнес:

— Неприятности мне не нужны. Знать не желаю, чего она натворила.

И слышать о ней не хочу.

— Вы знали, что она исчезла?

— Я не видел ее полтора года! Она бросила меня после трех свиданий,

ничего не объяснив. Больше я никогда о ней не слышал.

— Когда вы в первый раз ее увидели?

— Если вы собираетесь меня допрашивать, вызовите меня в комиссариат.

Дюрье бросил трубку. Шаплен глотнул кофе. Он зашел в кафе на бульваре Сен-Жермен. Кожаные диванчики. Теплый свет люстр. Отдаленный гул голосов — в кафе почти никого не было.

Следующий номер.

После двух гудков ответил женский голос:

— Алло?

Такого Шаплен не ожидал. Он заглянул в свой блокнот и прочитал имя избранника номер три.

— Будьте добры, Кристиана Мьоссана.

— Это шутка?

Он совершил ошибку, но не понимал какую. Пытаясь выиграть время, он повторил вслух набранный им номер.

— Это действительно номер Кристиана, — ответила она уже не так агрессивно.

Шаплен старался говорить участливо:

— Я неудачно выразился. Я звоню по поводу месье Мьоссана, и...

— Кто вы?

Он снова представился офицером судебной полиции, не называя своего имени.

— Есть новости?

Теперь ее голос звучал иначе. Раздражение сменилось надеждой.

— Возможно, — сказал он наудачу.

— Какие?

Шаплен собрался с духом. Он продвигался вслепую, но в этом у него уже был кое-какой опыт.

— Извините, но не могли бы вы прежде сказать мне, кто вы?

— Натали Форестье, его сестра.

Он лихорадочно размышлял. Если сестра Мьоссана говорит по его мобильному, это значит, что он умер, болен или пропал. Вопрос «есть новости?», заданный полицейскому, исключал болезнь.

Он прочистил горло и заговорил с уже привычными интонациями следователя:

— Я хотел бы вернуться к некоторым фактам.

— Господи... — Теперь ее голос казался измученным. — Я уже столько раз все это рассказывала...

— Мадам, — он понизил голос, стараясь говорить веско, — мне поручили это дело с тем, чтобы разработать определенные направления. Я должен допросить каждого важного свидетеля.

Все это было шито белыми нитками: только что он набрал номер мертвого или пропавшего без вести человека, — но женщина ничего не заметила.

— Так у вас есть что-то новое или нет? — спросила она.

— Сперва ответьте на мои вопросы.

— Вы что... снова меня вызовете?

— Сожалею, но да. А сейчас, по телефону, я хотел бы попросить вас припомнить кое-какие детали.

— Слушаю вас, — сдаваясь, ответила она упавшим голосом.

Подумав, Шаплен решил начать с самого общего вопроса:

— Как вы узнали о том, что произошло с вашим братом?

— В первый или во второй раз?

Нельзя умереть дважды. Значит, Кристиан Мьоссан пропал. *Два раза.*

— Для начала поговорим о первом случае.

— Мне позвонили из полиции. С ними связалось начальство Кристиана. Вот уже две недели от него не было никаких известий. Мой брат им не звонил и не посылал медицинской справки. Это совсем на него не похоже.

— Когда точно вам позвонили?

— Десятого июля две тысячи восьмого. Я не очень хорошо помню.

Шаплен записал дату, сравнил со своими пометками. Впервые Мьоссан встретился с Анной Марией Штрауб 23 мая 2008 года. И меньше чем через два месяца он исчезает. Есть ли тут какая-то связь?

— А вы сами не заметили, что он исчез?

— Вы не читали мои показания?

— Нет. Предпочитаю не забивать голову домыслами перед допросом свидетелей.

— Что за странный метод!

— Уж какой есть. Как же вы не заметили, что ваш брат пропал?

— Вот уже двенадцать лет мы в ссоре.

— Из-за чего?

— Дурацкая история с наследством. Квартирка в Париже. В общем, из-за глупости...

— Его близкие тоже не заметили его исчезновение?

— У Кристиана не было близких. — Она продолжала срывающимся голосом: — Он был совсем один, понимаете? Постоянно торчал в

Интернете, на сайтах знакомств. Я только потом узнала. Встречался с женщинами, с... профессионалками, с кем попало...

Шаплен записывал все, что она ему сообщала, на ходу пытаюсь по кусочкам составить общую картину. Натали Форестье упомянула о двух исчезновениях.

— И когда его нашли?

— В сентябре. Хотя на самом деле полиция обнаружила его в конце августа, но мне позвонили только в середине сентября.

— Почему с вами связались так поздно?

Натали запнулась. Похоже, неведение собеседника приводило во все большее замешательство.

— Потому что Кристиан утверждал, что его зовут Давид Лонге. И совершенно забыл, кто он на самом деле.

Этого он не ожидал. У Кристина Мьоссана, избранника Фелис, была реакция бегства. Он тоже — пассажир без багажа.

— И где его обнаружили?

— Подобрали вместе с другими бомжами в конце августа на Пари-Пляж.^[60] Он страдал амнезией. Сперва его направили в психушку префектуры полиции, ту, что вы называете «Три П».

— Так положено.

— Потом перевели в больницу Святой Анны.

— Не припомните, как звали психиатра, который его лечил?

— Смеетесь? Кристиан провел там около месяца. Я навещала его каждый день. Врача зовут Франсуа Кубела.

Он записал имя. Допросить в первую очередь.

— В каком отделении он работает?

— В КПРЭ, Клинике психических расстройств и энцефалита. Такой очаровательный, душевный человек. Похоже, он хорошо разбирается в подобных заболеваниях.

— Кубела объяснил вам, чем болел Кристиан?

— Он говорил о реакции бегства, уходе от реальности через амнезию — все в таком роде. Рассказал, что как раз занимается схожим случаем: пациентом из Лорьяна, которого перевел в Париж, в свое отделение.

Шаплен трижды подчеркнул имя Кубела. Специалист. С ним обязательно надо поговорить. Тот, конечно, сошлется на врачебную тайну, но...

— Кубела казался... растерянным, — продолжала Натали. — По его словам, это очень редкий синдром. Вообще-то до сих пор во Франции не было отмечено ни одного случая. Он еще шутил: «Это фирменное блюдо

американцев».

— Как он лечил вашего брата?

— Точно не знаю, но уверена, он все перепробовал, чтобы вернуть ему память. И все без толку.

Шаплен сменил тему:

— А как опознали Кристиана? Каким образом вышли на вас?

— Так вы вообще ничего не знаете...

Мысленно он поблагодарил эту женщину за то, что она сразу не бросила трубку. Его неведение было вопиющим.

— Кристиана опознали по отпечаткам пальцев, — объяснила она. — В прошлом году его задержали за вождение в нетрезвом виде. Отпечатки сохранились в базе полиции. Не знаю уж почему, но сопоставление заняло больше двух недель.

— И что же дальше?

— Мне поручили заботу о Кристиане. Профессор Кубела слабо верил в его выздоровление.

— А потом?

— Кристиан поселился у нас. Мы с мужем и детьми живем в домике в Севре. Было непросто.

— Кристиан по-прежнему считал себя Давидом Лонге?

— Да, по-прежнему. Это было... ужасно.

— И вас он совсем не помнил?

Натали Форестье не ответила. Шаплону было знакомо это молчание. Она плакала.

— Он так и жил в вашей семье? — произнес Шаплен через несколько секунд.

— Где-то через месяц он снова сбежал. И вот...

Новая пауза. Рыдания.

— Тело обнаружили возле завода стройматериалов, на набережной Марсель-Бойе в Иври-сюр-Сен. Страшно изуродованное.

Шаплен записывал. Рука у него дрожала и вместе с тем оставалась твердой. Кажется, наконец он на верном пути.

— Простите, что задаю подобный вопрос, но какими именно были эти увечья?

— Вы ведь можете посмотреть отчет о вскрытии?

Он настаивал как можно мягче:

— Будьте любезны, ответьте.

— Точно уже не помню. Мне и знать-то не хотелось. По-моему, ему рассекли лицо сверху донизу.

Значит, Кристиан Мьоссан, он же Жан-Мишель, он же Давид Лонге, был носителем имплантата. Как Патрик Бонфис. *Как он сам.* Анаис Шатле права. Препарат, вызывавший синдром «пассажира без багажа», поступал именно через такой имплантат. Особый прибор, который убийцы каждый раз обязаны были извлекать.

— Послушайте, — вдруг заговорила Натали, — я сыта по горло вашими вопросами. Хотите меня допросить, вызывайте в отделение. А главное, если будут новости, сообщите их мне!

Он что-то пробормотал в ответ, намекая на новые данные, позволяющие возобновить расследование. Вместе с тем ему не хотелось подавать этой женщине ложные надежды. В итоге вышло что-то совершенно невнятное.

— У нас есть ваш адрес, — заключил он официальным тоном. — Завтра же вы получите повестку. Подробности узнаете на месте.

Он расплатился и вышел в ночь на поиски такси. Направился к Сене, поднялся по набережной Турнель. Вокруг ни души. Только по мостовой несутся машины: водителям явно не терпится вернуться домой. Холодно. Темно. Над ледяной безысходной ночью тяжело нависает собор Парижской Богоматери. Шаплону тоже хотелось домой. Но ему необходима была эта очередная ночь поисков.

Кристиан Мьоссан, он же Давид Лонге.

Патрик Бонфис, он же Паскаль Мишель.

Матиас Фрер, он же...

Трое подопытных.

Трое «пассажиров без багажа».

Трое подлежащих уничтожению.

Какую роль могли здесь играть Анна Мария Штрауб и Медина? Роль убийц? Охотниц на жертв-одиночек?

Эта гипотеза еще годилась для Кристиана Мьоссана, но никак не для Патрика Бонфиса, бедного рыбака из Страны Басков. Ну а для него самого? Бывал ли в клубе Саша тот, кем он был, прежде чем стать Арно Шапленом? Угодил ли он в ловушку, расставленную Фелис? Среди жертв этой амазонки он не нашел ни одной своей фотографии.

В двадцати метрах перед ним, на углу улицы Гран-Огюстен, остановилось такси, чтобы высадить пассажира. Он побежал и забрался внутрь, дрожа от холода.

— Куда едем?

Шаплен взглянул на часы. Уже за полночь. Самое время для охоты на девочек.

— В бар «Джонни», улица Клеман-Маро.

* * *

— У меня новости, красотка.

Заспанная Анаис, не веря своим ушам, слушала Солина по телефону. Ее вытащили из постели, привели сюда, на пост охраны. Всучили телефонную трубку. Чудеса да и только.

— Я и не знал, какие у тебя связи.

— Какие еще связи? Ты это о чем?

— О том, что завтра тебя отпустят. Судья подписал приказ.

Она промолчала. При одной только мысли, что она вырвется из этого бетонного мешка, возникло ощущение, что ей ломиком вскрывают грудную клетку.

— А почему, тебе сказали?

— Без комментариев. Так решили на самом верху. И точка. А еще говорят, что правосудие одно для всех.

Анаис сменила тон:

— Если ты что-то знаешь — скажи. Кто меня отсюда вытащил?

Солина рассмеялся. Его смех напоминал скрежет.

— Давай изображай святую невинность, тебе это так к лицу. Так или иначе, я хочу, чтобы ты была у меня под рукой. Мы продолжаем расследование. Назовем это кризисным штабом.

— Есть сдвиги?

— Черта с два. О Медине так ничего и не накопили. Ни о ее делишках, ни о ее контактах. Януш как в воду канул. Ни слуху ни духу — вообще ничего. Розыск сбился с ног.

Она смутно догадывалась, что Солина и его церберам просто слабо вести уголовное расследование. Ну а розыску такая добыча, как Януш, не по зубам.

— Пришлешь за мной машину?

— Ни к чему. Тебя будут ждать.

— Я никого не знаю в Париже.

Солина снова хохотнул. Теперь скрежет звучал как писк.

— Не волнуйся. Твой папаша приехал собственной персоной.

* * *

— В первый вечер ничего не было. У меня есть принципы.

— Но ведь ты с ним переспала.

— Ага. В итоге переспала. Ну, ты понимаешь, о чем я...

Три девицы расхохотались. Шаплен сидел за соседним столиком в глубине зала «Джонни». Бар в американском стиле: лакированные деревянные панели на стенах, кожаные кресла. Тусклый свет омывал мебель и ноги девушек, отбрасывая золотисто-коричневые блики в гамме Вермера. Шаплен сидел к ним спиной, боясь пропустить хоть слово из их болтовни. Троица по всем статьям подходила к тому типу, который был ему нужен. Не то чтобы профессионалки — просто не прочь подзаработать при случае, — болтавшие о тряпках и мужиках.

— Ты больше не носишь очки?

— Не-а. Теперь у меня линзы. Очки — это слишком секси.

Каждая их реплика поражала его. Ему не хватало опыта Ноно. И в то же время в этой их манере смешивать в большом шейкере секс, деньги и простодушные надежды было что-то трогательное.

— Пойду попудрю носик.

Шаплен бросил взгляд через плечо и увидел со спины тонкую фигурку, затянутую в темный атласный корсаж, переходящий в широкую юбку из черного тюля. Даже со своего места он слышал, как посапывает это создание. Пудра, о которой шла речь, ничего общего с косметикой не имела.

— Была на вечеринке у принца?

— Какого еще принца?

Девицы уже снова чесали языками.

— Не знаю, как его звать. Он из Эмиратов.

— Меня не приглашали, — надулась вторая.

— Там была одна русская, ну, я тебе скажу, никогда не видала такой профессионалки. Из кожи вон лезла, лишь бы быть первой.

— Первой?

— Ага. Мы были в шоке, а ведь она оказалась права. Угомонила парня за пять минут. Получите — распишитесь, за все про все три тысячи евро. А мы потом ночь напролет надрывались, чтобы у него снова встал...

Новый взрыв смеха. Он заказал себе еще шампанского. Надо бы угостить девушек, но у него не хватало духа. Времена Ноно ушли безвозвратно.

Мисс Кокс вернулась вприпрыжку. Хороша что сзади, что спереди. Изможденное лицо под черным шлемом волос, подстриженных под Клеопатру, излучало какую-то животную грацию. Если приглядеться,

становилось заметно, что наркотики уже подтачивают ее: щеки ввалились, глаза запали. Но красота ее черт, оттененная сумрачным и в то же время сверкающим макияжем, все еще брала верх.

Поравнявшись с Шапленом, она остановилась и улыбнулась ему:

— Что, интересно, о чем мы болтаем?

— Извините?

— Хорош прикидываться, да ты чуть шею не свернул, подслушивая.

Он выдавил улыбку:

— Я... Можно вас угостить?

— Чего ради? Ты из полиции?

Вопрос огорошил его. Ему не удалось их провести. Он сбросил маску.

— Я ищу Лейлу.

— Какую Лейлу?

— Просто Лейлу.

— Ты с ней знаком?

— Нет. Но мне о ней говорили.

Клеопатра одарила его бархатной улыбкой:

— Да вот она.

Шаплен обернулся и в дверном проеме увидел то самое лицо, которым любовался на фото в папках у Саша. Сегодняшний ее образ не имел ничего общего с красивой девушкой с доски почета. Под мышкой огромная сумка от «Шанель», плащ с меховым воротником накинут поверх невинного белого муслинового платья. Это одеяние юной девушки резко контрастировало с волнами сексуальности, исходившими от ее мускулистого тела.

— Лейла, ты прям как звезда, — сказала Клеопатра. — Тут тебя ищет этот парень.

Вновь пришедшая расхохоталась:

— Вот что значит класс, деточка.

Она улыбнулась и в вызывающем реверансе склонилась к Шоплену. Ее декольте действовало, как удар кулаком в лицо.

— Чего желаешь, котик? — Она повела плечами, отчего ее груди мягко колыхнулись. — Кто меня ищет, — прошептала она, лизнув его в ухо, — тот меня находит.

Шаплен попытался сглотнуть. Но напрасно. В паху вспыхнул пожар. Яйца едва не лопались. Он с трудом представлял себе подобное создание на датингах от Саша. Надо думать, в такие вечера мужики просто выстраивались в очередь, дожидаясь, пока она их слопают без перца и соли.

— Я хочу потолковать с тобой о Медине. — Шаплен старался говорить

твердо.

Улыбки как не бывало. Лейла выпрямилась. Шаплен поднялся и сцепился с эскорт-девушкой взглядом. Вблизи тени у нее под глазами разили наповал. Две фиолетовые черты, усиливающие жар ее радужек.

— Где Медина? Что с ней случилось?

— Да пошел ты... Мне нет до нее дела.

— Давай поговорим где-нибудь в тихом месте.

— Охренел, урод?

— У меня ствол.

Она взглянула на его ширинку и улыбнулась:

— Оно и видно.

— Кроме шуток.

Арабка смотрела на него недоверчиво. Вызывающего вида как не бывало. Ее товарки изумленно таращились друг на друга.

— На чем ты приехала? — спросил он тоном полицейского.

— На своей тачке.

— Где она?

— На парковке на улице Франциска Первого.

Ее голос звучал резко и отрывисто. От сексуальности не осталось и следа. Словно с ее души внезапно стерли всю косметику. Не спуская глаз с Лейлы, Шаплен бросил сто евро на столик, за которым сидели девушки.

— Я угощаю.

И кивнул на дверь:

— Пошли.

* * *

— Курить можно?

— Машина твоя.

— С чего мне начать?

— Лучше всего с начала.

Сидя за рулем, Лейла закурила «Мальборо» и выпустила облачко дыма. Стекла были подняты. Салон «остина» тут же затянуло туманом.

— Мы все подружки.

— У вас одно ремесло?

Улыбка Лейлы смахивала на гримасу.

— Мы актрисы.

— Как скажешь.

— Мы вечно строим какие-то планы. Ради денег или ради карьеры. Больше всего мечтаем о карьере актрисы. Но в Париже ни за что не пробиться.

Она снова глубоко затянулась. Даже причмокнула губами. Свободной рукой она без конца разглаживала свои шелковистые колготки. Шаплен старался не опускать глаз, опасаясь не устоять перед мощным притяжением ее обтянутых черным ляжек.

— У вас есть Софи Барак.

— Свиноматка. Так мы ее зовем между собой. Она нам подкидывала кое-какие делишки, но уж больно стремные.

К Лейле возвращался говор окраин. Словно язык помимо ее воли обретал старые навыки, от которых она недалеко ушла.

— И тут вы прознали про Sasha.com.

В ответ Лейла только выпустила еще одно облачко дыма. На миг она снова стала хищницей, какой была в баре «Джонни». Свирепое выражение словно заострило ее лицо. Обведенные сумраком глаза напоминали кратеры, готовые изрыгнуть пламя.

— Сам-то ты кто?

— Одна из жертв этой истории. Как Медина. Как ты.

— Мы не жертвы.

— Будь кем хочешь, только дай мне нужные сведения.

— Чего ради?

— Ради Медины.

— Вот уже несколько месяцев, как она пропала.

— Если ответишь на мои вопросы, я расскажу, что с ней случилось.

Новый взгляд, в котором боролись гнев и страх. Под плащом с меховым воротником она дрожала от холода. Лейла раздавила свою сигарету в пепельнице, закурила новую. Ее зажигалка была отделана китайским лаком и золотом. Шаплен догадался, что это такой же трофей, как и сумка «Биркин» у Саша. В Париже женщины — те же воительницы. Они выставляют свои трофеи напоказ, как шайенки подвешивают скальпы себе на пояс.

Вдруг она повернула ключ зажигания и включила отопление на полную мощность.

— Ну и дубак в этой тачке. На чем мы остановились?

— На Sasha.com. Кто вам о ней рассказал?

— Клиент Медины. Шикарный тип. Жил в отеле в Восьмом округе.

— В «Теодоре»?

— Нет, в другом. Уже не помню.

— Когда это было?

— Около года назад.

— Что он предлагал?

— Ловлю лохов.

— По-французски, пожалуйста.

— Нам надо было участвовать в датингах и выглядывать парней, подходивших под параметры.

Что останется, если исключить невероятное? Невозможное.

Кастинг для набора подопытных кроликов.

— Что за параметры?

— Нужны были жалкие одиночки, у которых в Париже никого нет. Податливые, неуверенные в себе. И лучше придурковатые. — Она усмехнулась между двумя затяжками. — Короче, полные неудачники.

Все сходилось. Как найти в Париже одиноких мужчин без всякой опоры, уязвимых невротиков? Охоту лучше всего вести среди им подобных одиночек, ищущих родственную душу. Датинг — самое подходящее место. Там можно и высмотреть добычу, и познакомиться с ней поближе, и заманить ее в ловушку с помощью таких приманок, как Лейла, Медина или Фелис. Уловка стара как мир.

Несмотря на отопление, Лейлу все еще трясло. И где теперь закованная в латы завоевательница из «Джонни»? Плечи, грудь, сама ее фигура словно съежились. Сейчас молодая женщина походила на то, чем была *на самом деле*. Насмотревшаяся реалити-шоу и подсевшая на глянцевого журнала девчонка с окраины, чьи мечты ограничивались ВИП-зоной в модном кабаке. Арабка, усвоившая, что у нее лишь одно оружие, чтобы приблизиться к этой цели, но время поджимает.

— А с заказчиками ты встречалась?

— Само собой.

— Как они выглядели?

Ее ноздри расширились, из них вырвался дым.

— Иногда они смахивали на охранников. Иногда на преподавателей. Но все походило на полицейских.

— А они говорили, для чего нужен... кастинг?

— Ну, они отбирают парней, чтобы испытывать лекарства. Что-то от головы. Они объяснили, что тесты на людях были всегда. Что это необходимый этап после тестов на животных. — Она разразилась мрачным смехом. — Говорили, будто мы — связующее звено между животными и людьми. Уж не знаю, комплимент это или нет.

— А они предупреждали, что это опасно? — Шаплен повысил

голос. — Говорили, что их препараты разрушают мозг? Что подопытные даже не знали о своем участии в эксперименте?

Лейла взглянула на него с ужасом. Шаплен прочистил горло и заставил себя успокоиться. Резким движением он опустил стекло — в салоне нечем было дышать.

— И вы не побоялись в это ввязываться? Не подумали, что это незаконно или опасно?

— Говорю тебе, они смахивали на легавых.

— Возможно, так даже опаснее.

Лейла не ответила. Что-то тут не сходится. С какой стати эти доморощенные эскорт-девушки не побоялись принять предложение, которое очень походило на заговор?

Арабка откинулась на подголовник и выдохнула очередную струйку дыма.

— Это все Медина. Она нас уболтала. Сказала, что мы срубим бабла по-легкому и даже спать ни с кем не придется. Что надо брать, пока дают. Быть сильнее системы. И прочую хрень.

— И сколько девушек этим занималось?

— Точно не знаю. Четыре или пять... Насколько мне известно.

— Как именно все это происходит?

— Ну, ходим на датинги к Саша и фильтруем народ.

— Почему именно в этом клубе?

— Без понятия.

— Думаешь, могут быть и другие девушки, которые работают в других клубах?

— Не знаю.

— Продолжай.

— Когда находим лоха с «потенциалом», спрашиваем его номер. Встречаемся раз-другой, ну и все.

— А лохов... вы сами выбираете?

— Нет. Они.

— Кто — они?

— Те, кто нам платит. Легавые.

— Но как они могут их выбирать в реальном времени?

Она двусмысленно улыбнулась. Несмотря на испуг, воспоминания об этих свиданиях все еще забавляли ее. Из ее темных губ по-прежнему вырывался дым. В машине уже ничего не было видно.

— На нас надевают микрофон. С наушником, как на телевидении. Мы задаем вопросы. Те, которые нам велено задавать. А они все слышат и

выбирают.

Шаплен представил себе этих кукловодов. Психологов, неврологов, военных. Семь минут на составление профиля. Это немного, но для начала достаточно. Хватит, чтобы дать девушкам зеленый свет.

Внезапная мысль заставила его подскочить. Он схватил Лейлу за запястье, приподнял ей волосы и заглянул в вырез. Но на бронзовой коже не оказалось ни микрофона, ни какого-либо еще устройства для прослушки.

— Что-то не так?

Шаплен выпустил ее.

Взяв очередную сигарету, она выругалась:

— Да нет там ничего, черт побери.

С некоторым облегчением он продолжал расспросы:

— Расскажи, что происходит, когда вы кого-то выберете?

— Я же сказала. Ну, пару раз встретимся с ним в заранее намеченных местах. За нами следят. Фотографируют. Снимают на камеру. — Она прыснула. — Прямо как кинозвезд.

— А потом?

— Типа все. После этих свиданий придурок исчезает. Мы кладем бабло в карман и беремся за следующего.

— Сколько вам платят?

— Три тысячи евро за то, что записываемся к Саша. И три тысячи за окученного лоха.

— Вы никогда не задумывались, что случается с этими беднягами?

— Братишка, с тех пор как я родилась, каждый сам за себя. Буду я цацкаться с дебилами, которых видела три раза в жизни и которые только и думают, как бы меня трахнуть?

— А что сейчас?

— Да ничего. Вся эта фигня прикрылась.

— Давно?

— Наверное, месяц или два. Все равно я больше не собиралась этим заниматься.

— Почему?

— Слишком опасно.

— В каком смысле опасно?

— Девчонки стали пропадать.

— Как Медина?

Лейла не ответила. Наступило пропитанное дымом молчание, готовое вот-вот взорваться от напряжения.

Наконец, не глядя на него, она дрожащими губами спросила:

— Что с ней случилось?

Шаплен молчал. Лейла снова ощерилась:

— Ты обещал, ублюдок! Мы договорились!

— Она погибла, — сблефовал он.

Женщина съежилась еще больше. Кожаное сиденье заскрипело. Она не казалась удивленной, но слова Шаплена, очевидно, подтвердили то, во что она уже давно отказывалась верить. Снова закурила.

— Ка... как?

— Подробностей не знаю. Ее убили ваши заказчики.

Она выдохнула синеватый дым. Ее буквально трясло от страха.

— По... почему?

— Сама знаешь. Слишком много болтала.

— Как я сейчас?

— Тебе нечего бояться: мы с тобой в одной лодке.

— Медине ты говорил то же самое. И вот что вышло.

— Что ты несешь?

— Думаешь, я тебя не узнала? Чертов Ноно! Медина показывала мне фотки. Но меня ты не проведешь, усек?

— Расскажи.

— Чего «расскажи»? Сам рассказывай.

— Я потерял память.

Новый взгляд, на этот раз нерешительный. Лейла пыталась прочитать правду в глазах Шаплена. Она продолжала тихо, словно голос ее притупился:

— Медина встретила тебя у Саша и тут же втюрилась. С чего бы?..

— Тебе я не по вкусу? — улыбнулся Шаплен.

— Так ты небось признаешь только позу миссионера, потом помолиться и баиньки.

Он улыбнулся еще шире. Его крикливый костюм ее не обманул. Как давно он не занимался любовью? Но и здесь он ничего не помнил.

— Ну а те парни в наушниках? Они меня не выбрали?

Она прошептала почти неслышно:

— Выбрали бы, ты бы сейчас не корчил из себя Джека Бауэра.

Он привел свои мысли в порядок. Значит, Арно Шаплен не прошел их кастинг. Но однажды, когда с ним работала Фелис, его уже выбрали. Как же его тогда звали?

— Продолжай.

— Ты заговорил ей зубы. Убедил дать показания, уж не знаю, против

кого и во имя чего.

— Дать показания?

— Ты вел расследование. Разоблачал чьи-то махинации. Этаким борец за справедливость. Говорила я Медине: «Ты и так уже по уши в дерьме, не ныряй туда с головой». Но куда там. Она ловила кайф от этих баек о борьбе и правосудии.

— Когда это было?

— В прошлом июне.

В августе Медина оставила ему паническое сообщение: «Обстановка накаляется. Мне страшно». Ноно явился слишком поздно. Они играли с огнем, и она дорого заплатила за их дерзость.

Это лишь укрепило его уверенность: та же история произошла у них с Анной Марией Штрауб, она же Фелис. Еще одна женщина, которую он соблазнил и убедил дать показания. Анну Марию Штрауб убили, наверняка повесили. А как умерла Медина?

— Ты когда-нибудь слышала о Фелис?

— Нет, а кто это?

— Девушка, которой не повезло.

— Она перешла тебе дорогу?

Шаплен не ответил.

— Помнишь мужчин, которых ты выбирала?

— Плохо.

Это была явная ложь, но он не стал настаивать. Подумал о жертвах Медины. Прочитать ее данные он не успел, но в кармане у него лежала флэшка.

— Сколько их было?

— Думаю, человек пять-шесть.

Сейчас, по неизвестной причине, «Метис» свернул свою программу. Пришло время большой чистки. Подопытных уничтожали, как и девушек, которые слишком много болтали. Оставались мифологические убийства. Как они вписывались в эту цепную реакцию?

— Говоришь, программу закрыли? А откуда тебе это известно?

— Они больше не звонят. Не выходят на связь.

— А ты знаешь, где их найти?

Прокуренным голосом она буркнула:

— Нет. И даже если бы знала, не сунулась бы туда. Вся эта история — полный отстой, а я не хочу кончить, как Медина. Ну а теперь что будем делать?

Его удивил этот вопрос. Шаплен понял, что Лейла со всей своей

бойкостью и высоченными каблуками нуждалась в помощи и совете. Но он последний, кто может ей помочь.

Он подставил Фелис.

Он подставил Медину.

С Лейлой он так не поступит.

Выходя из машины, он приказал ей:

— Забудь меня. Забудь Медину. Забудь Саша. Ты сама откуда?

— Из Нантерра.

— Вернись туда.

— Чтобы они сожгли мою тачку?

Шаплен улыбнулся. Он чувствовал себя бессильным. Судьба Лейлы предрешена.

— Береги себя.

Лейла вытянула сигарету, как оружие:

— Сам поберегись. Медина говорила: что бы ни сделали с тобой эти парни, хуже того, что ты пережил, уже не будет.

— А что я пережил?

Еле слышно она прошептала:

— Точно не знаю. Медина говорила, что смерть в тебе. Что ты — зомби.

* * *

Едва открыв дверь в лофт, он понял, что все повторяется. *Вечное повторение*. За долю секунды он успел шагнуть в сторону и уклониться от нападавшего. Выхватив свой «СZ», развернулся, снял пистолет с предохранителя, передернул затвор и выстрелил в лицо уже изготовившемуся противнику. В свете вспышки он увидел, как из горла одного из двух его давних преследователей вырвался фонтан крови. В темном лофте прогремел выстрел. Высветившиеся стены лизнул огненный язык.

Тьма сомкнулась. Затем раздались ответные выстрелы. Пули вспороли стеклянную крышу, искромсали шторы. Брызнули осколки. Шаплен рухнул на пол, раздирая руки о стекла. Среди вспышек он различил пучок света — наверняка от тактического фонаря, закрепленного на стволе автоматического пистолета. Сквозь захлестнувший Шаплена ужас пробивался один вопрос: как они вычислили его на этот раз?

Дважды он выстрелил вслепую, целясь в глубь лофта, вскочил на ноги

и одним прыжком укрылся за кухонной мебелью. Его снова обстреляли. Раздававшиеся под стальной конструкцией сухие щелчки ничуть не походили на смачные выстрелы в кино. Здесь каждый звук, взрывающий темноту, казался именно тем, чем он был, — сгустком чистого разрушения.

Луч фонаря метался вокруг, пробегая по разбитой крыше, высвечивая стойки, обшаривая в поисках Шаплена каждый закоулок. Лестница справа, как раз между ним и его противником. Если он хочет выбраться из этой передраги, надо подняться на галерею. На самом деле у него и нет другого выхода. Бросившись к двери, он схлопочет две-три пули в спину прежде, чем доберется до порога.

Тьма пропахла порохом. Во дворе за изрешеченными шторами загорались огни, слышались голоса. Выстрелы сделали свое дело. Просто отсидеться, ожидая помощи? Но враг не станет терять время. И не убежит. В Марселе они осторожничали, но на этот раз Шаплен убил его напарника. Суть схватки в корне изменилась.

И тут первый его противник, тот, которого он убил, приподнялся на локте. Он лежал в луже крови. Пучок света осветил его лицо. Красная жидкость стала белесой.

— Мишель? — окликнул его напарник.

То, что он назвал его по имени, придало убийцам что-то человеческое, а значит, выдало их уязвимость. У этих двоих были имена. Возможно, даже жены и дети. Ослепленный фонарем, раненый поднял руку, показывая, где прячется Шаплен. Тот отступил, вжимаясь в кухонное оборудование, и трижды выстрелил в умирающего. В свете вспышки Шаплен увидел, как ему разорвало череп. Брызнули мозги, надо лбом убитого поднялся дымок.

Не дав второму времени отреагировать, он бросился к металлической лесенке. Электрический луч настиг его. Снова загрели выстрелы. Шаплен жал на спуск, будто его собственные пули могли его оградить. Когда он ухватился за леера, служившие перилами, по тросу пробежала искра. Он почувствовал ожог. Быстро отдернул руку и, пошатываясь, начал взбираться, стреляя между ступеней, между тросов, высекая вокруг себя язычки пламени. Пули отскакивали от углов. Того и гляди, его убьет рикошетом.

Он залег на галерее. Внизу пучок света кругами продвигался к лестнице. Шаплен снова выстрелил, не целясь, гадая, сколько пуль у него осталось. Еще два магазина у него в кармане: эта мысль успокоила его. Он ощутил на губах вкус крови. *Вкус крови в голове.*

Он искал укрытие. Враг взбирался по лестнице. В жилах Шаплена отдавались дрожь подвесных ступеней и щелканье очередного магазина в

рукояти пистолета. Ему бы тоже перезарядить пистолет, но сначала надо спрятаться. Он едва не укрылся за стеклянной перегородкой в ванной, но это первое, о чем подумает убийца. Тут же в голову пришла новая мысль. Он метнулся в другую сторону, направо, и забился между стеной и кроватью.

Скорчившись, сдерживая дыхание, он все поставил на одну гипотезу: вот-вот появится враг, осветит галерею фонарем и ринется к ванной. Тогда Шаплен выстрелит через стеклянную перегородку и попадет ему в спину. Не слишком доблестный поступок, но это только начало. Пуля угодит в бронежилет. Противника отбросит к задней стене. И вот тогда Шаплен выскочит из укрытия и расстреляет магазин ему в лицо. Лишь бы хватило пуль. И речи не могло быть о том, чтобы перезарядить пистолет и обнаружить себя.

Он замер. Убийца здесь, всего в нескольких метрах, хрипящий, задыхающийся, рычащий, будто обезумевший хищник. Шаплен чувствовал, как сильно пульсирует артерия на шее. Он слышал все. Неуверенные шаги наемника, его прерывистое дыхание, его страх... Ощущение, что этот хладнокровный зверь на грани паники, доставляло ему почти чувственное удовольствие.

Медленно осветив галерею, противник направился к ванной. Шаплен выбрался из укрытия и стрелял, пока не понял, что затвор заклинило и он жмет на спуск впустую. Перегородка из слоистого стекла рухнула. Стеклянная крыша справа, над письменным столом, была разбита. В темноте развевались обрывки парусов. Но поддон так и не упал, он укрылся еще правее, на лестнице.

Не раздумывая, Шаплен отшвырнул пистолет и ринулся в ванную. Пока он искал хоть какое-то отверстие, лаз, слуховое окно, убийца уже снова лез наверх, не прекращая стрельбу.

Наступило затишье. От запаха пороха было не продохнуть. Шаплен заметил, что вокруг снова рыскает пучок света. Наемник его не видел. Оно и понятно: Арно засел в ванне. В руке он сжимал свою последнюю надежду — острый осколок. Скрип шагов приближался. Шевелиться нельзя ни в коем случае: ванна переполнена готовыми захрустеть осколками.

На каком расстоянии находится преследователь?

В пяти метрах?

В трех?

В одном?

Звук раздался так близко, что Шаплени показалось, будто стекло

хрустнуло у него на зубах. Он схватился за край ванны и вскочил на ноги, вспарывая темноту своим клинком. Но удар пришелся в пустоту. Арно поскользнулся и тяжело упал, стукнувшись затылком о смеситель.

Когда он открыл глаза, дуло пистолета оказалось всего в нескольких сантиметрах от его лба, наемник бешено жал на спуск. Шаплен по-детски прикрыл лицо руками и услышал холостой щелчок. Оружие заело. Ослепленный фонарем, Шаплен резко выбросил руку и угодил убийце куда-то в лицо. Ублюдок все еще пытался вытолкнуть застрявшую в затворе пулю. Шаплену удалось встать на одно колено. Он вцепился в затылок противника и снова воткнул в него свой осколок. Теперь он видел. Стекло вошло в правую щеку убийцы и вышло через левую глазницу. Враг так и не выпустил пистолет. Его сотрясали конвульсии. Закрепленная на стволе лампа дергалась, освещая дно ванны, отраженный свет озарял всю сцену.

В зеркале Шаплен видел пронзенное лицо своего противника и собственный распяленный в крике рот. Оба они вопили молча, одними глазами. Пока он приходил в себя, наемник еще пытался в него целиться. Но в пальцах у него уже ничего не было. Он рухнул. Шаплен выбрался из ванны. Умиравший в последний раз дернулся и схватил его за ногу. Арно наступил ему на голову, вгоняя осколок, пока стекло не хрустнуло у него под каблуком. Брызнула последняя струя крови.

— Эй, что происходит? Вы в порядке?

Шаплен бросил отчаянный взгляд через галерею. Соседи толпились в дворе, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь разодранные шторы. Он подобрал свой «CZ» и, на всякий случай, пистолет противника. Tактический фонарь теперь светился у него в кармане.

Он распахнул шкафы на галерее, схватил какое-то пальто, сорвал с себя промокший от крови плащ и переоделся.

— Есть там кто-нибудь?

Он сбросил макет «Пен Дюка I» и каблуком раздавил палубу. Оттуда разлетелись банкноты по пятьсот евро. Он хватал их пригоршнями и рассовывал по карманам. Документы он тоже захватил: паспорта, удостоверения личности, карту медицинского страхования. Потом взобрался на письменный стол и просунул голову через разбитое стекло. Вокруг — цинковые крыши, сточные трубы, карнизы...

Он перешагнул через раму и прыгнул на ближайшую крышу.

Артистический вход.

Так шофер назвал укромную дверь в клинике Святой Анны, в доме номер 7 по улице Кабанис. Неприметную дверь в глухой стене крепости умалишенных. Как раз то, что ему нужно. Шаплен вовсе не рвался с помпой войти в парадную дверь медицинского центра. Он расплатился с таксистом и вышел на ледяной воздух.

8.30 утра.

Сбежав из дома, он долго бродил по улицам, кутался в пальто, скрывая следы крови и запах пороха на своей одежде. Он чувствовал, как влага жизни, просочившись сквозь мокрую и уже холодную рубашку, засыхает у него на коже. Так он шел и шел, потерянный, оглушенный, пока не смирился с очевидностью: у него уже нет будущего. Отправиться в отделение скорой помощи в больнице Святой Анны. Прекратить сопротивление. Сдаться. Единственное, что ему остается.

В голове вертелось одно имя.

Франсуа Кубела, специалист, о котором говорила ему Натали Форестье.

Только он мог бы ему помочь, понять, защитить.

Вот почему он дождался утра.

Он хотел увидеть самого профессора...

Теперь он шел между садами кампуса Святой Анны. Над корпусами в предрассветном небе заря боролась с ночной тьмой. Шаплену представилась схватка двух хищников. Кровь, запятнавшая небо, следы клыков, рваные раны... Ему мерещилось злобное рычание над крышами...

В садах было безлюдно. Грабовые аллеи вытянулись в безупречную прямую. Голые ветви обрезаны. Темные гладкие фасады зданий, ничем не украшенные углы. Все здесь служило оправой для искривленных умов.

Шаплен продвигался наугад. Во рту пересохло, в желудке было пусто. Странный озноб сотрясал все его тело. Он ощущал в карманах тяжесть оружия, своего «СZ» и «ЗИГ-Зауэра» — название он прочитал на конце ствола. Увидев такого пациента, разве что Кубела не вызовет полицию. Он хотя бы даст ему время объясниться. В конце концов, ему уже знакома одна из сторон этого дела...

Улицы носили имена знаменитых безумцев: Ги де Мопассана, Поля Верлена, Винсента Ван Гога... Он всматривался в таблички на стенах зданий, но не находил того, что искал. Натали Форестье упомянула КПРЭ, Клинику психических расстройств и энцефалита. Достаточно найти санитара и спросить у него дорогу.

Еще через несколько метров он увидел мужчину в комбинезоне,

подметавшего аллею. Это был молодой человек со светлой бородкой, кудрявой гривой и такими же бровями. Поглощенный движениями своей метлы, он не заметил Шаплена. Интуиция подсказала Арно, что перед ним душевнобольной, которому поручили эту ответственную работу. Их разделяло всего несколько шагов. Шаплен уже собирался обратиться к уборщику с вопросом, когда тот поднял глаза.

Его лицо мгновенно просветлело.

— Здравствуйте, профессор Кубела. Давненько мы вас не видели!

V

Франсуа Кубела

Тяжелую потерю понесло и психиатрическое сообщество, и мир живописи. Во вторник, 29 января 2010 года на автомагистрали А31, недалеко от границы с Люксембургом, около 23 часов погиб Франсуа Кубела. По неизвестной причине он не справился с управлением и налетел на предохранительную ограду незадолго до выезда из Тьонвиля-Мец-Нор на скорости около 140 километров в час. Машина тут же вспыхнула. Пока прибыла помощь, тело Франсуа Кубела сильно обгорело...

Он содрогнулся. И без того потрясенный открытием своей очередной — и наверняка единственной подлинной — личности, Кубела вдобавок должен был справиться с известием о собственной гибели.

В панике он бежал по улицам Тринадцатого округа, пока не нашел открытое интернет-кафе у станции метро «Гласьер». Едва присев, он набрал на клавиатуре свою новую фамилию.

Первая ссылка в Гугле оказалась некрологом, опубликованным в «Монде» от 31 января. Речь, безусловно, шла о нем. На двадцать пятой странице нашлась черно-белая фотография покойного психиатра. Это был он сам, но в белом халате и без нескольких морщинок, зато с неотразимой улыбкой на лице.

Как он оказался одновременно живым и мертвым? Прежде чем попытаться проникнуть в эту тайну, он погрузился в историю покойного Франсуа Кубела, известного психиатра и художника, начав с основных дат биографии в черной рамке:

18 ноября 1971 года — родился в Пантене, департамент Сена-Сен-Дени (93).

1988 год — начал изучать медицину.

1992 год — первые персональные выставки.

1997 год — опубликовал докторскую диссертацию по психиатрии о развитии индивидуальности у близнецов.

1999 год — поступил на работу в специализированный медицинский центр имени Поля Гиро в Вильжюифе.

2003 год — ретроспектива его картин в галерее МЕМО в Нью-Йорке.

2004 год — стал самым молодым во Франции заведующим отделением в клинике Святой Анны.

2007 год — вышла «Игра разных „я“» о синдроме множественных личностей.

29 января 2010 года — погиб в аварии на автомагистрали А31.

Его предположения подтверждались. Кубела примерно того же возраста, который указан в поддельных документах. Он параллельно занимался психиатрией и живописью. У него не было ни жены, ни ребенка, ни даже официальной подруги. Но его улыбка не оставляла сомнений в том, что ему не приходилось страдать от одиночества.

Нахлынули воспоминания, обрывки которых уже посещали его в садах Кorto. Отдых на горнолыжных курортах. Вечеринки в узком кругу в роскошной парижской квартире. Сумерки на юге Франции. Кубела вел обеспеченную и блестящую жизнь без привязанностей и обязательств. Одинокiй исследователь или эгоцентричный хищник? Ответ, вероятно, где-то посередине. Человек, убежденный в своей научной и артистической состоятельности. Раздаривавший себя всем и никому в отдельности.

1997.

Его диссертация принесла ему известность. Ученик психолога детства Рене Заззо, автора трудов по близнецовости, он годами изучал пары однойяйцовых близнецов. Подобно Заззо, наблюдал становление их личностей в процессе развития. Исследовал невидимые связи, делающие близнецов зависимыми друг от друга. Сходство характеров, одинаковые реакции и даже телепатическая связь между этими однойяйцовыми братьями и сестрами, которая испокон веков поражала окружающих. Все это входило в сферу интересов Кубела.

Близнецовые исследования подводили Кубела к проблемам становления личности. Что формирует собственное «я»? Как создается личность? Как соотносятся генетическое наследие и социальный опыт?

Выводы Кубела поразили научное сообщество. Он отбрасывал и основополагающий принцип психоанализа («мы то, что мы пережили в детстве»), и кредо новых нейробиологических наук («наша психика сводится к ряду физических феноменов»). Не отрицая правомочности этих направлений, Кубела, определяя и объясняя личность каждого человеческого существа, обращался к чему-то врожденному и

таинственному, происходящему от некоей высшей силы, — быть может, к чему-то божественному. Теория, намеренно выходящая за рамки рациональных научных подходов.

Многие возражали против этого «базарного спиритуализма». Но никто не подвергал сомнению качество его исследований. Научные труды не мешали его безупречной карьере практикующего психиатра, сначала в Вильжюифе, затем в медицинском центре Святой Анны в Париже.

Через десять лет после выхода диссертации Кубела написал новую книгу, в которой подвел итоги своих исследований синдрома множественных личностей. И на этот раз публикация наделала много шума. Прежде всего потому, что этот синдром в Европе официально не признан. Кроме того, Франсуа Кубела видел в каждой из личностей своих пациентов автономную единицу, нечто, наделенное собственным существованием, а не проявления одного и того же психоза. Здесь снова звучала мысль, что эти личности были вложены в один разум некоей высшей силой...

Одно по крайней мере, стало ему теперь совершенно ясно: не приходится удивляться тому, что ученого так привлек случай Кристиана Мьоссана и его диссоциативное бегство. В нем он увидел новый подход к своим исследованиям. Психиатр, прежде изучавший близнецов и шизофреников, остановил свой выбор на «пассажирах без багажа».

Нетрудно догадаться, что за этим последовало. Кубела принялся искать схожие случаи по всей Франции. И наткнулся на страдающего реакцией бегства пациента из Лорьяна, о котором упоминала Натали Форестье. Он связал между собой оба этих случая. Начал разбираться, расследовать, и это вывело его на Sasha.com. Он записался в клуб и познакомился с Фелис. Позднее, при невыясненных пока обстоятельствах, его самого превратили в подопытного кролика для протокола клинических испытаний, которые проводил «Метис».

Конечно, о последних исследованиях Кубела в статье нет ни слова — непонятно только, что психиатр забыл посреди ночи на автомагистрали А31. И в самом деле, как он там оказался? Но ответа на этот вопрос не существует — в машине погиб кто-то другой...

Кубела обдумал эту инсценировку. Кому принадлежало обгоревшее тело, найденное в машине? Другому подопытному «Метиса»? Которого, скорее всего, прикончили, сделав ему смертельную инъекцию: огонь позволил скрыть истинную причину смерти. Очевидно, расследование провели на скорую руку. Личность водителя не вызывала ни малейших сомнений: номерные знаки, описание, одежда, часы, уцелевшие документы

— все указывало на Франсуа Кубела. Выходит, те, кто руководил экспериментом, опасались, что исчезновение известного психиатра привлечет больше внимания, чем пропажа обычных «лохов»?

Он переключился на свою художественную ипостась. Кубела — самоучка, вот почему его перекрестные поиски не дали результата. Начал писать одновременно с изучением медицины, поначалу участвовал в коллективных выставках. Первые же его картины привлекли внимание. Это было в начале девяностых.

Несколькими щелчками он раскрыл изображения собственных картин. Они напоминали автопортреты Нарцисса, хотя и в совершенно ином контексте. Сам Кубела всегда присутствовал на полотне, но терялся в более просторном и сюрреалистическом антураже. Пустые площади в духе Де Кирико, античные развалины, причудливая архитектура вне времени и пространства. Среди этих декораций блуждал Кубела, показанный со спины. На каждой картине он держал зеркало и украдкой в него поглядывал. Поэтому его лицо было видно в двух ракурсах: в три четверти спереди и в три четверти сзади. Что он пытался выразить этим приемом «картина в картине»?

Цены на его полотна постоянно росли, а после смерти буквально взлетели. Кому же достались эти деньги? Кто стал наследником? Ему вспомнился Нарцисс. Странно, что никто не заметил сходства между творениями безумного художника и картинами Кубела: в обоих случаях главный герой один — он собственной персоной. По-видимому, у них была слишком разная публика...

Он перешел к своему происхождению. Франсуа Кубела родился в Пантене, в семье польских иммигрантов. Отец рабочий, мать — домохозяйка. Ей наверняка приходилось трудиться не покладая рук, чтобы свести концы с концами. Родители из кожи вон лезли, чтобы оплатить образование сына. Отец, Анджей, умер в 1999 году. О матери, Францишке, в статье ничего не сказано. Значит, она еще жива. Франсуа не интересовался своими польскими корнями, но, если верить статье, он с ностальгией вспоминал о детстве в парижском предместье и о простых ценностях, которые исповедовали его родители. Впрочем, он никогда не скрывал своих левых взглядов, зато отвергал все, что хоть как-то напоминало о коммунизме. Так что своих истоков Кубела все-таки не забыл.

Он оторвался от статьи. Внезапно осознал, как он выглядит и в какую попал переделку. Небритый, лохматый, он кутался в пальто, чтобы скрыть драную фиолетовую рубашку, заскорузлую от крови. И на этот раз он

действительно виновен в двух убийствах. Он принес себе кофе. Голова у него шла кругом. Он испытывал лихорадочное возбуждение и в то же время плохо соображал. Он пережил ужасную ночь, узнал о своей собственной смерти и наконец выяснил, кто он на самом деле. Есть отчего слететь с катушек.

Кубела глотнул кофе, но почувствовал лишь ожог. Вспомнилось мерзкое пойло из кофейного автомата в отделении Анри Эя. Сколько времени утекло после Бордо? Две недели? Три? Сколько жизней, сколько смертей? Он снова уселся перед монитором. Его ждала фотография Франсуа Кубела в белом халате и с черной гривой. Он поднял пластиковый стаканчик за его здоровье.

Ну а теперь пора двигаться вперед. Выбора у него нет. Он собирался доверить свою жизнь Кубела и наткнулся на самого себя. Значит, придется снова выйти на охоту... И прежде всего найти укрытие. Деньги у него есть, но остановиться в отеле он уже не может. Есть и поддельные документы, да что толку. После двойного убийства в лофте его физиономия вновь замелькает во всех новостях.

И тут ему в голову пришла одна мысль. Самая очевидная.

Пойти к матери.

Кто станет искать его у Францишки Кубела, матери покойного психиатра? Он уничтожил все следы поисков и загрузил адресную книгу Иль-де-Франс.

В Пантене действительно проживает Францишка Кубела.

По адресу: тупик Жан-Жорес, дом номер 37.

Ни название, ни номер ни о чем ему не говорили. Его личная память по-прежнему была заблокирована. Он уже привык жить с загипсованными мозгами. Ну а его мать? Какой будет ее реакция? Когда она откроет дверь сыну, погибшему год назад, у нее, наверное, случится сердечный приступ.

Увидит ли он еще бодрую старуху?

Или высохшую мумию, похоронившую себя в четырех стенах?

Есть только один способ это проверить.

Он собрал свои вещи и двинулся к выходу.

* * *

Анаис Шатле вышла из здания следственного изолятора Флери-Мерожис в десять часов утра. Бюрократическая волокита заняла больше сорока минут. Она ответила на вопросы, подписала бумаги. Ей вернули

сапоги, куртку, документы, мобильный. И вот она на свободе. Не считая обязательства явиться к следственному судье и не покидать Париж. И с этого же дня над ней устанавливался судебный надзор. Раз в неделю она должна отмечаться в комиссариате на площади Инвалидов, где ее задержали.

На пороге тюрьмы она зажмурилась и полной грудью втянула свежий воздух. Ей показалось, что этот глоток одним махом очистил всю ее дыхательную систему.

В сотне метров от нее, на фоне свинцового неба и крытой автобусной остановки, четко вырисовывался припаркованный автомобиль. Она узнала машину. По крайней мере, узнала сам стиль. Черный «мерседес», смахивающий на катафалк. В духе ее отца: наполовину богатый владелец, наполовину генерал хунты.

Она направилась к машине. В конце концов, своим освобождением она обязана ему. В пяти метрах от автомобиля ей навстречу бросился Николя:

— Мадемуазель Анаис...

У коренастого коротышки глаза, по обыкновению, были на мокром месте. И откуда у палача масштаба ее отца такой чувствительный адъютант? Чмокнув его в щеку, она опустилась на заднее сиденье.

Здесь, удобно устроившись, ее ждал Жан-Клод Шатле, как всегда загорелый и великолепный. При свете потолочных ламп он напоминал опасное сверкающее оружие, надежное укрытое в футляре из темной кожи.

— Я так понимаю, мне следует тебя поблагодарить?

— Такие жертвы не требуются.

Хлопнула дверца. Николя сел за руль. Через несколько секунд они уже ехали к магистрали N104 в сторону Парижа. Уголком глаза Анаис следила за отцом. Льяная бирюзовая рубашка и темно-синий пуловер с треугольным вырезом. Как будто его перенесли с палубы собственной яхты напрямик в серый лабиринт дорожных развязок Эссонны.

Эта встреча принесла Анаис какое-то смутное удовлетворение. Увидеться с ним значило для нее возродить свою ненависть. Другими словами, свой внутренний стержень.

— Ты снова принес мне послание?

— На сей раз это приказ.

— Забавно.

Он поднял разделявший их подлокотник из каппа. Под ним, за непроницаемыми перегородками, стояли газированные напитки и сверкающие, как торпеды, термосы.

— Выпьешь чего-нибудь? Кофе? Колы?

— Пусть будет кофе.

Шатле подал ей стакан с кофе в ротанговом подстаканнике. Анаис отхлебнула и невольно закрыла глаза. *Лучший кофе в мире*. И тут же взяла себя в руки. Она не даст отравить себя этим привычным ядом: теплом, нежностью, утонченностью, которые дарят ей руки убийцы.

— На несколько дней ты задержишься в Париже, — произнес палач своим хорошо поставленным голосом. — Я забронировал тебе номер в отеле. Явишься к надзирающему офицеру в комиссариат на площади Инвалидов и к следственному судье. Тем временем дело передадут в Бордо, и я отвезу тебя в Жиронду.

— В твои владения?

— Мои владения повсюду. То, что ты сейчас сидишь в этой машине, — лучшее тому доказательство.

— Я впечатлена, — произнесла она с иронией.

Шатле повернулся и уставился ей прямо в глаза. У него были светлые радужки — чарующие, развращающие. К счастью, она унаследовала материнские глаза. Глаза чилийки цвета антрацита, ископаемого угля, который добывают в тысячах метров под землей у подножия Анд.

— Я не преувеличиваю, Анаис. Игры кончились.

После воскресного предупреждения начинаются санкции. Возвращайся домой без разговоров. Она сменила Флери на эту поднадзорную свободу. Железную лапу тюрьмы на бархатные перчатки отца.

— Я ведь тебе уже говорил, — продолжал он. — Эти парни не шутят. Они *на задании* и представляют собой часть системы.

— Вот и расскажи мне об этой системе.

Шатле вздохнул и уселся поглубже. Словно понял, что у него самого тоже нет выбора. Чтобы убедить дочь, ему придется выложить карты на стол.

Дождь с внезапной яростью застучал по ветровому стеклу. По окнам заструились шумные потоки воды. Коротким движением энолог открыл банку с диетической колой.

— Нет никакого заговора, — сказал он тихо. — Ни махинаций, ни тайного плана, как ты воображаешь.

— Ничего я не воображаю. Я слушаю.

— «Метис» основан в шестидесятых годах французскими и бельгийскими наемниками. С тех пор утекло много воды. Общественное мнение уже давно отвергает деятельность такого рода.

— «Метис» — одна из ведущих фирм, производящих психотропные

средства. Ее ученые проводят исследования в области контроля над разумом.

— «Метис» — фармацевтическая и химическая корпорация, как и «Хёхст» или «Санофи-Авентис». Это еще не делает из них заговорщиков, пытающихся управлять разумом.

— А как же их охранные агентства?

— Они защищают их производственные единицы и используются только для внутренней безопасности.

Анаис просмотрела список клиентов ЧАОН. Отец лжет — либо заблуждается. Агентство предоставляло свои услуги и другим предприятиям Жиронды. Но вполне возможно, основным ее клиентом был могущественный «Метис». Ну и ладно.

— Я знаю двоих, которые понимают охранную деятельность весьма своеобразно.

— «Метис» тут ни при чем. Ответственность за этот бардак лежит на тех, кто использовал ЧАОН, чтобы прикрыть своих... людей.

Выходит, ему известны детали всей операции. Разнеслись громовые раскаты, словно ударная волна землетрясения. Небо превратилось в гранит или в какой-то другой минерал, треснувший изнутри.

— Кого же? — спросила она нервно.

— «Метис» развивает производство новых препаратов. Успокоительных, антидепрессантов, снотворных, нейролептиков... Помимо собственно производства, существуют лаборатории, которые разрабатывают, синтезируют, совершенствуют лекарственные средства. Так работают все фармацевтические компании.

— И при чем тут наемники из ЧАОН?

Хромой медленно смаковал колу. Сквозь стену ливня он наблюдал за тянувшимися за окном серыми улицами, лишь изредка разбавленными цветными пятнами. Заводы, склады, торговые центры.

— Армия держит подобные исследования под присмотром. Человеческий мозг есть и всегда будет важнейшей мишенью. И в то же время, если хочешь, главным оружием. Всю вторую половину века мы развивали ядерные вооружения. Главным образом для того, чтобы не допустить их применения. Контроль над разумом — другой способ избежать войны. Как сказал Лао-цзы: «Тот, кто умеет побеждать врага, не вступает с ним в схватку».

Анаис терпеть не могла людей, которые прибегают к цитатам. Хитрая уловка, чтобы встать наравне с великими мыслителями. На этот раз она не позволит заморочить себе голову.

— «Метис» открыл один препарат.

— Не сам «Метис». Одна из его дочерних лабораторий. Исследовательский отдел, акции которого принадлежат «Метису».

— Как называется эта лаборатория?

— Не знаю.

— Ты меня за дуру держишь?

— Я не стал бы оскорблять члена своей семьи. Я участвую в собраниях, на которых подобные детали не разглашаются. Эта лаборатория находится в Вандее. Центр клинических испытаний, который занимается по большей части бесполезными исследованиями. Неприменимыми на практике.

— Препарат, вызывающий расщепление личности? И это его ты называешь бесполезным?

— Это то, что нам продали. На самом деле препарат так и не удалось стабилизировать. Его действие неуправляемо.

— Ты ведь не станешь отрицать, что подопытные страдали синдромом диссоциативного бегства, вызванным неизвестным лекарством?

Шатле медленно качнул головой. Этот жест мог означать что угодно. Дождь окружал «мерседес», словно щетки на автомойке.

— Нас интересует контроль над разумом. Фейерверки нам ни к чему.

— Кому это — нам?

— Национальным силам обороны.

— Ты стал французским военным?

— Я лишь консультант. Go-between^[61] между «Метисом» и государством. Миноритарный акционер корпорации. К тому же я знаком с динозаврами, которые все еще имеют право голоса во французской армии. Именно в этом качестве я участвовал в разработке протокола. Вот и все.

— И как называется этот протокол?

— «Матрешка». Русская кукла. Потому что препарат провоцирует последовательное расщепление личности. Но программа прекращена. Ты расследуешь то, чего больше нет. У нас скандал уже разразился, но все закончилось пшиком.

— А устранение людей? Похищения? Психические пытки? Вы мните себя выше закона?

Шатле отпил еще колы. Анаис вся пылала. И по контрасту особенно остро чувствовала каждый ледяной пузырек на губах отца.

— А кто, собственно, умер? — спросил он, намеренно утрируя свой юго-западный акцент. — Несколько одиноких придурков? Парочка шлюх, не сумевших держать язык за зубами? Послушай, дочь, ты уже слишком

взрослая, чтобы корчить из себя идеалистку. В Чили говорили: «Не стоит очищать гнилой плод».

— Лучше сожрать его целиком?

— Именно. Это война, милая моя. И несколько экспериментов на людях несопоставимы с результатами, на которые мы рассчитываем. Каждый год тысячи людей погибают в терактах. Террористы дестабилизируют целые нации, угрожают мировой экономике.

— То есть главный враг — это терроризм?

— На данный момент.

Анаис помотала головой. Она не может допустить, чтобы кто-то безнаказанно вытворял такое на французской земле.

— Кто вам позволил похищать гражданских лиц? Вводить им препараты, действие которых не изучено? А потом, вот так запросто, их уничтожать?

— Опыты на людях стары, как сама война. Нацисты ставили их на евреях, изучая пределы человеческой выносливости. Японцы заражали китайцев болезнями при помощи инъекций. Корейцы и русские испытывали свои яды на американских военнопленных.

— Ты имеешь в виду диктатуры, тоталитарные режимы, отрицавшие неприкосновенность человеческой жизни. Франция — демократия, подчиняющаяся законам и моральным ценностям.

— В девяностых годах Ян Сейна, чехословацкий генерал, открыто говорил в Соединенных Штатах о том, что он видел по ту сторону железного занавеса. Опыты на солдатах, манипулирование разумом, применение наркотиков или ядов к заключенным... И ни одна живая душа не возмутилась по одной простой причине: все то же самое проделывало ЦРУ.

Анаис попыталась сглотнуть. В горле у нее пересохло.

— Ты со своим цинизмом... ты страшный человек.

— Я человек действия. Меня нельзя шокировать. Оставим это оппозиционным политикам и крикливым журналистам. Не бывает мирных периодов. Война идет постоянно. Пусть и неявно. Когда дело касается психически активных веществ, невозможно ограничиться опытами на животных.

Жан-Клод Шатле произнес свою речь уверенным, едва ли не приподнятым тоном. Ей хотелось стереть эту улыбку, ткнув его мордой в стекло, но тут она вспомнила, что именно эта ненависть не позволяет ей окончательно впасть в депрессию. *Спасибо, папочка.*

— И кто руководит этой программой? Кто зачинщики?

— Если тебе нужны имена, придется тебя разочаровать. Все это теряется в лабиринтах власти. Заговоры и секретные операции бывают рациональными, организованными и последовательными только в исторических романах. А в реальности царит обычный бардак. Все происходит как попало. Забудь о списке виновных. Что же до нынешней ситуации, то, что ты именуешь бойней, — напротив, всего лишь попытка ограничить ущерб. Отрезать пораженную гангреной руку.

Повисло молчание. Был слышен лишь яростный шум дождя. Сейчас они ехали по кольцевому бульвару. Город за ливневой завесой казался таким же неприветливым и безлюдным, как бетонные и стальные конструкции, сопровождавшие их в промзоне. Зараза предместий перекинулась и на столицу.

Оставалось прояснить последний пункт:

— В связи с этими экспериментами были совершены странные преступления. Убийства, связанные с мифологией.

— Это одна из важнейших проблем программы.

— Так ты в курсе?

— «Матрешка» породила монстра.

К подобному Анаис не была готова.

— У одного из пациентов, — продолжал он, — препарат высвободил весьма сложную тягу к убийствам. Этот человек разработал целый безумный ритуал, основанный на мифах. Да ты и сама знаешь.

— Вы выяснили, кто этот пациент?

— Не валяй дурака. Мы все его знаем. Мы должны его задержать и уничтожить, пока ситуация окончательно не вышла из-под контроля.

Так вот в чем дело. Они назначили виновным Фрера. Он не просто один из тех, кто значится в черном списке. Нет, он тот, кого надо уничтожить прежде всего. Анаис опустила стекло, и дождь брызнул ей в лицо. Сейчас они ехали вдоль Сены. На указателе значилось: «Париж-Центр».

— Остановись здесь.

— Мы еще не доехали до твоего отеля.

— Николя, — завопила она, — остановись или я выскочу на ходу!

Адъютант покосился на зеркальце заднего вида. Его начальник кивнул. Николя свернул направо и затормозил. Она вышла из машины и ступила на узкую полосу тротуара. Мимо по скоростному пути с шумом проносились машины.

На прощание она склонилась к салону и прокричала сквозь плотные дождевые струи:

- Убийца не он!
— Мне кажется, что это дело стало для тебя чересчур личным.
Она расхохоталась:
— И это говоришь мне ты?

* * *

Этот квартал наводил на мысли о магнитном полюсе. Точке на карте, наделенной способностью притягивать к себе грозы, нищету, отчаяние. Он вышел из такси у въезда в тупик, перед домом номер 54 по улице Жан-Жорес. Дождевые струи пулями лупили по мостовой. Из-под ног разлетались брызги. Шаплен едва различал то, что его окружало. Прогредел гром, и вспышка молнии осветила домики, усыпавшие пологий склон холма.

Кубела начал восхождение. С каждым шагом царившее вокруг запустение становилось все заметнее. Мокрые заборы и гнилые живые изгороди окружали вросшие в землю домишки. На дощечках от руки были выведены номера. За заборами, надрываясь от лая, бесновались собаки. Торчащие из луж электрические столбы напоминали виселицы.

Из некролога он узнал о своем скромном происхождении. Но то, что он увидел здесь, заметно снизило планку. Он рос в беспросветной нужде, которой, как ему казалось, давно не существует, — нужде трущоб, пустырей, гетто без электричества и водопровода. Едва ли не родился под телегой в семье безвестных славянских беженцев.

На середине подъема закончился асфальт. Земля здесь была усыпана тонувшими в слякоти железяками, ржавыми кухонными плитами, остовами машин. Кубела ощутил растущий страх боязливой буржуа. Он бы не удивился, обнаружив вместо родного крова повозку с оборванными и беззубыми цыганами.

Но номер 37 оказался заросшим грязью каменным домиком. Он торчал на вершине холма в окружении пырея и кроличьих нор. Дождь стучал по дереву, земле, забору, словно месил ком серой глины. Лишь красная крыша сверкала, будто свежая рана.

Закрытые ставни и общее запустение подтверждали, что здесь давно никто не живет. Его мать переехала. Учитывая окружающую обстановку, в то, что она сейчас наслаждается отдыхом на Лазурном Берегу, верилось с трудом. Разве что она получает доход от публикации его произведений.

Он перешагнул через огораживающую участок проволоку, мимоходом

задев подвешенный колокольчик, звякнувший под грохочущим дождем. Садик в несколько квадратных метров, где теперь росли только шины и каменные обломки, лишь усиливал впечатление разрухи. Шаплен, утопая в грязи, добрался до крыльца под полуразвалившимся навесом. Даже сюда долетали колючие дождевые капли.

Машинально он нажал на дверной звонок. Никто не отозвался. Ради проформы он постучал по козырьку из кованого чугуна, защищавшему дверной глазок. Изнутри не доносилось ни шороха. Подобрал железный прут, он взломал ставни на ближайшем окне слева от себя. Все тем же ломиком ударил по стеклу, с резким звоном оно разлетелось на куски. Он уже начал привыкать к этому звуку.

Ухватившись за раму, он огляделся. Вокруг ни души. Он забрался в дом. Внутри хоть шаром покати. Мелькнула мысль, что после его гибели мать скончалась. В конце концов, все, что ему известно, он узнал из статьи в «Монде» годовалой давности.

Передняя. Кухня. Гостиная. Ни мебели, ни лампы, ни занавески. Замшелые бежевые и коричневые стены. Выбитый паркет, из-под которого торчали лаги. На каждом шагу под ногами что-то хрустело. Огромные, как навозные жуки, тараканы. И он знал, что расхаживает сейчас по дому, где прошло его детство. Нетрудно представить, как он рвался из этой помойной ямы, завоевывая дипломы и знания.

Он одержал победу не только в социальном и материальном плане. Изучая психиатрию, он хотел изменить само *качество* своего ума, своих амбиций, своего быта. А еще он знал, что никогда не презирал родителей и их физический труд. Наоборот, его волю поддерживала благодарность — и стремление взять реванш. Он хотел вытащить родителей из этого дерьма. И вознаградить за их жизнь на задворках общества. Купил ли он им другой дом? Он ничего не помнил.

Лестница. Дерево совсем истлело, превратившись в плесень. Под ногами у него чавкала зеленоватая жижа, какие-то насекомые разбегались в потемках в разные стороны. Он вцепился в перила, опасаясь, что они рассыплются у него под рукой. Но они устояли. У него промелькнула нелепая мысль: дом принимает его, *хочет*, чтобы он добрался до цели.

Коридор. В первой комнате ставни закрыты. Темно. Пусто. Он перешел во вторую. Та же картина. Еще одна комната. Все то же самое. Наконец он наткнулся на дверь, запертую на ключ. На нее даже поставили новенький замок. У него забрезжила смутная надежда. Он попытался высадить дверь плечом, полагая, что она рухнет ему на голову. Но это оказалось не так-то просто. Пришлось спуститься вниз за ломиком. В конце

концов, попотев минут десять над петлями и деревом, он сумел взять эту крепость.

Но и здесь было пусто. Лишь в углу стояли две коробки, прикрытые мешками для мусора. Он подошел поближе, осторожно поднял один мешок, опасаясь, что из коробки прыснут по сторонам крысы или черви. Но там лежали нестарые на вид тетрадки «Клерфонтен» в синих пластиковых обложках. Он полистал одну из них, и сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Это были личные заметки Франсуа Кубела о случаях диссоциативного бегства.

Настоящий клад.

Он сорвал мешок для мусора со второй коробки. Конверты, фотографии, официальные бумаги... Вся жизнь семьи Кубела в цифрах, справках, снимках и бланках... Тот, кто поместил здесь эти документы, постарался защитить их от сырости — внутри коробки также были выстланы мешками для мусора.

Кто же оставил здесь эти архивы? Да он сам. Ведя расследование, он почуял опасность и устроил в родительском доме свой генеральный штаб, собрав в этой комнате вещественные доказательства, связанные с занимавшим его делом и с собственным прошлым.

Он открыл окно и толкнул ставни. Дождевые брызги ворвались в комнату прежде, чем он прикрыл рамы. Он обернулся и огляделся по сторонам. Правую стену занимал камин, прикрытый стальной пластиной. На обоях остались следы когда-то стоявшей тут мебели. Кровати. Шкафа. Комода. А также прямоугольники на месте висевших здесь постеров. Кубела догадался, что это его комната. Та, в которой он жил ребенком, потом подростком. Он повернулся к коробкам. На то, чтобы изучить все эти документы, уйдут часы...

Он потер ладони, словно грея их у огня, и опустился на колени перед своей добычей. Улыбка раздвинула его губы.

Его судьба следовала какой-то горькой логике.

Его расследование началось с пустых коробок в Бордо.

И завершалось полными коробками в Пантене.

* * *

Стоило сделать крюк, чтобы увидеть рожу Солина. Хотя майор знал, что Анаис утром выходит из Флери, он никак не ожидал увидеть ее в своем кабинете. Вероятно, полагал, что она воспользуется освобождением, чтобы

продолжить расследование в одиночку.

— Отомри, Солина. Это всего лишь я.

Он воздел очки на лоб.

— Вообще-то ты меня удивила.

— У нас ведь договор, так?

Он неопределенно помахал рукой.

— Ну знаешь, в наше время договоры...

Она придвинула стул и села напротив него. Он по-прежнему держался вполне корректно, но с прохладцей. Она поставила локти на стол и ринулась в бой:

— Я под судебным надзором. В понедельник мне надо быть у судьи, и я вполне могу снова загреметь в тюрьму. Если этого не случится, то меня благодаря любезности моего отца сошлют в Бордо. Так что мне остается только сегодняшний день и выходные, чтобы продвинуться в расследовании.

Солина улыбнулся. До него стало доходить.

— Вот что я называю шилом в заднице.

— И стоит поторопиться, пока мне не засадили его по самое не балуй.

Он расплылся в улыбке.

— Ну а твои успехи? — продолжала она.

Солина нерешительно поморщился. И снова принялся крутить обручальное кольцо.

— Да никаких. Не считая того, что безымянная утопленница — действительно Медина Малауи. Мы взяли образцы ДНК у нее в квартире.

— Вы ее эксгумируете?

— Чего ради? Про покойницу лучше забыть. А вот что касается ее делишек при жизни, то тут все по нулям.

— Вы отследили ее последние контакты?

— Мы даже не уверены, в какой точно день она исчезла. К тому же у нее дома не нашлось ни записной книжки, ни ноута. Их забрал то ли Януш, то ли кто-то другой еще до него.

— Есть детализация ее звонков?

— Скоро будет. Но что-то мне подсказывает, что для клиентов у нее был другой номер.

— А банковские счета?

— Тоже ничего особенного. Проститутки предпочитают наличку.

— Опрос соседей?

— У нее в квартале он ничего не дал. Никто ее не видел. Она вела ночной образ жизни.

— Ведь она еще и училась.

— Похоже, клиенты чаще видели ее голую задницу, чем препода — ее золотистые локоны.

Грубость лысого ее раздражала, но у полицейских, как и в жизни, близких не выбирают.

— А сутенер, клиентура?

— Ищем.

— Связывались с ОБС, ГОБТЛ?

Преемники легендарного отдела нравов — отдел по борьбе со сводничеством и главный отдел по борьбе с торговлей людьми — основные органы по отмыванию грязного белья Франции.

— Нет, — отрезал Солина. — Сейчас мне их помощь ни к чему.

— Никто не знает, что труп удалось идентифицировать?

Анаис улыбнулась. Несмотря на свое положение, а точнее, именно из-за него Солина одинок — больше, чем медведь, возвращенный в заповедник. Решив раскрыть это дело в одиночку, он не мог никого просить о помощи. Теперь ему без нее не обойтись.

— Соль, — она впервые назвала его этим прозвищем, которое ему очень шло, — мне нужен кабинет, комп с Интернетом, машина и два нормальных помощника. А еще позвони в комиссариат на площади Инвалидов и хоть лопни, но устрой так, чтобы ты стал моим надзирающим офицером.

— А ты не треснешь, детка?

— Со мной, — сказала она, пропустив его реплику мимо ушей, — ты получишь результат меньше чем через сутки.

Солина хранил молчание и все теребил свое обручальное кольцо, словно онанировал.

Она стояла на своем:

— Я для тебя — единственный шанс добиться того, чего ты хочешь. Твои парни не подготовлены для того, чтобы заниматься уголовным расследованием. Ты ни к кому не можешь обратиться, а в понедельник прокуратура назначит судью, который передаст дело уголовке.

Он по-прежнему молчал.

— Ты с самого начала это знал. Потому и приходил ко мне в тюрьму.

Лицо Солина напряглось, на лбу залегли морщины. Его мысли можно было читать как открытую книгу.

— Так да или нет?

Солина расслабился и захохотал.

— Что тут смешного? — насторожилась Анаис.

- Вспомнил твоего папашу.
- При чем тут мой папаша?
- Нелегко ему пришлось с такой дочкой.
- Он тоже не подарок. Так ты дашь то, что мне нужно, или нет?
- Пойди принеси себе кофе. А я пока все устрою.

Она молча вышла. Коридоры с ковровым покрытием, кондиционеры, тусклые светильники чем-то напомнили ей изолятор, разве что осовремененный. То же самое заключение. Ни красок, ни контактов с внешним миром, ни свободы.

Стоя перед кофейным автоматом, она искала мелочь. У нее дрожали руки, но на сей раз от приятного возбуждения. Она приняла решение. Разделить расследование пополам. Парни из ОБОП пусть занимаются тем, что связано с Мединой. Для себя она приберегла след, о котором никто не знал, — дагеротипы. И ни слова Солина. Ей нужно закрепить за собой преимущество перед этими мужиками.

Кофе потек в стаканчик. Первый глоток обжег ей глотку. Второй пошел лучше, но никакого вкуса она не почувствовала. В измученном желудке что-то урчало и булькало. Она не ела уже... сколько же времени она не ела?

Когда она вернулась в кабинет, Солина был не один. Рядом с ним стояли двое громил с повадками отморозков.

— Познакомься с готом Фитоном и классиком Сернуа. Мои лучшие ребята. Они будут помогать тебе до понедельника.

Анаис окинула их взглядом. Первый — тощий небритый дылда в грязных джинсах, темных кроссовках и черной куртке, из-под которой выглядывала майка с вытянутой физиономией Игги Попа. Со своим коротким хвостиком на затылке и жирно подведенными глазами он выглядел законченным нариком. Второй, такой же высокий, но вдвое тяжелее, был в фирменном измятом костюмчике, запачканном галстукке и с трехдневной щетиной, плохо сочетавшейся с его короткой стрижкой ежиком. Табельное оружие у обоих демонстративно висело на поясе.

Ей они сразу понравились. Эти неформалы напоминали собственную ее команду в Бордо. И в то же время она сразу поняла, что для уголовного расследования они подходят не больше, чем она для вышивания крестиком. Чемпионы по мордобою, а не по рутине, без которой в следствии не обойтись.

— А кабинет?

— Рядом со мной. Я с тебя глаз не спущу. Ты и пальцем не шевельнешь так, чтобы я не узнал.

Она подумала о дагеротипах и поискала лазейку. Но ничего не нашла.

— Решай, — заключил Солина. — Хотя выбора у тебя нет.

* * *

Двух часов чтения хватило, чтобы в общих чертах подтвердились его недавние предположения. Бортовой журнал Франсуа Кубела занимал пять небольших тетрадок в клетку, разборчиво исписанных шариковой ручкой убористым наклонным почерком.

Он работал по старинке. Ни компьютера, ни флэшки, ни Интернета. Только эти школьные тетрадки, спрятанные в обшарпанном домишке.

Он завел этот дневник 4 сентября 2008 года, когда в его отделение в клинике Святой Анны поступил сорокалетний мужчина, страдающий амнезией. Кубела решил фиксировать на бумаге каждый этап течения его болезни. Вскоре к пациенту, который категорически отказывался пройти томографию или рентген, вернулась память. Его зовут Давид Жильбер. Он инженер. Живет в южном предместье Парижа.

Кубела проверил, и все оказалось выдумкой.

В то же время расследование исчезновения Кристиана Мьоссана привело полицейских в клинику Святой Анны: Давид Жильбер на самом деле был Мьоссаном. Постепенно, словно нехотя, пациент обрел свою настоящую личность. После месячного лечения он был выписан к сестре Натали Форестье. Кубела подтвердил свой диагноз: Мьоссан перенес диссоциативное бегство. Почти неизвестный во Франции синдром.

Психиатр изучил все, что было написано по этому поводу по-английски. Он также расспрашивал своих коллег. Так он узнал о другом случае. В Лорьяне, в специализированной больнице в Шатенье, лечился некий Патрик Серена. В сентябре 2008 года он бродил вдоль автомагистрали у Сен-Назера, утверждая, что его зовут Александром. Он оказался коммерческим представителем интернет-издания, холостяком, проживавшим в Пюто, в Девяносто втором ^[62] департаменте. Он пропал в апреле 2008 года во время служебной поездки. Как он очутился в Бретани? Что спровоцировало у него диссоциативное бегство? Что происходило с ним в промежутке между апрелем и сентябрем 2008-го? Он добровольно подписал заявление о госпитализации и какое-то время проходил лечение в Шатенье.

Кубела отметил сходство между двумя этими случаями: они совпадали даже по времени. Он съездил в Лорьян. Побеседовал с Серена. И убедил его подать запрос о переводе в клинику Святой Анны. Пациент охотно

отвечал на вопросы врача, но, как и Мьоссан, упорно отказывался от любых просвечиваний.

Врач исследовал память обоих пациентов, прибегнув к медикаментам, гипнозу, беседам... Постепенно ему удалось выявить другие совпадения в их воспоминаниях. Например, частое употребление псевдонимов. Кристиан Мьоссан иногда называл себя Жанти-Мишель, Серена — Алекс-244. Психиатр не мог объяснить происхождение этих прозвищ. Пациенты также смутно припоминали какие-то похожие места. Рыбацкий бар, разделенный на кабинки льняными занавесями. Серебристый погреб с диванчиками в форме инфузорий.

Кубела обошел все парижские бары и в четвертом округе нашел «Питкэрн», а в девятом — ретрофутуристический бар «Вега». В обоих проводил вечеринки клуб датинга Sasha.com. Кубела вспомнил о псевдонимах и пришел к выводу, что в поисках родственной души одинокие Серена и Мьоссан зарегистрировались на сайте у Саша.

Декабрь 2008-го. Кубела вел уже третью тетрадь, когда коллега по клинике Святой Анны рассказал ему о еще одном случае диссоциативного бегства, который упоминался на семинаре в Блуа. Кубела отыскал больного в медицинском центре Ла-Ферте под Туром. Между всеми тремя случаями наблюдалось поразительное сходство.

И на этот раз больной, страдавший амнезией, полагал, что к нему вернулась память. Как и остальные, он отказывался от любого сканирования, как и они, в конце концов узнал свое настоящее имя. Марк Казарьян. Армянин по происхождению, он перепробовал множество занятий, пока не впал в депрессию, лишившую его возможности работать. Жил в Сартрувиле, в июле 2008 года исчез, затем объявился в Эндр-и-Луаре, совершенно ничего не помня.

Кубела поместил его в свое отделение. Как и другие, этот пациент использовал псевдоним. Андромак. Он знал и «Питкэрн», и «Вега». Последние сомнения исчезли. Все трое — одинокие, уязвимые, незащитные, жаждущие прочных любовных отношений, — прибегали к услугам Sasha.com.

Кубела не обратился ни к админам сайта, ни в полицию. Вместо этого он сам вступил в клуб. Первые недели ничего не принесли. Психиатр уже сомневался в обоснованности своих подозрений насчет похищений, манипуляций с разумом и клинических испытаний, но тут он познакомился с Фелис, она же Анна Мария Штрауб.

Его расследование сразу приняло другой оборот. Кубела, неопытный следователь, был великим соблазнителем. Очаровательная брюнетка

Фелис, холодная и загадочная, не устояла перед ним. Она ударилась в откровения. Она — девушка из эскорта. Ей платят, чтобы она находила среди участников вечеринок Sasha.com одиноких, эмоционально уязвимых мужчин, без родных и близких. Больше она и сама ничего не знала: ни кто такие ее заказчики, ни какие цели они преследуют.

Потрясенный сыщик-любитель выявил систему: профессионалки проникают в клуб знакомств. Загонщицы, которым поручено отбирать беззащитных жертв. Когда им удастся найти подходящего клиента, его похищают и подвергают психической обработке. Кто? И каким образом? С какой целью?

В начале пятой и последней тетрадки Франсуа Кубела размышлял о том, как ему продолжить расследование. Осознав, что самому ему не справиться, он решил обратиться в полицию. К тому же Натали Форестье, сестра Мьоссана, сообщила ему, что ее брат снова исчез, после чего был найден мертвым с обезображенным лицом. Кубела удалось убедить Фелис выступить свидетельницей...

На этом и заканчивались записки психиатра. Кубела догадывался о том, что произошло. В игру вступили агенты ЧАОН. В конце января 2009 года они устранили Фелис, повесив ее, затем похитили психиатра, чтобы подвергнуть его обработке по методу «Матрешка». Этот момент представлялся Кубела непонятным. Почему его тоже не убили? Зачем пошли на риск, введя в программу специалиста, чей психологический профиль совершенно не соответствовал остальным подопытным? Но возможно, он заблуждается... Он жил один, никогда не был женат. Да и слишком мало он знал, чтобы судить о своем психическом равновесии. Не исключено, что психологически он вполне отвечал их требованиям.

Франсуа Кубела, 38 лет, стал подопытным кроликом холдинга «Метис». В марте 2009-го он совершил первое диссоциативное бегство и оказался на набережных канала Урк в полной уверенности, что его зовут Арно Шаплен. Дальнейшее ему было более или менее известно. Одно его бегство сменялось другим, а тем временем наемники «Метиса» пытались его устранить и кто-то совершал мифологические убийства. В каждом своем воплощении Кубела задавался одними и теми же вопросами и возобновлял расследование, идя по тому же следу, постепенно раскрывая механизм «Матрешки» и подбираясь все ближе к убийце с Олимпа... Насколько он продвинулся? Удалось ли ему установить личность убийцы? Сплошные вопросы. А в этих тетрадях ответа так и не нашлось.

Он принялся за вторую коробку — ту, где хранился семейный архив Кубела. Из документов он выяснил только два существенных

обстоятельства. Во-первых, его мать, Францишка Кубела, его не воспитывала. В 1973-м, через два года после его рождения, ее поместили в специализированную клинику. И больше она уже не покидала подобных заведений. Она пополнила ряды несчастных хроников. Судя по документам, она до сих пор жива и находится в медицинском центре имени Филиппа Пинеля в Амьене. Узнав об этом, Кубела ничего не почувствовал. Вместе с памятью у него отняли и эмоции.

Он перешел к медицинским данным. В истории болезни Францишки упоминалась и «острая шизофрения», и «биполярное расстройство», и «тревожные состояния». Диагнозы отличались разнообразием и даже противоречили друг другу. Он пробежал по диагонали врачебные заключения, предписания, список госпитализаций по заявлению третьего лица. Заявления подписывал его отец Анджей. Вплоть до 2000 года. Затем форму заполнял он сам, Франсуа Кубела.

Последний факт объяснялся вторым важным обстоятельством: его отец умер в марте 1999 года, в возрасте 62 лет. В свидетельстве о смерти говорилось о несчастном случае в гостях — Кубела-старший свалился с крыши, устанавливая сточную трубу. Другими словами, поляк наверняка погиб на нелегальной стройке. Но его наниматели назвались друзьями, чтобы получить страховые выплаты, ну и, конечно, чтобы избежать проблем с полицией. *Requiescat in pace*, ^[63] папа...

Кубела попалась фотография. Его родители по прибытии во Францию в 1967 году на эспланаде Трокадеро. Длинноволосые хиппи в клешах, в них ощущалось что-то деревенское, какая-то неотесанность, напоминавшая о родной Силезии. Францишка была хрупкой молодой женщиной, белокурой и нежной. Она напоминала девушек, которых фотографирует Дэвид Гамильтон. Анджей подходил под другой шаблон: польский дровосек. Грива до самых плеч, распутинская борода, густые брови. Его массивное тело обтягивал вытертый бархатный пиджак. Оба беженца любовно обнимали друг друга за плечи, готовые начать новую жизнь на чужбине.

Из других документов ему мало что удалось узнать о повседневной жизни родителей. Разве что Анджей Кубела проявил незаурядное мастерство в получении социальных пособий. Получив во Франции статус политического беженца, он устроился на предприятии, занимавшемся общественными работами. В 1969 году, после первой производственной травмы, ему дали пенсию по инвалидности. Через несколько лет он оформил для жены пособие «в связи с психическим расстройством». Кроме того, он добился различных выплат от государства — Анджей жил за счет социальных вливаний, хотя наверняка продолжал подрабатывать на

стройках.

Психиатр перешел к документам, напрямую касавшимся его самого. Учеба в начальной и средней школе в Пантене. Медицинский факультет и интернатура в Париже. Подрабатывать в студенческие годы ему не пришлось. Франсуа вырос как папенькин сынок. Великий комбинатор Анджей все поставил на сына, и Франсуа отплатил ему сторицей. С первого класса до защиты докторской он получал самые лучшие оценки.

На самом дне обнаружилась большая плоская коробка из-под торта или пирога с сюрпризом на день Богоявления. Здесь хранились газетные вырезки и фотографии, разложенные в хронологическом порядке. Первые конверты относились к двухтысячным годам: научные статьи, отзывы о его трудах, иногда с фотографией. На них Кубела выглядел все тем же успешным ученым с черной шевелюрой и обольстительной улыбкой...

В других конвертах были только фотографии. В 1999-м на них красовался явно подвыпивший Кубела в окружении столь же подвыпивших друзей. Празднество в честь успешного окончания интернатуры. На снимках 1992 года Кубела был еще моложе — одинокий, улыбающийся. С ранцем под мышкой он стоял перед медицинским факультетом Питье-Сальпетриер. В майке «Лакост», «левисах 501», модных мокасынах. Лощеный юный студент, утративший всякую связь со своими рабочими корнями.

1988. Семнадцатилетний Кубела в компании отца. Отец выше на целую голову, на сей раз с аккуратной прической и подстриженной бородой. Оба улыбаются в объектив. Ясно, что они отлично ладят и в прекрасном настроении.

Кубела вытер слезы и выругался. Но не от грусти. Он плакал от ярости. От разочарования. Даже при виде этих личных фотографий он ничего не вспомнил. За две недели, прошедшие с момента его побега, он сражался с наемниками, сменял личности, гнался за убийцей, опасаясь, что он и есть этот убийца. Он прошел через все это, цепляясь за надежду, что, открыв свою истинную личность, обретет память.

Но он ошибался. Ошибался с самого начала. Он — вечный пассажир. Конечного пункта назначения не существует. Он обрел свою изначальную личность, но и эта цель оказалась лишь этапом. Вскоре он снова потеряет память. Сфабрикует себе новую личность, а затем поймет, что он не тот, за кого себя выдает. И расследование начнется сначала, все с той же надеждой обрести свое истинное «я».

Но этого «я» уже не существует.

Он утратил его навсегда.

Он перешел к детским фотографиям.

Тринадцатилетний Франсуа в кимоно для занятий дзюдо улыбается в камеру. Он не в силах скрыть выражение одиночества и смутной тревоги, заметное и на более поздних его фотографиях. Здесь эта грусть особенно бросается в глаза. Одна деталь: на этой фотографии волосы у него еще светлые. Цвет волос у юного Кубела сменился с наступлением половой зрелости.

1979. Восемилетний Франсуа на Тронной ярмарке. Рубашка на широких плечах, штаны, собранные на щиколотках, белые носки — полная форма восьмидесятых. Засунув руки в карманы, мальчик улыбался на фоне каруселей и аттракционов все той же рассеянной, немного грустной, ненавязчивой улыбкой.

1973. Здесь его поддерживает мать. Наверное, одна из последних фотографий перед тем, как ее отправили в психушку. Лица склонившей голову Францишки не видно, но пристальный взор ее двухлетнего сына озаряет весь снимок. В глубине его глаз уже различима та самая солнечная печаль.

Кубела поднял взгляд. Дождь прекратился. Сквозь залитые водой окна виднелся раскисший пустырь. Лужицы на шинах, кроличьих норах, остовах машин растекались звездами и искрились под лучами невидимого солнца. Все это должно было бы поднять ему настроение, но его грусть лишь усилилась. Откуда это выражение побитой собаки на его фотографиях? Откуда эта тревога? Тень материнского безумия?

Остался еще один большой конверт с больничной печатью. Возможно, здесь он найдет объяснение. Какая-нибудь детская патология, анемия? Он открыл крафтовый конверт, но не смог полностью вытащить слипшиеся документы.

Медицинские снимки.

Он потянул сильнее. Фотографии УЗИ. Утроба его матери в мае 1971 года — дата видна в углу первого снимка. В акушерской практике тогда только начинали применять УЗИ.

Наконец ему удалось извлечь снимки из конверта.

Он был потрясен увиденным.

В околоплодной жидкости оказались не один, а два зародыша.

Два эмбриона со стиснутыми кулачками, лицом друг к другу. Двое свернувшихся близнецов, смотревших друг на друга.

Близнецы, которым предстояло родиться у Францишки и Анджея Кубела.

Обжигающий ужас захлестнул его, как горячая вода из-под крана. Он

схватил остальные снимки. Три месяца, четыре, потом пять. Чем дальше, тем больше заметна одна аномалия. Зародыши развивались неодинаково. Один был крупнее другого.

Тут же Кубела увидел в маленьком зародыше самого себя. Казалось, он боязливо отступал перед своим более сильным близнецом.

Вспыхнувшая в мозгу мысль ослепила его. Доминирующий близнец был его неизвестным братом. Ребенком, отвергнутым семьей Кубела по причине, которую он пока не мог себе представить. Эта мысль поднималась, разрасталась, заполняла его голову, пока не вытеснила все остальное.

Гипотеза.

В материнской утробе он был ущемленным близнецом.

Но именно его родители выбрали на роль единственного сына.

Второй был ими отторгнут, забыт, вычеркнут из памяти.

И теперь он возвращался из небытия, чтобы отомстить.

Чтобы переложить на него вину за убийства, которые совершал сам.

* * *

Музей современной фотографии в Марн-ла-Валле занимал солидное кирпичное здание XIX века. Очевидно, в прошлом здесь размещалась мануфактура. Одно из тех мест, где некогда рабочие трудились до кровавого пота, ныне переделанных под мастерские модных художников, музеи современного искусства, залы «телесного самовыражения»...

Анаис презирала подобные заведения, но у этого здания был характер. На темном фасаде выделялись светлые фронтоны, украшения, рамы, придававшие ансамблю ремесленное благородство. Фаянсовые вставки вызывали в памяти приморский курорт где-нибудь на Босфоре.

Она без труда улизнула от подручных Солина. В три часа, дав им указания относительно расследования дела Медины Малауи, она сделала вид, что идет за кофе, а сама села в лифт. Проще простого. У нее был биджик и ключи от машины. Чтобы найти машину, ей достаточно было нажать на пульт. Прилив адреналина помог пересилить усталость.

Она не строила иллюзий по поводу работы, которую выполняли ее церберы. Не беда. Со свойственным ей упрямством Анаис все поставила на след, связанный с дагеротипами.

Все здание занимал один огромный зал площадью больше трехсот квадратных метров с деревянным полом и лакированными колоннами,

вкусно пахнувший опилками, клеем и свежей краской. Здесь разворачивали выставку. Именно ту, которая ее интересовала: выставку художника-фотографа Марка Симониса, председателя Фонда дагеротипии. Выставка открывалась на следующий день. Анаис рассчитывала застать художника за развеской его произведений.

Заметив оравшего на безучастных рабочих толстяка, который то опускался на колени прямо в опилки, то взбирался на приставную лесенку, она поняла, что нашла того, кого искала. И медленно направилась к нему, давая ему время выговориться. Краешком глаза она взглянула на уже развешанные фотографии. И остановилась, чтобы разглядеть их получше. Дагеротипы отличались одной особенностью, которую она не вполне уловила, разглядывая книжные репродукции: это были зеркала. Отполированные, посеребренные или позолоченные отражающие поверхности. Наверняка это нравилось убийце. Любуясь своим творением — убийством, он созерцал самого себя.

Она находила в дагеротипах все особенности, которые были присущи и репродукциям, но усиленные естественным освещением. Сумрак и свет здесь смешивались в приглушенную светотень. Фотографии были прямоугольными, однако освещенная часть выглядела овальной, словно углы затянуло сероватой дымкой. В них ощущалось обаяние кадров из немых фильмов — дергающихся, зыбких. Сверкающий центр своей пронзительной четкостью почти ранил глаза. Своей резкостью он причинял боль.

Симонис делал портреты современников. Музыкантов, акробатов, но также и биржевых маклеров, секретарей, агентов по недвижимости — затянутых в современные костюмы и выхваченных светом, словно лившимся из XIX века. Это создавало противоречивый эффект: вас словно отбрасывали в неопределенное будущее, откуда настоящее будет казаться давно минувшей эпохой, устаревшей больше чем на столетие.

— А вам что здесь нужно?

Перед ней стоял разъяренный грузный фотограф. Она сообразила, что у нее нет при себе полицейского удостоверения. Слегка растерявшись, она уставилась на толстяка. Под два метра ростом, он определенно весил больше ста десяти килограммов. Здоровяк, который не отказывал себе в радостях жизни и к пятидесяти годам напоминал скорее гору жира, чем мраморную стелу. На нем была черная водолазка и необъятные джинсы, похожие на мешок из-под картошки. Она сообразила, зачем понадобился высокий воротник: чтобы прикрыть жировые складки под подбородком.

Симонис уперся кулаками в бока:

— Так и будем молчать?

Припертая к стене, она выдавила улыбку:

— Извините. Я Анаис Шатле, капитан полиции.

Такое заявление действует безотказно. Мужчина напрягся и судорожно сглотнул. Его двойной подбородок надулся, потом опал, словно чудовищный удав, проглотивший газель.

— Не беспокойтесь, — добавила она. — Мне всего лишь надо кое-что узнать о технике дагеротипа.

Симонис расслабился. Плечи его опустились. Зоб сдулся. Стараясь перекрыть шум дрели и молотков, он пустился в технические разъяснения, которых она не слушала. Мысленно она отпустила ему минут пять на разглагольствования, прежде чем перейти к сути дела.

Пока он говорил, она взвешивала все за и против. Мог ли он быть убийцей? Сил бы ему хватило, но точно не быстроты. Ей не трудно было представить, как он отпиливает голову быку или оскопляет бродягу, но... Пять минут истекли.

— Извините, — оборвала она его. — По-вашему, сколько во Франции дагеротипистов?

— Нас всего несколько десятков.

— А точнее?

— Около сорока.

— А в Иль-де-Франс?

— Думаю, десятка два.

— Не могли бы вы дать мне их список?

Толстяк склонился к ней. Он был выше на добрых двадцать сантиметров.

— Зачем?

— Вы наверняка видели, как в кино полицейские задают вопросы. Но сами они на них никогда не отвечают.

Он помахал пухлой рукой.

— Извините, но у вас есть ордер или что-нибудь в этом роде?

— Ордер бывает в бухгалтерии. Если вы имеете в виду постановление, подписанное следственным судьей, то с собой у меня его нет. Я могу прийти с ним еще раз, но время дорого, и, обещаю, вы оплатите мне каждую потерянную минуту.

Он снова сглотнул. Пищеварительный процесс удава возобновился. Он неопределенно указал куда-то в глубь зала.

— Тогда мне надо распечатать список у себя в кабинете.

— Идемте.

Симонис огляделся вокруг. Рабочие трудились, не обращая на него никакого внимания. Дрели сверлили. Шлифовальные машинки шлифовали. В воздухе стоял запах раскаленного добела металла. Фотографу явно не хотелось покидать свою стройку, но все же он двинулся к застекленной кабинке в конце зала. Анаис пошла следом.

— Имейте в виду: не все дагеротиписты состоят в моем фонде.

— Я так и думала, но мы что-нибудь придумаем, чтобы их выследить. Свяжемся с поставщиками материалов, которые они используют.

— Мы?

Она подмигнула:

— А вам разве не хочется поиграть в сыщика?

Удав снова зашевелился. Анаис приняла это за знак согласия.

Спустя час у них уже был готов исчерпывающий список дагеротипистов Парижа, Парижского региона и всей Франции. Сопоставив ответы поставщиков с членами фонда, они насчитали восемнадцать художников в Иль-де-Франс и более двух десятков в оставшейся части страны. Анаис прикинула, что до завтрашнего вечера она успеет нанести визит всем жителям Иль-де-Франс. Ну а там будет видно.

— Вы знакомы со всеми?

— Практически, — процедил он.

— Вы бы заподозрили кого-нибудь в этом списке?

— Заподозрил в чем?

— В убийстве.

Он поднял брови, брылья его затряслись.

— Нет. Никогда в жизни.

— А кто-нибудь из них снимает сцены насилия?

— Нет.

— Может быть, что-то связанное с извращениями или мифологией?

— Нет. Вы задаете нелепые вопросы. Речь ведь о дагеротипах?

— Именно.

— Эта техника требует, чтобы объект подолгу сохранял полную неподвижность. Движение таким способом не снимешь.

— Я и имела в виду неподвижные объекты. Трупы.

Симонис нахмурился. Анаис шагнула вперед, вынудив его прижаться к стеклянной перегородке.

— У кого-то из членов фонда были проблемы с правосудием?

— Да нет же! Хотя откуда мне знать.

— Никто не высказывал странных идей?

— Нет.

— Не страдает психическим расстройством?

Великан уставился на Анаис тяжелым взглядом и промолчал. В своем стеклянном кабинете он казался пленником, словно кит в аквариуме.

Она перешла к главному пункту:

— Насколько я поняла, в технике дагеротипии важную роль играет химия.

— Разумеется. Дагеротип обрабатывают сначала йодистыми парами, затем парами ртути. Потом...

— Между этими этапами можно использовать кровь? Человеческую кровь?

— Не понял вопроса.

— Кровь, в частности, содержит окись железа. Может такой компонент участвовать в химических преобразованиях? Например, на последнем этапе, когда изображение покрывают хлоридом золота?

Марк Симонис выглядел испуганным. Он догадывался, что Анаис известно больше, чем она пожелала ему сказать.

— Возможно... Не знаю.

— Кто-нибудь из этих людей, — продолжила Анаис, помахав списком, — упоминал о подобных исследованиях?

— Нет, конечно.

— А нет ли среди них химиков, которые разбираются в этом лучше остальных? Дагеротипистов, способных увлечься органической химией?

— Никогда ни о чем подобном не слышал.

— Спасибо, месье Симонис.

Она повернулась к нему спиной. Он удержал ее за руку.

— Вы подозреваете одного из нас в убийстве?

Поколебавшись, она заговорила уже не таким командным тоном:

— Честно говоря, я и сама не знаю. Это направление в расследовании основывается на одних предположениях... — Она огляделась. На полках стояли банки с ртутью, упаковки йода и брома. — Более легковесных, чем любой из ваших паров.

Через пять минут она была на музейной парковке и разглядывала план парижского предместья. Анаис пыталась прикинуть маршрут, исходя из списка имен и адресов.

Зазвонил мобильный. Солина. Она подбросила мобильный на ладони и прикинула, могли ли его засечь. Ей бы следовало выбросить его, как только она вышла из тюрьмы.

После пятого звонка она ответила. Зажмурившись, словно в ожидании взрыва.

— Ты самая мерзкая стерва из всех, кого я видел.
— Мне пришлось. Нужно разрабатывать другой след.
— Какой же?
— Не могу сказать.
— Тем хуже для тебя.
— Угрозами меня не проймешь.
— А два свеженьких трупа?
— Чьих?
— Пока не установлено. Два парня в фирменных черных костюмах. Одного уложили двумя пулями сорок пятого калибра. Второму всадили в рожу осколок стекла. Дом арендует некий Арно Шаплен. Тебе это о чем-нибудь говорит?
— Нет, — солгала она.
Кровь отхлынула у нее от головы.
— В двух кварталах оттуда на улице Бреге нашли их тачку. Черная «ауди» Q7. Номерной знак 360 643 AP 33. Это тебе тоже ни о чем не говорит?
Анаис молчала, судорожно пытаясь собраться с мыслями. Значит, Януш уцелел и на этот раз. Теперь единственной доброй вестью от него, на которую она могла рассчитывать, были трупы.
— И похоже, съемщик лофта по описанию соответствует Янушу.
— Откуда ты узнал? — спросила она, поворачивая ключ зажигания.
— Кто-то проболтался. У нас в полиции очень тонкие стены.
— Кто ведет дело?
— Уголовка. Но я позвоню прокурору. Это история связана с перестрелкой на Монталамбер. Значит, я и буду ее расследовать.
— Ты можешь это доказать?
— Докажу, если мне передадут дело.
— А где трупы?
— А сама как думаешь? В Институте судебной медицины.
Анаис не знала, где это, но она найдет.
— Встречаемся там?
— Даже не знаю, как тебе это удастся, — усмехнулся он. — Ты меня имеешь, как хочешь, а я прошу добавки. Может, займемся садомазохизмом?
— Через полчаса?
— Я уже в пути. Жду тебя на месте.

Оба зародыша витают в околоплодной жидкости, подобно двум крошечным космонавтам. Между кровью и водой, воздухом и духом. Легкие, сплетенные воедино. Первый намного больше. Тем не менее именно он находится сверху. Второй вжат в нижнюю стенку матки. Победенный. Над ними вьется, изгибается сеть сосудов, похожих на летучие корни, как у тех растений, которые выращивают в невесомости на космических станциях.

— У нас проблема.

Кабинет врача. Он не сводит глаз с мужчины и беременной женщины, сидящих напротив него. Она — молодая блондинка с почти белыми волосами, он — крупный бородач. В комнате преобладают осенние тона. Красный, охряный, золотисто-коричневый. Только лакированное дерево и пурпурные ткани.

— Что за проблема?

Женщина, обхватив руками округлившийся живот, задает этот вопрос с агрессивностью, выдающей ее страх. У нее лицо славянского типа. Высокие скулы. Кошачьи глаза. Волосы такие тонкие, что искрятся на солнце. Между налитыми грудями беременной женщины сверкает крест.

Мужчина представляет собой мужское воплощение все того же славянского типа. Рубаха дровосека, широкие плечи, густая борода. Выступающая челюсть.

Врачу явно не по себе. Его лицо не предвещает ничего доброго. Молодой, но уже почти облысевший. Блестящий лоб венчает костистое лицо, словно завершение навязчивой, неотступной мысли. Тонкие губы выговаривают сухие слова без плоти и украшательств.

— Если это способно вас успокоить, — улыбается он, — такое бывает довольно часто.

— Что за проблема?

— Как вы знаете, у вас монохориальная беременность.

Мужчина и женщина переглядываются.

— Мы не очень хорошо говорим по-французски, — шепчет женщина с сильным акцентом, в котором слышится какая-то холодная ярость.

— Извините. На этом французском не говорит никто. Я хочу сказать, у вас монозиготные близнецы. Они вышли из одной оплодотворенной яйцеклетки. Вам, наверное, все это уже объясняли. Они помещаются в одном пузыре, и у них одна плацента. Другими словами, они питаются из одного источника.

— И что с того?

— Обычно каждый эмбрион связан с плацентой собственной сетью

кровеносных сосудов. Иногда эти кровеносные системы перепутываются и зародыши разделяют одну сеть. Это называется анастомозом. И тогда есть риск нарушения равновесия. Один плод может получать больше другого.

— Это и происходит у меня в животе?

Врач кивает:

— Такая проблема возникает в пяти-пятнадцати процентах всех случаев. Сейчас я покажу.

Он поднимается и берет со стойки у себя за спиной несколько снимков УЗИ. Раскладывает их у себя на столе так, чтобы пара могла их видеть.

— Этот эмбрион развит больше, чем второй. Он питается за счет своего брата. Но ситуация может изменяться...

Мать не отрывает глаз от снимков:

— Он это нарочно. — Она почти шипит. — Хочет убить брата.

Врач машет перед собой руками и снова улыбается:

— Нет-нет, успокойтесь. Ребенок тут ни при чем. Просто сосуды переплелись так, что он остался в выигрыше. Вот здесь видно, что распределение сосудов...

Отец перебивает его:

— Это лечится?

— К сожалению, нет. Остается только ждать. Распределение сосудов может измениться естественным образом, и...

— Он это нарочно, — тихо повторяет мать, теребя свое распятие. — Хочет убить брата. Наводит на него порчу!

Теперь родители едут в машине. Отец стиснул руль так, словно хочет вырвать его с корнем. Жена с расширенными, как у кошки в темноте, зрачками уставилась на дорогу.

И вот они снова в кабинете врача.

— Я сожалею, ситуация близка к критической.

Улыбаться он уже не в силах. Осунувшаяся женщина снова обхватила руками свой живот. Кожа у нее на лице тонкая, как пергамент. На висках проступили голубые жилки.

На письменном столе лежат новые снимки УЗИ. Оба зародыша свернулись калачиком. Один занимает две трети матки. Он словно дразнит своего брата. *Того, которого подавляет.*

— Он по-прежнему гораздо лучше питается. Если точнее, он получает практически всю плацентарную кровь. При таком раскладе второй проживет не больше двух-трех недель, и...

— Что можно сделать?

Врач поднимается из-за стола. Некоторое время он смотрит в окно.

Красные и золотистые цвета в комнате словно сгустились.

— У вас есть выбор. Либо предоставить природе делать свое дело, либо...

Он колеблется, потом оборачивается к супругам. Но обращается он только к женщине:

— Дать преимущество другому ребенку, тому, который не может питаться сам. Чтобы спасти его, есть только один выход. Я хочу сказать...

— Ладно. Я поняла.

Позже, ночью, мать просыпается от боли. С трудом она добредает до ванной. Со стоном опускается на пол. Отец тоже встает. Бросается за ней, включает свет. И видит жену на полу, на четвереньках: ее выступающий живот прорвал ночную рубашку. Кожа на животе временами натягивается. По ней колотит один из зародышей. Он в гневе. Он хочет выйти. Хочет быть один...

— Надо его убить! — вопит мать, заливаясь слезами. — Это... это злой дух! *To jest duch zlego!*

Кубела внезапно просыпается. Он лежит скорчившись на гнилом паркете. Первое ощущение — соленый привкус слез, второе — сырость паркета. И наконец, темнота.

Какой же сейчас час? Не больше четырех. Уже стемнело. Дождь стучит по окнам. По паркету снуют тараканы. И как только он здесь заснул? Возможно, все дело в нежелании принять правду. Ту, которую он угадал, читая врачебные заключения и результаты анализов.

Он дотащился до окна. За стеклом ничего не видно, кроме смутной пелены ливня. Ни уличного фонаря, ни света лампы. В голове у него все перемешалось. Он не в силах уловить какую-нибудь мысль и сосредоточиться на ней. И в то же время ему кажется, что он мыслит трезво, как никогда прежде. В своем кошмаре он воссоздал историю близнецов Кубела. Это было во сне, но он знал, что все так и произошло. У него под ногами валялись медицинские отчеты, заключения, цифры, найденные им вместе со снимками... Он нутром чуял, какое решение приняла его мать. Он знал, что рожден от убийства. Он — подавленный зародыш, спасенный *in extremis*^[64] по воле родителей...

Что ему делать теперь? Он и сам не знал. Заложник своего происхождения. Пленник тьмы. Он взглянул на потолок: там висела голая лампочка. Повернул выключатель, но безрезультатно. Не падая духом, спустился вниз и поискал трансформатор. Нажал на красную кнопку и услышал сухой щелчок, который принял за добрый знак.

Когда он вернулся в свою комнату, там горела лампочка.

Он опустился на колени и подобрал все листки.
Минуту спустя он уже вновь погрузился в изучение своих истоков.

* * *

— Где майор Солина?

18 часов. Парижский институт судебной медицины. По дороге в Париж Анаис несколько раз сбивалась с пути. Наконец, включив проблесковый маячок и сирену, она добралась до набережной Берси.

И вот она обращается к секретарше за стойкой:

— Где Солина?

— Они внутри, но вы не имеете права...

Под взглядами мраморных бюстов у входа она прошла через холл. Она уже заметила белые двери.

Секретарша прокричала ей в спину:

— Вы не имеете права!

Не оборачиваясь, она подняла свою трехцветную карточку и помахала ею над головой. Спустя секунду она вошла в ярко освещенный коридор, вдоль которого тянулись закрытые двери. Все в безупречном порядке. Нигде ни одних забытых носилок. И тем более ни одного покойника. Лишь резкий запах дезинфекции и ледяной воздух говорили о том, что здесь имеют дело не с живыми телами.

Одна дверь.

Вторая.

Третья.

Четвертая дверь оказалась той, которую она искала. Тем временем ее догонял мужчина в белом халате. И вот она внутри, где перед ней открылось потрясающее зрелище.

В комнате, освещенной хирургическими лампами, между трупами, покрытыми простынями, стояли мужчины в черном. Настоящие туши. Одним из них был Солина. Контраст между их черными костюмами и сверкающей белизной вокруг резал глаза.

Она сосредоточилась на том, что они говорили. Подбежавший санитар тоже остановился при виде этих воронов образца XXI века, которые переругивались над трупами.

— Не пойму, что ты здесь забыл, — заявил один из них.

— Эти два трупа напрямую связаны с перестрелкой на Монталамбер, — парировал Солина.

— Без шуток? С чего бы?

Солина опоздал. Офицеры Уголовного отдела уже прибыли по поручению прокурора республики. Лысому здесь больше нечего было делать, и все же он яростно грызся за свою часть пирога.

— Прокурор выразился ясно.

— Срал я на прокурора. Я сейчас свяжусь с моим следственным судьей.

— Не лезь в это дело со своим дерьмом.

— Какое такое дело? Не пойму, о чем ты говоришь. Подстреленный тип — это по мою душу.

Страсти накалялись с каждой репликой. Мужики были на волосок — на волоске — от мордобоя. Анаис смотрела на них. Теперь их окружали несколько человек в белых халатах, не решавшихся вмешаться.

Ей нравилась эта картина. В запахе эфира, под холодным светом хирургических ламп, она смаковала насыщенную тестостероном сцену. Трое готовых сцепиться самцов. Солина вытянул голову, видимо собираясь использовать ее как дубинку. Первый его собеседник, черноволосый, небритый, с кольцом в ухе, похоже, способен был думать только яйцами. Его напарник уже положил руку на табельное оружие.

Тут ей в бедро врезалась запущенная изо всех сил каталка. Анаис поскользнулась и упала на пол. Шутки кончились. Крики. Оскорбления. Толчки. Солина вцепился в парня из уголовки, а его напарник, не в силах разнять драчунов, выхватил пистолет из кобуры. Санитары бросились к ним, но куда им против тяжеловесов.

Анаис опасалась новой перестрелки, когда в комнату ввалились еще двое. Два амбала, скроенные по той же мерке, стриженные под ежик, затянутые в серые костюмы, похожие на форму. Они навели на полицейских полуавтоматические девятимиллиметровые пистолеты:

— Вечеринка окончена, ребятаки.

Солина и его противник застыли на месте. Обопонец отер лицо рукой: у него носом шла кровь. Второй, тоже забрызганный кровью, держался за ухо — в драке Солина вырвал у него серьгу.

— Кто такие? — рыкнул Солина.

— Военные, придурок, — сказал первый амбал. — Валите отсюда побыстрому, а мы, так и быть, никому не скажем, что у вас стоит на покойников.

Солина поколебался. Офицеры из уголовки отступили, оценивая новых противников. Санитары покинули опасную зону. Потрясенная Анаис застыла на месте. Она наблюдала эту сцену глазами ребенка, в которого

вдруг превратилась. В девочку, которая смотрит на мир взрослых, не в силах его понять. И не просто мир взрослых. *Мир ее отца.*

— Дело объявлено секретным, — заявил второй, помахав какой-то официальной бумагой.

Никто на нее и не взглянул. Все и так все поняли.

— Пусть вас перевяжут, и валите отсюда. Это дело вас больше не касается.

Полицейский из уголовки, все еще прижимая руку к уху, хрипло повторил:

— Все-таки кто вы такие?

— Вы прочтете бумажку, подписанную прокурором. В ней наверняка есть буковки, которыми мы обозначены. Можете ими потереться — все это фигня.

— Ты сам говоришь, что все это фигня, мать твою, — сказал Солина, выступая вперед. — Так какого хрена?

Второй подошел к одному из трупов, прикрытых простынями. Он схватил его левую руку, задрал рукав и поднял ее так, чтобы полицейские увидели всаженный в нее катетер для переливания.

— Знаешь, что это такое?

Никто не ответил. Бойцам элитных подразделений иногда заранее вставляют в вену такой катетер, чтобы быстрее сделать переливание в случае серьезного ранения. Хотя этим двоим он так и не пригодился.

— Они из наших, — подытожил солдат, закатывая рукав, чтобы показать то же самое устройство. — Мы сами найдем подонка, который их завалил. А вы возвращайтесь в свою нору.

— А как быть с протоколом?

Оба спецназовца заржали. Анаис тоже усмехнулась. В глубине души она была рада их видеть. Солдаты. Наемники. Убийцы. Те, которые две недели назад влезли в ее жизнь. Проникли в ее расследование. Только что не в туалет с ней ходили...

Они дергали за веревочки, а теперь просто-напросто их перерезали.

Проект «Матрешка» сворачивался на пороге этой покойницкой.

* * *

— Нас всегда будут иметь в задницу. Это в порядке вещей. Жизнь, как обычно, ставит нас раком.

Солина, с ватками в ноздрях, подвел итог в духе своей анальной

философии. Выйдя из Института судебной медицины, Анаис заставила полицейского сесть в ее машину. Они проехали всего пару сотен метров, пересекли мост и остановились перед входом в большой парк, который, как она и предполагала, оказался Ботаническим садом.

Она рассказала Солина все, что узнала за последнее время. О программе «Матрешка». О загадочном препарате. О людях, на которых его испытывали. И о том, как армия провернула это дело под прикрытием «Метиса». Она подвела итог, высказав свое личное мнение: «Это конец игры».

Солина медленно кивнул в ответ. Он казался подавленным, но не удивленным. Лишь одна деталь его поразила.

— Вот уж не думал, что ты так легко отступишься.

— А мне не от чего отступить. Ни к чему нам ввязываться в интриги военных и «Метиса». Против своих не воюют, да и цель у меня другая.

— И чего же ты добиваешься? Что-то я запутался.

— Я хочу спасти Януша.

Солина разразился мрачным смехом.

— Ну, так я не скоро стану префектом.

— Янушем прикрывается убийца. А уж его-то мы достанем.

Лысый задрал бровь. Полоска сухой травы на гладкой вершине.

— Каждый пойдет по своему следу. Может, тебя это удивит, но я уверена, что Медина Малауи как-то связана с «Матрешкой».

— Ты же сама говорила, что нечего нам лезть в эти игрища.

— Вот только мифологический убийца так или иначе причастен к этому делу. Люди из «Метиса» убеждены, что их препарат пробудил монстра в одном из их подопытных. Они грешат на Януша. Я уверена, что они ошибаются, но только частично. Убийца точно кто-то из подопытных.

— А Медина тут с какого боку? Она была блядью.

Анаис вздохнула. Этим своим словечком он замарал всех женщин.

— Она связана с сетью подопытных. Потому-то Януш и забрался в ее квартиру.

— Пока ты черт-те где шлялась, мои ребята через сервер отследили ее заходы в Интернет, а через оператора — телефонные звонки.

— И что?

— А ничего. Ни с кем из клиентов она таким образом не пересекалась. Одно странно: она записалась на сайт знакомств. В клуб датинга.

— Какого типа?

— Из самых обычных. Sasha.com. Средний сайт для средних людей.

Не самая подходящая компания для эскорт-девушки, привыкшей к

обществу богачей из Восьмого округа.

— Кто управляет сайтом?

— Она называет себя Саша. Настоящее имя — Вероника Артуа. Несколько раз терпела финансовый крах, прежде чем взялась устраивать свиданки. Как раз сейчас Фитон и Сернуа ее допрашивают.

Она сменила тему:

— Расскажи мне об Арно Шаплене.

— А я уж думал, ты так и не спросишь.

Он сунул руку под плащ. Одно это движение напугало Анаис. Он буквально сочился животной грубостью и насилием, хотя с этими ватками в носу и выглядел полным придурком. Солина извлек сложенную вдвое папку, положил ее на колени и принялся разглаживать. Анаис даже не удивилась, увидев прикрепленный к обложке портрет.

— Арно Шаплен, — пояснил Солина. — Морда знакомая, а выглядит иначе. Так называемый рекламный художник, на досуге занимается абстрактной живописью.

— Почему так называемый?

— Тут мы обскакали парней из уголовки. Раздобыли документы, которые Шаплен в мае две тысячи девятого года представил агентству по недвижимости, сдавшему ему лофт. Все липа.

— И где он брал деньги?

— Я велел ребятам разобраться. Банковские вклады наличными. Ни единого чека — ни ему, ни от него. От этого за версту несет незаконными заработками.

Анаис открыла папку и нашла другие снимки. В официальных документах. А также кадры из камер видеонаблюдения в районе улицы Рокетт. Здесь Януш уже не походил ни на неряшливого психиатра, ни на бродягу, ни на безумного художника. Ни даже на того, кто навещал ее в тюрьме.

На одном из снимков пряжка у него на поясе сверкала, словно звезда шерифа.

— Он невиновен, — повторила она. — Его надо защитить.

— Ублюдки, с которыми мы свели знакомство, снимут с него шкуру.

— Только если раньше мы его не арестуем. Наша разменная монета — это наше досье. Когда Януш окажется в безопасности, мы пригрозим передать все материалы в СМИ.

— Ты же только что говорила, что эти парни нам не по зубам.

— Такие угрозы никому не по душе. А уж если нам удастся найти настоящего убийцу, чаша весов склонится в нужную сторону.

— Похоже, тех двоих Януш все-таки завалил.

— Он спасал свою шкуру. Сопутствующий ущерб. Такая логика доступна некоторым офицерам.

Солина не ответил. Возможно, мечтал, как в отдаленном будущем он все-таки получит повышение, задержав убийцу.

— Ты так и не объяснила, почему свалила от нас сегодня после обеда.

Сейчас не время играть в прятки. В двух словах она рассказала ему о дагеротипах. Об осколке зеркала, обработанного парами йода, который нашли рядом с Икаром. Изложила Солина свою гипотезу об убийце-фотографе. Об особой технике, изобретенной сто пятьдесят лет назад, и о сорока французских дагеротипистах, которые до сих пор ее используют.

— Ну прямо «Анаис и сорок разбойников».

— Мне надо закончить начатое. Я навещу двадцать дагеротипистов, проживающих в Иль-де-Франс. Проверю их алиби на предполагаемое время убийств. А там посмотрим.

Солина откашлялся и одернул плащ, немного успокоившись. Энергия коллеги внушала ему уверенность.

— Подбросишь меня в контору?

— Нет, прости. Мне некогда. Вызови служебную машину или поймай такси. Если я всю ночь проведу в разъездах, то завтра в середине дня закончу со списком.

Комиссар улыбнулся и окинул взором окрестности: ворота Ботанического сада, забитый машинами бульвар Опиталь, отреставрированный Аустерлицкий вокзал, похожий на декорации из гипса.

Наконец он открыл дверцу и подмигнул ей:

— Что, втюрилась в этого поганца по уши?

* * *

Теперь мысли Кубела прояснились.

Он закрыл ставни и при свете лампочки обдумывал медицинскую документацию, найденную в крафтовом конверте. Имена, цифры, даты. Он в состоянии восстановить то, что действительно произошло за время беременности Францишки. Тем более что сам он много занимался проблемами близнецовости.

Монозиготные близнецы. Два зародыша, одна плацента. Они развиваются из одной клетки, и их генетический набор абсолютно идентичен. В материнской утробе их разделяет лишь тонкая перегородка.

Они находятся в постоянном контакте. Соприкасаются, толкаются, смотрят друг на друга. Каждый становится для другого полем исследований. Постепенно у них устанавливается особая ментальная связь. Их двое, но вместе с тем они одно целое. Рождаются ощущения, эмоции. Близнецы разделяют их. Каждый зародыш становится для другого источником и отражением.

Обычно в основе этой связи лежит любовь.

А у близнецов Кубела — ненависть.

Уже на третьем месяце в поведении зародышей наблюдалась ощутимая разница. Один сохранял лежачее положение. Второй тянулся, двигался, завоевывал пространство. На четвертом месяце первый прикрывал лицо кулачками. Второй стучал ручками и ножками по разделявшей их перегородке. На пятом месяце все эти различия перетекли в проблему питания.

Как и в кошмарном сне Кубела, гинекологи поставили родителей перед выбором: или положиться на природу, или, наоборот, уничтожить более сильного, чтобы спасти слабого. Утроба Францишки Кубела превратилась в арену смертельной битвы.

Родители не колебались. В первом же отчете говорилось о возможности редукции плода в июле 1971 года. Судя по рукописной записке лечащего гинеколога, Францишка, очень набожная полька, относилась к доминирующему ребенку как к исчадию ада, наделенному паранормальными способностями. Его гиперактивность имела одну цель — убить брата. Для нее он был враждебным, злобным, порочным существом, не желавшим ни с кем разделять свое убежище.

Кубела читал между строк. Душевное здоровье Францишки ухудшалось день ото дня. Возможность хирургического вмешательства лишь усугубляла ситуацию, даже несмотря на то, что для нее это означало бы уничтожение воплощенного зла. Медицинские термины, как обычно, лишь стыдливо прикрывали печальную реальность. Так называемая редукция эмбриона состоит просто-напросто в убийстве одного зародыша ради спасения второго или нескольких, если, например, речь идет о тройне.

После первого письма, рассматривавшего эту возможность, история беременности прерывалась. Ни одного заключения, ни единого УЗИ, никаких записей врача. Неужели поляки уничтожили все следы содеянного? Но Кубела предпочитал другое объяснение. Никакой редукции не было. Беременность развивалась безо всякого вмешательства. Питание зародышей стабилизировалось *естественным* путем.

Вынашивание двойни завершилось нормальным образом.

18 ноября 1971 года родилось двое детей.

Но для Францишки доминирующий близнец оставался «дьявольским отродьем». Она не захотела ни воспитывать его, ни даже терпеть подле себя. Анджею пришлось подыскать ему приют, отвергнуть его, убрать с глаз долой.

Так и жила отныне семья Кубела.

Храня тайну о покинутом ребенке. Скрывая свою ложь.

Нежеланный близнец выжил. Он вырос, повзрослел, догадываясь о правде. Меняя приюты и приемные семьи, он мечтал раскрыть секрет своего происхождения. Став взрослым, он предпринял расследование. Он узнал свою историю и решил довести до конца то, что творил в 1971 году в материнской утробе.

Никогда еще месть не имела таких глубоких истоков.

Кубела снова взглянул на снимки. Теперь они казались ему красными от крови и ненависти. Раскаленными, словно кратер вулкана. Он так и видел обоих братьев, Авеля и Каина, висящими в невесомости, готовыми к поединку.

Кубела был слабейшим из двух близнецов, тем, который на снимках сохранял лежачее положение и прижимал кулачки к глазам. Но после рождения ситуация полностью изменилась. Он стал избранником, любимцем, победителем. Он вырос в тепле семейного очага. А тем временем его брат гнил в каком-то безвестном приюте или у приемных родителей, которым государство платило за его воспитание.

И теперь пришло время платить по счетам. От судьбы не уйдешь. Все как в греческих мифах. Беременность Францишки представлялась ему воплощением рока. В ней явно просматривалось будущее.

Кубела не имел никаких доказательств, подтверждающих его гипотезу, но он нутром чуял, что не ошибся. В глубине души он всегда это знал. Вот почему в каждом случае диссоциативного бегства он выбирал себе имена, так или иначе связанные с двойственностью: Януш, Фрер, Нарцисс, Ноно...

Мог бы и раньше догадаться. Фрер — брат.^[65] Януш, он же Янус, — двуликий бог начала и конца. Нарцисс влюбился в собственное отражение. Имя Ноно, состоящее из двух одинаковых слогов, графически воспроизводит положение зародышей in utero^[66] — лицом к лицу...

Все эти имена — знаковые. Они призывали черного брата явиться, материализоваться. И зов был услышан. Отвергнутый близнец вернулся в облике серийного убийцы. Дьявольское отродье, выброшенное, отринутое,

попранное, совершило эти убийства, взяв за образец бессмертные мифы, увидев в себе праведного героя вечной легенды. Легенды о возвращении изгнанного сына. О мести героя, с которым поступили несправедливо. Об Эдипе, Ясоне, Одиссее.

И он все подстроил так, чтобы Кубела обвинили в этих убийствах.

Так, чтобы он сгнил в тюрьме. Или чтобы его пристрелили полицейские.

* * *

Амьен, 11 часов утра.

Медицинский центр имени Филиппа Пинеля представлял собой кирпичную крепость, целиком посвященную безумию. Цитадель, возведенная в XIX веке, когда психушки были вещью в себе, поселениями, где умалишенные возделывали свои сады, пасли свой скот, заводили семьи. В те времена сумасшествие, которое не умели лечить, считалось уродством, и его следовало изгонять, убирать с глаз долой, скрывать.

Центр Филиппа Пинеля занимает более тридцати гектаров.

Миновав первые ворота, Кубела по длинной, обсаженной деревьями аллее достиг следующей ограды, похожей на красно-коричневую твердыню.

Глубокой ночью он так и заснул среди бумаг и снимков УЗИ. У него даже не хватило сил потушить лампочку. И снова ему снились зародыши, борющиеся в чаще кровеносных сосудов. Когда он проснулся, весь мокрый от пота, было еще темно. Лишь электрический свет обтекал его, словно мерзкое прогорклое масло. Несмотря на ломоту во всем теле и спутанные мысли, он как будто пережил откровение, осознав, что не сможет продвинуться в расследовании, не вернувшись к своим истокам — собственной матери. На Северном вокзале он сел в поезд до Амьена, потом на такси доехал до медицинского центра, расположенного в Дюри, на окраине префектуры Пикардия.

Вторая ограда. Даже психиатра, привыкшего к психушкам, впечатлила толщина здешних стен. Казалось, в этих камнях можно прорыть туннели. Центр, выстроенный в форме прямоугольника вокруг часовни, состоял из зданий разной величины и действительно походил на настоящий город. Вокзал, мэрия, лавки... Кубела не стал заходить в приемное отделение и попытался сориентироваться по табличкам. Но напрасно. На корпусах виднелись только номера без каких-либо пояснений.

Он двинулся вперед наугад. В аллеях — ни единой живой души. За более чем вековую историю в этих зданиях многое преобразовали, но сам их дух остался неизменным. Фасады без архитектурных излишеств, фронтоисписы с латинскими надписями, стрельчатые арки, отбрасывающие тень. Все основательно, как в клинике Святой Анны.

Из-за облаков выглянуло солнце. Зимнее солнце, тусклое и чуть теплое. Этот приглушенный жар перекликался с его собственным лихорадочным состоянием. От волнения его трясло. Не верилось, что вот-вот он встретится с матерью. Эта мысль тревожила его, и в то же время он чувствовал себя защищенным броней. Его память запечатана наглухо, словно окружающие его кирпичные стены.

Наконец ему повстречались две медсестры. Он объяснил, что пришел навестить свою мать, которая находится здесь уже много лет. Они переглянулись: в измятой одежде, с двухдневной щетиной Кубела скорее походил на одного из их пациентов, чем на посетителя. Не говоря уже о том, что сын, чья мать так долго лежит в психушке, не может не знать, как ее найти. Ее фамилии они не знали: здесь больше пяти сотен больных. Они объяснили, что седьмой корпус, где лежат хроники, расположен на западе, через три блока.

Кубела отправился дальше, спиной чувствуя их пристальные взгляды. Что ж, могло быть и хуже. Больше всего он боялся, что его узнают. Наверняка во времена своего официального существования он регулярно навещал мать, и персоналу корпуса должно быть известно, что он погиб. А может, кто-то из санитаров видел его фотографию по телевизору?

Седьмой корпус. Он сразу же узнал решетчатую ограду и двери с особым двойным запором, привычные для мест, отведенных опасным пациентам. На его звонок вышла женщина с могучими плечами и неприступным видом. В ее взгляде ничего не промелькнуло. Она его не узнала. Он назвал имя матери. Францишка Кубела действительно находится в этом корпусе. Медсестра работает здесь недавно.

Кубела сквозь решетку объяснил, почему так долго не навещал мать, на ходу придумывая заграничные командировки и прочие отговорки. Он боялся, что мегера потребует у него удостоверение личности. Чтобы пустить пыль в глаза, он вставил несколько психиатрических терминов, и они попали в цель. Медсестра открыла ворота.

— Я вас провожу, — заявила она безапелляционно.

Они прошли по аллеям, окруженным лужайками и столетними деревьями. Голые ветви напоминали вырванные электрические провода. По дороге им попалось с десятков пациентов. Слюнявые рты, запекшиеся губы,

апатичные взгляды, безвольно повисшие руки. Все как обычно.

— Вот она, — сказала медсестра, замедляя шаг.

Кубела увидел сидящую на скамейке фигуру, закутанную в ярко-синий пуховик. Лица, завешанного жесткими жирными волосами, видно не было. На ногах — огромные белые рэперские кроссовки с толстыми, будто на пружинах, подошвами.

Он направился к этому странному существу. Медсестра шла за ним следом.

— Спасибо, но теперь вы можете меня оставить.

— Нет. Я должна вас сопровождать. Таковы правила. — Медсестра улыбнулась, стараясь смягчить свои слова: — Она опасна.

— Я в состоянии за себя постоять.

— Опасна для себя самой. Никогда не знаешь, как она отреагирует.

— Тогда останьтесь здесь. Если возникнут проблемы, вы сможете вмешаться.

Медсестра скрестила руки, приняв позу часового. Кубела двинулся дальше. Он ожидал увидеть мертвенно-бледный призрак с изможденным костлявым лицом. Но его мать оказалась рыхлой. Отвислые щеки, дряблые, словно заплывшие нездоровым жиром веки. Побочный эффект таблеток и уколов. Он также обратил внимание на признаки экстрапирамидального синдрома, характерные для больных, принимающих нейролептики: ригидность конечностей, дрожащие пальцы...

Францишка курила, держа руку у самого рта. Лицо было искажено злобной гримасой, кожа покрыта темными пятнами. Жесткие волосы почти закрывали ее одутловатую физиономию. В свободной руке она держала сигаретную пачку и зажигалку.

— Мама?

Никакой реакции. Он сделал еще шаг и снова окликнул ее. Слово «мама» ранило ему горло, словно бритвенное лезвие. Наконец Францишка, не пошевелив головой, перевела глаза в его сторону. Будто одержимая бесами.

Кубела присел на скамейку рядом с ней.

— Мама, это я — Франсуа.

Она взглянула на него. Ее лицо слегка напряглось, затем она медленно кивнула. Постепенно ее выражение изменилось. Теперь она выглядела испуганной. С трудом она скрестила руки и обхватила ими живот. Губы у нее дрожали. У Кубела сжалось сердце. Он рассчитывал на откровения. Похоже, его ждало настоящее потрясение.

— Co chcesz?

— Пожалуйста, говори по-французски.

— Чего тебе?

Голос звучал враждебно. Низкие звуки скрежетали, как заржавевший мотор. Тонкие губы прорехой выделялись на оплывшем лице.

— Я хочу поговорит с тобой о своем брате.

Она стиснула живот еще сильнее. Он представил себе матку, выносившую его самого и его черного близнеца. Арену ненависти и угрозы. Утробу, ныне превратившуюся в изъеденный лекарствами клубок внутренностей.

— Какой еще брат? — Она прикурила от окурка очередную сигарету.

— Тот, который родился вместе со мной.

— Нет у тебя брата. Я вовремя его убила.

Кубела наклонился к ней и, несмотря на ветер и свежий воздух, ощутил исходящую от нее вонь. Запах застарелого пота, мочи и мазей.

— Я прочитал твою историю болезни.

— Убить. Он хотел тебя убить. Я тебя спасла.

— Нет, мама, — произнес он тихо. — Операции не было. Редукция эмбриона не понадобилась, только я не знаю почему. Никаких объяснений в документах я не нашел.

Она не ответила.

— Я был у тебя дома, — настаивал он. — В тупике Жан-Жорес, в Пантене, помнишь? Нашел твои УЗИ, медицинские заключения, записи врача. Но ничего о родах. Даже свидетельств о рождении не оказалось. Что же все-таки произошло?

Ни слова. Ни движения.

— Ответь мне! — Он повысил голос. — Как мой брат выжил?

Францишка Кубела не шелохнулась, будто окаменев в своей толстой дутой куртке. Одни только пальцы по временам двигались, поднося сигарету к губам, и тогда женщина торопливо затягивалась.

— Расскажи мне, мама. Прошу тебя...

Но полька замерла, уставившись прямо перед собой застывшим взглядом. Он с запозданием осознал, что ведет себя непрофессионально. Он говорил с ней не как здравомыслящий психиатр, а как возмущенный сын. Пытался силой вломиться в ее мозг, даже не постучавшись и не представившись. Никак не объяснил, где пропадал целый год. И ничего не сказал о причинах, заставивших его так настойчиво расспрашивать ее о прошлом.

— Расскажи мне, мама, — повторил он уже поспокойнее. — Я родился в одной из больниц в Пантене восемнадцатого ноября семьдесят первого

года. Я был не один. Но ты отказалась воспитывать моего брата. Он вырос где-то далеко от нас и наверняка страдал от одиночества, оттого, что его бросили... Где он сейчас? Мне надо с ним поговорить.

Подул ветер, и вонь ударила ему в нос. Холод и теплые лучи лишь усиливали этот мерзкий запах. Францишка прела на солнце.

— Мой брат вернулся, — прошептал он, едва не касаясь губами ее жирных волос. — Он мстит мне. Мстит нам. Убивает бродяг и старается свалить вину на меня. Он...

Кубела замолчал. Шизофреничка не слушала его. Или не понимала. Все тот же застывший взгляд. Все те же затяжки украдкой. Нет, от нее он ничего не добьется.

Он поднялся, но тут же замер. В его руку впились чьи-то пальцы. Он опустил глаза. Францишка бросила свою зажигалку. Ее рука, словно ледяные тиски, вцепилась в его рукав. Кубела перехватил скрюченную кисть. Он оторвал ее от себя, будто разложившуюся руку мертвеца.

Теперь она смеялась. На нее напал приступ дикого хохота, едва слышного, но неудержимого, отдававшегося свистом в ее дряблых щеках.

— Что тут смешного?

Она все еще смеялась, затем вдруг остановилась, чтобы припасть к сигарете, словно к кислородной маске.

— Ты объяснишь мне, в чем дело?

— Брат-близнец родился, — сказала она наконец. — Вместе с тобой. Только он умер! Его убили три месяца раньше. Длинной, длинной, длинной иголка... Psia krew! — Она снова судорожно схватилась за живот. — Я носила мертвый дьявол в своем животе... Он гнил, отравлял мои воды... Отравлял тебя...

Кубела рухнул на скамью.

— Что... что такое ты говоришь?

Его сотрясала дрожь. В висках у него будто лопались кровеносные сосуды.

— Правда, — прошептала Фрацишка между двумя затяжками.

Она тщательно отерла выступившие от смеха слезы.

— Его убили, kotek. Но не могли вытащить до роды. Слишком опасно для тебя. Вот его дух и остался там. — Она снова сжала живот. — Он заразил тебя, mój syn...

Она снова прикурила сигарету от предыдущей, потом перекрестилась.

— Он заразил тебя, — повторила она. — Меня заразил тоже...

Она смотрела на тлеющий кончик своей сигареты. Подула на него, словно подрывник, раздувающий фитиль бомбы.

— Он так и останется у меня в животе... Мне надо очиститься...

Она распахнула куртку. Под ней оказалась сомнительной чистоты ночнушка. Она резко задрала ее. Кожа была усеяна ожогами и надрезами в форме креста.

Пока Кубела соображал, что к чему, к ним бросилась медсестра. Но опоздала. Женщина раздавила сигарету о свой жирный живот, по-польски бормоча молитву.

* * *

— Каждый дагеротип — уникальное произведение искусства. Его невозможно воспроизвести, понимаете? Когда вы вставляете пластину в камеру, второго шанса у вас уже не будет!

Одиннадцать часов утра.

Накануне Анаис успела встретиться только с четырьмя дагеротипистами. Очень славные люди, невиновные на все сто. Из-за навигатора, который работал через раз, она часами блуждала по парижскому предместью, пока наконец, выбившись из сил, не остановилась в два часа ночи в отеле «Ибис» у Порт-де-Шампере.

Сейчас она находилась в доме Жан-Мишеля Брока в Плесси-Робинсон. Третий ее визит за утро. Продвинутый художник уверял, что заново изобрел язык фотографии. «Истинный! Язык зыбких контрастов, сверкающего черного и белого, детали, от которых перехватывает дыхание!» От него она ничего не узнала. Разве что убедилась, что он не убийца. Он только что вернулся из четырехмесячной поездки в Новую Каледонию.

В заключение Анаис задала свой убийственный вопрос:

— По-вашему, можно использовать человеческую кровь при химической обработке дагеротипа?

— Че... человеческую кровь?

Она снова объяснила, что имеет в виду. Гемоглобин. Окись железа. Этапы проявки. Брока был шокирован, но она почувствовала, что идея пришлась ему по вкусу. Органические выделения — модное направление в современном искусстве. Разрезанные трупы животных у Дэмьена Херста. Замороженные в моче распятия Андреса Серрано. Почему бы не омытые кровью дагеротипы?

— Надо будет разобраться, — пробормотал он. — Поэкспериментировать...

Анаис поехала дальше и наконец ближе к полудню в неприметном домике в Нейи-Плезанс на другом берегу Марны отыскала Ива Пейро. Номер восемь в ее списке. Если исключить двух других фотографов, которых уже несколько месяцев нет во Франции, ей после этого останется посетить еще восьмерых.

Предыдущий был художником-мечтателем, ну а этот оказался прилежным ремесленником. Пейро продемонстрировал ей каждый предмет, необходимый для проявки, уточнив, что все изготовил своими руками. Анаис взглянула на часы. Пейро — не убийца. Семидесятилетний, рыхлый, весит килограммов шестьдесят...

— Я стремлюсь вернуться к безупречной работе мастеров тысяча восемьсот пятидесятых, — сказал он, доставая свою коллекцию пластин. Сами по себе они представляли достаточно широкую гамму тонов, от яркого света до густых теней...

Выразив восхищение, Анаис поехала дальше.

Тринадцать часов.

Она возвращалась в Париж. Ее следующей целью был фотограф, которого она упустила вчера. Реми Барий, живущий в Одиннадцатом округе. Историк. Он засыпал ее датами, именами, занятными фактами. Было уже больше трех часов дня. Для проформы она задала свой коронный вопрос о человеческой крови. В ответ он лишь оскорбленно нахмурился. Ладно, пора уходить.

Она попятилась к выходу. Историк замахал руками:

— Но мы же не закончили! Я непременно хочу рассказать вам о техниках, применявшихся до дагеротипии, о гелиохромии, диораме.

Но Анаис уже сбегала по лестнице.

Он выяснил, какой гинеколог принимал роды у Францишки.

Но тот уже умер.

Искал акушерку, которая ему ассистировала.

Она испарилась.

Хотел зайти в мэрию Пантена, чтобы собрать сведения в архиве актов гражданского состояния.

Но по субботам мэрия не работает.

Вернувшись в свой домик, он пересматривал бумаги снова и снова, и они уже рассыпались в прах под его руками. Он отметил одну деталь: на последних заключениях, в правом верхнем углу, были указаны имена тех, кто получал копии документов. В том числе психиатра, бывшего экстерна парижских клиник Жан-Пьера Туанена, директора диспансера имени Эскироля. Кубела догадывался, что на пятом месяце беременности у Францишки уже серьезно расстроилась психика. Пришлось обратиться к специалисту.

Кубела принялся за поиски Жан-Пьера Туанена и узнал его адрес. Тот по-прежнему жил в Пантене, на улице Бенжамен-Делессер. Всего в паре улиц от собственного его убежища. Он усмотрел добрый знак в этом совпадении. Возможно, психиатр что-нибудь да припомнит.

Он отправился туда пешком — шел вдоль стен, подняв воротник, засунув руки в карманы. Пародия на сыщика. Вполголоса он повторял свою легенду. Его мать бредит. На самом деле в 1971 году его брат-близнец выжил. Францишка анонимно отказалась от ребенка. Отвергла его. Бросила. После встречи с психиатром он так или иначе выйдет на след своего брата-близнеца и доберется до него. Настигнет его, так же как тот загнал и затравил самого Кубела, выставив серийным убийцей.

Миновав лабиринт мрачных улочек, он наконец отыскал металлическую ограду. Поднялся на цыпочки. В саду на колени опустился старик, обреза секатором кустик. Казалось, он с головой ушел в свое занятие. Вспомнит ли он хоть что-нибудь? Ведь он наверняка последний человек на земле, которому известно, что именно произошло в день рождения Кубела.

Он нажал на звонок. Прошла минута. Он снова заглянул за ограду и обнаружил, что старик все так же увлечен своей работой. Позвонил снова, еще настойчивее. Наконец садовод поднял голову, оглянулся на калитку и снял наушники — он трудился под музыку. Кубела из-за решетки помахал ему рукой. Воткнув секатор в землю, тот встал на ноги. Высокий, крепкий, он слегка сутулился. Одет в бесформенную теплую куртку поверх испачканного землей рабочего комбинезона, резиновые сапоги, стеганые перчатки и древнюю панаму. Наконец он впустил Кубела в сад.

— Извините, — улыбнулся он. — Я вас не слышал.

Ему перевалило за семьдесят, но глаза сохранили былую живость. Потрясающее лицо в стиле Пола Ньюмана испещрено бесчисленными морщинами, словно каждый год оставлял свою зарубку на этой дубленой коже. Выбившиеся из-под панамы серебряные пряди, поблескивающие в

тусклых вечерних лучах, и искрящийся взгляд, казалось, окружали его ореолом света. Пахло от него свежевскопанной землей и инсектицидом.

— Вы и есть Жан-Пьер Туанен?

— Да, это я.

— Меня зовут Франсуа Кубела.

Старик стянул рукавицу и пожал ему руку:

— Извините, мы с вами знакомы?

— В семьдесят первом году вы лечили мою мать, Францишку Кубела. Она ждала двух близнецов, из которых мог выжить только один.

Туанен просунул под панаму два пальца и поскреб голову.

— Кубела, ну конечно... Давненько это было.

— Мне тридцать девять. А можно мне... Могли бы мы об этом поговорить?

— Ну разумеется, — сказал тот, впуская его. — Заходите, пожалуйста...

Кубела последовал за хозяином и оказался в саду, в запущенности которого таился тонкий расчет. Над свежеподрезанными купами клонились деревья, ямки, словно застыв в ожидании, чередовались с приземистыми кустами. Все выглядело совершенно естественным и вместе с тем превосходно продуманным. Нечто вроде растительного дендизма.

— Февраль, — заметил старик, обводя сад рукой. — Месяц, когда полагается подрезать растения. Но лишь те, которые цветут летом. Только не трогайте весенние!

Он направился к самой большой яме, рядом с которой высилась горка земли. Сел на холмик и поднял полотняный ягдташ. Извлек из него термос и два пластиковых стаканчика. Ароматы вскопанного перегноя и сжатых трав наполняли ноздри.

— Кофе?

Кубела кивнул и присел рядом. Два могильщика перекусывают у могилы.

— Вам повезло, что вы меня застали, — сказал Туанен, осторожно наполняя стаканчики. — Я приезжаю сюда только по выходным.

— Вы разве не живете в Пантене?

Старик протянул кофе Кубела. Ногти у него почернели от земли, руки были покрыты пигментными пятнами.

— Нет, сынок, — улыбнулся он. — Не судите по внешности — я все еще практикую.

— В диспансере?

— Нет. Заведую небольшим отделением в психиатрической клинике

под Ла-Рошелью. — Он пожал плечами. — Придумали мне занятие на старости лет! Лечу таких же хроников, как я сам!

Кубела поднес стаканчик к губам, не сводя глаз с Туанена. Ему чудилось, будто перед ним — спутниковый снимок Земли. Возвышенности, реки, разломы — здесь было все, начертанное на коже и повествующее о генезисе жизни, о ее тектонических сдвигах, вулканических извержениях и ледниковых периодах.

— Чем я могу тебе помочь?

Этот внезапный переход на «ты» удивил его, но не задел. В конце концов, этот человек почти присутствовал при его рождении.

— Я веду расследование о первых днях моей жизни. Хочу точно знать, при каких обстоятельствах я появился на свет.

— Ну ясное дело. Твои родители тебе ничего не рассказывали?

Он не стал вдаваться в подробности.

— Отец умер. Ну а мать...

Туанен кивнул, взглядываясь в свой кофе, и заговорил:

— Я наблюдал ее после твоего рождения. В то время я руководил диспансером здесь, в Пантене. То, что сейчас принято называть социальным лечебным центром. Твоя мать страдала серьезным психическим расстройством. Да ты и сам знаешь. После родов мы с твоим отцом подали заявление о принудительной госпитализации. Ты ведь знаешь, что это значит?

— Я психиатр.

Старик улыбнулся и приподнял стаканчик, словно хотел сказать: «Будем здоровы». Его лицо было отмечено налетом цинизма, почти жестокости человека, утратившего последние иллюзии, но очень светлые глаза придавали ему какую-то светлую невозмутимость. Словно озерца в горных расщелинах.

— А твоя мать все еще жива?

— Жива. Но ее душевное здоровье не улучшилось. Она уверена, что во время ее беременности проводилась редукция эмбриона. Что мой брат-близнец был убит в ее утробе.

Старик приподнял бровь:

— А ты так не думаешь?

— Нет.

— Почему?

— У меня есть доказательства, что мой брат жив.

— Какие доказательства?

— Я не могу рассказать вам подробно.

Туанен указательным пальцем, как ковбой, сдвинул свою панаму и глубоко вздохнул.

— Мне очень жаль, сынок, но ты ошибаешься. Я присутствовал при редукции плода.

— Вы хотите сказать...

— Точную дату я уже не помню. Примерно на шестом месяце беременности. Выжить мог только один зародыш. Пришлось выбирать. Это сделала твоя мать, но ее сознание было... скажем, спутанным. Однако твой отец дал свое согласие.

Кубела закрыл глаза. Его пальцы впились в стаканчик, так что кофе выплеснулся на руку. Но он не почувствовал ожога. У него под ногами будто разверзлась пропасть.

— Вы ошибаетесь.

— Я *был* там, — повторил Туанен, стукнув по земле каблуком. — Я присутствовал при операции. Мне полагалось поддерживать твою мать во время этого испытания. Хотя, на мой взгляд, она бы предпочла священника.

Кубела отбросил стаканчик и обхватил голову руками. Он погружался в бездну, которая его так страшила. Три убийства, а виновный один. *Он сам.*

Он поднял глаза и предпринял последнюю попытку:

— Я не нашел в родительских бумагах никаких упоминаний о проведенной операции. Ни врачебного заключения, ни предписаний. Ничего. Документа, доказывающего, что редукция состоялась, просто не существует.

— Бумаги могли уничтожить. О таких вещах предпочитают не вспоминать.

— Но я и о родах не нашел никаких упоминаний, — настаивал Кубела. — Как и о том, что она лежала в больнице. И свидетельства о рождении там не было.

Старик встал и опустился перед Кубела на колени, словно пытался успокоить ребенка.

— Пойми одно, — прошептал он, кладя руки ему на плечи. — Твоя мать родила не только тебя, но и твоего мертвого близнеца. В тот момент, когда проводилась редукция, уже нельзя было сделать аборт. Иначе ты бы тоже погиб. Пришлось ждать. Так что у нее родилось сразу двое детей. Один живой, один мертвый.

Кубела сдержал стон. Значит, дьявольского брата не существует. Нет никакого мстительного двойника. Остается только он один. Два близнеца выжили лишь в его воспаленном мозгу. Он одержим своим братом. И

доминирующий, и ущемленный близнец — он сам.

Он с трудом поднялся. Казалось, земля уходит у него из-под ног. Кубела попрощался со стариком и покинул сад. Долго он брел в каком-то тумане. Когда наконец вышел из оцепенения, оказался на незнакомой улице. Он видел свою тень на оградах, на кирпичных фасадах, на тротуаре и вспоминал о белом сне Патрика Бонфиса. Том самом, что приснился и ему самому. Сне о человеке, теряющем свою тень... Сейчас на его долю выпало нечто обратное. Участь человека, нашедшего свою тень. Своего проклятого двойника. Свой собственный негатив. Его мать права. Его черный близнец пропитал околоплодные воды, проник внутрь его, заразил его своей отравой...

Всю жизнь ему удавалось удерживать эту угрозу на расстоянии. Всю жизнь он не позволял злу вырваться наружу. Вот чем объяснялось тревожное выражение на его фотографиях. Возможно, маленький Франсуа боялся других. Но прежде всего он опасался самого себя. Вот почему он посвятил себя психиатрии. Написал докторскую диссертацию о близнецах. Изучал синдром множественной личности, шизофрению...

Исследуя чужие психические расстройства, он укрощал свое собственное безумие. Ирония заключалась в том, что эта страсть довела его до истоков зла. Он наблюдал Кристиана Мьоссана, Патрика Серена, Марка Казарьяна. И вел расследование. Он проник в сеть «Матрешки». Стал одним из подопытных. Пассажиром без багажа.

Но не только.

Препарат «Метиса» пробудил черного близнеца. Под его воздействием рухнула плотина, воздвигнутая Кубела перед этой злой силой. Проклятый двойник овладел его душой.

Он и был убийцей с Олимпа. Каким-то образом его призрачный брат вел реальную жизнь в глубинах его сознания. Но как Кубела превращался в кого-то другого и ничего об этом не помнил? Неужели он нечто вроде доктора Джекила и мистера Хайда?

Он поднял голову и обнаружил, что плачет, сидя на земле под козырьком какого-то подъезда и прижимая колени к груди. Сквозь эти слезы пробивался смех.

До него дошло очевидное.

Чтобы уничтожить мифологического убийцу, ему нужно убить самого себя.

— Саша раскололась.

Анаис не сразу уловила, о ком он говорит.

— Саша?

— Владелица сайта знакомств.

— О'кей. И что это нам дает?

— Не много. Она сама не понимает, что там творится. Говорила о таинственных исчезновениях членов клуба.

— Женщин?

— Женщин. Мужчин. Кого угодно. Она вконец запуталась и не желает взглянуть правде в глаза. Ее клуб на грани разорения. Корабль идет ко дну, но она все еще стоит у штурвала.

18 часов.

Она дошла до двенадцатого имени. Такими темпами она, быть может, успеет проверить весь список до полуночи. Когда ей позвонил Солина, она ехала по кольцевому бульвару, направляясь к северному выезду из столицы.

— А что она говорит о Медине?

— В начале две тысячи девятого девчонка посещала ее вечеринки. Примерно в августе она исчезла. Больше Саша ничего не знает.

— И Саша не видела, что Медина не похожа на ее завсегдатаев?

— Почему же, видела. Но не стала отказываться от такой приманки.

— Ей известно, чего хотела Медина?

— Нет. Она говорила и о другой девице той же породы. Анна Мария Штрауб, она же Фелис. По словам Саша, она тоже из эскорта.

— И она правда не имеет представления о том, что эти цыпочки у нее забыли?

— Никакого. Одно мы знаем наверняка. Сеть Саша рассчитана на людей со средним достатком. Профессионалкам такого калибра там ловить нечего.

— А Фелис мы можем допросить?

— Нет. Она покончила с собой в январе две тысячи девятого.

Две эскорт-девушки, записавшиеся на один и тот же сайт знакомств, скончались в течение нескольких месяцев. Это не было простым совпадением.

— Известно, почему?

— Ничего не известно. Она повесилась. Но, если верить Саша, депрессивной ее никак не назовешь.

— Тогда было расследование?

— Конечно. Именно так Саша и узнала о самоубийстве. Сейчас мы поднимаем это дело.

— А ты говорил с Саша о Януше?

— Показывал его фотку.

— Она его знает?

— Ага. Но под другим именем. Точнее, под двумя. В первый раз он вступил в ее клуб в январе две тысячи девятого под именем Франсуа Кубела. Потом пропал. И снова записался в мае месяце. На этот раз под именем Арно Шаплен. Человек из лофта.

— Ей это не показалось странным?

— Она все списала на его скрытность. Впрочем, она не слишком распространялась о своих отношениях с этим типом. Я бы сказал, что они были ближе, чем она готова признать.

Анаис почувствовала укол ревности и тут же выбросила эти глупости из головы. К чему дважды записываться в один и тот же клуб? Очевидно, расследование Януша каждый раз выводило его на этот сайт. А значит, безусловно существует связь между Sasha.com и «Матрешкой».

— А Франсуа Кубела вы пробили?

— Сейчас пробиваем. Пока мы знаем, что он был очень известным психиатром.

— Был?

— Погиб в автомобильной аварии на автомагистрали А31 двадцать девятого января две тысячи девятого года.

Колесики у нее в мозгу вертелись с бешеной скоростью.

— Ты хочешь сказать, что Януш присвоил себе его личность?

— Нет. В тот день на самом деле разбился Януш. У меня перед глазами фотка Кубела: это наш клиент. Уж не знаю, каким таким чудом он воскрес.

Имитация несчастного случая совсем не в духе Януша. Неужели превращение Кубела в Шаплена — сознательное и преднамеренное мошенничество?

Отметив про себя эту фальшивую ноту, она спросила:

— Вы роетесь в его прошлом?

— Есть предположения?

— Возможно, Кубела работал на «Метис». Или же на парней, связанных с «Матрешкой».

— Говорю тебе, мы сейчас этим занимаемся. Круче всего то, что недавно он снова появился в клубе.

Анаис так и думала. Януш продолжал свое расследование. Точнее, каждый раз начинал его с нуля. «Матрешка». Медина. Саша. Все связано.

— Как он назвался на этот раз?

— Ноно, то есть Арно Шаплен.

— Он искал кого-то конкретного? Медину?

— Нет. На этот раз ему понадобилась некая Лейла. Девушка того же пошиба, что и две другие.

— Профессионалка?

— В этом Саша не уверена. Так или иначе, девушка — отпад. Магрибианка по происхождению. Учитывая обстоятельства, мы не можем отбросить гипотезу, что двух первых замочил твой хахаль. Может, он никакой не мифологический убийца, а обычный извращенец, у которого зуб на потаскух. А может, и то и другое.

Она подавила едкую отрывку. Зачем Януш разыскивал этих девиц? В последний момент заметив выезд с кольцевого бульвара, она вывернула руль, вызвав шквал разъяренных гудков.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, о чем они говорили.

— А что Саша?

— Ее мы задержали. Разбираемся с остальными исчезновениями, о которых она говорила.

— Исчезновениями мужчин?

— Ага. Она назвала нам несколько имен. Надо их проверить. За этой сетью что-то кроется. Хотя, по-моему, Саша тут ни при чем. Как бы дико это ни звучало, вся эта история каким-то боком связана с программой «Матрешка», ну а Саша тут ни сном ни духом.

Они мыслили в одном направлении.

— Ну а что у тебя? Разобралась с этими фотками? — продолжал Солина.

Она опустила глаза на список имен и план парижского предместья, лежащий у нее на коленях:

— Я продвигаюсь, но дело бы шло быстрее, если бы твой навигатор работал.

— Скажи спасибо парижской префектуре. Эти твои фотографии не при делах?

— Пока вроде нет. Но еще шестерых я не проверила. Думаю, ночью закончу.

— Держись. Встретимся в конторе.

Она отсоединилась и в сотый раз за этот день задумалась, не теряет ли она время попусту. Но отбросила эти сомнения, вспомнив, что серийные убийцы всегда попадаютсся, совершив одну-единственную ошибку. Что ни говори, а другого способа поймать их просто не существует. Убийца с

Олимпа, фотографируя Икара, разбил покрытую серебром пластину, он собрал осколки, но не заметил один кусочек. Тот самый, который теперь его и погубит.

Она сосредоточилась на дороге. Уже стемнело, но пробок не было. Она ехала по городу, следя за указателями. Еще два поворота, и она легко нашла нужную ей улицу. Раз на раз не приходится. Вообще-то по сравнению с результатами Солина этот след теперь представлялся ей бесперспективным. Вот пропавшие девушки — то, что надо...

Перед воротами нашлось место для парковки. Ей по-прежнему везло. Анаис выбралась из машины, твердо решив ускорить темпы. Она позвонила в калитку, хлопая в ладоши, чтобы согреться. В свете дуговых ламп клубились облачка выдыхаемого ею пара. Металлическая калитка отворилась. Едва увидев старика в грязной панаме, она поняла, что вопросы можно и не задавать. Этот семидесятилетний хрыч не может быть убийцей.

Ей захотелось вернуться в машину и уехать, но старичок приветливо улыбнулся:

— Чем я могу вам помочь, мадемуазель?

«Два вопроса, — подумала она, — и валю отсюда».

— Вы Жан-Пьер Туанен?

* * *

Беспроводная дрель-шуруповерт DS 14DL.

12 необработанных дубовых досок 160 мм шириной, 2 м длиной.

200 винтов-саморезов TF «Филипс» 4.2×38.

Цифровая видеокамера «Сони».

Фото/видеоштатив 143 см/3500 г.

6 карт памяти SD на 32 Гб.

Прожекторный фонарь.

Коврик для фитнеса.

Пуховое одеяло 220 x 240 см.

«Eye-pillow».

Кубела сложил покупки на полу у себя комнате. Он приобрел все это в торговом центре Берси-2, неподалеку от своего убежища. Оружие для контрнаступления. Он все обдумал. Если тот, второй, живет внутри его самого, то действовать он может только в то время, когда сам Кубела спит.

Когда белый близнец засыпает, черный пробуждается.

Он принялся за работу, заложив дверь досками и закрепив саморезами. Дрель, свистя, завывая, кашляя, впивалась в дерево. Пыль и стружка летели ему в лицо. План у него был простой. Заснуть в наглухо закрытой комнате перед объективом включенной камеры. Зверь окажется в плену. Ничего опасного не произойдет. Проснувшись, Кубела впервые увидит лицо того, другого, на экране видеокамеры. Порочного близнеца, поселившегося в нем еще во внутриутробные времена. Нарыв, пожиривший его подобно раку.

Он перешел к окнам. Винты. Доски. Стружка. Комната превращалась в одиночную камеру. Ящик Пандоры, который уже не откроется... Он больше не сомневался в своей виновности. Известные ему факты теперь обернулись прямыми доказательствами. Отпечатки его пальцев в яме Минотавра. Его присутствие на месте убийства Икара и Урана. Как он бился, отказываясь признать очевидное... Извращал улики, отвергал факты, лишь бы не замечать свою вину. Настало время сбросить маску. Он — убийца с Олимпа.

Второе окно. Никогда еще он не чувствовал себя таким сильным. Тот, другой, использовал его сон, чтобы действовать и убивать. Что ж, он угодит в собственную ловушку. Он припомнил, что в греческих мифах у Танатоса, бога насилия, разрушения и смерти, был близнец — бог сна Гипнос. Эта очередная параллель с Античностью подходила ему как нельзя лучше.

Он выключил дрель и при свете лампочки обзрел дело рук своих. Теперь из комнаты не выйти. Он замурован. Отныне он узник. *Вместе с тем, другим.* На свету засыпанная стружкой и штукатуркой комната казалась ослепительно-белой. И лицо у него такое же, цвета кокаина. На каждом шагу он оставлял следы на заснеженном полу.

Отбросив инструменты, он занялся видеооборудованием. Он подключил камеру к сети, установил штатив, дождался, пока прибор полностью зарядится. Включил прожектор и осветил им пол между двумя окнами, как в театре. В центр положил коврик и вытащил одеяло из пластикового чехла.

Разостлав постель, он закрепил заряженную камеру на штативе. Если верить инструкции, камера в режиме нормального качества способна снимать до десяти часов подряд. Он включил ее, сделав широкий план комнаты таким образом, чтобы в центре кадра оказалась постель.

Он вынул из упаковки «eye-pillow» — нейлоновую повязку для глаз из тех, что раздают в самолетах. Надел ее на лоб и укутался одеялом. Опустил повязку на глаза и постарался уснуть. Мобильный он отключил. Никто не знает, что он здесь. Никто не сможет его потревожить. Никому не удержать

его от последнего шага.
Скоро он узнает...

* * *

— *Мы изгоняем вас прочь от себя, кто бы вы ни были, нечистые духи, все сатанинские силы, все адские наследники, все искаженные легионы, все, кто дал извращение веры, именем и силой Нашего Наставника Иисуса Христа...*

Францишка Кубела с обнаженным животом лежит на операционном столе и бормочет свою молитву. Окружившим ее двум врачам и нескольким медсестрам в зеленых масках явно не по себе. Третий врач стоит в стороне, на нем тоже хирургическая маска. Один из гинекологов смазывает гелем живот женщины и берет в руки эхографический зонд.

Он обращается к коллеге по другую сторону стола:

— О чем это она?

Второй пожимает плечами, показывая, что понятия не имеет. У него в руках шприц с длинной иглой.

— Молитва изгнания нечистой силы, — шепчет тот, что стоит за ними. — Она выучила ее наизусть. По-французски.

— *Господь Всевышний приказывает тебе, Тот, с кем в своем великом высокомерии ты все еще претендуешь на равенство...*

Из-под бумажной маски доносится ворчание акушера:

— Надо было дать ей наркоз... Так сойдет?

Врач со шприцем кивает в ответ. Первый водит по коже зондом. Ультразвуковые волны отражаются в матке от двух маленьких тел — по тому же принципу работает и гидролокатор. Слышно учащенное биение двух сердечек...

На экране появляются близнецы. Францишка на седьмом месяце беременности. В одном из зародышей больше сорока сантиметров, во втором — меньше двадцати.

— *Христос, Слово Господне сделавший плотью, приказывает тебе...*

— Успокойтесь, Францишка, — шепчет врач. — Вы ничего не почувствуете.

Полька, чьи волосы убраны под колпак из зеленоватой бумаги, никак не реагирует. Гинеколог поднимает глаза и сосредотачивается на мониторе. Зародыши плавают в околоплодной жидкости. Доминирующий плод слегка шевелится. Второй забился в глубь матки. Большоголовые, с прозрачными

глазами, они похожи на две стеклянные статуэтки, только разного размера.

— Она приняла антиспазматическое?

— Да, доктор, — отвечает медсестра.

Их приглушенные голоса контрастируют со слепящим светом хирургических ламп, изгнавшим тени из самых укромных углов. Хирург, не отрывая глаз от экрана, медленно вводит иглу в живот.

Голос Францишки поднимается:

— *Священный знак креста приказывает тебе, как и тайная сила Христианской Веры!*

— Спокойно... Еще несколько секунд, и все будет кончено.

— *Сияющая Мать Господа, Дева Мария, приказывает тебе, чье смирение сломало твою гордую голову!*

— Держите ее! Не давайте ей шевелиться!

На экране игла приближается к левому, более крупному плоду. Сердцебиение близнецов ускоряется: тук-тук-тук...

— Держите же ее, черт побери!

Медсестры хватают пациентку за руки, с силой прижимают ее плечи, третий врач приходит им на помощь. Хирург с блестящим от пота лбом продолжает манипуляцию: игла вот-вот коснется грудной клетки плода.

Осталось всего несколько миллиметров...

— *Вера Святых Апостолов Петра и Павла и других Апостолов приказывает тебе...*

Острые почти касается тельца ребенка. В этот самый миг плод поворачивает головку, и его огромные глаза вперяются во врачей. Он беспорядочно молотит кулачками, задевая стенку матки.

— *Кровь святых мучеников приказывает тебе! Zmilyjsie za nami!*

Францишка вдруг выгибается, застав гинеколога врасплох. Игла протыкает внутриматочную перегородку и поражает второй плод. Он забился подальше и не двигается, представляя собой отличную мишень.

— Да чтоб тебя!

Врач вырывает шприц. Слишком поздно. Он задел сердце ребенка. Женщина, истекая слюной, отплевываясь, всхлипывая, продолжает молиться. Она сложила ладони над своей утробой.

Выживший близнец на экране как будто усмехается.

Зло победило...

Кубела резко просыпается. Целых несколько секунд он чувствует себя совершенно потерянным. Он падает в пропасть без конца и начала. Затем прилив адреналина возвращает ему ясность мысли. Странное ощущение. Смесь прозрения и путаницы в голове.

— Все было не так, — шепчет он.

Он срывает с глаз повязку. Яркий свет прожектора заставляет его вскрикнуть от боли. Рефлекторно он прикрывает глаза кулаками. Нет сил разлепить веки. Сияние ослепляет его.

Все было не так... Это он знает. Ведь он врач. И прежде всего, такую нервную пациентку оперировали бы только под общим наркозом. Кроме того, прописанные ей перед операцией антиспазматические средства полностью парализовали бы матку. Наконец, перед редукцией плод обязательно обезболивают. Невозможно себе представить, чтобы он буянил так, как в этом сне.

И тем более поворачивал голову к экрану.

Он медленно отводит руки и смотрит на свет. Жмурясь, различает очертания комнаты, яркое сияние прожектора. И на этом слепящем фоне видит закрепленную на штативе видеокамеру.

И сразу все вспоминает.

Кошмар — это пустяки. Важно только то, что он мог вытворять во сне. Подозрение, что он ведет двойную жизнь. Решение замуровать себя в этой комнате. Камера, которую он включил, прежде чем заснуть, чтобы захватить другого на месте преступления. *Чистый бред.*

В этот момент он замечает, что в комнату попадает дождь. Врачебные записи, снимки УЗИ и остальные конверты, раскиданные по полу, перепачканные опилками и штукатуркой, шевелятся под порывами ветра. *Быть того не может.*

Ведь он забил досками окна и дверь.

Он опечатал ящик Пандоры.

Он поворачивает голову. Первое окно слева от него открыто, створки стучат на ветру. Сорванные доски раскиданы по полу.словно дикий зверь — оборотень — выломал их голыми руками.

Кубела не верит своим глазам. Он встает, чтобы проверить камеру. И каменеет. Он покрыт кровью. Едва высохшей кровью, пропитавшей его рубашку. Он приподымает ткань. Ощупывает себя. Он не ранен. На нем ни царапины.

Это чья-то чужая кровь.

* * *

Он сорвал камеру со штатива, но не сразу сумел переключить ее в режим просмотра. Обратил внимание, что руки у него не испачканы

кровью, и ощутил смутное облегчение. Поискал в памяти просвет, намек, хоть какие-то обрывки воспоминаний. Ничего.

Ускоренный просмотр. Начало выглядело комично. Все его движения казались торопливыми и дергаными. Вот он укладывается на пол и засыпает, укрывшись белым одеялом. Потом на экране ничего не происходит, как будто запись поставили на паузу. Но нет. Время от времени Кубела вздрагивает, поворачивается, меняет положение.

Но не просыпается.

Он проверил датчик времени. Шла девяносто четвертая минута записи, и ничего не менялось. На сто второй минуте в поле обзора камеры появились врачебные записи и снимки. *Ветер*. В комнате кто-то был. Кубела остановил быстрый просмотр и отмотал несколько секунд. Ничего не видно, но слышны удары по окну — звон стекла, — затем грохот выломанных, сорванных, пропихнутых внутрь досок.

Все творилось *вне поля зрения*. Он рефлекторно подвинул камеру, словно этим движением мог изменить ракурс съемки.

В этот миг на экране возникла рука в перчатке.

И снова ничего.

Чернота.

Незванный гость остановил съемку на сто пятой минуте. Кубела снова нажал на быструю перемотку — вдруг таинственная рука вновь включит запись? Но нет. Он поднял глаза и едва ли не удивился, не обнаружив самого себя там, где спал.

Кто входил в комнату?

Кому было известно это убежище?

Он выключил прожектор и включил верхний свет, не такой яркий. Закрыв окно. Руки и ноги плохо слушались его. Все тело ломило. Это и пугало его, и успокаивало. Раз здесь побывал кто-то другой, сам он, быть может, и не убийца. Вероятно, существует еще какое-то объяснение...

Погрузившись в размышления, Кубела не сразу осознал, что в комнате раздается звонок. Свой мобильный он отключил, и мелодия была ему незнакома.

Он оставил камеру и принялся за поиски телефона, топча разбросанные врачебные отчеты, фотографии, ламинированные снимки, валявшиеся в отсыревших опилках.

Наконец он заметил мобильный на полу, рядом с ковриком.

— Алло?

— Слушай меня внимательно.

— Кто вы?

— Говорю тебе, слушай меня. Посмотри в окно.

Кубела перегнулся через разломанную раму. Сильный ночной ветер обрызгал его дождевой водой. Что-то тут не так. Слишком тепло. Совсем не то, что днем.

— У тебя за калиткой припаркована «ауди».

Кубела различил черный кузов. Машина поблескивала под дождем. Он решил не задумываться над происходящим. Вдруг все это ему снится?

— Ключи в зажигании. Трогайся и приезжай ко мне.

— Куда?

— В Ла-Рошель.

Кубела не мог выдавить из себя ни слова. У него стиснуло горло. В голове, как в калейдоскопе, замелькали светящиеся картинки. Какие-то формы, узоры из цветного стекла, но ни одной связной мысли.

Наконец ему удалось выговорить:

— Зачем мне это делать?

— Ради нее.

И тут он услышал стоны. Приглушенные крики. Кляп во рту. *Кровь у него на рубашке.*

— Кто это?

— Я называю ее Эвридикой. Но ты ее знаешь под именем Анаис. Анаис Шатле.

У него в мозгу бешено завизжали тормоза. Шум вертолета, грохот штурмовых винтовок, скрежетание смерти.

— Ты блефуешь, — сказал он, переходя на «ты». — Анаис в тюрьме.

— У тебя устаревшие сведения, сынок.

Сынок. Где-то он уже слышал этот неторопливый низкий голос. Никак не вспомнить где...

— Что ты с ней сделал?

— Ничего. Пока.

— Дай ей телефон. Я хочу с ней поговорить.

Приглушенный смех. Урчание сытого кота.

— Она не может с тобой говорить. У нее горят губы.

— Подонок! Что ты...

— Выезжай на дорогу к Ла-Рошели. Я тебе перезвоню.

— Ради бога, кто ты?

И снова тихий смешок:

— Я тот, кто тебя сотворил.

На магистрали А10 он вскоре отметил странные изменения в атмосфере. Порывы ветра яростно приподнимали машину. Деревья по обочинам дороги извивались в бешеных корчах. В салоне становилось все теплее. Что происходит? На шоссе, кроме него, никого не видно.

Он включил радио.

Первые же услышанные им слова все объяснили:

— Из-за приближения урагана «Ксинтия» в департаментах Приморская Шаранта, Вандея, Де-Севр и Вьенна объявлен красный уровень тревоги. Существует реальная угроза для жизни. Возможны наводнения, обрывы электролиний, разрушения. Сегодня вечером порывы ветра достигали ста пятидесяти километров в час, и...

Кубела стиснул руль. Только этого не хватало. Вмешались небесные силы. Хотя чему тут удивляться? Эта история с самого начала писалась под знаком богов. «Я тот, кто тебя сотворил».

Кубела протянул руку и переключился на другую станцию.

— Его ожидали, и вот он здесь. Начиная с двадцать третьего февраля служба «Метео-Франс» сообщала об области пониженного атмосферного давления, расположенной в самом сердце Атлантики и способной преобразоваться в ураган. Двадцать пятого февраля спутник «Евметсат» сфотографировал эволюцию этой атмосферной депрессии, все больше углублявшейся над морем в районе португальского архипелага Мадера...

Словно комментируя услышанное, машина то и дело вставала на дыбы и перепрыгивала с полосы на полосу, содрогаясь в конвульсиях, тут же умиряемых невидимой дланью. Кубела выжимал больше 200 километров в час. Он взглянул на индикаторы приборной панели. Его машина была чудом науки и техники, но в руках природы она обращалась в игрушку.

— Депрессия поднялась из субсахарского региона и превратилась во внутритропический циклон, разразившийся двадцать шестого февраля над Канарскими островами, вызвав первые разрушения. Сейчас «Ксинтия» уже над континентом. Жара — ее сигнал. Двадцать пять градусов посреди зимы над баскским побережьем — это уже не потепление, а конец света!

Своим пафосом комментаторы напомнили ему евангелистов, провозглашающих Апокалипсис. Если только он не приписывает им обороты, которых они не употребляли. Он пришел в такое нервное возбуждение, что его мозг выкручивал фразы, словно раскаленные добела куски металла.

Оставалось проехать еще двести километров, и ему мерещилось, будто он мчится напрямик в пасть чудовища. Может, лучше остановиться? Укрыться в гостиничном номере и дожждаться затишья? *Немыслимо*. Тон Голоса не нуждался в комментариях. Кто такой убийца? Как он захватил Анаис в заложницы? Когда она вышла из тюрьмы? Вероятно, она продолжила расследование и сунулась куда не следовало. Какую сделку предложит ему убийца? А главное — где он уже слышал этот Голос?

Он миновал Тур и свернул к автозаправке. Навес над ней сотрясался, из последних сил цепляясь за опоры. Вдоль парковки яростно плескались хвойные деревья, образуя бахрому черной кипящей пены. Только насосы, казалось, крепко держались за асфальт. Бензина, чтобы добраться до Ла-Рошели, ему хватало, но хотелось вновь обрести связь с миром людей.

Вот только он ошибся адресом. На стоянке не было ни одной машины. За еще освещенными окнами супермаркета — ни единой тени. Затормозив перед трясущимися стеклами, он наконец разглядел нескольких человек в красной форменной одежде: женщины — в фартуках, мужчины — в комбинезонах. Они спешно паковали вещи.

— Вы в своем уме — разъезжать в такую погоду? — спросила одна из женщин, когда он вошел.

— Буря застигла меня в пути.

Она закрывала кассу за стойкой.

— Вы не слышали радио? Объявлен красный уровень тревоги.

— Придется ехать дальше. Мне надо в Ла-Рошель.

— В Ла-Рошель? Вы что, не видите, как дует здесь? Только представьте, что творится на побережье! Сейчас там, наверное, все уже затопило...

Кубела не стал слушать дальше. Он не нуждался в Кассандре, чтобы подстегнуть себя. И он снова пустился в путь, ощущая себя мифологическим героем, который не может противиться року.

В три часа ночи он добрался до магистрали N11. Чтобы преодолеть 450 километров от Парижа до Ла-Рошели, ему понадобилось шесть часов. Неплохо. Не успел он порадоваться, как хлынул дождь. В один миг ливень перечеркнул пейзаж, словно желая уничтожить его, стереть с лица земли. Дождевые струи хлестали по окнам, стучали по капоту, брызгали со всех сторон — и сверху и снизу.

Он не мог разглядеть указатели. Вспомнил о навигаторе, но как тут остановить машину, отыскать инструкцию, ввести данные?.. Все вокруг выглядело растворенным, размытым, текучим. Он подумал, что в мире, кроме него, никого не осталось, и тут заметил впереди чужие фары. Их вид

успокоил его, но ненадолго. Машины сдавали назад, съезжали на обочину, только что не крутились волчком. Люди утратили контроль над реальностью.

Вдруг указатель «Ла-Рошель, 20 км» взмыл, будто железное крыло, и врезался в его капот. Кубела отделался трещиной в многослойном ветровом стекле. По крыше застучали ветки и камни. Но он упрямо ехал вперед. Тьма обратилась в сплошной поток обломков и осколков.

Наконец будто чудом впереди возник город. На равном расстоянии замелькали огоньки. Дома сотрясались. Крыши скрипели. Иногда на улицу выскакивали обезумевшие люди. Пытались укрепить спутниковую антенну, защитить стекла в машине, закрыть ставни... Смело, но тщетно: природа брала свое.

На пассажирском сиденье зазвонил мобильный. В завываниях бури Кубела едва его услышал. И не с первой попытки сумел ответить.

— Алло?

— Ты где?

— В Ла-Рошели.

— Жду тебя на базе подводных лодок в Ла-Паллисе.

Теперь Голос звучал гулко, как под сводами церкви. За ним слышались назойливые глухие раскаты. Дыхание разъяренного моря.

— Что это такое?

— Бункер у въезда в торговый порт. Ты его не пропустишь.

— Я не знаю Ла-Рошели.

— Как-нибудь справишься. Поезжай вдоль здания с восточной стороны. Последняя дверь на севере будет открыта. Жду тебя.

* * *

Он поехал прямо, добрался до Старого порта. Первым, что он отчетливо разглядел, было информационное табло со светящимися буквами: «Штормовое предупреждение в 22 часа. Поворачивайте обратно». Кубела двинулся по бульвару, потом вдоль какой-то гавани — видимо, пристани для яхт. Корпуса судов сталкивались между собой. Мачты ударялись о железо. Чуть подальше высоченные волны с грохотом разбивались о набережную.

Кубела никогда не видел ничего подобного. Ветер, море и ночная тьма разрывали город на части. Вода заливала берег, мостовую, тротуары. Кубела не останавливался. Как найти базу подводных лодок? Поразмыслив,

он решил ехать вдоль доков. Если повезет, ему попадется какой-нибудь указатель. И тут, в мимолетном просвете, оставленном «дворниками», он увидел невообразимое: три фигуры, бредущие против ветра по колено в воде.

Видение исчезло. Быть может, он бредит... В тот же миг машина пошла юзом и ударилась о тротуар. Это столкновение заставило его действовать. Одним махом он распахнул дверцу, и его тут же засосал горячий вихрь. Кубела уже забыл о жаре и был захвачен врасплох. Мир раскалился. Казалось, вот-вот взорвется ядро планеты.

Нет, ему не почудилось. Три человека удалялись, засунув руки в карманы, согнувшись под порывами ветра. Он побрел к ним, едва не прижимаясь к земле. Уличные фонари раскачивались в такт мачтам. Электрические провода дергались, как гитарные струны. Земля у него под ногами таяла, растворялась, стекала в море.

— Эй! Послушайте!

Они были в паре десятков метров от него, но, похоже, ничего не слышали. Он прибавил шагу, стараясь не поскользнуться. Двое мужчин с руками в карманах. Женщина, судорожно вцепившаяся в сумку. Все трое — в низко надвинутых капюшонах.

— Послушайте!

Кубела удалось схватить за плечо одного из мужчин. Тот даже не удивился — скорее он опасался получить фонарем или гиком по голове.

— Я ищу базу подводных лодок в Ла-Паллисе.

— Вы рехнулись. Это торговый порт. Там сейчас все ушло под воду.

— Далеко до него?

— Вы идете в обратную сторону. Не меньше трех километров.

— Я на машине.

— На машине?

— Скажите, куда ехать.

— Езжайте по проспекту Жан-Гитон. Все время прямо. Где-то там должен быть указатель «Торговый порт». Ориентируйтесь на него, и попадете в Ла-Паллис. Но, честно говоря, не верится, что вы туда доберетесь.

Он продолжал говорить, но Кубела уже развернулся и кое-как побрел к своей машине. Ее не оказалось на месте. Приложив ладонь козырьком, он осмотрелся. «Ауди» нашлась в полусотне метров от него, среди других сбившихся в кучу машин. По колено в воде он добрался до пассажирской дверцы — до другой не дотянуться, — открыл ее и скользнул внутрь. Включил зажигание. Слава богу, мотор не залило водой. Кое-как он

вырулил из давки.

Несколько минут Кубела ехал по улице, защищенной от ветра тесно стоящими домами. Наконец увидел указатель «Торговый порт» и свернул направо. Пейзаж мгновенно изменился. Водоемы, промышленные объекты, железнодорожные пути и снова ураганный ветер. Машину заносило то вперед, то назад, она скользила в лужах. Ему уже казалось, что он совсем не продвигается, когда по обе стороны от дороги появились земляные валы. Здесь велись грандиозные земляные работы, и насыпи еще целый километр защищали его от ветра.

Наконец показался автономный порт. Огни в здании управления потушены. Ничего не разглядеть, кроме красно-белого шлагбаума и щита с надписью: «Проход закрыт для пешеходов. Иностранным машинам перевозка в порту запрещена». В хаосе этой ночи предупреждение выглядело смехотворным. Но Голос прав: бункер нельзя было не заметить. Крепость высилась слева, вздымая в темноте свои железобетонные стены.

Шлагбаум на выезде был сорван. Кубела сдал назад и повернул в обратную сторону. Подъемные краны. Водоемы. Необъятные лопасти врытых в землю ветряков. Он объехал препятствия. Ветер разгулялся, но порт способен выдержать и не такое. Промышленные строения представлялись воплощением безопасности.

Он очутился у подножия бункера, рядом с железной дорогой. Впереди открывалась обширная гавань. Грузовые корабли длиной в сотню метров и весом в несколько тысяч тонн раскачивались, точно ореховые скорлупки. Ярость океана оказалась заразной. И в этих отрезанных от моря водах вздымались гигантские волны.

Он поднял глаза и осмотрел блокгауз. В двадцатиметровых стенах, обращенных к гавани, виднелись равной ширины отверстия.

Голос сказал ему: «Поезжай вдоль здания с восточной стороны. Последняя дверь на севере будет открыта». Он наконец включил свой навигатор, который вместо приветствия показал ему четыре стороны света. Он находился на южной стороне бункера, гавань была на западе. Словом, он промахнулся. Кубела дал задний ход, обогнул здание и поехал вдоль восточной стены на север.

Глухая стена тянулась две сотни метров и заканчивалась черной стальной дверью. «Последняя дверь на севере будет открыта». Кубела схватил оба пистолета, сунул их за пазуху и вышел из машины. Он направился к стене. На набережной ни души. Кубела раскачивался под ветром и дождем, но чувствовал себя сильным. Пробил час открытого противостояния.

Ему вспомнились слова Голоса:

«Я называю ее Эвридикой. Но ты ее знаешь под именем Анаис».

Эвридика. А кто же Орфей? Он или убийца? Что придумал этот псих? Он снова взглянул на здание, в котором укрылась бы целая армия со своими подводными лодками. Его пронзила одна мысль: раз он Орфей, то в этой крепости таится ад. Посреди этого потопа его сейчас не удивил бы даже Цербер — чудовищный пес, охраняющий вход в царство теней.

Завороженный, промокший насквозь, он толкнул плечом стальную створку.

Она была открыта.

Попасть в ад совсем не трудно.

* * *

Сначала он увидел длинный темный туннель, на другом конце которого бушевала буря. Волны с силой врывались в него, затем сникали и превращались в пенистые лужицы. Кубела двинулся вперед. Туннель напоминал огромную прямоугольную пещеру. Природную полость геометрической формы. Он ощущал внутри себя гулкую пустоту, словно вступал под своды собора. Вода была повсюду. Она пропитывала бетон, хлюпающими звуками отдавалась у него над головой, блестящими лужами растекалась под ногами. Гул возникал в конце кишки, докатывался до него и будто нехотя уползал обратно. Он оказался в глотке чудовища, слюной которого было море.

Вокруг — ни огонька, ни подсказки. В глазах еще рябило от дождя. Он сообразил, что оставил мобильный в машине. Вот глупость. Наверняка убийца позвонит, чтобы отыскать его в этих дебрях...

Словно отвечая ему, справа вспыхнул свет — метрах в пятидесяти или больше. В этой пустоте не понять. Послышалось шипение. Он прищурился и различил яркое оранжевое пламя, по краям отдающее в синеву. Раскаленная сварочная горелка, изредка отбрасывающая всполохи на мокрый дождевик.

К нему шел человек.

Моряк или рыбак.

Очертания стали четче. Высокий мужчина в дождевом плаще, комбинезоне, спасательном жилете и болотных сапогах. Лицо скрыто под капюшоном с козырьком. Кубела никогда не пытался представить себе убийцу с Олимпа, но, пожалуй, этот призрак из пластика и огня тянул на

эту роль.

Убийца был уже в нескольких шагах от него. В одной руке он держал горелку, другой тащил металлический баллон на колесиках — в нем был кислород, питавший пламя.

Кубела попытался рассмотреть его лицо. Что-то в облике убийцы — возможно, его сутулость, — показалось ему знакомым.

— Рад видеть тебя снова, — произнес хозяин, отбрасывая капюшон.

Жан-Пьер Туанен. Психиатр, наблюдавший его безумную мать во время ее трагической беременности. Человек, присутствовавший при заклании его брата. Старик, знавший всю его историю. И наверняка ее написавший. «Я тот, кто тебя сотворил».

— Извини, но мне надо закрыть эту чертову дверь.

Кубела посторонился, пропуская оборотня. Где-то на уровне глаз он ощутил горячее дыхание сварочной горелки. Оценил рост и силу противника. Несмотря на преклонный возраст, тот был способен нести на плечах Минотавра или Икара. Перетащить бычью голову или схватиться с таким великаном, как Уран.

Туанен резко захлопнул дверь и отрегулировал пламя горелки до ярко-оранжевого. Шипение перешло в свист. Старик закрепил на двери металлическую скобу. У Кубела перехватило дыхание. Любая надежда на побег буквально таяла у него на глазах. С одной стороны — заваренная дверь, с другой — беснующийся океан.

— Что это?.. Что вы делаете?

Кубела говорил с убийцей. Ему чудилось, что он бредит.

— Заделываю этот выход.

— От воды?

— От нас. Нам теперь отсюда не выйти.

Пламя приобрело белизну инея — инея, раскаленного до температуры в тысячи градусов.

Кубела увидел, как металл растекается красноватой лентой, затем чернеет. Это зрелище мгновенно вывело его из оцепенения.

Он шагнул к опустившемуся на корточки старику и оторвал его от земли:

— Где она?

Туанен отвернул горелку и в притворном испуге воскликнул:

— Обожжешься, дурачок!

Кубела отпустил его, но повторил еще громче:

— Где Анаис?

— Там.

Туанен протянул горелку к боковой двери слева от них. Выход к докам. Кубела увидел — или ему показалось, что увидел, — скорчившуюся на земле, вымокшую с ног до головы фигурку. Пленница походила на Анаис, но ее лицо закрывал капюшон.

Кубела бросился к ней. Туанен преградил ему дорогу своей смертоносной горелкой. Пламя едва не выжгло ему глаза.

— Не приближайся, — пробормотал старик. — Еще нельзя...

— И как ты мне помешаешь? — крикнул Кубела, заводя руку за спину.

— Если ты приблизишься к ней, она умрет. Можешь мне поверить.

Кубела застыл. Он ни на секунду не усомнился в словах Туанена. В том, что касается извращенных трюков, тому нет равных.

И он выпустил рукоять «CZ».

— Мне нужны доказательства, что это Анаис.

— Иди за мной.

Таща за собой баллон на колесиках, гигант направился во тьму. Кубела недоверчиво следовал за ним. Отсветы пламени плясали в лужах. Низкий гул горелки смешивался с грохотом волн.

Убийца остановился в нескольких шагах от пленницы. Он отпустил баллон и протянул руку к женщине. Кубела решил, что тот сейчас сорвет с нее капюшон. Вместо этого Туанен приподнял ей рукава. Мокрая кожа Анаис была вся в шрамах от ран, которые она себе нанесла.

В мозгу Кубела вспыхнуло воспоминание об их короткой вечеринке в Бордо.

«Вы уверены, что не хотите открыть мою бутылку?»

Запястья Анаис были стянуты хомутом Колсон. Казалось, она просыпается. Она шевелилась, каждым движением выдавая свое изнеможение, слабость — или наркотическое опьянение.

— Что ты ей вколол?

— Обычное успокоительное.

— Она ранена?

— Нет.

Кубела распахнул куртку, открыв окровавленную рубашку:

— А это?

— Это не ее кровь.

— Тогда чья?

— Какая разница? Кровь — она повсюду.

— У нее что, кляп во рту?

— У нее склеены губы. Очень стойким химическим клеем.

— Подонок!

Он бросился на Туанена. Тот заслонился своей горелкой.

— Ничего страшного. Ей окажут помощь, когда вы отсюда выйдете.

— Значит, мы выберемся отсюда?

— Все зависит от тебя.

Кубела провел ладонью по лбу. Брызги и опилки перемешались на его коже, превратившись в соленую грязь.

— Чего ты хочешь? — сдался он.

— Чтобы ты меня выслушал. Для начала.

* * *

— Я встретил твою мать в семидесятом году у себя в диспансере. Я заведовал лечебным центром, чем-то средним между приютом и психушкой. Францишка вместе с мужем бежала из Силезии. У них не было ни гроша. Анджей вкалывал на стройках. Францишка лечилась от психического расстройства. После говорили, будто она тронулась умом во время беременности, но это не так. Могу тебе сказать, что она была больна и до этой истории...

— Чем она страдала?

— Всем сразу. Биполярное расстройство, шизофрения, депрессия... И все это густо приправлено католической верой.

— Ты ее лечил?

— По долгу службы. Но прежде всего я использовал ее для своих опытов.

У него оборвалось сердце.

— Каких еще опытов?

— Я — истинное дитя семидесятых. Поколения психотропных препаратов, антипсихиатрии, открытия приютов для умалишенных. В то время считали, что химия — будущее психиатрии. Всё будут лечить таблетками! Параллельно с работой психиатра я создал исследовательскую лабораторию. Ничего особенного. У меня не было средств. И все же я почти случайно открыл один препарат. Предшественник DCR 97, который мне удалось синтезировать.

— Что-что?

— Препарат протокола «Матрешка».

— Что им лечили в то время?

— Ничего. Он всего лишь способствовал смене настроений, импульсов... Что-то вроде усилителя биполярности.

— Ты... ты вводил его Францишке?

— Не ей. Ее зародышам.

Вот в чем заключалась подоплека всей истории. Близнецы со столь несхожими темпераментами уже участвовали в эксперименте. Они стали черновиками будущих опытов.

— Результаты оказались поразительными. И сейчас я не в состоянии объяснить, в чем тут дело. Препарат не изменил генетический набор эмбрионов, но уже во внутриматочный период повлиял на их поведение. Практически все негативные последствия сосредоточились в одном из них. Враждебный, беспокойный, агрессивный, он стремился убить своего брата.

Кубела был ошеломлен.

— Я предпочел бы сохранить обоих детей, но физически это не представлялось возможным. Гинекологи предложили родителям выбор: спасти или более сильного, или более слабого ребенка. Францишка, разумеется, выбрала слабое звено. Тебя. Она считала тебя ангелом, невинной душой. Полный идиотизм. Ты был всего лишь одной из составляющих моего эксперимента.

Смутное облегчение: значит, он в самом деле белый близнец.

— С этого момента твое развитие меня больше не интересовало. Я прекратил инъекции. Поместил Францишку в заведение, где проводил консультации. Прошли годы. Я снова встретился с Анджеем, и тот рассказал мне, что тебя терзают кошмары и необъяснимые проявления агрессии. Я поговорил с тобой и обнаружил, что черный близнец продолжает жить внутри тебя. То, что разделил мой препарат, твоя психика соединила вновь. В одном и том же разуме!

— Ты меня лечил?

— Зачем? Ты ничем не болел. Ты представлял собой логическое продолжение моих исследований. К несчастью, тебя спасал твой сильный характер. Тебе удавалось удерживать брата в недрах бессознательного.

Кубела попытался встать на безумную точку зрения Туанена:

— Что же ты снова не ввел мне препарат?

— Просто не представилось возможности. Анджей мне не доверял. Несмотря на мою помощь — именно я оплатил дом в Пантене, — он держал меня на расстоянии. Даже настоял на том, чтобы вернуть мне деньги за дом! Затем ему удалось перевести Францишку в Виль-Эввар, вне пределов моей досягаемости.

— Он догадался о твоих делишках?

— Нет. Всего лишь почуял неладное. Чутье крестьянина. К тому времени он получил французское гражданство и чувствовал себя

увереннее. Я ничего не мог поделать. Не говоря уже о том, что Анджей был здоровенным детиной. Физическая сила: в конце концов все сводится к ней.

— Что происходило со мной потом?

— Понятия не имею. Я оставил твой случай и сосредоточился на других исследованиях. Опираясь на историю твоего развития, я решил создать препарат, способный расщепить психику взрослого человека, породив множество субличностей.

— Препарат «Метиса».

— Ты забегаешь вперед. Мне пришлось больше десяти лет трудиться в одиночку, без средств, без команды. Я топтался на месте. И лишь в девяностых годах «Метис» проявил интерес к моим разработкам.

— Почему?

— Просто модное веяние. «Метис» активно завоевывал рынок успокоительных и антидепрессантов. Холдинг интересовали любые препараты, обладающие ранее неизвестным воздействием на человеческий мозг. Я рассказал им о DCR 97, хотя тогда он так не назывался. Собственно, он даже не существовал в своей... окончательной форме.

— Они тебя финансировали?

— В разумных пределах. Но мне удалось продвинуться. Создать препарат, вызывающий в человеческом мозгу цепную реакцию.

— А как, собственно, действует эта штука?

— Ни малейшего представления. Сам принцип воздействия я объяснить не могу. Зато я долгое время наблюдал его результаты. Все происходит как при ядерном расщеплении. Память взрывается подобно ядру атома. Но человеческий мозг наделен собственной логикой. Чем-то вроде закона всемирного тяготения, под действием которого желания, порывы, фрагменты памяти естественным образом соединяются, чтобы создать новое «я».

Кубела осознал, что его собственные исследования близнецовости или синдрома множественных личностей, по сути, были направлены на поиски этого закона тяготения.

— Ты проводил клинические испытания?

— В этом и заключалась главная трудность. Мои разработки требовали использования человеческого материала. Бессмысленно испытывать подобный препарат на крысах или на обезьянах. Разумеется, «Метис» — могущественный холдинг, но не настолько, чтобы тестировать что угодно на ком угодно.

— И что же?

— Они помогли мне открыть специализированную клинику. Я начал

испытания на умалишенных. То есть на тех, чья личность и без того была нестабильна. В собственной клинике я пользовался большей свободой. Секретные исследования полностью финансировались «Метисом».

— Какой смысл тестировать подобный препарат на душевнобольных? Обострять уже существующую патологию?

— Возможность обострять болезнь содержит в себе собственную противоположность: способность ее излечения. Но мы до этого еще не дошли. Мы сеяли, а затем пожинали лишь записи наблюдений, сбор фактов.

Оживали старые призраки. Опыты над людьми в концлагерях. Манипуляции с разумом в советских психушках. Подобные исследования находятся под строжайшим запретом, но у военной разведки их результаты всегда будут на вес золота.

— Полученные данные были хаотичными. Некоторые пациенты впадали в бредовое состояние. Другие превращались в овощи. Третьи, напротив, обретали достаточно прочную личность, однако через некоторое время она рушилась.

— Как у Патрика Бонфиса?

— Ты начинаешь понимать. Бонфис — один из первых моих подопытных.

— Как возникла идея проводить испытания над психически здоровыми людьми?

— Армия пожелала углубить мои исследования. Мне предложили разработать полноценную программу. Программу «Матрешка». С настоящей выборкой людей со здоровой психикой, которых мы могли бы подвергнуть обработке. Мне предоставили финансовую и технологическую помощь для создания микросистемы, способной самостоятельно удовлетворять нашу потребность в DCR 97. Благодаря нашему имплантату стало возможным отправлять подвергшихся обработке людей в свободное плавание, чтобы посмотреть, как они себя поведут. Программа была рискованной, и даже среди военных далеко не все ее поддерживали. Но кое-кто из руководства хотел знать, к чему это может привести.

— Ты имеешь в виду «Метис» или армию? Кто из них конкретно отвечает за этот протокол?

— Мне это неизвестно. Этого никто не знает. Даже они сами. Всякий раз собираются какие-то советы, комитеты, представительства. Ответственность за решения распыляется, размывается. Тебе никогда не удастся назвать какого-то конкретного виновника.

Кубела взял на себя роль адвоката дьявола:

— Почему твой препарат не испытывали на заключенных, осужденных преступниках, террористах?

— Потому что они надежно защищены. Адвокаты, СМИ, сообщники: о настоящих преступниках заботятся все кому не лень. Куда проще похищать никому не известных бедолаг! «Метис» и армия разработали систему отбора, но этой стороной дела я никогда не занимался.

Sasha.com. Фелис, Медина, Лейла. Об этом аспекте программы Кубела знал куда больше, чем сам Туанен.

— Я принимал «добровольцев», подвергал их обработке, а также промывал им мозги: что бы ни случилось, они неизменно отказывались от сканирования или рентгена, иначе имплантат тут же был бы обнаружен. После чего мы их отпускали и наблюдали за происходящим.

Продолжение Кубела уже знал. Тем временем вокруг них содрогались стены. Судя по доносившемуся грохоту, отдельные волны достигали крыши бункера на высоте двадцати метров.

— И как сейчас проходят ваши опыты?

— Они прекращены. «Матрешку» упразднили.

— Почему?

Старик недовольно помотал головой:

— Достигнутые результаты их не устроили. Испытуемые подвержены единичным припадкам. Они меняют личность, но совершенно непредсказуемым образом. Некоторым из них даже удается вырваться из-под наблюдения. Армия и «Метис» пришли к выводу, что мои разработки никогда не найдут практического применения. Ни военного, ни коммерческого.

— Полагаю, ты с этим не согласен.

Тот пошевелил пальцами в освещенном горелкой сумраке.

— Мне наплевать на их решения. Я — творец. Я играю человеческими судьбами.

Кубела наблюдал за собеседником. Великолепные черты, бесчисленные морщины, величественная посадка головы. Годы обглодали его лицо, оставив лишь самое необходимое: кости и кожу, лишённые плоти. Настоящий психопат, поставивший себя выше людей и законов.

— Вы уничтожили всех испытуемых?

— Не всех. Ты же здесь.

— Почему?

— Потому что тебя защищаю я.

— Как?

— Убивая людей.

Кубела окончательно запутался. Рев моря по-прежнему осаждал их убежище. Оглушительный шум, наполнявший бункер, эхом отдавался в каждом из доков.

— Объяснись.

— В конце две тысячи восьмого года мне сообщили о психиатре, который повсюду сует свой нос. Меня это не удивило. Кое-кто из пациентов ускользал от наблюдения. Ничего удивительного, что они снова оказывались в психушках.

— Ты узнал меня?

— Мне передали собранное на тебя досье. Хотели знать, что я слышал о тебе как о психиатре. Только представь! Близнец Кубела! Я был потрясен, узнав о тебе тридцать лет спустя. И тут я понял, что наши судьбы неразрывно связаны. Греческий рок.

— Они уже тогда решили меня убрать?

— Не знаю. Я предложил задействовать тебя в эксперименте. Они отказались: слишком рискованно. Я представил свои доводы. У меня была твоя старая медицинская карта. Я описал историю твоего рождения, двойственность и сложность твоей психики. Доказал им, что ты — идеальная кандидатура. В глубине твоей души обитало два человека.

Кубела медленно кивнул и подхватил:

— И вот я подвергся обработке и сменил множество личностей. Ноно. Нарцисс. Януш... Беда в том, что каждый раз я вновь брался за расследование, стремясь узнать, что породило этот синдром и кто я на самом деле.

— Ты стал еще опаснее! К тому же именно тогда комитет решил свернуть программу. Начиная с весны две тысячи девятого года они принялись уничтожать все следы «Матрешки». И у меня возникла идея, как спасти тебя от ликвидации.

— Ты задумал убийство?

— Да. Преступление, в котором ты был бы замешан и которое привело бы к твоему задержанию. Тогда ты получил бы неприкосновенность. Слегка расшевелив СМИ, найдя тебе адвоката и эксперта-психиатра, я бы вывел тебя из-под угрозы.

Кубела начинал проникать в сумасшедшую логику психиатра.

— И поэтому ты убил Урана?

— Убийство должно было быть безумным. Меня вдохновила греческая мифология. Это моя давняя страсть. Люди без конца пересекают мифы, как просторные залы, которые защищают их и обрамляют их судьбы. Что-то вроде этих доков для подводных лодок: стены, которые ограничивают нас,

хотя мы их даже не видим.

Значит, все сводится к простой уголовщине. Ему захотелось узнать больше.

— Я видел убийство. И не раз запечатлел его на своих полотнах. Как я мог стать свидетелем этой бойни?

— Я назначил тебе встречу и глаз с тебя не спускал. Впрыснул тебе анестезирующее средство. Я убил бродягу и вызвал полицию. Но все пошло наперекосяк. Ты слишком поздно заснул и все видел. А эти придурки так и не приехали.

— Все могло бы сработать, но потрясение от убийства спровоцировало у меня очередное диссоциативное бегство. Я очнулся в Каннах, потом в Ницце и помнил только убийство.

— У Корто. Психиатра художников. — Он удрученно покачал головой. — Лечить безумие живописью... — Выражение его лица изменилось. — Хотя почему бы и нет? Он тоже — истинный продукт семидесятых...

Кубела безучастно продолжал:

— Не знаю, перенес ли я очередную душевную травму, но я снова потерял память. Очнулся бродягой в Марселе и стал Виктором Янушем. В ноябре две тысячи девятого.

Туанен мгновенно загорелся:

— Ты был нашим лучшим испытуемым! Каждые два месяца — новое бегство! Я не уставал им повторять: препарат производит на тебя совершенно потрясающий эффект. — Он поднял указательный палец. — Ты был идеальным объектом, позволявшим нам изучать ход расщепления. — Голос его угас. — Но было слишком поздно. Об испытаниях, о программе речи уже не шло.

— Убийцы, которые шли по моим следам, на этот раз заплатили за мое устранение каким-то отморожкам.

— Не знаю подробностей, но мне вновь пришлось вмешаться, чтобы тебя спасти.

— И тогда ты убил Икара?

— Не хотелось отходить от мифологической тематики. Я все устроил, чтобы тебя арестовали.

— Снова назначил мне встречу?

— Я разыскал тебя и договорился о встрече в каланке Сормью, пообещав сообщить важные сведения о твоём происхождении. Я и на этот раз позвонил в полицию. Но безо всякого результата. Зачем только мы платим налоги?

— А я снова потерял память. Какое-то время спустя я стал Матиасом Фрером.

— Ты поднакопил кое-какой опыт диссоциативного бегства. Твоя очередная личность была безупречна. С поддельными документами тебе удалось устроиться в ту больницу в Бордо. Людям, которым было поручено твое устранение, понадобилось больше месяца, чтобы тебя найти. Мне сообщили о твоей новой личности. Хотели узнать, возобновил ли ты свое расследование, расспрашивал ли других психиатров, ну и все в таком духе. Я сделал пару звонков. Был конец января. Ты полностью вжился в свою новую роль. В конечном счете она оказалась ближе всего к тому, кем ты был на самом деле. Я объяснил, что ты не представляешь никакой опасности, но они хотели замести все следы.

— И ты задумал убийство в Бордо?

— Я решил сыграть по-крупному. Минотавр! На этот раз я оставил твои отпечатки в ремонтной яме. Думал, полицейские в конце концов свяжут это убийство с Виктором Янушем. Ведь прежде тебя задерживали в Марселе. Там наверняка вспомнили бы об убийстве Икара. Тебя бы взяли за мифологические серийные убийства. Провели бы психиатрическое освидетельствование. И, учитывая состояние твоей памяти, признали бы невменяемым.

— Разве нельзя было придумать что-нибудь попроще, чтобы отправить меня в психушку? Обвинить в незначительном преступлении? Госпитализировать как душевнобольного?

— Нет. Тебя следовало поместить в одну из психиатрических больниц тюремного типа. Там бы убийцы тебя не достали. Я бы что-нибудь придумал, чтобы получить к тебе доступ и продолжить наблюдения. В твои бредни никто бы не поверил. Понемногу дело бы забылось. А я продолжил бы эксперименты над твоим разумом.

В безумии Туанена прослеживалась какая-то извращенная логика. Когда же наступит развязка? Быть может, прямо сейчас. Вне времени и пространства, в глубинах бункера. Но каким бы ни был исход, Кубела хотел получить ответ на каждый свой вопрос.

— Ты убивал своих жертв большой дозой героина. Где ты взял наркотик?

— Я сам его приготовил. Героин — производное морфина, а его у меня в клинике сколько угодно. Вот уже тридцать лет, как я создаю лекарства. Очистить героин для меня детская забава.

— Расскажи мне о Патрике Бонфисе. Как он оказался на вокзале в Бордо?

— Издержки нашей работы. Бонфис — из первого поколения испытуемых. Он стабилизировался в своей личности рыбака, и все о нем забыли. Но ему хотелось узнать о своем прошлом. Хотелось понять. Предпринятые им шаги привели его в мою клинику в Вандее, где он лечился уже не впервые. Я запланировал операцию, чтобы извлечь имплантат, предварительно введя ему большую дозу препарата. Таким образом я спасал ему жизнь.

— Но при этом он терял все. Свои воспоминания. Подругу. Работу.

— И что с того? За несколько часов до операции он впал в панику и сбежал, ранив нескольких санитаров.

— Телефонным справочником и разводным ключом.

— Дальше — почти смешно. Бонфис спрятался в грузовичке, том самом, которым я пользовался для своих жертвоприношений. И так, сам того не зная, я привез его в Бордо. Он гнался за мной по рельсам. Мы схватились в яме, мне удалось его уколоть. Я оставил его в смазочной, возле железнодорожных путей.

Все складывалось в более-менее связную картину, но не доставало главного звена.

— Почему ты во что бы то ни стало хотел спасти мне жизнь? Только потому, что я был твоим лучшим подопытным?

— Раз ты задаешь подобный вопрос, главного ты так и не понял. По-твоему, почему я выбрал мифы об Уране, Икаре и Минотавре?

— Понятия не имею.

— Каждый из них — это история сына. Сына-чудовища, разрушителя, неудачника.

Рев океана стал еще оглушительнее. Волны вздымались все выше, все сильнее. В конце концов они разнесут бункер. Из этого вихря вдруг возникла ошеломляющая истина.

— Ты хочешь сказать...

— Ты мой сын, Франсуа. В те времена, в диспансере, я был еще тот бабник, уж поверь мне. Не пропускал ни одной пациентки. Иногда я делал им аборт. А бывало, ставил опыты над зародышами. Вводил им свои препараты и смотрел, что получится. Хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, — сделай его сам!

Кубела уже не слушал. Последняя матрешка разломилась у него в пальцах. Он предпринял отчаянную попытку ускользнуть от самого страшного из кошмаров:

— А почему я не могу быть сыном Анджея Кубела?

— Посмотри на себя в зеркало, и получишь ответ. Потому-то Анджей

и порвал со мной, когда тебе было восемь. Из-за нашего сходства. Думаю, он все понял, но воспитал тебя как родного сына.

Теперь вся история приобретала иной смысл. Жан-Пьер Туанен считал себя богом. В сыне он видел полубога, наподобие Геракла или Миноса. В сыне, который постоянно от него ускользал, который пытался разрушить его творение. В сыне-разрушителе и неудачнике. Он был Минотавром Туанена, его тайным и чудовищным отпрыском. Его Икаром, захотевшим вознестись слишком близко к солнцу. Кроном, возжелавшим убить его, лишив сил...

Старик приблизился и схватил Кубела за затылок:

— Эти убийства — вроде жертвоприношений, сынок. У меня есть уникальные снимки...

Он замолчал: Кубела выхватил пистолет и ткнул дулом в складки его дождевика.

Туанен снисходительно усмехнулся:

— Если ты это сделаешь, она умрет.

— Мы и так все умрем.

— Нет.

— Нет? — Кубела снял палец со спуска.

— Я не собираюсь вас убивать. Вы можете спастись.

— На каких условиях?

— Если будете играть по правилам.

* * *

— Остался один выход, чтобы выбраться отсюда. На том конце базы, с южной стороны. Чтобы туда попасть, придется пересечь все десять ячеек, построенных немцами во время войны.

— Каких еще ячеек?

— Доков для немецких подводных лодок. Для знаменитых «U-boot».

Туанен потянул на себя дверцу, вырезанную в высоких металлических воротах. И тут же язык морской пены хлестнул ему в лицо. Не обращая внимания на брызги, он распахнул дверь пошире. Кубела увидел длинный водоем с платформами по краям. Над ним на десятиметровой высоте тянулся выкрашенный в белый цвет бетонный мостик, а чуть выше скрещивались металлические конструкции, поддерживающие крышу.

— Вы пойдете прямо по этому мостику, никуда не сворачивая. Он проходит над каждым доком: если вам хоть немного повезет, вы достигнете

противоположного края бункера.

— Вы?

— Ты и Анаис. Единственная трудность — это море. Сегодня ночью волны заполняют доки почти целиком, но, как видишь, здесь есть поручень, за который можно держаться.

— Ты дашь нам уйти?

— При одном условии. Ты пойдешь впереди, Анаис — за тобой. Если ты хоть раз обернешься, чтобы убедиться, там ли она, ей конец.

«Я называю ее Эвридикой». Ему и в самом деле выпала роль Орфея. Он мгновенно припомнил историю музыканта и его жены, погибшей от укуса гадюки. Орфей, вооруженный лишь своей лирой, перебрался через Стикс, очаровал Цербера и уговорил Аида, владыку подземного мира, отпустить Эвридику. Бог согласился, но при одном условии: на обратном пути Орфей будет идти впереди Эвридики и ни разу не обернется.

Конец всем известен. У самого выхода из царства мертвых Орфей не выдержал и оглянулся. Эвридика следовала за ним, но было поздно. Герой не сдержал клятву. Его возлюбленная навсегда исчезла в преисподней.

— А ты?

— Если сдержишь слово, я исчезну.

— Значит, здесь все и кончится?

— Для меня — да. А ты разберешься со своими проблемами в мире живых.

Наклонившись, Туанен взял с пола толстую папку, герметически упакованную в пластик.

— Твоя страховка на будущее. Выдержки из программы «Матрешка». Даты. Жертвы. Препараты. Ответственные.

— Полиция замнет это дело.

— Ну еще бы. Но только не СМИ. Смотри не разглашай эти сведения. Просто извести «Метис» о том, что доказательства у тебя. И что они хранятся в надежном месте.

— А твои убийства?

— В этой папке есть и мои признания.

— Никто им не поверит.

— Я перечислил кое-какие детали, известные лишь полиции и убийце. И приложил документы, подтверждающие, где и как я раздобыл материалы для каждой инсценировки. А еще там указано тайное место, где спрятаны мои дагеротипы.

— Что-что твое?

— Анаис тебе объяснит. Если выживет, то есть если ты будешь играть

по правилам.

Кубела покачал головой:

— С самого начала этой истории двое преследовали меня, чтобы убить. В конце концов я их одолел. Но их место займут другие.

— Поверь, все уляжется.

— Ты больше не намерен меня защищать? Засунуть в тюрьму или психушку?

— Ты все еще жив. Значит, тебе суждено выжить — со мной или без меня.

Кубела взвесил папку в руке. Может, там и правда есть все необходимое, чтобы вернуться к нормальной жизни. Не считая одной детали, самой существенной.

— А как же моя болезнь?

— Ты вытащил имплантат, так что препарат больше на тебя не действует. Нет причин, чтобы у тебя снова случилось диссоциативное бегство. Хотя ни в чем нельзя быть уверенным. Ты — незаконченный эксперимент. Спасай свою шкуру, Франсуа. И жизнь Эвридики. Пока это твоя главная забота.

Туанен направился к Анаис. Кубела понял, что старик не блефует. Он в самом деле готов их освободить. Бог-олимпиец, дарующий отсрочку двум смертным.

— А нельзя было начать с этой папки? — Он повысил голос, стараясь перекрыть волны. — Остались бы живы ни в чем не повинные люди.

— Не забывай о страсти богов к игре. И крови.

Туанен сорвал с Анаис капюшон. Казалось, ее губы обожжены раскаленным железом. От клея рот распух, кожа вокруг него была раздражена. Анаис походила на изуродованного клоуна. Тело расслаблено — она не в обмороке, просто дремлет.

— Ей ни за что не пересечь базу в таком состоянии.

Старик достал упаковку со шприцем. Зубами разорвал пластик и сунул иглу в крошечный флакон. Миг спустя вверх брызнул фонтанчик.

— Я ее разбужу.

— А путы?

— Они останутся. Это не обсуждается.

— Откуда мне знать, идет ли она за мной?

Туанен схватил Анаис за руку и всадил иглу.

— Доверие — единственное, что от тебя требуется. Это ключ, чтобы выбраться отсюда.

Кубела подумал, что у безумца есть собственная логика. Как и в своих

убийствах, он хочет дословно следовать мифу. Туанен поступит подобно Аиду, выпустившему Эвридику. Ну а ему самому надо избежать ошибки Орфея.

Главное — не оборачиваться.

Старик медленно надавил на поршень, потом вытащил иглу. Он шагнул к Кубела и указал на приоткрытую дверь, из которой все так же летела пена:

— Поднимайся вверх. При каждой волне задерживай дыхание. В конце доков тебя ждет свобода.

Кубела в последний раз взглянул на старого психа. На его лицо, обтянутое дубленой морщинистой кожей. Он словно увидел самого себя в древнем пятнистом зеркале. У него за спиной, похоже, зашевелилась Анаис.

— Ступай, — прошептал Туанен. — Через несколько секунд она пойдет за тобой.

— Правда?

Убийца подмигнул ему:

— Ответ ждет тебя на том конце бункера.

* * *

Давным-давно доки стали мертвой зоной, куда не заходили подводные лодки. Но этой ночью разъяренные волны вдохнули в забытые пещеры новую жизнь. Укрывшись за переборкой, Кубела замер на мостике и следил за развернувшейся внизу схваткой. Раз за разом водяной меч пронзал док, насыщая черной влагой каждую пядь бетона, и бешено отступал, молотя по стенам, заливая платформы морской пеной... Затем океан давал бункеру краткую передышку, прежде чем вторгнуться в него с удвоенной яростью.

За время паузы надо было преодолеть двадцать метров над бункером. И не откладывая: разбушевавшиеся волны вполне могли сорвать Кубела с его насеста и перекинуть через парапет.

Он дождался очередного затишья, чтобы добежать до следующей стены. Но просчитался. Пенящаяся вода застигла его посреди мостика. И повалила на пол. Из-за потрясения у него сохранились только основные рефлексы. Зажмуриться. Задержать дыхание. Всем телом припасть к мостiku, чтобы перебороть стихию.

Подождав, пока вода отхлынет, он поднялся и, спотыкаясь, бросился к следующей стене. Он промок с головы до ног. Папку он заткнул за пояс. Он

даже не знал, не потерялись ли пистолеты. Да и какая разница? Добравшись до укрытия, он спрятался за двухметровой толщины переборкой, отделявшей его от следующего дока. От грохота волн дрожали стены. Ему мерещилось, что на него ополчился сам океан. Идет ли Анаис за ним? При таком шуме ее шагов не расслышать. И ни в коем случае нельзя оборачиваться...

Прямо перед ним на новый отрезок пути обрушился очередной вал. Едва вода схлынула, Кубела устремился к следующей стене. Но и на этот раз не успел. Стоило ему выйти из укрытия, как волна приподняла его. Что было сил он вцепился в перила — свою последнюю опору...

Волна отступила. Вернулся воздух. Кубела повис над бездной по ту сторону перил, но не ослабил хватку. Отчаянным усилием он забросил ногу на парапет и успел зацепиться за его край. Первая победа. Одним рывком он перекинул через перила ногу, затем бедра и торс и тяжело рухнул на мостик, оглушенный, мокрый, дрожащий. Руки как будто отнялись. От соли он почти ослеп. И оказался по колено в воде. В ушах, во рту — всюду была вода.

Отбросив всякие расчеты, он, словно робот, двинулся к следующему доку. Намокшая одежда весила тонну. Анаис? Он чуть было не оглянулся через плечо, но в последний миг удержался. У Туанена наверняка есть способ следить за ним и проверять, соблюдает ли он условия сделки.

Четвертый док. Он преодолел и его. Голова как в огне. Из глаз текут слезы. Его трясло от холода. Не потерялась ли драгоценная папка? Он даже не знал, что ему дороже: папка или жизнь. Хотя на самом деле это одно и то же.

Пятый док. Его снова терзали сомнения. Идет ли за ним Анаис? Кубела охватила паника. Вдруг Туанен бежал, взяв ее в заложницы, — а он пляшет под его дудку и боится обернуться. Он уже собирался проверить свою догадку, но остановился. Нет. Он не повторит ошибку Орфея...

Он подходил к шестому доку, когда под крышей снова загрохотало. Вода подступила к нему почти вплотную и нанесла удар, вынудив присесть на корточки и вжаться в стену спиной. Волна преследовала его, забираясь в каждую щель, но он вцепился в бетон и выстоял. Когда вода отхлынула, он двинулся за ней по пятам. Едва он преодолел очередные двадцать метров, как позади вздыбился новый вал. Наверное, Анаис осталась за переборкой. Или под ней. Выдержит ли она натиск? Сумеет ли ухватиться за перила своими связанными руками? Один взгляд... Только один...

Волна помешала ему повернуться. Вода пенилась, поднималась, крутилась вокруг, снова и снова заливала его с головой. Он почувствовал,

как течение вырвало папку у него из-за пояса. Потянулся за ней, но тут же опомнился. Чтобы удержаться, ему нужны обе руки. Когда вода отхлынула, он понял, что у него осталось только дыхание, но и это уже много.

Кубела кинулся к следующему доку. Он сбился со счета. Седьмой? Девятый? Добрался ли он до конца базы? Анаис. У него лишь один шанс из трех. Либо она следует за ним, он не обернется, и оба они уцелеют. Либо ее там нет, и тогда он уже проиграл. Или она там, и он совершит ошибку, оглянувшись на нее. Один лишь короткий взгляд...

И вдруг он осознал, что перед ним глухая стена. Следующего дока не будет... Он достиг места назначения. Он посмотрел вниз, на платформы, и заметил под лестницей приоткрытую дверь. Туанен не солгал. Выход там, в каких-то нескольких метрах у него под ногами. Осталось только спуститься вниз и бежать.

Но это будет поистине схождение во ад. Немыслимо не помочь Анаис... Не пройти последние метры вдвоем... Он обернулся и увидел ее на другом конце мостика. Ее темные глаза, белую кожу. Вспомнил, как увидел ее впервые. Крик. Молоко. Алиса в стране кошмаров...

Кубела понял, что проиграл. Точно как в мифе. В этот миг за спиной у Анаис возник убийца. На нем снова была его маска. Лицо перекошено, рот прорезает его циркулярной пилой. Убийца закутан в плащ с длинным мехом, словно анатолийский пастух. Он вздымает над головой варварское оружие, то ли выкованное из бронзы, то ли вытесанное из кремня.

Кубела кинулся к нему — и опоздал. Туанен опустил свой топор. Но прежде чем острие коснулось черепа Эвридики, слепой вал обрушился на мостик. Океан одним махом унес и палача, и его жертву.

Кубела едва хватило времени подумать: «Волна размером с дом». Ни человек, ни бог не устоял бы перед тысячами кубических метров разбушевавшейся воды... Его тоже смыло. Швырнуло головой вниз через парпет, прямо в бездну.

* * *

В глубине бурлящего водоворота Анаис словно лишилась рук и ног, хотя и безо всякой боли. Она плыла, двигалась, извивалась, но все впустую. Она растворялась в волне. Таяла в ней, становилась текучей, длинной, гладкой...

И вдруг она увидела дагеротипы. Те, что показал ей Туанен, прежде чем усыпить ее. И светлые, и темные одновременно. Сквозь этот контраст

на нее взирали жертвы. Минотавр. Икар. Уран... Их застывшие лица сверкали в воде, будто светящиеся водоросли. Герои мира богов и легенд. Она подумала, или ей это только показалось: «Я умерла». И тут же: «Мне это снится».

Волна прогнала видения. Приподняла Анаис, перевернула, швырнула на землю. Затем в пенном грохотании проволокла ее по бетонным стыкам. Анаис попыталась понять. Море вдохнуло ее, вытянуло из бункера, потом закинуло на несколько метров выше — на плоскую жесткую поверхность. Крыша базы. Пусть самым грубым способом, но Анаис вырвалась из западни.

Первая ее мысль была о Фрере. Где он? Она шла за ним по мостику, преодолевая ярость волн. Держалась как могла. Фрер не оборачивался. Он сдержал слово. Мысленно она благодарила его. Туанен следовал за ней, подстерегая своего Орфея, — злой гений, жаждущий крови, готовый завершить миф ожидаемой развязкой. В последний миг Фрер не выдержал. Он взглянул на нее. В памяти отпечатался его потрясенный, отчаянный взгляд, когда он понял, что проиграл...

Волна с разбегу ударилась о бетонную перегородку. Пузырьки взорвались в голове Анаис фейерверком звезд. Сама не зная как, она оказалась на ногах. Она вновь ощущала свое тело, свою силу, свои конечности. Вода, которая секунду назад была твердой как камень, лужей растекалась у ее ног, отступая, исчезая в шуме пены.

Она пыталась сориентироваться. Да, она в самом деле стояла на крыше базы для подводных лодок, окруженная высокими бетонными переборками, словно терраса была разделена на отсеки. Видимо, система амортизации при прямом попадании бомб, сооруженная в те времена, когда побережье бомбили союзники. И как ни странно, между этими блоками росли деревья — все вместе напоминало заброшенную тюрьму в джунглях.

Она пошла вдоль стены, раздвигая ветки, так что куски коры летели ей в лицо. Где убийца? Где-то в этом лабиринте. Руки по-прежнему были стянуты нейлоновым хомутом. Она спотыкалась, пытаясь сохранить равновесие. Вода врезалась в щиколотки с той же силой, что и путы у нее на запястьях. Надо спешить. Отыскать выход. Найти лестницу. Спуститься на набережную. Вдали море уже собиралось с силами для нового удара.

За одним из углов она обнаружила выход. Перед ней простиралась другая часть крыши, плоская как паперть, растрескавшаяся, словно земля после землетрясения. Она посмотрела налево и увидела гавани, сбившиеся в кучу грузовые корабли, буксиры с мигающими огоньками. Не раздумывая, она двинулась в противоположную сторону. Подальше от

воды. Поближе к парковкам и складам.

Она упала в лужу. Поднялась. От края крыши ее отделяло каких-то тридцать метров, когда волна обрушилась, швырнув ее вперед. Она думала, что перелетит через край, но та же сила оттащила ее назад, в исходную точку.

Анаис задыхалась. Она оказалась игрушкой в могучих руках стихии. Скорчившись, она кое-как замедлила скольжение и сумела поднять голову над водой. Вольный воздух. Склеенные губы не давали ей дышать ртом. Она изо всех сил вдохнула через ноздри. Соленые ручьи жгли носоглотку. В ушах шумело, как в раковинах. Во что бы то ни стало надо добраться до края, прежде чем вернется волна и толкнет ее в пропасть. Игра была обоюдоострой. Край крыши мог даровать ей и спасение, и верную смерть.

Она пыталась ускорить шаг, но безуспешно. Позади нее нарастал рев, вздымаясь, как театральный занавес. Двадцать метров. Она искала взглядом ступеньки, лестницу, хоть что-нибудь, чтобы спуститься вниз. Десять метров. Грохот следовал за ней по пятам. Вот-вот накатит волна, разбежится, коснется ее... Тогда падения не избежать.

Но ее подстерегала другая опасность.

Справа от нее возник убийца. Лицо его искажала рваная ухмылка. Он размахивал кремневым топором. Две смерти предстали перед ней. С одной стороны — волна и бездна. С другой — убийца и его оружие. Она бросилась на Туанена. Головой ударила его в живот, заставив согнуться пополам. Они покатались по крыше. Анаис оказалась быстрее: вскочив, она оценила обе угрозы. Накатывавшую волну и поднимавшегося убийцу с Олимпа...

Это было как знак. Подсознательный зов. Что-то подсказало ей повернуть голову влево. Там торчали утопленные в платформе концы стальной лестницы. Две руки, распахнувшие ей объятия. Она бросилась туда. Убийца мчался следом, воздев топор.

То было последнее, что она увидела. Волна поглотила их обоих. Анаис зажмурилась. Пена впиалась в нее тысячью пальцев. В талию, грудь, голову. Приглушенный мир воды. Каменный скрежет. Не пасть под ударами убийцы — уже победа. Но для окончательной победы — остаться в живых — ей не хватало сил.

Последней ее мыслью стала линия жизни на мониторе — зеленая, светящаяся и безнадежно прямая. В глубине барабанных перепонек отчаянно пищал сигнал тревоги. Но и он уже отдалялся, перекрываемый черным шумом океана...

Она очнулась от удара в спину. В вспышке озарения поняла, что

лестница уходит из-под ног. Сама не зная как, она извернувшись, задвигала руками и вслепую зацепилась за прутья. В следующий миг она повисла над бездной, обливаясь водой, отчаянно размахивая ногами. Море ее отвергло. Ей удалось нащарить опору. Она чувствовала себя оглушенной, но поразительно обновленной, омытой, возрожденной.

У нее онемели пальцы, подгибались ноги, и все же она спускалась, что было сил дыша через ноздри, опаленная изнутри соленым пламенем моря. Вниз и снова вниз. Казалось, спуску не будет конца.

Она бы неминуемо упала, если бы прутья вдруг не сменились землей. Сама себе не веря, она зашаталась. Под ногами была суша. Впереди — железнодорожные пути. Цистерны. Темные здания. В глазах помутилось. Она утратила равновесие. Когда колени коснулись цемента, она увидела его. Монстру повезло меньше, чем ей. Его изломанное тело сливалось с бетоном, словно изрыгающая кровь пиявка. Череп под капюшоном раскололся. Ткань напоминала отвратительный мешок с мозгами.

— Вы в порядке, мадемуазель?

Мужчины в дождевиках. Электрические фонари. Голоса, приглушенные хлопающими на ветру капюшонами. Один из парней заметил хомут Колсон, стягивающий ее запястья. Указал на него напарнику. Она попыталась что-то сказать, но губы были безнадежно спаяны.

Она подумала о своем герое. Где он? Выжил или сгинул безвозвратно? Мужчины помогли ей подняться. Надо предупредить их. Сказать, чтобы искали Матиаса Фрера. Виктора Януша. Нарцисса. Арно Шаплена. Франсуа Кубела...

Но в ее мыслях у него было другое имя. Она хотела его позвать. Вернуться назад. Спасти его.

Она не переставая твердила:

— Орфей... Орфей... Орфей...

Но ни звука не вырывалось из ее запечатанных уст.

* * *

Последствия урагана отражались в лужах, стеклах, едва утихших гаванях. Светило солнце, и так было еще хуже. Его лучи высвечивали все следы разрушений. Повсюду сверкала вода, но каким-то печальным, угрюмым, погребальным блеском. А теплое солнце казалось лихорадкой, источающей болезнь, мучительное выздоровление, смерть.

Он наполовину выкарабкался из рухнувших деревьев и предпочел не

задумываться о том, как очутился в этом убежище. Наверняка случайное укрытие. Подтянувшись, взобрался на какой-то ствол и оглядел окрестности. Огромные лопасти поваленных ветряков. Лежащие на земле подъемные краны. Всплывшие машины, бившиеся одна о другую на затопленной стоянке. Обломки деревьев, словно трупы, покачивались на воде. Удручающее зрелище.

Схватившись за свисавший кабель, словно за страховочный трос, он соскользнул со ствола и шлепнулся на асфальт. Ноги его не держали. Тело превратилось в студень. Он с трудом поднялся, и тут ему открылись новые опустошения. Земля была усыпана камнями, снастями, кусками мачт. Дорожное покрытие все в разломах. Вывернуты целые пласты асфальта. Грузовые корабли в гавани проделали бреши в берегах. Таможенное судно ушло носом под воду, другое легло на борт...

Он побрел по набережной, обходя вывороченные плиты, обрывки парусов, обломки дерева, куски железа. Сидя на разгромленном причале, моряки держались за головы. Потрясенные жандармы и спасатели прикидывали нанесенный ущерб. Здесь царила тишина, смешанная с ужасом. Природа сказала свое слово. Ответить было нечем.

У него закружилась голова. Он остановился, наклонился вперед, упираясь руками в колени. Он — всего лишь обломок в куче других обломков.

— Вы в порядке, месье?

Он поднял голову, пытаясь понять, откуда прозвучал голос. Перед ним стояли двое спасателей в черных теплых куртках со светящимися повязками.

— Как вы себя чувствуете?

Он не ответил, не уверенный в своих ощущениях.

— Откуда вы? Где вы живете?

Он открыл было рот, потом почувствовал чью-то руку у себя на плече. На долю секунды, пораженный солнцем, он потерял сознание.

— Назовите ваше имя.

Он молча смотрел на них. Пытался понять, что с ним не так. Что именно превратило его в настоящую жертву кораблекрушения. И ураган тут был ни при чем.

— Месье, как вас зовут?

Наконец он понял. И с извиняющейся улыбкой прошептал:

— Понятия не имею.

---

notes

Примечания

Камилла Клодель (1864–1943) — известный скульптор, сестра писателя Поля Клоделя, ученица и подруга Огюста Родена, умерла в сумасшедшем доме, утверждая, что Роден присвоил ее идеи.

Пелота — баскская игра в мяч.

«Подняться» (*англ.*).

Крав-мага — израильская военная система рукопашного боя.

«Всё на своем месте» (*англ.*).

Тунисская улыбка — разрез от уголка рта до уха (пытка или способ убийства).

«Лабиринт личности» (англ.).

«Дикие лошади» (англ.).

«Идеальный день» (англ.).

Здесь: недвусмысленный (исп.).

Электрострекало для скота, использовавшееся как орудие пытки (*исп.*).

Фронтон — стена и поле для игры в пелоту.

Площадка для испытания и отбора животных для корриды (*исп.*).

Mayoral, conocedor — старший пастух (*исп.*).

Здесь: четырехлетка (исп.).

Сухой корм (*исп.*).

Банковская карта с открытым кредитом.

Bonfils (*фр.*) — bon (хороший) и fils (сын).

Пикет — вино из виноградных выжимок.

В 2004 г. во Франции состоялся нашумевший процесс по обвинению 17 человек из деревни Утро в развратных действиях по отношению к детям. В ходе процесса стало ясно, что большинство обвиняемых невиновны.

Нравится? (исп.)

Отче Наш, сущий на небесах, / Да святится имя Твое, / Да придет Царствие Твое, / Да будет воля Твоя и на земле... *(исп.)*

Каланка — узкая бухточка ледникового происхождения в скалистом берегу.

«У меня такое чувство» (англ.).

Здесь: «Дрянной роман» (англ.).

Войдите! (нем.)

Спид — наркотик из группы стимуляторов.

Мутный приход (*англ.*).

Вера (англ.).

Здесь: Договорились! (англ.)

«Ателье» — сеть ресторанов, созданная кулинаром Жоэлем Робюшоном.

Отель-Дьё (букв.: «Божий приют») — старейшая парижская больница, основанная в 651 г. святым Ландериком Парижским, прославившимся своей заботой о нищих. Со времени создания до эпохи Ренессанса — единственная больница в Париже.

«Ладюре» — сеть дорогих кондитерских.

«И я сказал: нет, нет и нет, / леди Дня...» (англ.)

Экспресс-знакомство (*англ.*): участники выбирают себе пару после короткого знакомства со всеми по очереди.

«Дети Дон Кихота» — движение за права бездомных и принятие закона, гарантирующего каждому гражданину Франции право на жилье.

Здесь: интернет-знакомства (англ.).

В реальности (*англ.*).

«Баунти» — английский корабль, на борту которого в 1789 г. вспыхнул мятеж.

Шлюп джи-класса «Кубок Америки» *(англ.)*.

«Колумбия» (англ.).

«Гретель» Сиднейского королевского яхт-клуба, «Южный Крест» Пертского королевского яхт-клуба, «Бесстрашный» Нью-Йоркского яхт-клуба (*англ.*). Все перечисленные корабли — участники престижнейшей регаты на кубок «Америки».

Табарли Эрик — знаменитый французский яхтсмен, в 1998 г. погиб в Ирландском море. «*Pen Duick*» — по-бретонски «синица».

Лови день (*лат.*).

От таитянского vahine — женщина.

Змея (исп.).

Клаудия и Сандра навсегда (*исп.*).

Лучше поздно, чем никогда (*сербохорват.*).

Дурак (*сербохорват.*).

Твое здоровье! (*сербохорват.*)

Медленно (*сербохорват.*).

Здесь: точно (сербохорват.).

Если угодно Аллаху (*араб.*).

Два фильма о мадам Клод, содержательнице борделя, поставившей высокопоставленным чиновникам девушек по вызову, основаны на реальных фактах.

Да благословит тебѣ Аллах! (*араб.*)

Печально, как говорится, но факт:
Близок ее конец.
Как тут поможешь? Увы, никак... (англ.)

(Перевод А. Курт)

«Голубая лагуна» (англ.).

Восьмидесятые (*англ.*).

Здесь: скромница (англ.).

Пари-Пляж — участок на Правом берегу Сены, который в летнее время превращают в пляжи и площадки для игр и развлечений.

Посредник (*англ.*).

92 — порядковый номер департамента О-де-Сен в регионе Иль-де-Франс.

Покойся с миром (*лат.*).

На краю смерти (*лат.*).

Фамилия Фрер созвучна французскому frère — брат.

В утробе (*лат.*).